НИКИТА ХРУЩЕВ: КРИЗИСЫ И РАКЕТЫ

2



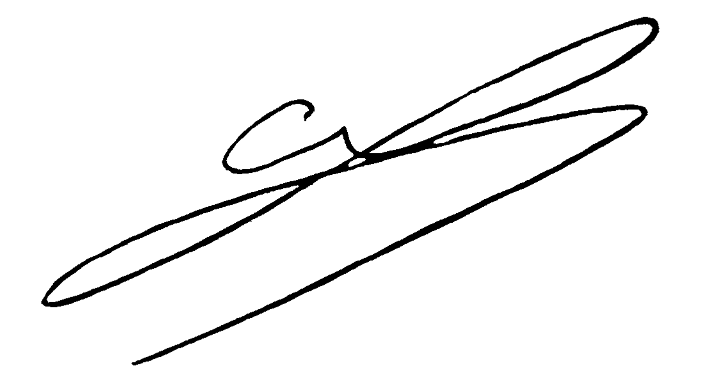
ВРЕМЯ·СОБЫТИЯ·ЛЮДИ

Сергей Хрущев

Никита Хрущев: кризисы и ракеты

Новости


ВРЕМЯ·СОБЫТИЯ·ЛЮДИ



СЕРГЕЙ ХРУЩЕВ

НИКИТА ХРУЩЕВ: КРИЗИСЫ И РАКЕТЫ

Взгляд изнутри

ТОМ 2



Москва, 1994

ББК 66.4 (2)
Х95

В книге использованы фотографии
из семейного альбома автора



5

Когда наша компания приехала к отцу в Крым, ему уже доложили о нарушении воздушного пространства неопознанным самолетом. Знали о неприятном событии и гости.

Слухи о происшедшем переполнили наш секретный мир. Чего только не рассказывали. Ссылаясь на компетентные источники, один из моих коллег по конструкторскому бюро, например, утверждал, что пилотировал самолет негр.

На самом деле достоверная информация отсутствовала, за исключением разве что даты и маршрута полета. Да и то задним числом. Самолет пересек границу 9 апреля 1960 года. Шел он со стороны Пакистана. Засекли его с опозданием, а сбить практически не пытались. Точнее, не нашлось чем. Маршрут полета пролегал вдали от аэродромов ПВО. Первые перехватчики конструкции Сухого Т-3, способные преодолеть заветную двадцатикилометровую отметку, начинали поступать в войска, но их направляли на западные границы, в азиатской глубинке о них пока знали только понаслышке.

Я не знаю точного маршрута полета нарушителя. Известно, правда, что, миновав Тюра-Там, У-2 долетел до Семипалатинска, сфотографировал ядерный полигон. Никто ему не противодействовал. Только недавно я прочитал в одном из журналов, что к Свердловску из Перми срочно направили на перехват МИГ-19. До цели он не долетел — разбился, летчик погиб.

Из Семипалатинска У-2 направился к озеру Балхаш. Следующей его целью оказался тамошний полигон войск ПВО. На одной из площадок заканчивались

испытания новых зенитных ракет, способных поразить самолет на большой высоте. Однако ракет в боевом снаряжении на пусковых установках не оказалось. В подготовленных к запуску двух изделиях на месте взрывчатки стояла аппаратура, фиксирующая величину промаха. Оно и естественно, никто не рассчитывал на появление реальной цели. За время, предшествующее появлению У-2 над полигоном, сделать ничего не успевали. У испытателей появилась шальная мысль — стрельнуть по нарушителю, но от нее быстро отказались: вероятность прямого попадания равнялась нулю, а впустую терять драгоценные изделия, срывать испытания не решились. Боевыми средствами ПВО полигоны не защищались.

Наше совещание не уложилось в один день, и отец предложил перенести его окончание на завтра. Гости стали прощаться. Мы проводили посетителей до машины, отец помахал на прощание рукой, и мы вдвоем отправились на прогулку. Не стану отрицать, что в тот момент нас обоих больше всего занимал нарушитель границы. Полчаса мы ходили молча. Потом отец задал вопрос о каких-то подробностях, связанных с совещанием, попросил уточнить цифры. Я старался отвечать точно и кратко.

Отец поинтересовался, когда я думаю возвращаться в Москву, я ответил, что все зависит от Челомея. Отец предложил задержаться на пару дней.

— С твоим начальством я попробую договориться, — пошутил отец.

Тема поменялась, и я спросил: «Как же ПВО упустила самолет?»

— Проспали, — отец употребил более грубое слово.

О подробностях он не упомянул, ему не хотелось говорить о неприятном. Я рассказал о телеметрических ракетах на Балхаше, посетовал, что такой важный и секретный объект теперь полностью раскрыт американцами. Отец согласился, что на полигонах надо установить средства ПВО, поставить зенитные ракеты, забазировать самолеты.

— Все это раньше следовало делать. Теперь они своего добились, когда еще сунутся? — не то что с сожалением, а скорее с досадой сказал отец.

Ему так хотелось проучить наглецов, и теперь, когда имелась возможность, произошел досадный сбой. Снова приходилось глотать горькую пилюлю. Я спросил, собирается ли МИД направить официальный протест? Мне казалось, что раз мы способны сбить нарушителя, то официальную ноту уже нельзя считать свидетельством слабости.

Отец не ответил впрямую, заговорил о том, что вообще не может найти объяснения причинам посылки разведывательного самолета на нашу территорию в такой момент, после успешного визита в США и перед совещанием в Париже. Он не допускал, что подобную акцию мог санкционировать президент. Зачем это ему нужно?

У президента США нет оснований не доверять ему. Верит же он сам в добрые намерения Эйзенхауэра! Другое дело, что получится. Возможностей договориться пока немного. Не выйдет в этот раз, подождем до следующего. Идея мирного сосуществования не может не победить.

Отец считал, что санкцию на полет, не спросив президента, дал Аллен Даллес. То, что братья Даллесы не очень считались со своим президентом, он допускал. Отец вновь вспомнил злосчастные листочки, подкладывавшиеся Джоном Даллесом президенту на совещании в Женеве.

Отец начал заводиться: «В голову не придет Андрею Андреевичу совать записки своему Председателю Совета Министров. Каждый должен знать свое место». Отец перевел дыхание и уже другим, спокойным тоном произнес, что все это не случайно. Тут дело не в одном неуемном любопытстве разведчиков. Кто-то хочет продемонстрировать миру накануне совещания нашу слабость.

— Громыко подготовил ноту протеста, все как полагается, — продолжал отец, — но мы ее отставили, зачем доставлять радость нашим врагам.

По его мнению, протест не мог сыграть положительной роли. Неизбежные резкие слова не помогут спокойному поиску решений в Париже. Только втянемся в перепалку. С его точки зрения, протест подтолкнет американцев к разговору с позиции силы, а это неизбежно приведет к конфронтации. Куда ни кинь — одни убытки.

Отец считал, что повторения провокации не произойдет. Аллен Даллес не решится скрыть от президента факт уже свершившегося разведывательного полета. Отец не сомневался, что подобная акция не получит одобрения со стороны Эйзенхауэра.

В общем, по предложению отца Президиум ЦК решил дипломатических демаршей не предпринимать. Одновременно строго указали министру обороны маршалу Малиновскому. В войска ушла директива: усилить внимание; ракетные подразделения противовоздушной обороны привели в боевую готовность, ракеты снарядили боевыми частями, истребителям ПВО установили круглосуточное дежурство на аэродромах. Как обычно, мы изготовились после, а не «до».

Вокруг этой акции У-2 в апреле и в мае 1960 года остается много неясного. Я склоняюсь к мысли, что отец не ошибался в своих рассуждениях, по крайней мере в значительной степени. Так, по свидетельству Мишеля Бишлосса, президент Дуайт Эйзенхауэр как мог противился полетам У-2. Несмотря на давление, он проявлял твердость. Эйзенхауэр считал, что ничто не заставило бы его обратиться к конгрессу с просьбой об объявлении войны быстрее, чем нарушение воздушного пространства советским самолетом.

Кроме того, президент опасался, что случайное падение самолета в результате аварии, не говоря уже о поражении его средствами ПВО, нанесет серьезный урон престижу Соединенных Штатов.

Я внимательно прочитал эту интересную книгу. Места, касающиеся инцидента в мае 1960 года, перечел дважды и трижды, но не нашел для себя убедительного объяснения, для чего требовалось посылать самолеты именно тогда, в апреле и мае 1960 года?

Говорят, что при полете 9 апреля американцы хотели сфотографировать сооружение старта первой советской межконтинентальной ракеты в Тюра-Таме. Кому угрожал этот единственный старт? Какая необходимость заставляла фотографировать его перед встречей в верхах?

Встреча в Париже нарушала планы ЦРУ, тут трудно возразить, планируемый визит президента в Советский Союз не добавлял оптимизма в Лэнгли. Мишель Бишлосс приводит следующие слова государственного секретаря Соединенных Штатов Кристиана Гертера:

«Я, как все другие в те дни, все время думал о встрече в верхах. Настоящей проблемой было: насколько срочно требовалась информация и какое время года для ее получения предпочтительнее. С технической точки зрения выбранный период был лучше любого другого. С дипломатической точки зрения мне казалось, что в связи с намерением президента посетить позже Россию возникнут сложности».

Для полета 1 мая выбрали маршрут, уже опробованный в мае 1957 года. Из Пешавара (Пакистан) У-2 направлялся в Тюра-Там. Отсюда путь лежал к Свердловску, точнее к Челябинску-40, центру атомной промышленности. По дороге надлежало сфотографировать несколько военных аэродромов. Следующей и главной целью считался Плесецк. Там, по данным ЦРУ, сооружалась стартовая площадка межконтинентальной ракеты. (Напомню: два старта «семерки» в Плесецке заступили на боевое дежурство в декабре 1959 года, еще два предполагалось сдать в 1961 году.)

От Плесецка уже рукой подать до Норвегии, до аэродрома в Боде.

Никак не могу согласиться, что осмотр этих в общем-то достопримечательных местностей оказался настолько необходим, чтобы поставить под удар совещание в верхах. Конечно, разведка живет своей жизнью, она руководствуется своими, часто недоступными непосвященным правилами. На основе добытых с риском для жизни данных строятся диаграммы, делаются оценки, и, возможно, кому-то потребовалось еще несколько точек и цифр.

Столь же сомнительным представляется объяснение: в Вашингтоне считали, что советское руководство смирилось с полетами У-2. В качестве обоснования приводилось отсутствие протеста после происшествия 9 апреля. Якобы это подтолкнуло на повторный полет. Рассуждения, извините, звучат уж очень по-детски.

На то, что все это было затеяно неспроста, наводит и день проведения операции — Первомайский праздник. Все как бы настраивалось на одну ноту: уязвить посильнее отца, заставить его сорваться.

Можно, конечно, принять и иную точку зрения: в праздник легче пробраться незамеченным. Верно, если бы это произошло впервые. Невозможно предположить, что растревоженная дерзким нарушением

границы противовоздушная оборона так быстро успокоится, снова заснет.

Первомай радовал теплой погодой и ласковым солнцем. После завтрака предстоял поход на Красную площадь: отцу — на трибуну Мавзолея, нам же выписывали пропуска на одну из левых боковых. Так повелось еще со сталинских времен.

Отец спустился вниз в начале девятого мрачный, настроение у него было явно не праздничным. Он молча сел за стол. Зазвенел ложечкой в стакане с чаем. Мы тоже приумолкли, как-то угасли. Никто не спросил: «Что случилось?» Если можно — сам скажет. Мало ли что может произойти в обширном государстве, о чем дома знать не положено.

К примеру, до последних лет уже нынешней эпохи гласности я ничего не знал о взрыве ядерных отходов в 1957 году в Челябинске-40. Читал об этом уже после смерти отца в западной литературе и колебался — верить или нет. Казалось, если такое случилось, слухи не могли меня миновать. А не дошли.

...Отец торопливо допил чай, он хотел успеть в Кремль пораньше, там уже собрались члены Президиума ЦК.

Значит, случилось что-то серьезное! Но что?

Я пошел проводить отца до машины. За высоким каменным забором резиденции звучали песни, громкоговорители на Воробьевском шоссе работали на полную мощность. Обычно в праздник отец всех подвозил до Кремля, на сей раз нам предстояло добираться самостоятельно.

Уже у ворот отец поделился новостью.

— Опять перелетали. Там же, — зло сказал он.

— Сколько? — поинтересовался я.

— Как прежде, — один. Идет на большой высоте. На сей раз его засекли у границы еще на той стороне. Мне Малиновский позвонил на рассвете, часов в шесть. — Больше отец и сам ничего не знал.

На ночь отец переключал «кремлевку» в спальню. Аппарат стоял у него на тумбочке у изголовья. На всякий случай.

Мы подходили к машине.

— Собьют? — спросил я.

— Глупый вопрос, — отпарировал отец. — Малиновский сказал, что они поднимают авиацию, «75-е»

привели в боевую готовность. Уверяют, что собьют, если не проворонят. Сам прекрасно знаешь, Т-3 у нас мало, а на такой высоте у ракет радиус действия невелик. Все зависит от случая: если напорется, если не проворонят, — повторил он слова министра обороны, — если попадут...

— А сейчас он где? — я спешил задать последний вопрос, отец уже приготовился нырнуть в открытую дежурным начальником охраны дверь ЗИЛа.

— В районе Тюра-Тама. От границы взял курс прямо туда, а куда свернет дальше, кто знает? — закончил отец и сел на переднее сиденье лимузина.

Машина тронулась, я, обескураженный, вернулся в дом. О том, чтобы «выдать тайну» домашним, не было и речи. На сердце скребли кошки: «А вдруг не собьют?»

На Красной площади мы появились около половины десятого. Трибуны быстро заполнялись людьми. На них из года в год собиралась постоянная публика: генералы, авиационные и иные оборонные конструкторы, работники Совета Министров и Центрального Комитета. Я отыскал в толпе заведующего оборонным отделом ЦК Ивана Дмитриевича Сербина, мы с ним познакомились во время смотра ракетной техники позапрошлым летом в Капустином Яру.

Он сообщил последние сведения: нарушитель беспрепятственно достиг Тюра-Тама, повертелся там, выбирая поудачнее ракурсы для фотографирования, и полетел дальше, на север. По всей видимости, он держал курс на Свердловск. Сербин высказал предположение, что в отличие от прошлого раза он, похоже, не намерен возвращаться в Пакистан, а направится прямиком через всю страну в Норвегию или Англию. Тогда он сможет захватить еще Плесецк, Архангельск, Северодвинск, Североморск.

Получалось, что за один полет шпион выведает бездну секретов.

— А почему его в Тюра-Таме не сбили? — поинтересовался я.

Сербин только махнул рукой: «Вечно у них в ПВО что-нибудь происходит. Теперь пишут объяснения. Праздник...»

А случилось следующее: полигон охраняли три дивизиона «75-х», немного для столь обширной территории. Истребителей там не держали вовсе.

Американскому летчику повезло. Я же ошибся, ПВО хватило трех недель, чтобы успокоиться. Один из дивизионов перед Первомаем сняли с дежурства, пришла пора регламента. Естественно, в праздник никто не работал, солдаты сидели в казарме, офицеры разъехались кто куда. Самолет прошел над его позицией и спокойно полетел дальше. Два других дивизиона располагались в дальних углах полигона. Их успели привести в боевую готовность, теперь оставалось уповать только на удачу. Но судьба покровительствовала американцу. Самолет-нарушитель приближался к пределу дальности пуска ракет, его уверенно вели локаторы. Еще несколько секунд. Еще... Но тут самолет отвернул. Больше к батареям Пауэрс не приближался. Путь его пролегал дальше на север.

— Если пойдет на Свердловск, — продолжал Сербин, — напорется и на зенитные ракеты, недавно там разместили несколько дивизионов «75-х», и на перехватчики, туда перебросили полк МИГ-19 из Перми. Но на них надежд мало. Случайно еще на аэродроме оказалась пара Т-3, но без летчиков. Самолеты перегоняли с завода в часть, и они там остались на праздники. Пилотов ищут, но найдут ли? Праздник. Если разведчик прорвется за Свердловск, то следующая возможность перехватить его представится только в Архангельске, затем — Североморск. Между ними чисто. В Плесецке, правда, стоит дивизион «75-х», но никто не знает, в готовности он или тоже на «регламенте».

— Может уйти, — посетовал я.

— Может, — отозвался Иван Дмитриевич.

— А как мы узнаем? — Мне не терпелось.

— Бирюзов у себя на командном пункте. После Свердловска придет, расскажет, — успокоил Сербин.

Ничего себе, успокоил. Мне казалось: они все смирились с тем, что нарушитель уйдет.

На командном пункте ПВО страны нарушителя вели от самой границы. Пока безрезультатно. Бирюзов сидел за большим столом, перед ним всю стену занимал подсвеченный экран — карта страны. По ней рывками двигался маленький ненавистный самолетик. Его передвигал сидевший с тыльной стороны экрана сержант. Каждые несколько минут ему приносили новые данные о координатах, скорости и высоте полета нарушителя. В паузах между сообщениями сержант

управлял иностранным разведчиком по наитию, поэтому порой самолетику приходилось возвращаться. Это означало, что Пауэрс сменил курс.

Рядом с главнокомандующим по левую руку сидел командующий авиацией ПВО маршал авиации Евгений Савицкий, сегодня его позывной звучал зловеще — «Дракон», справа — генерал-полковник Павел Кулешов, ему подчинялись зенитная артиллерия и ракеты. За спиной начальства сгрудились офицеры штаба.

Самолетик, удаляясь от Тюра-Тама, перемещался к северу, забирая чуть к западу. Бирюзов надеялся, что он не свернет, не минует регион, где сосредоточена атомная промышленность.

Расположенные вокруг Свердловска ракетные дивизионы, изготовившись, ожидали цель, но начать предстояло авиации.

Савицкий пока никак не мог добиться от подчиненных, что там происходит. Сообщали: перелетевшие из Перми МИГ-19 срочно заправляются, а пилотов с Т-3 пока не удалось разыскать. У-2 шел на Свердловск. Конечно, в последний момент все могло случиться.

Наконец доложили: одного из летчиков, капитана Митенкова, перехватили в последнюю минуту на автобусной остановке. Бегом понеслись в штаб. Там капитана огорошили: «Москва приказывает немедленно взлетать, самолет противника на подходе. Высота более двадцати километров. Вся надежда на Т-3 и на него, Митенкова».

Пилот попытался объяснить: самолет не вооружен, и сам он лететь не готов, пока облачится в скафандр, цель минует город.

Генерал доложил в Москву. Оттуда последовал категоричный приказ Савицкого: взлетать немедленно в чем одет, противника таранить. Таран на высоте 20 километров, где нечем дышать, а внутреннее давление мгновенно раздувает человека в шар, означал верную смерть.

Но приказы не обсуждаются. Митенков бросился к самолету в надетом по случаю праздника парадном мундире. Через несколько минут самолет взлетел. У-2 уже вошел в зону перехвата. Теперь его вели и авиаторы и ракетчики. Правда, последние могли только видеть цель, самолет находился вне зоны поражения.

А Митенков по командам с земли начал наводить-

ся: зашел в хвост, выровнял высоту. Аэродром сообщал дальность до цели. Перехватчик несся на форсаже со скоростью две тысячи километров в час, когда с земли закричали: «Цель впереди! Смотри! Смотри!» Разве ее углядишь, когда расстояние сокращалось каждую секунду почти на треть километра, а если и увидишь, то не останется времени повернуть, чтобы с маху врезаться в врага. Задачка почти неразрешимая. Т-3 проскочил над У-2, ни тот ни другой пилот друг друга не заметили. Думаю, что Митенков вздохнул с облегчением, керосина на повторную атаку не оставалось. А тут поступила команда выключить форсаж — самолет, потеряв скорость, нырнул вниз и пошел на посадку.

Ракетчики отметили на своих экранах: преследователь исчез, цель снова осталась одна, но пока все еще вне досягаемости. Начальник штаба ракетного дивизиона майор Михаил Воронов считал про себя секунды: «Одна, еще одна, вот сейчас нарушитель войдет в зону открытия огня».

Пауэрс не подозревал, какая вокруг него разыгрывается драма в воздухе и на земле, в Свердловске и в Москве. Отметив заданный на карте ориентир, он изменил курс. Ему предстояло фотографирование Челябинска-40.

— Цель удаляется, — доложил оператор.

— Цель удаляется, — передал по инстанции майор Воронов.

— Цель удаляется, — доложили в Москве Бирюзову.

Самолет как будто знал, видел, где расположены ракеты, и старательно обходил опасные места. Кулешов подсказал: возможно, разведчик оборудован специальным приемником, реагирующим на сигналы радиолокаторов обнаружения ПВО. Положение складывалось просто катастрофическое. О том, чтобы снова поднять Т-3, не приходилось и мечтать. Савицкий дал команду на взлет четверке МИГ-19. В то, что истребители перехватят нарушителя, Бирюзов не верил, но следовало хоть что-то предпринять.

В этот момент майору Воронову доложили: цель, сделав круг, возвращается, через несколько секунд она войдет в зону досягаемости.

По инструкции для надежного поражения полагается пускать две ракеты, Воронов решил выстрелить тремя.

Дальше расчеты действовали автоматически, как на

учениях. Но после нажатия кнопки с направляющих сорвалась только одна ракета, две другие с места не сдвинулись.

У Воронова похолодело сердце: «Отказ». Казалось, судьба на самом деле берегла Пауэрса. Надо же такому случиться: на пути разворачивающихся за целью ракет в момент пуска оказалась кабина наведения. Автоматически выдался запрет. Оставалось уповать на ту единственную, что приближалась к цели. Операторы уже вывели ее в зону, включилась головка самонаведения. Наконец, в небе вспыхнула огненная точка, через несколько секунд донесся негромкий хлопок взрыва. На экранах радиолокаторов цель исчезла, они покрылись зеленоватыми хлопьями «снега». Так выглядят пассивные помехи, ленты фольги, сбрасываемые с самолета с целью ослепить наблюдателей, или... обломки самого сбитого самолета. Ни в дивизионе, ни в полку не поверили в свою удачу. В Москву решили не докладывать. Тем более что на планшете командира полка цель возникла снова, сержант-оператор в Свердловске действовал так же, как и его собрат в Москве: по наитию он передвигал отметку по экрану.

В этот момент соседняя батарея капитана Шелудько выпустила свои ракеты по разваливающемуся самолету.

Как позже докладывали эксперты, первая ракета не попала в самолет, она взорвалась чуть сзади. Пауэрсу повезло. Самолет тряхнуло, длинные крылья У-2 сложились, потом, оторвавшись, неспешно порхая, полетели к земле. Всего этого летчик, конечно, не видел, перед глазами у него вращалось небо, одно только небо, бескрайнее небо. И еще он ощущал, что от взрыва его кресло двинулось вперед, ноги зажало приборной доской. О катапультировании и уничтожении самолета не приходилось и думать. И снова Пауэрсу повезло. Его спасла одна из ракет капитана Шелудько, настигшая обломки самолета почти у земли на высоте шесть тысяч метров. От нового взрыва ноги летчика освободились, и он неуклюже вывалился за борт. Парашют сработал исправно.

А на земле все не могли поверить, что цель уничтожена. В Москву продолжали докладывать о ведущихся боевых действиях. Мнимый нарушитель приме-

нял помехи, менял высоту, но уйти ему не удавалось. Правда, и сбить его не могли. Он превратился в мираж. Следующие полчаса в небе творилось Бог знает что.

Истребители гонялись за целью и, что удивительно, находили ее. Радиолокаторы ракетчиков обшаривали небо и тоже то находили, то теряли цель. Иногда их оказывалось даже несколько, и никто не задал себе вопрос: «Откуда взялись остальные? Ведь от границы вели только одного». Людей охватила какая-то лихорадочная, нервная горячка.

А тем временем, выполняя команду Савицкого, взлетали МИГ-19. Первым взлетел капитан Борис Айвазян, следом поднялся его ведомый старший лейтенант Сергей Сафронов.

В небе летчики ничего не обнаружили, на высоте 12 тысяч метров они оказались в одиночестве. Но ненадолго. Минут через десять показались еще два МИГа и капитан Айвазян услышал, как, теперь уже на него, с земли наводят перехватчик. Хорошо, на том самолете оказался опытный пилот, капитан Гусев, и к тому же человек с юмором. Зайдя в хвост Айвазяну, он узнал самолет из своей эскадрильи и, не сообщив ничего на пункт наведения, начал игру. Несколько минут он, скрупулезно выполняя команды, гонялся за Айвазяном. Тому ничего не оставалось делать, как принять участие в воздушном балете. Правда, пилотировал Айвазян с опаской, в его положении «мышки» в любой момент приходилось ожидать очередь по хвосту. Наконец разошлись, пришло время садиться, кончалось горючее.

У ракетчиков первым овладел ситуацией Воронов. Экран локатора посветлел, а с неба посыпались обломки У-2. Какие еще требуются доказательства? Но командир полка настаивал: «Поиск продолжать!» Тут локаторы соседнего дивизиона захватили две цели. Вначале его командир засомневался: «Почему две? И высота небольшая?» Но командующий авиацией ПВО генерал Солодов отрубил: «В воздухе своих самолетов нет». Еще одна загадка, ведь только что в небе играли в «пятнашки» Айвазян с Гусевым.

Времени на раздумья не оставалось, раз своих в воздухе нет, то чужих следовало немедленно уничтожить. Начали наводить. Первым локаторы захвати-

ли самолет Айвазяна, но тут он неожиданно исчез. Решив пофорсить, летчик круто спикировал на аэродром.

На опустевшем экране место ведущего занял ведомый. Ракеты не промахнулись. В небе раскрылся еще один парашют. Теперь уже наш.

И Воронов увидел парашют. После пуска первой ракеты прошло около тридцати минут. Он автоматически отметил еще несколько взрывов ракет на большой высоте. Успел подумать: «Палят в белый свет, как в копеечку». И тут же забыл, последние сомнения пропали: «Нарушителя сбил он, теперь оставалось завершить дело, взять пилота живым».

Воронов приказал одному из офицеров, капитану Казанцеву, с группой захвата гнать к месту приземления летчика. Пока собирались, разбирали автоматы, получали патроны, прошли драгоценные минуты. На месте приземления парашютиста не оказалось. У дороги в поле толпились возбужденные крестьяне. Они пояснили: «Шпиона повезли в совхоз».

Встреча двух цивилизаций произошла, на удивление, мирно и буднично. Это потом газеты расписывали гнев и возмущение советских людей. А на самом деле случилось вот что. Взрыв где-то там, в высоте, услышал водитель «Москвича», по случаю праздника он ехал с приятелями в соседнее село Поварня. Остановили машину, все-таки интересно, что там наверху происходит. Среди кучевых облаков голубыми пятнами проглядывало чистое, светлое небо. Они было решили, что это хлопок истребителя, перешедшего за звук, к подобным эффектам здесь уже стали привыкать. И тут заметили в просветах какие-то сверкающие точки, затем среди них разглядели парашют. Через несколько минут приятели помогали летчику встать на ноги, выпутаться из строп. Кто перед ними, они не поняли, только подивились снаряжению летчика. Да ведь не каждый день катапультируют сверхзвуковики. Окончательно они растерялись, когда на вопрос: «Как дела?» — спасенный ответил невразумительно, явно не по-русски. Стали совещаться, один из пассажиров пошустрее, отслуживший флотскую службу, написал на пыльном стекле машины: «USA». Пауэрс закивал головой. Его похлопали по плечу и жестом указали на переднее сиденье «Москвича». Везти пленного шпиона, а в этом они уже не сомневались,

решили в контору совхоза. Там Пауэрса тоже встретили вполне мирно, помогли снять скафандр, он остался в летной кожаной куртке. Усадили за стол, вот только водки по случаю праздника не предложили. Такую почти идиллическую картину застала группа захвата, направленная майором Вороновым, и подоспевшие вслед за ней местные сотрудники КГБ. Пауэрса увезли в Свердловск.

МИГ-19 упал за деревней Дегтярка, западнее Свердловска. Парашют Сафронова заметили местные жители. Когда подбежали, летчик уже не дышал, из глубокой раны в боку хлестала кровь.

Сначала маршалу Бирюзову доложили ракетчики: «Самолет-нарушитель сбит». У Сергея Семеновича отлегло от сердца. Тут последовала новая информация, местный командующий истребительной авиацией генерал-майор Вовк сообщил из Свердловска «Дракону»: «Одного летчика задержали, второго ловим...» Бирюзов решил дождаться подтверждения о поимке второго шпиона и потом доложить отцу о происшедшем лично.

Не успел маршал решить: заехать домой переодеться или появиться на Красной площади вот так, по-боевому, как снова позвонили по ВЧ из Свердловска. Запинаясь, генерал сообщил, что второго парашютиста нашли, к сожалению, им оказался наш, старший лейтенант Сафронов.

— Как наш? — маршал едва сдержался, чтобы не перейти на крик. — Сколько самолетов сбили? Вы что, чужого от своего отличить не можете?

— У него не работал ответчик, — соврал генерал. Потом эту ложь повторяли повсеместно, хотя пилоты свидетельствуют об обратном.

— Сколько ракет выпустили? — понемногу стал успокаиваться Бирюзов.

— Одну, три и еще две, — начал неуверенно считать генерал в Свердловске.

— А какой сбили? — не дослушал его маршал.

— Первой, — убитым голосом произнесли на том конце провода.

— Так какого же вы рожна... — дальнейшие несколько минут обычно спокойный Бирюзов пользовался исключительно непечатными выражениями и в сердцах бросил трубку.

Радужное ощущение победы мгновенно улетучилось, в таком виде доклад не предвещал триумфа.

— Узнай, какой самолет они сбили, Т-3 или МИГ, — бросил маршал Савицкому.

Тот вновь связался со Свердловском.

— МИГ-19, — кратко сообщил он после нескольких минут энергичного разговора. — Первым я послал Т-3, приказал таранить, но летчик промазал, прошел выше цели. Тогда подняли МИГ-19, показалось, что цель снизилась.

— Хорошо, — Бирюзов уже не слушал своего заместителя.

В его мозгу отпечаталось: перехватчик пролетел над высотным разведчиком. Это само по себе достижение. Но как доложить? И тут в его голове мелькнула спасительная идея. Маршал подозвал к себе заместителей.

— Дело обстояло так, — начал он уверенным, ровным голосом. — Нарушитель только краем мазнул по зоне досягаемости ракет. Мы это предполагали заранее и послали на перехват Т-3. Нет, лучше пару Т-3, — поправился он. — Ведь там стояли два самолета. Они уже настигали цель, когда она вошла в зону поражения ракетами. На самом пределе. Решили пускать. Перехватчику передали команду на выход из боя, но он в ответ только крикнул: «Атакую». Стартовали две ракеты, как положено. Оба самолета оказались так близко, что с земли их перестали различать, отметки на радиолокаторе слились. Поэтому одна ракета поразила шпиона, а другая погналась за нашим. К сожалению, тоже не промазала... Лейтенант, как там его?..

— Старший лейтенант Сафронов, — подсказал Савицкий.

— Да, лейтенант, — повторил маршал, — погиб как герой. Все! И никаких других ракет! Расстрелялись! Помехи им, видите ли, глаза застлали.

Маршал оглядел с головы до ног своих заместителей. На их лицах он прочитал согласие. Такая версия устраивала всех, в первую очередь главнокомандование.

— Ты, — Бирюзов повернулся к Кулешову, — немедленно лети на место. Разберись внимательно, но, главное, все должны говорить одинаково. Ясно?

— Есть, — ответил генерал-полковник.

Савицкий только кивнул головой.

* * *

Эту маршальскую историю и доложили отцу. О том, как на самом деле сбили Пауэрса, все участники событий накрепко и надолго забыли. Я тоже не знал правды. Заговорили только недавно и только отставники рангом пониже: Воронов, Айвазян и некоторые другие. Их рассказы опубликованы в советской прессе. Мне кажется эта история очень поучительной. Насколько могут быть дезинформированы верха́ в условиях безгласности! А ведь на основе подобных докладов отец, и не только отец, принимал решения, от которых зависели судьбы мира!

* * *

Бирюзов пожал руку Кулешову и Савицкому, громко поздравил всех присутствовавших в штабе с победой и твердым шагом направился к машине. Он решил ехать на Красную площадь в полевой форме.

На Красной площади парадные шеренги войск сменились демонстрантами. Отец ждал доклада, но из штаба ПВО все не звонили. Сам он не хотел зря нервировать людей. Как только собьют, немедленно сообщат, упустят... тоже сообщат.

Появление у кромки трибун деловито шагающего к Мавзолею маршала Бирюзова не осталось незамеченным. Иностранцы недоумевали: что произошло? Осведомленные функционеры сразу сделали правильный вывод: сбили! Полевая форма маршала произвела должное впечатление, ее запомнили все. Бирюзов поднялся на Мавзолей, склонившись к уху отца, прошептал слова победной реляции, выслушал заслуженные поздравления и с достоинством отошел на отведенное военачальникам правое крыло трибуны.

Через несколько минут информация просочилась с Мавзолея вниз, и по трибунам пошло гулять сопровождаемое вздохами облегчения и взаимными поздравлениями заветное: «Сбили». Петр Дмитриевич Грушин и Александр Андреевич Расплетин, созда-

тели «75-х», расцвели улыбками и только успевали пожимать тянущиеся к ним руки.

Отец приехал после праздника домой чрезвычайно довольный. Он ощущал себя наконец-то отомстившим давнему обидчику.

От него я узнал, что пилот жив, его пока допрашивают в Свердловске. Он охотно обо всем рассказывает. Отец, смакуя, воспроизвел рассказ Пауэрса о заверениях американских специалистов о невозможности сбить У-2. Рассказал он и о захваченном разведывательном оборудовании, почти целом. В фотоаппарате пленка сохранилась незасвеченной. Сейчас ее проявляют.

Тут же отец поделился своим планом. Он решил поиграть с американцами в прятки, не сообщать поначалу об уничтожении самолета, подождать, что они начнут выдумывать, а уж затем, разоблачив их, отыграться за все годы унижений.

Он считал, что, как и 9 апреля, инициатива сегодняшнего полета принадлежит не президенту, а самовольствующим военным и ЦРУ. О совещании в верхах отец даже не заикнулся. Я специально спросил его об этом. Отец отреагировал спокойно: разведка разведкой, а дипломатия дипломатией.

Не считал отец целесообразным вносить коррективы и в запланированный на 14 мая визит главкома Советских Военно-Воздушных сил маршала авиации Вершинина в США. Он его совершал в ответ на давний приезд к нам на воздушный парад генерала Туайнинга.

Отец рассчитывал: когда он докажет, что У-2 нарушил нашу границу, президенту придется извиниться за своих подчиненных. В продуманный отцом сценарий в виде заключительного аккорда входил громкий, открытый на весь мир процесс над американским шпионом Френсисом Гэрри Пауэрсом.

Парижский кризис — один из примеров того, как ошибка в прогнозе поведения партнера приводит к неадекватным ответным шагам. Неверно расценили ситуацию обе стороны, если только в Лэнгли с самого начала не существовало плана срыва переговоров. Я никак не могу преодолеть в себе это подозрение.

Наиболее дальновидно повел себя президент Французской Республики генерал де Голль. Он поручил своему послу в Москве господину Дежану, у которого

установились с отцом почти доверительные отношения, неофициально осведомиться: не изменились ли намерения отца в отношении парижской встречи. Отец заверил: его цель — укрепление отношений мирного сосуществования, он с надеждой смотрит на открывающееся совещание. О том же говорил отец и 5 мая в докладе на пятой сессии Верховного Совета СССР. И хотя доклад назывался «Об отмене налогов с рабочих и служащих и других мероприятиях, направленных на повышение благосостояния советского народа», отец посвятил значительную часть времени вопросам, связанным с парижским совещанием. Он сказал о своих опасениях, но твердо заявил, что мы идем на совещание в Париже с чистым сердцем и не пожалеем сил, чтобы достигнуть взаимоприемлемого соглашения.

Правда, отца серьезно задело предупреждение президента Эйзенхауэра, что он не сможет провести в Париже больше недели. Ссылка на запланированный ранее визит в Португалию воспринималась отцом как оскорбительное, унизительное отношение к переговорам с ним. На одну доску ставились переговоры о разоружении, мире в Европе, судьба Германии и протокольный визит в страну, чья политика вообще не влияет на состояние дел в мире. К тому еще добавлялась изначально заложенная в нашем обществе неприязнь к Салазару.

Между тем события, связанные с таинственным исчезновением У-2, пока разворачивались в соответствии с придуманным отцом сценарием. В своем выступлении перед Верховным Советом он сообщил только о факте нарушения нашей границы и сбитом самолете советской ПВО. Где это произошло, у самой границы или в глубине территории, о судьбе пилота, захваченных разведывательных приборах и прочих подробностях он умолчал. «Пусть там помучаются, — повторял отец, — посмотрим, что сочинит госдепартамент. Когда они окончательно запутаются во лжи, мы им предъявим живого пилота. А пока молчок». Сенсационную новость депутаты встретили с возмущением. Информация мгновенно распространилась по миру.

Американцам пришлось вступить в игру, сделать ответный ход. В сообщении госдепартамента, затем развитом и уточненном НАСА, говорилось, что «один

из самолетов типа У-2... предназначенный для научно-исследовательских целей и находящийся в эксплуатации с 1956 года для изучения атмосферных условий и порывов ветра на больших высотах, пропал без вести с 9 часов утра 1 мая (по местному времени) после того, как его пилот сообщил, что он испытывает затруднения с кислородом и находится над озером Ван в районе Турции». Дальше следовали технические подробности, детали.

Я никак не могу понять, почему американцы завели речь о Турции, зная, что самолет вылетел из Пешавара и потерялся совсем в другом месте. Или они опасались возникновения затруднений в отношениях с Пакистаном?

Что бы ни служило причиной, их неуклюжая ложь лила воду на мельницу отца. Он выжидал, что последует дальше; просто наслаждался начавшейся игрой. Трудно сказать, как долго отец смог бы сохранять тайну. Думаю, он и сам не имел четкого плана. Но судьба взяла поводья в свои руки. Вскоре после выступления отца, кажется на следующий день, на одном из приемов встретились дуайен дипломатического корпуса посол Швеции господин Сульман и заместитель министра иностранных дел нашей страны Яков Малик. Задним числом судачили, что Малик позволил себе злоупотребить коньяком, но достоверно никто ничего не знал. Однако повел он себя в высшей степени неосмотрительно. Когда шведский посол как бы невзначай спросил его о судьбе пилота американского разведывательного самолета, Малик простодушно ответил: «Не знаю точно, допрашивают». Через мгновение он спохватился, но слово — не воробей. Оставалась надежда, что посол не передаст информацию американцам. Швеция — нейтральная страна. Сульман рассудил иначе. Он поспешил в посольство и тут же набрал номер телефона американского посла.

Через час председатель КГБ позвонил отцу и передал содержание разговора двух дипломатов. Отец рассердился и расстроился. Незадачливого чиновника на следующий день вызвали в ЦК, устроили примерную головомойку и... простили.

Молчать о пленении Пауэрса больше не имело смысла, и отец, взяв слово в заключительный день работы сессии, подробно пересказал американскую ве-

рсию полета У-2, а затем опроверг ее пункт за пунктом, вдоволь поиздевавшись над неуклюжестью лгунов. Он привел выдержки из допросов Пауэрса, рассказал о маршруте полета, со смаком перечислил все шпионское снаряжение, найденное в обломках самолета. Кульминацией явилась демонстрация проявленных снимков: аэродромов, складов, предприятий. С торжеством отец передал пачку фотографий председательствующему на заседании Лобанову.

Копию снимков отец захватил на дачу. Я их внимательно рассматривал. Качество оказалось отличным: вот истребители, растянувшиеся цепочкой вдоль посадочной полосы, а там керосиновые емкости, штабные здания.

Отец остался доволен, он выиграл первый раунд. А пока распорядился выставить обломки самолета в Парке культуры и отдыха имени Горького, на том самом месте, где во время войны демонстрировалась трофейная немецкая военная техника. Отец стал одним из первых посетителей этой своеобразной выставки. Я поехал с ним. Искореженная груда металла, правда, без следов пожара, приборы, шпионская аппаратура впечатляли. Вокруг отца крутились иностранные корреспонденты, сенсация еще только разгоралась. Выйдя из павильона, где размещалась экспозиция, отец с охотой стал отвечать на вопросы, произнес энергичную речь. Из нее следовало, что отныне так поступят с каждым, кто нарушит наши границы. Американцы должны задуматься, если они не хотят развязать мировую войну.

Посещение выставки состоялось 11 мая под вечер. А двумя днями раньше в очередном, четвертом по счету заявлении государственного департамента по вопросу У-2 утверждалось, что президент в принципе санкционировал разведывательные полеты над советской территорией в целях предотвращения неожиданного нападения и оставляет за собой это право и впредь, до того момента, пока СССР не откроет свои границы для проведения инспекции.

Прочитав эти слова, отец просто вскипел. Если авторы ставили своей целью вывести отца из себя, то они добились желаемого результата.

Правда, мина оказалась замедленного действия.

В тот вечер отец сдержался. У Эйзенхауэра еще оставалась возможность достойно выйти из сложившегося положения.

* * *

9 мая, в пятнадцатую годовщину победы над фашистской Германией, в газетах опубликовали Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении зенитчиков, сбивших Пауэрса. Командира ракетной батареи майора Воронова наградили орденом Красного Знамени. Таких же орденов удостаивались старший лейтенант Сафронов С. Н. и капитан Шелудько Н. И. Другие участники операции получили кто ордена попроще, кто медали. Ни в Указе, ни в последующих многочисленных публикациях не упоминалось, что Сергей Сафронов погиб. Вообще оставалось неясным, кто он такой. Остался нерасшифрованным и капитан Шелудько, обстрелявший своими ракетами уже сбитый У-2. А вот о майоре Воронове и его расчете писали почти все газеты.

* * *

В исследованиях, посвященных Парижскому кризису, принадлежащих перу западных авторов, нередко приходится сталкиваться с версией возникновения в те дни серьезных расхождений в советском руководстве, давлении на отца справа, предопределившем срыв совещания. Подобная точка зрения мне представляется в своей основе ошибочной, уводящей нас в сторону.

Конечно, в советском руководстве имелись люди, которые с прохладцей относились к курсу отца на улучшение отношений с Соединенными Штатами, но они держали свое мнение при себе. В тот период формировалось, разрасталось восхваление отца. Он полностью владел положением, определял линию поведения и во внешней и во внутренней политике.

Объявленное в начале года сокращение вооруженных сил, естественно, не вызывало восторга в армии. Заявление отца о необходимости сворачивания традиционных родов войск и переориентации на ракеты поддерживали не все военачальники. Но это не прояв-

лялось в форме протестов, открытых споров или даже просто возражений. Так, глухое ворчание дома по вечерам.

Руководители Министерства обороны более не входили в Президиум ЦК. Они не могли непосредственно влиять на принятие политических решений. К тому же в 1960 году и у Малиновского, и у Гречко, несмотря на разногласия о роли крылатых и баллистических ракет, преимуществ колес и гусениц, сохранялись с отцом не то что хорошие, а, я бы сказал, дружеские отношения.

Что же касается высшего эшелона, то достаточно напомнить о Пленуме ЦК, состоявшемся в первых числах мая, накануне открытия сессии Верховного Совета СССР. Он произвел по инициативе отца заметные кадровые изменения в Президиуме. Отец последнее время высказывал недовольство своим протеже Алексеем Илларионовичем Кириченко. В роли второго секретаря ЦК он явно не тянул, народное хозяйство знал слабо, поверхностно, вникать в дело не стремился, зато отличался грубостью и фанфаронством. Отсутствовала у него и широта взглядов, способность охватить проблему во всесоюзном, а тем более в мировом масштабе. Он так и не смог подняться выше уровня послевоенного секретаря обкома.

Отец решил заменить его Фролом Романовичем Козловым. Отцу он нравился все больше. На фоне своих коллег Козлов выделялся умением ухватить суть дела, да и опыт работы, партийной и хозяйственной, у него накопился немалый. Для хлопотной должности второго лица в партии, а следовательно, и в государстве это в глазах отца значило немало.

Политические взгляды Козлова не отличались радикальностью, но в тот момент он полностью, даже в мелочах, шаг в шаг следовал линии отца. Да и о каких разногласиях в момент избрания могла идти речь? Его кандидатура просто не рассматривалась бы.

В Президиум ЦК избрали еще трех новых членов, безоговорочно поддерживавших отца: Алексея Николаевича Косыгина, его первого заместителя в Совете Министров СССР, Николая Викторовича Подгорного из Киева и Дмитрия Степановича Полянского.

Перестановки вызывались не политической борьбой, а некомпетентностью, как считал отец, пришед-

ших в секретариат ЦК на волне борьбы с «антипартийной группой» новых членов. Причины и поводы назывались разные, каждый раз свои, но не имевшие ни малейшей связи с предстоящей встречей в Париже.

Я не раз слышал, как отец с досадой отзывался об Аверкии Борисовиче Аристове: с ним начинаешь говорить о деле, а он все переводит на рыбалку. Выражал он недовольство нераспорядительностью ранее близких к нему Игнатова и Фурцевой. Они вообще держались в стороне от международных дел.

Несколько дальше от отца были Петр Николаевич Поспелов и Николай Иванович Беляев, также потерявшие посты секретарей ЦК. При этом Беляева вывели из членов Президиума ЦК. Поспелова обвиняли в догматизме, приверженности старым сталинским стереотипам в мышлении. Беляеву вменили в вину недостаточные темпы развития сельского хозяйства. Его сменил Полянский.

7 мая на заключительном заседании сессии Верховного Совета СССР произошла еще одна замена. От поста Председателя Президиума освободили Климента Ефремовича Ворошилова. Его отставку определила не столько принадлежность к сталинской оппозиции, после июня 1957 года он демонстрировал отцу верность и преданность. Возраст брал свое, и держать Ворошилова на столь высокой должности стало просто опасно. Отцу жаловались на старика уже давно, но он все медлил, тянул. Пока не разразился скандал. Климент Ефремович по случаю вручения верительных грамот принимал посла Ирана. Все шло мирно, в соответствии с протоколом. Процедура, сама по себе не сложная, расписанная до мелочей, казалось, не могла таить никаких неожиданностей. В конце приема полагается краткая беседа. Поблагодарив посла, осведомившегося о здоровье председателя, Ворошилов оживился.

— Что это вы у себя шаха все терпите? — хлопнул он посла по плечу. — Мы своего царя скинули, и вам пора...

Ошеломленный дипломат пробормотал что-то невразумительное и спешно откланялся.

Из аппарата Президиума информация о происшествии, напоминающем рассказы Иозефа Швейка о престарелом императоре Франце Иосифе, наружу не вышла. Решили прикрыть шефа. Такое ли еще случается? Чиновники быстро привыкают к причудам начальства.

Хуже себя чувствовал посол. Он никак не мог понять, как ему расценить отношение главы соседнего могущественного государства к главе своей страны. Он решил написать в Тегеран обо всем как было. Через некоторое время копия донесения посла шаху неведомыми путями попала на стол к отцу. Он за голову схватился... Позвал Ворошилова. Тот не отпирался. Сокрушался: «Бес попутал...» Отец вспылил: «Да ты так и войну объявить можешь?!»

Ворошилова сменил молодой, энергичный Брежнев. За исключением Кириченко и Беляева, перемещения не выглядели кардинальными. Аристова и Поспелова переместили в Бюро ЦК по РСФСР. Николая Григорьевича Игнатова назначили заместителем Председателя Совета Министров СССР, а Екатерину Алексеевну Фурцеву — министром культуры СССР.

* * *

Борьба у отца происходила не с оппозицией, а с самим собой, между естественным человеческим стремлением улучшить отношения в мире, отодвинуть опасность войны и воспитанной десятилетиями настороженностью по отношению к империалистам. К тому же он скрупулезно следил, не проявляется ли где неуважение к нашей стране. То и дело его одолевали сомнения. Всю первую половину мая он держался твердо: совещание в верхах может принести положительный результат. А вот, хотят ли того представители другой стороны, он засомневался. Отец попытался прояснить обстановку на приеме в чехословацком посольстве по случаю национального праздника 9 мая.

Выступил там отец чрезвычайно миролюбиво, подчеркивая, что, несмотря на инцидент, дверь остается открытой, он готов совместно искать разумный выход из создавшегося положения. Но только разумный, не ущемляющий национального достоинства ни одной из сторон. Дальше отец обращался непосредственно к американцам, президенту США. Он сказал: «Сегодня я еще раз заявляю, что мы хотим жить в мире и дружбе с американским народом... Я уважаю присутствующего здесь посла США и уверен, что он не имеет ничего общего с этим вторжением... Я убедился в вы-

соких моральных качествах этого человека... Я думаю, что он не одобряет этого инцидента ни как человек, ни как представитель своей страны». Большего, кажется, не скажешь. Но отец сказал больше. Он действительно доверял послу Томпсону, искренне верил в его стремление улучшить отношения между двумя странами.

В те дни я ничего не знал и не мог знать о коротком конфиденциальном разговоре отца с послом Томпсоном. Он состоялся тут же, в посольстве. Отец рассчитывал, что обращение Томпсона к президенту позволит установить доверительные неофициальные контакты, поможет отыскать взаимоприемлемое решение.

Томпсон заверил отца, что он предпримет все возможное. К сожалению, посол опоздал. В Вашингтоне государственный департамент успел объявить: Эйзенхауэр лично санкционировал полеты.

Но и тут дверь не захлопнулась. Я уже упоминал, что 11 мая на выставке отец не исключил возможности поиска совместного решения. Конечно, положение усугубилось. Но при обоюдном желании еще сохранялась возможность что-нибудь придумать. Тем более что инициативу проявляла сторона, чье национальное достоинство подверглось оскорблению.

Не исключал этого и Эйзенхауэр. В Овальном кабинете президент сказал госсекретарю США Гертеру, что, возможно, имело бы смысл встретиться с Хрущевым в Париже до начала заседаний и попытаться очистить атмосферу. Гертер возразил ему, сказав, что Хрущев может воспринять это как «признак слабости»...

...Эйзенхауэр попросил Гертера попытаться устроить так, чтобы «Хрущев заглянул в резиденцию американского посла в Париже в первый день, скажем, часа в четыре».

Подобного приглашения отцу не поступило. А он прямо говорил на пресс-конференции 11 мая, что вопрос о визите Эйзенхауэра в нашу страну «он утрясет с президентом в Париже. Мы все еще хотим изыскать пути для упрочения отношений с США».

В Париже отец сделал еще одну попытку встретиться с президентом до начала совещания. В качестве посредника отец выбрал Гарольда Макмиллана. Ему казалось, что премьер-министр Великобритании наиболее трезво оценивает обстановку, проявляет не-

поддельную заинтересованность. Макмиллан принял на себя функцию посредника, приложил все усилия, чтобы добиться результата, но американцы ответили отказом.

Если бы встреча двух лидеров состоялась, то многое в мире могло сложиться совсем иначе. Ведь в надежде на встречу с президентом отец отправился в Париж заранее. С ним полетели Громыко и включенный в последний момент в делегацию Малиновский. Отец внимательно отслеживал все, что делали американцы. Когда ему доложили, что с их стороны будет участвовать министр обороны, он тут же откликнулся: а чем мы хуже? Коллеги по Президиуму ЦК не возражали.

У меня сохранился в памяти разговор с отцом, состоявшийся перед самым отъездом. Мы гуляли вечером на даче. Отец стал вдруг вспоминать о ферме Эйзенхауэра, сказал, что стоит пригласить президента сюда, показать ему посевы, покататься на лодке по Москве-реке. Никаких намеков на возможность отмены визита.

То же самое можно сказать и об официальной подготовке к встрече в верхах. Справки, заготовки речей, предложения, аккуратно подобранные по папкам, ждали своего часа. Об У-2 в них упоминалось походя, вскользь, как о мелком эпизоде. Хотя большинство бумаг писалось под диктовку отца, в предотъездные дни заготовки у него стали вызывать смутное беспокойство, не ложились на душу. Получалось, мы идем на совещание просителями.

До последнего момента отец держал дверь открытой. Именно американцы, считал отец, грубо захлопнули ее, заявив о своем праве продолжать разведывательные полеты над нашей территорией. Что из того, что оно исходило из государственного департамента? Прошло достаточно времени. Если бы президент захотел, он бы уже давно внес коррективы.

Последние решения отец принял уже в самолете. Он рассказывал: «В полете... мне пришло более острое сознание ответственности. В напряжении человек соображает острее.

Я подумал: вот мы летим на встречу. Мы уже не раз встречались, и надежд на достижение какой-то договоренности было мало. Маячил в моем сознании

факт запуска перед самой встречей Соединенными Штатами своего самолета-разведчика У-2.

Вопрос: Чего мы ждем? Разве сможет самое сильное в мире государство, Соединенные Штаты, пойти на соглашение в таких условиях? Вернее, можно ли ждать от такого государства разумного соглашения, если оно перед встречей подложило под нее мину — запустило самолет-разведчик?

Мне все время сверлила мозг эта мысль. Я все больше и больше убеждался, что мы будем выглядеть довольно несолидно. Нам преподнесли такую пилюлю перед самым совещанием, а мы делаем вид, что ничего не понимаем, идем на это совещание, как будто ничего не произошло. Совещание будет сорвано, и эти державы, безусловно, постараются свалить ответственность на нашу делегацию, на нашу страну. Мы, собственно, потерпевшая сторона, нанесено оскорбление нашему достоинству, а мы идем на это совещание.

У меня созрела мысль, что надо пересмотреть направленность наших документов, особенно первого — декларации, с которой мы должны были выступить при открытии совещания. Я подумал, что надо поставить условия, ультимативные условия Соединенным Штатам Америки: они должны извиниться за нанесенное запуском самолета-разведчика оскорбление нашему государству. Надо потребовать, чтобы президент Соединенных Штатов взял обратно свое заявление, в котором он говорил, что они имеют право на разведывательные полеты над нашей территорией, то есть односторонне разрешают себе летать над территорией других стран, чего над своей страной делать никому не позволяют».

Отец посоветовался с сопровождавшими его Малиновским и Громыко. Они высказались за.

«С нами в самолете летели машинистки и стенографистки. Я продиктовал свои соображения. Андрей Андреевич со своим МИДовским штатом засел за обработку документов. Все нужно было пересмотреть, как говорится, на сто восемьдесят градусов. Мы создали новый документ... но этот документ не рассматривался в руководстве партии и правительства... Мы сейчас же все зашифровали и передали в Москву. Я не помню, передали ли мы из самолета, а мы имели

такую возможность, или передали, когда прилетели в Париж.

Мы быстро получили ответ — полное одобрение нашей новой позиции. Таким образом, выехали мы с документами, имевшими одну направленность, а когда приземлились в Париже, их направленность была уже другая. Я считаю, что это было совершенно правильное изменение нашей позиции».

Одновременно в Москву ушло указание срочно отменить назначенный на тот же день вылет в Соединенные Штаты делегации Советских Военно-Воздушных сил во главе с главнокомандующим маршалом Вершининым.

Рассказ отца о том, как за несколько часов полета на борту самолета, не встречаясь со своими коллегами, он в корне изменил директивы делегации, утвержденные высшим руководством партии и страны, свидетельствует о полном отсутствии какой-либо оппозиции. Из Москвы не поступило не только возражений, но даже поправок, включая редакционные.

Сделав первый шаг, отец не мог и не хотел остановиться:

«Когда мы приехали в Париж, я подумал: «Ну хорошо, мы сделаем такое заявление, а президент не извинится и не откажется от полетов. Он уже сделал в Вашингтоне заявление, что они будут продолжать разведывательные полеты. Ну и что же?»

В соответствии с логикой, в сложившихся условиях отцу вообще не следовало ехать в Париж. Сам его отъезд уже расценивался как капитуляция, принятие навязываемых ему правил игры. Никто не предполагал, что смена декораций произойдет во время полета.

Изменившаяся позиция отца не могла не повлечь за собой и поворота в отношении визита Эйзенхауэра в Москву, который как бы являлся продолжением совещания в верхах. А теперь? О визите отец вспомнил не сразу, уже в Париже: «В таких условиях, естественно, он (Эйзенхауэр) к нам приехать не может, а мы не можем его терпеть. Как же мы будет приветствовать его на нашей территории?.. Это нетерпимое положение! Это оскорбительно! Это унижает страну!..

У меня возникла мысль, что надо включить в декларацию, которую мы собираемся зачитать на первом заседании, пункт о том, что если не будет извине-

ния, то мы отзываем свое приглашение президенту посетить нашу страну.

Все согласились. Мы быстро и эту дополнительную позицию послали в Москву на согласование. Сейчас же мы получили положительный ответ. Таким образом, у нас уже были подготовлены все документы, а мы были напичканы аргументами взрывного характера. К нам, как говорится, нельзя было притронуться, тут же проскакивала искра...»

Отец не подозревал в те дни и не узнал до конца жизни, что личный самолет президента, на котором тот намеревался путешествовать по нашей стране, превратили в разведчик, нашпигованный специальной аппаратурой. Знай это отец, проскочила бы не искра, разразилась бы настоящая буря с молниями и далеко разносящимся громом.

Когда прибывший заранее в Париж отец окончательно удостоверился, что Эйзенхауэр не сделает шага навстречу, он переменился. Теперь и отец не собирался договариваться, он решил расплатиться той же монетой. «В первый день, — вспоминает отец, — я зачитал декларацию. Именно зачитал, потому что в таких случаях изложение недопустимо. При вольном изложении могут появиться какие-то лишние слова, не такое построение фразы. Все это будет зафиксировано, и потом уже будет трудно исправить... Появится возможность иного толкования в пользу наших противников. Поэтому я зачитал декларацию и сел.

Произошло какое-то замешательство. Особенно после фразы, в которой было заявлено, что мы отзываем свое приглашение, если не будет извинения со стороны Соединенных Штатов Америки, что президент не может быть нашим гостем после того, что он допустил в отношении нашей страны.

Эйзенхауэр со своей делегацией поднялись, и мы разошлись... Наша декларация сыграла роль бомбы, которая разметала всех... круглый стол, который должен был нас объединить, рассыпался в пух и прах».

Собственно, тут совещание и закончилось. Отец сжег последние мосты. Лидеры обеих сверхдержав уперлись: один требовал извинений, другой отказывался их принести.

Де Голль и Макмиллан приложили немалые усилия

к примирению сторон. В разговоре с отцом де Голль в сердцах заметил, что запущенный 16 мая новый советский спутник за эти дни восемнадцать раз пролетел над Францией. Кто знает, может быть, он тоже ведет фотографирование? Отец энергично открестился: мы такими делами не занимаемся. Слова де Голля солью посыпали его свежие раны, американцы недавно заявили, что намереваются в ближайшее время запустить разведывательные спутники. С их помощью они смогут сфотографировать любой район земного шара. После уничтожения У-2 отцу особенно хотелось воспрепятствовать и этому. Но как?.. По возвращении домой он решил еще раз поговорить с конструкторами.

...Спасти положение не удалось. Через два дня, после безуспешной попытки открыть совещание, делегации разъехались по домам. Отец по пути в Москву остановился в Берлине. Затихший было германский вопрос вновь вспухал, грозил разрастись в серьезный кризис.

Дело У-2 оказало серьезное влияние не только на обстановку вокруг Берлина. Рокот моторов У-2 и грохот взрыва советской зенитной ракеты отдадутся и жесткостью позиции отца в Вене в 1961 году, во многом они предопределят линию поведения во время постановки советских ракет на Кубе.

В сердце отца зарубки остались навсегда. Обман со стороны его «друга» генерала Эйзенхауэра, с которым они еще недавно сидели за одним столом, согласились, что на свете нет ничего страшнее войны, поразил отца в самое сердце. Он не простил У-2 ни президенту Эйзенхауэру, ни человеку Эйзенхауэру.

И в будущем, ведя переговоры с новым президентом или принимая американского посла, отец никогда не позволял себе забыть ни на секунду, что перед ним не просто человек, стремящийся выжить на этой земле, а вероломный, непримиримый враг, способный на все. Только после Кубинского кризиса он, поверив Джону Кеннеди, немного отойдет.

С Эйзенхауэром отец больше не хотел иметь никакого дела. Но и в усилении напряженности в мире Хрущев-политик не видел никакого резона. Он не собирался возобновлять возню вокруг Германии, рассчитывал договориться с новым президентом США.

На митинге в Берлине 20 мая отец сказал, что можно, конечно, в одностороннем порядке подписать мирный договор, но зачем спешить, решение вопроса никуда не уйдет, лучше дать ему созреть. Два германских государства существуют, развиваются, экономика продемонстрирует преимущества одной системы над другой. А пока можно подождать шесть—восемь месяцев, а там собраться на новое совещание в верхах.

Через полгода у Эйзенхауэра кончался второй срок пребывания у власти. За место в Белом доме соперничали вице-президент Никсон и почти неизвестный отцу сенатор Джон Кеннеди. Настроенный против Никсона отец теперь просто слышать не мог о республиканском кандидате. Именно в те дни он прозвал его почему-то «лавочником». Всего полгода назад, гуляя в Кэмп-Дэвиде, он допытывался у Эйзенхауэра, не собирается ли он выставить свою кандидатуру в третий раз. Отцу казалось, что именно он — тот знающий жизнь, честный человек, с которым можно вести дело независимо от политических убеждений.

Я думаю, задавая свой вопрос о третьем сроке, отец интересовался не только судьбой президентского кресла в США, он пытался примерить систему сменности и преемственности власти к нашей стране, к нашим порядкам. Не отсюда ли выросли его предложения о двух сроках членства в Президиуме ЦК, в правительстве, но не по четыре года, а по пять лет? Он подгонял их к пятилеткам.

Вернувшись в Москву, отец со смешинкой в глазах описывал заваруху, которую он учинил в Париже. Правда, порой глаза его делались настороженными, из карих почти черными. Становилось ясно: отцу на самом деле не до шуток.

* * *

Провал в Париже, история с Пауэрсом резко изменили психологический климат в стране. Еще вчера все жили надеждой на перемены, пусть не в ближайшие месяцы, но скорого заключения соглашений с США, наступления эры пока не дружбы, но хотя бы взаимоуважения. В конце мая все вернулось на круги своя, со страниц газет резче зазвучали призывы к бдительности и готовности дать отпор агрессорам.

В войска спустили приказ: пресекать любые нарушения воздушной границы СССР или наших союзников. Если раньше на открытие огня по нарушителю требовалась санкция верхов, то сейчас индульгенцию выдали заранее. Патрулировавшие в воздухе и сидящие в готовности номер один на земле пилоты, обшаривающие радиолокаторами небо ракетчики — все мечтали отличиться, пусть только сунется нарушитель.

Если до 1 мая части противовоздушной обороны жили по законам мирного времени, дежурные летчики, правда в боевом облачении, отдыхали в специально оборудованных домиках, то сейчас они поочередно сидели в кабинах перехватчиков в ожидании команды на вылет. Ракетные подразделения ПВО изготовились к бою. Отныне ракеты держали не в хранилищах: оснащенные боевыми зарядами, они ожидали появления непрошеного гостя на стартовых установках.

Естественно, количество инцидентов в воздухе возросло. Уже 24 мая в ГДР в районе Ростока истребители атаковали самолет США, нарушивший правила движения по воздушному коридору. Пилот решил не рисковать и приземлился на указанном ему аэродроме. Обошлось без жертв.

Американцы, а особенно их союзники, на чьей территории располагались авиационные базы и откуда совершались разведывательные полеты, забеспокоились. Прозвучавшая в Париже угроза отца, оставлявшего за собой право в случае появления в небе Советского Союза шпионского самолета ответить ударом по аэродромам, возымела действие. Лишь де Голль проявил определенный скептицизм, пробормотав, что «ракеты летают в обе стороны». На территории Франции подобные базы отсутствовали. Ни англичане, ни норвежцы, ни турки, ни пакистанцы не желали испытывать судьбу, своей шкурой проверять серьезность намерений отца.

Отец не хуже де Голля понимал, что ракеты летают в обе стороны, и в его планы не входила проверка этой истины на практике. Он более не верил вообще в реальность войны с Западом. Кто, понимая, что мы способны ответить ударом на удар, мог решиться на такое? Даже если дежурившие на позициях советские межконтинентальные ракеты легко пересчитываются на пальцах одной руки, их достаточно, чтобы унич-

тожить крупнейшие города по ту сторону океана. Война превратилась в авантюру, одинаково гибельную для обеих сторон. А своих противников отец никак не относил к разряду авантюристов. Именно эта уверенность во взаимном благоразумии позволяла ему сохранять спокойствие в самые напряженные моменты. И в эти тревожные дни главными для отца оставались дела внутренние. Все последние годы его постоянно мучило то, что надежды на рывок вперед не оправдываются, наша промышленная продукция не идет ни в какое сравнение с западной, ни о каких передовых рубежах пока не приходилось и мечтать. Отец попытался зайти с другой стороны. Он решил, что, закупив за границей образцы современных товаров, удастся наладить их выпуск и у нас. А затем, поднабравшись опыта, не только догнать, но со временем и перегнать учителей. Однако осуществить замысел отцу не позволяло отсутствие валюты. Торговля с Соединенными Штатами Америки застыла практически на нуле.

Вот тогда-то он решился покуситься на неприкосновенный золотой запас. Еще со времен Сталина его расходование находилось под строгим табу. Золото берегли на случай войны.

Случилось так, что именно в эти дни отец вдруг заговорил со мной о продаже золота. Меня его слова будто хлыстом ударили.

— А как же?.. А вдруг война?.. — задохнувшись, я даже не смог окончить фразу.

— Война?.. — неопределенно протянул отец. — А кто на нее решится? Теперь у нас есть ракеты, и мы способны дать по зубам даже американцам.

Отец замолк, как бы примериваясь к сказанному. Разговор, как обычно, происходил во время прогулки. Пауза затянулась. Отец молча шагал по дорожке, я держался рядом.

— Да, война... — отец вернулся к теме. — Разве можно о ней судить по прошлому? Тогда, в случае поражения, в запасе имелись и территория и время. А сейчас? После ядерных ударов не останется ни продавцов, ни покупателей. Чем сидеть, как скупой рыцарь, на сундуке с золотом, дожидаться невесть чего, лучше пустить его, не все конечно, на благое дело, купить то, что позволит людям, стране зажить богаче. Из золота каши не сваришь.

Отец еще долго рассуждал о том, как, продав часть золота, мы сможем сдвинуть с мертвой точки наше народное хозяйство, вольем свежую кровь и в промышленность, и в сельское хозяйство. Он не сомневался: стоит только подтолкнуть и дело пойдет. Инициативных людей нам не занимать. Отец же все больше воодушевлялся открывающимися перед страной перспективами. Он еще долго не мог оторваться от увлекшей его темы, подсчитывал, прикидывал, что купить в первую очередь. Решившись, он боялся продешевить, пустить богатство по ветру.

Я же подавленно молчал. Откровенно жалел уплывающее из казны золото. Да и перспектива — в случае войны остаться ни с чем — пугала.

Вскоре Советский Союз начал продавать золото. Сколько его уходило за границу, я тогда не знал. Данные о тех сделках опубликованы только недавно. Говорят, что продажи доходили до пятисот тонн в год.

К сожалению, проданное золото изобилия нашей стране не принесло. Как и двести миллиардов долларов, вырученные десятилетия спустя за сибирскую нефть. Не помогло и то, что отец придирчиво следил за каждым миллионом долларов, за каждым шагом, вникал во все детали закупок, ездил на новостройки, где монтировалось заморское оборудование. И все напрасно. Так, «как у них», не получалось, хоть плачь. Изделия выходили за ворота заводов корявыми, с массой огрехов, совсем непохожие на заморские образцы. Откармливаемые по фирменным рационам свиньи и птицы упорно не прибавляли в весе.

Так безрезультатно ушли в ведомственный «песок» вырученные за золото доллары. Система охотно потребляла, но производить отказывалась.

А тем временем обстановка в мире продолжала накаляться. 1 июля произошел новый инцидент. Американский самолет РБ-47, специально приспособленный для наблюдения за советским приграничьем из нейтральных вод, поднялся с одной из военно-воздушных баз США в Великобритании и взял курс к Кольскому полуострову. Там особенно густо располагались военно-воздушные и военно-морские базы Советского Союза. В его задачу входило: не пересекая государственной границы, записывать частоты и режимы работы радиолокационных станций, перехватывать радио-

переговоры — в общем, собирать все, до чего удастся дотянуться.

Подобные полеты давно превратились в рутину и для американцев, и для нас. Как только у границ появлялся «гость», за ним с нашей стороны неотступно следовали истребители ПВО. Наблюдали, ловили момент, не пересечет ли он запретную линию.

Точно прослеживать линию границы нелегко, да и сама она в море весьма условна: двадцать миль, отсчитанные от извилистого берегового уреза. Поэтому разведчики, когда по ошибке или от усталости пилота, когда в погоне за чем-то особенно любопытным, нет-нет и оказывались на нашей территории. Тут на них и набрасывались перехватчики. В зависимости от политической обстановки они получали разные инструкции: в периоды оттепели — демонстрировать без применения оружия, при накале страстей — сбивать. Никто не мог исключить и обратной ошибки. Истребителям тоже случалось вылетать за пределы своей территории. С обеих сторон почти все зависело от мастерства пилотов.

Как РБ-47 занесло в наши территориальные воды у мыса Святой Нос на Кольском полуострове, сейчас сказать невозможно. Американцы вообще отрицали и отрицают факт нарушения границы. Так же как и 1 мая с У-2.

Так или иначе, но самолет сбили, и он затонул в море. Шесть членов экипажа погибли. Двоих выловили из воды и взяли в плен подоспевшие моряки.

Американские корабли долго утюжили спорный район у границы, искали обломки самолета. Ничего не нашли.

Подобные происшествия случались не раз, обычно они сопровождались обменом гневными дипломатическими нотами, затем телами погибших и... мир восстанавливался до следующего раза. После У-2 нарушение выглядело как демонстративный вызов. Все ждали, выполнит ли отец свою угрозу. Откуда летают РБ-47, ни для кого не составляло секрета. Отец, конечно, не думал всерьез о ракетном ударе по базам. Он прекрасно понимал, что «ракеты могут лететь в обе стороны». Но ведь по ту сторону границы не знали, о чем отец думал, а многим он представлялся человеком непредсказуемых, спонтанных решений.

О происшествии в Баренцевом море Эйзенхауэру сообщили в момент празднования в Геттисберге 44-летнего юбилея супружеской жизни. По словам его сына Джона, президент выглядел как проткнутый шарик, из которого вышел весь воздух. Единственное, что он произнес: «Неужто Хрущев теперь выполнит свою угрозу разрушить западные базы?» Оба руководителя оказались в плену взаимных угроз. Не лучше себя чувствовал и Макмиллан.

Ракеты остались на месте, а отец воспользовался инцидентом для разоблачения «агрессивной сущности американского империализма».

Американские генералы получили строгое указание президента: исключить возможные столкновения. Командующий оккупационными войсками в Германии издал официальный приказ, запрещающий своим самолетам ближе чем на пятьдесят километров подлетать к границе ГДР.

* * *

Весна и лето 1960 года сопровождались бурями не только в политике. 10 июня умер Генеральный конструктор авиационной техники Семен Алексеевич Лавочкин. В этот день не просто ушел из жизни человек, ученый и конструктор. Вместе с Лавочкиным умерла и «Буря» — его лебединая песня, огромный межконтинентальный самолет-снаряд. К середине 1960 года «Буря» летала достаточно устойчиво, но ее судьба повисла на волоске.

Королев не признавал крылатые ракеты, «крылатки», как он их презрительно называл. По его мнению, они безнадежно отстали от жизни, застряли во вчерашнем дне. Они только отвлекают силы, на «бесполезное дело» тратятся средства, столь необходимые на «главном» направлении. Куда им до неуязвимой для любого противника баллистической ракеты.

В своей правоте Сергей Павлович убеждал и военных, и гражданских. Нужно сказать, не безрезультатно. Сторонников в его лагере прибывало. Среди них оказался и министр обороны маршал Малиновский. Правда, отец держался, он считал, что не следует спешить с выводами. Ведь Лавочкин и Челомей говорили обратное.

Так что история с «Бурей», за закрытие которой особо рьяно ратовал Королев — она впрямую конкурировала с «семеркой», — стала лишь эпизодом в этой битве. И здесь отец долго не сдавался, медлил с вынесением окончательного приговора. В конце концов дрогнул и он. Последние два года, начиная с первых запусков «семерки», отец все чаще высказывал сомнения: не тратим ли мы деньги впустую? Но прельщала высокая точность попадания, и поставить на одного Королева казалось страшноватым. К тому же высота полета — более двадцати километров, — казалось, гарантировала безопасность. После уничтожения У-2 об этом аргументе больше никто не вспоминал.

В июне на Президиуме ЦК в очередной раз обсуждали судьбу «Бури». Сергей Павлович пошел к Брежневу. В те годы Леонид Ильич отвечал за «оборону» и ему предстояло готовить проект решения. Королев уговорил Брежнева, вместе они уговорили отца; защитников у «Бури» не осталось.

На заседание пригласили заместителя Лавочкина, исполняющего обязанности Генерального Наума Семеновича Черняка. Возможно, Лавочкину и удалось бы отстоять свое детище, но у Черняка шансы равнялись нулю. Докладывал Брежнев. Он зачитал написанный вместе с Королевым проект резолюции. Отец поддержал его. Возражения Черняка звучали с безнадежностью последнего слова обвиняемого.

Правда, в последний момент решили не пускать уже готовые машины под пресс, продолжить их запуски с целью накопления научных данных. На подобной высоте и такой скорости в нашей стране еще никто не летал.

Тридцать основных разработчиков — мозг конструкторского бюро во главе с заместителем Лавочкина Черняком и Хейфецем — по приглашению Челомея перешли к нему в конструкторское бюро. Владимир Николаевич очень рассчитывал на их опыт. Особенно на Хейфеца, одного из пионеров сверхзвукового полета в нашей стране. Ведь предстояла разработка крылатой орбитальной машины.

Конечно, сегодня легко сокрушаться, насколько задуманная Лавочкиным в начале 50-х годов конструкция напоминает «Шаттл», чудо конца XX века. Раз-

гляди Королев в «Буре» свой «Буран», пригласи к себе лавочкинцев, возможно, вся история космонавтики сложилась бы иначе. Если бы... Как часто нам хочется вернуться назад и начать все сначала.

Королева в те дни волновали иные проблемы. Закрытие «Бури» казалось незначительным эпизодом в жизни Главного конструктора*. Он готовился к запуску человека в космос. Дополненная третьей ступенью «семерка» могла теперь выводить на орбиту высотой до 200 км до пяти тонн полезного груза. Запуском 16 мая 4,5-тонного спутника начался новый этап космической гонки. Королев выкладывался до конца. И здесь он должен стать первым!

Королев понимал, что из «семерки» многого не выдавишь, она подошла к пределу своих возможностей. Он задумал создать принципиально новый носитель с грузоподъемностью в десять раз больше. Подобный монстр не мог иметь никакого военного применения. С отцом на эту тему Королев впервые заговорил еще в 1957 году, вскоре после запуска первого спутника. Тогда отец охладил пыл Сергея Павловича, посоветовал не торопиться, довести до ума «семерку».

Теперь, считал Сергей Павлович, время пришло. «Семерка» встала на вооружение, уже год продолжались работы по «девятке». Королев попросился на прием к отцу. Говорили о новом носителе. Он предлагал вывести в космос тридцать—сорок тонн груза и обещал приступить к запускам к исходу 1963 года. Если, конечно, КБ получит деньги немедленно. Отец поинтересовался, какова будет отдача от затрат? Сергей Павлович заговорил о создании долговременных обитаемых станций, экспеди-

---

*Главный конструктор авиации в момент появления этого звания возглавлял коллектив, разрабатывающий «свой» самолет. Время шло, организации разрастались. В конструкторских бюро теперь занимались не одним, а несколькими объектами. Для повышения значимости руководителя организации его решили именовать Генеральным конструктором, присваивать это звание стал Совет Министров. У Генерального в подчинении трудились каждый над своей темой Главные конструкторы.

В оборонной промышленности, где работал Королев, такое разделение тогда не привилось. Руководитель даже крупнейшего конструкторского бюро именовался Главным конструктором. Поэтому Туполев, Челомей, Микоян, Лавочкин и другие — Генеральные, а Королев и Янгель — Главные конструкторы. — *С.Х.*

ций к Луне, Марсу, Венере. Пока без деталей, в общем.

Отец дал себя уговорить. Правда, средства решили выделить только на предварительные исследования.

Назвать ракету Королев решил по-новому, вывести ее из ряда «Р». Он мечтал сконструировать прародительницу нового семейства тяжелых космических носителей. Появился новый индекс «Н» — «носитель». По праву приоритета ракету стали называть «Н-1».

С этой поры космический полет человека и затем лунная программа стали практически единственной задачей коллектива королевского конструкторского бюро и его смежников.

* * *

В 1960 году пришла пора очередного смотра военной техники. На показе в 1958 году отец определил периодичность проведения мероприятия: раз в два года. Как и в предыдущий раз, местом проведения смотра выбрали Капустин Яр. Срок — июль месяц.

На сей раз я приехал на полигон незадолго до начальства, с упреждением недели на три. В мою задачу входило обеспечить экспозицию: плакаты, планшеты, макеты.

Полигон поразил меня своей собранностью, суровостью. На аэродроме, где с войны не видели боевого самолета, рядком стояли перехватчики. Вдоль шоссе, бетонки, как мы ее называли, с интервалом в несколько десятков километров слева и справа располагались батареи зенитных ракет. Точно таких, какими сбили Пауэрса. Боевые позиции выглядели добротно, обустроенно; сами старты окружены валами земли, чуть поодаль отрыты блиндажи. Заявление президента Эйзенхауэра тут восприняли всерьез, командование подготовилось во всеоружии встретить непрошенного гостя.

На «своей» площадке я окунулся в привычную атмосферу подготовки машины к старту. Нам предстояло продемонстрировать старт с автомобиля крылатой ракеты С-5. Как всегда, не хватило нескольких дней. Что-то не ладилось: то возникали короткие замыкания, то вдруг обнаруживался разрыв в электрической цепи. Штатские и офицеры часами елозили по длиннющим простыням монтажных схем, затем, как

мухи банку с вареньем, облепляли ракету, отсоединяли разъемы, измеряли что-то приборами и снова бросались к схемам. Обычная морока перед первым запуском.

После второго, третьего старта все встанет на свои места. А пока... Работали не только днем, но и ночами. В короткие перерывы спали, часто тут же, в ангаре, на чем придется. Челомей нервничал, но не вмешивался, понимая, что большего сделать просто невозможно. Все висело на волоске. Где-то в глубине души теплилась надежда: начальство задержится... На сей раз сроки выдерживались пунктуально.

Мы тоже успели, в последний момент все выстроилось по своим местам, заработало. Ракету изготовили к старту.

* * *

Наступил день показа. Как и в прошлый раз, я пристроился к основной группе. Ядро ее составляли: отец, Козлов, Брежнев, Кириленко, Устинов и Малиновский. За ними, соблюдая дистанцию, следовали министры, главкомы, констукторы. Всех вместе набиралось человек сорок. Я не стану повторяться и описывать запуски ракет, стрельбу из орудия, штурмовку самолетами позиции и другие столь же впечатляющие упражнения. По сути, программа не отличалась от прошлого раза. Поменялись типы вооружений, увеличилась точность попадания, дальность поражения целей, скорость.

А вот что действительно изменилось, так это отношение армии к новому вооружению. Вернее, даже не отношение — появилась привычка, армия освоилась с ракетами. Из диковинных игрушек, вызывавших определенное опасение, они превратились в штатные средства.

В прошлый раз у пусковых установок суетились в основном одетые в воинские комбинезоны штатские, разработчики, сейчас там верховодили военные.

На полигон прибыли ракетные полки стратегического назначения, несущие боевое дежурство. Солдаты споро управились с Р-5 и Р-12. Только последнюю новинку — Р-14 пускали сами янгелевцы. Главный

маршал артиллерии Неделин доложил отцу, что осенью начнутся испытания Р-16. Работы по Р-9 несколько отстали, первые пуски ожидались не раньше середины следующего года. Он попросил разрешения лично возглавить государственную комиссию по испытанию новых ракет.

Отец остался чрезвычайно доволен. Лед тронулся. И хотя в армии пока не произошло сколько-нибудь заметных структурных изменений, генералы от разговоров о ракетах перешли к конкретным действиям. Если раньше в своих политических маневрах отец манипулировал несуществующими ракетами, то теперь они постепенно становились реальностью.

В отдельном ангаре выставили ядерные заряды. Уже полтора года, практически с прошлого показа, действовал мораторий на ядерные испытания. Новых зарядов на вооружение не поступало.

На стендах лежали громоздкие бомбы, тяжеленные боевые части ракет, а рядом демонстрировались изящные, компактные, легкие новые разработки. При этом их разрушительная мощь осталась прежней или даже повышалась.

Как и в прошлый раз, устроители экспозиции демонстрировали: дальнейший прогресс в развитии ракет без испытаний зарядов, мягко говоря, затруднителен. Каждый лишний килограмм боевой нагрузки отзывался многократным возрастанием стартового веса.

Отец внимательно, не прерывая, выслушивал аргументы в пользу возобновления экспериментальных взрывов. Он не скрывал, что сравнение произвело на него впечатление.

Когда миновали последний экспонат, в разговор вмешался Ефим Павлович Славский. Он заговорил о производстве, о технологии и, главное, об экономике. Освоение на заводах новых разработок обещало сократить расходы на многие десятки и даже сотни миллионов. Одновременно он привел цифры, характеризующие достижения США, полученные в результате проведения последней серии взрывов. Цифры выглядели не только впечатляюще, но и устрашающе. Славский напомнил, что американцы объявили о прекращении действия моратория с 1 января 1960 года, они собираются начать взрывы, как только подоспеют

заряды следующего поколения. Мы в этом случае неизбежно окажемся уже не на шаг позади, а на два, если не больше. Министр считал: надо испытывать. Если мы хотим опираться на ракетно-ядерную мощь, то ее надо иметь.

Все ждали реакции отца. Он, собираясь с мыслями, немного помолчал и вдруг стал рассказывать о недавней встрече в Париже, о том, что с Эйзенхауэром договориться не удастся и вряд ли стоит пытаться это делать. Отец говорил долго и эмоционально. Тут, среди своих, он не считал нужным сдерживаться. Надо дождаться смены власти в Белом доме. Возможно, преемник нынешнего президента более трезво отнесется к вопросам войны и мира.

Отец с похвалой отозвался о продемонстрированных ему новинках, сказал, что они просто поразили его воображение, но... испытывать их пока не время. Он пояснил: сейчас у нас в активе почти два года моратория и с ним мы пойдем на встречу с новым президентом США. Тем самым мы продемонстрируем мирные намерения не на словах, а на деле.

Честно говоря, слова отца не убедили большинство присутствующих. И военные и конструкторы стояли за немедленное начало испытаний. «Чем сильнее мы станем, тем больше прислушаются к нашим словам», — повторил свою мысль Славский.

Отец пообещал подумать, но в главном остался непреклонен: пока не прояснятся дела с новой администрацией США, до следующего года об испытаниях не следует и заикаться. Каждая из сторон осталась при своем мнении.

* * *

На исходе дня мы пускали свою С-5. Челомей договорился с Гречко, что мы продемонстрируем подвижность комплекса. Поэтому вначале восьмиколесный автомобиль с огромной зеленой трубой на спине урча проехал вдоль трибуны, а затем, развернувшись, двинулся по целине на отведенное ему место старта. Пока высокие гости следили за другими номерами программы, мы начали лихорадочно готовиться к пуску. Это

был всего второй запуск обновленной ракеты с совершенно новой, еще «сырой» пусковой установки. Первый мы успели сделать всего несколько дней назад.

Сейчас нам требовалось не только пускать ракету, но и уложиться в тесные рамки согласованного с военными временно́го норматива. Я видел, как Гречко то и дело поглядывал на беспощадно отсчитывающие минуты часы, установленные перед трибуной. А у нас, как всегда бывает в присутствии начальства, не заладилось: в момент запуска маршевого двигателя дважды отходил бортразъем, массивное сооружение с тысячами контактов, соединяющих пуповиной проводов ракету с землей.

А на востоке, куда нацелилась ракета, собралась черная грозовая туча. Необычайная редкость в тех местах в середине лета. Раздувшаяся от воды, едва не касаясь земли, она двинулась к нам, отсвечивая молниями. Ракете предстояло проскочить сквозь нее. Такого испытания мы не предполагали. Наконец бортразъем защелкнулся. Еще несколько минут подготовки — и резко выскочившая из трубы птичка юркнула в подошедшую почти вплотную черную мглу. Через несколько мгновений хлынул ливень. Гости разбежались с трибун кто куда.

На следующий день после обеда отец собрал конструкторов, военных, министров, всех так или иначе причастных к противовоздушной обороне. Он хотел посоветоваться, как защитить наше суверенное пространство от угрозы вторжения с воздуха и нарушения государственных границ разведывательными спутниками.

С самолетами разобрались без особого труда: программа проектирования, производства и развертывания ракет «земля—воздух» не вызывала особого беспокойства. За исключением «Дали»... После смерти Лавочкина ее судьба повисла в воздухе.

Другое дело — космос!.. Тут констукторы развели руками. Сбить спутник, конечно, можно... Челомей поделился своими задумками. По существу, он повторил то, что рассказывал отцу в Крыму в апреле.

Присутствующие слушали Челомея со снисходительными улыбками на лицах. Кое-кто морщился: он со своими сказками только отнимает дорогое время. Действительно, в те далекие годы картины, рисуемые Челомеем, выглядели фантастическими. Закончил он словами о том, что все предварительные проработки

закончены, принципиальные конструктивные схемы выбраны, проект постановления правительства согласован. В том же июле вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, определяющее конструкторскому бюро Челомея задание по разработке систем маневрирующих и фазированных спутников и ракеты-носителя УР-200 для вывода их на орбиту.

В тот день отец продолжал допытываться: возможно, у кого-нибудь появится идея, позволяющая решить задачу подешевле, побыстрее, а главное, поэффективнее. Петр Дмитриевич Грушин предложил сделать ракету, стартующую на перехват с Земли, некое космическое развитие «75-й». Артем Иванович Микоян возразил ему — ракета, запускаемая с высотного перехватчика, получится и легче и надежнее, часть задачи, связанной с преодолением плотного слоя атмосферы, возьмет на себя самолет. После обсуждения решили проработать и эти варианты, сделать прикидочные проекты. Исследования заняли немало времени. До «металла» дело не дошло. Проект отложили, а затем он и совсем потерял актуальность.

Американцы остановились на самолетном варианте и довели его до практической реализации — произвели запуски по реальной мишени-спутнику. Сейчас договор по противоракетной обороне запрещает использовать подобное оружие.

Камнем преткновения в тот день снова стала не проблема уничтожения космического объекта, а его опознание.

Долгое время молчавший отец вмешался в дискуссию. Он рассказал о своем коротком разговоре с де Голлем о нашем космическом корабле. Признал, что опасения французского президента, не собирает ли спутник секретную информацию, можно понять.

— А завтра и мы окажемся в подобном положении. Тоже будем глядеть в небо и гадать? — патетически воскликнул он. — Так что же делать?

Никто не ответил.

— Сегодняшние выступления, — после паузы продолжил отец, — еще раз подтвердили уже известную нам печальную истину. Что ж, придется ждать, надеяться, что кто-нибудь — Челомей, Грушин или Микоян — отыщет ответ. А пока не следует сидеть сложа

руки, давайте приготовимся к визитам непрошеных американских соглядатаев.

Отец повернулся к Малиновскому: «Родион Яковлевич, придется вспомнить фронтовой опыт, как мы сооружали ложные аэродромы, ставили фанерные танки и самолеты. Немцы не раз попадались, а летали они над самой землей».

— Подумаем, — согласно кивнул головой Малиновский.

— Вот и хорошо, — отец, казалось, даже обрадовался, — можно понатыкать ракет. Из космоса особенно не разглядишь. Пусть гадают, настоящие они или нет.

Договорились всерьез заняться маскировкой реальных объектов и приступить к сооружению ложных. Через некоторое время приняли даже специальную программу. Начали сооружать деревянные стартовые позиции с фанерными ракетами, в гаванях военно-морских баз появились гигантские резиновые надувные лодки. Идея пришлась отцу по душе, с меньшими затратами, считал он, удастся произвести нужное впечатление.

К концу 60-х годов эта затея окончательно выдохлась. К тому времени выяснилось, что и из космоса ложные позиции легко отличаются от подлинных. Да и ракет, самолетов, подводных лодок мы наделали предостаточно. Встала обратная проблема: не как заставить американцев поверить, что они у нас есть, а как спрятать их, не позволить пересчитать.

Проблема распознавания и уничтожения вражеских шпионов в космосе еще некоторое время продолжала занимать отца. Наконец он окончательно убедился, что в космосе невозможно провести национальные границы, так же как объективно оценить, какой из спутников угрожает нашей безопасности, а какой просто занимается мирными исследованиями.

К 1 ноября 1963 года — моменту, когда Челомей приступил к своим экспериментам на орбите, проблему нарушения государственного суверенитета за пределами атмосферы сняли с повестки дня. В 1963 году ООН приняла резолюцию, констатирующую, что в космическое пространство национальные границы не простираются, космос принадлежит всем.

Маневрирующим спутникам предстояло решать иные, не менее увлекательные задачи.

* * *

В числе прочих работ постановлением правительства Челомею разрешили построить крылатый аппарат для отработки управляемого полета в атмосфере при возвращении с орбиты. Он получил шифр МП-1, что без особой скромности расшифровывалось — «маневрирующий, пилотируемый», хотя до пилотов было ох как далеко. К этой работе очень кстати пришлись лавочкинцы. Челомей в новых проектах расставил их на ключевые места. Они не отяготились «старыми грехами» и смогли без задержки приступить к делу. Их опыт, накопленный в одном из лучших конструкторских бюро, оказался просто бесценным. Но для настоящего разворота сил недоставало. Дела пошли на лад только в октябре, когда под начало Челомея перешло мясищевское ОКБ и завод в Филях. Новый коллектив занялся проектированием ракеты.

* * *

Опасения отца относительно космического шпионажа строились не на пустом месте. Американские разведывательные спутники с начала года прорывались на орбиту. И отец, и я, и другие причастные к ракетным делам специалисты следили за запусками с неким мистическим ужасом приговоренного, информация об очередной неудаче вызывала вздох облегчения. Но, раньше или позже, это не могло не случиться. В книге Мишеля Бешлосса написано, что успешному запуску в августе 1960 года предшествовало одиннадцать аварий: то с ракетой, то с фотоаппаратом, то с другим жизненно важным оборудованием. Дальше он пишет, что с августа фотографирование территории Советского Союза проводилось с регулярностью и всеобъемлемостью, которой У-2 никогда не мог достичь.

То же самое утверждают бывшие высокопоставленные сотрудники ЦРУ — Рэй Клайн и Раймонд Гартофф. В последние годы мне приходилось с ними встречаться на конференциях, посвященных пробле-

мам Карибского кризиса. Оба они оказались весьма симпатичными джентльменами, и у нас установились вполне благожелательные отношения. И Клайн и Гартофф в один голос утверждают, что космическая разведка заработала с августа и с ее помощью ЦРУ установило, что межконтинентальных ракет у нас не больше семидесяти пяти. Затем цифра снизилась до пятидесяти. К январю 1961 года шла речь уже о сорока четырех ракетах. Все это свидетельствует о том, что спутники раскрыли дезинформацию отца о том, что наша страна буквально утыкана ракетами, но подсчитать их количество в то время с помощью космических шпионов пока не удавалось. Конечно, только пока.

Разведывательная космическая программа США с самого начала выглядела весьма внушительно. Она включала в себя исследовательские спутники серии «Дискавери», отрабатывающие режимы фотографирования земной поверхности и привязки отснятых участков к звездным координатам. Базируясь на полученных результатах, создавался орбитальный фоторазведчик «САМОС». В дополнение к ним испытывался «МИДАС», предназначенный для обнаружения запуска баллистических ракет по инфракрасному излучению, исходящему от их огненного следа. Проектировался спутник пассивной радиоразведки, улавливающий радиолокационное излучение, радиопереговоры и многое другое. Существенное внимание уделялось геофизическим спутникам, которые позволяли привязать материки друг относительно друга с точностью до нескольких метров и тем самым неизмеримо повысить эффективность ракетного удара.

Первый удачный запуск американского разведывательного спутника вызвал в Москве настоящий шок. Отец раскипятился, вознамерился писать протест, но, поостыв, вспомнил первые полеты У-2 и отбросил бесполезную затею. Следующий запуск расценивался как неустранимая неприятность. Постепенно к присутствию разведчиков в небе привыкли, как привыкают ко всему в жизни. Просто она в чем-то стала походить на жизнь ящериц в стеклянном террариуме, куда может заглянуть любой желающий.

Отработка американской системы космической разведки шла долго и мучительно. Вот всего два сообще-

ния: 27 февраля 1960 года произошла неудача при запуске первого спутника серии «МИДАС», через полгода, 27 октября, потерпел катастрофу шестнадцатый спутник серии «Дискавери».

Успешное выведение разведчика на орбиту и даже фотографирование заданного района еще не означали конца неприятностям. Ведь информацию требовалось доставить на Землю. Если передавать ее по радио, то пропадала разрешающая способность, терялись детали, подробности, из-за которых и затеивали дорогостоящий проект. Оставалось одно — кассету с пленкой отсылать на Землю для дальнейшей обработки и изучения. Требовалось попасть строго в заданный район. Вот это почему-то долго не получалось, возвращаемые капсулы опускались где угодно, только не там, где их ожидали. В 60-е годы их находили и в нашей стране.

Первый раз это случилось, видимо, зимой 1961 года. Сброшенный с очередного спутника «Дискавери» возвращаемый аппарат лесорубы нашли в глухомани под Калинином. Непонятная игрушка их заинтересовала, но никак не удавалось заглянуть внутрь. Долго не думали, разрубили спутник на две части. Внутри ничего ценного не обнаружили: провода, горбушки транзисторов, а отдельно — широкая фотопленка. Добычу принесли домой и бросили в сарае. Через некоторое время слухи о странной находке дошли до властей. Вызванные в сельсовет, а оттуда в райотдел КГБ неудачливые добытчики не отпирались: нашли, а что нашли — сами не знают. На следующий день в мешке принесли все, что осталось — за прошедшие дни мальчишки порастаскали занятные детальки.

Отправили все в Москву. Затем из КГБ находку передали в Академию наук. Наконец, после долгих мытарств, бесценный груз попал в конструкторское бюро Королева. Там только ахнули: американский спутник, но в каком виде!..

В калининские леса снарядили экспедицию, обшарили весь лес, но ничего не обнаружили. Только в деревне, по дворам изъяли всякие мелочи — где реле, где обрывки проводов. Полезной информации из этого хлама извлечь не удалось.

Другой американский спутник следующей осенью во время уборки урожая нашли трактористы на цели-

не. На сей раз им в руки попалась возвращаемая капсула со штатного разведывательного спутника «САМОС». Специалисты более высокого класса, топором они орудовать не стали, разобрали диковинку по винтикам. Внутри ничего для себя интересного не обнаружили, весь объем контейнера заполняла широкая и тонкая непрозрачная пленка. Она оказалась чрезвычайно крепкой. Двое самых здоровых парней изо всех сил не смогли ее разорвать. Такая неподатливость раззадорила тракторную бригаду. Что же она, гадина, не поддается! Принесли находку на полевой стан, зацепили двумя тракторами, дали газ — пленка не выдержала, с треском лопнула. Испытав удовлетворение от капитуляции обидчицы, стали гадать: нельзя ли этой ерунде найти хоть какое применение? Применение нашлось. Полевой стан разместился в степи, до самого горизонта ни деревца, ни горушки. Воду для питья и умывания привозили в цистерне, а об остальных удобствах приходилось заботиться самим. Под туалет выкопали яму, а прикрыть ее сверху не прикрыли, досок в хозяйстве не оказалось. Теперь нашли выход: вбили по углам в землю четыре кола и обмотали их пленкой. Сооружение получилось элегантным и современным. Простояло оно, правда, недолго. Приехавшему проверить, как идут дела, директору совхоза новостройка сразу бросилась в глаза.

На вопрос, откуда взяли такой необычный материал, последовал незатейливый ответ: «Нашли в борозде на поле». Директор поругал трактористов за то, что не доложили. Мало ли что в контейнере могло скрываться. Надо было не открывать, а сдать находку куда следует. Но что сделано, то сделано. Директор отбыл восвояси. Вспомнил он о находке только через несколько дней, когда приехал в районный центр по делам уборки. Рассказал со смешком о необычном туалете секретарю райкома, а тот немедленно по телефону проинформировал о происшедшем уполномоченного КГБ.

Дело завертелось. Вызванные на место специалисты определили космическое происхождение и контейнера и пленки. Ее тщательно смотали, еще раз внимательно осмотрели местность в районе находки. Ничего нового не нашли. Собрали все, что еще можно было

собрать: и выброшенные остатки пленки, и полуразобранную конструкцию.

Снова результат оказался мизерным — все разломано, половина деталей исчезла. Особенно горевали разведчики, им очень хотелось проявить пленку, узнать, что же американцы могут разглядеть с орбиты.

Отцу о происшествии первым рассказал я. Видимо, никому не хотелось докладывать. Отец приказал принять меры: во все Советы, включая самую глубинку, разослали циркуляр, предписывающий сдавать властям любые непонятные находки. Нашедшему, естественно, после изучения, что же это такое, обещалось крупное вознаграждение.

Призыв запоздал. Американцы, видимо, отладили систему спуска отснятой пленки. Теперь она приземлялась, где следовало. Я больше не слышал о подобных происшествиях.

* * *

После Парижа отец окончательно разуверился в возможности достижения реальных результатов в переговорах с США, Великобританией и Францией. Но он допускал, что под давлением общественного мнения Запад может пойти навстречу. Но только под давлением...

3 июня отец рассылает главам правительств всех государств мира послание с планом всеобщего и полного разоружения. Это предложение выглядело достаточно утопично, но оно затрагивало всех. Он предложил обсудить документ на очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, открывавшейся 18 сентября.

В эти дни отец впервые всерьез задумывается: не поехать ли ему самому на Генеральную Ассамблею в Нью-Йорк. Он очень рассчитывал, что его примеру последуют главы других государств, в первую очередь азиатских и африканских. В такой обстановке, считал он, западные правительства попадут в условия, когда они просто не смогут проигнорировать сессию. Тем самым отец как бы брал реванш за Париж, явочным порядком собрав совещание на высшем уровне. Обстоятельства складывались благоприятно. Авторитет США после провала с У-2 и срыва парижского совещания в мире упал. Практически сорвалась из-за проте-

стов и демонстраций поездка Эйзенхауэра в страны Азии: Японию, Южную Корею, а также на Тайвань.

Но пока отец только примеривался, прикидывал, ожидая реакции на свое послание, готовил новые. Стенографистки и помощники работали не разгибаясь. Не менее важным, чем разоружение, отец считал вопрос деколонизации. Борьбу за свободу в Африке, Азии и Латинской Америке он воспринимал как свое кровное дело.

Кваме Нкрума в Гане, Секу Туре в Гвинее объявили себя приверженцами марксизма. Здесь, в колониях, возрождалась почти забытая призрачная мечта о мировой революции. Ему представлялось: мир зашевелился, еще небольшое усилие — и дело сдвинется. Следует только поддержать, не позволить империалистам затоптать ростки нового социалистического уклада. Однако дело это становилось все хлопотнее. Хотя во многих случаях передача власти происходила в обстановке миролюбивых речей, кое-где разгорались конфликты, грозившие перерасти в мировые кризисы.

Затяжная война в Конго, где молодой, горячий и наивный премьер-министр Патрис Лумумба боролся одновременно с бывшими колонизаторами, собственным президентом Касавубу, местными сепаратистами и даже войсками ООН, призванными обеспечить мир и спокойствие, крайне поляризовала международную обстановку. Мы стояли за Лумумбу. Наша поддержка носила главным образом моральный характер. Что же касается реальной помощи, то тут возникали непреодолимые трудности. И тем не менее отец пытался сделать все, что возможно. Три советских ИЛ-18 доставили продовольствие в голодающий Леопольдвилль (Киншаса). К ним присоединился пароход «Лениногорск», отправившийся из Одессы с грузом пшеницы, сахара и сгущенного молока. Вслед за первым судном потянулись и другие. На них находились врачи, в трюмах — вездеходы ГАЗ-67 и, конечно, продовольствие.

Еще два ИЛ-68, зафрахтованные соседней Ганой, перебрасывали в Конго ганские воинские подразделения. Все это — капля в море. Отец нервничал, приходящие из Конго сообщения не способствовали улучшению настроения. Больше всего раздражало и пугало

отца то, что в Конго всеми делами ООН заправляли американцы. Из ста пятидесяти чиновников ООН в Конго четыре пятых составляли американцы, и ни одного из нашей страны. Для перемещения по территории страны представители ООН использовали самолеты США. У отца сложилось твердое убеждение: без одобрения Эйзенхауэра Даг Хаммаршельд не смеет сделать и шагу.

Пресса подливала масла в огонь. Газеты пестрели заголовками: «Хрущев терпит в Конго поражение за поражением».

Отец попытался переломить обстановку, зашел с другой стороны. 21 августа он выступил с предложением объединить силы для оказания помощи Конго. Положительного отклика не последовало. Отец все больше нервничал, его угнетало собственное бессилие, раздражало высокомерное пренебрежение Запада.

Именно тогда он задумал выступить с новой инициативой: декларацией ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Здесь же следует искать корни его требования разделить исполнительную власть в ООН между представителями капиталистических, социалистических и развивающихся стран.

Конфликт в Конго, так же как и в Лаосе, где генерал Фуми Носован воевал с Суванной Фумой и легендарным в те годы капитаном Конг Ле, к счастью, не разросся в прямое столкновение между СССР и США. События разворачивались в стороне от столбовых дорог, да и к власти рвались свои, отталкивая, убивая своих же. Две великие державы внимательно следили за событиями, при случае предупреждающе ворчали друг на друга, но соблюдали дистанцию.

* * *

9 июля, выступая на Всероссийском съезде учителей, отец на весь мир заявил, что мы в ответ на объявление Эйзенхауэром экономической блокады Кубе подаем ей руку помощи. Он предрекал, что расположенная в благодатном климате, освободившаяся от эксплуатации империалистов маленькая страна в считанные годы расцветет, станет витриной новой жизни в Западном полушарии.

Через 9 дней отец с демонстративной сердечностью принял Рауля Кастро, брата лидера революции, второго человека на Кубе. Этот день, наверное, можно считать началом установления особых отношений между двумя странами. Все началось с сахара. Объявив блокаду, американцы отказались от его закупок на Кубе. Фиделю Кастро приходилось срочно искать нового покупателя. Отец поначалу не предполагал, что жребий падет на нашу страну. Россия никогда не покупала сахар, всегда доставало своего. После объявления блокады мировые цены на сахар подскочили, и отец надеялся, что кубинцам удастся сбыть свой товар. Он даже посмеивался над американцами, которым теперь придется довольствоваться «пустым» чаем. Однако жизнь распорядилась иначе: соседи Кубы по Карибскому бассейну увеличили посевы сахарного тростника и не оставили американцев без сладкого. Кастро запросил помощи. Пришлось выручать новых друзей. Скрепя сердце отец дал согласие на временную закупку кубинского сахара. Шло время, новых покупателей не находилось, соглашение продлили. Тем временем цены на сахар упали, нашим друзьям грозили серьезные убытки. По просьбе Кубы Советский Союз установил твердые цены.

Еще год назад советское руководство не могло и предположить, что судьба свяжет Москву и Гавану. О Латинской Америке не только отец, но и «специалисты» в ЦК знали крайне мало. А интересовались еще меньше. Поэтому вступление в Гавану 1 января 1959 года партизан Фиделя Кастро, бегство Батисты не привлекли особого внимания отца.

Когда отец попросил подготовить ему справку о Кубе, то оказалось, что дать ему просто нечего. Ни международный отдел ЦК, ни разведка КГБ, ни военная разведка не имели понятия, кто такой Фидель, за что он борется, какие ставит перед собой цели. Отдуваться пришлось заведующему отделом ЦК Пушкину. Отец посоветовал ему обратиться к кубинским коммунистам. Те объяснили: Кастро — представитель крупной буржуазии, к тому же агент ЦРУ, особой разницы между ним и Батистой нет. Так и доложили отцу.

Правда, в КГБ решили подстраховаться, послали

в Гавану «корреспондента ТАСС». Он оказался человеком неглупым и расторопным. Из его сообщений у отца начала вырисовываться несколько иная картина; он стал внимательнее следить за происходящими на острове событиями. Постепенно складывалось мнение, что кубинские коммунисты ошиблись (на самом деле в основе лежали внутренние распри), сам Фидель пока не раскрывал своих симпатий, но его брат открыто назвал себя марксистом. Отец просто пришел в восторг: социалистическая революция произошла под боком у США. Вот еще одно подтверждение марксовской и ленинской правоты. Но до конца отец еще не мог поверить, сомневался. И не он один. Решили проверить. В феврале 1960 года на Кубу собрался Анастас Иванович Микоян.

Накануне отъезда Микоян заехал на дачу к отцу. Мне запомнился такой штришок. Гуляли гурьбой, с Анастасом Ивановичем приехал его сын Серго, из нашего семейства к компании присоединился Аджубей. Алексей Иванович рассказывал о недавней поездке Фиделя Кастро в Вашингтон, на встречу с вице-президентом Никсоном. Достоверно никто ничего не знал, но подобный поворот событий очень обеспокоил отца. Аджубей, ссылаясь на сообщения американской прессы, убеждал присутствующих, что Кастро — американский агент, верить ему нельзя. А если и не агент, то плясать станет под дудку Белого дома. Отец и верил, и не верил. Вернее, не хотел верить.

Я привел этот эпизод в свидетельство того, насколько мало знали в Москве о Кубе даже наиболее информированные люди.

На самом деле в Вашингтоне Фидель занял жесткую, независимую позицию. По сути дела, сжег за собой мосты.

Анастас Иванович возвратился с Кубы в приподнятом настроении. Он в мельчайших подробностях рассказывал о встречах с братьями Кастро, Че Геварой, другими кубинцами. По его мнению, они, безусловно, честные борцы за свободу. Их идеология очень быстро эволюционирует к марксизму. Микоян считал: Кубе надо помогать, но при этом соблюсти все мыслимые предосторожности. Если в Вашингтоне догадаются, куда склоняется Кастро, новый режим, пока он еще не окреп, в два счета прихлопнут.

Отец еще какое-то время продолжал приглядывать-

ся к Кастро, но уже как к потенциальному другу и единомышленнику. Он находил все больше подтверждений словам Анастаса Ивановича, восхищался героизмом кубинского народа. Он больше не сомневался: мы—интернационалисты, не можем не помочь Кубе, не позволим задушить революцию.

Сказать легко, но как сделать? У США мощный военно-морской флот, да и разделяет их с Кубой девяносто миль морского пролива. А у нас? Флота практически нет, по крайней мере такого, который, преодолев одиннадцать тысяч километров, способен противостоять грозному противнику. Оставались экономическая помощь и политическая поддержка.

После встречи отца 3 июня с главой экономической миссии, директором национального института аграрной реформы на Кубе Антонио Нуньесом Хименесом, он решил больше не скрывать свои симпатии.

22 августа 1960 года первый советский посол на Кубе М.С. Кудрявцев вручил верительные грамоты президенту Освальдо Дортикосу.

У отца добавился еще один источник головной боли. Если до сего времени ему не давали покоя границы ГДР, то теперь приходилось думать, как уберечь Кубу от американской агрессии.

Чисто по-человечески отец заочно просто влюбился в Фиделя Кастро. Он мечтал познакомиться с «бородачом», но пока обстоятельства тому не благоприятствовали.

* * *

В середине июля отец наконец принял окончательное решение — он сам во главе делегации Советского Союза поедет в Нью-Йорк на заседание сессии Генеральной Ассамблеи. 10 августа об этом объявили официально. Правда, осторожный Громыко порекомендовал сохранить пространство для маневра: вставить в сообщение фразу лишь о возможном участии отца в работе сессии. Он побаивался, что другие страны не последуют нашему примеру, тогда отцу грозит в ООН если не одиночество, то жиденькое окружение союзников по Организации Варшавского Договора.

Теперь у отца появилась отдельная папка, куда складывали поступавшие сообщения о лидерах ино-

странных государств, решивших отправиться в Нью-Йорк. С каждым днем она заметно прибавлялась в объеме. Отец торжествовал — мир откликнулся на его призыв, обсуждать проблему деколонизации и разоружения в Нью-Йорк приедут не только руководитель Индии Джавахарлал Неру и президент Индонезии Сукарно, но и лидеры европейских стран. Даже премьер-министр Японии сделал заявление о своем намерении принять участие в дискуссии. В противостоянии с американским президентом он ощущал себя победителем. Теперь Эйзенхауэр не сможет проигнорировать столь важное собрание, ему придется откликнуться на инициативу отца, и откликнуться положительно. В вопросе деколонизации он надеялся загнать западных партнеров в угол, пусть они попробуют возражать на глазах у всего мира. Отец рассчитывал, что голосование склонится в его пользу. А вот призыв к всеобщему разоружению отец считал больше пропагандистским ходом. Здесь он не рассчитывал на скорый результат. Совершая первый шаг, он приготовился к долгому пути.

Отец любил называть себя агитатором, верил, что искреннее слово найдет, пусть не сразу, дорогу к сердцу человека. Он считал очень важным то, что на сессии Генеральной Ассамблеи каждому придется высказаться — тут-то народы мира и увидят, кто какой позиции держится и кто чего стоит.

Что же касается реформы исполнительной власти ООН, то здесь у отца даже дома сторонников набиралось немного. Осторожного Громыко беспокоила утеря контакта с нашими партнерами, и не только на Западе. Появление трех генеральных секретарей вместо одного подрывало всякую надежду на возможность достижения решений. Впрочем, отец и не скрывал своих целей. Он мечтал разрушить автоматическое прозападное большинство при голосовании. Цели он преследовал понятные, но очень уж неуклюже. Однако здесь отец не воспринимал ничьих советов, он, как говорится, закусил удила. Как только окружающие ощутили, что он намерен твердо стоять на своем, оппонентов как ветром сдуло. Все превратились в его горячих сторонников. Я говорю, конечно, о советской делегации.

Вся эта затея с тремя сопредседателями не добавила авторитета ни нашей стране, ни отцу.

Так же как и история с ботинком... Но о нем позже.

* * *

В путь отец решил отправиться на теплоходе. Начавшись в Калининградском порту, путешествие растягивалось в десять дней, но отец оптимистично полагал: время пойдет на подготовку выступлений, шлифовку материалов, окончательную утряску позиций делегаций. С ним вместе в Нью-Йорк направлялись не только делегации Украины и Белоруссии, но и представители большинства социалистических стран. Только румыны, проигнорировав приглашение отца, решили лететь самолетом.

Ко всему прочему отцу очень хотелось пересечь океан на пароходе. Так, как это делали переселенцы в Америку, о приключениях которых он читал в юности. Другого удобного случая, считал он, не представится. Отец все чаще стал поминать смерть. Началось с генеральского мундира. Он пошил его к 40-летнему юбилею Советской Армии. Вернувшись домой после торжественного заседания, он как-то не очень уверенно предложил: «Давай сфотографируемся, больше я его, наверное, не надену». Мне стало от его слов не по себе. Я бросился разубеждать отца, но он мягко остановил мои бодряческие словоизвержения, повторив: «Давай сфотографируемся, останется тебе на память». Я пишу эти строки в комнате, где на стене висит фотопортрет: отец в форме генерал-лейтенанта с частоколом орденов на мундире и рядом совсем юный я, его сын.

Теплоход под названием «Балтика» отчалил 9 сентября. В советскую делегацию кроме отца входили Андрей Андреевич Громыко и два его заместителя, Зорин и Солдатов. Осенняя погода в Атлантике переменчива. Спокойная гладь океана сменялась вздыбленными волнами, начиналась качка. Отец особо гордился своей невосприимчивостью к шторму, шутками встречал позеленевших попутчиков, выползавших из своих кают глотнуть свежего ветерка. Он почти все время проводил на палубе: тут он работал, беседовал с коллегами и просто отдыхал.

Начавшееся в Париже противостояние Эйзенхауэра

и отца продолжалось. Выглядело это иногда несколько по-мальчишески и могло вызвать улыбку, если бы в руках обоих не сосредоточивалась огромная сила. На сей раз накануне прибытия отца в Нью-Йорк объявили, что советской делегации воспрещается, не испросив предварительного разрешения в полиции или у иных властей, перемещаться не только по стране, но и по Нью-Йорку за пределами Манхэттена.

Отца этот булавочный укол только взбодрил. Он еще более укрепился в мысли, что борьба за реорганизацию структуры ООН, а возможно, и перевод штаб-квартиры этой организации за пределы США — единственная возможность восстановить ее работоспособность и авторитет в мире.

Отец рвался в бой, стремился разоблачить агрессивную сущность США и их президента. Начать он намеревался с самых больных, горящих вопросов. К открытию сессии Генеральной Ассамблеи обстановка в Конго раскалилась донельзя. Все стреляли во всех. Премьер-министр Патрис Лумумба и его сторонники теряли одну позицию за другой, их часы, не вызывало сомнения, сочтены. Силам ООН не удавалось ничего сделать, к тому же трудно было понять, какую из сторон они поддерживают. Отец намеревался на Генеральной Ассамблее резко поставить вопрос о положении в Конго. Обсуждение предстояло не из приятных. США и СССР бросили в Конго свой престиж на разные чаши весов.

Другой, не менее больной вопрос: прием новых членов в ООН. СССР регулярно поднимал вопрос о замене тайваньского представителя на делегата КНР, и столь же последовательно США проваливали предложение при голосовании. В Белом доме нервничали. Отец мог захватить инициативу, увлечь на свою сторону делегации стран «третьего мира». Эйзенхауэр, по всем правилам военного искусства, решил нанести упреждающий удар, вывести отца из игры. «Балтика» прибывала 19 сентября, подгадывая к открытию сессии, намеченному на 20-е. Никакие силы не могли помочь отцу попасть в Нью-Йорк раньше.

Вот американцы и предложили провести предварительно еще одну, чрезвычайную сессию с повесткой дня: прием новых членов в ООН и положение в Конго. Открыть ее решили 17 сентября.

Делегации, направляющиеся в ООН не столь экзотическим способом, как отец, могли без труда поменять свои авиабилеты. А пассажиры «Балтики» попали в западню. Им оставалось следить за ходом дискуссии по радио. Правда, отец не унывал, он при любом удобном случае поминал, как одним своим видом перепугал американцев. О Конго и Китае, не очень связывая себя повесткой дня, отец высказался на последующих заседаниях.

Итак, 19 сентября «Балтика» подошла к одному из множества причалов Нью-Йоркского порта. Лайнер швартовался в отнюдь не фешенебельном месте. Мне сейчас трудно сказать, имелся ли у отца выбор. Он рассказывал, что сам предпочел место швартовки подешевле.

Встреча не походила на прошлогоднюю: ни красной ковровой дорожки, ни трибуны с микрофонами, ни официальных лиц, даже самых незначительных. Хозяева демонстрировали свое неуважение к прибывающему в их страну по своим делам лидеру соседней великой державы.

У трапа стояли советские сотрудники ООН, жители нашей колонии. Впереди — дети с букетами цветов, совсем как в каком-нибудь не очень крупном областном центре. И конечно, толпа репортеров.

Среди встречавших выделялась худощавая подтянутая фигура Сайруса Итона. Его седая голова была непокрыта, шляпу он держал в руке. Этот канадско-американский миллиардер позволял себе иметь самостоятельную точку зрения на отношения между нашими двумя странами и на то, как следует встречать Хрущева.

Недружественные проявления настраивали отца на боевой лад. Он считал, что подобная реакция империалистов свидетельствует о том, что он занимает правильные позиции. Главное, не паниковать, не торопиться. Все постепенно установится. Нам некуда деваться друг от друга, рано или поздно придется признать реалии и договариваться. Надо иметь терпение.

А пока обычно общительный отец удваивал свою энергию, проповедовал, доказывал, убеждал. Дни отца плотно заполнялись визитами, беседами, и не только с представителями «третьего мира» — игнорировать его не смогли себе позволить и европейцы. Но по-настоящему в душу запала ему одна встреча: едва

сойдя с теплохода, отец поинтересовался, где живет Фидель Кастро. Доложили: Кастро разместился в захудалой гостиничке, в негритянском Гарлеме. В других отелях его просто отказались принять. Отец вспыхнул и решил немедленно ехать с визитом. Едва успели позвонить кубинцам. Фидель немного растерялся, сказал, что он может приехать сам. Отец и слушать не хотел. Он считал себя просто обязанным продемонстрировать уважение к представителю маленького бесстрашного, свободолюбивого народа.

Отец понимал, что их встречу воспримут как вызов, и постарался обставить ее поэффектнее. Здесь, правда, особых усилий не потребовалось: Гарлем, Хрущев, Кастро. Журналистов набежало великое множество.

Отец и Кастро встретились в холле гостиницы, обнялись, расцеловались, как старые друзья. Отец вспоминал: ему показалось, что его обхватил медведь.

Отца захватила искренность Фиделя Кастро, его непреклонная решимость победить или умереть за дело освобождения своего народа. Эта встреча в Нью-Йорке окончательно убедила отца в необходимости помочь Кубе в ее борьбе всеми доступными средствами: и экономическими, и политическими, и военными. Правда, с последним не торопились, проявляли осторожность, и та и другая сторона опасались спровоцировать Соединенные Штаты.

В Нью-Йорке отец искал и находил подтверждение доброго к себе отношения со стороны американцев: кто-то помашет рукой, кто-то улыбнется. Запомнилась ему забота одного из журналистов, постоянно дежуривших под окнами дома, где он жил. Отец скучал, в перерыве между заседаниями и встречами он был заточен в четырех стенах, нельзя прогуляться по улицам, за город выехать запрещено. Единственное развлечение — небольшой балкончик, куда он выходил перекинуться словцом с прессой, развеяться. Вот тут-то он и получил записку, в которой говорилось, что Нью-Йорк не Москва и в нынешней обстановке отец на балконе под нависшими с обеих сторон улицы домами с тысячами окон рискует жизнью. Никто не знает, кто и о чем думает за их стеклами, а оружие купить — не проблема. Отец был тронут, принял предупреждение во внимание, но на балкон выходить

не перестал. Он опасался, как бы его не заподозрили в трусости.

На самих заседаниях Генеральной Ассамблеи отец тоже не терял времени даром, активно участвовал в дискуссии, продолжавшейся две недели, выступал с заявлениями, брал слово по процедурным вопросам, заявлял протесты. По его мнению, он вел себя как заправский западный парламентарий. Я не хочу останавливаться на существе дискуссии, об этом много написано. Правда, еще больше говорят об истории с ботинком. Она стала как бы символом пребывания отца в Нью-Йорке и вообще в США. Затмила собой и Диснейленд, и Кэмп-Дэвид. Казалось, нечего и добавить. Тем более нечего оправдываться, лучше промолчать. Я поначалу хотел так и поступить, подправлять устоявшийся образ — занятие неблагодарное и безнадежное. Потом я передумал. И вот почему. «Не зная броду, не суйся в воду», — советует пословица. Это в обыденной жизни. А в политике незнание образа мышления партнера, привычек и обычаев может завести очень далеко. Но причем тут ботинок? Постараюсь пояснить. При всей кажущейся и не только кажущейся эмоциональности отец строго контролировал свои поступки. Иначе не стать политиком.

Сидевшая в нем бунтарская жилка порой проявлялась во время выступлений, когда он говорил без бумажки. Тут, «заведя» себя, он мог переступить установленные им самим границы. Так бывало. В газетах той поры нет-нет и появлялись разъяснения, что хотел, а что не хотел сказать Председатель Совета Министров в своей недавней речи. Порой он использовал подобный прием умышленно, желая проверить реакцию где-нибудь на Западе или Востоке.

А вот в парламентской дискуссии отец ощущал себя новичком, точнее, учеником. Попрактиковаться ему не удалось. Когда отцу стала доступна трибуна Верховного Совета, то главным в выступлении считалось количество упоминаний имени вождя и качество сопровождавших их эпитетов и гипербол.

А что происходит там, в чужих парламентах? Газеты писали такое — дух захватывало. Мы верили: драки, взаимные оскорбления — норма поведения западного законодателя. Во время визита в Великобри-

танию, когда делегацию водили по парламенту, даже получили тому подтверждение. Нам показали на полу зала заседаний две полоски, разделявшие представителей правящей и оппозиционной партий. Переступать через них запрещалось строжайшим образом. Гид пояснил: расстояние между полосками по закону должно превышать длину шпаги, чтобы гарантировать личную безопасность дискутирующих. Отец тогда пошутил, что подобные правила существовали в пору его молодости и в российской Государственной думе.

Попав на заседание Генеральной Ассамблеи, он поразился: «Я первый раз оказался в подобной организации... Представители буржуазных стран пользовались методами, принятыми в буржуазных парламентах: шумели, стучали о свои пюпитры, подавали реплики. Одним словом, устраивали обструкцию оратору, если его выступление им не нравилось. Мы стали, я говорю о себе, платить тем же — шум поднимали, ногами стучали и прочее».

Конечно, глупо предполагать, будто отец поверил, что в парламентах западных стран решающим аргументом служит дубинка, но своеобразное искаженное мнение о порядках, царящих там, у него сложилось.

Он решил и сам в критические моменты последовать правилам, принятым в доме хозяев. Впоследствии, рассказывая об этом инциденте, он вспоминал и о днях своей молодости, шумных и буйных дискуссиях периода революции.

Нельзя отбросить и некоторое озорство, эдакое «знай наших». Все это спаялось вместе, замешалось на отцовской эмоциональности, и вот он уже дает сто очков вперед самому ярому парламентскому смутьяну, яростно стуча кулаком по столику.

Он и раньше не раз устраивал подобные спектакли. Так, во время прошлогоднего визита в США, отец остался очень недоволен приемом, оказанным ему в Лос-Анджелесе. Закончилось все размолвкой, а вернее, резким выступлением на обеде, устроенном вечером мэром города Нортоном Паулсоном. Отец в ответ на упоминание мэром о его неудачном замечании «мы вас закопаем» взорвался: «Я уже говорил в Нью-Йорке, что имел в виду не американцев, а капитализм, экономическую формацию, которая не выдержит соре-

внования с социализмом. Что же, у вас мэры газет не читают? Думаю, читают, но умышленно подбрасывают мне эту дохлую кошку, хотят поссорить меня с людьми. Не выйдет». Дальше отец сказал, что он, представитель великой державы, вправе рассчитывать на должное уважение. В противном случае он соберет свои чемоданы и немедленно вернется в Москву.

Отец закончил свою тираду. Зал загудел, гости комментировали бурное выступление русского премьера.

Весь этот спектакль, казалось, произошел спонтанно — взрыв эмоций не очень сдержанного человека. После официального обеда делегация, помощники и сопровождавшие лица собрались в обширной гостинице премьерских апартаментов. Выглядели все растерянными и подавленными. Отец снял пиджак и сел на банкетку. Остальные расположились на диванах и креслах.

Отец внимательно всматривался в лица. Сам он сохранял суровость, но в глубине глаз проскальзывали веселые искорки. Он прервал паузу, сказав, что мы, представители великой державы, не потерпим, чтобы нами помыкали. Затем в течение получаса, не очень стесняясь в выражениях, высказывал свое отношение к тому, как принимают нашу делегацию. Он почти срывался на крик. Казалось, ярость его не знает пределов. Но глаза почему-то лучились озорством. Периодически отец поднимал руку и начинал тыкать пальцем в потолок — мол, мои слова предназначены не вам, а тем, кто прослушивает.

Наконец, монолог прекратился.

Прошла минута, другая, присутствующие растерянно молчали. Отец отер пот с лысины — роль потребовала изрядного напряжения — и повернулся к Громыко:

— Товарищ Громыко, идите и немедленно передайте все, что я сказал, Лоджу*.

Андрей Андреевич встал, откашлялся и направился к двери. На его и без того неулыбчивом лице обозна-

*Генри Кэбот Лодж, бывший представитель США в ООН, сопровождал Хрущева от имени президента в поездке по стране. — *С. Х.*

чилась мрачная решимость. Он уже взялся за ручку двери, и тут его жена Лидия Дмитриевна не выдержала.

— Андрюша, ты с ним повежливей!.. — взмолилась она.

Андрей Андреевич никак не отреагировал на ее трагический призыв, дверь за ним беззвучно затворилась.

Я взглянул на отца.

Он прямо-таки ликовал, реакция Лидии Дмитриевны свидетельствовала, что роль удалась.

На следующий день мы приехали в Сан-Франциско. Наших хозяев, казалось, подменили: лица дружелюбны, ни одного обидного слова.

Не сомневаюсь, что, если бы кто-нибудь из окружавших отца в коридорах ООН наших дипломатов сказал ему об истинном восприятии залом его поведения, он немедленно отреагировал бы. Конечно, отец не превратился бы в вальяжного, с грустными глазами Макмиллана или чопорно следящего за каждым своим жестом де Голля, он остался бы самим собой, но снял бы маску смутьяна. К сожалению, у нас не принято делать замечания лицам, находящимся у власти. Это откладывается на потом, на после похорон или, реже, после отставки.

Вот что вспоминает отец.

«Впереди нас, такая выпала доля, сидела испанская делегация. Возглавлял ее немолодой уже человек с приличной лысиной, обрамленной седыми волосами. Сам худой, лицо сморщенное, не плоское, а вытянутое вслед за острым носом вперед. Если бы между нашими странами были нормальные отношения, я мог бы сказать, что ничего, весьма приличный человек. Но отношения у нас были — дальше некуда, и он производил на меня соответствующее отталкивающее впечатление. Мы были соответственно настроены.

Я бы к этому добавил несколько слов о встрече с Долорес Ибаррури, которая состоялась перед нашим отъездом. У меня с ней были очень хорошие отношения.

Она меня попросила: «Товарищ Хрущев, хорошо, если бы Вы, выступая в ООН, выбрали момент и заклеймили франкистский режим в Испании».

Вот я и обдумывал, как это сделать. Мы сидели чуть выше испанской делегации, я, как говорится, носом клевал в лысину испанского представителя. Когда

я смотрел на него, мне тут же вспоминался наказ Долорес Ибаррури...

Когда обсуждался вопрос о ликвидации колониализма, я решил воспользоваться репликой, чтобы выполнить данное мне поручение. Я очень остро выступил против Франко, не называя, естественно, его фамилии. Говорил о реакционном, кровавом режиме, использовал и прочие выражения, которыми мы, коммунисты, пользуемся в печати для обличения режима Франко.

Сейчас же с ответной репликой выступил представитель Испании».

Отец категорически не принимал слов, произносимых с трибуны, и решил продемонстрировать степень своего возмущения. Эдакий чертик всегда сидел в нем. Он выглянул и подтолкнул отца на мелкое хулиганство. Отец с хитринкой в глазах повел взглядом по сторонам и низко наклонился к самому полу. Сидевший рядом Громыко заинтересованно следил за происходящим. Неподалеку от них сидел еще один молчаливый член советской делегации, звали его Георгий Михайлович Животовский. Тогда, не исключено, он носил иную фамилию. По долгу службы ему полагалось замечать все. Его рассказ я постараюсь передать по возможности дословно:

«Никита Сергеевич продолжал возиться под пюпитром и наконец, раскрасневшийся, выпрямился на кресле. В руке он держал ботинок, вернее туфлю на резинках. (Отец не терпел шнурков.)

Оглянувшись по сторонам, он, улыбаясь, стал постукивать подошвой по пюпитру, сначала тихонько. Никто на него не обращал внимания, только Андрей Андреевич как завороженный следил за каждым движением.

Постепенно Хрущев наращивал темп, ему требовались зрители. Наконец, он добился своего — то один, то другой из делегатов недоуменно поворачивали голову в сторону советских представителей. По залу прокатился шумок. Не понимая, в чем дело, оратор занервничал. Отец уже со всего размаху колотил каблуком».

Как рассказывал Георгий Михайлович, именно в этот момент на лице Громыко проступила гримаса решимости, как перед неотвратимым прыжком в холодную воду. Он наклонился, снял свой ботинок и стал потихоньку постукивать им в такт отцу по крышке своего пюпитра. При этом он ухитрился развернуться таким

образом, чтобы отец видел, что он делает, но только он один. Сидящим в зале ритмичные взмахи правой руки советского министра иностранных дел не говорили ни о чем. Казалось, он отряхивает полу своего пиджака. Так никто ничего и не заметил, кроме человека, все замечать которому приходилось в силу служебных обязанностей.

О том, как закончилась стычка, вспоминает сам отец: «Вернулся испанец и занял свое место. Когда он садился, мы перебросились репликами, не понимая языка друг друга, обе стороны выражали свое неудовольствие мимикой.

Вдруг к нам подошел полицейский, здоровый такой верзила, как истукан встал в промежутке, разделяющем нашу и испанскую делегации. Видимо, в его задачу входило в случае чего не допустить до рукопашной. Бывали случаи, когда делегаты схватывались и применяли, так сказать, рукоприкладство»*.

По окончании заседания члены нашей делегации наперебой поздравляли отца.

Отец вспоминал на пенсии, что единственным человеком, неодобрительно отозвавшимся о его поступке в те дни, оказался премьер-министр Индии Джавахарлал Неру. Он считал, что не следовало так поступать.

В конце октября 1964 года и Андрей Андреевич Громыко, выступая на собрании актива Министерства иностранных дел, посвященном «волюнтаризму и субъективизму», резко осудил поведение отца.

За некорректное поведение советскую делегацию оштрафовали. Мне об этом не раз рассказывали, конечно, уже после отставки отца. Всех интересовала, естественно, сумма. Называли миллион, даже больше. Я попытался докопаться до истины, но это оказалось невозможным. Наиболее достоверные источники назвали: десять тысяч. Тоже сумма немалая.

Это малозначащее по своей сути происшествие намертво вписалось в историю, накрепко связалось с именем отца. Для многих, особенно американцев,

---

*Отец ошибся. На самом деле его ботинка удостоился не испанец, а делегат Филиппин. Так что Долорес Ибаррури тут тоже ни при чем. Я решил не поправлять отца. Какая разница, а он так красочно описал своего недруга. Наверное, в том случае он стучал кулаком, и не менее энергично. Но... кулак не выходил за рамки дозволенного и не привлек ничьего внимания — *С.Х.*

Хрущев — «тот», кто стучал ботинком в ООН. Странны превратности судьбы. Бессмысленно сегодня, по прошествии стольких лет, оправдывать, осуждать или даже объяснять. Что произошло, то произошло. Приятное и неприятное приходится принимать таким, как оно есть.

Отец вернулся в Москву 14 октября самолетом. Ощущал он себя победителем, считая, что беспрецедентно высокий уровень представительства государств на заседании Генеральной Ассамблеи, важность поставленных там вопросов компенсировали провал совещания в Париже.

* * *

1960 год складывался для Янгеля чрезвычайно удачно. Принесшая признание его конструкторскому бюро Р-12 пошла в войска. Один за другим разворачивались боевые старты на Украине, в Белоруссии, Прибалтике. Военные докладывали, что по сравнению с Р-5 она много удобнее в обращении. Конструкторы так расположили люки и лючки, что приборы и агрегаты сами просились в руки, до них не приходилось дотягиваться, проявляя цирковую ловкость и «русскую смекалку».

И уж совсем непривычное. Без недостатков не обходится ни одна конструкция. Они разделяют заказчика и конструктора порой трудно преодолимым барьером. За прошедшие годы военные притерпелись к Королеву. Он не любил замечаний, как правило, встречал в штыки любые претензии, требовал не мешать работать. Порой в сердцах закрывал совещание, выгоняя присутствующих из кабинета. По Главному конструктору равнялись и подчиненные. Янгель избрал иной стиль. Претензии, даже самые пустяковые придирки внимательно изучались. И всегда находилось согласованное решение. Малиновский и Неделин не скрывали своего удовлетворения.

В глазах отца, я не говорю уже о Брежневе и Усти-

*До избрания на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР Брежнев в ЦК отвечал за деятельность оборонной промышленности, в первую очередь за программу ракетного перевооружения. На новом посту он, не имея формальных обязанностей, сохранил за собой определенные функции куратора престижного направления. — *С. Х.*

нове, новая организация постепенно обретала вес, сравнимый с авторитетом королёвского конструкторского бюро. Особенно после успешного запуска Р-14. Ракета, что называется, пошла с ходу, дебютировав в Капустином Яру в июле на глазах многочисленных зрителей.

Теперь пришла очердь Р-16. На полигоне в Тюра-Таме заканчивались последние приготовления к запуску, намеченному на конец октября.

В соревновании с Королевым и Челомеем Янгель вырвался вперед. Королеву для выхода на испытания требовалось еще не менее полугода, а Челомей вообще только приступил к проектированию своей «двухсотки».

Теперь отец поминал Янгеля на каждом шагу, ставил его в пример другим конструкторам, даже Королеву. Он по-детски радовался удачному выбору, сделанному много лет назад. Новый Главный конструктор превзошел все ожидания. До окончательного триумфа оставался последний шаг — запуск межконтинентальной ракеты.

Привыкший за последние годы к первенству Королев люто ревновал соперника. То, что Янгелю удалось первым выйти на испытания, он относил за счет приоритетности работ по кислотному двигателю в КБ у Глушко.

По возвращении из Нью-Йорка отец поинтересовался, как идут дела. Неделин доложил: запуск наметили на 23 октября. Как председатель Государственной комиссии, он намеревался в ближайшие дни лететь на полигон.

23-го никакой информации с полигона не поступало. В конструкторских бюро об очередных запусках, даже у соседей, узнают мгновенно. На сей раз стояла полная тишина. Особых волнений не возникло, видимо, запуск отложили, подобное случалось не раз. Вечером отец подтвердил наши догадки, звонил Неделин, сообщил о возникших неполадках, их устраняют на месте. Отец советовал не торопиться, лишний день погоды не сделает.

На следующий день по нашему конструкторскому бюро поползли слухи об аварии в Тюра-Таме. Никто ничего толком не мог узнать. Даже Челомей. Происшедшее держалось в строжайшей тайне. Просочилась самая малость: старт разрушен, есть жертвы.

Вечером отец приехал домой мрачнее тучи. Выйдя из машины, он пошел по узкой асфальтированной дорожке вдоль высокого каменного забора, окружавшего резиденцию. Я пристроился рядом. Очень хоте-

лось задать вопрос, но насупленное лицо отца удерживало меня от вопросов. Пусть он начнет сам.

Уже совсем стемнело, фонари отбрасывали на асфальт неяркие круги света. Под ногами шуршали опавшие листья.

Наконец отец прервал тягостное молчание.

— «Шестнадцатая» взорвалась на старте, — глухим голосом выдохнул он. — Люди погибли. Много. Неделина не могут найти. Наверное, тоже...

Отец не договорил и снова замолчал. Я просто похолодел от ужаса. За прошедшие два года я вдоволь насмотрелся аварийных пусков. Привыкнуть к ним невозможно. Грибовидное черное облако, быстро уходящее в высоту, увлекающее своей раскаленной сердцевиной подхваченный с земли мусор, и огромный костер в образовавшейся на месте взрыва воронке. Приблизиться к нему не рисковали и привыкшие ко всему полигонные пожарные. В жарком пламени горит даже металл, вспыхивают стекающие с плавящейся обшивки алюминиевые капли, так похожие на слезы. Пожарные в таких случаях терпеливо ожидают поодаль, их задача — не тушить, а удержать огонь на месте. От этого зрелища меня каждый раз начинал колотить озноб, даже в летнюю жару коченели руки и ноги. В голове вспыхивала на мгновение мысль: «Хорошо, что мы работаем с беспилотными объектами, не приходится за ошибки расплачиваться жизнями. Насколько труднее авиаторам!..»

До сих пор при испытании ракет катастроф с жертвами, да еще многочисленными, в нашей стране не случалось. Бог миловал. При недавней аварии «семерки», происшедшей в момент запуска двигателей, разрушился старт, превратились в искореженные обломки сооружения и конструкции, но никто не пострадал. Всех людей, не задействованных в непосредственной подготовке пуска, согласно инструкции заблаговременно эвакуировали в безопасное место, а стартовая команда и члены Государственной комиссии укрылись в глубоком и надежно забетонированном бункере.

Правда, не обошлось и без казусов. Сейчас они выглядят комичными, хотя тогда было не до смеха. Высокопоставленные гости, так издавна повелось, наблюдали запуск со смотровой площадки, оборудован-

ной километрах в полутора от старта. На площадку набилось немало зрителей: и местное полигонное начальство, и московский генералитет, как военный, так и штатский. Отсюда в бинокли и стереотрубы можно разглядеть все перипетии последних минут подготовки, отрыв ракеты от стартового стола и, наконец, быстро уходящий к горизонту под аккомпанемент ликующего голоса комментатора, сообщающего о полученных по телеметрии параметрах полета, факел двигателя. Все это создавало иллюзию сопричастности. Для пущей безопасности рядом со смотровой площадкой отрыли блиндаж. Он мало походил на стартовый бункер с многометровым бетонным покрытием, способным выдержать любой удар, — так, нора с бревнами в два наката и незамысловатым лазом с тыльной стороны, к которому вел открытый скос аппарели.

В тот день «семерка» по команде «старт» приподнялась, зависла и нехотя стала валиться на бок, не хватило тяги двигателей. Боковые блоки вышли из зацепления и, освобожденные от необходимости выталкивать центральную часть, расчерчивая огненными хвостами закатное небо, устремились вверх и в стороны. Феерическое, захватывающее зрелище, если только не кажется, что одна из многотонных боковушек летит прямо на тебя.

По рассказам расположившихся поблизости местных шоферов, им места в блиндаже не полагалось, в дверях укрытия возникла ужасающая давка. Еще долго потом на аппарели солдаты находили гербастые генеральские пуговицы. В тот раз все обошлось. Боковушка улетела куда-то в сторону.

За последнее время аварии стали редкостью, особенно у Янгеля. Что же могло случиться? Я наконец не выдержал и спросил:

— А что с Михаилом Кузьмичом?

— Трудно сказать, там что-то невообразимое творится, — не смог успокоить меня отец. — Разберутся — доложат. Мы решили послать на полигон Брежнева со специалистами. Пока остается ждать. Такое несчастье...

На следующий день отец уточнил: Неделин погиб, от него не осталось даже горстки пепла. Нашли только половину обгоревшего маршальского погона и оплавившиеся ключи от служебного сейфа. Их потом и похоронили в урне на Красной площади в Кремлевской

стене. Янгель по случайности остался жив, в момент катастрофы он отошел в курилку.

Что же произошло на полигоне? Как случилась эта чудовищная катастрофа, унесшая десятки жизней? Кто виноват? На последний вопрос ответить труднее всего.

Попробую рассказать, что мне удалось узнать от отца, Брежнева, оставшихся в живых участников тех трагических событий. Некоторые интересные факты содержатся в публикации А. Болотина «10-я площадка» в журнале «Огонек», № 16, 1989 год.

Как я уже упоминал, пуск ракеты назначили на 23 октября, в воскресенье. На полигонах в те годы считалось дурным тоном отдыхать в выходные дни. Предстартовая подготовка шла своим чередом. Не обходилось и без привычных на испытаниях неполадок. Решение об их устранении, по докладам специалистов, принимал Главный конструктор Янгель и утверждал председатель Государственной комиссии Неделин. Оба они находились тут же. Так заведено испокон веку. Кто лучше Главного может разобраться, что можно сделать на месте, за какой деталью следует обратиться на завод, а что требует остановки испытаний и возвращения всего изделия в цех? Председатель комиссии следил, чтобы не нарушался установленный согласованными документами порядок, не возникла угроза жизни людей. Главный руководил гражданскими инженерами, а к Неделину стекалась информация от военных специалистов, не хуже самих авторов изучивших ракету. Если председателю комиссии представлялось, что Главный идет на неоправданный риск, он мог скомандовать: «Стоп» — и подготовка ракеты немедленно замирала. Отменить его решение не дано было никому, ни на полигоне, ни в Москве. Но такие казусы вообще происходили крайне редко, а с Янгелем — никогда.

Неделин и Янгель знали друг друга очень давно. Особенно они сблизились за последние годы. Ведь практически единственным серьезным оружием нового вида вооруженных сил — Ракетных войск стратегического назначения — оставались Р-12. Р-5 устаревали на глазах, а Р-7 ограничивались четырьмя стартами.

Маршал и Главный конструктор стали если не друзьями, то добрыми товарищами. Да и как иначе? Неделин принадлежал к тем, нечасто встречающимся

военным, которые не столько чтут букву инструкции, сколько стараются вникнуть в суть, разобраться в технических деталях, а уже затем решают, где можно соглашаться на отклонение от чертежа, а где нужно проявить твердость. Янгель не только души не чаял в своих ракетах, но обладал способностью поставить себя на место тех, кому придется столкнуться со всеми невыявленными дефектами, недоработками, которые в процессе испытаний постарались «не заметить». Можно сказать, что Главный конструктор и Главный заказчик хорошо притерлись, понимали друг друга с полуслова, не мелочились, но и не уступали в главном.

Для испытания Р-16 приготовили сразу два старта, чтобы не возникало задержки в случае каких-либо неожиданностей. Под этим словом суеверно скрывалось ожидание аварии. Для простоты и удобства старты различали как правый и левый. Установили их на некотором удалении друг от друга, но не слишком далеко, ведь все коммуникации приходилось тянуть из одного бункера.

Итак, к подготовке к первому пуску приступили ранним утром. Работа шла по графику: ракету установили на стартовый стол, провели предусмотренные инструкцией проверки. Системы функционировали нормально. Решили приступать к заправке, самой ответственной и опасной операции. Предстояло залить почти полторы сотни тонн горючего и окислителя, не только смертельно ядовитых, но и вспыхивающих при малейшем соприкосновении друг с другом.

По инструкции при заправке на площадке остается минимум людей, остальные обязаны покинуть старт. Одних увозят подальше, другие прячутся под землю. Но и Неделин, и Янгель не сомневались в надежности новой ракеты и пренебрегли инструкцией. Ракета им представлялась своей, родной, где-то даже ручной и домашней.

Нет ничего опасней, когда со сложной техникой начинают держаться запанибрата, теряют чувство дистанции. Техника требует к себе обращения на Вы и жестоко мстит за любые «вольности». Тогда, в первые годы ракетного бума, многие уверовали, что ракеты более не таят в себе неожиданностей. Все исследо-

вано, изучено, понято — запуски превратились в обыденную рутину. Конечно, нельзя исключить неполадки, не без этого, но о них старались не думать. Жизнь, казалось, давала тому подтверждение. Серия неудач с «семерками» отошла в прошлое. У Янгеля вообще серьезных происшествий не случалось. Р-12 и Р-14 стартовали одна за другой, подтверждая правильность заложенных инженерных решений. Возникла иллюзия вседозволенности.

Когда у Неделина запросили разрешение приступить к заправке ракеты, он только кивнул головой и потянулся в карман за ручкой. Требовалась его подпись. Топтавшийся рядом с бумагами начальник стартовой позиции засуетился, поблизости не оказалось ни стола, ни стула. Тогда он подставил свой объемистый дерматиновый секретный портфель с коричневой блямбой пластилиновой печати у замка. Неделин, не глядя, подписал протокол.

Начальник стартовой позиции не уходил, мялся. Наконец, он решился пригласить маршала в бункер. В его обязанности входило следить за соблюдением установленного порядка. Неделин сделал шаг в направлении тяжелой, окрашенной зеленой краской металлической двери, скрывавшей круто уходящие вниз узкие ступени, но в последний момент передумал. Он махнул рукой: «Начинайте» — и отошел шагов на десять от ракеты. Его примеру последовали члены комиссии. За ними потянулось великое множество «представителей».

Тут же присутствовал и начальник полигона Константин Васильевич Герчик. В его обязанности входило следить за соблюдением правил и инструкций на вверенной ему территории. Он знал, что обязан удалить со старта всех посторонних, независимо от их ранга. Но рядом находился маршал, его главнокомандующий. А он всего лишь генерал-майор... Герчик приказал принести из штаба стулья и легкий столик.

Комиссия расположилась под заправляемой ракетой. Обошлось... Пока... Заправка окончилась без происшествий. Дальше дело не заладилось. В последний момент в электрической схеме управления двигателем выявились ошибки: в турбонасосный агрегат из-за ошибочно открывшихся клапанов преждевременно поступили компоненты топлива. Первым делом требова-

лось устранить неполадки в схеме. Инструкция и здравый смысл категорически возбраняют любые эксперименты с электричеством на заправленной ракете. Полагается сливать компоненты, дезактивировать баки и только тогда лезть во внутренности приборов с паяльником. Но это по инструкции... Слив — крайне неприятная и длительная процедура. Испытатели ее ненавидят и любыми путями стараются избежать. Вот и сейчас ведущий по машине предложил в целях экономии времени отступить от правил. Иначе пуска придется ждать недели. Главный конструктор взял ответственность на себя, разрешил электрикам начать работу. Маршал не возражал. Он молча сидел на табурете под заправленной машиной и наблюдал, как суетятся на многометровой высоте башни обслуживания фигурки механиков.

Время поджимало. Вторая непредвиденная напасть: турбонасосный агрегат, заполненный компонентами топлива и окислителя, мог выдержать не более суток. Дальше его полагалось менять. Кислота безжалостно разъедала не только прокладки, но и растворяла металл. По правилам клапаны открываются перед самым стартом, качать кислоту по артериям трубопроводов предстоит несколько десятков минут. А тут необходимо выдержать многие часы. Следовало торопиться. Спешка добавляла нервозности. Тут уж до ошибки рукой подать.

Пока все обошлось. Схему перепаяли. Люки закрывали уже глубокой ночью. На своем заседании, происходившем тут же, под ракетой, Государственная комиссия отложила пуск до следующего дня. Люди измотаны. Решили дать им отдохнуть, выспаться. Стали с утра 24 октября проверять все системы. Начали с проверок, проведение которых допускается только на незаправленной ракете. Сейчас мерами безопасности пришлось пренебречь. Только отстыковали разъемы у пиропатронов, взрывавших мембраны трубопроводов и открывавших путь компонентам в двигатель. Встретившись в камере сгорания, компоненты вспыхивают без посторонней помощи.

Снова обошлось. Цепи поджига двигателей проверили, раздались резкие хлопки, похожие на пистолетные выстрелы, — это сработали имитирующие запуск пиро-

патроны, подвешенные на кронштейнах башни обслуживания. Начальник стартовой позиции вздохнул с облегчением и разрешил вновь соединить разъемы.

Времени оставалось в обрез. По сложившимся за десятилетие испытаний традициям и действующим инструкциям проверки полагается производить строго последовательно, одна за другой и только с разрешения «дирижера» — начальника стартовой команды. Только убедившись, что все соответствует пункту инструкции, он может разрешить сделать следующий шаг. Инструкция — все равно что партитура концерта, лежащая перед дирижером. В ней отмечено, что можно сделать и что делать категорически воспрещается. Любая взятая фальшивая нота здесь означает катастрофу. Каждый исполнитель внимательно следит за ведущим, без его разрешения не делается ни шагу. Тот же, как и дирижер, помахивающий палочкой, казалось, занимается ерундой: нудно читает пункт за пунктом: «Переключатель четыре поставить в положение шесть», и после доклада, исключающего ошибку: «Переключатель четыре установлен в положение шесть», двигается дальше: «Открыть вентиль двадцать два». И так пункт за пунктом, с раздражающей для непосвященного нудностью.

А попробуйте обойтись без дирижера... Или на ходу переписать партитуру...

Но именно с таким предложением спешил к Главному конструктору ведущий инженер. Время подстегивало. Поэтому, считал он, следует разрешить проводить проверки на различных системах одновременно, параллельно, а не последовательно, как указано в талмуде у начальника стартовой команды. Государственная комиссия дала «добро». Партитуру переписали на ходу, вернее, выдрали из нее страницы и перемешали их. Дальше дирижировать приходилось по наитию. Люди облепили ракету, как муравьи. Под ними внизу на стульях сидели ожидавшие доклада о готовности к запуску члены Государственной комиссии и их свита. Других дел у них пока не было.

Видимо, столь грубое нарушение правил не оставило равнодушным начальника полигона, но применить власть в отношении маршала он так и не решился. Не исключено, что Герчик предложил Неделину перейти

в безопасное место, но что ему ответил председатель комиссии, мы не знаем. В своем пересказе событий того дня Александр Болотин приводит свидетельство безымянного офицера, к которому Герчик обратился совсем не по-генеральски: «Может быть, хоть ты меня будешь слушаться? Бери своих офицеров и немедленно эвакуируйся с площадки. Вам здесь больше делать нечего». Приказ выполнили. Эти люди остались живы.

А время уходило... И чем меньше оставался запас времени, тем большая суета нарастала на старте. Каждая служба думала только о своем, о «дирижере» почти не вспоминали, оркестр распался. Несчастье стало неотвратимым, но об этом еще не подозревали.

Официальные документы свидетельствуют, что объявили 30-минутную готовность. По ней на поверхности земли у старта не должно было оставаться никого — ни начальников, ни исполнителей. Но существует система задержек, как бы останавливающих время, растягивающих для проведения не предусмотренных регламентом работ секунды в часы. «Часовая задержка минутной готовности» — одна из любимых шуток испытателей. Только этим можно объяснить многолюдие на старте. И еще, конечно, полной потерей управления.

На ракете установлен так называемый программный токораспределитель. С момента нажатия кнопки «старт» он в соответствии с заложенным в него заданием на полет последовательно выдает команды на включение тех или иных систем. В том числе и на включение двигателей, сначала первой ступени, а по истечении срока ее работы и отделения, замыкаются новые контакты, начинает работать вторая ступень.

Пока программный токораспределитель не установится по окончании всех проверок в нуль, провода к пиропатронам, поджигающим двигатели, не присоединяют. Иначе катастрофа неминуема. За этим обязан следить «дирижер».

Первыми завладели пультом управления электрики и управленцы, они проверяли циклограмму полета, «погнали» токораспределитель вперед. Все оказалось исправным, все команды от запуска двигателей первой ступени до завершающей — на отделение головной части — выдавались исправно. Тут их, видимо, что-то

отвлекло или еще по какой причине, но они бросили программник в «хвосте», не вернули его в исходное положение. «Дирижеру» ничего не доложили. Тем временем двигателисты, тоже не спросив «дирижера», подключили свои разъемы к пиропатронам двигателя и изготовились к запуску.

Тут вмешалась третья служба. У телеметристов возникли некие сомнения, мы теперь никогда не узнаем какие. Они потребовали дополнительной проверки, а для этого требовалось запустить программу с нуля. Вот тут-то и обнаружилось, что программный токораспределитель не в том положении, в котором ему надлежит быть. Никто в неразберихе не вспомнил о двигателях, их обслуживает иная служба.

Один из немногих оставшихся в живых очевидцев рассказывал мне в те годы, как, направляясь в курилку, он услышал: «Так я гоню программный токораспределитель (на жаргоне просто — ПТР) в ноль?» И неизвестно чей ответ: «Гони».

Этот момент решил все. Если бы прибор находился в нуле, то сначала бы запустились двигатели первой ступени. Катастрофа все равно произошла бы. Сейчас полет прокручивался задом наперед. Обреченные услышали где-то наверху хлопок пиропатронов и увидели ослепительную вспышку вырвавшегося из сопел двигателя пламени. Большего узнать им не пришлось.

Огненная струя мгновенно прожгла баки первой ступени, вниз на головы ничего не успевших понять людей хлынули потоки горючего и азотной кислоты. А это без малого сто шестьдесят тонн. Там, где они соприкасались, вспыхивало пламя. Первая ступень развалилась на куски. Сверху, довершая разрушение, обрушилась вторая ступень.

Те, кто находились рядом с Неделиным, непосредственно под ракетой, погибли мгновенно. Те, кто держался в стороне, попытались спастись, рванулись к правому старту в укрытие. Оказалось, этот путь вел к мучительной смерти. К приезду высокого начальства пространство между двумя позициями залили гудроном. Он мгновенно расплавился, люди застревали в нем, как мухи в липкой бумаге. Через несколько мгновений гудрон вспыхнул. От беглецов остались только очертания человеческих фигур на земле.

Те, кто работал на верхних этажах башни обслуживания, с многометровой высоты рухнули в бушующее пламя, но не достигли его. Они вспыхивали в воздухе, ведь температура костра превышала три тысячи градусов.

Бежавших влево от старта остановил высокий забор из колючей проволоки, отделявший сверхсекретный старт от менее секретной территории. Люди бросались на колючую проволоку, пытались взобраться по ней и повисали, зажаренные заживо.

Главному конструктору повезло. За несколько минут до катастрофы Янгель отошел в курилку. Единственное, что еще не дозволялось в тот день, — это курить под заправленной ракетой. Народная молва определила ему в спасители заместителя начальника полигона генерал-майора Александра Григорьевича Мрыкина. Якобы он увлек Янгеля в курилку.

Янгель только успел прикурить, как вслед за ослепительной вспышкой раздался не взрыв, а оглушительный рокот, со стороны старта пахнуло жаром. В легкие ворвался удушающий, разрывающий их кашлем смрад — и горючее, и окислитель, вырвавшиеся из баков ракеты, чрезвычайно ядовиты. В воздухе танцевали коричневые струйки паров азотной кислоты. Михаил Кузьмич застыл, глядя на картину, напоминающую конец света. Так продолжалось несколько секунд. Затем он рванулся к старту.

— Там люди. Я должен... — почти бессвязно выкрикивал он.

Его пытались удержать, схватили за руки. Янгель вырывался. Он почти потерял рассудок. Там остались, корчились, горели в тысячеградусном пламени его друзья, его сотрудники, его заместители Берлин и Концевой. Янгель стремился к ним туда, в огонь. Не ясно, надеялся ли он спасти гибнущих людей или хотел разделить их участь. Ведь его место — там, он только случайно на несколько минут покинул свой пост под ракетой.

Вряд ли тогда, в состоянии аффекта, им двигало чувство вины. Оно проявилось позже, когда происшедшее вырисовалось четче, события и действующие лица расставились по своим местам. Вот тут Янгель ощутил тяжесть своей ответственности. На площадке только три человека в тех условиях могли и должны были

потребовать соблюдения установленного порядка. Это Главный конструктор, председатель Государственной комиссии и начальник полигона. Я отмечал: генерал Герчик пытался что-то сделать, но при благодушном настроении Янгеля и Неделина его голос остался гласом вопиющего в пустыне. Несоблюдение дисциплины и установленного порядка — меньшая и не основная составляющая трагедии Янгеля.

Главная беда Янгеля состояла в другом. В технической иерархии человека, стоящего на более высокой ступени, ни в конструкторском бюро, ни на полигоне не существовало и не могло существовать. Он сосредоточивал в своих руках полноту власти, но на его плечах лежал груз ответственности. Последнее слово оставалось всегда за Главным. Он решал, что можно, а что нельзя делать на ракете, в данном случае заправленной. Он определял и изменял порядок и последовательность работ. Он командовал всем этим скопищем людей. Все они всецело находились во власти Главного конструктора. Председатель Государственной комиссии мог запретить работы, проводящиеся с отступлением от инструкции. Да, он мог запретить, но... Главный обязан держать всю картину в уме, мгновенно оценивать непрерывно меняющуюся обстановку, отвечать на самые неожиданные вопросы, возникающие в процессе испытаний столь сложного объекта, как ракета. Главный должен не только знать, что можно, а чего нельзя, но печенкой чувствовать грань, за которой — катастрофа.

В тот вечер 24 октября Янгель выпустил поводья из рук. Успокоился, уже пустили столько ракет, и все прошло удачно. Не ощущая жесткой хозяйской руки, все вольнее чувствовали себя помощники Главного, его заместители. За ними позволили себе расслабиться ведущие, следом — все остальные. Оркестр разладился, сбой становился неминуем. Возврат программного токораспределителя при присоединенных пиропатронах — случайный недосмотр, взрыв ракеты — закономерность.

Совершенно секретное эхо совершенно секретного взрыва прокатилось по всем московским кабинетам, до самых верхов. Для выяснения причин катастрофы назначили Государственную комиссию. Напутствуя

комиссаров перед отправкой на полигон, отец предостерегал их от излишнего рвения в поиске виновных, он не жаждал ненужной крови, склонялся к тому, что произошло несчастье и зачем понапрасну искать злой умысел. Он знал: только дай волю — найдут виновных, добьются признаний.

* * *

Комиссию по расследованию причин аварии Р-16 возглавил Брежнев. В нее вошли представители наиглавнейших ведомств: от ЦК КПСС — заведующий отделом оборонной промышленности Иван Дмитриевич Сербин, от Министерства обороны — первый заместитель министра Андрей Антонович Гречко, председатель Государственного комитета по оборонной технике министр Константин Николаевич Руднев.

В Тюра-Там они прилетели, если не ошибаюсь, утром 26 октября. На аэродроме московских эмиссаров встречал заместитель начальника полигона, сам Герчик лежал в госпитале. Он остался жив, но чудовищно обгорел, потерял зрение. Брежнев отказался от отдыха, сразу же направились на площадку. Походили, посмотрели, картина производила удручающее впечатление даже на немало повидавших в войну Гречко и Брежнева. Тут же, не сходя с места, приступили к расследованию. Разбирались скрупулезно, вызывали военных и гражданских, расспрашивали, кто что видел, листали документы, вчитывались в формуляры, глубокомысленно разглядывали собранные на старте остатки ракеты. Дефектов конструкции, послуживших причиной катастрофы, не обнаружили, не нашли и непосредственного виновника. Правда, Янгель настаивал на признании его вины, но, памятуя полученные в Москве наставления, Брежнев не спешил с выводами. Хочу отметить, что гражданские и военные держались вместе, не поливали друг друга обвинениями, а их при желании всегда отыскать нетрудно. Оставшиеся в живых старались сохранить объективность.

По возвращении в Москву Брежнев доложил отцу: случилось непреднамеренное несчастье из-за трагического стечения обстоятельств.

Погибших похоронили. Одних в братской могиле

на полигоне, останки других отправили родным в различные города Советского Союза. Какие там останки, горсти пепла, перемешанные с горелой землей.

На встрече с отцом, происшедшей вскоре после трагедии, Янгель требовал себе наказания, он считал себя единственным виновным. Отец пытался его успокоить, но тщетно. Михаил Кузьмич знал лучше кого бы то ни было: что он не сделал, что разрешил, а что вовремя не запретил.

Чувство вины, чувство ответственности не определяется ни приговором суда, ни постановлением правительства. Оно рождается и умирает вместе с человеком. Эта неразделимая ни с кем боль от непоправимости несчастья, которое он мог не допустить, если бы... и толкала Янгеля в огонь.

Чувство вины не покидало его все оставшиеся годы. Михаил Кузьмич прожил еще немало лет, сделал немало ракет. Умер он в день своего 60-летия, прямо на чествовании, в кабинете министра Сергея Александровича Афанасьева. Главные торжества намечались на вечер в большом зале, а пока собрались свои, самые близкие, поздравить без помпы, накоротке. Янгель расчувствовался, вдруг пожаловался: что-то тянет сердце. Министр предложил прилечь на диване в комнате отдыха, примыкающей к кабинету. Приняв таблетку, Михаил Кузьмич притворил за собой дверь. Больше он ее не открыл. Янгеля нашли на диване мертвым. Сердце не выдержало...

* * *

О происшедшем на полигоне решили не сообщать. И не только потому, что до подобной гласности еще не доросли. Отец беспокоился, что взрыв развеет миф о нашем ракетном превосходстве. Спутники, шум на весь мир — и вдруг такое...

Но все упиралось в гибель Неделина, остальные могли кануть в Лету безгласно, а вот куда делся маршал, Главнокомандующий Ракетными войсками, пришлось объяснять. Но безвыходных положений не бывает. Придумали...

Газеты поместили сообщение ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР о гибели в результате авиационной катастрофы

24 октября Главного маршала артиллерии Митрофана Ивановича Неделина.

Оставшихся в живых жертв катастрофы строжайшим образом проинструктировали об обстоятельствах «падения их самолета», сделали соответствующие записи в историях болезни, справках об инвалидности. Трагедия тридцать седьмой площадки ракетного полигона Тюра-Там, он же космодром Байконур, перестала существовать.

Старты восстановили к январю 1961 года. Председателем Государственной комиссии вместо маршала Неделина стал генерал-лейтенант Соколов. Второй, вернее первый, запуск Р-16 назначили на 2 февраля. О происшедшем несчастье напоминали сваленные неподалеку от пускового стола и уже начавшие ржаветь искореженные металлические конструкции — все, что осталось от башни обслуживания. Да свежие заплаты на бетоне, похоронившие черные силуэты сгоревших здесь людей.

На сей раз на стартовой позиции царил образцовый порядок. От былой вольницы не осталось и следа. Праздношатающихся убрали не только от ракеты, но даже со смотровой площадки, от греха подальше. Операции по подготовке ракеты выполнялись четко. Их проведение кроме обычного ведущего инженера от промышленности по утвержденной новым начальником полигона инструкции контролировали еще два офицера.

Со вторым пуском Р-16 Янгелю снова не повезло. Теперь в полете отказала система управления. Удача пришла с третьей попытки. Все дальнейшие испытания происходили без происшествий.

Практически одновременно со вторым стартом Р-16 в том же феврале 1961 года завершились государственные испытания Р-14. В наземном варианте. С шахтами продолжали возиться, и конца в скором времени не предвиделось.

* * *

Главным политическим событием осени 1960 года стало избрание 4 ноября Джона Фицджералда Кеннеди президентом США. Отец сиял от удовольствия. Он в шутку говорил о победе Кеннеди как о своеобразном подарке к празднику годовщины Октябрьской ре-

волюции, а себя ощущал до некоторой степени участником выборов.

О Кеннеди отец знал совсем немного, но отзывы поступали благоприятные — и дипломаты, и журналисты, и разведка оценивали его как трезвого и самостоятельного политика. В случае его избрания отец рассчитывал найти с ним общий язык, в первую очередь по германскому вопросу. В общем, отец с лета начал «болеть» за Кеннеди. Помочь он ему, конечно, не мог. Отец прекрасно понимал, что если в США проведают, что он на стороне Кеннеди, то это обойдется кандидату в президенты потерей немалого количества голосов. Но устраниться он тоже не пожелал, решил действовать исподволь, из-за кулис.

Первым делом отец отказался подыгрывать республиканцам. Незадолго до выборов он принимал Генри Кэбота Лоджа, который в качестве вице-президента баллотировался вместе с Никсоном. Никсон решил воспользоваться добрыми отношениями, сложившимися у отца с Лоджем во время поездки по США, заручиться его благожелательным отношением. Ему очень хотелось до дня голосования заполучить американских парней, находившихся в советских тюрьмах: пилота У-2 Пауэрса и двух оставшихся в живых членов экипажа РБ-47.

О Пауэрсе в те дни отец вообще не хотел слушать: только что закончился судебный процесс, оглашен приговор. О каком возвращении можно говорить? По его словам, о гуманности американцам следовало подумать, когда они посылали самолет в глубь нашей территории. Отец не собирался держать Пауэрса в заключении очень долго.

— Зачем он нам, — заметил как-то он во время прогулки на даче. — Только хлеб даром ест. Пройдет время, и отпустим его.

После молчания неопределенно добавил:

— В обмен... О полковнике Абеле, о существовании которого я вообще не подозревал, он не упомянул.

Вопрос о членах экипажа РБ-47, содержавшихся под стражей без суда как нарушители границ, отец собирался решать с новой администрацией. Конечно, он не знал, кто победит. В случае поражения Кеннеди пилотов вернули бы Никсону. Но после выборов, а не до. Пока же отец и Лодж мило поговорили, вспомнили прошло-

годнюю поездку и разошлись. Хочу отметить, что затее с передачей пленных американских летчиков отец придавал очень большое, чуть ли не решающее значение. Не знаю, оказал ли этот шаг какое-то влияние на исход выборов, но он часто возвращался к нему в разговорах. Не преминул он упомянуть об этом эпизоде и во время беседы с глазу на глаз с президентом Кеннеди в Вене. По словам отца, собеседник поблагодарил за своеобразную поддержку в предвыборной борьбе.

Сразу же после церемонии вступления Джона Кеннеди в Белый дом, 26 января 1961 года, Советское правительство возвратило пленных американских летчиков РБ-47. Сообщив об этом событии, газета «Правда» отметила, что президент США отдал приказ, запрещающий американским самолетам нарушать воздушное пространство Советского Союза. Тем самым как бы переворачивалась страница в отношениях между двумя странами. К сожалению, еще не родившееся взаимопонимание подстерегало серьезное испытание. США по решению, принятому еще республиканской администрацией, вовсю готовили вторжение на Кубу.

Прямо фатальное невезение!.. Перед каждой встречей, как только появляется надежда договориться, возникает «непредвиденное» осложнение.

* * *

Октябрьская катастрофа Р-16 не отразилась ни на планах запуска человека в космос, ни на программе постановки на дежурство боевых ракет.

А что же мы имели? В 1961 году продолжали разворачиваться вдоль западных границ нашей страны полки и дивизии Р-12. Там уже установили несколько десятков ракет. По мере ввода их в строй Р-5 все дальше уходили в историю. Постановка на боевые позиции Р-14 ожидалась не ранее следующего года. До Соединенных Штатов по-прежнему доставали только «семерки». Если учитывать и экспериментальный старт, их теперь набиралось шесть.

После гибели Главного маршала артиллерии Неделина по предложению Малиновского главнокомандующим ракетными войсками назначили Маршала Со-

ветского Союза Кирилла Семеновича Москаленко. Отец поначалу усомнился, Неделин — ракетчик до мозга костей, разбирался в деле профессионально, а Москаленко видел их только издали. Но фигуры, равноценной Неделину, он в армии не знал и согласился. Москаленко — человек энергичный, научится.

С Москаленко отец столкнулся в первые дни войны, он тогда командовал противотанковой бригадой. Под Киевом Москаленко попал в окружение, но выбрался. К концу войны он уже командовал армией. Человеком он прослыл непоседливым, въедливым, стремящимся во все вникнуть и безудержно храбрым. Уже командуя армией, сохранял привычку выносить свой наблюдательный пункт к самой передовой. Однажды, когда во время войны отец с Жуковым посетили его «хозяйство», Георгий Константинович, оглядевшись окрест, поинтересовался:

— А немцы где?

— Вон... За тем бугорком, — ответил Москаленко, показав на высотку в полукилометре от них.

Жуков сначала не поверил, а потом пробурчал:

— Ты что, нас немцам сдать хочешь? — и добавил, обращаясь к отцу: — Поехали отсюда.

Мешал Москаленко вспыльчивый, взрывной характер. Но отец решил, что его деятельная натура пойдет на пользу. Он и сам в кабинете не усидит, и другим не позволит.

Новый главнокомандующий энергично взялся за дело. Он объезжал строящиеся ракетные площадки, вникал во все мелочи. Доклады его отцу были обстоятельны и конкретны. Отец не терпел общих слов. В ведении Москаленко находились и космические запуски. 25 марта стартовал и в тот же день приземлился последний экспериментальный «Восток» с собакой Звездочкой на борту. Пришла очередь человека. Месяцем раньше, 13 февраля, той же «семеркой» запустили межпланетный корабль к Венере.

Каждый наш старт больно ранил самолюбие президента Кеннеди. Он не хотел мириться с тем, что Америка оказалась позади. Но, чтобы вернуть лидерство, требовалось свершить нечто необыкновенное, непосильное более никому. С проектом «Аполлон», полетом на Луну, стала набирать силу космическая гонка.

* * *

Отца же преследовали иные кошмары, ему не давала покоя постоянно ускользавшая из рук проблема Германии. Заставить западные страны признать ГДР никак не удавалось А это означало, что безопасность республики постоянно находилась под угрозой.

Конечно, пока никому не приходило в голову покуситься на целостность ГДР. Пока там стояли советские войска. Но они не могли там оставаться вечно. Отец считал, что договоренность по германскому вопросу не только стабилизировала бы политическую обстановку в центре Европы, но сэкономила бы немало средств.

Пока же в ГДР положение все ухудшалось. Ульбрихт продолжал жаловаться на отсутствие границ, существенную нехватку рабочих рук. Он даже заикнулся о возможности набора рабочей силы из Советского Союза. В ответ отец просто взвился. Он вспомнил, как фашисты угоняли наших людей на работы в Германию. Но это фашисты... Теперь то же предлагал повторить Ульбрихт. Домой отец вернулся, кипя от возмущения.

— Как такое могло прийти ему в голову? — повторял он.

Отец ответил отрицательно, но сама проблема исхода немцев сидела в его голове, как ржавый гвоздь. Избавиться от нее отец мог, только найдя решение. Правильное или нет — покажет жизнь, но решение. Его характер не позволял самоустраниться. Отец посчитал естественным взять инициативу и ответственность на себя.

Не оставил отец без внимания и рассказ Ульбрихта, как западные немцы, по своему складу люди расчетливые, умеющие считать деньги, не ленятся съездить за продуктами в ГДР, благо граница открыта, а там цены ниже. Сумма потерь от неожиданного экспорта набиралась весьма внушительная. Отца это сообщение особенно затронуло: значительная часть продуктов питания поставлялась в ГДР из Советского Союза. Стремительно нараставшие в те годы долги ГДР мы периодически просто прощали, списывали. А они исчислялись миллиардными суммами.

Ульбрихту, а за ним и отцу представлялось: если перекрыть отток людей и товаров, то положение быст-

ро стабилизируется. В результате жизненный уровень населения ГДР превзойдет западногерманский. Надо только сделать первый шаг, остановить поток... Но как?

Немалые надежды отец возлагал на будущие переговоры с новым американским президентом. Если удастся договориться, мирный договор узаконит существование двух Германий, установит границы. Вопрос же объединения, отодвигаемый в неопределенное будущее, станет предметом переговоров суверенных ГДР и ФРГ.

17 февраля отец возобновил давление на Запад. В ФРГ ушла памятная записка, в который раз обосновывающая необходимость заключения мирного договора. Текст ее в расчете на будущие переговоры звучал весьма миролюбиво. В частности, там указывалось: в мире назревают перемены к лучшему. Явный намек на ожидаемый диалог с новым президентом США.

Теперь все зависело от переговоров с Джоном Кеннеди, от того, хватит ли у партнеров мудрости, от того, возобладает разум или амбиции.

* * *

После поездки в ООН у отца произошел окончательный перелом в отношении к Кубе. Теперь в его глазах она была не просто одной из стран, примеривающихся к социализму. Куба представлялась отцу Давидом, противостоящим могущественному Голиафу. Он считал интернациональным долгом нашей страны, своим личным долгом сделать все, но не дать погибнуть кубинской революции. По мнению отца, события, разворачивающиеся вокруг Кубы, на многие годы определят развитие революционного процесса в мире. Отношение к Кубе стало особым, а внимание к происходящим там событиям — пристальным. Нельзя скинуть со счетов и личное обаяние Фиделя Кастро. Отец ощущал в нем задор своей революционной молодости.

Однако Куба являлась далеко не единственной точкой, где две сверхдержавы, два мира, пытались склонить освобождающиеся от колониальной зависимости страны, предпочесть их ценности, присоединиться к восточному или западному блоку. В последние недели и даже дни пребывания президента Эйзенхауэра в Белом доме напряженность в различных уголках планеты возросла.

Американцы всерьез обсуждали вопрос высадки своих войск в Лаосе для поддержки генерала Носована. Отец раздумывал, чем наша страна может помочь стремящемуся вернуть недавно утерянную власть экс-премьеру Суванне Фуме и оставшемуся ему верным капитану Конг Ле.

В Конго лидер освободительного движения Патрис Лумумба потерпел окончательное поражение. Он и его ближайшие сподвижники отчаянно боролись, но теперь уже не за власть, а за свою жизнь. Отец понимал, что помочь им невозможно. И это чувство бессилия перед лицом творящихся, как он считал, преступлений заставляло его снова и снова возвращаться к мысли: что же можно сделать, чтобы не допустить произвола.

Вернусь к Кубе. Фокус напряженности сосредоточивался именно здесь. Еще никто не мог предположить, что именно вокруг острова разразится одна из решающих битв «холодной войны», во многом определившая ее дальнейшую стратегию. Но то, что происходят неординарные события, ощущалось все явственнее. 3 января 1961 года, накануне передачи власти своему преемнику, президент Эйзенхауэр разорвал дипломатические отношения с Кубой. Вовсю шла подготовка вторжения на остров. Оставалось подыскать предлог.

В жизни порой происходят невероятные совпадения. Примерно в те же дни администрация Эйзенхауэра разослала всем участникам Организации американских государств доклад, содержащий утверждения о «сооружении на острове Куба семнадцати установок для запуска советских ракет с атомными зарядами, направленных против США». В докладе выдвигалось требование немедленно предпринять действия, препятствующие их строительству.

В те дни я не раз допытывался у отца: как мы можем помочь Кубе? Отец полагал, что только оружием. О его поставках достигли договоренности еще во время визита Рауля Кастро. В остальном оставалось уповать на благосклонность судьбы и стойкость кубинского народа. Я его спросил: «Не заключить ли с Кубой договор о взаимной помощи, такой же, как с нашими соседями?» Отец считал подобную затею бесполезной и опасной. Высадятся американцы на Кубе, как кубинцам помочь? Начать третью мировую

войну? Безумие. Да и неизвестно, как поведет себя Кастро в критический момент. Слишком многое скрывалось в тумане... Отец предпочитал не рисковать.

Поставки стрелкового оружия, танков, артиллерии решили ускорить. С авиацией же возникли трудности, у кубинцев недоставало летчиков. Посылать туда наших, как это делалось и в Корее, и в Египте, отец считал неоправданным. И здесь все наталкивалось на расстояние, изолированность острова. Потерпит Кастро поражение — нашим людям останется только сдаться в плен. Разразится скандал. Решили послать на Кубу учебно-тренировочные МИГи, пусть сначала кубинцы научатся летать. А пока Фидель Кастро мог распорядиться всего несколькими устаревшими американскими истребителями, главным образом времен второй мировой войны.

Обстановка вокруг Кубы накалялась все сильнее, на улицах Гаваны прозвучали первые взрывы, появились первые жертвы. Американские войска стягивались к острову все ближе. 4 апреля кубинцы получили грозное предупреждение. В тот день пограничники в двух милях от берега задержали нарушителя, американское судно под названием «Вестерн Юнион», и решили доставить его в ближайший порт. Не тут-то было. Самолеты и военные корабли США буквально навалились на катерок береговой охраны, не оставалось сомнений, что вот-вот прогремит роковой выстрел. Властям пришлось дать приказ отпустить нарушителя.

Отец считал: вторжение — дело ближайших недель или даже дней. Шансов у Кубы — никаких, ее защитникам предстояла героическая гибель. Американцы набили руку на подобных операциях.

9 апреля появилось новое тревожное сообщение: в нью-йоркской гостинице «Рузвельт» собрались на пресс-конференцию кубинские эмигранты и без обиняков объявили о планах вторжения на остров. Сообщалось, что действовать они собираются по гватемальскому варианту.

* * *

Куба Кубой, но той весной главным событием, ожидаемым с замиранием сердца, стал предстоящий полет человека в космос. Конечно, для посвящен-

ных — остальным оставалось только строить догадки. О фамилии космонавта в те дни не упоминали, ею никто не интересовался, летел просто человек, первый человек.

Я слышал рассказы о том, как Королев показывал отцу фотографии претендентов на полет и он выбрал Гагарина. Это одна из баек, обычно с годами буйно разрастающихся вокруг знаменательных событий. Даже если Королев и показал отцу фото, во что я не особенно верю, то отец оставил бы выбор на усмотрение Главного конструктора, специалистов.

А вот о дате запуска разговор у них действительно состоялся. Сразу после успешного приземления последнего космического корабля, доставившего с орбиты собаку Звездочку. Королев нервничал, торопился, по всем признакам, американцы могли вскоре, официально они называли первую половину мая, ракетой «Редстоун» запустить свой экспериментальный корабль с человеком на борту. Первый полет американцев не шел ни в какое сравнение с программой «Восток», но Королев беспокоился о приоритете. Американцы не преминут обставить свое достижение по всем правилам. Они двигались осторожными шажками, решили начать с полета по баллистической траектории, так, чтобы только царапнуть заатмосферное неизведанное пространство. Кто знает, что там ожидает человека? Королев исповедовал иные принципы. Он предпочитал сразу брать быка за рога, с первого шага действовал по полной программе. В случае неудачи продолжал атаковать, пока не добьется своего. Сергей Павлович сразу запланировал полет по орбите. Правда, всего на один виток. И он не знал, что там может произойти в вышине, в невесомости. Тогда всерьез опасались, что из-за резкой смены ощущений «подопытный экземпляр» может сойти с ума. В простенький пульт, установленный в тесной кабине «Востока», заложили разные хитроумные комбинации — только набрав их, щелкая тумблерами, человек мог вмешаться в управление. Королев предпочитал, чтобы он вообще не вмешивался, так спокойнее. В отличие от американцев... У них пилот космического корабля с первого запуска брал управление на себя.

Королев подробно доложил отцу о предшествующих полетах. Он не сомневался — системы отработаны, ракета надежна, все пройдет отлично.

Неудачным оказался лишь один эксперимент: когда корабль, изготовившись к возвращению на Землю, развернулся наоборот и залетел на более высокую орбиту. Находившиеся на борту собачки погибли. Королев утверждал, что предусмотрены меры, не допускающие повторение ошибки. Да и человек не дворняжка, всегда сможет через иллюминатор убедиться в правильной ориентации корабля. Если, конечно, он вообще сможет оценивать обстановку в космосе.

Отец, улыбнувшись, переспросил его: «Неужто существует стопроцентная гарантия?» Сергей Павлович решительно повторил: «Все возможное сделано. — Немного помедлил и добавил: — Конечно, неожиданности в таком деле всегда возможны, но пускать человека надо. Пришла пора».

Он объяснил: выбранная форма космического аппарата — шар — снимает многие проблемы. Главное, отпадает необходимость в управлении при спуске, входе в атмосферу, а ниже, затормозившись, пилот выстрелится катапультой. Дальше они приземлятся отдельно — человек и пустой шарик.

Казалось, все предусмотрено. Королев предлагал приурочить полет к Первомаю, запустить человека в последних числах апреля. Не знаю, обсуждал ли он эту дату заранее или она родилась экспромтом. Отец категорически воспротивился: или раньше, или позже. У него незажившей раной кровоточила недавняя трагедия с янгелевской ракетой. Тогда тоже не сомневались в успехе, а вышло...

Королев не хотел откладывать и предложил назначить старт человека в космос на середину апреля. Через несколько дней он позвонил отцу и уточнил: они изготовятся к двенадцатому. Отец согласился — в таком деле последнее слово за Главным конструктором. Как все, что касалось ракет и спутников, дата держалась в строжайшей тайне. Однако все догадывались, что событие произойдет вот-вот, со дня на день. Наступило томительное ожидание.

Запуск запуском, а жизнь шла своим чередом. В начале апреля, числа седьмого или девятого, отец отправился отдыхать. Этой весной он решил поехать в Пицунду: под соснами так хорошо дышится весной. Там он намеревался и поработать, подбить дела, до которых не

доходили руки в московской суете. На осень намечался очередной съезд партии, следовало подумать о докладе. В общем, дел на отдых набиралось немало.

О запуске отец особенно не задумывался. От него ничего не зависело, о результатах Королев доложит с полигона.

Я оставался в Москве.

12 апреля 1961 года в Москве было солнечно и тепло. Земля практически очистилась от снега, кое-где желтели пуговки цветов мать-и-мачехи.

Утром я отправился на работу. Как обычно. Я не ощущал исключительности надвигающегося «свершения». Ни ощущения чуда, ни эффекта внезапности я не испытывал. За последние годы я сжился с предстоящим полетом. Хотя его готовили соседи в Подлипках, но за ходом отработки следили «посвященные». Шарик сбрасывали с самолета, отрабатывали систему посадки на земную твердь, на лес, на воду. Затем начались запуски. Космические корабли поднимались на орбиту, а затем, за редким исключением, исправно спускались на Землю. Теперь только досадная случайность, чья-то оплошность могли помешать благополучному исходу. Все шло по плану — сначала манекен, его сменили собачки. На смену собачкам пришел человек. То, что происходит качественный скачок, пока не доходило до моего сознания. Скорее «это» воспринималось мною как «очень важное дело». В мозгу колотилась мысль: как бы чего не вышло.

Тем не менее, приехав на работу, я окончательно изнервничался. До старта, назначенного на 9 утра, оставалось меньше часа. Не работалось. Позвонил Челомей, попросил зайти к нему. В кабинете Генерального сидели несколько человек, его заместители, начальники отделов. Говорили о каких-то своих проблемах, но сосредоточиться никак не удавалось — то один, то другой поглядывали на часы. Девять ноль-ноль, пора, старт прошел. На самом деле на полигоне немного задержались. Историческое «Поехали!» прозвучало в 9.07. Подождали еще четверть часа. Пока пе отработает ракета, спрашивать бесполезно. Да и заняты все выше головы. Наконец Челомей снял трубку вертушки и позвонил военным. Судя по интонациям разговора, дела шли нормально.

Положив трубку, Владимир Николаевич торжест-

венно произнес: «На орбите! Половина дела сделана. Теперь посадка, — и как-то отрешенно добавил: — Фамилия его Гагарин, старший лейтенант». К радости за общий успех у него примешивалось легкое чувство зависти. Вот если бы этого старшего лейтенанта вывела его ракета и сегодня бы ему сидеть у пульта и напряженно следить за мельтешащим зеленым огоньком в маленьком окошке приемника телеметрической информации! Что он показывает, оценить нет возможности, но раз световой зайчик бьется о невидимые границы, значит, ракета живет, замрет — катастрофа.

В тот день на месте Королева хотели бы оказаться многие, он же плотно сидел на своем.

Не стану пересказывать события того памятного дня. Они теперь всем известны до мельчайших подробностей.

Вечером после работы я позвонил отцу в Пицунду. О том, что Гагарин успешно приземлился в саратовских степях и его увезли на космодром, я уже знал во всех подробностях. Эксперимент успешно завершился, Королев праздновал победу. Я искренне радовался за него. Но не более. Никаких ощущений величия происшедшего.

И отцу я звонил не для того, чтобы поздравить его, это удел многочисленных подхалимов, стремящихся подчеркнуть его причастность к ракетным делам. По вечерам я звонил ему регулярно. Сегодня главной темой разговора, естественно, стал Гагарин, Королев, запуск... В отличие от меня, отец восторгался. Он рассказал некоторые подробности, связанные с приземлением. Вспомнил Малиновского, который предложил в поощрение отважному пилоту досрочно присвоить очередное звание капитана и звание Героя Советского Союза.

Саму идею отец поддержал, но в шутку посетовал: министр обороны слишком прижимист, не грех раскошелиться. Перейдя на серьезный тон, он предложил перескочить через звание, пусть старший лейтенант сразу станет майором. Малиновский не возражал — майор так майор.

Отец попросил сообщить пилоту об этом немедленно по приземлении.

— Пусть порадуется, — произнес он знакомую мне фразу, выражавшую и его особое удовлетворение.

— На этом фантазия министра исчерпалась, —

продолжал отец. — Майор, Герой — их у нас так много, а здесь хотелось бы придумать что-то особенное.

Отец вспомнил, как встречали в пору его молодости челюскинцев, чкаловцев, и сейчас ему захотелось устроить нечто подобное: толпы людей на улицах, дождь листовок с неба, грандиозный митинг.

То, что отец ставил на одну доску челюскинцев и Гагарина, свидетельствовало о том, что, как и 4 года назад, при запуске первого спутника, ни отец, ни все мы, его окружающие, не смогли представить реакции в мире на происшедшее. Действительность превзошла все ожидания. Но тогда, в день свершения, мы не догадывались, что присутствуем в первом дне новой эры.

Отец сказал, что он на следующий день вылетит в Москву — он хотел сам встретить героя. Он считал, что космонавта должно встречать на Внуковском аэродроме все правительство, как самого почетного иностранного гостя. По улицам открытую машину с Гагариным пусть сопровождают мотоциклисты.

По наметкам отца, в первой машине отводилось место только герою дня и его жене. Поднялась целая буря, окружающие наперебой советовали, требовали, чтобы отец занял место рядом с космонавтом. Отец отнекивался, немного играл, но потом позволил себя уговорить.

А затем — кульминация, митинг на Красной площади. На моей памяти подобного не случалось. КГБ еще со сталинских времен панически боялся скопления людей. Демонстрация — другое дело, там колонны идут по отведенным им коридорам, разделенным плотными цепями цепко вглядывавшихся в лица людей профессионалов. От них не скроется ни малейшее подозрительное движение. А тут неорганизованная толпа!..

Но отец и слушать не хотел возражений. С митинга на Красной площади торжество перемещалось в Георгиевский зал Кремля на грандиозный прием в честь безымянных в те годы людей, воплотивших мечты фантастов в действительность.

Я несколько скептически воспринял энтузиазм отца, его намерение устроить всенародный праздник. Мне казалось, подобная затея не встретит отклика в сердцах людей. Получится очередное казенное мероприятие, но

с налетом оперетточности. О своих сомнениях я не стал говорить вслух. Больше меня волновало здоровье отца. Он так устал за прошедшие месяцы, вырвался отдохнуть на какие-то две недели, а тут, спустя три-четыре дня, собирается вернуться. Я стал его отговаривать. Какое там, он слышать ничего не хотел. Отец просто рвался в Москву. Поняв всю тщетность своих усилий, я отступил.

День встречи Гагарина затмил Первомайский праздник. Казенный энтузиазм вычерченных строгим шрифтом лозунгов и транспарантов заменили выписанные от руки на чем попало сердечные приветствия. Залитые солнцем улицы переполнялись ликующими москвичами. Да что улицы! Балконы, крыши, окна, деревья — везде, откуда можно разглядеть героя, люди, люди, люди.

Появление в небе самолета с Гагариным вызвало такой взрыв энтузиазма, как будто он прилетел на спутнике. Сопровождаемый четверкой истребителей ИЛ-18 сделал круг над Москвой. Заход на посадку, короткая пробежка, и настала торжественная минута. Из самолета, остановившегося напротив изготовленной за ночь невысокой трибуны, вышел майор Юрий Гагарин и четким строевым шагом направился к поджидавшей его толпе. Его встречали: Президиум ЦК и правительство во главе с отцом, жена и родители, министры, маршалы, послы, размахивавшие флажками москвичи.

Гагарин наизусть выучил слова заранее написанного для него рапорта, успел потренироваться в торжественном подходе и теперь четко чеканил шаг по длинной красной ковровой дорожке, ведущей от трапа самолета к бессмертию. Дорожка оказалась длинноватой, невысокий майор все шел и никак не мог дойти до конца. На середине пути случилось досадное происшествие: отстегнулась резинка, поддерживающая на ноге форменные высокие офицерские носки. Носок спустился, резинка выскользнула из брюк, торжествующе взлетала вверх при каждом шаге, а затем пребольно шлепала по ноге. Космонавт, не обращая на нее никакого внимания, продолжал торжественный марш.

В конце пути — две ступеньки, ведущие на трибуну, и Гагарин после рапорта попадает в объятия отца. Кадры кинохроники, запечатлевшие этот момент, сейчас не найти. Гагарин уже четверть века обращает свои слова в никуда.

Королев торопился не зря. Он опередил американцев всего на три недели. Но они стоили вечности. Состоявшийся 5 мая полет американского астронавта Аллана Шепарда, поднявшегося на высоту 115 миль и пролетевшего 300 миль по прямой, не поразил никого.

Отец с ехидцей поздравил Джона Кеннеди с успехом американской технологии. Возможно, именно тогда молодой президент окончательно решил взять реванш.

* * *

15 апреля в газетах, целиком посвященных полету Юрия Гагарина, на последних страницах едва нашлось место сообщению о налете американских бомбардировщиков времен второй мировой войны Б-26 на кубинские города Гавану, Сантьяго-де-Куба,Сан-Антонио-де-Лос-Баньес. Опознавательные знаки на самолетах отсутствовали. Фидель Кастро призвал кубинский народ приготовиться к отражению агрессии. Страна ощетинилась дулами винтовок и, затаив дыхание, ожидала...

Рано утром 17 апреля, в день рождения отца — ему исполнилось шестьдесят шесть лет, — началась высадка десанта в заливе Кочинос. Вот такой он получил подарок от нового президента.

Сообщалось, что в операции участвуют исключительно кубинские эмигранты. Курсирующий поблизости флот США получил приказание не вмешиваться. Отец не поверил, считал, что выпущена дипломатическая дымовая завеса, американские войска уже дерутся на острове.

Настроение у него упало, никаких иллюзий он не питал, считал, что Кастро против американцев не устоять. В одном отец не сомневался: окончательная победа, не сейчас, так через годы, все равно за народами, борющимися против колонизаторов за справедливость и свободу. Отец сокрушался, что не успели поставить кубинцам достаточно оружия, главное — самолетов*. Они оказались практически беззащитны с воздуха. Как мы в 1941 году...

* По американским данным, к началу вторжения на Кубе находилось всего 55 самолетов, в том числе несколько советского производства. Первым ударом нападающие уничтожили на аэродромах шесть машин. — *С. Х.*

Отец решил обратиться к президенту США. Он продиктовал письмо, первое в их драматической переписке, посвященной событиям вокруг Кубы.

Приведу письмо полностью.

«Господин Президент,

Я обращаюсь к Вам с этим посланием в тревожный час, чреватый опасностью для мира во всем мире. Против Кубы начата вооруженная агрессия. Ни для кого не секрет, что вторгшиеся в эту страну вооруженные банды подготовлены, снабжены и вооружены в Соединенных Штатах Америки. Самолеты, которые подвергают бомбардировке кубинские города, принадлежат Соединенным Штатам Америки; бомбы, которые они сбрасывают, предоставлены Американским правительством.

Все это вызывает у нас, в Советском Союзе, у Советского правительства, советского народа понятное чувство возмущения. Еще недавно, обмениваясь мнениями через представителей, мы говорили с Вами об обоюдном желании сторон приложить совместные усилия, направленные на улучшение отношений между нашими странами и предотвращение опасности возникновения войны. Ваше заявление несколько дней тому назад о том, что США не примут участия в военных действиях против Кубы, создавало впечатление, что руководящие инстанции Соединенных Штатов отдают себе отчет, какие последствия для всеобщего мира и для самих США может иметь агрессия против Кубы. Как же понимать то, что делается Соединенными Штатами в действительности, когда нападение на Кубу стало теперь фактом?

Сейчас еще не поздно предотвратить непоправимое. Правительство США имеет возможность не допустить, чтобы пламя войны, зажженное интервентами на Кубе, переросло в пожар, справиться с которым будет невозможно. Я обращаюсь к Вам, господин Президент, с настоятельным призывом положить конец агрессии против Республики Кубы. Военная техника и мировая политическая обстановка теперь таковы, что любая так называемая малая война может вызывать цепную реакцию во всех частях земного шара.

Что касается Советского Союза, то не должно быть заблуждения насчет нашей позиции: мы окажем кубинскому народу и его правительству всю необходи-

мую помощь в отражении вооруженного нападения на Кубу. Мы искренне заинтересованы в смягчении международной напряженности, но если другие пойдут на обострение, то мы ответим им полной мерой. И вообще, едва ли возможно вести дела таким образом, чтобы в одном районе улаживать положение и глушить пожар, а в другом районе разжигать новый пожар.

Надеюсь, что правительство США учтет эти наши соображения, продиктованные единственной заботой, чтобы не допустить таких шагов, которые могут подвести мир к военной катастрофе.

18 апреля 1961 г. Н. ХРУЩЕВ
Председатель Совета Министров СССР»

Послание ушло только на следующий день, разница во времени между Гаваной и Москвой составляла 8 часов.

Я переживал за Кубу так, как будто напали на нашу собственную страну. Я не выключал радио, ловил каждую новость, связанную с военными действиями. Несмотря на пессимизм отца, я втайне надеялся: вдруг произойдет чудо, кубинцы выстоят. Отец понимал мое состояние, делился крохами получаемой информации. Он ее черпал главным образом из ТАССовских докладов, основанных на сообщениях иностранных агентств. Кое-что в своих шифровках добавлял наш посол на Кубе Кудрявцев. Он писал о решимости Кастро сражаться до конца, а в случае поражения уйти в горы, возобновить партизанскую борьбу. Именно в те дни Кастро во всеуслышание объявил о своем социалистическом выборе. Он решил погибнуть или победить коммунистом. Отец поморщился: «Не время, он сжег за собой все мосты. Теперь американцы его не выпустят. На переговоры рассчитывать не приходится». Но, с другой стороны, такая самоотверженность произвела сильное впечатление на отца.

Прошли часы. Прошли сутки. Кастро держался. Более того, он постепенно захватывал инициативу в свои руки. Пришли первые ободряющие сообщения: десант захлебнулся в момент высадки, кубинцы успели подтянуть танки. Учебно-тренировочные МИГи штурмовали позиции агрессоров, потопили две баржи с боеприпасами и средствами связи. Положение десанта становилось критическим. Появилась, пока еще слабая, надежда на победу. Отец заметно повеселел.

Об участии в боях американских регулярных войск никаких сообщений так и не поступило. Боевые корабли США утюжили море поодаль, самолеты с авианосца «Эссекс» крутились в районе высадки. Конечно, не обошлось без инцидентов. Американские истребители отогнали кубинских летчиков, преследовавших Б-26 без опознавательных знаков. Из сбитого самолета, бомбившего позиции кубинских войск, извлекли труп с документами на имя американского гражданина Лео Френсиса Белла. Явно не кубинца.

Отец все еще ожидал сообщения о высадке американских морских пехотинцев, массовой бомбардировке острова. Он считал: раз президент решился на такую акцию, он не остановится на половине пути. Но американцы сохраняли нейтралитет. Вечером во время прогулки с облегчением и, я бы сказал, неким налетом досады отец произнес: «Не понимаю Кеннеди. Что ему, решительности не хватает?» Продолжать он не стал.

Тем временем сообщения становились все оптимистичнее — высадившаяся бригада кубинских эмигрантов завязла в болотах, надежд на победу у них практически не оставалось. Расчет на восстание на острове не оправдался, весь народ поднялся на борьбу с «освободителями». Кастро, покинув свой штаб в Гаване, сам бросился в гущу боя. Отец к его поступку отнесся неодобрительно, проворчал, что это мальчишество. Но рожденное революционным порывом мальчишество пришлось ему по душе.

Наконец на третий день, 20 числа, пришла радостная весть. Гаванское радио в 3 часа 15 минут утра сообщило, что наемники разгромлены, народ победил! Бои продолжались 72 часа. Захвачены трофеи, в том числе танки типа «Шерман».

Отец просто расцвел, послал сердечное поздравление своему другу Фиделю. Куба выстояла, вернее, считал отец, получила передышку. В том, что американцы не отступятся, он не сомневался. Особенно сейчас, когда Кастро открыто перешел во враждебный им лагерь. В Вашингтоне учтут ошибки, выберут время и навалятся, теперь уже регулярной армией. К сожалению, новая администрация пользовалась старыми рецептами.

Защита Кубы становилась вопросом престижа не

только и не столько отца, сколько всего социалистического лагеря. Или мы отстоим своих единомышленников в Западном полушарии, покажем народам Латинской Америки, что на Советский Союз можно положиться, или... все останется по-старому, и суд, и расправу будут вершить Соединенные Штаты.

Отца теперь неотступно преследовала мысль: как помочь Кубе? что делать? Сразу после победы в заливе Кочинос увеличились поставки вооружения. И не устаревшего, как в недавнем прошлом, а самого современного. Но оно не решало проблемы.

Какие-то надежды отец возлагал на возможность договориться с Кеннеди, но после вторжения на остров она стала весьма иллюзорной. Требовалось отыскать неординарное решение. Но какое? Этот вопрос теперь преследовал отца неотступно.

Операция на Кубе не прошла бесследно и для американского президента. Он отклонил предложение о посылке американских подразделений в Лаос. Вторжению Джон Кеннеди предпочел переговоры. 3 мая Суванна Фума и Фуми Носован договорились о приостановке боевых действий. 10 мая Громыко отбыл в Женеву на совещание по Лаосу.

Правда, совсем уходить из Индокитая Кеннеди не намеревался. Он приказал направить во Вьетнам дополнительную группу военных советников и попросил Линдона Джонсона в мае посетить Сайгон, поддержать боевой дух Нго Дин Дьема. Сам он готовился к переговорам с Хрущевым.



6

Отец, предложив в 1960 году в Париже отложить совещание в верхах на несколько месяцев, не скрывал, что разговаривать намерен только с новым президентом США. Для полновесного совещания четырех держав условия так и не сложились. Его успех и неуспех зависели от договоренности между США и СССР: ни гордый де Голль, ни осторожный Макмиллан не хотели вторично выступать в качестве зрителей при взаимной пикировке руководителей двух сверхдержав. И отец, и Джон Кеннеди придерживались мнения, что разумно им предварительно встретиться, познакомиться, попытаться нащупать почву для соглашения и, в случае положительного результата, подготавливать четырехстороннюю встречу.

Отца мучило топтание на месте в переговорах о разоружении и запрещении ядерных испытаний. Пришло время определяться. Без опробования боеголовок межконтинентальные ракеты — янгелевские Р-16, королевская «девятка», челомеевская «двухсотка» — теряли значительную часть своих возможностей. После неудачного старта Р-16 выправилась. Запуски происходили регулярно, и, если не будет неожиданностей, а специалисты заверяли, что они маловероятны, решение о серийном производстве и постановке ракет на боевое дежурство необходимо будет принимать в конце этого или в начале следующего года.

Мир мог качнуться как в сторону разоружения, так и в направлении качественного изменения вооруженных сил, перехода к ракетному противостоянию, равновесию взаимного уничтожения. Первый путь требовал нового мышления с обеих сторон, возникновения

взаимного доверия. Заявления отца, что в наши намерения война не входит, что мы силой примера будем доказывать преимущества нашей социальной системы, на веру не принимались. Для изменения мышления требовалось прожить годы, пересмотреть «очевидные» догмы, изменить систему ценностей. К такому подходу не был готов ни отец, ни президент США. Оба только примеривались, нащупывали путь, могущий, если не случится непоправимого, привести к согласию.

Отсутствие договоренности о разоружении делало возобновление испытаний реальностью. Мораторий без радикальных решений о сокращении и последующей ликвидации стратегической авиации ставил нашу страну в явно невыгодное положение.

Другим больным вопросом оставалась Германия. Отец искал и никак не находил способа стабилизировать экономическое положение ГДР, добиться признания ее государственности. У него и в мыслях не было, что вокруг Германии может возникнуть вооруженный конфликт. Политическая и военная ситуация в этом регионе контролировалась с обеих сторон жестко, случайности исключались.

Возможные для обсуждения темы не ограничивались этими двумя, но именно от них зависело продвижение в любом направлении, везде собеседники наталкивались или на разоружение, или на германскую проблему. О целесообразности диалога думали в обеих странах, но инициативу взял на себя президент Кеннеди. Вскоре после вступления в должность он предложил отцу встретиться на нейтральной почве. Задумались о месте проведения совещания. Женеву и Париж отвергли: там представители четырех держав уже заседали или пытались это сделать. Американцы предложили Вену. Отцу казались предпочтительнее Хельсинки, но он не стал настаивать.

Определение окончательной даты вызвало некоторую заминку. После событий на Кубе обе стороны испытывали определенную неловкость. В Белом доме опасались потери престижа, а отец справедливо предвидел возможность возникновения ненужных трений вокруг Кубы. Однако откладывать встречу не хотелось.

Отец направился в Вену 27 мая поездом, со многими остановками. В пути он рассчитывал еще раз обдумать свою линию поведения и немножко отдохнуть.

На два дня остановились в Киеве. Отец воспользовался случаем и съездил в Канев поклониться могиле Тараса Григорьевича Шевченко. На денек задержался в Братиславе и в канун намеченной даты, 2 июня, прибыл в Вену.

Встречи проходили интенсивно: один день в посольстве США, а на следующий — в советском.

На весь стиль ведения переговоров серьезный отпечаток наложила эмоциональность подхода с обеих сторон. Джон Кеннеди очень боялся, как бы его не сочли слабаком, и стремился продемонстрировать свою силу, не прочь был поиграть мускулами.

В подобных обстоятельствах отец никогда не оставался в долгу. Защищаясь, он немедленно переходил в наступление, в запале мог повести себя излишне агрессивно. Поэтому в некоторые моменты дискуссия напоминала выступления на митинге, где каждая из сторон рьяно убеждала другую в преимуществах своего образа жизни, демонстрировала непреклонность и решительность. Стиль, явно не подходящий для такого случая.

Отец доказывал президенту, что пройдет немного времени и Советский Союз оставит далеко позади США, капиталисты будут умолять пустить их в социализм на любых условиях. Тем летом отец находился в эйфории. Ему казалось — еще одно последнее усилие и наша экономика, экономика других социалистических стран пойдут круто вверх. Меньше чем через два месяца, 30 июля, будет опубликован проект программы КПСС, утверждавший, что «нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме», а к 1980 году мы догоним и перегоним Соединенные Штаты Америки по всем экономическим показателям.

Отец был не одинок, работавшие над программой академики, министры, секретари ЦК всеми силами обосновывали реальность принимаемых обязательств. Я помню, с каким восторгом летними воскресными днями на даче они зачитывали отцу только что написанные разделы документа, щедро усыпанные заманчивыми цифрами. Усомниться в истинности выкладок представлялось не только кощунственным, но просто неприличным.

Тем не менее меня грыз червь сомнения, уж больно легко все получалось. Я старался загнать свои недоумения внутрь, избавиться от них, но ощущение дис-

комфорта не проходило. Еще с института я никак не мог понять, что же такое коммунизм? Пытался выяснить в книгах, вычитать у классиков, но ничего путного отыскать не смог. Пришлось удовлетвориться расхожим лозунгом «каждому по потребностям, от каждого по возможностям» и уповать на то, что потребности не превысят возможностей. Когда-то давно, еще в школьные годы, я попытался прояснить проблему коммунизма у отца, но вразумительного ответа тоже не получил, понял, что и у него нет полной ясности. Он не претендовал на теоретические изыскания, его целью, или лучше сказать мечтой, было «накормить и одеть народ». Больше я с ним в разговоры на эту тему не вступал, не то что не хотел поставить отца в неудобное положение — больше стыдился собственной безграмотности.

В тот год сомнения заменяла вера. Правда, к конкретным цифрам у меня возникало подспудное недоверие. Я недоумевал, почему мы считаем, что обгоним США в 1980 году, а цифры берем сегодняшние. Я решился задать вопрос во время одного из перерывов, когда собравшиеся на даче эксперты отдыхали, расположившись в летних плетеных стульях в сосновом перелеске перед домом. Моя наивность позабавила авторов документа, и, кажется, Борис Николаевич Пономарев пояснил, что неизбежные кризисы будут сдерживать развитие капитализма, а мы неуклонно пойдем вперед. Пришлось и эти его слова принять на веру.

Позволял себе принять их на веру и отец. Уж очень ему хотелось если не самому глянуть на коммунизм, то хоть дать людям порадоваться невиданному счастью. Так он, столь прагматичный в других делах, с готовностью поддавался убаюкивающей магии слов и цифр.

В Вене отцу не удалось убедить президента Кеннеди в своей правоте, но он вынес из встречи впечатление, что Кеннеди серьезный партнер. Он, естественно, преследует свои цели, но реально оценивает обстановку, а главное, самостоятельно принимает решения. В глазах отца способность и желание высшего руководителя страны самому влезать в сложные перипетии внешней политики являлось величайшей похвалой и признанием. Никогда отец не считал Кеннеди слабым президентом. Такое мнение, распространившееся

в США, уводит нас в сторону от понимания взаимоотношений, складывавшихся между двумя лидерами. В Вене отец увидел перед собой зрелого политика, с которым можно иметь дело. Меня в Вену не взяли, поэтому я не могу рассказать о собственных впечатлениях, основываюсь на многочисленных рассказах отца об этой запомнившейся ему встрече.

А вот что пишет непосредственный участник событий, один из ближайших сотрудников президента Пьер Селинджер: «Несмотря на неудачу в поиске решений большинства проблем, разделяющих Восток и Запад, оба руководителя покинули Вену с увеличившимся уважением и расположением друг к другу. Хрущев позже как-то сказал мне при встрече: «Мне понравился ваш молодой президент. Он хорошо представляет предмет, о котором говорит». Джон Фицджеральд Кеннеди нашел русского лидера «жестким, но не безрассудным. Его слова тверды, но его действия осторожны». Их взаимное уважение получило свое выражение позднее в знаменитом обмене персональными посланиями, в котором я служил одним из курьеров»*.

За два дня договориться удалось только по Лаосу, противоборствующие группировки там решали свои проблемы. Ни в Москве, ни в Вашингтоне не принимали их слишком близко к сердцу. К тому же накануне встречи Кеннеди получил серьезное предостережение от генерала де Голля: «Стоит вам вмешаться в этом регионе — и вы не вылезете. Предсказываю вам: вы шаг за шагом будете все больше увязать в этой бездонной военной и политической трясине, сколько бы вы ни бросали туда людей и средств»**.

Достигнутое соглашение о прекращении огня в регионе и создании коалиционного лаосского правительства должно было окончательно оформить министры иностранных дел, заседавшие в Женеве.

Разговор о мирном сосуществовании и о разоружении не принес ничего нового. В отличие от предыдущих встреч с президентом Эйзенхауэром, отец не привез в Вену конкретных предложений, не собирался он

---

*Пьер Селинджер. С Кеннеди. Даблдай и компани. Нью-Йорк, 1966.

**Дэвид Горовиц, Питер Кольер. Кеннеди. Американская драма. Нью-Йорк, 1984.

идти и на уступки. В 1959 году в Кэмп-Дэвиде он настроился в качестве первого шага согласиться на частичный контроль с воздуха взаимно согласованных приграничных районов. В 1960 году в Париж отец захватил с собой предложения о совместном с США освоении космоса. Он тем самым демонстрировал доверие, приглашал разделить технологические секреты, святая святых наших военных проектов.

В 1961 году многое изменилось. Возникшее было у отца желание поверить в честность и миролюбие Белого дома испарилось без следа.

«Сначала У-2, а совсем недавно — Куба! О каком доверии может идти речь?» — так теперь считал отец.

Тем не менее, когда президент Кеннеди предложил объединить усилия для полетов на Луну, он 25 мая направил конгрессу послание на эту тему, отец сначала согласился. Правда, в самом общем виде. На следующий день, во время встречи в советском посольстве, он с сожалением отверг заманчивую идею — в ракетных делах оборона так тесно завязана с космосом, что разделить их невозможно. О том, чтобы поделиться военными секретами, не могло быть и речи. Условия не созрели.

Когда отец рассказал мне об идее совместной высадки на Луне, я поддержал его: как можно о таком даже подумать? Челомей придерживался иной точки зрения. По его словам, сотрудничество принесло бы бóльшую пользу нам, чем им.

Но... вопрос больше не обсуждался.

Зачатки доверия смогли возникнуть только позже, после Кубинского кризиса и торжественного обещания Кеннеди не атаковать остров. Тогда у отца вновь начало восстанавливаться доверие к словам президента США.

Кеннеди привез в Вену предложение исключить войну как метод разрешения возникающих в мире конфликтов. Отец приветствовал выдвинутую оппонентом идею, тем более что американский президент в качестве аргумента привел расчеты ядерного потенциала двух наших держав. Из них следовало, что США обладают запасом ядерного оружия, способным дважды уничтожить нашу страну. У СССР, по его словам, хватало средств лишь на однократное уничтожение Соединенных Штатов. Откуда американцы почерпнули

свои данные, остается на совести ЦРУ. Наши носители, способные доставить ядерные заряды на Американский континент, в то время все еще можно было пересчитать с помощью пальцев на руке. В одном они были правы: и такого количества потенциальных термоядерных взрывов достаточно, чтобы посчитать потери неприемлемыми для любой страны.

Отец с восторгом воспринял рассуждения президента: впервые США признавали паритетность ядерной мощи двух держав. Что же касалось двукратного превосходства США, то он свел все к мрачной шутке: «Мы-де, в отличие от американцев, люди не кровожадные, это они намереваются бить по мертвым, а нам и одного раза достаточно». Этот свой тезис он потом повторял неоднократно.

Принятие предложения Кеннеди могло сдвинуть прочно засевшие в трясине согласований и возражений переговоры по разоружению, но отец углядел в нем крамолу. Он соглашался на все, кроме обязательства нашей страны не помогать угнетенным народам в борьбе за свою независимость. Бурное начало 60-х годов — кровь в Алжире, бои в Конго, начинающаяся война против колонизаторов в Анголе, столкновения в Лаосе и, наконец, недавняя высадка десанта на Кубе — этот перечень можно было бы продолжать. Отец усмотрел, и не был не прав, завуалированную попытку сохранить существующую расстановку сил. Пролетарская солидарность не допускала равнодушия, наше место было среди восставших. Мир социализма противостоял миру капитала, свобода противостояла рабству.

Я умышленно употребляю терминологию тех лет. Она отражает то, во что верили такие люди, как мой отец, из чего они исходили, принимая решения. Отец категорически отверг, как он считал, провокационное предложение, прочитал Джону Кеннеди целую лекцию об освободительных войнах и их положительной роли в развитии человеческой цивилизации.

Попытка найти взаимоприемлемое решение провалилась.

Еще более драматично происходили переговоры по Германии.

Отец считал себя обязанным найти решение проблемы признания двух Германий, оформления государственного статуса ГДР. В Вене он предпринял послед-

нюю попытку реализации идеи подписания мирного договора с ФРГ и ГДР, с выделением Западного Берлина в самостоятельный вольный город.

Этот вопрос оказался самым болезненным, тут Кеннеди был менее всего готов идти на соглашение с отцом. Общественное мнение США требовало стойкости, вплоть до применения силы.

Отец в надежде на то, что оппонент дрогнет, решил довести нажим до предела. Правда, ни тогда, ни в последующие месяцы он и не помышлял о возможности применения силы. По его словам, не требовалось ни особых усилий, ни большого ума для оккупации Западного Берлина. Силы союзников там были ограничены. Но потом...

Последствия легко предсказывались — война. Она же ни при каких условиях не входила в планы отца.

Вот что он вспоминает о заключительном дне переговоров: «Мы расстались в состоянии нагнетания напряженности, я предупредил Президента, что если мы не встретим понимания со стороны Правительства Соединенных Штатов в вопросе заключения мирного договора, то будем в одностороннем порядке решать этот вопрос, подпишем договор с Германской Демократической Республикой, и тогда изменятся правовые нормы доступа западных держав в Западный Берлин. Я нагнетал обстановку с тем, чтобы поставить американцев в безвыходное положение и вынудить их признать разумность наших предложений. Иначе произойдет конфликт. Но Президент был не готов под нажимом пойти на соглашение. Мои призывы осознать реалистичность наших доводов повисли в воздухе. Мы остались на старых позициях».

Пьер Селинджер вспоминает, насколько драматично происходил последний разговор с отцом. В ответ на заявление президента, что они будут отстаивать коммуникации с помощью вооруженной силы, он бросил: «Это ваши проблемы».

Президент ответил: «Это вы, а не я, форсируете изменения в регионе».

Хрущев пожал плечами. Его решение было окончательным.

«Эта зима, кажется, будет холодной», — были последние слова Джона Кеннеди, обращенные к нему.

Отец понимал, что иного шанса ему не представит-

ся, и наращивал давление. Уже после отъезда Джона Кеннеди, который торопился на заранее запланированную встречу с Гарольдом Макмилланом в Лондоне, он встретился с государственным секретарем австрийского правительства Бруно Крайским. Они были хорошо знакомы со времен заключения государственного договора. Между ними еще тогда установились доверительные отношения.

Крайский играл заметную роль в западной социал-демократии, поддерживал тесные отношения с Вилли Брандтом. Отец рассчитывал через него подействовать на западных немцев.

В своих мемуарах он продиктовал: «Я, признаться, Крайскому повторил то, что говорил Кеннеди. Я надеялся, что если так же остро изложу нашу позицию, то это станет известным не только Президенту США, но и Брандту. А от Брандта кое-что зависело, он был тогда бургомистром Западного Берлина. Я думал, что они, возможно, посчитаются с неотступностью наших намерений, не решатся доводить температуру до кипения и в конце концов согласятся на разумные условия переговоров с тем, чтобы найти решение и прийти к соглашению».

И далее:

«Мы и после встречи предпринимали шаги. Не столько по практике, сколько рекламировали, что намереваемся осуществить наши предложения и подписать мирный договор. Действовали мы довольно энергично, оказывали нажим через печать, во время бесед и встреч. Одним словом, пустили в ход все доступные нам средства, чтобы создать впечатление у наших противников, что если они не поступят разумно и не согласятся с нами, то мы сделаем так, как говорили Президенту США».

Здесь отец ошибся. Его оппонент был готов к силовому противостоянию. Любой его шаг навстречу отцу по Берлину был бы расценен и в Бонне и в Вашингтоне как проявление слабости, капитуляции перед лицом Советского Союза. Такого себе президент позволить не мог.

По словам отца, расставались они с президентом в мрачном настроении. Отец говорил, что по выражению лица Джона Кеннеди было видно, что он чрезвычайно огорчен отсутствием конкретных договоренностей, тем, что переговоры зашли в тупик.

Отец был настроен более философски, но и его, естественно, не радовал подобный исход. Он говорил по этому поводу:

«Я хотел бы, чтобы мы расставались при другом настроении, но я помочь ничем не мог, потому что политика неумолима. Наше классовое положение не дало возможности прийти к соглашению... А это опять нас отбрасывало к обострению и продолжению «холодной войны». За это мы должны были платить, потому что опять начиналась гонка вооружений. Одним словом, эта политика была нам уже известна, она обременяет бюджет и понижает экономический потенциал... жизненный уровень наших народов».

Не имело особенного значения, кто выглядел мрачнее. И отец и президент понимали: происходит что-то не то, но идеологическая установка с обеих сторон предусматривала в конечном счете победу над противником... или собеседником. Не знаю, как звучит правильно.

Для достижения положительного результата требовалось преодолеть себя, понять, что победителя не окажется в термоядерной войне, в гонке вооружений. От слов «кто кого?» предстоял долгий путь к понятию «вместе». Мы его не одолели и по сей день. Тогда задуматься о подобной возможности не решался даже такой неутомимый реформатор, как отец. Не пришло время, не все ошибки еще совершены...

Да, отец был более подготовлен к негативному результату переговоров. Позади остались и Женева, и Париж. И там пытались разрубить узел, завязавшийся вокруг Германии. И все неудачно.

Теперь, считал отец, пришел час принимать самостоятельные решения. 5 июня он вернулся в Москву.

Еще до официального выступления отца по итогам Венской встречи, газета «Правда» 9 июня опубликовала текст Заявления президента Кеннеди по этому поводу. На условном языке, принятом в те годы, подобная публикация означала проявление благожелательности. Дверь не захлопывалась. Но и ждать отец больше не собирался. Он начал действовать. Через 2 дня все газеты напечатали текст памятных записок о разоружении и Германии, переданных отцом американскому президенту в Вене. 16 июня отец выступил с пространным изложением своей позиции. Он особо под-

черкнул, что, несмотря на ведущиеся между СССР, США и Великобританией переговоры о запрещении ядерных испытаний, Франция продолжает взрывы своих атомных бомб.

* * *

Переговоры в Вене не дали результата. И с новым президентом отец не нашел общего языка. А это означало продолжение ядерной гонки.

Министерство обороны, конструкторы ракет, самолетов и других видов вооружений продолжали одолевать отца просьбами о возобновлении взрывов. Отцу очень не хотелось терять накопленный за два с половиной года моратория моральный и политический багаж, но теперь и он склонялся к тому, что другого выхода просто не существует.

Отца беспокоило то, что мы проводим взрывы в центре своей территории, в Семипалатинске. Как ни оберегайся, а ветер разносит зараженные радиацией облака по всей округе. Средмашу поручили проработать варианты подземных испытаний. К тому же склонялись и американцы. Они предлагали вообще ограничиться подземными испытаниями. Наши специалисты-атомщики отнеслись к этой идее с недоверием, докладывали отцу, что крайне затруднится проверка эффективности взрыва. Сейчас на полигоне строят сооружения, устанавливают технику и смотрят, что с ней произошло. С переходом под землю придется довериться расчетам.

Министр Ефим Павлович Славский особенно скептически относился к возможности испытания под землей мощных зарядов. В те годы каждый разработчик старался удивить соседа, а главное, начальство все возрастающим эквивалентом взрывной силы своего изделия. От трех мегатонн перешли к пяти, затем к десяти, от них — к пятнадцати, а сейчас говорили о двадцати, пятидесяти и даже ста мегатоннах. О возможности боевого использования подобных монстров слова произносились скороговоркой, глухо, но сами цифры впечатляли. Не избежал их влияния и отец. Он не уставал восхищаться достижениями конструкторов. Конечно, о подземных испытаниях таких фантастических зарядов не шло и речи.

Американцы не гнались за рекордами. Они остановились на мощности около двадцати мегатонн и стали резко снижать как вес заряда, так и его эквивалент. Люди рациональные, они подсчитали, что больше напакостишь, усеяв землю сравнительно слабыми взрывами (в несколько сот килотонн), чем гигантским, подобным вулканическому извержению, но единичным, быстро теряющим с увеличением расстояния от эпицентра разрушающую силу ударом. Кстати, их заряды очень хорошо укладывались в концепцию подземных испытаний.

Немаловажным возражением со стороны Министерства среднего машиностроения служило и возрастание стоимости испытаний: на каждый взрыв придется рыть специальную шахту. А ведь зарядов за эти годы наделали десятки.

Вообще о подземных испытаниях в нашей стране имело смысл говорить только в будущем времени, они требовали не одного года подготовки.

Отец попросил перенести максимально возможное количество взрывов из Семипалатинска на новоземельский полигон. Работать там, конечно, несравненно сложнее — Крайний Север, но все-таки подальше от населенных районов. Славскому он поручил еще раз тщательно проработать технические аспекты проведения подземных испытаний. Как и в случае с подземными стартовыми позициями ракет, посоветовал связаться с угольщиками. Их опыт, по его мнению, мог оказаться полезным.

Хотя отец внутренне созрел, решился на возобновление взрывов, он хотел еще раз проверить себя и назначил на 10 июля в Овальном зале Кремля широкое совещание с привлечением специалистов, ученых, конструкторов, испытателей, военных.

В те времена не было строже секретов, чем работы, относящиеся к ядерной тематике. Даже со мной отец избегал обсуждать подробности, не касался деталей. Поэтому я знаю о том совещании совсем немного.

Большинство участников поддержало идею возобновления испытаний, считало, что мы и так потеряли слишком много времени, позволили американцам оторваться, получить преимущество.

Отец рассказал, что против выступил один Сахаров. Человек, которого отец чрезвычайно уважал и, я бы сказал, любил, если такое слово можно в данном

случае употребить. Он испытывал особые чувства к высокоталантливым людям. Я затрудняюсь подобрать для их определения иное слово. Уважение, почтение, восхищение стоят значительно дальше, хотя все элементы обозначаемых ими эмоций у отца присутствовали. Я все-таки повторяю — любил. Так он относился к академикам Евгению Оскаровичу Патону и Андрею Николаевичу Туполеву, Игорю Васильевичу Курчатову, Сергею Павловичу Королеву, Андрею Дмитриевичу Сахарову и другим. Список можно оспаривать, ужимать или расширять. Не в этом дело. К мнению этих людей отец относился особенно внимательно.

О возникших расхождениях с Сахаровым отец очень сожалел. Андрей Дмитриевич не первый раз выступал против испытаний. Его записки отцу о вреде взрывов, их пагубном влиянии на все живое сыграли немаловажную роль при принятии решения об объявлении моратория. Сахаров возражал против проведения серии испытаний и в 1958 году. И вот теперь он, предваряя обсуждение на совещании, направил отцу записку, где отмечал, что возобновление испытаний после трехлетнего моратория подорвет переговоры о прекращении испытаний и о разоружении, приведет к новому витку гонки вооружений...

«Неужто я обо всем этом не знаю, — выговаривался в сердцах отец на следующий вечер, — но ведь американцы о разоружении и слышать не хотят. Он говорит о гуманизме, а я должен думать о безопасности страны. Начнись война — скольких людей ждет смерть, если мы не сумеем дать достойный отпор».

Отец считал, что его положение тяжелее и сложнее, чем у Сахарова: ведь он тот человек, которому приходится принимать окончательное решение. И он принял его, высказался в пользу возобновления взрывов.

Отец с сожалением признался, что не сдержался и резко ответил Сахарову. На повторный разговор он строптивого академика к себе не позвал — решение принято, и ему, как и всякому человеку, не хотелось выслушивать справедливые, но, увы, невыполнимые упреки и возражения.

Началась подготовка к испытаниям. Официальное объявление об их возобновлении планировалось сделать в конце августа.

Аналогичная дилемма встала и перед американским президентом, и он мучился сомнениями — начинать, не начинать, и на него давили военные, и он в конце концов дал команду готовить взрывы.

* * *

В июле отец высвободил окошко и отправился в Крым. Как обычно, отдыхал он всей семьей, с детьми и внуками. Засобирался в «Нижнюю Ореанду» и Челомей. Он хотел рассказать отцу о своих новых проектах, а возможно, просто опасался конкурентов. В санаторий, примыкающий к даче отца, уже уехали Королев, а следом за ним Туполев.

Челомей в то лето грезил новым оружием — глобальной ракетой, способной преодолевать зарождающуюся противоракетную оборону. Впервые он упомянул о ней на встрече с отцом в апреле 1960 года.

Теперь фантазия превратилась в конкретную инженерную идею. Челомею не терпелось доложить отцу и с его благословения приступить к проектированию. С помощью «двухсотки» он предлагал запускать на орбиту ядерный заряд-спутник, который неожиданно, после выдачи по команде с Земли тормозного импульса, по известной только нападающей стороне траектории сваливался бы на голову противника. Военные поддерживали этот проект.

В самом замысле глобальной ракеты оставалось много неясного. Если она запускается меньше чем на виток, тут все понятно — та же боеголовка, но обрушивающаяся на противника с тыла. Челомей же предлагал использовать и долго живущие бомбы-спутники, годами вращающиеся над Землей. А если войны не будет? Уводить их на еще более высокие орбиты и оставлять в качестве сувениров для потомков? А если американцы надумают сбивать их или, того хуже, спроектируют корабли, способные снимать спутники с орбиты? Не такая уж дикая мысль. Тогда их надо защищать, выводить на орбиту боевые станции, начиненные снарядами. На многие вопросы еще предстояло найти ответ.

Отец долго расспрашивал Владимира Николаевича. Они обстоятельно беседовали, сидя в трусах под полотняным грибком на берегу моря. Кто мог по-

думать, что здесь обсуждается возможность переноса ядерной войны в космос. Тогда в этом никто не видел ничего противоестественного, просто делался еще один логический шаг в гонке вооружений.

Отец дал добро на начало работ. Велись они в состоянии особой, даже по тем временам, секретности. И как же иначе? Мы делали неизвестное миру оружие, способное изменить расстановку сил на планете. Все получалось, как и было задумано. Настало время изготовления опытных образцов. А там проведение испытаний и...

Однако до размещения ядерных зарядов в космосе дело не дошло. В середине августа 1962 года отец совершил необъяснимый для меня в те годы поступок. Он рассказал о нашем проекте... американским журналистам. Еще раньше он упомянул о глобальной ракете в одном из выступлений.

Мне подобное легкомыслие представлялось совершенно недопустимым, почти преступным. Ведь новое оружие особенно эффективно в случае внезапного применения, когда все средства обороны нацелены в противоположную сторону. Я не раз подъезжал к отцу с расспросами, пытался понять, зачем он так поступил, но он только улыбался и уводил разговор в сторону или просто отмалчивался. Мне представлялось, что он сожалеет о своей несдержанности, но не желает признаться.

И я был бы прав... если бы отец собирался воевать, пустить глобальную ракету в дело. У него же и в мыслях подобного не было. Она служила ему еще одним аргументом в торге о разоружении и запрещении ядерных испытаний. Тут противнику лучше обо всем узнать заранее. Когда начнут сыпаться из космоса ядерные заряды, будет поздно. Обо всем этом я догадался лишь годы спустя. А тогда чрезвычайно расстроился утечкой секретной информации.

Разработка глобальной ракеты закончилась бумагой, комплектом чертежей. К ее изготовлению мы так и не приступили. После запрещения ядерных взрывов в трех средах работа окончательно сошла на нет.

* * *

Другим пляжным собеседником отца был Королев. В тот год темой их разговоров стала новая тяжелая

ракета, способная потягаться с американцами в гонке за Луну. Сейчас, после «нет», сказанного президенту Кеннеди, следовало определиться. Отец не собирался отступаться от нашего неоспоримого превосходства в космических исследованиях, но и прикидывал, во что все это обойдется.

Сергей Павлович начал с рассказа о скором запуске на орбиту нового космонавта. Полет Гагарина показал, что сам факт выхода человека в космос ничего страшного и таинственного за собой не влечет. Но ведь он летал только полтора часа, очередной запуск планировали на сутки, хотели проверить, что ожидает человека при длительном полете. Лететь должен был Герман Титов, дублер Гагарина.

В необходимости соревнования за приоритет высадки на Луну Королев не сомневался. Правда, предварительные проработки свидетельствовали, что на орбиту придется вывести около девяноста тонн. Цифра по тем временам казалась неосязаемо огромной — целый вагон. Отец поинтересовался, какая же ракета способна вытянуть подобную махину. Королев ответил, что он рассчитывает уложиться в стартовый вес около трех тысяч тонн.

— Десять «семерок»... — неопределенно протянул отец.

Он позволил себя уговорить. Он столько поставил на наши ракетные достижения, что отказываться от дальнейшего продвижения вперед представлялось просто неразумным. К тому же отец был таким же мечтателем, как и Королев. В этом они походили друг на друга. Отцу донельзя хотелось стать современником первого человека, ступившего на иную планету. Особенно советского. Столько увлекательного открывалось впереди: космос, Луна, коммунизм. Дух захватывало, на какие высоты Советская власть вознесла русского человека!

Сговорились, что Королев продолжит работы и, когда прикидочные расчеты будут готовы, доложит на Совете обороны. Тогда, ориентировочно зимой будущего года, и примут окончательное решение.

На прощание Королев, суеверно постучав по деревянной крышке летнего садового столика, еще раз напомнил, что полет Титова намечен на начало августа.

Неожиданно для меня отец не приказал — попросил осуществить запуск не позднее десятого. Обычно он в такие дела старался не вмешиваться. На сей раз он изменил своему правилу.

Королев с готовностью согласился.

— Давайте назначим на седьмое, — улыбаясь, произнес он.

— Ну вот и договорились, — отозвался отец.

Только потом я догадался, почему первая декада августа была для него предпочтительнее второй. В голове у отца запуск Титова увязывался с установлением границы в Берлине, но тогда это была тайна за семью печатями.

Отец пообещал, что встречу Титову устроят такую же, как Гагарину. Пусть только возвращается невредимым.

* * *

Не могу не вспомнить и о разговорах с Туполевым. И Челомей и Королев, сколь бы дружескими и располагающими ни казались встречи, тем не менее докладывали Председателю Совета Министров СССР. Тут же беседовали два человека, прожившие большую жизнь и знающие цену и ей, и себе, и собеседнику.

Положение прославленного туполевского конструкторского бюро в те годы стало нелегким. Отец не считал больше необходимым расходовать миллиарды на создание тяжелой бомбардировочной авиации. Для противостояния с США, по его мнению, достаточно и ракет. Работы над последними двумя самолетами: сверхзвуковым бомбардировщиком ТУ-22 и дальним тяжелым перехватчиком-ракетоносцем ТУ-28-80 подходили к концу. Новых военных заказов не предвиделось.

Конечно, оставались пассажирские самолеты. Прогремевший на весь мир ТУ-104 вывел в свет целое семейство ТУ. Но до сих пор считалось, что пассажирская авиации — это только протока, чуть отвернувшая от основного русла авиации военной. Так было. И так, считал Андрей Николаевич, будет на его веку.

В ракетную технику ход ему оказался заказан. Устинов бдительно охранял крепко запертую дверь. Следовало искать иное приложение сил. На сей раз

Туполев пришел с предложением построить самолет с атомными двигателями, способный без посадки не раз облететь земной шар.

В те годы увлечение атомной энергией стало повальным. И это несмотря на то, что отец не очень поддерживал промышленную атомную энергетику, считая, что электричество получается дороговатым. Однако в качестве двигательных установок атомный реактор, представлялось, не имел соперников. Вовсю проектировались и строились атомные подводные лодки. Атомный ледокол «Ленин» потрясал воображение бывалых полярных капитанов.

И вот теперь самолет!

За реактивный двигатель для атомного самолета брался Николай Дмитриевич Кузнецов, давний соратник Андрея Николаевича по работам над ТУ-95 и Ту-114. Вместе они сделали предварительный проект, и вот теперь представился случай доложить о проработках начальству.

Командование Военно-воздушных сил новую идею не поддерживало, считало самолет опасным для экипажа и аэродромных служб, с одной стороны, и не сулящим особых преимуществ в воздухе — с другой. Но Туполеву и Кузнецову не впервые приходилось проталкивать свои новинки в обход генералов. Отец выслушал рассказ о новом самолете не перебивая. Такое поведение свидетельствовало, что излагаемый предмет не вызывает особого интереса. Туполев об этом знал, но отступать не собирался.

Отец вспомнил о своем давнем разговоре с Андреем Николаевичем о возможности создания бомбардировщика, способного эффективно действовать против США, и задал те же вопросы: «Сможет ли он преодолеть систему ПВО, развернутую на Североамериканском континенте? Какова ожидаемая скорость и высота полета нового самолета?»

Туполев ответил, что чудес ожидать не приходится. За неограниченную дальность необходимо платить, ядерные силовые установки тяжелы сами по себе и требуют дополнительной защиты. Поэтому скорость получается околозвуковой, а высота полета стандартной: десять—двенадцать километров.

Отец покачал головой:

— Вы же еще когда говорили, что с такими параметрами соваться в США незачем, собьют без труда.

— Мое дело придумать техническое решение, а уж вам решать, покупать его или нет, — не то немного обиделся, не то просто грустно пошутил Туполев.

Им обоим уже стало абсолютно ясно, что предложение не проходит. Однако отцу не хотелось расстраивать отказом гостя. Он поинтересовался, нет ли возможности сделать дальний пассажирский самолет с атомными моторами. Андрей Николаевич только махнул рукой: абсолютно исключено — на эффективную защиту пассажиров от излучения потребуются такие веса, что самолет вообще не сможет взлететь. К тому еще добавлялась проблема заражения аэродромов при взлете и посадке. Об окружающей среде, экологии как таковой в те годы не задумывались: казалось, Земля все выдержит.

Правда, и атомный проект сразу не забросили. Какое-то время работы продолжались. Сделали специальную летающую лабораторию: самолет со смешанной силовой установкой, оснащенной ядерной турбиной. Однако постепенно усилия сошли на нет, оправдались самые пессимистические прогнозы: эксплуатировать подобный самолет, даже при легкомысленном отношении к радиации, которое существовало в те годы, не представлялось возможным.

При очередной встрече отец, окончательно потерявший интерес к атомному бомбардировщику, посоветовал Андрею Николаевичу переключиться на пассажирские лайнеры, особенно его привлекала возможность создания сверхзвукового пассажирского самолета. С той поры ТУ-144 стал главной задачей ОКБ, на реализацию которой ушли многие годы напряженного труда и многие миллиарды рублей.

Мне не хотелось бы своим рассказом создать впечатление, что отец занимался рассмотрением столь важных дел, определяющих обороноспособность страны, походя, в шезлонге на берегу моря или гуляя по тропинкам подмосковного леса.

Просто мне не приходилось присутствовать при его встречах с конструкторами, военными, учеными в кремлевском кабинете. О тех беседах до меня доходили лишь отзвуки, пересказы участников, реакция отца на

удачные или, как он считал, бросовые предложения. О некоторых событиях я вообще ничего не знал.

Я подробно описываю факты, которым мне довелось стать свидетелем, а местом их действия, естественно, чаще всего оказывался наш дом.

* * *

О Германии отец думал неотступно.

Последнюю отчаянную попытку уговорить, надавить и даже испугать президента США отец сделал в Вене. Однако угрозы только подстегнули Джона Кеннеди.

28 июня государственный секретарь Дин Раск предупредил, что в ближайшие месяцы США предпримут ряд шагов, «показывающих Кремлю», что «Запад занимает твердую позицию в вопросе о Западном Берлине».

Возможность одностороннего заключения мирного договора отец больше всерьез не рассматривал. Здесь ничего не стоило перегнуть палку. Конечно, без обострения отношений с США, считал отец, не обойтись, но он не намеревался выходить за рамки дозволенного Потсдамскими соглашениями.

После долгих колебаний отец пришел к выводу, что единственный выход: «закрыть все входы и выходы, закупорить все лазейки». Решение оформилось там же, в Крыму, во время отпуска. Отец считал, что, если захлопнется дверь, ведущая на Запад, люди перестанут метаться, начнут работать, экономика двинется в гору и недалек тот час, когда уже западные немцы устремятся в ГДР. Тогда уже ничто не сможет помешать подписать мирный договор с двумя германскими государствами.

Пока же вырисовывался первый шаг: приостановить отток людей, овладеть положением. Как это сделать? Наиболее сложно разъединиться в Берлине, ведь сектора порой разделяются условной линией, проходящей по проезжей части улиц. Один тротуар в одном секторе, другой — в другом. Перешел улицу — и ты уже за границей. Когда проводили разграничительные линии, никто не думал, что может зайти речь о границе, о пограничниках, пропусках, визах. Пока эти линии оставались только на бумаге, теперь отец искал способ их материализации.

Отец попросил нашего посла в ГДР Первухина прислать ему подробную карту Берлина с нанесенной на ней демаркационной линией.

Отец вспоминает:

«Разграничения на карте были сделаны неточно, нельзя было судить о возможности установления твердой границы с контрольно-пропускными пунктами. Я решил, что это сделано из-за недостаточной квалификации людей, размечавших карту. Да это вполне понятно, они не специалисты.

Я снова позвонил послу и попросил:

— Товарищ Первухин, в карте, которую вы мне прислали, трудно разобраться. Она не позволяет судить о возможности установления границ. Пригласите командующего нашими войсками (тогда там командовал Якубовский) и передайте мою просьбу сделать в его штабе карту Берлина с нанесением границы и замечаниями о возможности установления контроля над ней. После этого доложите товарищу Ульбрихту. Пусть он посмотрит и скажет, согласен ли он обсудить эти вопросы.

Прислали новую карту. По телефону посол сообщил, что Ульбрихт полностью согласен. Он передал, что это правильно, что это оздоровит сложившуюся ситуацию, что это единственная возможность стать хозяевами положения.

Я посмотрел — там было показано, где могут быть установлены контрольные ворота, — и пришел к выводу, что границу установить в Берлине возможно. Правда, с большим трудностями».

Отец решился. Ему казалось, что установление пограничного контроля не должно вызвать излишне яростной реакции наших бывших союзников. Ведь их права беспрепятственного передвижения между зонами оккупации сохранялись. В этом было существенное отличие от предыдущих предложений и угроз, связанных с заключением мирного договора и передачей контрольных функций правительству ГДР.

Пропуска и другие пограничные формальности устанавливались только для немцев, а о них в Потсдамском соглашении не говорилось ни слова. По крайней мере, отец подобных записей припомнить не смог.

5—965

Он понимал, что существует определенный риск. Наиболее опасен первый момент физического установления контроля над границей, проведения разграничительной линии, установка шлагбаумов в местах проезда. Внезапный шок может повлечь за собой не до конца продуманные поступки. Тем не менее он посчитал риск оправданным. Об установлении непроницаемой бетонной стены и речи не было. Это чисто немецкое изобретение.

Получив согласие и поддержку Ульбрихта, отец решил, что пора действовать. Он вызвал в Крым Громыко и его заместителя Семенова, ведавшего германскими делами. Отец не строил иллюзий, его план нарушал если не букву, то дух Потсдамских соглашений, где говорилось о единой Германии. Требовалось тщательно просчитать все возможные дипломатические шаги. В результате выработали план действий, получивших впоследствии в мире название второго Берлинского кризиса.

Все требовалось подготовить в строгой тайне. На возведение сооружений отводилось минимум времени. Работы следовало окончить раньше, чем на той стороне решат, что же им предпринять. Легче помешать проведению работ, чем ломать уже сделанное.

«Мы не хотели, чтобы на границе стояли наши войска, — продиктовал отец в своих воспоминаниях, — это функции самих немцев... Западные немцы тоже сами охраняли свои границы.

За немцами у границы должна была стоять цепочка советских войск в полном вооружении. Пусть Запад видит, что хотя немцы стоят жиденькой цепочкой и разорвать ее не представляет больших усилий, но тогда вступят советские войска.

На контрольных пунктах... где должны были проезжать представители западных держав, у шлагбаума должен стоять наш офицер и пропускать их без задержек, как и раньше».

С таким планом отец вернулся в Москву. На специально собравшемся во второй половине июля заседании Президиума ЦК отец изложил свои соображения. На сей раз в зале присутствовал минимум посторонних лиц, информация не должна была просочиться через плотно закрытые двери.

Обсуждения, по существу, не произошло, выступавшие поддерживали предложенный план, полагаясь на

авторитет отца. «Товарищи согласились, что это единственная возможность создать стабильное положение в ГДР», — отмечал он.

Отец не хотел действовать в одиночку. Риску подвергались все участники Варшавского договора, и он решил обсудить намеченный шаг с союзниками. В целях обеспечения секретности собрались в Москве тайно. Нигде в печати не проскользнуло ни строчки. Не просочилась информация и на Запад. В совещании участвовали только первые секретари центральных партийных комитетов и главы правительств. Вся свита осталась дома.

В те дни я еще не подозревал, что что-то вообще затевается, поэтому вернусь к записям отца.

«Мы изложили эти вопросы и высказали свою точку зрения. Все представители социалистических стран с восторгом согласились и выразили уверенность, что мы успешно проведем мероприятия и этого «ежа», грубо выражаясь, западные страны проглотят».

Я рассказал, что происходило за закрытыми дверями. Публично отец продолжал бомбардировать Запад различными предложениями. 1 июля ГДР выдвинула так называемый «Немецкий план мира». По сегодняшним, точнее позавчерашним, меркам он не был столь уж плох и неприемлем: совместная комиссия представителей парламентов и правительств обеих Германий должна была разработать предложения к заключению мирного договора. Вот только, как больной зуб, торчал там вольный город — Западный Берлин. Однако правительство ФРГ отвергло саму идею совместного обсуждения. На их картах ГДР отсутствовала.

8 июля на торжественном собрании выпускников военных академий в Кремле отец предложил созвать конференцию на высшем уровне для обсуждения проблемы мирного договора с Германией. Дальше наступил перерыв. Никаких инициатив, полное затишье. В ГДР спешно заготавливали столбы, немцы получали с советских армейских складов и подтягивали к границе тонны колючей проволоки, сваривали металлические заграждения. Подобную деятельность долго в тайне удержать невозможно, но исполнители сами не знали, для чего все это нужно. Поползли самые невероятные слухи.

Тем временем тон дипломатических документов изменился, он стал резче и бескомпромисснее. Так всегда бывает перед решительным шагом.

25 июля раскатами грома прогремело Заявление президента Кеннеди. Он предупредил, что любые шаги, связанные с выполнением угрозы отца заключить мирный договор с ГДР, натолкнутся на решительное сопротивление Соединенных Штатов.

В выступлении по телевидению Кеннеди объявил о своей готовности воевать за Западный Берлин. «Мы стремимся к миру, но мы никогда не капитулируем... В Западном Берлине сейчас проверяется западная решимость и неприступность... Мы никогда не позволим коммунистам изгнать нас из Берлина, ни миром, ни силой... Три раза за мою жизнь наша страна и Европа втягивались в тяжелые войны... Если война начнется, то она начнется в Москве, а не в Берлине. Выбор между войной и миром делают они, а не мы. Советский Союз втянул нас в кризис... Это они отказались от заключения мира с единой Германией в нарушение международных законов и соглашений».

Свои слова президент подкрепил обещанными недавно государственным секретарем решительными действиями. Он объявил о призыве на действительную службу 250 тысяч резервистов и о приведении стратегической авиации в 15-минутную готовность.

Выстрел был произведен впустую, о сепаратном мирном договоре никто не помышлял, но отец поддерживал игру.

3 августа в Москве опубликовали Меморандум Правительства СССР, направленный правительству ФРГ, о мирном договоре с Германией.

Одновременно ноты аналогичного содержания ушли в столицы держав-победительниц.

Лейтмотивом меморандума служило утверждение, что ныне не существует ни единой Германии, ни общегерманского правительства. Раскол страны произошел по социальному признаку, и его необходимо признать. Это объективная реальность.

7 августа в космос полетел Герман Титов. Отец, как он и обещал Королеву, к этому дню вернулся в Москву. Вечером он собирался в телевизионном обращении к стране дать решительный ответ президенту США.

Отвергая обвинения в угрозах с его стороны, отец повторил известные тезисы о вольном городе и коммуникациях. Он заявил, что ни о какой блокаде Западного Берлина нет и речи. Тем не менее он заявил об увеличении расходов на оборону, прекращении сокращения вооруженных сил, а также о возможности в будущем дополнительного призыва запасников и подтягивания некоторых дивизий из глубины страны к западным границам.

Я смотрел выступление по телевизору дома. По спине забегали мурашки, складывалось впечатление, что дело заваривается круто, клонится к войне. Мне очень хотелось узнать, что же конкретно предпринимается, что означает воинственность отца. Дома он держался куда менее решительно, чем перед телекамерами.

По поводу увеличения расходов на оборону отец объяснил мне, что это просто реакция на соответствующее заявление Кеннеди, реально нам оно не нужно, никаких мер, требующих дополнительных затрат, проводить не предполагается.

— Людей призывать, отрывать от дела мы не будем, — продолжил он, — а с сокращением армии придется повременить. Ведь американцы расшевелились не на шутку.

Отца беспокоило, насколько крепки нервы у американского президента, не сорвется ли он?

Пока шла перепалка, подготовка к перекрытию границы практически завершилась. В Берлине ожидали команды из Москвы. Якубовский доложил отцу по телефону и испросил согласия на начало операции в ночь с 12 на 13 августа.

Отец пошутил, что 13 — несчастливое число, но тут же добавил: пусть оно будет несчастливым для наших противников.

Наступил самый тяжелый момент. Как поведут себя американцы? Отец рассчитывал на благоразумие, ведь все работы должны проводиться на территории ГДР.

Сгрудившись на своей стороне улиц, американцы наблюдали, как вдоль редкой цепочки солдат, выстроившихся по условной линии, разделяющей сектора города, рабочие долбят асфальт, вкапывают столбы, натягивают колючую проволоку. Никаких попыток вмешаться.

Услышав об этом, отец вздохнул с облегчением — обошлось. Если они не бросились под воздействием первого порыва, то, поразмыслив, тем более не полезут в драку.

Но пока мир держался на ниточке. Из Германии вслед за сообщением о необычной стройке на границах в Берлине в Вашингтон поступило предложение командования американских войск направить бульдозеры и снести хлипкие заграждения. Технически эта акция не составляла труда. Политические же последствия предвидеть было невозможно.

Кеннеди охладил горячие головы. По словам Пьера Селинджера, он считал, что «режим Ульбрихта, по всей вероятности, обладает законным правом закрыть свои границы и никто не может вообразить, что мы должны начать из-за этого войну».

Отец был в восторге. Он считал, что, установив контроль на своих границах, ГДР получила даже больше, чем могла рассчитывать при заключении мирного договора.

Каждый день приносил новые сообщения. Первым делом американцы решили проверить отношение к представителям оккупационных войск. С утра 13 августа несколько джипов с офицерами и солдатами направились в Восточный Берлин. Их пропустили беспрепятственно. Только от самой границы каждому на хвост сели две «Волги», набитые сотрудниками государственной безопасности ГДР, и не отпускали их ни на шаг. Джипы покрутились по городу, дел у них никаких не было, и столь же беспрепятственно вернулись восвояси.

Однако словесная война, война угроз и жестов, развернулась нешуточная. Вслед за нотой протеста, обвиняющей в нарушении Потсдамских соглашений, президент Кеннеди решил обозначить свою решительность. В Западный Берлин срочно вылетел вице-президент Линдон Джонсон, он заявил, что «жизнь, будущее, священная честь» народа Соединенных Штатов возлагаются на алтарь защиты жителей города. Через границу ГДР из Западной Германии в Берлин двинулись подкрепления — около полутора тысяч пехотинцев в полном вооружении. О поступившем нашему командованию уведомлении о предстоящем прохожде-

нии американских войск немедленно доложили отцу. Якубовский ждал указаний. Малиновский предложил не пускать американцев.

Отец скомандовал однозначно: пропустить, создать все условия для беспрепятственного прохождения, держаться подчеркнуто вежливо.

Тем не менее он с напряжением следил за донесениями о следовании конвоя. Всякое может произойти, один случайный выстрел и... Его нервозность передавалась и мне. Гуляли мы в тот вечер молча. Как раз подходили к воротам, когда выскочивший из помещения охраны дежурный заспешил к отцу. Сердце упало: какую новость он несет? Обычно во время отдыха отца старались не беспокоить. Отец настороженно остановился. Дежурный доложил, что звонит Малиновский, просит взять трубку. Отец вошел в дом, я остался ожидать его на улице. Чего я только не передумал. Несколько минут отсутствия отца растянулись в часы. Наконец входная дверь отворилась, отец показался на пороге. Он улыбался. Тревога оказалась напрасной.

— Все спокойно, американцы движутся в соответствии с согласованной процедурой, — откликнулся он на мой немой вопрос.

Все прошло без инцидентов, но отец спокойно вздохнул только после того, как колонна грузовиков и бронетранспортеров втянулась через один из тринадцати объявленных контрольно-пропускных пунктов на территорию Западного Берлина. Там вновь прибывших приветствовал Линдон Джонсон.

По подсчетам тех дней, в результате закрытия границы правительство ГДР сэкономило более трех с половиной миллиардов марок в год. Отцу докладывали, что резко разрядилась ситуация с продовольствием, с бюджета ГДР снялся пресс западноберлинских покупателей, уменьшились возникавшие в последнее время очереди.

Казалось, лекарство найдено, больной начинает выздоравливать, но окончательный ответ могло дать только будущее.

Отец решил продемонстрировать миру свое спокойствие. В середине августа он уехал догуливать отпуск в Пицунду. Сигнал подействовал — какие ни строй предположения, но глава правительства не отправляется отдыхать в преддверии решительных событий.

Жизнь на юге текла по знакомому руслу — купание в море и бумаги, короткие прогулки и новые бумаги, ну и, конечно, приемы зарубежных гостей. Они представлялись отцу особенно важными, через них он демонстрировал, что операция закончена, приглашал Кеннеди к возобновлению диалога.

25 августа отец принял американского журналиста Дрю Порсона. Его просьбу об интервью он посчитал за отличную возможность объяснить миру причину недавних событий, донести до Запада свою точку зрения. Опубликованным 28 августа и разошедшимся по всему свету текстом интервью он остался доволен.

В Берлине не обошлось без накладок. Немцев, которые работали на предприятиях и стройках Западного Берлина, организованно трудоустроили на аналогичные места в Восточном секторе. Предусмотрели, казалось, все: квалификацию, оплату и даже время, затрачиваемое на дорогу. Однако совершенно упустили из виду различие в производительности труда. Вышколенные на западных предприятиях педантичные немецкие рабочие просто не представляли себе, что можно работать иначе. С первого дня на новом месте они стали выполнять по две-три нормы. Никакие увещевания коллег, призывы перестать заниматься провокациями, начать работать как все, а то администрация увеличит нормы и снизит расценки, не действовали.

Восточноберлинцы прибегли к решительным мерам — вновь прибывших просто избивали. Об этих инцидентах отцу рассказал Ульбрихт. Отец только грустно улыбнулся в ответ. Такие сообщения не радовали. Вскоре все вошло в норму, новички усвоили социалистические порядки.

А пока чаша весов продолжала колебаться. 26 августа бывший командующий американскими войсками в Германии генерал Клей и бывший государственный секретарь Дин Ачесон потребовали применения силы. В США объявили о призыве в армию еще семидесяти шести с половиной тысяч резервистов. Президент отдал приказ о приведении в повышенную боевую готовность в дополнение к стратегической еще и тактическую авиацию.

Аналогичные меры приняла Великобритания.

Отец упорно стоял на своем: реальной угрозы развязывания вооруженного конфликта не существует.

Его слова успокаивали, но ненадолго. Газетные сообщения звучали тревожно, а отец — он тоже человек и он может ошибиться.

Несмотря на возведение стены, отец продолжал бомбардировать наших партнеров призывами заключить мирный договор с двумя Германиями. «Мы не отказывались от нажима. Правда, нажим выражался только в наших публичных заявлениях через прессу, радио и прочие средства массовой информации», — запишет отец в своих мемуарах.

* * *

Тем временем приготовления к ядерным испытаниям приблизились к завершению. Хотя 31 августа громыхнуло Заявление правительства о возобновлении в Советском Союзе испытаний, отец относился к тем немногим из причастных к этому делу, кто принимал решение с тяжелым сердцем.

В Заявлении в качестве аргументов назывались напряженность вокруг Берлина, необходимость в связи с этим укрепления наших оборонных возможностей.

На следующий же день сделали первый шаг — взорвали термоядерную боеголовку, предназначенную для Р-16.

Судя по оперативности, у американцев тоже все было на мази. На работы, связанные с подготовкой их первого испытания, ушло менее двух недель: 12 сентября произошел подземный взрыв в Неваде. Гонка вооружений заложила еще один крутой вираж.

* * *

1 сентября в Берлин прибыл только что вернувшийся с орбиты Герман Титов. Отец считал, что этот визит несколько разрядит обстановку, продемонстрирует наше миролюбие, добрую волю.

В те дни вокруг Германии сплелись воедино: показная непреклонность обеих сторон с глубочайшей осторожностью, взвешенностью реальных шагов. Отец считал, что опасности войны более не существует. При этом он продолжал публично угрожать заключением сепаратного мирного договора с ГДР. 10 сентября на митинге в Волжске он заявил, что подпишет договор

еще в этом году. Однако, принимая за три дня до этого американского журналиста, парижского корреспондента газеты «Нью-Йорк таймс» Сайруса Сульцбергера, он просил доверительно передать президенту: решение вопроса может происходить только мирным путем.

Отец с большим уважением относился к Сульцбергеру, считал его не просто журналистом, но и талантливым политиком с аналитическим складом ума. Не являлась для него секретом и близость Сульцбергера к Кеннеди. Вот отец и решил воспользоваться не совсем обычным способом связи.

* * *

Своим специальным представителем в Западном Берлине президент демонстративно назначил бывшего командующего американскими оккупационными войсками генерала Люцуса Клея. Этой акцией подчеркивалась готовность идти на самые жесткие меры, вплоть до применения оружия. Отец тут же предложил послать в Германию маршала Ивана Степановича Конева, назначив его номинальным командующим советскими войсками в регионе. Конев вместе с Жуковым брал Берлин в 1945 году, совершал бросок на Прагу. Так что истолкование его назначения могло быть одним — отец готов ко всему.

Инструкции же вновь назначенному командующему были даны совсем иные. В беседе с Коневым отец советовал ему попытаться возобновить дружбу со своим американским коллегой (Конев и Клей когда-то поддерживали добрые отношения), не уклоняться от контактов и встреч.

Постепенно с обеих сторон наметилось потепление. Когда в начале сентября 2 американских истребителя Ф-84 нарушили воздушное пространство ГДР, их не сбили, хотя такая возможность имелась. Исполнялась команда Москвы не совершать действий, способных обострить напряженность. Успокаивались и за океаном. В речи в ООН, произнесенной президентом Кеннеди 22 сентября, он, отмечая неизменную непреклонность США по вопросу о Германии, сказал, что «абсурдно предполагать, что мы развяжем войну только для того, чтобы предотвратить подписание Советским Союзом и Восточной Германией так называемого мирного договора...

Опасный кризис в Берлине возник из-за угрозы жизненным интересам западных держав и свободе Западного Берлина. Мы не можем игнорировать эту угрозу... но мы верим, что мирное решение возможно...»

Отец по достоинству оценил сделанный шаг. В качестве ответного жеста доброй воли «Правда» перепечатала из газеты «Нью-Йорк пост» статью Джеймса Уэслера о президенте США Кеннеди. Лейтмотивом статьи являлись два тезиса: у президента нет иллюзий в отношении ядерной войны, а поэтому он ищет пути для достижения почетного мира, хотя, как и всякий человек, не застрахован от ошибок.

* * *

Наступил октябрь. Семнадцатого числа открылся XXII съезд партии. Затихшая было полемика вокруг имени Сталина, его ошибок и преступлений неожиданно вспыхнула с новой силой. Вначале отец не намеревался снова поднимать этот вопрос. Коллеги по Президиуму убеждали его, что сказанного на XX съезде достаточно, виновные названы, ошибки исправлены, незачем ворошить прошлое. Однако отец не выдержал. Отступив от заранее написанного обязательного текста доклада, он занялся новыми разоблачениями. Речь зашла не только о самом Сталине, но и его окружении — входивших во время XX съезда в Президиум ЦК Молотове, Маленкове, Кагановиче, Шепилове, Ворошилове, Булганине, Первухине и Сабурове.

Как только из уст докладчика прозвучали резкие слова, осуждавшие сталинизм, записавшиеся в прения бросились переделывать свои речи. В заготовленных текстах не было ни слова о Сталине, не упоминались имена его подручных. Большинству ораторов все эти вынужденные разоблачения Сталина пришлись совсем не по душе, но они не смели нарушить негласную традицию «нерушимого единомыслия». Все старались перещеголять друг друга, потрафить отцу. На свет вытаскивались все новые преступления, обнажались кровь и грязь. Теперь этого уже нельзя было скрыть, вновь упрятать подальше. Произнесенные с высокой трибуны слова становились достоянием истории. Накалившаяся обстановка требовала действия. Съезд принял постановление об удалении забальзамирован-

ного тела Сталина из Мавзолея. Правда, далеко его не унесли, 1 ноября ночью похоронили тут же, у Кремлевской стены, среди наиболее почитаемых его жертв и сообщников.

Маршал Конев тоже присутствовал на съезде. Казалось, берлинская стена могла воспрепятствовать его прибытию в Москву, но к середине октября ничто не предвещало осложнений. Конев позвонил отцу и, спросив разрешение покинуть на время Берлин, отправился в столицу. Отец сказал, что вообще следует подумать о его возвращении к служебным обязанностям, не век же ему сидеть в Германии и караулить стену. На съезде Конев с неодобрением выслушивал хулу в адрес своего недавнего Верховного Главнокомандующего. Он принадлежал к молчаливому большинству, не поддерживающему начавшиеся разоблачения преступлений прошлых лет.

* * *

А тем временем в Берлине стало тревожно. Инициативу проявил генерал Клей.

На 28 октября американцы наметили акцию по уничтожению заграждений у одного из пропускных пунктов в Берлине. Для ее проведения выделялись немалые силы: несколько джипов с пехотинцами, разбавленными жаждущими зафиксировать факты журналистами. Приданные им бульдозеры должны были снести рогатки, шлагбаумы и выросшие по бокам от проезда ряды колючей проволоки. Прикрывали операцию десяток танков.

По мнению отца, о задуманном испытании наших нервов президент Кеннеди ничего не знал.

Генерал Клей не предполагал, что начнется стрельба. Немецкие пограничники не рискнут открыть огонь по солдатам армии-победительницы. Поэтому он с легким сердцем позволил журналистам занять места в автомашинах. Ну а если случится непоправимое, то пусть пеняют на себя.

Советское командование заблаговременно узнало и о точном времени начала операции, и о задействованных в ней силах. Возможность подготовиться, продумать ответные действия, а не принимать решения в панике позволила предотвратить весьма вероятное несчастье.

Генерал Якубовский обо всем доложил в Москву

министру обороны. Малиновский позвонил вечером отцу домой.

На сей раз информация звучала крайне тревожно: никто не мог исключить, что американский командующий не решится ввести в прорыв более крупные силы. О подобных намерениях не сообщалось, но и маршал и отец, исходя из своего опыта, не доверяли на сто процентов донесениям агентуры.

Что это? Пришел час испытаний? Отцу необходимо было принять единственно правильное решение. Первым делом он усомнился, что подобные действия санкционировал президент. И почему они надумали действовать сейчас? Спустя более чем два месяца после установления границы? Только что Кеннеди произнес в ООН весьма обнадеживающую речь. Накануне выступления отец обратился к президенту с предложением покончить с конфронтацией, реалистично оценить обстановку и вернуться к переговорам. Обращение ушло по только им одним известным неофициальным каналам.

Отец рассчитывал на продолжение контактов — и вдруг это сообщение о бульдозерах и танках... Отцу показалось, что здесь, в обход президента, вмешались какие-то иные силы.

* * *

Я позволю себе немного задержаться и расскажу, как возникла необычная манера двух руководителей великих держав переписываться через, казалось бы, случайных лиц.

В Вене в беседе один на один оба посетовали, что официальная переписка через внешнеполитические ведомства — Министерство иностранных дел у нас и аппарат государственного секретаря у них — очень медлительна и тяжеловесна. Президент предложил установить частный неофициальный канал связи в обход всех формальностей. Со своей стороны в качестве курьера он выбрал Пьера Селинджера, пресс-секретаря Белого дома. Отец выдвинул Михаила Аверкиевича Харламова, заведующего отделом печати МИД СССР. Правда, один постоянно находился в Вашингтоне, а другой жил в Москве. Поэтому в качестве посредника выбрали доверенное лицо — Георгия Большакова. Он посто-

янно находился в Соединенных Штатах и, по словам Селинджера, совмещал три функции: журналиста, отличного переводчика и резидента советской разведки. Его кандидатура устраивала и отца и Кеннеди — оба не сомневались, что при такой разносторонности Большаков сумеет справиться со своими непростыми и крайне ответственными новыми обязанностями.

В сентябре пришло время пустить новый канал в дело. Ожидалось уже упомянутое мною первое выступление президента США в ООН. Его содержание очень беспокоило отца. Куда повернут США: к войне или к поиску выхода из тупика?

В Нью-Йорк Кеннеди отправился в сопровождении Селинджера. Как только тот поднялся в свой номер в гостинице в Манхэттене, раздался телефонный звонок. Звонил Большаков. Казалось, он был осведомлен о каждом шаге пресс-секретаря Белого дома и улучил удобный момент. Он очень просил встретиться с Харламовым, который прибыл в ООН вместе с Громыко и привез важное секретное послание, предназначенное только для ушей президента. Селинджер догадался, что связь заработала, и назначил встречу на 7.30 вечера в своем номере. Он предупредил Большакова, что им нельзя появляться в холле отеля, где рыщет целая свора журналистов. Один из агентов секретной службы будет ожидать гостей у служебного входа и проводит их по назначению.

Едва обменявшись рукопожатиями, гости приступили к изложению цели своего визита. Первым делом Харламов поинтересовался реакцией Кеннеди на доверительную информацию, переданную ему через Сульцбергера.

Прошло около двух недель после приема отцом Сульцбергера. Отсутствие реакции из-за океана на его слова заставляло предположить, что они не достигли адресата. Отец торопился, его предложения Кеннеди должен узнать до выступления в ООН.

Харламов начал, торопливо глотая слова, излагать заученный им текст. Речь шла о слишком важных делах, чтобы допускать импровизацию. Большаков едва успевал переводить. Селинджер предложил не торопиться. Время есть. Президент сейчас на спектакле в Бродвейском театре, потом будет ужинать с друзьями, так что в запасе несколько часов.

В сообщении отец отмечал, что наращивание американских вооруженных сил в Германии, ответное усиление советских формирований представляют реальную угрозу миру. Он предлагал вернуться к рассмотрению американских предложений по Берлину на будущей встрече. Пока же, по его словам, следовало воздержаться от нагнетания обстановки, а особенно не связывать стороны ультимативными требованиями. От них недалеко и до столкновения, ведь никогда нельзя знать точно, до какой черты противник готов уступать.

Отец предлагал не откладывать встречу надолго, так как все время присутствует угроза вооруженного столкновения в самом Берлине. Харламов особо подчеркнул, что отца очень беспокоит, чтобы выступление в ООН не было бы столь воинственно и ультимативно, как телевизионное обращение 25 августа. Дальнейшая эскалация конфронтации может привести к непрогнозируемым трагическим последствиям.

Гости попрощались и ушли тем же служебным ходом. Их никто не сопровождал, и Харламов пошутил: найдут ли они обратную дорогу.

Президент позвал к себе пресс-секретаря около часа ночи. Он не получал никаких известий от Сульцбергера. Видимо, тот счел предложенный отцом способ общения двух руководителей чересчур экзотическим.

Президент заставил Селинджера по нескольку раз повторять основные положения послания. Затем он долго стоял у окна, раздумывая. Наконец, принял решение. «Послание можно трактовать лишь в том смысле, — наконец произнес Кеннеди, — раз Хрущев готов выслушать нашу точку зрения по Германии, он не собирается заключать мирного договора с Ульбрихтом, по крайней мере в этом году. И это неплохая новость».

Несмотря на поздний час, половину второго ночи, президент разбудил Дина Раска и не менее получаса обсуждал новость по телефону. Затем он продиктовал Селинджеру ответ, который тот должен был зачитать Харламову на следующее утро. Кеннеди тоже не оставлял следов.

Кеннеди очень внимательно отнесся к предложению Хрущева устроить встречу по Берлину, но связал этот вопрос с событиями, происходящими в Лаосе и Вьетнаме. Он закончил тем, что США займут выжи-

дательную позицию, будут пристально следить за развитием событий.

Дух послания можно было назвать даже сердечным. Президент отметил, что намерение отца пересмотреть свою позицию по Германии вселяет надежду. Он высказал предположение, что это приведет к общему ослаблению напряженности.

Пьер Селинджер отмечает, к своему удовольствию, что Кеннеди не поправил ни слова в своей речи перед ООН после получения письма от отца.

Но это не столь важно. Выступление президента отвечало предложениям отца. Тем более обнадеживало то, что такое решение Кеннеди принял раньше, самостоятельно. Значит, их намерения не раздувать конфликт совпадали в главном.

Утром Харламов скрупулезно записал пункт за пунктом переводимое Большаковым со слов Селинджера послание президента США отцу. Оно ушло в Москву немедленно.

Так началось неформальное общение, в которое, кроме Большакова и Харламова, с одной стороны, и Селинджера, с другой, оказались втянутыми и другие совершенно неожиданные люди, в своем большинстве совмещающие две профессии — журналистику и разведку. Общение прервалось со смертью президента Кеннеди, с его преемником отец предпочел обмениваться официальными посланиями.

Ответ, полученный из Вашингтона, лишь ненамного опередил сообщение из Берлина. Тщательно проанализировав оба документа, отец пришел к выводу: Клей действует самостоятельно.

* * *

Теперь малейшая ошибка отца могла дорого обойтись обеим сторонам. Отец предположил, что на свой страх и риск, не имея за спиной поддержки Белого дома, Клей не пойдет на вооруженное столкновение.

Писать американскому президенту времени не оставалось, да и отец считал такое обращение унизительным проявлением слабости. Директива, определяющая порядок и последовательность действий наших войск в случае провокации, ушла в штаб Группы со-

ветских войск в Германии. Теперь оставалось ждать. Теплилась надежда, что вообще сообщение ложное, подброшено агенту с целью выяснения нашей реакции. Такое нередко случается.

Нет, донесение оказалось точным. Все началось в соответствии с разработанным в штабе генерала Клея планом. Рано утром к контрольно-пропускному пункту, расположенному в центре Берлина у Бранденбургских ворот, направилась необычная процессия. Впереди следовало три джипа с военными и штатскими, за ними грохотали мощные бульдозеры. Замыкали шествие десять танков с закрытыми люками и расчехленными орудиями.

Не будь все известно заранее, могла возникнуть паника, не исключено, что на этом и строился весь расчет. Он не оправдался. С советской стороны в действие вступил план, составленный в штабе генерала Якубовского, в соответствии с директивами, полученными из Москвы. Предусматривалось скрытое размещение в переулках, примыкающих к пропускному пункту, батальона пехоты и танкового полка. Им удалось занять исходные позиции незаметно от американцев.

Джипы беспрепятственно проскочили контрольный пункт. Как только последний автомобиль миновал шлагбаум, прилегающие переулки огласились ревом танковых моторов. И без того грозный рык многократно усиливался динамиками, установленными на крышах зданий. Создавалось впечатление, что тут не танковый полк, а сюда сползлась по меньшей мере целая армия.

Пропустив американские джипы, советские танки не спеша стали выползать из переулков и разворачиваться навстречу бульдозерам. Сидящие в джипах пассажиры отмечали в каждом переулке шевелящиеся громады танков и копошащуюся за ними пехоту. За джипами вплотную следовала машина немецкой полиции. Наблюдатели заметили, как сидящий на переднем сиденье офицер что-то выкрикивает в микрофон, видно, информировал свое командование о неожиданном сюрпризе.

Бульдозеры остановились на своей территории, не достигнув разграничительной линии. Советские танки тут же, как предусматривал сценарий, остановились на своей половине улицы. Стволы их орудий, казалось, упирались в кабины бульдозеров, за которыми стояли американские бронированные машины.

Джипы заметались в тылу у советских танков, затем, развернувшись, так же беспрепятственно, без предъявления документов вернулись домой. Танки, советские и американские, остались на своих местах, только замолкли двигатели, отчего на улице показалось оглушительно тихо.

На этом оба сценария исчерпали себя. В свои права вступала импровизация.

Мы не знаем, связывался ли Клей с Вашингтоном. Якубовский регулярно докладывал обстановку в Москву Коневу, а тот немедленно пересказывал полученную информацию отцу. Ее нельзя назвать разнообразной.

Первое сообщение: «Стоят!» — вызвало радость.

Вторично, через час: «Стоят!» — удовлетворение.

Через два часа последовало снова: «Стоят!» — и удовлетворение сменилось недоумением.

Короткий октябрьский день угас, на улицах ощутимо захолодало, конец октября не располагает к ночевке в неотапливаемых железных коробках. Первыми не выдержали американцы, открылись плотно задраенные люки, и танкисты посыпались на мостовую. Разминаясь, хлопая себя по ляжкам, бегая друг за другом, они выгоняли из себя пробравшуюся до костей зябкость.

Наши не заставили себя долго ждать. Вскоре на улице образовались две группки совсем не враждебных друг другу почти мальчишек, разделенных еле различимой пикой шлагбаума.

Об этом тоже доложили отцу. Ситуация становилась дурацкой.

Отец предложил решение. Два генерала в Берлине как бы играют в гляделки: кто первым моргнет. Так они могут просидеть очень долго, демонстрируя свою непреклонность. Надо сделать первый шаг, моргнуть — и напряжение благополучно разрядится.

Дали команду советским танкам и сопровождающей их пехоте убраться обратно в переулки и там, выключив моторы, затаиться.

Через 20 минут, после того как наступила тишина, замыкающий процессию американский танк развернулся и пополз в тыл. За ним вся колонна, замыкаемая бульдозерами.

Когда об этом доложили в Москву, отец очень гордился тем, что ему в голову пришло такое простое

решение. Эта история дополнила излюбленные темы его рассказов гостям, как нашим, так и зарубежным.

Противостоянием у Бранденбургских ворот закончился второй Берлинский кризис.

Вот что пишет отец в своих воспоминаниях:

«Через... каналы мы получили мнение Запада: давайте считать, что этот спор закончен, пусть остается так. Так, как есть. Затем это стало повторяться в печати.

Таким образом, мы получили признание де-факто установления границ и передачи функций их охраны Германской Демократической Республике. Это не являлось более поводом для обострения наших отношений».

* * *

В соответствии с планами испытания ядерного оружия на Новой Земле в эти октябрьские дни собирались произвести фантастический по своей мощности ядерный взрыв, испытать 50-мегатонный заряд. Было подготовлено три таких монстра: в 30 мегатонн, 50 и 100. Выбрали средний, самый мощный испытывать оказалось просто негде. Эхо взрыва должно было докатиться до Северной Европы грозным, но относительно безопасным рыком. Подобных зарядов мир еще не знал, наш оказался первым и единственным. Сейчас можно с уверенностью сказать, что, как и в случае с «семеркой», с нами никто не соревновался. По ту сторону океана бóльшее значение придавали повышению точности попадания, в обиход входила терминология хирургических взрывов. Но это сегодняшняя точка зрения, а тогда средмашевцы чрезвычайно гордились своими достижениями. И отцу очень хотелось продемонстрировать нашу мощь.

Славский докладывал, что подготовка на Новой Земле идет полным ходом. По всем расчетам, последствия взрыва не скажутся на нашем побережье, не затронут наших северных соседей, хотя и не останутся неощутимыми. Отец согласился: пусть почувствуют и своим союзникам по НАТО расскажут.

Подтвердили срок — октябрь.

Наконец испытание состоялось. Вернувшись с вечернего заседания съезда — эти два события совпали не случайно, — отец с гордостью рассказал о том, что результаты даже превысили ожидаемый эффект. Вме-

сто расчетных пятидесяти получилось пятьдесят семь мегатонн. Отец был в восторге: удалось обогнать американцев. Так ему доложил Славский. Вот только носителя под такой тяжелый заряд не существовало. Перед ракетчиками поставили задачу: подумать и подготовить предложения.

* * *

Сразу после возведения заграждений на границе в Западном Берлине возникла паника. Многим казалось, что дни самостоятельного существования города сочтены. Местные деловые люди начали сворачивать свою активность, продавать предприятия.

Отец с удовлетворением воспринимал происходящее. Считал, что это только приблизит неизбежное обращение западноберлинского магистрата за помощью к правительству ГДР. Его надежды не оправдались. Постепенно положение стабилизировалось, началось, пусть медленное, перемещение капиталов в обратном направлении.

Американцы отозвали Клея. Уехал в Москву Конев.

В мае 1962 года Пьер Селинджер приехал в Москву. Удалившись от столичной суеты на подмосковную дачу в Ново-Огарево, они с отцом проговорили почти два полных дня. Обо всем. И конечно, о Германии. Отец рассказал ему об инциденте у Бранденбургских ворот, обвинил Клея в организации провокации. Селинджер никак не комментировал его слова. То ли он оказался не осведомлен, то ли еще почему-то... По расчетам отца, после установления суверенитета народного правительства над территорией экономика ГДР должна была рвануться вверх, резко подняться жизненный уровень. С горечью он отмечал, что поставленной цели достичь не удалось. В своих воспоминаниях он с возмущением рассказывает, как Ульбрихт предложил поднять цену на рыболовные суда, строящиеся для Советского Союза. Отец сравнил, сколько мы платим ГДР и сколько ФРГ за идентичные товары. Оказалось, в ФРГ и ГДР цены установлены одинаковые, но в ФРГ обеспечивают рентабельное производство, а ГДР работает себе в убыток. Отец горько сетовал

на то, что в таких условиях, с таким хозяйствованием далеко вперед не продвинешься. К сожалению, он не видел выхода ни когда строили стену, ни потом, когда ее защищали.

* * *

На фоне громкого скандала вокруг Берлина почти незамеченными остались скромные газетные сообщения о пусках 13 и 17 сентября советских ракет-носителей в акваторию Тихого океана. Заканчивались испытания межконтинентальной баллистической ракеты Р-16. Отец остался чрезвычайно доволен результатами.

Испытания Р-16 еще не закончились, а строительство наземных временных стартовых позиций развернулось полным ходом. Им предстояла недолгая служба, пока не подоспеют шахты. Дело с ними затягивалось, возникали все новые проблемы, требовалась доработка ракет, пускового оборудования. По мнению отца, мы не могли себе позволить ждать, лучше потом списать потраченные средства, чем еще несколько лет оставаться безоружными.

* * *

В начале февраля 1962 года отец отправился отдохнуть в Пицунду. Там было чуть теплее, чем в Крыму, а главное, к построенным в последние годы правительственным дачам добавился бассейн с морской водой, невиданная по тем временам роскошь. Отец рассчитывал не только восстановить силы, но заодно провести ревизию ракетных дел. За последние годы приняли не одно постановление правительства. Часть из них устарела, часть не выполнялась. Некоторые дублировали друг друга, приводя к нерациональной трате огромных средств. Отец задумал провести расширенное заседание Совета обороны, послушать военных, министров, конструкторов, не спеша разобраться, посоветоваться и принять ракетную программу на будущие несколько лет.

Обычно Совет обороны собирался в узком составе, решал специфические вопросы, связанные с жизнью войск. За все предшествующие годы моей работы в ракетной промышленности ни по службе, ни в беседах с отцом о нем мы почти не упоминали. Отец решил

изменить сложившуюся практику. Кому как не Совету обороны, в который входило высшее политическое и военное руководство страны, надлежало определять облик вооруженных сил? Пока же постановления принимались спонтанно, чаще всего по инициативе конструкторов, без всякой увязки между родами войск. Все это приводило к непроизводительным тратам, дублированию, а порой и к прямым противоречиям.

Подразумевалось, что координацией всей этой деятельности занимается ЦК, ведь в его составе функционируют соответствующие отделы, все постановления подписываются Первым секретарем. Отец считал, что такая практика принижала роль военных и как бы освобождала их от ответственности.

Теперь всеми принципиальными вопросами, связанными с обороной страны, призван был заниматься Совет обороны, а ЦК и правительство — оформлять принятые решения в конкретных постановлениях.

* * *

Начали с главного — ракет. Под обсуждение запланировали несколько дней. Докладывать на заседании предстояло военным — главнокомандующим ракетными войсками и Военно-морским флотом Москаленко и Горшкову, председателям государственных комитетов по оборонной и авиационной технике, по судостроению: Рудневу, Дементьеву и Бутоме.

В заключение предполагалось самое интересное: своими планами отец попросил поделиться Королева, Макеева, Челомея и Янгеля.

Дату заседания переносили не раз. Все истомились ожиданием. Наконец решилось. Отец позвонил из Пицунды. Можно ехать. Заседание отец решил провести в спортивном зале, расположенном поблизости от дачи: на шведские стенки, считал он, удобно развесить плакаты, а рассядутся все за легкие дачные столики.

Генеральных и Главных конструкторов сопровождали по два представителя от каждой «фирмы». Челомей решил взять с собой меня. Из дома мы каждый вечер связывались по телефону с отцом, и я при первой возможности сообщил ему, что собираюсь в гости. Отец не возражал, даже обрадовался, видно, один он

там заскучал. Отец пошутил, что напишет заявление Челомею с просьбой разрешить мне задержаться потом еще на пару дней.

Прилетели мы накануне назначенного дня. Все гурьбой, на личном самолете министра обороны. Гостей разместили в Гаграх, в заранее освобожденном по этому случаю корпусе санатория ЦК.

Я вечером поехал к отцу, встретились, как после долгой разлуки. Тут же отправились пройтись по вытянувшейся вдоль берега моря километровой дорожке.

Следующее утро началось по-деловому. Первым в тщательно охраняемом физкультурном зале появился секретарь Совета обороны генерал-лейтенант Иванов. Он придирчиво огляделся. Неодобрительно покачивая головой, потрогал хлипкие столы и плетеные стулья. Затем занялся проблемой записи выступлений. Генерал привез с собой миниатюрный магнитофончик, обеспечивающий многочасовую запись на специальную проволоку, последнее достижение разведчиков из Генерального штаба. Ему помогал приехавший с ним полковник, подавал голос то с одного, то с другого места. Задача оказалась непосильной: здесь слишком громко, там еле слышное бормотание совершенно терялось в помехах. Наконец генерал сдался и приказал полковнику неотлучно находиться подле него, записывать выступления в специальную, прошитую суровыми нитками секретную тетрадь.

Тем временем стали собираться участники заседания. Одна за другой подкатывали к дверям черные «Чайки» и «Волги». Их собрали для высоких гостей со всего побережья.

Тут и плотный Малиновский, приехавший в одной машине с возвышающимся каланчой командующим Сухопутными войсками Гречко, и сурово-собранный главком противовоздушной обороны Бирюзов рядом с расплывшимся в улыбке начальником Генерального штаба Захаровым, еще два главкома: переливающийся, как ртуть, сухонький Москаленко и черным шариком упакованный во флотский мундир Горшков. Они оба докладчики: Горшков сегодня, Москаленко завтра.

За ними следуют маршалы, сопровождаемые толпящимися поодаль генералами. В глаза ударяют бриллиантовые лучики от звезд, висящих под горлом, зал

золотится погонами, расшитыми звездами и звездочками различных фасонов, пестрит многоэтажными орденскими колодками.

Заходят запечатанные в строгие темные костюмы министры и конструкторы, сопровождающие лица, нагруженные объемистыми «трубами» плакатов. Я присоединяюсь к своим. Теперь я полноправный участник заседания.

Все ждут отца. Он появляется около десяти, за несколько минут до назначенного срока. За ним проходят в дверь Козлов, Косыгин, Микоян, Устинов и еще кто-то. Всех не упомнишь. Отец в отличие от москвичей одет не по протоколу — в костюмные серые брюки и спортивную зеленую курточку, тем самым как бы подчеркивая, что он здесь на отдыхе.

Рассаживаемся. Двери плотно прикрываются. К большой карте с нанесенной на нее стратегической схемой действий Военно-морского флота в случае ядерного конфликта подходит адмирал флота Горшков.

За последние годы подводные лодки превратились в главную ударную силу флота. Они группируются у побережья США, как на востоке, так и на западе. Их предназначение — нанести удар баллистическими ракетами по городам противника.

У выходов из портов американские авианосцы поджидают лодки, вооруженные крылатыми ракетами. Они караулят не только у побережья, но и в открытом океане, способные поразить врага на расстоянии в сотни километров.

Основная задача наших моряков — не допустить американцев к своим берегам. Если же все-таки удастся прорваться, то береговая оборона способна потопить любой корабль на огромных расстояниях, тут и самолеты, вооруженные ракетами, и ракетные катера, и, наконец, крылатые ракеты, рассыпанные вдоль побережья.

Отец доволен. Время не потеряно даром. Флот стал качественно другим, легче, подвижнее, а главное, сильнее и дешевле. На последнее отец напирает с особой настойчивостью.

Он снова вспоминает о своем споре с Кузнецовым. Следует долгий рассказ, описывающий все перипетии его борьбы с крейсерами и авианосцами. Горшков только успевает поддакивать.

Наконец отец замолк. Следующее слово — Маке-

еву. За ним выступает Челомей. Первый рассказал, как с подводных лодок поражаются баллистическими ракетами наземные цели, а второй поведал о современных способах борьбы с надводным флотом.

Возможно, вызовет некоторое удивление то, что в те годы нашему подводному флоту, вооруженному баллистическими ракетами, не отводилась в стратегических планах столь значительная роль, как в американской доктрине подводным лодкам с «Поларисами» на борту.

Как исконно сухопутная держава, Советский Союз делал основную ставку на межконтинентальные баллистические ракеты. С ними связывались все надежды. Подводные лодки, нацеленные на береговые объекты, рассматривались как вспомогательная сила, решающая задачу уничтожения портов и других приморских объектов.

Конечно, по одежке протягивают ножки. Тогда у нас не существовало ракет, сравнимых с «Поларисами». Дальность полета была почти вполовину меньше. В отличие от американских, в наших лодках размещалось не шестнадцать, а только три ракеты. Вышедшие из Р-II морские ракеты все еще продолжали заправляться кислотой. А что такое кислота в замкнутом герметичном объеме дежурящей в глубине океана подводной лодки, я не берусь описать.

Челомей рассказывал о разрабатываемых им крылатых ракетах. В те годы его конструкторское бюро вырвалось вперед. Подобное оружие в военно-морском флоте США и других стран появится еще не скоро.

Одних ракет, запускаемых с подводных лодок, выстроилась целая шеренга. Одни, стартуя в просторах океана, незаметно, на предельно малой высоте, едва не задевая верхушки волн, подбирались к портам и военно-морским базам, чтобы там, в, казалось, бы, неприступной крепости, поразить противника. Другие предполагалось использовать в открытом море против авианосных соединений. Имея лишь приблизительное представление о противнике, его местонахождении и составе, ракеты, собранные в залп, выбирали цель пожирнее и наваливались на нее всей стаей.

Те, что стартовали с поверхности океана, обладали большей дальностью, их носители — всплывшие подводные лодки — держались в безопасном удалении.

Другие, имевшие несколько меньшую дальность, выпрыгивали из-под воды, оставляя подводную лодку на спасительной глубине.

Затем пошла речь и о крылатых ракетах, предназначенных для вооружения надводных кораблей, крейсеров и эскадренных миноносцев. Их главный калибр как по мановению волшебной палочки удлинял дальность эффективного поражения в десятки раз. О точности я уже не говорю, — цель поражалась с первого раза, на худой конец — со второго.

Не осталась без внимания и береговая оборона. Пересаженные на грузовики, крылатые ракеты способны были здесь, в Черном море, топить чужие корабли у самой Турции. Челомей неопределенно махнул рукой в сторону ближайшего окна, видимо, там, по его мнению, располагались недружественные берега.

— Но это вторично, — закончил Владимир Николаевич. — Главным остаются подводные лодки. Когда наши планы реализуются, советский флот сможет противостоять в открытом океане флоту США и без дорогостоящих авианосцев.

Отец не остается равнодушным. Он снова вспоминает Кузнецова: если бы тогда его послушались, то потратили бы впустую прорву денег. А теперь удалось решить, казалось бы, неразрешимую задачу: построить флот, способный соперничать с американским, и сэкономить многие миллиарды. В ответ зал одобрительно гудит. Горшков сияет.

Воспользовавшись паузой, Челомей попросил у отца разрешения доложить и о предложениях конструкторского бюро в области космических систем и ракетносителей. Рассмотрение этого вопроса планировалось на следующий день, но он совсем разболелся, просквозило в самолете, завтра может оказаться в постели.

Отец обратился к присутствующим:

— Пойдем навстречу?

Над столом прошелестело снисходительно-одобрительное бормотание. После недолгой заминки с заменой плакатов Владимир Николаевич приступил к завтрашнему докладу. Он немного проигрывал, так как присутствующие не прослушали предваряющего выступления Главнокомандующего Ракетными войсками стратегического назначения, но имелись и преимущест-

ва — он выступал первым, его предложения воспринимались свежее, рельефнее.

Челомей рассказал о ходе работ над космическими системами, «двухсоткой». Я уже упоминал об этих проектах и не буду повторяться. Дела шли вполне прилично, через год—полтора намечались первые пуски.

Затем Владимир Николаевич представил свою новую идею, баллистическую боевую головку, способную попасть в точку. Он считал, что если обеспечить точное целеуказание, то для уничтожения надводных кораблей противника вместо дорогостоящих стай подводных лодок, каждую минуту рискующих быть потопленными, можно использовать модификацию УР-200. Он и название придумал: управляемая баллистическая головка, сокращенно УБ. В космосе за счет управляющих реактивных импульсов, а когда воздух станет поплотнее, аэродинамического качества, переваливаясь с боку на бок, она должна была с высокой точностью выйти на цель. УБ явилась как бы логическим завершением линии крылатых ракет, поражающих противника в океане со все большего расстояния. Теперь уже цели не удается укрыться не только на противоположном краю Черного моря, но и в далях Тихого океана. Это было первое на моей памяти упоминание о возможности создания боеголовки индивидуального наведения. И в более сложном, чем принято сейчас, исполнении.

Предложение военные восприняли настороженно. Первым задал вопрос адмирал Горшков. Его интересовало, к какому роду войск отойдут подобные противокорабельные системы со стартовыми позициями, расположенными в глубине сухопутной территории, — Военно-морскому флоту или ракетным войскам? Отец ответил за Челомея, сказав, что, по его мнению, это флотская задача.

— Но сегодня заказчиком УР-200 являются ракетные войска, нам трудно влиять на ход разработки, — гнул свое Горшков.

Договорились вернуться к вопросу о разделении сфер влияния позднее, когда реальнее вырисуются технические возможности нового оружия. Пока же предложение одобрили и поручили начать предварительную проработку. Соответствующее постановление правительства не заставило себя ждать, оно вышло через месяц, в марте.

Задача оказалась не из легких. Уже на этапе проектирования встретилось немало проблем. Электронные пуски на моделирующих установках один за другим заканчивались неудачей: головка то начинала беспорядочно кувыркаться, то резко теряла скорость и не дотягивала до цели. Сквозь бушующее, при резком торможении в атмосфере, пламя никак не удавалось разглядеть на фоне морской поверхности корабль. Известные на то время искусственные органы чувств головок самонаведения оказывались бесполезными, ракета слепла. Возникавшие преграды только подстегивали Челомея.

Сложно обстояли дела и в организационном плане. Адмирал Горшков не зря задавал свой вопрос. Не получив ответа на Совете обороны, он не посчитал новый проект до конца своим. Разработка оказалась без хозяина.

Ракетные войска вообще не признавали Челомея. А тут такая экзотика. У них было достаточно своих, «серьезных» задач стратегического назначения. Пусть авианосцами занимается Военно-морской флот.

Челомей метался между главнокомандующими, председателями государственных комитетов, министрами, ходил к Козлову, затем к Брежневу. Его вежливо выслушивали, Брежнев обещал разобраться и помочь, но ракета так никому и не пришлась ко двору. Держалась она только на поддержке отца. После 1964 года не стало последней опоры, а технические трудности становились все серьезнее. При первой возможности ее прикрыли.

Покончив с рассказом об УБ, Челомей перешел к предложениям по созданию тяжелого носителя. После запуска человека на орбиту все конструкторы просто бредили межпланетными полетами, многотонными орбитальными станциями. За этим стояли признание, мировая известность, слава. Разве можно сравнить полет в космос с удачным выстрелом по мишени?

На Луну в тот год Челомей еще не покушался. Это была вотчина Королева. А вот запуск орбитальной станции с экипажем из нескольких человек, ракетоплана, осуществляющего связь станции с Землей, Челомей считал для себя делом посильным.

— Надо выйти в космос, зацепиться, — не раз говорил он, — а там посмотрим...

Наш проектный отдел рисовал уже не первый вариант космического корабля для полета на Марс. Пока

же, по мнению Владимира Николаевича, конструкторскому бюро необходимо набраться опыта в решении специфических задач проектирования баллистических ракет, набить руку на спутниках.

В качестве ближайшей задачи Владимир Николаевич выбрал спутники-станции. Сначала он предлагал вывести на орбиту тяжелую автоматическую станцию, способную вести наблюдение как за земными, так и космическими объектами. По мере освоения собирались постепенно заселять их людьми, усложнять решаемые задачи. Для обороны от возможного нападения станция вооружалась компактными реактивными снарядиками.

Его проекты обретали жизнь только в случае доставки в космос куда более весомых грузов. На представленном плакате Совету обороны предлагался проект космического носителя, способный выносить на орбиту полезный груз массой в 12 тонн. О том, что в ракету закладывается потенциальная возможность почти удвоить нагрузку, Челомей пока умалчивал.

Ракета называлась УР-500. Стартовый вес носителя впечатлял — почти семьсот тонн. На отдельных плакатах представлялись военные аспекты ее применения. УР-500 предлагалось использовать как баллистическую с недавно широко разрекламированным отцом зарядом в тридцать мегатонн. Никакой другой существующей или проектируемой ракете поднять его оказывалось не под силу.

Тот же фантастический заряд предполагалось разместить на выводимой на орбиту тяжелой глобальной боевой головке. Она получила индекс ГР-2.

О предложениях Челомея Устинов впервые услышал на Совете. Владимир Николаевич держал их втайне, даже от Дементьева. Дмитрий Федорович сидел мрачнее тучи. Более того, он выступил против. Не то чтобы вообще против, но считал, что неразумно распылять средства, следует создать мощный кулак и долбить им в одну точку. Под «кулаком», естественно, понимался Королев. Зная прижимистость отца, он рассчитывал на его поддержку. И наверное, получил бы ее, если бы не истории с Р-7 и Р-16. Отец не согласился с Устиновым. По его мнению, здоровая конкуренция шла на пользу делу.

— Где бы мы оказались, если бы послушали Королева и не сделали в боевых ракетах ставку на Янгеля? Королев нас упорно тянул в свою сторону. Он — конструктор, у него свои убеждения, мы же должны мыслить шире, поддерживать различные направления. К тому же задачи, поставленные перед Королевым, и то, что предлагается сегодня, не одно и то же, — примерно так говорил отец.

Его поддержал Малиновский. Присутствующие выразили свое отношение одобрительным гулом. Устинов отступил, но не сдался.

После недолгого обсуждения приняли решение: «пятисотку» делать, товарищам Устинову и Дементьеву оформить необходимые документы. С апреля эта работа приобрела официальный статус. Отношения Челомея и Устинова еще более натянулись.

После окончания заседания я проводил Владимира Николаевича в Гагры. Он совсем расхворался, голова болела нещадно, из носа текло. Тем не менее он все возвращался к деталям недавнего разговора, вспоминал отдельные реплики, выспрашивал, насколько удачно звучали его ответы.

На следующуй день Челомей на заседании не появился, остался в постели. Я получил указание подробно следить за всеми перипетиями обсуждения.

Утром собрались в том же зале. Первым выступал Москаленко. Он сообщил о постановке ускоренными темпами стратегических ракет на боевые позиции. Пока все они оборудуются в наземном варианте. В докладе особо подчеркивалось, что с этого года начинают поступать в войска межконтинентальные ракеты Р-16.

Доклад был долгим и обстоятельным. Я его, естественно, весь не запомнил. Хочу остановиться только на двух моментах.

Москаленко сказал, что сегодняшняя Р-16 далеко не во всем удовлетворяет требованиям современной войны. В первую очередь из-за времени приведения ее в боевую готовность. Операция за операцией — в результате на подготовку уходило около четверти суток. О каком ответном ударе в случае ракетного нападения можно тут говорить!

Для сравнения маршал привел данные по устанавливаемой в США межконтинентальной ракете «Мини-

тмен», визави Р-16. Там для осуществления запуска требовалось всего несколько минут.

— Пока мы будем ее вывозить да устанавливать, ни от кого и мокрого места не останется, — патетически воскликнул Москаленко.

Другим серьезным недостатком Р-16 была ее нестойкость к заполняющим баки агрессивным компонентам. Азотная кислота разъедала прокладки, растворяла трубопроводы, проедала клапаны. Если команда на старт задерживалась, то ракета могла простоять в готовности лишь несколько суток. Затем следовало слить топливо и окислитель, отправлять изделие обратно на завод на переборку.

— Твердотопливные «Минитмены», по заявлению американских экспертов, — гнул свое Москаленко, — могут находиться в постоянной готовности годами.

Получалось, что Р-16 — ракета не ответного, а первого удара. Ее можно успешно применять, если заранее знаешь, куда и когда собираешься ее запустить. Обещания, данного отцу, Янгель выполнить не смог. Ракета получилась несравненно дешевле «семерки», но с кислотой совладать не удалось.

Москаленко заметил, что все претензии они внимательно обсудили с Главным конструктором и у того есть предложения по их устранению. Об этом Янгель расскажет в своем докладе.

Дальше главнокомандующий остановился на ситуации, складывающейся вокруг альтернативы Р-16 — королёвской Р-9.

Испытаниям Р-9 не виделось конца. Шли они неровно, неудача следовала за неудачей. Совсем недавно произошел пожар в экспериментальной шахте. Причиной тому послужила небрежность в обращении с электричеством в насыщенной кислородом атмосфере. Солдат выворачивал лампочку, проскочила искра. В обычных условиях ничего страшного, а тут — удар, вспыхнуло все, даже то, что, казалось, не должно гореть. С трудом удалось локализовать пламя, задраив бронированные люки. Шесть человек, находившихся в воспламенившемся отсеке, погибли. Конечно, беда была не такой, как год назад, когда сгорел Неделин, но погибли люди. В штатном варианте при пусковой шахте не удавалось обойтись без кислородного заво-

дика. Конечно, не такого, как требовался для «семерки», но подпитка испаряющегося белыми облачками окислителя оказалась обязательной. Выводов Москаленко не сделал. Положив указку, он вернулся на свое место.

После небольшого перерыва выступали конструкторы. Первым слово получил Королев. Начал он с рассказа о боевых ракетах. В отличие от артистичной велеречивости Челомея и скрупулезной обстоятельности Янгеля, Королев говорил сжато, рублеными фразами. Его тон не допускал и сомнения в правоте высказываемых им мыслей. Королев не сомневался — будущее за кислородом. Неудачи с «девяткой» он считал временными. Она еще свое слово скажет.

Покончив с обязаловкой, Королев перешел к тому, что его интересовало по-настоящему. Он подошел к плакатам, на которых в разных проекциях изображалась его мечта — космический носитель Н-1. Королев вкратце остановился на итогах выполнения постановления от 1960 года: как следует разобравшись, они сочли продолжение записанных в нем работ нецелесообразным. Получалось, по выражению Королева, ни два ни полтора... Выводимых на орбиту Земли сорока тонн груза ни под каким видом не доставало для полета человека к Луне. Тут требовалась масса, как минимум в два раза больше. Строить из орбитальных модулей сборные конструкции Главный конструктор считал нецелесообразным. Королев предлагал, сохранив индекс Н-1, заняться более мощным носителем, выводящим на орбиту не менее девяноста тонн. Стартовый вес трехступенчатой махины подбирался к трем тысячам тонн.

Рассматривались два варианта оснащения ракеты двигателями: приближенный к возможностям сегодняшнего дня и перспективный. В стране не имелось опыта создания мощных ракетных двигателей тягой в сотни тонн. Поэтому предполагалось на первом этапе расположить на первой ступени двадцать четыре стопятидесятитонника. Обширное днище ракеты буквально ощетинилось соплами.

В будущем их предполагалось заменить на шестисоттонники, такие же, какие американцы предусматривали для «Сатурна». Все это на первой ступени должно

было работать на кислороде и керосине. Для последующих ступеней предлагались «экзотические» двигатели на кислороде и водороде.

Рассказывая о кооперации, Королев отметил, что, в отличие от предыдущих разработок, двигатели для Н-1 он хочет поручить делать не Глушко, а Николаю Дмитриевичу Кузнецову. Договоренность уже достигнута. Отец встрепенулся — конструкторское бюро Кузнецова не имело опыта в разработке подобных конструкций. Он попросил пояснить. Королев ответил, что Глушко отказывается делать нужные двигатели, к тому же он перегружен янгелевскими заказами. Сейчас к нему подсоединяется еще и Челомей.

Вытащили к столу примостившегося в задних рядах Глушко. Он объяснил свой отказ по-иному: создание мощных двигателей на азотной кислоте более перспективно. При соединении с топливом происходит самопроизвольное возгорание, конструкция двигателя упрощается, повышается надежность. С тем, что компоненты более ядовиты, ничего не поделаешь. Приходится мириться.

— Если рванет такая махина, то ничего не останется ни в том ни в другом варианте, — мрачно пошутил Глушко.

Королев начал яростно возражать. Возникла перепалка. Два увенчанных лаврами конструктора набрасывались друг на друга как петухи.

Молчавший все это время отец наконец прекратил скандал, поручил Устинову тщательно разобраться и подготовить предложения. Он не возражал против участия в работе Кузнецова, просто считал, что на таком собрании до истины не докопаться.

Нашлось для Н-1 и военное применение. Она единственная могла доставить к цели стомегатонный ядерный заряд. Королев коснулся этого аспекта вскользь. Серьезного обсуждения не возникло. Уж слишком невероятной оказывалась разрушительная сила этого творения рук человеческих. Даже военные не могли подыскать для него подходящей цели.

Совет обороны одобрил начало проработки новой Н-1. Пока ограничились эскизным проектированием. О том, в какие миллиарды обойдется их затея, разработчики имели весьма смутное представление. По-

ручение подсчитать необходимые затраты получил все тот же Устинов.

Королев торжествовал. Лунный проект одобрен! Не за горами очередной триумф! О том, что первым может стать американец, в тот день в Пицунде никто не помышлял.

Один Челомей был настроен скептически. Вечером я заехал к нему с отчетом. Владимир Николаевич чувствовал себя лучше. Он полулежал на диване и с увлечением штудировал технический журнал на немецком языке. Страницы были сплошь испещрены математическими формулами. Я рассказал ему о докладе Королева. Владимир Николаевич задумался.

— Думаю, что Н-1 не полетит, — наконец произнес он.

Я поразился, Королев докладывал так убедительно. Не может же он ошибаться в главном. Челомей не стал вдаваться в подробности, сказал только, что синхронизировать работу двадцати четырех двигателей — задача неподъемная, а там еще интерференция истекающих из сопел на сверхзвуковой скорости газов...

— Сам черт ногу сломит, — подвел итог Челомей.

Я промолчал, слишком разными были наши весовые категории. Но и не мог согласиться с ним: Королев же тоже не мальчик, знает, что делает.

Но я несколько забежал вперед... После Королева на заседании выступил Янгель.

За короткий перерыв сменили плакаты. На стене растянулся целый частокол ракет: одноступенчатые, двухступенчатые, завершала ряд трехступенчатая громадина. В низу плаката среди характеристик выделялся стартовый вес 1200 тонн. Михаил Кузьмич тоже не желал отставать от соперников.

Чуть сутуловатый Янгель начал доклад обстоятельно, с выявленных в процессе боевой эксплуатации недостатков, необходимости проведения изменений и доработок серийных ракет, облегчающих в частях обращение со сложной техникой. Казалось, выступает не Главный конструктор, для которого принятые на вооружение ракеты остались во вчерашнем дне, а рачительный командир дивизии. За такую заботу Миха-

илу Кузьмичу в войсках платили неизменной любовью и уважением.

Пройдясь по ракетам средней дальности, Янгель подробно остановился на Р-16. По его словам, ракета была полностью готова к боевой эксплуатации и в течение этого года удастся развернуть десять—пятнадцать сдвоенных стартов. Строительные работы подходят к концу, все теперь в руках монтажников. Саму же ракету завод освоит в серийном изготовлении без задержек. Необходимые предварительные мероприятия проведены.

Отец не удержался, перебил его.

— А как обстоят дела с приведением в боевую готовность?

Янгель просил чуть-чуть повременить, именно к изложению этой стороны вопроса он и переходит.

— Все ракеты, поставляемые ныне в армию, — он подчеркнул, что говорит только о своих разработках Р-12, Р-14 и Р-16, — делались в соответствии с военной доктриной и, главное, техническими возможностями 50-х годов. То, что было хорошо в 1957 году и даже в 1959 году, ни в какие ворота не лезет сейчас. Р-16 — последняя из ракет того поколения.

Какой была концепция использования ракетного оружия в те годы? Ракеты предполагалось хранить в специальных ангарах. Только решившись на запуск, их устанавливали на старте и по мере готовности запускали.

Теперь же американцы на своих «Минитменах» объявили постоянную готовность к пуску. На подготовку отводились считанные минуты. Ракеты изо дня в день стояли на стартовых столах в течение всего срока службы. Никаких ангаров, никаких установщиков, волокущих их по тревоге.

К тому же повсеместным и жестким требованием стала установка ракет в шахтах для защиты их от возможного нападения, ракетного или воздушного.

Отец оживился и подал реплику, подтверждающую высказанную точку зрения. Он не упускал случая вспомнить, что у нас инициатором этого дела, опередив маститых конструкторов, стал он.

Янгель объяснил, что на все эти требования его ракеты первого поколения не рассчитывались. Их при-

ходится приспосабливать, переделывать. При постановке в шахту возникли практически непреодолимые сложности. Чтобы загнать туда поворотный круг, шахту необходимо сделать чуть ли не в два раза шире, затраты на строительство возрастают в несколько раз. И такие проблемы, несуразности, мелкие и немелкие, возникают на каждом шагу. Одно дело их решать при разработке, с чистого листа, другое — когда все уже увязано, испытано, запущено в серийное производство. Добиться нужного эффекта частичными изменениями не удается: ракеты первого поколения нельзя долго держать заправленными. На их подготовку к старту уходит значительное время, хотя бы потому, что все операции делаются вручную.

Здесь Янгель сделал паузу и, еще больше ссутулившись, обратился, казалось, к одному отцу.

— Мы не смогли выполнить взятого на себя обязательства, Никита Сергеевич, Р-16 придется хранить сухими. Иначе ничего не получится, — оправдывался Янгель. — При сегодняшней технологии ракета способна простоять заправленной всего несколько недель, а дальше неизбежна замена. Проблему ответного удара мы стараемся решить за счет ускорения заправки. Другого выхода нет. Мы обязуемся уложиться в минимальное время.

Отец мрачно смотрел перед собой. Добиться желаемого результата снова не удалось. Он спросил, насколько сократилось время подготовки по сравнению с «семеркой». Янгель, повеселев, стал сыпать цифрами: экономия получалась немалой, вместо суток — часы, даже десятки минут.

Отец удовлетворительно кивнул головой. Все-таки шаг вперед. Он попросил подумать, что еще можно предпринять, чтобы сократить время, постараться догнать американцев. Янгель пообещал сделать все возможное. Он облегченно вздохнул — обошлось без неприятных объяснений.

На будущее Янгель предлагал определить необходимый минимум изменений, проводимых на действующих ракетах, обеспечивающий их постановку в шахты, и больше не тратить на них силы. В таком виде они послужат, пока не появятся новые, современные изделия.

Отец одобрительно кивнул, заметив, что, пока с шахтами не прояснилось, надо продолжать установку ракет в наземном варианте. Присутствующие одобрительно загудели. Большинство из них в душе вообще оставались «наземщиками», в «норы» их загонял отец. Его слова восприняли как некоторую уступку.

Янгель перешел к следующему плакату. Для поражений целей в Европе он считал возможным пока сохранить Р-12 и Р-14, а все силы сосредоточить на межконтинентальных ракетах, отвечающих современным требованиям. Он предлагал за полтора года разработать и начать испытания новой ракеты Р-36, впитавшей в себя все последние достижения в этой области. Предполагалось обеспечить автоматическую предстартовую подготовку, включая заправку, создание рассредоточенных подземных стартов, управляемых с единого командного пункта, и, естественно, более высокую точность попадания в цель. Р-36 можно было бы сравнить с американской ракетой «Титан-2», они поднимали примерно одинаковый термоядерный заряд с эквивалентом за 10 мегатонн. В значительной степени новое предложение Янгеля конкурировало с челомеевской «двухсоткой». По техническим параметрам они оказывались чрезвычайно близки.

Челомей на заседании отсутствовал. Устинов, Москаленко и иже с ними горой стояли за «своего». У отца авторитет Михаила Кузьмича тоже был несравненно выше, чем челомеевский. Янгель успел зарекомендовать себя не одной успешной разработкой, а Челомей выступал с дебютом. Новой ракете была открыта «зеленая улица». Постановление правительства от 12 мая 1962 года узаконило эту работу.

На вопрос отца о том, как долго новая ракета сможет выдержать состояние повышенной готовности к запуску, Янгель ничего утешительного сказать не мог. Опыт Р-16 предостерегал его от опрометчивых обещаний. С агрессивностью компонентов сладить пока не удавалось. Отец не унимался: «Если американцы смогли найти решение, то почему мы топчемся позади?» Янгель пояснил, что там «Минитмены» и «Поларисы» оснащают двигателями на специальных медленно горящих порохах. Такое нашей химической промы-

шленности недоступно. Приходится искать свои, ни на что не похожие конструктивные решения.

Так разошлись пути развития ракетной техники в Советском Союзе и США. Каждый отныне молился своему богу. Воспользоваться чужим опытом стало затруднительно.

* * *

Рассказом о Р-36 Янгель покончил с программой баллистических ракет и перешел к космическому разделу.

Не только Челомею не давали спокойно спать успехи Королева. Янгель считал, что у него достаточно прав на то, чтобы потеснить коллегу в космическом пространстве. Конечно, таких уникальных возможностей, которые обеспечивались «семеркой», у него пока не было, но для многих применений рекордные веса на орбите оказались непозволительной роскошью. Нарастив еще по ступени на Р-12 и Р-14, он смог забрасывать в космос небольшие грузы. Новые спутники были различного назначения: исследовательские, гражданские, готовящиеся к трансляции телевизионных передач, предсказанию погоды или установлению связи на сверхдальние расстояния; военные: разведывательные, связные, навигационные.

Военные проекты держались в большом секрете. Более того, их как бы вообще не существовало. Но спутник на орбите не скроешь. Нашли простой выход из положения, всех постригли под одну гребенку: спутники, выводимые янгелевскими ракетами, и не только янгелевскими, наименовали «Космосами».

Накануне февральского совещания Янгель на зависть Челомею запустил с полигона Капустин Яр свой первый спутник «Космос-1». Он имел чисто мирную начинку, но, памятуя о предстоящих военных запусках, решили никакой информации о назначении спутника не публиковать: только то, что невозможно скрыть — параметры орбиты. Дальше следовало успокоительное: «все бортовые системы функционируют нормально». Никаких поломок, никаких отказов, даже если вращающаяся вокруг Земли груда металла не откликалась ни на один сигнал. Неудач не должно было быть, и их «не было».

«Космос-2», подготовка которого заканчивалась в Тюра-Таме, никакого отношения ни к Янгелю, ни к исследованию окружающего Землю пространства не имел. В кругах, допущенных до всяческих секретов, он носил совсем другое название — «Зенит» и предназначался для фотографической разведки. Так же как и его американские собратья «Самос» и «Дискавери». Вот только по сравнению с ними он порядком запоздал. Причиной тому послужило и то, что хватились мы поздновато, только прослышав о соответствующих проектах, разрабатываемых в США. Но главное, у Сергея Павловича — а только он мог вернуть груз с орбиты на Землю — в те месяцы голова болела о другом. Какая разведка могла соперничать с запуском в космос первого человека, а две такие работы одновременно не проталкивались ни в конструкторском бюро, ни на производстве.

Отец тоже не торопил, тут сказывалось и его скептическое отношение к разведке вообще, и то, что, не сомневаясь в технической мощи Америки, он не стремился узнать, где и сколько стоит стратегических бомбардировщиков, как обстоят дела с разворачиванием на стартовых позициях новых баллистических ракет. Так что работа велась не по первому приоритету. Конечно, на бумаге, в постановлениях и решениях она определялась важнейшей, но каждый Главный конструктор знает, за что ему «голову снимут», а с чем можно и «потянуть».

Для возвращения отснятой фотопленки в «Зените» решили использовать все тот же «Восток». Конечно, сделанный под космонавта возвращаемый аппарат для решений новой задачи оказывался великоват и дороговат, но разрабатывать новую конструкцию сочли нецелесообразным. Королеву было не до того, а заказчики-военные понимали, что в этом случае запуск придется ожидать долгие годы.

Первый советский военный спутник прозвали «фотолабораторией». Так как в «шарике» места оказалось достаточно, то, в отличие от американцев, сбрасывавших отснятую пленку для проявления на Землю, наши конструкторы решили технологический цикл замкнуть на орбите. Там в невесомости пленку проявляли, сушили, и заказчики получали ее уже готовенькой.

Конечно, все это требовало дополнительных усилий, приборов, немалой инженерной выдумки. И естественно, времени.

А тут подошел полет Титова, до «Зенита» руки снова не доходили. Пуск откладывался и откладывался, пока не переполз в 1962 год.

Запускали первый «Зенит» в марте, но он не пошел. «Семерка» забарахлила, и спутник на орбиту не вышел. А раз не вышел, то о нем и не сообщали. Таких в те годы придерживались правил. Так что «Космосом-2» окрестили очередной янгелевский аппарат. Его запустили 6 апреля из Капустина Яра. За ним последовал «Космос-3», стартовавший 24-го.

Но все мы, причастные, с нетерпением ожидали 26-е. На этот день назначили вторую попытку «Зениту». На сей раз все прошло удачно: разведчик сделал свое дело, отснял заказанные Генеральным штабом районы. На следующий день пленку привезли отцу. На снимках сквозь крупные серые горошины «зерна» проглядывали беловатые крестики самолетов на аэродромах, кубики заводских цехов, складов и еще многое другое.

Где мне довелось познакомиться с полученными результатами, сейчас уже не припомню. Только не у отца, а на каком-то совещании. Присутствовавшие там военные восторгались, вглядываясь в серую гладь бесконечной ленты, а я вспомнил подаренный отцу Эйзенхауром рекламный проспект «Открытого неба». Сравнение говорило не в нашу пользу: здесь едва различались объекты, раскинувшиеся на десятки метров, а там силуэт человека с газетой в руках.

Конечно, высота, с которой производилось фотографирование, отличалась в несколько раз, там двенадцать—пятнадцать километров, а тут почти двести.

Серьезной информации спутник не принес. И не только из-за того, что запуск был первым, экспериментальным. Какие-то объекты надежно скрывали облака, какие-то укрылись в темноте ночи, куда-то не позволял заглянуть угол наклона орбиты.

Военные вздыхали: вот если бы, как американцы, пускать по полярной орбите. Но для этого требовалось организовывать новый полигон, затратить новые миллиарды. Обращение к отцу не дало результата, на

«подглядывание в замочную скважину» он деньги жалел. Соответствующего решения удалось добиться лишь в 1964 году.

За «Космосом-4» последовали другие: янгелевские с углом наклона орбиты в 19 градусов и «Зениты» покруче под 56 градусов. Так что те, для кого это представляло интерес, их легко различали.

Космическая разведка никогда не вдохновляла Королева. При первой возможности он постарался спихнуть ее с себя. Эту задачу с охотой подхватил Янгель: ведь тут лежала прямая дорога в космос. Но это дело будущего.

Пока же Михаил Кузьмич пошел ва-банк. Вслед за Челомеем и Королевым он предложил в сотрудничестве с Глушко сделать космический носитель, по своим параметрам схожий с первоначальным вариантом Н-1. Тонн на тридцать. Как и все в этой организации, проект проработали обстоятельно, все просчитали с разумным запасом. Предлагалась и соответствующая космическая начинка — тяжелая орбитальная станция. Он предусмотрел и боевой заряд в пятьдесят мегатонн. Кто даст деньги на чисто мирный космос?

Достанься Янгелю жребий выступить первым, я думаю, его предложение встретило бы поддержку. Но сейчас...

Отец стал задавать вопросы. Он пытался выяснить, заложена ли в проект какая-нибудь «изюминка», которую он не сумел ухватить. Когда выяснилось, что проект носит «безадресный», общий характер и рассчитан на любого «пассажира», последовал отказ.

Отец постарался подсластить пилюлю, сказал, обращаясь к Янгелю, что его конструкторское бюро — ведущее в обеспечении нашей обороноспособности, и это важнее любых космических запусков. Поэтому, считал отец, не следует отвлекать силы от решения основной задачи.

Янгель огорчился, попытался что-то пояснить, возразить, но никто его не поддержал. Игру он проиграл, не начав.

Далее предстояло обсуждение проблемы шахт. Докладывал Бармин. По его словам, полностью к шахтному содержанию ракет удастся перейти не раньше конца 1963-го — начала 1964 года. Очень много встретилось трудностей, не только конструкторских, но и чи-

сто организационных. По сути дела, предстояло создать новую отрасль строительной индустрии. Отцу хотелось загрузить ракеты в шахты поскорее, но он без возражений выслушал сообщение, задал только несколько уточняющих детали вопросов. Доклад без обсуждения приняли к сведению. График работ определялся добрым десятком уже действующих постановлений правительства.

Затем приглашенных отпустили. Совет обороны приступил к рассмотрению своих, чисто военных вопросов.

Отец остался в Пицунде, а я следующим утром вместе с другими участниками заседания улетел в Москву. Дела не позволили задержаться даже на день. Отец не удерживал меня — надо так надо.

* * *

Отцу представлялось, что с возведением заграждений и установлением контроля на границе проблема ГДР хоть как-то разрешалась.

Теперь его внимание сосредоточилось на Кубе. Обстановка там складывалась все более угрожающая.

Американские газеты пестрели угрозами в адрес Фиделя Кастро и его правительства. По секретным каналам поступала информация о принятии президентом Кеннеди обширного плана, направленного на дестабилизацию положения на Кубе. Он включал в себя саботаж в экономике страны, взрывы в портах и на нефтехранилищах, поджоги посевов сахарного тростника. Не останавливались его авторы и перед более решительными мерами — убийством лидеров страны, в первую очередь самого Фиделя.

На Кубе со дня на день ожидали нового вторжения, уже не просто эмигрантов, а регулярной армии США. Об этом предупредил отца во время их прошлогодней встречи в сентябре президент Кубы Освальдо Дортикос.

Отец считал приготовления американцев делом весьма серьезным, опасения обоснованными. Да и как он мог думать иначе, если подтверждались худшие подозрения.

22 января нового, 1962 года пришла крайне насто-

раживающая информация: на своем заседании в столице Уругвая Монтевидео Организация американских государств, собравшаяся на уровне министров иностранных дел, исключила Кубу из своего состава. Тем самым Куба становилась как бы вне закона. Отец не сомневался — все это не так просто. Дело явно скатывалось к военному вмешательству.

Куба ответила внушительным митингом в Гаване, на котором с многочасовой зажигательной речью выступил Фидель Кастро. По улицам маршировала народная милиция, казалось, все записались добровольцами. Над островом звучали лозунги: «Родина или смерть! Мы победим!».

4 марта еще более грандиозный митинг в Гаване принял вторую гаванскую декларацию, утверждавшую, что во всех случаях народ Кубы победит агрессоров.

Сгущались тучи и во Вьетнаме. После непродолжительного затишья возобновились не прекращающиеся много лет столкновения Ханоя с Сайгоном. Отец пока предпочитал активно не вмешиваться. Американцы же отреагировали решительно. Для поддержания духа южновьетнамского президента Джон Кеннеди послал в Сайгон своего брата Роберта, который предупредил, что США не собираются шутить. 19 февраля он заявил: «Мы собираемся победить во Вьетнаме. Мы останемся здесь, пока не победим... Мы участвуем в борьбе!»

При такой решимости действовать за тысячи миль от родных городов что говорить о Кубе, находящейся под боком. Стоило только пальцем шевельнуть...

Отец нервничал. Возможное поражение Кастро он рассматривал как свое. Но как помочь? Требовался какой-то нетривиальный, неожиданный ход. В Берлине решительные действия помогли, и тут, считал отец, надо придумать что-то не менее эффективное. Но что?..

Уж больно далеко находилась Куба. Одно за другим предложения о возможных, в случае агрессии, способах оказания помощи запутывались в тысячах километров не обозначенных в океане троп и дорожек. Все они пролегали мимо государств, на поддержку которых рассчитывать не приходилось. Даже самолетом туда добраться было практически невозможно.

Только ТУ-114 да его старший брат ТУ-95 могли преодолеть маршрут без промежуточных посадок.

Было о чем задуматься. Но отец не собирался отступать. Молодую революцию, только что отпраздновавшую свое трехлетие, он не мыслил оставить на произвол судьбы. Подобное предательство противоречило самому существу пролетарского интернационализма.

11 мая отец принимал личного представителя президента Кеннеди Пьера Селинджера. Я уже упоминал об этой встрече. В течение двух дней переговорили обо всем: о разоружении, об испытаниях ядерного оружия, о Юго-Восточной Азии, Лаосе, много внимания уделили Берлину, а о Кубе не проронили ни слова. Гостеприимный хозяин и словоохотливый собеседник, отец не желал касаться этого вопроса. Что могут дать слова? Империалисты на них не обратят внимания, только посмеются. Слова обретают вес, если они подкреплены силой.

Проводив американского гостя, отец 14 мая отправился с давно запланированным визитом в дружественную Болгарию. И там Куба не шла у него из головы.

«Надо было что-то сделать, чтобы обезопасить Кубу. Но как?

Заявлениями, которые мы можем сделать в виде ноты или предупреждений ТАСС? Все это не очень действует... Подобные действия другой раз приносят даже вред... Если предупреждать впустую, то приучишь противника, что ты болтун...

Надо было предпринять что-то реальное. Меня очень занимала эта проблема».

В поисках решения отец думал на волнующую его тему непрестанно, днем и ночью, даже во сне. В других, менее ответственных случаях он охотно втягивал в свои раздумья других, делился сомнениями. Сейчас все сосредоточилось внутри. Внешне отец, как всегда, был сама активность: выступал, интересовался успехами болгарских друзей, много говорил с Живковым. Но вдруг замолкал, и оставалось только догадываться, как далеко ушли его мысли. Возникшую паузу никто не решался нарушить, почтительно ждали «возвращения гостя». Беседа возобновлялась на прерванном месте.

По расписанию 17 мая предусматривался кратковременный отдых на берегу Черного моря в Варне. Протокольных обязанностей поубавилось, и отец кружил, петлял по дорожкам отведенной нашей делегации резиденции, то выходя к морю, то углубляясь в обширный парк.

Обычно он любил гулять в компании, сзывал всю делегацию, что-то рассказывал, кого-то выспрашивал. К этому сопровождавшие его лица давно привыкли. Сейчас он проводил время один, члены делегации разбрелись по разным углам, не желая беспокоить премьера.

Там, на дорожках Варненского парка, и родилась «идея». Еще не проект, только идея, как можно попытаться спасти Кубу.

«Ездил я по Болгарии, а неотвязно сверлила мой мозг мысль: что будет с Кубой? Кубу мы потеряем? — именно с этой, кубинской темы начал отец диктовать свои воспоминания четыре года спустя после описываемых событий. — Все это решить не так просто. Очень сложно найти вот это что-то, что можно противопоставить Америке.

Я, как Председатель Совета Министров СССР и Секретарь ЦК, должен был это решить так, чтобы не вползти в войну. Ума-то особого не требуется, чтобы начать войну. Дураки легко начинают войну, а потом и умные не знают, что делать.

Существовала и другая трудность: просто поддаться запугиванию со стороны США и перейти на словесную дуэль. В условиях классовой борьбы она мало что стоит. Тогда США объявили политику скалывания, то есть отрыва страны за страной от социалистического лагеря. Они нацелились их отрывать и подчинять своему же влиянию, а так как капиталистическая идеология сейчас уже не особо привлекательна для большинства народов, то здесь они больше всего рассчитывали на силу, на военную силу.

Америка окружила Советский Союз своими базами, она расположила вокруг нас ракеты. Мы знали, что ракетные войска США стоят в Турции и Италии, а про Западную Германию и говорить нечего. Мы допускали, что, возможно, они есть и в других странах.

Я подумал: а что, если мы, конечно, договорившись

с правительством Кубы, тоже поставим ракеты с атомными зарядами. Думалось, что это может удержать США от военных действий. Если бы так сложилось, то получилось бы неплохо: как формулировал Запад — равновесие страха.

Если мы все сделаем тайно, то когда американцы узнают, ракеты уже будут стоять на месте готовыми к бою. Перед тем как принять решение ликвидировать их военными средствами США должны будут призадуматься. Эти средства могут быть уничтожены Америкой, но не все. Достаточно четверти, одной десятой того, что будет поставлено...

Я ходил, думал, и все это созревало во мне. Я никому свои мысли не высказал, это было мое личное мнение, мои душевные страдания...»

Да, отец отдавал себе отчет, что США сделают все возможное, чтобы не допустить открытой, заранее объявленной и закрепленной договором постановки ракет на Кубе. Выигрывал тот, кто лучше спрячет, обманет. Угрызений совести из-за обмана президента США у отца не возникало. Президент Эйзенхауэр преподал в этом деле ему наглядный урок. Долг платежом красен. К тому же обман совершался во благо, с целью защиты слабого от сильного, жертвы от агрессора.

Отец просчитался в другом. Он не раз повторял, что американцы окружили нас своими военными базами, угрожают из-за всех границ и мы имеем право на ответные действия. Вот только мы привыкли к этому окружению, как итальянцы привыкли жить на склоне Везувия и Этны, а жители островов Атлантического и Тихого океана — к регулярным набегам ураганов и тайфунов.

У американцев же ракеты под боком не могли не вызвать шока, крушения иллюзии абсолютной безопасности, замешенной на имперских традициях права вершить свой суд в прилегающих регионах. Последнее, правда, в те годы относилось к обеим сверхдержавам.

К этому необходимо добавить положения доктрины Монро, не допускавшей чьего бы то ни было вооруженного присутствия в Западном полушарии. Если все это суммировать, то нетрудно вычислить реакцию на появление наших ракет. Она не могла не превзойти многократно предполагаемые отцом размеры. Дело было не только и не столько в правительстве и прези-

денте — главным действующим лицом становилась разъяренная толпа. Тут и аргументы и разум оказываются бессильными.

Я могу высказать лишь свою точку зрения. Спрогнозируй отец правильно реакцию американского общества, не президента, а именно общества, то он быстрее всего избрал бы другую, не столь опасную линию поведения. Правда, это лишь прогнозы.

20 мая по дороге в Москву отец поделился своими мыслями с Громыко, входившим в состав делегации. Андрей Андреевич выслушал сообщение, как обычно, молча, пожевал губами и только после всех этих действий, свидетельствующих о глубоком раздумье, поддержал. Он считал, что правительство США не пойдет на риск войны, повод для нее, так же как и в случае недавнего установления границы в Берлине, недостаточен. К сожалению, министр иностранных дел тоже не придал должного значения ни доктрине Монро, ни специфическому отношению американцев к окружающему их региону. А уж Громыко обязан был это знать. Не один год он провел в США, казалось, прочувствовал все нюансы национального характера.

Возможно, он и сомневался. Но возразить не решился. Не тот у него был характер. Да и сталинская школа дипломатии приучила к послушанию. Так у плана постановки ракет на Кубе появился первый сторонник. До обсуждения столь деликатного вопроса на Президиуме ЦК отец больше не делился ни с кем.

Как обычно, после возвращения отца из поездки Президиум ЦК собрался в тот же день. Это получилось само собой, ведь все его члены считали своим долгом поехать для встречи на аэродром, а оттуда все они гурьбой направились в Кремль. Отец в таких случаях обычно начинал с впечатлений о встречах в далеких или близких странах, осведомлялся о событиях, происшедших дома.

В этот раз, едва поздоровавшись, отец сообщил, что у него есть важные соображения, которые он хотел бы изложить своим коллегам. О чем пойдет речь, он посчитал говорить в аэропорту неудобным.

Вот как он рассказывал впоследствии об этой встрече.

«Товарищи слушали. Я сразу, как закончил изложение, сказал:

— Давайте сейчас не решать. Я только что высказал вам свои соображения, и вы не подготовлены для решения. Вы должны обдумать все, и я еще подумаю. Через неделю соберемся и еще раз обсудим. Мы должны все очень хорошо взвесить. Я считаю своим долгом предупредить, что эта акция влечет за собой много неизвестного и непредвиденного. Мы, конечно, хотим все сделать, чтобы обезопасить Кубу, чтобы Кубу не раздавили, но мы можем втянуться в войну. Это тоже надо иметь в виду.

...Нам надо сделать так, чтобы свою страну сохранить, не допустить войны и не допустить, чтобы Куба была разгромлена войсками США. Нужно добиться, чтобы сохранилось то положение, которое сейчас существует, мы должны способствовать его дальнейшему развитию в сторону укрепления и развития социалистического строительства. Нужно сделать Кубу факелом, сделать ее притягательным магнитом для всех обездоленных народов Латинской Америки, которые ведут борьбу против эксплуатации американских монополий. Подогревающий огонь социализма со стороны Кубы будет ускорять там процесс борьбы за независимость.

Все разошлись».

Кроме свидетельства отца и недоступных нам официальных документов, не находится иных серьезных источников, повествующих о деталях разворачивавшихся в те дни событий. Меня особенно интересовало: не было ли споров, возражений. Вокруг принятия решения о постановке ракет на Кубе за последние годы накопилось немало спекуляций, домыслов. Однако все, кто имел к этому отношение, присутствовал на различных совещаниях, был близок к «верхам», в том числе Громыко, посол СССР на Кубе Алексеев, в один голос утверждали, что оппозиции высказанному отцом предложению не было.

Слухи о каких-то мифических дебатах, столкновениях поползли позднее, уже после освобождения отца от должности в 1964 году. Кое-кто стал спешно пересматривать позиции, менять точку зрения.

Я снова возвращаюсь к рассказу отца: «Прошла неделя. Я опять поставил этот вопрос. Спрашиваю:

— Ну как, товарищи, думали?

— Да, думали.

— Ну как?

Первым взял слово товарищ Куусинен. Он сказал:

— Товарищ Хрущев, я думал. Если вы вносите такое предложение и считаете, что нужно принять такое решение, я вам верю и голосую вместе с вами. Давайте делать.

Так... Мне было, с одной стороны, лестно, а с другой — слишком тяжело. Его ответ всю ответственность возлагал на меня. Я очень уважал товарища Куусинена, знал его честность и искренность, поэтому воспринял его слова по-хорошему».

В тот период члены Президиума ЦК в основном полагались на отца, ему принадлежало решающее слово при принятии решений. Его почитали за старшего, привыкли к подобному раскладу за предыдущие десятилетия. Тут дело даже не в личности. Все определяла структура централизованной власти. Она еще только начинала меняться. Всё и все зависели от первого лица. Даже члены Президиума ЦК старались не высовываться, если всерьез не задевались их жизненные интересы. Не обязательно личные, возможно, и тех областей деятельности, где тот или иной член Президиума считал себя хозяином. В таком случае могла возникнуть перепалка, пусть не очень жесткое, но столкновение.

Куба же ничьих интересов не затрагивала. Внешней политикой занимался отец сам. Коллеги считали: ему и карты в руки. Фактически решение сосредоточилось в одних руках, вернее, в одной голове. Альтернативы не только не обсуждались, но и не возникли. На фоне всеобщего благодушного единодушия выделялся Микоян. Он по любому вопросу имел свою точку зрения. С отцом он всегда держался на равных. Стаж пребывания на вершине пирамиды власти у него был значительно больше.

На сей раз Микоян поделился своими сомнениями.

«Товарищ Микоян выступил с оговорками. В таких вопросах без оговорок нельзя. Его мнение сводилось к тому, что мы решаемся на опасный шаг. Это я и сам сказал. Я даже сформулировал грубее. Этот шаг на грани авантюры. Авантюризм заключался в том, что

мы, желая спасти Кубу, сами могли ввязаться в тяжелейшую, невиданнейшую ракетно-ядерную войну. Этого надо всеми силами избегать, а сознательно вызывать такую войну — действительно авантюризм.

Я против войны. Но если жить только под давлением, что всякая наша акция в защиту себя или иных друзей может вызвать ракетно-ядерную войну, — это парализовать себя страхом. В таком случае война будет наверняка. Сразу враг почувствует, что ты боишься. Или же ты без войны будешь уступать свои позиции и дашь врагу возможность реализовать его цели, или ты своей боязнью и уступчивостью так разохотишь врага, что он потеряет всякую осторожность и не будет чувствовать той грани, за которой война неизбежна.

Такая проблема стояла и сейчас стоит...

...Мы приняли решение о том, что целесообразно поставить ракеты с атомными зарядами на территории Кубы и тем самым поставить США перед фактом; если они решатся вторгнуться на территорию Кубы, то Куба будет иметь возможность нанести сокрушительный ответный удар... Это будет удерживать власть имущих от вторжения на Кубу.

К такому выводу все мы пришли после двукратного обсуждения моего предложения. Я сам предлагал не форсировать решение, дать ему выкристаллизоваться в сознании каждого, чтобы каждый принимал его сознательно, понимая его последствия, понимая, что оно может привести нас к войне с США. Решение было принято единодушно».

По заведенному еще в сталинские времена порядку оформлением решений Президиума ЦК занималось заинтересованное ведомство, на сей раз эта миссия выпала на секретаря Совета обороны генерала Семена Павловича Иванова. Перепечатанный начисто документ предстояло провести «по кругу». Один за другим члены Президиума ставили своей рукой «за» и расписывались. Существовала возможность высказать и противоположное мнение, проголосовать против, но только теоретическая. Я подобного случая не припоминаю. Все шло гладко: «за», «за», «за». Один Микоян вернул документ с одной лишь подписью. Иванов попытался поправить, подсказал, что требуется резо-

люция, но хозяин кабинета в ответ только махнул рукой. Жест означал, что аудиенция окончена. Кандидатам в члены Президиума и секретарям ЦК высказывать свое мнение не полагалось, их подписи свидетельствовали лишь об ознакомлении с текстом. Так они поступили и на сей раз.

Закончив «операцию», Иванов позвонил отцу, доложил, что все в порядке. Затем, помявшись, добавил: «Вот только Анастас Иванович не поставил «за», забыл, наверное».

Отец насторожился и переспросил: «Один? Или еще кого память подвела?» «Никак нет, все в порядке, — отрапортовал генерал. — Правда, кандидаты в члены Президиума и секретари не наложили резолюцию, но это и не требуется», — уточнил он.

— Съездите-ка к Микояну еще раз. Я ему позвоню, — распорядился отец, — а заодно пусть проголосуют кандидаты и секретари ЦК. Дело важное, нечего им по кустам отсиживаться.

Повторный объезд не занял много времени, сомневающихся больше не оставалось.

Об истории с ракетами я узнал вскоре после этого памятного заседания. Мы с отцом поехали на дачу и, не заходя в дом, отправились на берег Москвы-реки полюбоваться налившейся весенним соком природой. Отец не был из тех людей, которым свойственно замыкаться в себе. Ему требовалось поделиться захватившей его идеей с окружающими, выслушать слова поддержки или, на худой конец, возражения. На этот раз он решил поделиться со мной.

Сначала мы шли молча. Отец наслаждался, впитывая в себя прозрачный теплый аромат майского вечера. Затем он вдруг заговорил о Кубе, об опасности вторжения и вдруг огорошил меня новостью: «Только что принято решение о секретной постановке на острове наших баллистических ракет с ядерными зарядами». В первый момент я поразился. До этого мы не рисковали вывозить ядерное оружие за пределы своей территории. Исключение составляло небольшое количество тактических атомных зарядов для «Луны» и «пятерок». Ими оснащались наши части, стоявшие в Германии.

А тут стратегические мегатонные боеголовки. У меня просто дух перехватило. Потом проросли сомнения:

а если их захватят американцы? Как можно выпускать столь грозное, а главное, секретное оружие из своих рук? Сегодня там Кастро, а завтра?

Все эти вопросы я вывалил отцу. Возможно, ради них он в какой-то степени и затеял разговор. В Кремле с ним во всем согласились. Это несколько беспокоило отца, как бы не проглядеть узкие места, не замеченные поначалу шероховатости.

Отец с охотой стал делиться со мной своим планом. Как только на острове появятся ракеты, нападение на Кубу станет для американцев столь же опасным, как и атака самого Советского Союза. Передавать ракетно-ядерное оружие кубинцам он не намеревался — слишком опасно, да и квалификации у них не хватало. Отец считал, что ракетами должны распоряжаться только регулярные части Советской Армии, подчиняющиеся Москве.

Постепенно я проникся энтузиазмом. Наконец-то американцы сами очутятся в положении, в котором они держали нашу страну последние годы. Да и подспорье в формировании ответного удара может оказаться заметным. Запланированное на этот год к постановке на боевое дежурство количество Р-16 казалось весьма скромным. Отец не разделил моих восторгов. Он считал, что затраты сил и материальных ресурсов, связанные с постановкой ракет на Кубе, не оправдают временного выигрыша в глобальном противостоянии. Он рассуждал просто. Сколько можно поставить ракет на острове? От силы несколько десятков. Не утыкаешь же ими всю Кубу, как ежа иголками. Ракеты надо обслуживать, а главное, защищать от возможных неожиданностей. И все это под боком у США, за три моря от нас. Конечно, по мнению отца, установка ракет имела определенное стратегическое значение, но основной целью операции являлась защита кубинской революции. От твердо придерживался мнения, что вся операция целесообразна лишь с точки зрения предотвращения новой высадки на остров. На мой вопрос, сколько стартов предполагается оборудовать, отец ответил, что военные подсчитывают свои возможности.

С тех пор наши беседы о постановке ракет на Кубе стали регулярными. Я дожидался, когда мы остава-

лись вдвоем — надо было блюсти секретность, — и выпытывал последние новости. Никто, кроме меня, в семье не был посвящен в тайну. Кое-что доходило до меня и, минуя отца, из других источников. По службе я общался со многими высокопоставленными военными, а все новые и новые подразделения в Генеральном штабе подключались к разработке операции. Стоило мне намекнуть о своей осведомленности, как языки развязывались, начиналось бурное обсуждение. Большинство моих собеседников поддерживали план.

Исходя из наличных ресурсов, предполагалось установить на острове около полусотни ракет. Цифра все время менялась. Часть ракет выделялась в счет поставок армии, но большинство снимались с боевых позиций. Операцию решили проводить не откладывая, дожидаться, когда заводы выполнят заказ, времени не оставалось. Тем самым ослаблялся кулак, нацеленный на Европу. Не всем это нравилось, кое-кому показалось, что мы озабочены безопасностью Кубы в ущерб собственной.

В конце концов сошлись на тридцати шести ракетах Р-12 и двадцати четырех Р-14 со штатными боезарядами мощностью в одну мегатонну. Всего пять полков. Новыми, только что испытанными двухмегатонными боеголовками повышенной эффективности решили не рисковать. К тому же выпуск их только начинался.

Аппетит постепенно разгорался. Раздавалось все большее число голосов в пользу увеличения количества Р-14. Но их пока просто неоткуда было взять. Отец сказал, что в будущем условились постепенно заменять Р-12 на Р-14. Его особенно беспокоила проблема, как замаскировать ракеты от неизбежного воздушного наблюдения и фотографирования. Ведь над Кубой то и дело летали самолеты-разведчики США.

Кубинцы пока не подозревали о планах отца, о проекте знали только в Москве. Пришло время поделиться замыслом с Фиделем Кастро, принять решение и приступить к проведению операции. Или ... отложить ее, если кубинцам придется не по нраву размещение на их острове ракетно-ядерного оружия. На «или» отец не рассчитывал, он был убежден, что в Гаване с одобрением воспримут его предложение, направленное на обеспечение их безопасности. Ради них наша страна шла на риск.

Снарядили делегацию: наполовину политическую, наполовину военную.

Главой определили Шарафа Рашидова, первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана. Ему поручили вести политические переговоры. Почему-то считалось, что с освобождающимися народами, с их руководителями лучше найдут язык представители наших окраинных республик.

Военную часть делегации, имевшую свои собственные инструкции, представлял маршал Сергей Семенович Бирюзов, сменивший в апреле Москаленко в командовании ракетными войсками. Отец его знал еще со Сталинграда. Там он командовал штабом в армии Малиновского. Бирюзов слыл человеком обстоятельным, сдержанным, слов на ветер не бросал. Прибавила ему авторитета и история с Пауэрсом. Конечно, сбил У-2 не маршал, но, по мнению отца, организовать систему обороны так, чтобы противник не прошел, — заслуга высшего командования. В те годы Бирюзов относился к военачальникам, пользующимся наибольшим уважением и доверием отца. На его заключение, считал отец, можно положиться.

По заведенному в таких случаях правилу военных закамуфлировали, переодели в гражданское, выдали паспорта на другие фамилии. Маршала Бирюзова перекрестили в инженера Петрова. В помощь себе он взял двух генералов — Ушакова и Агеева. В их задачу входило провести рекогносцировку на местности, а главное, найти способ замаскировать ракеты, укрыть их от любопытных взглядов не только с воздуха, но и с земли.

Третий член делегации, Александр Иванович Алексеев, в глазах отца, и не только его, давно прослыл наиболее компетентным человеком в вопросах взаимоотношений с Кубой. В силу своих профессиональных обязанностей и благодаря личным качествам он оказался первым советским человеком, побывавшим там после победы революции.

1 октября 1959 года он прибыл в Гавану в качестве корреспондента ТАСС и тут же развил кипучую деятельность. Уже 12 октября Алексеев повстречался с Че Геварой, 15-го — с Фиделем Кастро. В феврале 1960 года он организовал советскую торгово-промышлен-

ную выставку. Обо всем увиденном Алексеев, помимо скупых корреспонденций ТАСС, направлял обстоятельные служебные донесения в Москву. Они-то в значительной степени и сформировали в голове отца образ кубинских руководителей-революционеров, с которыми у Алексеева сложились дружеские отношения. Некоторые шероховатости возникли после установления дипломатических отношений. Источником их стал вновь назначенный Чрезвычайный и Полномочный Посол Сергей Михайлович Кудрявцев. Он повел себя, как предписано протоколом, держался официально, соблюдал дистанцию. Общего языка с кубинскими руководителями не нашел.

Братья Кастро, Че Гевара по-прежнему со своими проблемами обращались к Алексееву, переквалифицировавшемуся к тому времени из журналиста в советника советского посольства в Гаване. Его шифровки ложились прямо на стол отца, рядом с донесениями посла. Они проходили по другому ведомству, и им отводилась папка иного цвета. Отец все больше отдавал предпочтение Алексееву, отмечал его хватку, аналитический ум. Главное, он обеспечивал надежную связь с руководством республики.

В посольстве возникло двоевластие. Официальные бумаги, чинно следовавшие через посла, нередко оставлялись Фиделем без внимания. Он знал — важное сообщение придет через Алексеева. Так же действовала связь и в обратном направлении — рутинные послания в МИД отсылал посол, а обращения кубинцев к отцу передавал Алексеев.

Положение становилось все более ненормальным. Отец все чаще задумывался о том, что надо изменить диспозицию, но не доходили руки и посла обижать не хотелось.

Кудрявцев сам определил свою судьбу. В начале апреля отец рассказал, что наш посол на Кубе потребовал для себя вооруженную охрану. Операция «Мангуста» постепенно набирала силу, в Гаване становилось неспокойно — то прогремит взрыв, то раздастся пулеметная очередь. Отец возмущался: «Что скажут кубинцы? Они борются, сражаются с врагами, а посол социалистической державы отсиживается, забаррикадировавшись в здании посольства!»

Тут он припомнил все: и пассивность, и неспособность установить прямые контакты с Фиделем Кастро, и бюрократизм. Не мешкая, Президиум ЦК принял решение произвести перестановку кадров в соответствии со сложившейся обстановкой — Алексеева назначить послом, а Кудрявцева переместить в более безопасное место, отозвать в Москву.

По телеграмме Громыко Алексеев в мае прибыл в Москву. Отец хотел с ним посоветоваться о положении на Кубе, еще раз побеседовать перед ответственным назначением. Попал же Алексеев в самую гущу событий. Как специалист по Кубе и лицо, пользующееся абсолютным доверием отца, он с головой окунулся в обсуждение перипетий, связанных с планируемой постановкой ракет.

На первой встрече с отцом он высказал сомнения: вряд ли Фидель Кастро согласится с таким предложением. Он собирается защищать революцию всем народом, опирающимся на собственные силы и поддержку общественного мнения стран Латинской Америки. Вряд ли ему придется по нраву замена высокого покровительства одной великой державы другой.

Отец стал горячо доказывать, аргументировать свою позицию, потом вдруг остановился, как бы осознав, что перед ним не Фидель, и примирительно заметил, что мы в этом случае окажем Кубе помощь любыми другими средствами. Правда, сомнительно, чтобы они остановили агрессора.

В самом конце мая ТУ-114, следуя маршрутом, не проходящим над территорией других стран, по северной кромке нашего полушария, должен был доставить посланцев отца на Кубу. Они не взяли с собой никаких документов: мало ли что может случиться в воздухе. Ввиду особой секретности было запрещено сноситься с Москвой по обсуждаемым вопросам по радио, даже шифром.

По словам Алексеева, он, сопровождая столь высокую делегацию, чувствовал себя не совсем в своей тарелке. Ведь смены «караула» в советском посольстве пока не произошло. Официально Кудрявцева отзовут, а его назначат только через две недели, 12 июня. Но эта неловкость оказалась преходящей. В день приезда Алексеев встретился с Раулем Кастро. Преодоле-

вать формальности не потребовалось, они же друзья, достаточно телефонного звонка. Без сомнения, Кастро понимал, что столь высокие гости пожаловали не случайно. Завеса таинственности вокруг визита, шифротелеграмма отца с просьбой принять его представителей по специальному вопросу только разжигали любопытство.

Ничего не объясняя по существу, Алексеев попросил Рауля как можно скорее организовать встречу делегации с братом.

В тот же вечер Фидель и Рауль Кастро приняли эмиссаров отца. Первым взял слово Рашидов. Он пересказал хозяевам смысл предложений отца. Затем военные аспекты проблемы пояснил маршал Бирюзов. Фидель задумался. Молчал он не более минуты. Глядя в глаза Рашидову сквозь столь непривычные для нас, знающих его по митинговому жару, очки, твердо произнес, что идея представляется ему особенно интересной, потому что служит интересам мирового социализма и угнетенных народов в их противоборстве с обнаглевшим американским империализмом, который повсюду в мире пытается диктовать свою волю.

Опасения Алексеева не сбылись.

На следующий день подвели итоги. На сей раз встреча носила официальный характер. С кубинской стороны присутствовали основные политические руководители страны и командование вооруженными силами: Фидель и Рауль Кастро, Эрнесто Че Гевара, Освальдо Дортикос и Рамиро Вальдес.

Обсуждать, собственно, оказалось нечего. Советское предложение принималось без оговорок. Уточнению подлежали лишь детали. О них предстояло договариваться в Москве. Своим полномочным представителем на этих переговорах кубинцы выделили Рауля Кастро.

Рашидов торопился в Москву: отец с нетерпением ждал информации о результатах переговоров. Однако оставалось еще одно дело, не менее важное — Бирюзову предстояло объехать окрестности, взглянуть на предполагаемые места постановки ракет, прикинуть, какие существуют возможности скрыть операцию от профессионалов из ЦРУ. В Москве заранее по карте выбрали район западнее Гаваны, на максимальном удалении от американской военной базы Гуантанамо.

На серьезную рекогносцировку на местности Рашидов времени маршалу не дал. Удалось лишь прокатиться по окрестностям. Места больше оказались открытыми, кое-где собирались в группки незнакомые деревья. Особенно поразили маршала кокосовые пальмы, раньше виденные только на картинках. Их устремленные вверх голые стволы показались ему похожими на установленные на стартовых столах баллистические ракеты.

Пока в Гаване поговаривали, в Москве готовились действовать. Малиновский предложил руководство операцией возложить на генерала армии Плиева. Выбор для меня навсегда остался загадкой. Кавалерист старой школы, в седле еще с первой мировой и гражданской войн, к концу Отечественной он дослужился до командира кавалерийского корпуса. Что у него общего с ракетами? Да и не только с ракетами, а вообще с современной войной? В ответ на мое недоумение отец сказал, что Плиев — кандидатура Малиновского. Сам отец его знает, но не очень близко, встречался во время войны. Генерал как генерал, не хуже других, министр знает свои кадры.

Чем подробнее прорабатывался план, тем яснее вырисовывалась грандиозность его масштабов. Казалось бы, что стоит поставить четыре, ну пять десятков ракет? Но на ракетный «скелет» с каждым днем нарастало столько «мяса», что в результате центр тяжести операции стал смещаться в общевойсковом направлении.

Рассуждали в Генеральном штабе просто, без затей. Раз ракеты находятся в наших руках, то, естественно, мы должны обеспечить их сохранность. Отец рассказал, что сначала предполагалось ограничиться небольшим контингентом пехоты, но показалось, что это не решение вопроса. Если случится нападение, то придется столкнуться с хорошо вооруженными американскими регулярными воинскими частями. Противостоять им сможет сила не меньшая и не хуже вооруженная. Тут охранным батальоном не обойдешься, нужна артиллерия, нужны танки. Шаг за шагом на сорок две ракеты наросло почти сорок тысяч войск, около четырех дивизий полного состава.

Если нападение произойдет, то оно, безусловно,

начнется с воздуха. Системы противовоздушной обороны на острове практически не существовало. Значит, надо ее создать. В первую очередь речь зашла о зенитных ракетах. Их решили поставить вдоволь, самых современных, таких, какими сбили Пауэрса. Оружие было сложным, к тому же строго секретным. Мы его еще никому из союзников не передавали. Отец посчитал, что и оно должно остаться в наших руках. Скорострельные зенитные пушки, способные поражать цели на небольших высотах, поступали в распоряжение кубинской армии. В обращении с ними они имели опыт.

Систему противовоздушной обороны завершали новейшие сверхзвуковые истребители МИГ-21. Их тогда в наших частях было раз-два и обчелся, но Куба обладала высшим приоритетом.

Для создания береговой обороны отец предложил на направлениях, опасных с точки зрения высадки десанта, установить столь полюбившуюся ему «Комету». Она к тому времени изрядно устарела, но ничего лучшего моряки предложить не могли. Зазоры между ракетными батареями с моря предстояло прикрывать быстроходным катером, вооруженным самонаводящимися ракетами П-15.

С воздуха побережье предполагалось патрулировать бомбардировщиками ИЛ-28. В зависимости от поставленных задач они могли нести бомбы, включая и атомные, или же им под брюхо подвешивали торпеду. В этом случае ИЛ-28 мог противостоять современным боевым кораблям.

Все эти решения по организации обороны Кубы формировались постепенно, по мере выявления все новых и новых задач.

К тому времени, когда в Генеральном штабе закончили первые прикидки, вернулись из Гаваны посланцы отца. Он долго беседовал с Рашидовым и Бирюзовым, выспрашивал их о реакции Кастро. Здесь все обстояло нормально. Отец вцепился в Бирюзова с расспросами о возможности скрытого размещения техники — ведь операция все расширяла свои масштабы. Главное, как укрыть ракеты?

Бирюзов мялся, по сути дела, эту часть задания он не выполнил, наконец выдавил из себя, что, по мнению

специалистов, к которому он присоединяется, ракеты удачно маскируются под кокосовые пальмы. Он сам видел их на Кубе — такой же прямой ствол, только вот на боеголовку придется взгромоздить шапку из листьев.

До сих пор не пойму, как отец поверил такому примитивному объяснению. Когда он рассказал о ракетах-пальмах, мне все это показалось не очень серьезным. Я поделился с отцом своими сомнениями, но он не стал меня слушать, отпарировал, что там работали профессионалы, они разбираются в деле лучше нас. Возражений у меня не нашлось. Почему-то вспомнились нередкие посадки нашего служебного самолета на заводском аэродроме в Воронеже. После однообразия жизни на полигоне тянущиеся к небу на фоне летного поля заводские трубы не раз подсознательно воспринимались как изготовившиеся к запуску ракеты. Я себя успокаивал. Тут труба, там пальма, может, и сойдет. Но от ощущения халтуры я так и не смог избавиться.

Об обслуживающей ракетные старты специфической технике — установщиках, трайлерах, заправщиках — отец не вспомнил. А ведь по ней можно однозначно вычислить стартовую позицию, даже в отсутствии ракет. Раз они здесь, то и ракета спрятана поблизости.

Узким местом оказалась проблема транспорта. За короткое время требовалось перевезти прорву груза, а судов, тем более специально оборудованных, у нас почти не было.

Отец вызвал к себе министра морского флота. Тот доложил, что для выполнения задания придется сломать весь сверстанный заранее годовой план перевозок, свободные мощности, естественно, взять неоткуда. Потребуется валюта для фрахта судов других стран, без этого не обойтись.

Отец дал добро, в Министерство финансов пошло указание не скупиться.

Черноморские и балтийские порты затрясла лихорадка. Отменялись рейсы, переадресовывались грузы. Перевозку «обычных» грузов на Кубу и по другим адресам поручили иностранцам. Ничего иного просто не оставалось.

Наши советские сухогрузы, пассажирские лайнеры, танкеры — все, что оказалось под рукой, переоборудовалось для перевозки вооружения, личного состава, топлива. Со многими проблемами приходилось сталкиваться впервые — никогда еще не транспортировали через океан ракеты, термоядерные заряды, высокоактивное и токсичное ракетное горючее и окислитель. Мало того, что все это было необходимо доставить в целости и сохранности, но еще и обеспечить секретность.

С ракетами дело утряслось довольно быстро: прорезали специальные люки, позволяющие их загрузить в трюмы, там их раскрепили на случай качки. На палубе для маскировки решили разместить сельскохозяйственную технику — сеялки, культиваторы, комбайны. У американцев, облетающих наши корабли в открытом океане, не должно было возникать ни малейших сомнений в характере перевозимых грузов. Особых неприятностей не предвиделось.

Страсти разгорелись вокруг ядерных зарядов. Само их наличие на судах, которые можно остановить, захватить, интернировать, противоречило принятым в стране требованиям обеспечения секретности и сохранности. Даже внутри страны боеголовки перевозились в специальных, закамуфлированных под пассажирские, вагонах в сопровождении многочисленной охраны. Что может произойти в открытом океане у чужих берегов, не хотелось и думать. Доложили отцу. Он предложил транспортировать их на подводных лодках. Идея показалась заманчивой, но оказалась трудно осуществимой. Там не только не представлялось возможным создать необходимые условия хранения, но экипажу просто негде было укрыться от излучения.

После долгих обсуждений решили остановиться на надводных судах, но осуществление операции отложить на самый конец, когда ракеты уже прибудут на место. Считалось, что доставка ядерных зарядов под занавес обеспечит большую безопасность, ведь если вторжение произойдет до приведения ракет в готовность, то в руки американцев могут попасть наши атомные секреты. Здесь с самого начала закралась ошибка: чем ближе конец операции, тем больше шан-

сов на разоблачение, а без боевых частей ракеты становились бесполезной игрушкой, вся затея разваливалась, как карточный домик.

Малиновский доложил отцу, что, по расчетам его служб, подготовка к постановке ракет займет около четырех месяцев. Если начать перевозки в июле-августе, то раньше октября-ноября не управиться. Отца эти сроки устраивали, с опубликованием сообщения о размещении ракет на Кубе он не собирался спешить. Тут требовалась серьезная подготовка, а главное — пусть пройдут выборы в США. В полемической горячке межпартийной борьбы за места в сенате и палате представителей, по его мнению, могли взять верх горячие головы. Когда все поутихнет, в ноябре, он собирался по личным каналам прозондировать настроение президента, подготовить его, а уж потом ударить в колокола. Так родился срок завершения операции: конец октября — начало ноября.

Я не хотел бы преувеличивать, создавать впечатление, что все внимание отца поглощалось только Кубой, только ракетами. Отнюдь нет. Это было одно из мероприятий среди ежедневного вороха дел, вываливаемых на стол Председателя Совета Министров и требующих безотлагательных решений. Конечно, операция не подпадала в разряд рядовых, отец почти каждый день возвращался к перипетиям ее подготовки. Ему докладывалось все, вплоть до деталей.

* * *

Что же еще из происходившего тем летом отложилось у меня в памяти? На самом деле немного. Вот самое яркое впечатление. В середине июня Москву посетил американский пианист Ван Клайберн. Отца очаровало его исполнение. И вообще со времен победы Клайберна на конкурсе имени П. И. Чайковского его имя гремело в Москве. Отец не упускал случая выбраться послушать хорошую музыку. На сей раз они встретились после концерта в Большом зале консерватории. Поблагодарив исполнителя за доставленное наслаждение, отец пригласил Клайберна в ближайшее воскресенье в гости на дачу.

День выдался солнечный, теплый. Отец показывал гостю сад, кукурузные посевы. Клайберн застенчиво улыбался. Покончив с сельским хозяйством, отправились кататься на лодках по Москве-реке. Отец занял место на веслах, предоставив гостю право рулить. Затем обедали в саду под деревьями. Обстановка казалась пропитанной благожелательностью. Летом в нашей семье к столу обязательно подавали окрошку. Гость заинтересовался диковинкой, попробовал и стал расспрашивать, как ее готовят. Отец ударился в пояснения, заминка произошла в первый же момент. Американец никак не мог понять, что такое квас. Пришлось углубиться в подробности. Оказалось напрасно. Уж что себе вообразил Клайберн, остается загадкой, но тарелку с экзотическим блюдом он вежливо отодвинул и весь обед старательно отводил взгляд от кувшина с квасом, стоявшего посередине стола.

После обеда настроение гостя выправилось.

Прощались они с отцом тепло, по-дружески. Отец шутливо осведомился: не хочет ли гость на дорожку стакан кваса?

Клайберн выкинул вперед руки, как бы отталкиваясь.

— Квас — никогда, — произнес он.

Оба расхохотались.

* * *

На конец июня у отца была запланирована поездка в Бухарест. Следом за ней ожидали прилета в Москву Рауля Кастро. 2 июля на Внуковском аэродроме его встречали Микоян и Малиновский. Едва пришедшего в себя после перелета через восемь часовых поясов министра вооруженных сил Кубы на следующий день повезли к отцу.

Начавшиеся 3 июля в официальном кабинете переговоры продолжались в непринужденной обстановке на даче. Вместе с Раулем туда приехали Рашидов и Алексеев.

Речь шла о подготовке официального соглашения. Естественно, совершенно секретного. В переговорах кроме Рашидова и Алексеева принимали участие министр обороны СССР Малиновский, маршал Бирюзов

и еще два или три генерала. Переводил Алексеев. По соображениям безопасности к делу стремились привлекать как можно меньше людей. Заключительная встреча Рауля Кастро с отцом состоялась 8 июля. Секретности проводимой операции отец придавал особое значение. Принимались все мыслимые меры, обеспечивающие сохранность информации. Дело доходило до того, что многие материалы писались от руки. Все в единственном экземпляре. Решение о допуске к планируемой операции принимал лично Малиновский.

* * *

Тем временем в самом сердце Министерства обороны, Главном разведывательном управлении Генерального штаба, обосновался один из самых значительных за хрущевские годы шпионов полковник Олег Владимирович Пеньковский. Он работал одновременно на английскую и американскую разведки. Я всегда подозревал, что Пеньковский сыграл заметную роль в Карибском кризисе. Он знал достаточного много. В течение всего срока своей недолгой службы в чине полковника британской армии с окладом две тысячи фунтов стерлингов в месяц плюс специальные премии за особо важные сообщения, он в первую очередь нацеливался на сбор информации о ракетах и космосе.

Возможности перед ним открывались немалые: он, высокопоставленный сотрудник советской разведки, в Государственном комитете при Совете Министров СССР по координации научно-исследовательских работ (ГК по КНИР) специализировался на получении зарубежной технологической информации, связанной с разработкой и производством высокоточных приборов наведения ракет — гироскопов и акселерометров.

Пеньковский в комитете занимался внешними связями, организовывал поездки делегаций за рубеж, принимал иностранных гостей. За ним утвердилась слава человека, умеющего работать, способного отыскать ответ на, казалось бы, неразрешимые вопросы. Он стремился всеми силами укрепить завоеванную репутацию, в чем ему активно помогали с той стороны.

Получив задание ГРУ о сборе информации о гироскопах, Пеньковский попросил британскую разведку организовать турне советских специалистов по соответствующим предприятиям. Это должно было поднять его авторитет не только в КГБ, но и в Генеральном штабе. До того времени наших людей на пушечный выстрел не подпускали к подобным заводам. Вопрос решился не сразу. Начались консультации. Запросили фирмы. Инженеры только посмеялись: от посмотреть до сделать — огромная дистанция. Секретов тут особых нет, необходимы деньги, много денег, и немало времени.

Согласие на визит наших прибористов получили от независимых от британского правительства фирм. Советскую делегацию водили по цехам, показывали лаборатории, дарили проспекты. Домой вернулись в восторге, но когда стали разбираться глубже, выяснилось, что нового ничего не узнали. Поохали, поахали и пришли к заключению, что мы и так все знали, поездка только подтвердила наш высокий профессиональный уровень. Справедливости ради хочу отметить, что, когда потратили выделенные правительством миллиарды, гироскопы и акселерометры на новых заводах стали производить не хуже заграничных.

Поездка получила большой резонанс. О ней доложили отцу. С одной стороны, генерал Серов подчеркнул высокий профессионализм своего сотрудника, организовавшего посещение. С другой — председатель ГК по КНИР Руднев, ранее руководивший ракетной программой и только недавно пересевший в новое кресло, поделился неоценимой информацией, полученной в его ведомстве.

Пеньковский стал героем дня. О проникновении в святая святых британской военной промышленности рассказывали легенды. И ранее вхожий во все двери, Пеньковский стал своим человеком среди ракетчиков. Он нередко бывал в конструкторских бюро, не раз ездил на полигон в Тюра-Там. «Для того чтобы добывать информацию, нужно хорошо представлять предмет, иначе неизбежно обманут, подсунут туфту», — объяснял он свою любознательность.

Такое серьезное отношение к делу вызывало уваже-

ние. Человеку из «организации», не стесняясь, рассказывали о том, что не всегда доверяли своим.

Не меньшими возможностями располагал Пеньковский и в армии. Кроме всего прочего, он находился в близких отношениях с Главнокомандующим ракетными войсками и артиллерией Советской Армии Главным маршалом артиллерии Варенцовым, рекомендовавшим его когда-то своему старому приятелю начальнику ГРУ генералу армии Серову.

...Здесь требуется некоторое пояснение. Испокон веку в русской, затем Красной и, наконец, Советской Армии существовал начальник, впоследствии Главнокомандующий артиллерией. В описываемые мною годы ракеты заставили потесниться традиционные «стволы» и в названии командования появились слова «ракетных войск». К нему относились ракеты поля боя, так называемые оперативно-тактические. Стратегические ракеты, как межконтинентальные, так и средней дальности, проходили совсем по иному департаменту, ими командовал в то время маршал Бирюзов.

Для получения Пеньковским сведений о нашем ракетном потенциале это разделение функций существенного значения не имело. В закрытом кругу лиц, допущенных ко всем секретам, информация циркулировала свободно. Да и от Варенцова ему удавалось узнать немало.

С Варенцовым Пеньковского связывал фронт. Он, тогда молодой лейтенант, служил адъютантом у командующего артиллерией фронта в победных 1944—1945 годах. Мои друзья-артиллеристы даже рассказывали байку, что Сергей Сергеевич обязан своему адъютанту жизнью, — тот, рискуя собой, вытащил его из-под танка, то ли немецкого, то ли нашего. Я в это не очень верил, скорее всего, молву породила сильная хромота маршала — последствие фронтового ранения. Но как бы там ни было, а фронтовая дружба особого сорта. Варенцов не выпускал из виду своего бывшего адъютанта и в послевоенные годы, и тот платил патрону «преданностью».

Встречались они нередко, тому находилось немало поводов. Приятель Пеньковского Иван Владимирович

Купин женился на одной из дочерей Варенцова, а сам Олег Владимирович породнился с Дмитрием Афанасьевичем Гапановичем, членом военного совета Московского военного округа. Так что поводы находились всегда: то день рождения, то по-простому заезжал на дачу помочь по хозяйству не молодому уже маршалу. Ну уж о Купине и говорить нечего. Какие между друзьями-офицерами секреты? Тесть же не считал нужным скрываться от зятя, порой так хотелось выговориться.

Что знал Пеньковский конкретно, что и когда он передал американцам, сейчас сказать трудно. Нет сомнения в одном: он регулярно информировал ЦРУ о советском ракетном потенциале. Отец напрасно рассчитывал, что его рассуждения о невероятной советской мощи продолжают вводить Белый дом в заблуждение. Американцы точно знали, что мы только приступили к постановке Р-16 на дежурство и их количество исчисляется не сотнями, а единицами.

Информация, как полученная от Пеньковского, так и из других источников, позволила подсчитать соотношение ракетно-ядерных сил на 1962 год как 18 : 1 в пользу США. В арсеналах США хранилось около пяти тысяч атомных и водородных зарядов против наших трехсот. Эти цифры привел бывший министр обороны США Роберт Макнамара в январе 1989 г. на московской встрече экспертов, повященной изучению проблем Карибского кризиса. Советские специалисты его не опровергли.

На упомянутой московской встрече, в которой мне посчастливилось принимать участие, я задал бывшему помощнику президента Кеннеди по национальной безопасности Макджорджу Банди давно мучивший меня вопрос о роли Пеньковского в кубинских событиях. Словоохотливые американские собеседники, только что описывающие все подробности заседаний у президента США, осеклись. После недолгого раздумья Банди отрубил: об этом ему сказать нечего. Известный на пресс-конференции ответ.

Подтверждение своих догадок я нашел в другом месте, в уже цитированной мною книге «Ловец шпионов» Питера Райта, имевшего по долгу службы непо-

средственное касательство ко всем британским агентам в нашей стране.

Вот что он пишет: «Пеньковский был драгоценным камнем в короне МИ-6. Он был высшим офицером ГРУ, шпионившим в Москве для МИ-6 и ЦРУ в течение 1961—1962 годов и передававшим огромное количество информации о советском военном потенциале и намерениях. На обеих сторонах Атлантического океана эта акция была признана наиболее успешным проникновением в святая святых советской разведки после окончания второй мировой войны. Пеньковский предупредил Запад о присутствии советских ракет на Кубе, а его информация о советском ядерном арсенале определила американскую стратегию в последовавшем Кубинском ракетном кризисе. Он также обеспечил нас данными, позволяющими точно идентифицировать русские ракеты на Кубе...»

Квинтэссенцией сведений, полученных от Пеньковского, было то, что советская ракетная программа развивается совсем не так успешно, как предполагалось на Западе, что Хрущев не имеет межконтинентальных ракет, а пока располагает только ракетами средней дальности. Вооруженный этой информацией, Кеннеди смог противостоять советскому давлению, когда американцы обнаружили сооружаемые стартовые позиции ракет средней дальности на Кубе.

Взглянем на проблему с другой стороны. Имел ли Пеньковский возможность передать информацию чисто технически? Тут ответ однозначный: да, мог.

Эти 5 месяцев, с 20 мая, когда отец возвратился из Болгарии, до 22 октября, дня своего ареста, Пеньковский находился под неусыпным наблюдением сотрудников КГБ. Все его встречи, мимолетные контакты тщательно фиксировались.

Дело в том, что в течение длительного периода времени контрразведка знала, что из Генерального штаба на Запад уплывает совершенно секретная информация. Как и полагается в детективе, в круг подозреваемых попало значительное число лиц, но по мере «просеивания» их становилось все меньше и меньше и, наконец, предстояло сделать выбор всего из нескольких человек. Одним из них оказался Пеньковский. За

каждым из офицеров установили наблюдение. Сначала у Пеньковского проявились подозрительные связи, потом подозрения перешли в уверенность. Но для этого понадобилось время. Вот перечень встреч Пеньковского с его зарубежными коллегами, взятый из информации, фигурировавшей на судебном процессе. Начнем с конца мая.

Можно отбросить состоявшуюся 31 мая на приеме в посольстве Великобритании встречу с курировавшей связь агента Анной Чизхолм. Пеньковский не мог тогда еще ничего знать.

2 июля и в последующие дни он находился в постоянном контакте с прибывшим из Великобритании коммерсантом Гревиллом Винном. Тут не возникло никаких трудностей: англичанин приехал по торговым делам и переговоры с ним входили в служебные обязанности Пеньковского. В те дни, да и после ареста Винна, никто не догадывался, что он не коммерсант и не пешка-связник, а один из опытных британских разведчиков, опекун Пеньковского с той стороны.

К началу тех встреч информация о таинственной возне вокруг Кубы могла дойти до ушей Пеньковского, хотя до приезда Рауля Кастро она оставалась доступной лишь немногим. Но ведь Варенцов имел высший воинский чин маршала.

В конце августа Пеньковский просто не мог не знать о проводимой операции. Перемещались войска, десятками отходили в неизвестном направлении корабли. Кому придет в голову информацию, известную сотням людей, держать в секрете от одного из высших офицеров, к тому же доверенного лица самого начальника ГРУ.

А именно в конце августа, как зафиксировано в донесении службы наблюдения, Пеньковский, оформив должным образом разрешение, пошел в гости к сотруднику американского посольства Хорбели, где была назначена встреча с представителем ЦРУ Карлсоном. Там они имели возможность поговорить. Кроме того, Пеньковский передал Карлсону семь экспонированных микрофотопленок и данные о какой-то советской ракете. В этом подсудимый признался на суде. О чем он умолчал? Наверняка о многом.

Только через годы мы узнали, что Пеньковский и Винн условились: в случае провала постараться убедить следователей, что Винн только связник. О том, что допрашивавшие Пеньковского поверили ему, он должен был дать знак при встрече: провести особым образом по волосам или что-то вроде того. Следователи поверили. Обвиняемые обменялись соответствующими жестами. Винн остался в материалах суда мелкой сошкой.

Что же касается общей характеристики советского ракетного потенциала, то в осведомленности Пеньковского в этом вопросе нет сомнений. Своими знаниями он щедро делился с Западом. Во время командировок в Париж и Лондон его селили в специально оборудованном номере гостиницы, несколько на отшибе от советской делегации. Конечно, не очень далеко, чтобы не вызвать подозрений. В смежной с его номером комнате, оборудованной современнейшими средствами связи, собирались представители разведок стран, участвующих в эксплуатации агента. Когда жизнь замирала, предварительно накаченный лекарствами, чтобы не потерять бодрости, Пеньковский ночи напролет отвечал на многочисленные вопросы.

Можно считать, что с 1961 года, когда Пеньковского завербовали, тайна, связанная с советским превосходством в развитии ракет, перестала существовать.

После августовской встречи Пеньковского с представителями ЦРУ и МИ-6 у КГБ не осталось сомнений, что иностранный агент именно он. Контрразведка буквально повисла у него на хвосте. 5 сентября во время приема в американском посольстве предполагалась новая встреча с Карлсоном. Никаких разговоров, только мимолетная передача микрофотопленок в посольском туалете. Операция сорвалась: там торчал один из русских гостей. Ему было плохо, видно, хватил лишнего.

Пришлось действовать по запасному варианту, предусматривающему перенос встречи на квартиру английского торгового советника Сениора, где очень кстати устраивался прием. И там им не удалось уединиться ни на минуту. Подвыпившие русские «друзья» не упускали ни Пеньковского ни Карлсона.

Повторная неудача окончательно убедила Пеньковского, что дело идет к провалу. Он потребовал срочной эвакуации. На этот случай имелся неплохой сценарий. Винн на нескольких грузовиках начал путешествие с передвижной выставкой товаров своей фирмы из Венгрии в Советский Союз, с остановкой в Москве, и далее в Хельсинки. Под днищем одного из трайлеров оборудовали тайник, где Пеньковский с относительным комфортом мог продержаться от Москвы до границы Финляндии. Однако операция сорвалась.

* * *

В те июльские дни отец не знал ничего. Наши ракетные секреты казались упрятанными надежно. В середине июля проект соглашения о постановке ракет на Кубе, завизированный двумя министрами обороны — от Советского Союза маршалом Малиновским и от Республики Кубы майором Раулем Кастро, представили в верха. Отец одобрил текст. Иначе и быть не могло, ведь Малиновский по каждому казавшемуся ему мало-мальски важным пункту звонил советоваться. Договор предусматривал, что ракеты всех видов — баллистические, фронтовые, зенитные, береговой обороны — остаются в подчинении советского командования.

Теперь следовало заручиться согласием Фиделя. 17 июля Рауль Кастро с проектом документа улетел домой.

* * *

В те дни я в Москве отсутствовал. На июль на Северном флоте назначили грандиозные показательные учения. Туда собирался отец и все высшее руководство страны. Наше конструкторское бюро оказалось в центре внимания. Практически все крылатые ракеты флота вышли из стен челомеевского КБ. Лихорадочная подготовка шла по всему побережью от Мурманска до Архангельска. Меня послали в Североморск. Там к боевым стрельбам готовили наши серийные крылатые ракеты. Работы оказалось немного, изделие уже третий год стояло на вооружении, моряки

его хорошо освоили. Было приятно наблюдать, как они действуют четко, без задержек.

Жили мы на плавучей базе подводных лодок, огромном сером корабле, частично общежитии, частично ремонтной мастерской, частично складе. С моряками мы быстро нашли общий язык, подружились. Как-то за вечерним чаем в кают-компании командир сообщил офицерам, что после учений база отправляется в дальний многомесячный поход. О его цели и пункте назначения он пока говорить был не вправе, а может, и сам не знал. Все последующие дни заполнились обсуждением, догадками, предположениями. Фантазия разыгралась. Только обстоятельный боцман хранил таинственное молчание. Меня он посчитал человеком доверенным и как-то поделился, что получено легкое, тропическое обмундирование. Вывод он делал однозначный: база пойдет на Кубу.

* * *

При встрече, рассказывая отцу о днях, проведенных в Североморске, я не упустил и этот эпизод. Отец улыбнулся: «Никакой секрет не удержишь. В штабах запрещено упоминать Кубу, а боцман все знает!»

К этому времени оборону острова решили подкрепить еще и подводными лодками. Заодно решались наши собственные проблемы, осложнявшие дежурство лодок у берегов США. С появлением возможности базироваться на Кубе до боевых позиций становилось рукой подать.

О том, как на этот шаг отреагируют американцы, особенно не задумывались. Считалось, что если все благополучно пройдет с ракетами, то на базу подводных лодок никто не обратит особого внимания. Стоят же американские корабли в Шотландии, Италии, Греции и других европейских портах.

* * *

В июле началась грандиозная операция по переброске на Кубу, по сути дела, нескольких советских дивизий. Весь месяц комплектовался личный состав:

кто переодевался в гражданскую одежду, кто получал форму кубинских революционных вооруженных сил. На Кубе не должны были появляться советские военнослужащие. Солдаты и офицеры камуфлировались в технических специалистов, туристов и не знаю, в кого еще. Войска и технику незаметно подтягивали к портам погрузки.

Основной поток грузов пришелся на Одессу и другие черноморские порты. Отсюда отправляли и наиболее деликатные грузы—ракеты и боеголовки, требовавшие особой маскировки.

Не меньшую роль, чем Черноморское, играло и Балтийское пароходство. Порты там располагались даже более удобно, удавалось легче рассредоточиться — одни грузились в Калининграде, другие в Риге, третьи в Таллинне. Правда, идти судам предстояло на виду у всей Европы — Датскими проливами, Северным морем, а затем Ла-Маншем. Тут от любопытных глаз не уберечься, следить станут за каждым шагом. Но это не имело особого значения — и по пути из Черного моря Гибралтар никак не минуешь. И вообще при современной технике в открытом океане тоже не скроешься.

Меньший поток грузов, ручеек по сравнению с первыми двумя потоками, потек и с Севера — из Мурманского и Архангельского портов.

Подведомственные маршалу Варенцову ракетно-артиллерийские части грузились на Западе. В их состав входили реактивные установки ближнего боя «Луна», пока без ядерного снаряжения. Специальные боеголовки решили транспортировать отдельно.

Массовый выход судов из советских портов начался в конце июля, в августе. Соблюдались все мыслимые предосторожности: погрузка производилась по ночам на специально выделенных причалах. Посторонние туда не допускались.

Куда на самом деле направляются корабли, не говорили никому. Умышленно распускались самые невероятные слухи, капитанам указывались фальшивые пункты назначения, выдавались карты совсем других районов океана. В некоторых случаях при погрузке личный состав экипировали теплой одеждой, тоже

в целях дезинформации. Размещались солдаты в трюмах, там наспех оборудовали койки, гамаки. Люки снаружи для пущей секретности опечатали, а на палубу разрешили выходить только в открытом море, в темноте. На судах, перевозивших личный состав, все палубы уставили сельхозмашинами. Казалось, весь Минсельхоз двинулся на Кубу.

Чтобы информация не просочилась до времени, оставшихся на берегу участников операции по завершении погрузки отправляли в длительные командировки на полигоны, в дальние гарнизоны. Там им предстояло коротать время до осени, до ноября. Местные командиры недоумевали — что это за напасть, откуда взялось такое количество комиссий, проверяющих и просто непрошеных консультантов и помощников. Расспросы не помогали, прошедшие строгий инструктаж гости загадочно молчали.

Солдаты и офицеры, спрессованные в трюмах отплывающих кораблей, тоже до последней минуты оставались в неведении. По замыслу Верховного командования правду было дано узнать только в океане. Капитанам вручались запечатанные сургучными печатями пакеты. Вскрыть их надлежало, одним выйдя в Северное море, другим — после того, как минуют Гибралтар.

Однако шила в мешке не утаишь. Несмотря на принятые меры, вся Одесса знала, что секретно снаряжаются корабли на Кубу. Об этом говорили на Привозе, судачили припортовые торговки. Не удержался секрет и среди сдержанных прибалтов. Но там старались особенно не распространяться — если им надо на Кубу, то пусть идут на Кубу.

Первые суда в различных портах загрузились практически одновременно и разом вышли в море. В Датском проливе возникла толчея. Такая же картина наблюдалась в Босфоре и Дарданеллах. Никогда такое количество советских транспортов не устремлялось из Черного и Балтийского морей. Сначала феномен вызвал лишь недоумение, потом оно переросло в удивление и, наконец, родилось подозрение. Забеспокоилась западногерманская разведка — ни один из кораблей не заходил в европейские порты.

Установили наблюдение. Проследив маршруты су-

дов, обнаружили, что все они, пройдя в Северное море, разворачиваются в Атлантику, кто через Ла-Манш, кто окольными путями в обход Британских островов. Так же вели себя и суда, покидавшие Черное море. И их влекли далекие берега. Прямо как угрей — Саргассово море.

Дело стало совсем подозрительным. Агентура подтвердила опасения: в советских портах загрузка кораблей происходит в обстановке чрезвычайной секретности и они отбывают в неизвестном направлении. О необычной миграции советского торгового флота в сторону Западного полушария немцы сочли необходимым предупредить своих американских союзников. Информация в адрес ЦРУ ушла в середине сентября. Американцы и сами не сидели сложа руки. Их авиационная разведка облетала корабли в открытом океане, но ничего подозрительного обнаружить не удалось, на фотографиях запечатлелись только мирные грузы.

Попросили союзников попытаться придраться к чему-нибудь и провести досмотр. Но и тут ничего не вышло, капитаны не давали повода для принятия решительных мер, поверхностный осмотр подтверждал — на борту сельскохозяйственные машины, именно то, что указано в судовых документах.

Однако беспокойство не проходило. Зачем кубинцам такая прорва механизмов? И почему они понадобились именно сейчас, летом 1962 года? Дотошные ЦРУшники произвели подсчет. Оказалось: в июле этого года на Кубу пришло тридцать судов под советским флагом против пятнадцати в прошлом. Дальше — больше: в августе их уже стало пятьдесят пять против двенадцати в том же месяце 1961 года, в сентябре — шестьдесят шесть, а только за первую половину октября насчитали их около сорока. По нашим данным, в операции принимали участие восемьдесят пять кораблей, совершивших за два с половиной месяца сто восемьдесят пять рейсов. Так что ЦРУ ошиблось ненамного.

* * *

Кубинцы ощутили силу. На митинге, состоявшемся по случаю празднования годовщины штурма казарм

Монкадо, Фидель выступил с многочасовой эмоциональной речью. В ней он пригрозил США, что любое нападение на Кубу будет означать начало новой мировой войны, сослался на поддержку и помощь, оказываемую всеми социалистическими странами и особенно Советским Союзом. Он проболтался, любой намек в те дни таил в себе опасность.

Алексеев, назначенный послом СССР на Кубу 12 июня, смог выбраться туда лишь 13 августа. Сначала на него навалились переговоры с Раулем Кастро. Затем оказалось, что без него не может обойтись никто: ни Центральный Комитет, ни Министерство обороны, ни КГБ — всем требовалась информация о Кубе, советы, справки.

Прибыв в Гавану, Алексеев передал Фиделю привезенный с собой еще один вариант текста соглашения о размещении ракет. Он несколько отличался от того, который парафировал в Москве Рауль. Изменения не затрагивали интересов Кубы, они только усиливали ее способность противостоять нападению за счет поставки дополнительных современных видов вооружения. Фидель оставил документ у себя. Вскоре возникли новые изменения. В результате потребовался еще один тур согласования.

Американцы не оставались в бездействии. Усилившаяся активность вокруг Кубы, поездки высоких эмиссаров в Гавану и Москву, намеки Кастро, сообщения Пеньковского — все это суммировалось в ЦРУ. Его директор Джон Маккоун 10 августа предупредил президента Кеннеди о возможности появления советских ракет средней дальности на Кубе. С того момента Куба оказалась под микроскопом. Фиксировалось каждое изменение, каждый шаг. Американская разведка пыталась выяснить, что доставил очередной советский корабль. Нельзя сказать, что действовала она безуспешно. В августе отметили появление в районе порта Мариэль 12 советских ракетных катеров. Информация оказалась точной. В то же время зафиксировали и появление на острове зенитных ракет.

Но главного, баллистических ракет, обнаружить не удалось. Их еще на Кубе просто не было.

В конце августа Эрнесто Че Гевара отправился в Москву. Он вез с собой все тот же проект договора,

испещренный личными пометками Фиделя Кастро. Никто не подозревал, что времени для его подписания историей не отпущено. В те дни казалось, что впереди еще не один месяц. На практическую реализацию плана отсутствие формальных подписей никак не влияло, оба руководителя верили друг другу на слово.

На ноябрь, а точнее, на конец года, отложили и подписание договора. Отец хотел дождаться, пока утихнет шум, вызванный обнародованием не столь уж приятного для американцев известия. Я уже писал, что сообщить новость президенту он намеревался в ноябре, после промежуточных выборов.

Осуществить церемонию подписания соглашения предполагали на Кубе. Отцу очень хотелось посетить остров. Не столько в пику американцам, хотя и это желание присутствовало, ему не терпелось своими глазами увидеть, что делается в первой стране Западного полушария, выбравшей социализм. От ее успехов или провалов зависело многое, ведь по Кубе станут равняться и остальные народы Латинской Америки. На нее они будут оглядываться, выбирая дорогу в будущее. По мнению отца, не все шло как надо — Кастро, увлеченный революционной борьбой, не уделял должного внимания развитию народного хозяйства. Это его сильно беспокоило. Он намеревался оглядеться сам, а потом начистоту поговорить с Фиделем.

Но это в будущем. Сначала следовало покончить с установкой ракет. До ноября еще предстояло дожить.

* * *

Директора ЦРУ Джона Маккоуна мучили мрачные предчувствия. С чего это вдруг на Кубу доставляются современнейшие средства противовоздушной и береговой обороны? Логика подсказывала: следом должны последовать главные силы, очень возможно, баллистические ракеты. Ведь именно в такой последовательности сами американцы оборудовали позиции «Торов» и «Юпитеров» в Турции, Италии и Великобритании.

Маккоун 22 августа поделился своими подозрениями с президентом. Но на прямой вопрос Джона Кеннеди о наличии ракет ему пришлось ответить отрицательно. Их пока никто не видел. На пресс-кон-

ференции в тот же день президент Кеннеди сказал, что ему ничего не известно о высадке войск государств Варшавского договора на Кубе. Однако сообщения о таинственных событиях, происходящих на острове, возбудили у него подозрения, и на следующий день он дал Совету национальной безопасности указание № 181 продумать возможную реакцию на возросшую активность «советского блока на Кубе». В случае установки на острове ракет он предложил в качестве дипломатического шага рассмотреть вариант вывода «Юпитеров» из Турции. Было поручено изучить потенциальные военные, политические и психологические последствия размещения на Кубе ракет, способных достичь территории США; проработать военные альтернативные акции, позволяющие США уничтожить эти ракеты.

В своих рассуждениях Кеннеди исходил из глобальной стратегии, оценивал возможную инициативу отца только в свете стремления сократить разрыв в ракетно-ядерном потенциале. О том, что у Хрущева могут иметься иные, не менее мощные побудительные причины к такому шагу, ему и в голову не приходило. Кеннеди совершил ошибку в оценке нашей позиции. О том, что подобные рискованные действия могут совершаться лишь для защиты от агрессии маленького народа, расположенного от Советского Союза за океаном и тремя морями, он просто не мог себе представить.

На Кубе обстановка тем временем накалялась. Операция «Мангуста» набирала силу. По всем признакам представлялось, что вторжение не за горами.

В ночь с 24 на 25 августа два неопознанных суденышка под покровом темноты подобрались к Гаване и открыли по расположенным на набережной жилым домам и отелям огонь из двадцатимиллиметровой пушки. Особого вреда подобная мухобойка принести не могла, но сам факт настораживал, просто так никто палить в соседа не станет.

Сенатор Кейпхарт призвал Кеннеди отдать приказ о вторжении на Кубу.

Президент на пресс-конференции успокаивал. «Было бы ошибкой вторгнуться на Кубу, — говорил он. — Действия подобного рода, которые могли бы явиться

следствием весьма непродуманного предложения, могут привести к очень серьезным последствиям для многих людей».

Слова президента США опубликовали в Советском Союзе, но особого доверия у отца не вызвали. Разведка докладывала, что петля вокруг Кубы затягивается, американцы не успокоятся, следует ожидать решительных действий. Вот только где и когда? Пока такой информацией Москва не обладала. Отец нервничал, боялся опоздать. Он считал, что, не разрубив кубинский узел, невозможно сдвинуться с мертвой точки ни в переговорах о разоружении, ни вообще рассчитывать на возможность ослабления напряженности в мире.

Отец не стремился к обострению и без того не идеальных отношений с США. Сейчас в разгар операции он избегал любых действий, способных спровоцировать непредвиденные осложнения в любом регионе. Пожар мог вспыхнуть от малейшей искры. Поэтому, когда 31 августа американский разведчик У-2 пролетел над Сахалином, не предпринималось попыток сбить его. Сегодня трудно сказать, имелась ли такая техническая возможность. Ведь он пребывал в нашем воздушном пространстве всего 9 минут.

Советское правительство ограничилось нотой протеста и удовлетворилось стандартным объяснением: из-за сильного ветра пилот сбился с курса.

* * *

Ядерные испытания, нарушение моратория, контроль и инспекции, полное и всеобщее разоружение занимали в переписке правительств двух держав и на страницах газет значительно больше места, чем Куба.

Возобновление испытаний Советским Союзом, а за ним и США сдвинуло глыбу с места, и она, постепенно разгоняясь, покатилась под гору. Если ее вовремя не придержать, то она грозила снести, расплющить любую преграду, вставшую на ее пути. Становилось все более очевидным, что зыбкие односторонние обещания, моратории не приведут к решению проблемы — необходим договор, и как можно скорее.

Отцу очень хотелось остановить испытания одним махом, заморозить развитие этой технологии, не дать

возможности даже мечтать об обходных маневрах. Он продолжал скептически смотреть на предложение США загнать испытания под землю. Это позволяло продолжать гонку, но более дорогими средствами.

Пока мы только приступили к очередной серии испытаний. Она предусматривала несколько десятков взрывов, включая сверхмощные многомегатонные. Правда, в целесообразности последних отец засомневался, слишком трудно предвидеть их последствия. Эхо от прошлогоднего пятидесятисемимегатонного взрыва на Новой Земле обошло всю планету, вызвало бурю протестов. Особенно в Скандинавии.

Американцы устойчиво сохраняли качественное преимущество, в их интересах было как можно раньше приостановить наши испытания.

Мы, наоборот, спешили набрать очки к моменту возобновления диалога. Догнать соперников не представлялось возможным, тут у отца иллюзий не оставалось, но он стремился получить все, что могла дать наша технология.

25 февраля 1962 года президент Кеннеди еще раз призвал Советский Союз прекратить испытания. С этой целью он предлагал срочно начать в Комитете 18-ти в ООН переговоры на самом высоком уровне. Отец считал, что, начав одновременно с нами, США нарушают и так зыбкое равновесие, уходят вперед и увеличивают отрыв. Пока он не был готов остановиться.

О возможности контроля тогда у нас всерьез не задумывались, его продолжали воспринимать как узаконенную разведку, позволяющую США удостовериться в своем многократном превосходстве. По мнению отца, такой контроль не отдалял бы нас от войны, а подталкивал к ней. Пока американцы, примеряясь к ядерному удару, могли только догадываться, с каким ответом им придется столкнуться. В расчетах они исходили из собственных возможностей, вольно и невольно преувеличивали потенциал своего противника.

Убедившись в нашей слабости, они могли не удержаться от соблазна разделаться с Советским Союзом, пока он не набрал силы. По мнению отца, контроль станет эффективным только в условиях разоружения, когда возможности сторон сравняются.

В своем ответе 7 марта отец согласился только на

встречу трех министров иностранных дел: США, СССР и Великобритании. До ее начала оставалось меньше недели, ни о какой серьезной подготовке, выработке новых позиций и думать не приходилось. В Женеву министры съезжались, лишь слегка освежив многократно использованные документы. Громыко привез с собой проект договора о полном и всеобщем разоружении под эффективным международным контролем. В возможность его принятия не верил никто, включая самого автора.

В ответ американцы предъявили ультиматум: или мы принимаем условия контроля, или они в последней декаде апреля приступят к испытаниям в атмосфере на островах Тихого океана. Бескомпромиссный тон послания свидетельствовал об одном — испытания начнутся.

Они возобновились 26 апреля. Все свидетельствовало о тщательной подготовке. Взрыв следовал за взрывом с перерывом в два-три дня. За полтора месяца к 10 июня их насчитали 17.

17 июня их количество возросло до 20.

Гвоздем этой серии стали высотные взрывы. В прошедшие годы ядерные бомбы взрывали над землей и под землей, на поверхности океана и под водой. Теперь пришла очередь космоса.

О возможности взрывов за пределами атмосферы поговаривали уже давно. Сейчас американцы оправдывались необходимостью поиска способов борьбы с глобальными ракетами, которыми пригрозил отец. Правда, глобальных ракет еще никто не запускал, оставалось только догадываться, что они собой представляют. Взрыв в космосе, по предположениям специалистов, преследовал цель нарушить радиосвязь, ослепить радиолокаторы, лишить противника и себя возможности передавать команды вращающимся на орбите боевым устройствам, и не только им.

В конструкторском бюро Челомея с нескрываемым интересом следили за готовящимся у американцев опытом. Началось с неудач. В отличие от обычных взрывов, когда заряд устанавливался на земле или бомбу сбрасывали с самолета, здесь боеголовку на высоте 200 миль, почти 320 километров, забрасывали с помощью ракеты «Тор». Что-то пришлось в ней

поменять, доработать, и сложный механизм разладился. При первом запуске ракета вышла из-под контроля, ее пришлось ликвидировать. Скажу прямо, эту информацию мы встретили с нескрываемым злорадством. После второго неудачного пуска стали раздаваться разговоры о том, что у них вообще ничего не получится. Поэтому сообщение о том, что 9 июля все сработало нормально, вызвало некоторое разочарование.

Результаты испытаний подтвердили предположения: радиолокаторы и радиосвязь вышли из строя на срок, вполне достаточный для уничтожения ракетами половины мира. Не требовалось глобальных ракет: и так никто не обнаружит несущуюся через космическое пространство смерть, в обычном, баллистическом исполнении. Тем не менее глобальная ракета, вернее, рассуждения о ее возможной технической реализации занимали мир все больше.

Эскалация продолжалась. 22 июля Советское правительство заявило, что в ответ на американские испытания отдано указание о проведении серии испытаний новейших образцов советского ядерного оружия. Американцы проводили свои испытания в ответ на советские, а мы — в ответ на американские. Получался замкнутый круг.

Основные испытания намечались на Новой Земле. Безлюдье, пустынная местность создавали иллюзию безопасности.

* * *

В августе отец собрался в отпуск в Крым. Туда же обещал прибыть и король Афганистана Мухаммед Захир Шах. Обычно король отдыхал в Италии или на Лазурном Берегу, но глава правительства соседнего государства так настойчиво расхваливал прелести Черного моря и крымских пляжей, что игнорировать приглашение становилось просто неудобным.

Приезд короля отец расценивал как свою личную победу. Упрочение дружеских связей с королевством давно стало стратегической целью. Сложная граница в горах требовала спокойствия. Ее укрепление, содержание там войск обошлись бы стране в миллиарды рублей. Первую попытку установления взаимопонима-

ния с королем отец предпринял еще в конце 1954 года, когда они с Булганиным остановились в Кабуле по дороге домой из Индии. Король принял их с подобающими почестями, но на сближение не шел, побаивался коммунистов. Отец рассказывал, как он отверг все, даже самые нейтральные предложения об оказании помощи, в частности в строительстве хлебозавода и госпиталя. Другие страны принимали подношения с благодарностью, здесь же за благодарностью последовал вежливый отказ.

Потребовались годы дипломатической настойчивости, чтобы король поверил в наше дружеское расположение, искренность намерений, перестал опасаться подвоха и даже нападения с Севера.

К 1962 году отношения с Афганистаном я бы назвал дружественными. Король доверял нам настолько, что согласился на прокладку дороги от границы, разделяющей наши две страны, до Кабула. Не возразил он и на осторожный зондаж о возможности строительства ответвления от трассы к иранской границе. Если основная ветвь служила исключительно торговым целям, снабжению города товарами, поступающими из Советского Союза, то возможность выхода к иранской границе обеспечивала маневр в случае возникновения военного конфликта. Строительство дороги отец считал высшим проявлением межгосударственного доверия, ведь она легко могла превратиться из торгового пути в стратегическое средство сообщения.

В то лето отец приложил немалые силы, стремясь убедить соседей в нашем миролюбии. Все свободное время он проводил с королем. Они поднимались в горы, в крымский заповедник полюбоваться на оленей. Объехали все южное побережье. Встречались почти ежедневно. Вместе купались, нередко обедали в семейном кругу. Король к отцу на дачу приезжал с наследником, женщины оставались дома.

Казалось, все шло удачно. О южной границе можно не беспокоиться.

* * *

11 августа на орбиту вышел космический корабль «Восток». В нем находился Андриан Николаев. На

следующий день по соседней орбите завращался шарик с Павлом Поповичем. Все вместе это называлось групповым полетом. Космонавты связывались друг с другом по радио, медики по телеметрии сравнивали влияние космических условий на два человеческих организма.

Приземлились они 15-го. К третьему полету острота восприятия прошла, но когда Козлов, позвонив отцу, осведомился о церемониале встречи, он решил ничего не менять: «Они рисковали жизнью, пусть порадуются, и москвичи вместе с ними».

Отец прервал отпуск и вернулся в Москву. Король проследовал дальше, на Лазурный Берег. Встречу космонавтов обставили не менее торжественно, чем в первый раз, но искренности поубавилось, стала ощущаться казенная обязательность «в проведении мероприятия».

* * *

В Женеве наконец удалось достигнуть согласия. Отец отступился, он понял, что уговорить США пойти на полное прекращение взрывов не удастся. По его мнению, дело тут не в контроле. Для такого решения мир еще не созрел. Невозможно разом остановиться на полном ходу.

На пресс-конференции в Белом доме 30 августа президент Кеннеди заявил, что он готов прекратить с 1 января 1963 года все испытания ядерного оружия, кроме подземных. Конечно, на основе взаимности со стороны Советского Союза.

Наш представитель на переговорах в Женеве Василий Васильевич Кузнецов 3 сентября получил директиву согласиться на запрещение испытаний в трех средах.

Одновременно последовало указание Ефиму Павловичу Славскому подготовиться к работе в новых условиях. Зарываться под землю.

В оставшиеся до наступления Нового года дни обе стороны стремились перещеголять друг друга, ведь больше подобной возможности не представится. Взрывы на Новой Земле, в Семипалатинске и на тихоокеанских островах гремели, не затихая.

Единственным человеком, взволнованным решением о проведении новой серии испытаний, оказался Андрей Дмитриевич Сахаров. Он снова обивал пороги, предупреждал, требовал, но все воспринимали его протесты как блажь, причуды теоретика — все они, мол, немного не от мира сего.

После прошлогодней июльской стычки с отцом в Овальном зале Кремля Сахаров понимал: испытания не остановить. Сейчас он беспокоился по конкретному поводу. Чудовищный взрыв на Новой Земле ему представлялся нецелесообразным. В своем мнении он оказался одинок, остальные специалисты высказывались за.

Отчаявшись, Сахаров решил дозвониться до отца. Это оказалось нелегко, он в те дни, нигде не задерживаясь надолго, объезжал республики Средней Азии.

Сахарову удалось поймать отца в Ашхабаде. Когда помощник доложил, кто звонит, и осведомился, что ответить, отец догадался, о чем пойдет речь. Ему вспомнился прошлогодний спор, оставивший неприятный осадок на душе. Как и большинство нормальных людей, отец не любил неприятных разговоров и по возможности старался их избегать. В данном случае объяснение представлялось ему бессмысленным. Правительство, взвесив все обстоятельства, приняло решение. Ученые высказались за взрыв, один Сахаров — опять против.

Появилось мимолетное желание не брать трубку, помощник придумает благовидный предлог. Но отец отогнал трусливую мысль, после той размолвки его отказ от разговора приобретет особый смысл. С Сахаровым так поступать нельзя, его необходимо выслушать, а если он не прав, то разъяснить, убедить, поспорить, в конце концов.

Я, конечно, не могу воспроизвести разговор, отец находился в Ашхабаде, а я в Москве. У меня сохранились лишь воспоминания о его рассказе. Он не воспринял доводов Сахарова, они показались отцу наивными. Сахаров, со своей стороны, тоже не понимал отца: как можно сиюминутные выгоды, военные или политические, возвышать над судьбой всего человечества? Отец убеждал Сахарова, что он преувеличивает опасность взрыва, все его коллеги, не меньшие профессионалы,

чем он, гарантируют успех и разумную безопасность. Спор зашел в тупик, и отец решил схитрить. Он предложил Сахарову изложить свои доводы Козлову, пусть разберется. Он ему даст поручение. Разговор закончился, оставив неудовлетворенными обоих собеседников.

Отец тут же попросил соединить его со Славским. Тот еще раз подтвердил: испытывать надо, все проверено и перепроверено. Сахаров просто паникует. Славский предложил приблизить время взрыва. Когда все произойдет, спорить окажется не о чем. Отец согласился. Когда Сахаров достучался в Москве по указанным адресам, действительно, предмета спора больше не существовало, он испарился вместе с металлической вышкой.

* * *

Отец не отмахнулся от своих разногласий с Сахаровым. Он не согласился с ним, но и не записал его в стан своих противников. Он верил в свою политическую правоту и прощал наивное заблуждение ученому. Каждый остался при своем мнении. О своих столкновениях с Сахаровым отец не раз рассказывал в те далекие годы, когда находился у власти. И в отставке, когда оба они попали в разряд диссидентов, отец не переменил свои оценки событий прошедших лет. Уверенность в правильности принятых тогда решений сохранилась. Он не воспринимал одного — преследований со стороны властей выдающегося ученого. Это он считал непростительной ошибкой, проявлением государственной слепоты. По его мнению, следовало не бороться с Сахаровым, а дискутировать с ним. Только совместно можно докопаться до истины.

Я не думаю, что Сахаров и отец могли прийти к общему решению, они принадлежали разному времени, по-разному оценивали одни и те же события. В одном они сходились — и тот и другой, каждый посвоему, искренне пытались нащупать путь, избавляющий человечество от гибели, ведущий к справедливости и лучшей жизни.

* * *

По установившемуся обычаю, по результатам испытаний, против которых так протестовал Сахаров, составили обширные списки к награждению. Чиновники не включили в них фамилию Сахарова. О его острых столкновениях с отцом знали все.

Отец возмутился.

— С такими людьми, как Сахаров, надо разговаривать, убеждать их, а не бороться, — повторил он запомнившиеся мне слова.

Сахарову вручили третью Звезду Героя Социалистического Труда.

Вскоре Славский вновь заговорил о взрыве стомегатонного заряда. Отец на сей раз отозвался однозначно отрицательно: на Земле нет места, где это можно сделать безнаказанно. Сверхмощный заряд сохранился только как средство давления в политических спорах.

16 октября в Тихом океане американцы попытались произвести очередной взрыв в космосе, но потерпели неудачу. Снова отказала ракета «Тор», на сей раз вышел из строя двигатель.

* * *

Однако вернемся к событиям того лета. 19 июля отец прибыл в Мурманск. До начала запланированных учений Военно-морского флота он хотел посетить рыбаков, осмотреть город, поинтересоваться жизнью северян. Встреча прошла пышно. К тому времени уже выработался определенный ритуал, который в значительной степени превращал деловую поездку в торжественное шествие. Отец морщился, но не находил в себе сил стукнуть кулаком по столу.

Пока в Мурманске говорились торжественные речи, в Североморске срочно заканчивались приготовления. Боевые корабли занимали предписанные расписанием позиции.

Моряки намеревались показать все, чего они достигли за 7 лет, истекшие с момента объявления подводного флота основной ударной силой. Промежуточная демон-

страция успехов на Черном море серьезно в расчет не принималась: там негде развернуться, со всех сторон берега. Не то что здесь, на Севере, с вольным выходом в Атлантику.

Встречал отца новый командующий Северным флотом адмирал Касатонов, по случайному стечению обстоятельств он же демонстрировал достижения моряков и в 1959 году в Севастополе.

Расписание показа за прошедшие годы успело обрести свои традиции — сначала демонстрация образцов оружия на земле, а затем показ его возможностей в деле.

Чего только не было в хранилищах флотского арсенала, приспособленных временно под выставочные залы!

В одном размещались баллистические ракеты, от первой со скромной дальностью стрельбы в 150 километров до современной, стартующей из-под воды на сотни миль. Тут царил Виктор Петрович Макеев.

В соседнем ангаре-хранилище, где были собраны крылатые ракеты, первенствовал Челомей. Его ракеты, стреляющие по берегу и предназначенные для поражения кораблей, устанавливались на подводных лодках и крейсерах, на береговых батареях. Последнее время он примеривался и к катерам.

Однако, в отличие от Макеева, Челомей не стал монополистом, рядом пристроились микояновские «Кометы», березняковские П-15. И тем и другим вскоре предстояло освоить акватории, прилегающие к Кубе.

Дальше шли торпеды, глубинные бомбы и множество других орудий, приспособленных для уничтожения людей. Во всех, точнее, почти во всех предусматривалась возможность оснащения ядерным зарядом. Докладывали офицеры флота, конструкторы стояли рядом, чтобы прийти на помощь в случае трудного вопроса. Практически каждый докладчик — тексты сообщений были многократно прорепетированы и утверждены главнокомандующим — по заведенной традиции сравнивал степень разрушительного воздействия «своего» вида вооружения со «старым» зарядом и «новой», предполагаемой к испытаниям ядерной боевой частью. Решение о проведении еще одной серии взрывов завизировали все, оставалась только подпись отца. Он ее

поставил без обсуждений. Документ вечером ушел в Москву, а 22 июля решение Советского правительства опубликовали все газеты.

Здесь, на Севере, отец впервые своими глазами увидел атомные подводные лодки. Самые первые, вооруженные торпедами и только начавшие осваивать еще совсем недавно практически недоступные рубежи у берегов США. Пришли на флот и первые ракетные подводные корабли. Правда, пока не такие, как предмет нашей зависти американская «Патрик Генри». Против их 16-ти Макееву удалось втиснуть в рубку всего 3 ракеты. Но это только начало. На стапелях уже закладывались корабли по образцу заморских, и дальность стрельбы Макеев обещал поднять.

В конце первого дня предстояла особенно приятная процедура. Экипажи атомных подводных лодок, совершивших первый в истории нашего флота дальний поход без всплытия на поверхность, принимали правительственные награды. Командующему флотилией подводных лодок контр-адмиралу Александру Ивановичу Петелину и герою дня командиру атомной подводной лодки, сводившему ее неприметно для чужих глаз к американским берегам, капитану второго ранга Льву Михайловичу Жильцову отец вручил Звезды Героя Советского Союза.

Утром 21 июля под звуки оркестра отец, Козлов, Брежнев, Кириленко, Устинов в сопровождении министра обороны маршала Малиновского и главнокомандующего Военно-морским флотом адмирала флота Горшкова поднялись на борт флагмана Северного флота крейсера «Адмирал Ушаков». Выждав, когда закончится церемония торжественной встречи, за ними гуськом последовали остальные участники показа, как штатские, так и военные. Обширная палуба крейсера заполнилась разноликой толпой и стала чем-то напоминать круизный теплоход. Вот только погода стояла по-северному суровая. Несмотря на июль, воздух по-осеннему бодрил. Когда же солнце спряталось за тучу, стало откровенно холодно. Военные запахнулись в шинели, штатские, кто попредусмотрительнее, натянули демисезонные пальто. Более легкомысленным пассажирам, понадеявшимся на календарь, выделили из флотских запасов бушлаты.

Прошло 8 лет после тихоокеанского похода отца на

крейсере «Михаил Калинин». Флот разительно переменился. Не было ни атак торпедных катеров, подбирающихся к самому борту флагмана под прикрытием дымовой завесы, ни беглого огня, отгоняющего их эсминцы.

Демонстрировалась иная война, предстояло поразить противника, расположенного где-то необозримо далеко за горизонтом. После выхода в открытое море вдоль борта крейсера прошла и погрузилась, готовясь к стрельбе, одна из первых советских атомных ракетных лодок. Местное начальство очень гордилось чудовищным совпадением — ею командовал Александр Сергеевич Пушкин.

* * *

Через несколько лет, в конце 60-х годов, близнец этой лодки погибнет в северных водах Тихого океана. Как это было принято у нас, безгласно. Никто не признает ее своей. Вокруг ничейного корабля, лежащего на глубине многих сотен метров, завяжется интрига. ЦРУ решит завладеть советскими секретами. Раз лодка стала ничейной, то на нее мог заявить свои права любой.

Потратив сотни миллионов долларов и создав уникальные средства подъема судов с большой глубины, американская разведка осуществит свой план. Правда, не вся целиком, но большая часть подводной лодки всплывет на поверхность.

В ничейном корабле найдут останки более ста советских моряков и по традиции, под звуки советского гимна, исполненного американским оркестром, предадут не востребованные Родиной тела океану.

Никаких секретов, способных компенсировать затраченные ЦРУ средства, на лодке не обнаружится. К тому времени безнадежно устареют не только заключенные в ее рубке три макеевские ракеты, но и весь корабль. К тому же, пока соблюдая все предосторожности, накрыв добычу от взоров советских спутников-разведчиков специальной крышей, остатки лодки начнут транспортировать в порт, разыграется шторм. Под ударами волн прогнившая посудина переломится, и значительная ее часть снова скроется в океане, на еще большей глубине. Теперь уже навсегда.

На специальном слушании руководству ЦРУ пришлось признать неэффективность произведенных огромных затрат. Больше попыток подъема затонувших советских кораблей не предпринималось.

* * *

Пока же ракетная подводная лодка выходила на боевую позицию. Она должна была продемонстрировать последнее достижение — подводный старт баллистической ракеты. Присутствовавшие сгрудились на борту крейсера: одни с равнодушием зрителей, другие — в напряжении сопереживания.

Наконец, совсем не там, куда все вглядывались, а значительно правее по курсу, из-под воды выскочила кажущаяся на расстоянии миниатюрной ракета. Вначале она чуть накренилась, все замерли. Тут взревел двигатель, ракета выровнялась, и через несколько десятков секунд в вышине виднелась только яркая звездочка.

Виктор Петрович Макеев принимал поздравления. Еще недавно казавшийся фантастикой старт из-под воды обрел реальность. Подводные лодки стали на самом деле подводными.

...Я не стану описывать многочисленные торпеды с обычными и ядерными зарядами, средства борьбы с подводными лодками, вертолеты и самолеты. День прошел насыщенно, одна учебная атака сменяла другую.

Так в хлопотах учений, постепенно огибая Кольский полуостров, крейсер продвигался к горлу Белого моря. Попутно он ненадолго заходил в рассыпанные по побережью военно-морские базы и стоянки. Их посещение гостями входило в план показа.

Наступила очередь крылатых ракет. Сначала с подводной лодки, державшейся неподалеку от крейсера, одна за другой стартовали две П-5 и, отсвечивая зажженными по случаю присутствия начальства яркими огнями трассеров, постелились низко над волнами в сторону невидимой цели. Эту ракету уже демонстрировали отцу два года тому назад в Севастополе. За П-5 последовали новинки. На полном ходу стал обходить флагманский крейсер его младший собрат, эскадренный миноносец «Грозный». На носу и на корме вместо традиционных пушек возвышались громоздкие четырехтрубные сооружения, отдаленно напоминающие тор-

педные аппараты. Только глядели они не в воду, а вверх, в небо.

«Грозный» представлял серию новых ударных кораблей, на которых традиционную артиллерию главного калибра заменили челомеевские крылатые ракеты, способные поражать корабли противника на немыслимой раньше дальности.

Сегодня предстоял первый пуск ракеты с боевого корабля. «Грозный» сбавил ход, дал догнать себя тяжеловесному флагману. Трубы плавно развернулись поперек борта, в молчаливом безлюдье открылись выпуклые крышки гигантских пусковых контейнеров. Послышался негромкий пронзительный свист, начал раскручиваться двигатель ракеты. Его быстро сменил уверенный рев. Казалось, звук приблизился к пределу восприятия. Но нет! Стократ усиленный грохот пороховых ускорителей вытолкнул изящную ракету из трубы. Незаметно для глаз хлопнули раскрывшиеся в момент крылышки. Через несколько секунд все кончилось, ракета унеслась за горизонт. Потянулись минуты томительного ожидания. Естественно, томительным оно было для нас, причастных к кораблю и его вооружению, остальные зрители беспечно болтали в ожидании продолжения «спектакля».

Наконец торжествующий голос диктора разнес по палубе: «Цель поражена».

Челомей облегченно вздохнул. Ракета летала, уже второй год, попадала устойчиво, но в присутствии начальства так часты «визит-эффекты».

Отец поздравил Владимира Николаевича. Тот решил воспользоваться благоприятной обстановкой. Дело в том, что первоначально планировалась большая серия подобных кораблей. Но... поменялась точка зрения, крейсера и эсминцы «вышли из моды». Вместо запланированных десятков кораблей решили достроить уже заложенные на верфях четыре головных и этим ограничиться.

Обращаясь к одному отцу, Челомей стал расписывать достоинства ракеты, указывая на то, что с ее появлением надводный флот качественно изменился. Увеличилась дальность стрельбы, промахи стали исключением. Новые эсминцы представляют собой грозную силу, и нерационально ее искусственно ограничивать.

Отец внимательно слушал Генерального конструктора. Наконец Челомей замолчал.

Ракета отцу понравилась. Тем не менее он спешил согласиться с доводами Генерального конструктора.

— А на подводную лодку эту ракету разве нельзя поставить? — задал он вопрос.

По тону я понял, что решение будет не в пользу эсминцев.

Челомей ответил, что там к оружию предъявляются специфические требования, подобные изделия существуют, их продемонстрируют в действии примерно через час.

Отец удовлетворенно кивнул.

— А как ваш «Грозный» защищен с воздуха? Его что, невозможно потопить? — поинтересовался отец.

Теперь уже всем присутствующим стало ясно, куда он клонит. Челомей сообщил, что на эсминце установлены зенитные ракеты, зенитные автоматы, но, конечно, абсолютной неуязвимости они не гарантируют.

— Не будем зря расходовать деньги, — подвел итог отец, — для нас такие надводные корабли — недопустимая роскошь. Давайте, как и решили, держаться подводных лодок.

Отец сел на своего конька, стал долго и подробно обосновывать преимущества для нашей сухопутной державы подводного флота над надводным. Эти споры уже давно отгремели. Присутствующие наизусть знали все аргументы, но перебить отца никто не осмеливался. Наконец отец иссяк и отрезал:

— Ограничимся четырьмя эсминцами, по одному на каждый из четырех флотов.

Казалось, тема «Грозного» до конца исчерпана. Однако у командующего флотом оказался в запасе еще один вопрос: он испрашивал разрешения перевести корабль из эскадренных миноносцев в разряд легких крейсеров.

Отец с удивлением посмотрел на Касатонова. Он не понял, зачем это нужно. Адмирал пояснил: ракетное оружие обеспечивает кораблю ударную силу, превосходящую возможности даже такого тяжелого крейсера, как «Адмирал Ушаков». Крейсеры сейчас не строят, так что через несколько лет этим кораблям предстоит стать флагманами.

Отец ждал продолжения.

Касатонов перешел к главному — подъем на ступеньку в корабельном табеле о рангах позволит улучшить положение служащих на корабле офицеров. Каждый из них в этом случае получит право на присвоение очередного звания.

Отец заулыбался. Наконец-то до него дошло, чего добивается адмирал. Тут у него возражений не возникло.

Так у нас появилось четыре новых ракетных крейсера. Головной сохранил присущее эсминцам старое название, их испокон веку крестили прилагательными. За «Грозным» последовали «Варяг», «Адмирал Головко» и «Адмирал Фокин». Вот уже почти тридцать лет они несут свою службу.

Тем временем подошла очередь следующего старта. Челомей пригласил отца к борту крейсера, через считанные минуты подводная лодка произведет пуск крылатой ракеты из-под воды. Такого не умели даже американцы. Все прошло гладко. Почти не нарушив поверхности моря, из глубины выскочила похожая на баклана короткокрылая ракета и с утробным рокотом унеслась вдаль. Как следует разглядеть ее зрителям не удалось. Все произошло в считанные секунды... Испытания закончились удачно. Ракете еще не пришло время поражать цель, пока она только училась выныривать на поверхность.

К вечеру 22 июля крейсер пришвартовался у причала Архангельского порта. На следующий день, после беседы в обкоме, отец продолжил знакомство с новым вооружением. Речь шла о перспективе. Крылатые, баллистические ракеты разных назначений и конструкций, в виде рисунков и моделей, заполнили столы и специально сделанные к торжественному случаю стенды, размещенные в помещениях штаба одной из военно-морских частей.

Основной раздел посвящался военному использованию космоса: разведка, навигация, связь. Тогда это выглядело экзотическими новинками.

У макета одного из спутников вышла заминка. В силу специфики его использования на борту потребовалась необычно большая электрическая мощность. Солнечные батареи не тянули. Решили установить портативный ядерный реактор. До той поры подобные устройства Земли не покидали.

Особо всех беспокоила проблема безопасности: после окончания срока службы спутнику предстояло сгореть в атмосфере. Специалисты утверждали, что ничего трагичного произойти не может, но Челомей не хотел рисковать. Отработавший свое реактор он решил отделять от остальной конструкции и с помощью пороховика уводить на высокую орбиту. Там, на космической свалке, ему предстояло болтаться, пока наши потомки не придумают, что же им делать с неприятным наследством.

Решение устроило всех. Однако успокаиваться оказалось преждевременно. Склонная к отказам аппаратура сыграла злую шутку. Во время испытаний одной из модификаций спутника реактор не отделился. Не сработал и запасной аварийный канал, а вскоре спутник вообще перестал отзываться на истерические запросы с Земли. В Москве возникла некая паника, совещания следовали непрерывной чередой — одни искали виновных, другие выколачивали из разработчиков бумагу, гарантирующую безопасность. Как будто она могла кого-нибудь прикрыть.

Особенную нервозность вызвала необходимость оповестить мир о происшедшем, специалисты не могли предсказать, где упадет непрошеный гость и что повлечет за собой его падение.

Главный конструктор реактора хранил молчание. В конце концов под давлением из ЦК он написал в заключении, что ядерный взрыв исключается, а другие последствия он предсказать не берется. В самом конце документа стыдливо признался, что если не разрушится защита, то не исключен тепловой взрыв мизерной мощности, не более пяти килотонн. Дальше говорилось, что его вероятность исчезающе мала.

В ЦК схватились за голову, потребовали убрать приписку, но Главный стоял на своем: вы просили заключение — я написал обо всех теоретических возможностях. А публиковать или умолчать — решайте сами. Решили умолчать.

Потекли дни настороженного ожидания. С каждым оборотом спутник приближался к Земле, вот-вот он зацепится за атмосферу и рухнет вниз. Теплилась надежда, что произойдет все над океаном и обломки скроются под водой. Не повезло. Спутник развалился над Кана-

дой, остатки конструкции дождем рассыпались по тундре. К счастью, обошлось, взрыва не произошло. Никто не пострадал.

Но это все впереди. Пока страсти разгорелись вокруг типа реактора: он должен сочетать в себе надежность с минимальным весом.

Академик Александров стоял за тепловой — он надежнее, член-корреспондент Лейпунский считал аргументы Александрова смехотворными, по его мнению, ставить на спутник необходимо реактор на быстрых нейтронах. Ни у себя в министерстве, ни у заказчика они договориться не смогли.

Многоопытный Александров в качестве арбитра выбрал отца. В конце доклада офицера-стендиста, когда отец уже собрался идти дальше, он вмешался и стал излагать преимущества теплового варианта. Отец в легком недоумении слушал, но академика не прервал. К нему он относился с огромным уважением, как к родоначальнику атомных кораблей — подводных и надводных.

Говорил Александров сбивчиво, то и дело скатывался на понятные только специалисту технические подробности.

— Товарищ Александров, вы хотите, чтобы я за вас решал, какой реактор ставить? А вы за что деньги получаете? — произнес отец с благодушной улыбкой. — Вы мне лишнего не рассказывайте. Сами выбирайте, сами и отвечайте, а меня к себе в компанию не тащите.

Отец, потянувшись, похлопал рослого академика чуть пониже плеча, куда удалось достать, и увлек его к макету следующего спутника.

В музеях и на выставках ноги всегда устают быстрее. Обходя экспонаты, отец изрядно утомился. Сначала он не подавал виду, бодрился, но в конце концов не выдержал. О построении системы глобальной разведки докладывал один из идеологов строительства флота в космический век капитан первого ранга Константин Константинович Франтц. Отец внимательно слушал, в этом зале экспонат оказался последним. Когда сообщение окончилось, он не двинулся дальше, а, оглянувшись по сторонам, то ли спросил, то ли попросил:

— Стула у вас не найдется?

Кто-то притащил из соседней комнаты стул и поставил перед отцом. Он собрался было уже сесть, но глянул на толпящуюся сзади «свиту», на вытянувшихся перед экспонатами специалистов и усовестился. Как бы очерчивая круг, отец повел рукой:

— Всем, всем.

И совсем по-домашнему добавил:

— Давайте посидим, отдохнем. Совсем ноги не держат.

Принесли стулья, обычная в таких случаях сумятица быстро улеглась. В комнате повисло молчание. Никто не считал себя вправе нарушить тишину в присутствии отца.

Немного отдышавшись, отец взял инициативу на себя.

— Понаделали вы множество всяких необыкновенных вещей, — произнес он, поочередно перебрасывая взгляд с одного лица на другое, — просто чудо. Вот только, дай Бог, чтобы не пришлось все это применить.

Отец замолчал, задумавшись. Потом встрепенулся и стал рассказывать о своей встрече с Кеннеди в Вене в прошлом году.

Рассказ отца в Архангельске у меня не отложился в памяти, стерся массой похожих, слышанных в других местах. О его содержании мне недавно напомнил приставленный в те дни к макету одного из разведывательных спутников ведущий конструктор из нашего конструкторского бюро.

Человек в высшей степени тонкий и внимательный, он запомнил не только слова, но и интонации и настроение рассказчика. Свои рассуждения отец начал с оценки подхода различных мировых лидеров к проблемам войны и мира. У каждого из них: Эйзенхауэра и де Голля, Идена и Ги Молле, Насера и Мао Цзэдуна были свои позиции, свои особенности, но, по мнению отца, все они вышли из «холодной войны» и теперь не могли отрешиться от закостенелых стереотипов. «Чтобы поверить в реальность жизни без войны, нужно на мир взглянуть в другой плоскости, по-новому, — вещал отец. — Это очень трудно».

Отец на минуту замолчал. Снова повисла тишина. Он продолжал: «Тем приятнее мне было разговаривать с новым президентом США. Кеннеди смотрит на мир

8—965

по-иному, он, чувствуется, на самом деле хочет найти выход из тупика».

Тут же отец добавил, что Джон Кеннеди многого не понимает, одного — из-за недостатка политического опыта, другого — из-за узости классового мышления. Первое легко исправится, опыт дело наживное, со вторым придется считаться, ничего не поделаешь. В качестве примера он привел «реакционную» позицию президента США, выступившего в Вене против освободительных войн порабощенных народов.

— Ничего не поделаешь, он представитель своего класса, — снова уже с улыбкой произнес отец. — Не это основное. Главное, он искренне хочет мира. С ним можно работать, он цепко держит американскую политику в своих руках.

Снова по комнате разлилась пауза.

О чем задумался отец? Где он был? Кто знает? Как бы очнувшись, он неожиданно вполголоса произнес:

— Кеннеди — человек, рожденный для президентства. Все у него есть: и культура, и умение вести переговоры, и твердое понимание своих целей, и трезвая оценка намерений оппонента.

Он еще немного помолчал и закончил неожиданно:

— Вот только для американцев он слишком хорош. Они от него избавятся...

Отец не ожидал реакции, казалось, он вообще не замечал слушателей. Прошло еще несколько мгновений, отец решительно встал, отдых закончился. За ним, гремя стульями, стали подниматься остальные.

— Пошли дальше. Что вы нам еще приготовили? — совсем другим тоном обратился отец к Горшкову. Вся группа двинулась дальше.

На следующий день отец возвратился в Москву.

* * *

Еще через день, 25 июля, он принимал с прощальным визитом посла США Ллевелина Томпсона. Отец немного жалел, что посол покидает Москву. Он привык к нему, уважал за ум, проницательность, выдержку, а больше всего за стремление вникнуть в суть происходящего в нашей стране, найти взаимоприемлемые для

наших стран решения. Немаловажными стали и чисто человеческие симпатии, не только сам посол, но и его приветливая, доброжелательная жена Джейн вызывали искреннее расположение отца.

С другой стороны, отец не скрывал удовлетворения от нового назначения Томпсона. При президенте Кеннеди ему предстояло заняться русскими вопросами. Рядом с президентом будет постоянно находиться человек, знающий о нашей жизни не понаслышке, а поварившийся в московской «кухне», знакомый практически со всем и со всеми.

Отец заранее предупредил маму, что пригласит посла с семьей на дачу пообедать на прощание. Подобного знака исключительного внимания не удостаивались даже представители дружественных держав.

День прощания совпал с началом массовой отправки наших судов с военными грузами на Кубу. В узком кругу отец еще раз обсудил проблемы, связанные с переброской туда ракет береговой обороны, катеров и подводных лодок. Горшков получил последние указания и приступил к выполнению намеченного плана.

Атмосфера на даче сложилась непринужденной, почти семейной. Две дочери посла подарили, как это делают все дети во всех странах, дедушке свои рисунки. Джейн Томпсон тоже преподнесла отцу прощальный подарок. Мило улыбаясь, на своем не очень правильном русском языке она сказала, что долго раздумывала, что бы подарить не для собирания пыли на полке. Тут она вытащила из своей сумки небольшую коробочку и достала оттуда грубовато сделанную толстостенную большую стеклянную рюмку. На лице отца проступило откровенное недоумение. Он пригляделся, рюмка выглядела необычно: казалась почти полной.

Джейн Томпсон насладилась произведенным эффектом. Продолжая улыбаться, стала пояснять: на такой должности, как у отца, часто приходится бывать на приемах. В России, где такая масса тостов, это тяжелая для здоровья работа. Она не раз наблюдала, как заставляют пить до дна. С этой рюмкой отец сможет не переживать за столом: она всегда полна и ее без опаски можно опорожнять раз за разом.

Джейн продемонстрировала, как это надо делать, лихо опрокинув пустую рюмку в полуоткрытый рот.

— Она внутри из стекла, — пояснила миссис Томпсон, — создается впечатление полной, а на самом деле там чуть-чуть.

Вплотную, сблизив указательный и большой пальцы левой руки, она показала сколько.

Отцу подарок пришелся по душе. За обедом он пользовался только им и впоследствии, появившись на каком-либо приеме, не раз со словами: «Я из своей», вытаскивал из кармана заветный сосуд. Отец искренне потешался над всеобщим замешательством, а потом с удовольствием делился своим секретом.

Сохранил он эту экзотическую посудину до конца своих дней. В отставке, после заболевания поджелудочной железы, он вообще перестал употреблять спиртное, по большим праздникам отец выставлял перед собой подарок, наливал туда два миллиметра коньяка. Над белым стеклом, заполняющим рюмку, он растекался меленьким коричневым озерцом. И обязательно рассказывал о том, кто преподнес ему эту игрушку. После смерти отца она затерялась, как и многие другие памятные мне вещи.

За столом серьезных разговоров не велось. Отец вспоминал свой визит в США, говорил о гостеприимстве и открытости американского народа, тепло отозвался о встрече с президентом Кеннеди в Вене. Правда, он не преминул посетовать, что его собеседник не понимает неизбежности изменений в мире, стремится его «законсервировать», а это еще никому не удавалось.

Немного поговорили о назначении, ожидающем посла. После обеда отец с Томпсоном пошли пройтись, а мама с Джейн остались на веранде, у них завязался свой разговор.

Прощание было теплым, я бы даже сказал, дружеским. Отец пошутил, что президент сделал хороший выбор. Посол вежливо поблагодарил за гостеприимство.

Джейн Томпсон оказалась среди тех немногих, кто в 1971 году прислал соболезнование по поводу смерти моего отца.

* * *

Когда посол Томпсон прибыл в США, ничто не предвещало нового всплеска напряженности. В Советском Союзе опубликовали долгожданный указ об увольнении в запас части военнослужащих.

Президента Кеннеди немало заботило отставание США в космосе. Подтверждением тому послужил новый полет советских космонавтов, теперь уже разом на двух «Востоках», запущенных один за другим с интервалом в сутки. 22 августа на пресс-конференции в Белом доме он с сожалением констатировал, что США запоздали со строительством мощных ракет-носителей.

Не прекращалась глухая возня вокруг Берлина, затихнувшая было на время. Она всколыхнулась в связи с годовщиной установления разграничительной линии, теперь обретавшей все более фундаментальное материальное воплощение в виде стены из железобетонных блоков.

Советское правительство продолжало по старинке давить на Запад, помахивая жупелом сепаратного мирного договора с ГДР. Время от времени призывы в подтверждение серьезности слов сопровождались демонстративными акциями. В августе СССР объявил об упразднении комендатуры советских войск в Берлине. 28 августа Советское правительство уведомило генерального секретаря ООН о своем намерении в ближайшее время подписать мирный договор с ГДР. Правда, дата заключения соглашения предусмотрительно не указывалась.

На мои вопросы, не помешает ли Берлин задуманному на Кубе, отец только загадочно улыбнулся и ничего не ответил. Но честно говоря, перипетии вокруг вольного города и все сопутствующие ему проблемы к тому времени изрядно надоели и не воспринимались мною слишком серьезно.

Как выяснилось позднее, берлинский всплеск задумывался отцом как отвлекающий маневр: уж больно пристально Вашингтон стал приглядываться к Кубе. Его хитрость сработала. Американцы по уже опробованным приватным каналам обратились с просьбой не обострять ситуацию в Европе до конца выборов. Отец

с готовностью согласился — после выборов так после выборов.

Одним словом, мир жил привычной жизнью.

Поток судов, тянущихся на Кубу, нарастал с каждым днем. Зафрахтованные нами грузовозы под иностранными флагами привычно заходили в Гавану и другие крупные порты. Они везли продовольствие, оборудование, топливо и другие обычные грузы. Корабли под советским флагом на подходе к берегам Кубы старались затеряться, раствориться в ночи. К многолюдным причалам они не швартовались, заходили на временные, специально оборудованные стоянки, то тут, то там возникавшие на побережье. Проникнуть к ним с суши оказывалось непросто, все подходы охранялись не говорившими по-испански вооруженными людьми в штатской одежде. Разгрузка велась ночами, и тоже иностранцами в штатском.

Чего только не привозили на этих судах! Из трюмов, через специальные ворота в бортах, выползали хобастые танки, грузовики причудливых форм, бронетранспортеры. Ими сноровисто управляли все те же штатские.

Особое внимание привлекали многоколесные «сороконожки» с причудливыми полукруглыми ложементами на спине. Специалисты в них сразу узнавали пусковые установки «Лун», тактических ракет поля боя. Сами ракеты в длинных, покрашенных грязно-зеленой краской ящиках выгружались поблизости. К прибытию ядерных боезарядов готовились особо.

«Луны» предназначались для обороны стартовых позиций баллистических ракет. В их задачу входил разгром возможного десанта с применением обычной взрывчатки. Установка специальных головок могла производиться только в самом крайнем случае или если американцы первыми пойдут на применение ядерного оружия. Так-то оно так. На бумаге приказы всегда выглядят гладко. Да только в пылу боя командир знает одну команду: «Стоять до последнего», а уж как ее выполнить, решать чаще всего приходится самому.

Но об этом пока не думали. «Луны» урча уползали в отмеченные крестиками на карте места своей дислокации. Краны сгружали на импровизированные при-

чалы множество ящиков различных размеров и конфигураций. Их немедленно отвозили на близрасположенные временные склады. Оттуда колонны ЗИЛов, ГАЗов и МАЗов муравьиными цепочками растекались по всему острову.

В условных пунктах на побережье из ящиков извлекались самолетики, схожие с уже знакомыми на острове МИГами, но без кабин. Одни устанавливались на катапульты, увозились на побережье и там маскировались. И вот уже ракетные батареи береговой обороны изготовились к отражению нападения с моря. Другие уходили в глубь острова. Если «Луны» стреляли на пару десятков километров, то фронтовые крылатые ракеты, а так называлась эта модификация беспилотных МИГов, могли поразить цель на расстоянии почти в десять раз большем.

В кубинские порты по ночам из мест разгрузки судов приходили необычные катера. Там, где обычно на корме располагались торпедные аппараты, у них горбились какие-то сараюшки, походившие на курятники. Катера швартовались подальше от любопытных глаз. Только особо посвященные знали, что в этих домиках скрыты миниатюрные крылатые ракеты, способные с расстояния в несколько десятков километров пустить ко дну вооруженный самыми мощными пушками военный корабль. При этом сами катера оставались недосягаемыми для артиллерии противника. Если повезет, не перехватят с воздуха, то такой катер вполне мог потягаться и с авианосцем. Кубинцам особенно нравились эти суденышки, как бы уравнивающие их в силах с могучим соседом. Склонные к звучным именам американцы метко прозвали их «комарами».

Особое значение придавалось защите от воздушного нападения. Если американцы решатся на этот шаг, то в первую очередь они обрушат на ракеты бомбовый удар. По всему периметру Кубы, особенно часто со стороны, развернутой к Соединенным Штатам, устанавливались батареи зенитных ракет.

Молодые, одетые в легкие спортивные рубахи и синие штаны, белотелые, не успевшие еще загореть на тропическом солнце ребята сноровисто отрывали капониры где с помощью экскаваторов «Беларусь»,

а чаще привычно, по-нашему, лопатами. Туда загонялись пусковые установки и, согласно уставу, накрывались маскировочными сетями.

Как и находящиеся на подходе баллистические ракеты, зенитные комплексы обслуживались только советскими военнослужащими и подчинялись только советскому командованию.

Зенитные пушки передавались в распоряжение кубинской армии. Им предстояло оборонять остров от низколетящих самолетов, в первую очередь устаревших, таких, как Б-26. Невозможно было, нарушив воздушное пространство республики, не наткнуться на ощетинившуюся в небо стволами зенитную батарею. Советские инструкторы с ног сбились, объезжая пункт за пунктом, приводя оружие в боевое состояние и обучая кубинцев обращению с ним.

Сухопутную оборону дополняли и укрепляли самолеты. По всей длине острова, примерно на равных расстояниях друг от друга, вытянулись пять военно-воздушных баз, а точнее, просто аэродромов. Три тяготеющие к центру острова прикрывали от возможного воздушного нападения Гавану и, главное, стартовые позиции баллистических ракет, неуязвимых в полете, но абсолютно беззащитных на земле.

Здесь собирали доставленные в ящиках сверхзвуковые истребители МИГ-21. Главным их назначением был перехват нападающих самолетов противника, но за короткое время они могли превратиться во фронтовые истребители-бомбардировщики и отправиться на штурм сухопутных позиций или морского десанта.

На двух крайних аэродромах, в западной и восточной оконечностях острова, разместились ИЛ-28. Выбираться за пределы зоны действия своей противовоздушной обороны они не намеревались, опасаясь стать легкой добычей истребителей противника. Облетая побережье, они могли эффективно нести патрульную службу, а при надобности атаковать обнаруженный десант.

Эти средства предназначались для обеспечения неприкосновенности баллистических ракет. Набиралось

их немало: восемьдесят фронтовых крылатых ракет, почти полторы сотни «75-х», тридцать четыре «Сопки». Так официально называлась береговая противокорабельная система, вооруженная «Кометами». К ним добавлялись девять «Лун». Все перечисленные ракеты могли нести ядерное оружие. Правда, в данном случае чисто теоретически. Кроме «Луны», конечно. Здесь от теории до практики расстояние уменьшалось до одного шага, до одной команды на пристыковку специальных боевых частей. Арсенал дополняли сорок МИГ-21 и сорок два ИЛ-28. Двенадцать «183-х» катеров, каждый с двумя самонаводящимися ракетами на борту, могли оказать серьезное сопротивление любому десанту.

Баллистические ракеты. На них сосредоточивались все помыслы, ради них проводилась вся эта грандиозная операция. Именно в места их будущего расположения: в Сан-Кристобаль и Гуанахай на восточной оконечности Кубы и ближе к центру острова в Сагуа-ла-Гранде и Ремеднос направлялся основной поток грузов. К прибытию ракет требовалось серьезно подготовиться, разместить войска — а их набралось немало, — оборудовать позиции, сделать все, что охватывается емким словосочетанием «организация обороны». Тут сосредоточились танки, артиллерия, обозначились рубежи пехотных соединений. В случае столкновения ракеты ни в коем случае не должны были попасть в руки противника.

Все приготовления производились в тесном взаимодействии с кубинцами. Фидель Кастро интересовался малейшими подробностями операции. Все возникающие неизбежные в большом деле шероховатости уничтожались в зародыше.

Нити управления собирались в штабе советского командования на Кубе, в руках генерала Плиева. Он выглядел помолодевшим, вспомнившим былые годы, боевые операции. Сейчас, как и тогда, везде надо было поспеть, все проверить, доглядеть. Почти каждый вечер, а порой и несколько раз на дню, он связывался с Фиделем, информировал об обстановке. Отец был просто в восторге от Плиева.

Американцы не проявляли особой активности, не чинили противодействия нашим передвижениям. Отец относил это за счет мастерства маскировки, но только отчасти. Он не исключал, что американцы решили не

придавать особого значения проводимым операциям по укреплению обороноспособности Кубы.

Отец все больше проникался уверенностью в благополучном завершении предприятия. Несколько раз он, нахваливая Плиева, повторял, что по результатам его деятельности он заслуживает присвоения звания Маршала Советского Союза. Он с наслаждением осуществил бы свое намерение немедленно, но решил все-таки дождаться последнего шага.

Я снова задал ему вопрос о том, как же намереваются укрыть от глаз американцев следы пребывания ракет. На сей раз отец от меня просто отмахнулся.

— Там сидят специалисты, они знают, что нужно делать — такой последовал ответ.

В те дни плохо спали не только в Москве. В Вашингтоне Маккоун пытался найти подтверждение своим опасениям, хотел удостовериться в присутствии баллистических ракет на Кубе или... получить опровержение. С этой целью над Кубой 29 августа долго летал очередной У-2, в том числе над Сан-Кристобалем, где советские саперы уже начали подготовку к сооружению первых стартов Р-12. Однако проявленные фотопленки не внесли ясности. Никаких следов баллистических ракет обнаружить не удалось. Зато на фотографиях разных районов острова то тут, то там выявлялись «75-е». Их старты росли как грибы после дождя. Удалось сделать и новое открытие. На побережье Кубы, развернутом в сторону Флориды, начали сооружаться позиции противокорабельных крылатых ракет. На острове явно что-то происходило. Но что?

Трудно сказать, какие сообщения поступали в ЦРУ от несомненно присутствовавшей на острове агентуры. Достаточно информации содержалось и в обычных письмах, отправляемых кубинцами своим родственникам, эмигрировавшим в Соединенные Штаты. По Кубе ползли упорные слухи о поступлении из СССР «странного советского вооружения».

Однако пока американская администрация не придавала особого значения тревожной информации. Видимо, Кеннеди не мог себе представить, что Советский Союз осмелится сунуться со своими ракетами в Западное полушарие. А возможно, он и не считал их такой уж угрозой безопасности своей страны.

Как бы то ни было, 5 сентября в ответ на вопросы журналистов президент США сказал, что не располагает какими-либо данными о наличии на Кубе ракет «земля—земля» или другого наступательного вооружения.

Этому заявлению предшествовала встреча брата президента Роберта Кеннеди с советским послом Анатолием Добрыниным. Я уже упоминал, что для обмена особо срочными и деликатными посланиями во время Берлинского кризиса отец и Кеннеди использовали своих доверенных лиц Михаила Харламова и Пьера Селинджера.

Новым каналом, предназначенным для общения в обход бюрократии государственного департамента, которой президент, по словам отца, не особенно доверял, два лидера избрали неофициальные встречи Роберта Кеннеди и советского посла Добрынина. В случае необходимости он обращался прямо к отцу, минуя промежуточные инстанции.

Роберт Кеннеди выразил озабоченность возрастающей советской военной активностью на Кубе.

Посол с легкой душой ответил, что ему об этом ничего не известно. Его не посвящали во вступивший в заключительную фазу план. Добрынин передал Роберту Кеннеди заверения отца, что на Кубе не устанавливается никакого наступательного вооружения, в частности ракет «земля—земля».

В результате перепалки с президентом Эйзенхауэром по поводу У-2 отец усвоил, что обман в арсенале американской политики в порядке вещей, и теперь решил воспользоваться преподанным ему уроком.

Кеннеди удовлетворился разъяснением, полученным из Москвы. Отец тоже не проявлял особой обеспокоенности, все шло по плану. Он в конце августа отправился в Крым, а оттуда в Пицунду догуливать прерванный полетом космонавтов отпуск. Его отъезд из Москвы совпал с пресс-конференцией Кеннеди в Вашингтоне. Казалось, оба руководителя уговорились сохранять спокойствие.

К тому же новый полет У-2 5 сентября не принес особых сенсаций. Он проконтролировал районы Сагуала-Гранде, где, по сообщениям агентуры, началось ка-

кое-то строительство, но ничего подозрительного не обнаружил. Правда, удалось сфотографировать первые МИГ-21, но эта информация не относилась к разряду неожиданной. Кубинцы уже давно летали на МИГ-15, МИГ-17. Затем появились МИГ-19. Теперь пришла очередь МИГ-21.

* * *

Тем временем Че Гевара, прилетевший 26 августа в Москву с поправленным Фиделем Кастро текстом секретного договора о размещении ракет на Кубе, вел переговоры с Малиновским. 30 августа он встретился с отцом в Крыму. Кубинцы привезли с собой предложение Кастро немедленно объявить о постановке ракет. Тем самым, по их мнению, поднимался не только престиж соглашения, но Куба как бы вырастала в глазах мирового сообщества. Кто посмеет помешать заключению договора между двумя суверенными государствами?

Отец только улыбнулся в ответ. В его глазах идея Кастро выглядела по меньшей мере наивной. Он стал объяснять Че, что право правом, а сила силой. И она сейчас у Соединенных Штатов. Вот когда ракеты займут позиции, тогда Куба сможет говорить со своим соседом на равных. Не раньше.

Но если американцы узнают о наших намерениях, то они найдут тысячу способов помешать их реализации. У своих берегов они господствуют безраздельно. Что толку тут ссылаться на международное право, суверенитет...

Гевара промолчал, не стал спорить с отцом. Они по-дружески тепло распрощались, и гость отбыл в Москву. В Министерстве обороны предстояло уточнить детали, согласовать с МИДом формулировки.

* * *

Несмотря на успокоительные официальные заявления, волнение в США нарастало. Одновременно усиливалась и агрессивность в отношении Кубы.

6 сентября к Добрынину пришел Теодор Соренсен, специальный помощник президента США. Он жаждал допытаться, что же все-таки происходит на Кубе? С чем связана такая активность? Посол об этом знал не больше Соренсена и заверил его, что в соответствии с давно заключенным долговременным соглашением ведутся рутинные работы по укреплению обороноспособности кубинской армии. Он особенно подчеркивал, что советская военная помощь имеет исключительно оборонительную направленность и Куба никак не может угрожать своему столь могущественному соседу. В подтверждение своих слов Добрынин передал послание отца, в котором тот заверял, что Советский Союз воздержится от любых действий, «способных усложнить международную обстановку перед выборами в конгресс США».

Несмотря на успокаивающие заявления отца, Кеннеди решил сделать предостерегающий жест и 7 сентября запросил у конгресса одобрения на призыв 15 тысяч резервистов. На случай проведения боевых операций они вряд ли могли пригодиться, но это была опробированная на Берлине демонстрация серьезности намерений администрации.

В Советском Союзе отреагировали немедленно. Текст заявления ТАСС, под заголовком «Покончить с политикой провокаций», составленный в МИДе, отправили отцу в Пицунду. Без его одобрения такой документ обнародовать не могли. Бумага путешествовала несколько дней, заявление передали по радио только вечером 11-го, в газетах оно появилось утром 12 сентября. Наравне с утверждениями, что советские корабли везут на Кубу мирные грузы, вспоминалось, что США окружили СССР своими военными базами и наша страна имеет полное право на проведение мероприятий, укрепляющих ее обороноспособность. В заключение обращалось внимание на сохранение ненормального положения вокруг Западного Берлина.

Напряженность вокруг Кубы продолжала нагнетаться. У отца создавалось впечатление, что в США готовится общественное мнение в связи с возможной высадкой на остров.

* * *

По истечении десятилетий в Москве на встрече, посвященной урокам Карибского кризиса, бывший министр обороны Роберт Макнамара сказал, что у администрации США не имелось намерений высаживаться на Кубе, но, по его мнению, мероприятия, проводимые в отношении Кубы в тот период, давали другой стороне все основания предполагать, что такой план существует и близок к своей реализации.

— Я бы на вашем месте сделал бы именно такой вывод, — повторил Макнамара.

Участники дискуссии попытались дознаться, существовал ли после провала экспедиции в заливе Кочинос план высадки американских войск на Кубу. Бывший министр обороны США ушел от прямого ответа. Он сказал, что хороший штаб должен иметь планы на все случаи жизни, и пошутил, что у него существовала даже стратегическая разработка на случай войны с Францией.

* * *

13 сентября 1962 года на очередной пресс-конференции президент Кеннеди решил ответить не только на заявление Москвы, но и на призывы соотечественников высадиться на острове, навести там порядок. Он сказал, что «интервенция со стороны США не может быть в настоящий момент ни необходимой, ни оправданной».

Хочется верить, что на самом деле Белый дом настраивался на мирное разрешение проблемы. Хочется, но... В те дни обстановка становилась все более тревожной.

Наступал решительный момент. Со дня на день ожидались на Кубе ракеты. Точной даты я, естественно, не знал. Нервы напряглись до предела, не дай Бог сорвется!

В момент прибытия ракет, где-то в середине сентября, охрана в местах выгрузки утроилась. Казалось, муха не пролетит. Но... шила в мешке не утаишь, тридцатиметровые деревянные ящики, такие же трайлеры неиз-

бежно привлекали внимание. Узкие, длинные — вывод напрашивался сам собой.

Но и в середине сентября ЦРУ обнаружить ракеты не удалось. Как обычно бывает в таких случаях, все висело на ниточке, но удержалось.

Агентура ЦРУ на Кубе докладывала: «Видели советские ракеты. Совсем близко. Почти трогали...»

К примеру, глубокой ночью 12 сентября один из шпионов заметил, как из района Гаванского порта в Сан-Кристобаль направлялся длинный советский трайлер с грузом, тщательно укутанным в брезент. Он предположил, что ракеты доставлены советским судном «Омск», прибывшим на остров 8 сентября. Сверив полученные из центра ориентировки, описание Р-12, агент не сомневался — она! Другой агент сообщал: в порт Мариэль прибыло советское судно «Полтава». Он видел, как с борта сгружали баллистические ракеты, по всем признакам снова Р-12. 15—17 сентября, как минимум, 8 узких, длинных трайлеров отправились все в том же направлении, в Сан-Кристобаль.

И таких, более или менее достоверных сообщений, если верить рассекреченным официальным американским документам, набиралось немало.

Но кто всерьез верит донесениям агентурной разведки? Ее сообщения, как правило, учитывают в последнюю очередь. И только через годы, когда известны ответы на все вопросы, историки начинают строить предположения, почему то или иное сообщение, поступившее загодя или в последнюю минуту, в Кремле, Белом доме или на Даунинг-стрит не приняли во внимание?

И на сей раз в ЦРУ сочли, что у страха глаза велики...

Тем временем операция по установке ракет разворачивалась по плану. Началось обустройство площадок, сами ракеты временно укрыли под маскировочными сетями. Казалось, все предусмотрено. Но разве возможно предусмотреть все? Начался самый ответственный период, когда все решают дни, часы, минуты и, конечно, случай.

Что произойдет раньше? Ракеты усядутся на свои места или вся затея раскроется противником?

Москва еще раз напомнила: «Внимательно смотреть

за маскировкой». «Следить за маскировкой», — передал приказ Плиев.

Я с нетерпением ждал возвращения отца из Пицунды. Чувствуя себя посвященным в важную тайну, я испытывал крайнюю озабоченность, как будто от меня что-то зависело. Очень хотелось поговорить с отцом, подпитаться информацией.

В Москве отец не собирался задерживаться надолго. Разобравшись с текущими делами, он летел дальше, в Среднюю Азию, ознакомиться на месте с ходом уборки хлопка. Отец приехал с Черноморского побережья в середине сентября. С аэродрома он сразу направился в Кремль, не потому, что в тот день там требовалось его срочное присутствие — так последнее время он поступал регулярно, экономил время.

Домой прибыли только вещи. Мы встретились вечером и едва остались вдвоем, как я набросился на него с вопросами. В отличие от меня, отец сохранял спокойствие. Он считал, что все идет по плану, беспокоиться не о чем. Конечно, американцы подозревают, ищут, но ничего не находят. Пик напряженности возникнет в ноябре, когда обнародуется присутствие ракет. Но и тут, по словам отца, «они пошумят, пошумят и согласятся».

* * *

Американцы продолжали недоумевать: что же все-таки везут на Кубу? Давление продолжало усиливаться по всем линиям. 20 сентября сенат принял резолюцию, призывающую к обороне Западного полушария от агрессии, исходящей от Кубы, включая ниспровержение режима Кастро, если таковое потребуется. Голосование прошло единодушно. За высказались 86, против — 1...

На следующий день, выступая в ООН, Громыко предупредил, что любое нападение на Кубу будет автоматически означать войну с Советским Союзом.

Тем не менее палата представителей поддержала 384 голосами резолюцию, принятую сенатом. Против голосовало всего 7 человек. Обстановка в США накалялась все больше. Если в прошлом году речь шла

о далеком Берлине, то сегодня американцам начинало казаться, что русские танки вот-вот появятся на улицах их городов.

* * *

То, что среди судов, идущих на Кубу, значительный процент составляют зафрахтованные нами иностранные корабли, в том числе и принадлежащие союзникам США, ни для кого не составляло секрета. Поначалу на это не обращали особого внимания. Однако, когда грузовой поток вырос во много раз, ЦРУ стало очевидным, что морской флот Советского Союза один просто не может справиться с поставленной задачей. Американцы стали расценивать участие судов других стран в снабжении Кубы как враждебную им акцию. Они понимали правильно — наши везут оружие, а иностранцы — все остальное.

Продолжались лихорадочные поиски ответа на главный вопрос: что же перевозится через океан? Главное, ракеты это или не ракеты? Если не ракеты, то что? Каким образом Советский Союз рассчитывает защищать Кубу при абсолютном контроле США над коммуникациями?

В представленной президенту 19 сентября совместной оценке разведывательной информации «Военные сооружения на Кубе» отмечалось, что советская политическая доктрина никогда не предусматривала размещение ядерных сил на иностранных территориях. В связи с этим и, учитывая риск, связанный с осуществлением подобной акции, разведчики считали установку ракет на Кубе маловероятной.

Тогда что везут?

Самолеты ВМФ США получили приказ удвоить внимание, на минимальной высоте облетать все суда, следующие на Кубу. Однако и таким образом ничего узнать не удалось. Их действия не являлись неожиданностью. Подобную возможность обсуждали в Москве еще летом. Отец тогда особо предупредил: ничего, что может выдать план, на палубах не размещать, независимо от возможностей маскировки. Кто знает, какими приборами оснащаются американские самолеты?

Поэтому в докладах флотской разведки в основном говорилось о сельскохозяйственных машинах, тракто-

рах, грузовиках и иных не представляющих интереса грузах. Правда, случались и проколы. ИЛ-28 никак не лезли в трюмы, и после длительных обсуждений в Генеральном штабе их решили разместить на палубе. Понадеялись, что американцы не догадаются, что же скрывается в ящиках. К тому же самолеты из-за своего преклонного возраста, казалось, не могли послужить поводом для беспокойства.

Надежды не оправдались. В ЦРУ быстро расшифровали, что в сфотографированных 28 сентября ящиках, загромождавших палубу теплохода «Касимов», скрываются именно ИЛ-28. Но, в общем-то, особенного беспокойства информация в Вашингтоне не вызвала.

Отмененный под горячую руку полет У-2, назначенный на 10 сентября, состоялся через неделю. Потом его повторили 26-го. Ничего особенного снова не обнаружили. В первом случае фотографированию помешали густые облака, а во втором — на снимках проявились уже знакомые зенитные ракеты, ракетные катера. К ним стали привыкать. Ничего нового.

Тем не менее американцы решили применить санкции. Они потребовали от союзников не предоставлять свои суда для перевозки грузов на Кубу. С таким предложением в палате представителей выступил Уолтер Роджерс, а буквально на следующий день судебные власти Пуэрто-Рико наложили арест на кубинский сахар, перевозимый в Советский Союз английским сухогрузом «Стретхэн Хилл». У него что-то сломалось, и его решили подремонтировать на острове. МИД СССР направил 2 октября по этому случаю правительству США ноту протеста. Ответа не последовало. В подтверждение своей позиции американцы 3 октября запретили заходить в свои порты любому кораблю любой страны, совершившему хотя бы один рейс на Кубу. Это должно было заставить судовладельцев одуматься.

* * *

Вот в такой донельзя накаленной обстановке отправлялись в дальний путь ядерные заряды.

Отец считал: если американцы проведают о характере груза, то не исключена возможность захвата корабля. Не обязательно своими руками. Неизвестное судно, неизвестные пираты, а там протестуй, ищи, пиши сколько хочешь. Ракеты же превратятся в бесполезные игрушки, тщательно подготовленная операция на завершающем этапе пойдет насмарку.

Перед тем как дать добро, снова и снова проигрывали все варианты и в Главном морском штабе, и в штабе Ракетных войск стратегического назначения, и в Генеральном штабе. Главнокомандующие ракетными войсками маршал Бирюзов и Военно-морским флотом адмирал флота Горшков вместе с министром Славским, учеными-атомщиками еще раз по косточкам перебрали все возможные варианты. Доложили министру обороны маршалу Малиновскому, но ответственности за окончательное решение на себя не взяли.

Как и месяц назад, снова возникло предложение о транспортировке зарядов подводными лодками. Уж очень эта идея выглядела заманчиво. Тут гарантировалась сохранность и секретность доставки. Однако ученые повторяли свои сомнения. Негативных сторон у этого проекта выявилось множество.

Да и сколько зарядов можно поместить на один корабль? Два? Три? А нужно их доставить — почти сотню. Требовался целый флот.

Не менее серьезным препятствием стала защита экипажа от облучения. Нести службу, жить рядом с неприятным грузом придется не день, не два. Из отсеков, где разместятся боеголовки, людей предстояло эвакуировать, устанавливать специальную защиту. А это дополнительная работа, и не малая.

Так что от идеи подводной транспортировки были вынуждены, как ни жаль, окончательно отказаться.

Оставался единственный надводный вариант, со всей неопределенностью, риском.

Доложили отцу, никто другой ответственности принятия подобного решения на свои плечи взять не мог. Отец еще раз посоветовался со Славским и рас-

порядился: «Не мудрить, не выдумывать, заряды транспортировать специально оборудованными судами». В основном сохранялся прежний план: перевозку осуществлять в разобранном виде, детали перемешать с иными безобидными грузами. И с Богом. Судов предполагалось выделить несколько, но только часть с «грузом». Они ничем не должны были отличаться от тех, которые уже примелькались американцам.

Отправлять ядерные заряды без всякой охраны долго не решались. Горшков предложил послать с каждым транспортом две-три подводные лодки. В случае нападения они смогут защитить «груз», а уж если ситуация станет безвыходной, снимут команду и потопят боеголовки вместе с кораблем. Отец поначалу согласился, но после некоторого раздумья отверг план как авантюристический. По его мнению, там, у берегов США, ни одна, ни три подводные лодки не смогут помешать американцам. Их самих потопят, и дело с концом. А вот навести флот США на нужный адрес, выделить корабль в массе других они помогут.

Отец высказался против какого-либо сопровождения. Он еще раз подчеркнул: главное наше оружие — маскировка, корабли должны стать неприметными, раствориться в общем потоке.

На том и порешили.

Для кораблей с боезарядами установили срок прибытия на Кубу: конец сентября — октябрь, тогда работы по установке ракет приблизятся к завершению, а для боеголовок оборудуют специальные хранилища. И на боевых позициях ядерным зарядам требовались «тепличные» условия. На ракеты они устанавливались в последний момент перед стартом. Минет тревога — и боеголовки тут же демонтировались и вновь погружались в «спячку» в своей берлоге.

Корабли отправились в путь из разных портов, стремясь затеряться в толпе других сухогрузов и танкеров, следующих общим маршрутом. Теперь оставалось ожидать условного сигнала о прибытии. Радиопереговоры в процессе перехода запретили, неосторожное слово, а тем паче шифровки могли провалить всю операцию. Осуществлялась только необходимая для обеспечения плавания диспетчерская связь.

* * *

После недолгого пребывания в Москве 26 сентября отец улетел в Ашхабад. Перед отлетом в Туркмению отец осмотрел новый пассажирский самолет ИЛ-62. От увиденного он просто пришел в восторг.

Через 4 дня после того как отец покинул Москву, в Йемене произошел военный переворот. Армия захватила власть, свергнув недавно взошедшего на престол Эль-Бадра. С ним у отца за последние годы установились дружеские отношения. Еще с того времени, когда он, еще наследный принц, в середине 50-х годов первым из арабских лидеров обратился к Москве за помощью. Наша страна все это время активно помогала королю в борьбе с англичанами. Теперь его место занял никому не известный человек полковник Абдалла-ас-Саляль. Наши симпатии априори перешли к нему — как-никак ниспровергатель монархии.

* * *

1 октября газеты напечатали Заявление революционного правительства Кубы: «Кубинский народ не сломить!». Снова, как и в апреле 1961 года, кубинцы изготовились драться до последнего, а затем уйти в горы продолжать партизанскую войну.

По случайному совпадению в тот же день Макнамара собрал Объединенный комитет начальников штабов. На повестке дня стоял один вопрос: возможные варианты действий в отношении Кубы. Разговор вертелся вокруг не прерывающегося третий месяц потока советских судов, везущих что-то на Кубу. Напрашивалось решение прервать его, тогда проблема иссякнет сама по себе, без снабжения долго не протянешь. Командующий Атлантическим флотом США адмирал Деннисон получил распоряжение произвести приготовления, обеспечивающие, в случае необходимости, установление морской блокады острова.

Тем временем на Кубе под Сан-Кристобалем, и не только там, продолжалось строительство первых ракетных позиций. Бетонировались площадки под стар-

товые столы, собирались конструкции ракетохранилищ, отрывался бункер для боеголовок. Все делалось под покровом строжайшей тайны, район оцепили советские войска, от наблюдения сверху стройплощадку, как и ракеты, накрыли маскировочными сетями.

Но... всего не предусмотришь. Хорошо просматривавшиеся с воздуха накатанные колеи вдруг исчезали, уходили в никуда и через сотню метров выныривали из ниоткуда. Не всегда удавалось доглядеть и за всем множеством машин: бульдозеров, бетоноукладчиков, транспортеров, установщиков. Они перемещались с места на место, то и дело обнаруживались брошенные без присмотра на открытом месте то тягач, то приметная транспортная тележка. К счастью, над Кубой висели грозовые тучи, погода установилась нелетная.

* * *

5 октября отец направил президенту Кеннеди свои сердечные поздравления по случаю успешного завершения космического полета астронавта У. Ширра на корабле «Сигма-2», приводнившегося 3 октября в Тихом океане. Сам он продолжал поездку по Средней Азии. 5 октября посетил центр узбекской цветной металлургии Алмалык.

* * *

Громыко, участвовавший в Нью-Йорке в работе очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 6 октября встретился с государственным секретарем США Дином Раском. Говорили обо всем, в том числе и о Кубе, но основное внимание уделили проблеме запрещения ядерных испытаний и Берлину. В подтверждение твердой позиции, занятой государственным секретарем, американские войска, расположенные в Западном Берлине, начали на глазах у многочисленных зрителей отрабатывать, а вернее, демонстрировать технику уличных боев. Одновременно в Вашингтоне сенат одобрил резолюцию, в которой говорилось, что США «любыми необходимыми средствами, включая ору-

жие», будут противиться «всякому нарушению их прав» как в Берлине, так и на коммуникациях, ведущих к нему.

Пока Куба оставалась в ряду других международных проблем, разделяющих две великие державы. Пока...

* * *

8 октября войска Саудовской Арави и Иордании пересекли йеменскую границу. Два королевства пришли на помощь свергнутому монарху. Завязались бои. На американскую военную базу в Дахране в Саудовской Аравии срочно начали приземляться самолеты с морскими пехотинцами. Мы поддерживали новое правительство Йемена через посредство Египта.

* * *

Глава кубинских эмигрантов Мирро Кордона, возвратившись с закончившегося в Вашингтоне совещания министров иностранных дел Организации американских государств, поделился 8 октября своими впечатлениями с прессой: «Америка наверняка начнет действия против Кубы».

* * *

Полеты высотных разведчиков над Кубой, совершенные 5 и 7 октября, ничего нового не дали. Зенитных ракет стало больше, но к ним уже привыкли. Тем более что вели они себя мирно, фотографированию не препятствовали.

9 октября президент Кеннеди санкционировал проведение очередных разведывательных полетов У-2. Однако густая облачность над островом пока делала фотографирование бессмысленным. Вылет со дня на день откладывался.

Страсти возбуждались все сильнее. 10 октября сенатор Китинг снова выступил с утверждениями, что на Кубе сооружаются военные базы, оснащаемые баллистическими ракетами средней дальности. Он обвинил правительство США в бездеятельности.

* * *

Отец вернулся в Москву 10 октября.

Генерал Плиев докладывал, что к концу месяца первые Р-12 встанут на дежурство. Р-14 тоже не заставят себя долго ждать. Но их на Кубе пока не было. Работы выполняются согласно графику с соблюдением всех мер, обеспечивающих секретность.

Всего по утвержденному плану на Кубе сооружалось двадцать четыре стартовых комплекса, каждый способен принять по три ракеты. Предполагалось, что, в случае обнаружения какой-то из площадок или исходя из иных соображений, ракеты можно быстро перебросить на запасные позиции. Так обеспечивался маневр. Не исключалась и возможность сооружения ложных позиций, но пока до них руки не доходили.

Главный штаб ВМФ, контролировавший продвижение судов с боеголовками к Кубе, информировал, что они вышли в Атлантический океан и взяли курс на остров. Лишь одно задержалось с погрузкой, но капитан надеется наверстать упущенное время. В любом случае по крайней мере хотя бы часть боезарядов прибудет на место к моменту приведения ракет в боевую готовность.

Во время прогулки на Ленинских горах отец как-то буднично, почти между прочим, сказал, что он еще раз прикинул и решил сообщить неприятную новость президенту США примерно 20 ноября, после октябрьских праздников у нас и когда уляжется выборная лихорадка у них.

Он уже начал обдумывать аргументы своего сугубо секретного и личного послания. Очень важно было убедить Кеннеди, что мы преследуем исключительно оборонительные цели, стремимся уберечь неокрепшую республику от нападения. Главное — удержать его от необдуманного, продиктованного эмоциями, а не разумом, первого шага, склонить к диалогу. Отец предвидел, что разговор окажется не из легких, но в возможность вооруженного столкновения из-за Кубы ему не верилось. Снова и снова примерял по себе: живем мы с американскими ракетами, поживут и они с нашими. В конце концов судьбы стран решают не ракеты на

военных базах, а воля политиков в столицах. Но... разговор предстоял тяжелый.

С замиранием сердца я ждал развязки.

* * *

Тем временем события развивались по своему сценарию.

Утром 14 октября синоптики предсказали над Кубой хорошую погоду. Майор Ричард Хейсер поднял свой У-2, ему предстояло сфотографировать подозрительные объекты, расположенные западнее Гаваны. Полет приходился на воскресенье. По странному стечению обстоятельств в момент, когда У-2 взял курс на Кубу, помощник президента по национальной безопасности Макджордж Банди в своем выступлении по телевидению в программе Эй-би-си «Проблемы и решения», отвечая сенатору Китингу, заявил, что правительство не располагает какими-либо серьезными доказательствами наличия советского наступательного вооружения на Кубе.

Утром 15 октября проявленные снимки поступили на расшифровку в Национальный центр фоторазведки. Большинство кадров на многометровой пленке не вызывали интереса: поля, пляжи, сахарный тростник, примелькавшиеся позиции советских зенитных ракет, так и не приведенных в боевую готовность, несмотря на пролет иностранного разведчика.

В районе Сан-Кристобаля расшифровщики сразу обнаружили расхождение со снимками, сделанными с того же самолета 29 августа. Внимание привлек обширный район, закрытый от постороннего глаза маскировочными тентами.

Можно, конечно, спорить, насколько баллистическая ракета похожа или не похожа на пальму. Тут есть где порезвиться. Но в реальной жизни предположение Бирюзова проверить не удалось. На фотографиях, сделанных У-2, фигурировали не ракеты в юбочках пальмовых листьев, а брошенные без всякого прикрытия с воздуха установщики, заправщики, трайлеры. Если бы их убрали в предусмотренные уставом для маскировки боевой техники аппарели, то, возможно, кризис начался

бы на пару недель позже. Но присущую нам расхлябанность, надежду на авось не способны победить самые строгие распоряжения и приказы.

Секрет раскрылся. Под тентами, без сомнения, располагались сами ракеты, ожидавшие момента установки на стартовые столы, а возможно, там же прятались и пусковые устройства. Это уже было не столь важно.

О присутствии на Кубе советских ракет американцы узнали на месяц раньше назначенного отцом срока, и не от него. Самый жестокий за последнее десятилетие кризис начался.

В половине девятого вечера того же злосчастного 15 октября заместитель директора ЦРУ Рей Клайн позвонил домой Макджорджу Банди и намекнул, что он нашел то, что искал. Телефон не имел шифрующих устройств, и говорить в открытую о секретных делах по нему не рекомендовалось. Банди решил не беспокоить президента до утра. Макнамара дожидался информации в своем кабинете в Пентагоне. Расшифрованные фотографии ему показали в полночь: какие-то точки, еле заметные полоски, крючочки — все выглядело весьма безобидно. Однако специалисты утверждали, что это и есть строящаяся ракетная база. Не доверять им он не имел никаких оснований.

Следующим утром в 8.45 Банди сообщил недобрую новость президенту. Кеннеди был поражен. Несмотря на упорные слухи, он верил неоднократным заверениям, передававшимся ему советским послом в Вашингтоне, министром иностранных дел и многими другими, менее информированными, но не менее доверенными лицами, что советского наступательного оружия на Кубе нет.

Тут началась некая словесная игра в прятки. Отец считал, что баллистические ракеты с ядерными зарядами устанавливаются на Кубе для защиты ее территории от агрессии, а не для нападения на кого бы то ни было. Поэтому это оружие не наступательное, а оборонительное. Правда, он не считал зазорным ввести «противника» в заблуждение, утверждая впрямую, что ракет «земля—земля» на острове не устанавливают.

Обман глубоко уязвил Кеннеди. Среди многочисленных версий, которыми обросли события тех двух недель, существует и утверждающая, что, не будь заверений отца, гарантирующих отсутствие баллистических ракет на Кубе, президент не сделал бы в сентябре столь категоричных публичных заявлений о своей нетерпимости к их присутствию, вел бы себя более осмотрительно, не авансировался бы далеко идущими угрозами применения силы. Люди, в те годы близкие к Кеннеди, говорили в 1989 году на упоминавшейся мною встрече в Москве, что категоричность его предшествующих заявлений связала президенту руки. Что ж, им виднее. Лично я в подобную трактовку возможного развития событий не верю.

Выслушав сообщение Банди, Кеннеди созвал на 11.45 в Белый дом своих ближайших советников. Как только Банди ушел, он позвонил своему брату Роберту и попросил срочно приехать к нему.

— У нас крупные неприятности, — сказал президент*.

Роберт поспешил в Белый дом, брата он застал в его рабочем кабинете. Новость потрясла их обоих. Роберт перебирал в памяти недавние встречи с Добрыниным. Как он мог поверить заверениям, что никаких наступательных вооружений на Кубе нет и не будет? И еще убедить в этом президента.

В 11.45 собрались приглашенные. Эксперты ЦРУ развернули на столе огромные очень четкие фотографии и стали рассказывать. Вслед за их пояснениями снимок как бы начал проявляться вторично, проступали детали: трайлеры, расчищенная под строительство площадка, ведущие к ней разъезженные дороги.

Встал вопрос: что делать? Оставить без реакции? Ведь одно суверенное государство ведет сооружение военной базы на территории другого суверенного государства. Предложение отбросили с порога.

В том, что любыми средствами необходимо заставить Советский Союз и Кубу прекратить свою де-

*Естественно, я не присутствовал не только на совещаниях в Вашингтоне и Гаване, но и в Кремле. Отец со мной делился отдельными мыслями, фактами, что-то я наблюдал своими глазами. Я решил не довольствоваться доступными мне крупицами информации, безусловно, дополняющими общую картину, но для связности изложения воспользовался свидетельствами участников событий с другой стороны. — *С.Х.*

ятельность, присутствующие не сомневались. Соединенные Штаты обязаны продемонстрировать волю и решительность. Но как?

Договорились собраться во второй половине дня в расширенном составе. Пригласили военных, дипломатов. Помощники президента присутствовали почти в полном составе. Особые надежды возлагались на вновь назначенного эксперта по русским делам Ллевелина Томпсона. Он один имел опыт общения с советским руководством, мог предсказать, какую линию поведения выберут в Москве.

Мнения разделились. Представители комитета начальников штабов высказались за немедленную атаку с воздуха и последующую высадку десанта.

Роберт Макнамара считал, что последствия столь решительного шага предугадать невозможно, но несомненно, они окажутся ужасными. Он предлагал в качестве первого шага установить морскую блокаду Кубы. По его мнению, сделать последний шаг никогда не поздно. Его поддержал Роберт Кеннеди.

Президента особенно беспокоили ответные меры, которые может предпринять Советский Союз. Не будут же в Москве спокойно взирать, как обрушиваются на головы их солдат напалм и бомбы? Как там отреагируют на унизительный обыск судов? Американцы ожидали ответных действий в центре Европы. Больным местом оставался Берлин. Его нетрудно захватить или, в ответ на более мягкий вариант, установить свою блокаду.

В тот день ни к какому решению не пришли.

В это время в Москве отец принял нового посла США Ф. Колера. Как сообщили газеты, встреча прошла в атмосфере откровенности и взаимопонимания. Колер показался отцу более сухим и формальным по сравнению с Томпсоном, каких-то личных симпатий при первом знакомстве не возникло. Вечером отец сказал, что, возможно, еще не раз придется пожалеть о переменах в американском посольстве. Нельзя сказать, что он настроился пессимистично, он тут же добавил: притрется, пообвыкнется, необходимо время. При встрече вопрос о Кубе не поднимался: ни отец ни посол не подозревали о сенсационном разоблачении.

К 1962 году переписка отца с Кеннеди по неофициальным каналам приобрела устойчивый характер. Раз или два в месяц они обменивались посланиями. В середине октября подошло время отправки очередного письма. Среди других вопросов отец еще раз обращался к проблеме поставки наших вооружений на Кубу и подчеркивал их сугубо оборонительную направленность. 17 октября Георгий Большаков позвонил в Министерство юстиции и, соединившись с Робертом Кеннеди, попросил о встрече. Свидание состоялось в тот же день. В отличие от предыдущих оно было кратким. Брат президента не поинтересовался новостями из Москвы, сухо поблагодарив, пообещал немедленно довести письмо до сведения адресата.

* * *

Плиев докладывал, что работы по размещению ракет производятся в соответствии с планом. О пролете самолета У-2 над островом он отцу не доносил, не счел это событие достойным внимания. Действовал строгий приказ о соблюдении маскировки, а к У-2 здесь привыкли. Противовоздушная оборона отслеживала воздушных разведчиков радиолокаторами, но не больше. Об изменениях, которые появились на острове со времени предыдущего разведывательного полета, никто не задумался. Не приходило в голову и самим полетать над стройкой, полюбопытствовать.

В Москве царило спокойствие.

Вашингтон лихорадило совещаниями. На свежих фотографиях все более явственно проступали контуры стартовых площадок, то ли для шестнадцати ракет, то ли для тридцати двух, если пусковые столы спаренные. При таких темпах до приведения их в боевую готовность оставались считанные дни.

Заседание у президента США в четверг началось с доклада ЦРУ. Эксперты сообщили, что обнаруженные ракеты составляют не менее половины стратегического потенциала Советского Союза. По их оценкам, основывавшимся, по моему мнению, главным образом на информации Пеньковского, в Советском Союзе находилось в готовности около пятидесяти межконтинен-

тальных ракет. Эту цифру подтвердил Макнамара в Москве в 1989 году.

На самом деле к октябрю 1962 года было оборудовано всего около двух десятков стартов Р-16, к ним добавлялись шесть стартов «семерок». Вот и все. О том, что мы сможем, как это делалось не раз раньше, опираться в своей политике на мифическое превосходство в этом виде вооружений, не приходилось и мечтать. Об этом знали в Вашингтоне, но не догадывались в Москве. Осведомлены американцы были и о том, что приведение наших ракет в боеспособность занимает значительное время. Тут уж тоже постарался Пеньковский.

Даже для обремененных ответственностью государственных деятелей количество мегатонн на каждой ракете, число ракет в шахтах подчас выглядят несколько абстрактно, академично. О реальном использовании грозного оружия до того времени всерьез не задумывались. Считалось, что достаточно им пригрозить. В четверг все изменилось. Цели, ответный удар, радиусы поражения, миллионы погибших стали для президента Кеннеди совершенно конкретными. Такова цена, которую, возможно, придется заплатить за уничтожение ракет на Кубе.

Отец считал подобную цену безрассудной. Кеннеди оценивал ее как недопустимо высокую, но честь США он ценил выше. Ракеты требовалось убрать с Кубы любой ценой. Желательно, чтобы она оказалась приемлемой. Но какой? В случае обмена ядерными ударами с Советским Союзом эксперты оценивали потери США в 80 миллионов американцев.

Военные требовали атаки. Члены Объединенного комитета начальников штабов демонстрировали единодушие в этом вопросе. Только вооруженное вмешательство, немедленный бомбовый удар могли покончить не только с советскими ракетами, но и с Кастро. Особенно усердствовал генерал Куртис Лемей, начальник штаба воздушных сил. Ему не терпелось продемонстрировать возможности своих бомбардировщиков и штурмовиков.

Президенту пришлась не по душе их решительность. Так же как когда-то в ответ на агрессивные предложения Гречко отец задал вопрос: «А что даль-

ше?», Кеннеди спросил Лемея: «Как, по-вашему, поведут себя русские?» Не задумываясь, генерал отрубил: «Никак! Не посмеют».

Гречко ответил отцу более осторожно: «Не знаю».

Тогда отец просто отослал маршала, посоветовав ему не забивать голову глупостями. Сейчас президент этого сделать не мог, от него требовалось решение, и он только усомнился: «После всех своих заявлений они не могут сложа руки смотреть на то, как мы овладеваем их ракетами и убиваем при этом немало русских. Если они ничего не предпримут на Кубе, то в Берлине — непременно».

Макнамара доложил Кеннеди, что войска смогут атаковать на рассвете 23-го, в следующий вторник. Воинские части и авиация подтягиваются к Флориде.

По диспозиции генерала Лемея только на первой стадии предусматривалось совершить более пятисот самолето-вылетов, разбомбить и забросать ракетами не только стартовые позиции, но и аэродромы, порты, артиллерийские базы и другие важные с точки зрения противодействия десанту цели.

Макнамара, изложив фактологическую сторону подготовки вооруженной акции, высказался против нее. Он стоял за блокаду, предоставляющую и президенту, и его оппонентам большую свободу выбора. Роберт Кеннеди поддержал министра обороны. Так и в тот день не удалось прийти к согласованному решению.

По иронии судьбы на этот день была назначена встреча с Громыко.

После беседы с президентом советского министра иностранных дел ожидал обед у государственного секретаря Соединенных Штатов Америки.

Громыко знал все подробности, связанные с установкой ракет на Кубе, но не подозревал, что об этом знают и в Вашингтоне. Ситуация складывалась пикантная. Андрей Андреевич начал беседу с выражения недоумения поднятой в американской печати шумихой вокруг оказываемой Республике Кубе советской помощи. Говорил он размеренно, без поспешности, вклады-

вая в каждое слово вес, приличествующий его рангу министра иностранных дел великой державы.

Он утверждал, что главная наша цель — помощь Кубе в развитии сельского хозяйства. Для этого производится поставка машин для обработки земли, строится рыболовецкий порт. Это соответствовало действительности. Что же касается военной помощи, то она, утверждал Громыко, носит исключительно оборонительный характер. И тут он тоже не отклонялся от истины. Все зависело от смысла, вкладываемого в слово оборона.

Громыко передал президенту заверения отца: ни Советский Союз, ни тем более Куба не помышляют о нападении на Соединенные Штаты. На Кубе никаких приготовлений к тому не осуществляется, и никакого наступательного вооружения туда не поставляется.

Позволю себе маленькое отступление. Оба лидера запутались в терминологии. Ядерные ракеты с мегатонными зарядами не могут быть ни наступательными, ни оборонительными. Или их можно числить и теми и другими. Это совершенно безразлично, так как они — уничтожительные. После их применения оба термина — наступление и оборона — теряют всякий смысл...

О ракетах Громыко не упомянул.

Кеннеди, еще не остывший от спора о том, каким способом расправиться с советскими ракетами, даже задохнулся от негодования. Но... сдержал себя. Впрямую о ракетах он решил не спрашивать. Чем дольше Советский Союз будет оставаться в неведении, тем больше времени останется Соединенным Штатам для оценки ситуации и принятия решения.

Слово «ракета» сделалось как бы запретным в лексиконе обоих собеседников. Речь шла только об оборонительном и наступательном оружии.

Андрея Андреевича Громыко впоследствии не раз спрашивали: «Почему вы не сказали президенту о ракетах?» Он изворачивался, ссылался на то, что Кеннеди его не спрашивал. Ответ же простой: такой инструкции он не имел, время открыть карты не пришло. Оба играли втемную.

Президент отметил, что поставки вооружения ближайшему соседу США не могут не вызывать у него



1960 г. Никита Сергеевич и Нина Петровна



Н. С. Хрущев с дочерью Радой и внуком Алешей на даче



На прогулке с сыном Сергеем и внуками Никитой и Алешей

На отдыхе в Крыму



1961 г. Красная площадь. С первым космонавтом Юрием Гагариным



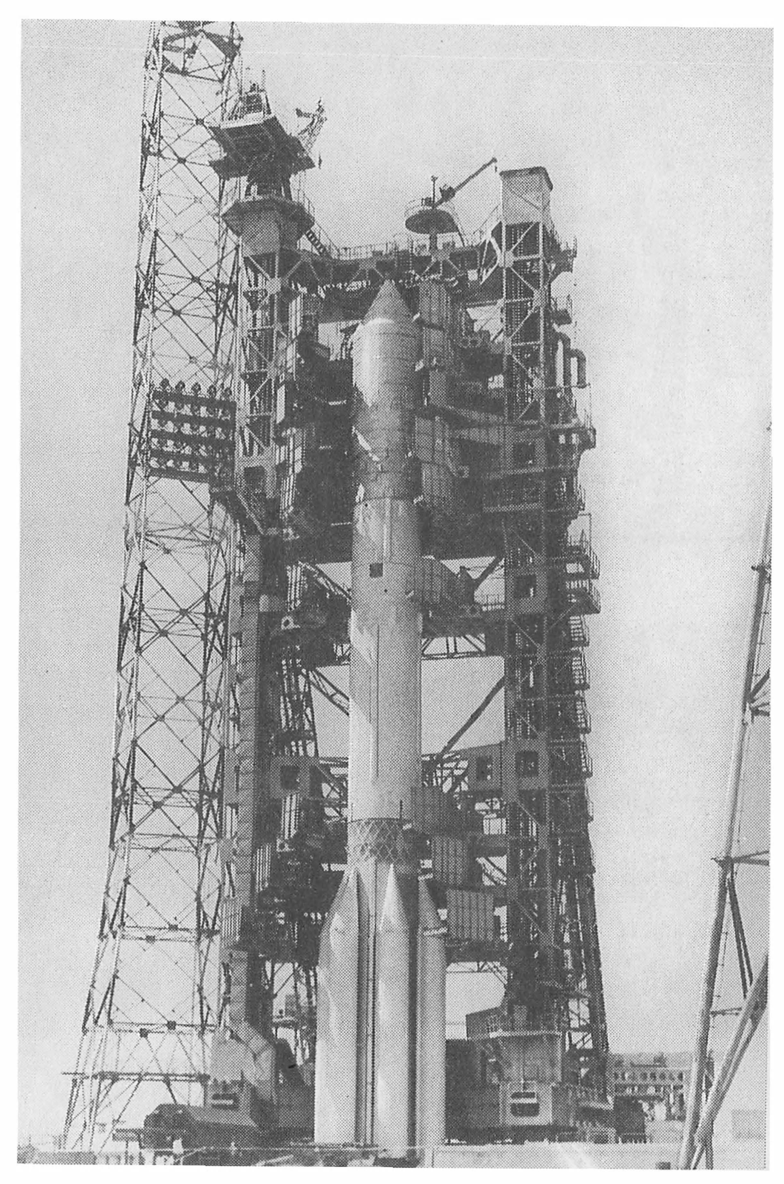
Встреча Ю. Гагарина на аэродроме Внуково

Кремль. Прием в честь первого космонавта. Слева направо: А. Г. Николаев, Н. С. Хрущев, В. И. Гагарина, Ю. А. Гагарин, Н. П. Хрущева, А. И. Микоян, С. П. Королев, Н. И. Королева

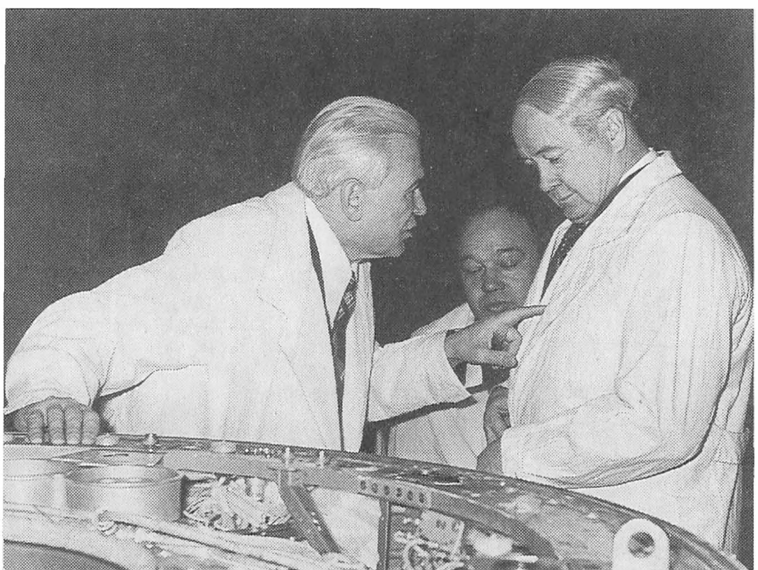




1963 г. Встреча Нового года в Кремле. Первый ряд: М. А. Суслов, А. И. Микоян, Л. И. Брежнев, Ю. А. Гагарин, Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник

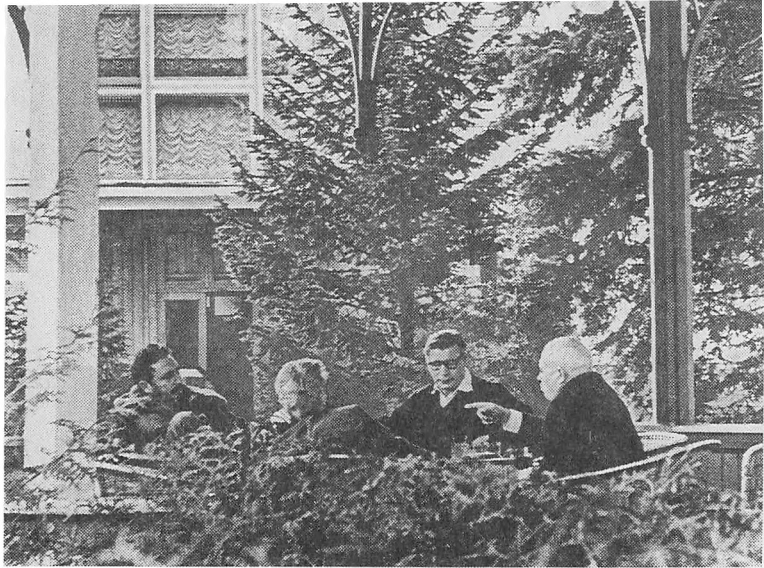


1965 г. Старт ракеты УР-500, сделанной на фирме В. Н. Челомея



1970 г. УР-100 в цехе

В. Н. Челомей (слева) и член приемной комиссии заместитель Председателя СМ СССР Л. В. Смирнов



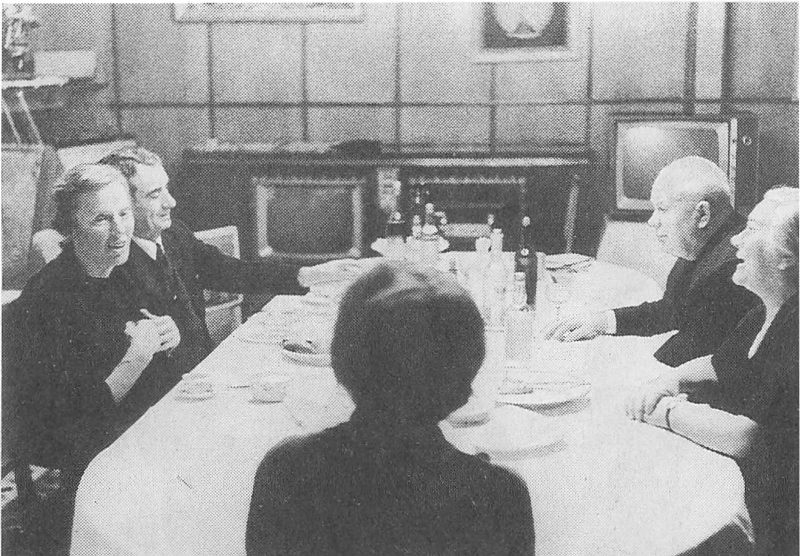
1963 г. Главнокомандующий ракетными войсками Н. И. Крылов, Н. С. Хрущев, Р. Я. Малиновский и Ф. Кастро на позиции межконтинентальной ракеты Р-16

1963 г. Завидово. Ф. Кастро, посол СССР на Кубе А. И. Алексеев и Н. С. Хрущев



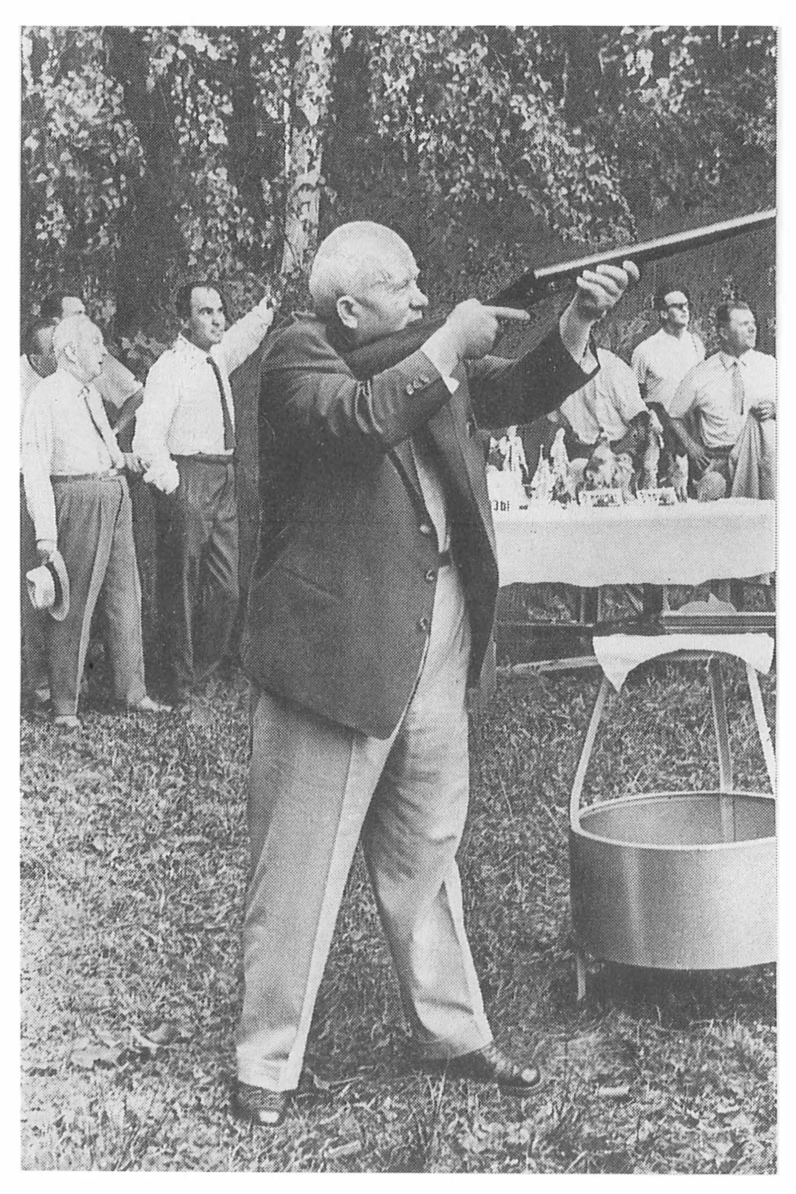
1960 г. Президент Италии Джованни Гронки (второй слева) на даче в Усово

1964 г. Генеральный секретарь ИКП Луиджи Лонго (справа от Н. С. Хрущева) на отдыхе в Ялте



1965 г. Н. С. Хрущев с работниками Первого государственного подшипникового завода

1968 г. Петрово-Дальнее. Профессор Харвей с женой в гостях у Хрущевых



За удачный выстрел — приз!



1962 г. Рауль Кастро (справа) в гостях у семьи Хрущевых в Завидово

1963 г. С детьми подмосковной деревни



Пицунда. С помощниками. Слева направо: О. А. Трояновский, В. С. Лебедев, Г. Т. Шуйский

Н. С. Хрущев на даче



Н. С. Хрущев — пенсионер

тревоги, и зачитал выдержки из своего заявления от 4 сентября, где он предупреждал, что размещение наступательного оружия на Кубе повлечет за собой самые серьезные последствия.

Интересно привести выдержки из еще совсем недавно совершенно секретной шифротелеграммы. В ней говорилось, что «... Кеннеди и Раск, оба подчеркивали, что США не собираются нападать на Кубу, но начавшийся в июне массовый завоз оружия вызывает у них опасения. Кеннеди зачитал цитату из своей пресс-конференции, где он утверждал, что верит СССР и наступательного оружия на Кубе нет. Кеннеди, когда говорил о Кубе, то формулировал мысли подчеркнуто медленно, явно взвешивая каждое слово. Раск во время нашей беседы сидел абсолютно молча и красный как рак».

Так писал сдержанный Громыко в своем официальном отчете, его устный рассказ отцу оказался более эмоциональным.

На обеде у Дина Раска речь, естественно, тоже зашла о Кубе. Нервы у государственного секретаря оказались послабее, чем у президента. Отец вспоминал: «Мне потом докладывал товарищ Громыко:

Беседа была любезной, но Раск настаивал: военные дают нам данные, доказывающие, что вы ставите ракеты. Вы учтите, мы не можем перенести этого. Складывается такое внутреннее положение, мимо которого президент не может пройти. Создается опасная ситуация, было бы лучше, если бы вы ушли с Кубы.

Это было не предупреждение, а, скорее, просьба не обострять ситуацию.

Потом был обед. За обедом Дин Раск изрядно выпил и продолжал ходить вокруг этой темы. Он допускал выражения, что они на все пойдут, ни перед чем не остановятся, что у них нет другого выхода, а поэтому он просит нас соответственно оценить ситуацию, принять меры со своей стороны, чтобы не допустить рокового столкновения. Оно может произойти, если окажется, что на Кубе действительно установлены ракеты, в чем они убеждены».

Проговорился ли государственный секретарь или хотел предупредить своего коллегу, сейчас трудно сказать. Разговор за обедом был вольным, с советской

стороны никто его не протоколировал. Остались лишь составленные по горячим следам донесения Громыко в Москву.

Отец не придал особого значения словам Дина Раска, не заподозрил, что тайна раскрыта. В те дни все, кто горазд, высказывали самые фантастические предположения по поводу советского оружия на Кубе.

«Ну, это обычная перепалка — так через четыре года оценит отец давний разговор. — Тот и другой знают, о чем говорят, но каждый отстаивает свою точку зрения и каждый желает морального и юридического оправдания своим действиям.

У нас юридических и моральных оснований было больше, чем у Дина Раска. Сомнений не было. В это время американские ракеты с ядерными зарядами уже давно стояли в Турции и Италии.

Раск понимал это, но видел разницу в одном, хотя и не говорил прямо, но намекал:

— Вы уже привыкли жить в окружении наших ракет, а мы впервые с этим столкнулись. Поэтому и получили такой шок. Мы не можем выйти из этого шока.

Все это Громыко доложил правительству, но мы продолжали завершать транспортировку и установку вооружения. Мы продолжали делать свое дело».

В отсутствие президента и государственного секретаря группа советников продолжала обсуждение. По словам Роберта Кеннеди, мнения колебались от немедленной вооруженной атаки до... ничегонеделания, выжидания и снова откатывались к атаке. К вечеру точки зрения поляризовались, большинство высказалось против вооруженной акции, за блокаду.

Поехали докладывать президенту. Было уже поздно, примерно четверть десятого, неурочное время для заседаний. Вереница правительственных лимузинов могла вызвать любопытство у снующих вокруг Белого дома журналистов. Соблюдая конспирацию, все набились в автомобиль министра юстиции: впереди сам хозяин с водителем, с ним Роберт Макнамара и Максуэл Тэйлор. На заднее сиденье утрамбовались оставшиеся шесть членов группы.

На докладе у президента, казалось, согласованная концепция опять рассыпалась, мнения стали меняться, неотразимые аргументы вдруг переставали казаться убедительными.

Требовалось еще учесть и реакцию союзников. Накануне в ответ на предупреждение США о возможности нападения вооруженных судов, принадлежащих кубинским эмигрантам, на торговые корабли, следующие на Кубу, английское адмиралтейство заявило, что военно-морской флот ее Величества будет защищать английские торговые суда, перевозящие грузы.

Президент колебался, он никак не мог принять решения...

Советники отправились восвояси продолжать выработку предложений. Сам он намеревался следующим утром отправиться в Кливленд, где намечались предвыборные выступления. Не появись Кеннеди на митинге, мог возникнуть скандал, к событиям, происходящим вокруг Белого дома, привлеклось бы нежелательное внимание. Из Кливленда президент собирался перелететь на Западное побережье. Казалось, он хотел уйти от необходимости сиюминутного ответа, стремился дать выговориться, выпустить пар в свое отсутствие.

Вся пятница 19 октября прошла в спорах. Члены группы то сближались во мнениях, то взрывались непримиримыми противоречиями. Роберт Кеннеди, пытавшийся собрать их воедино, то и дело бегал к телефону, звонил брату.

Наконец назначили последний срок: в воскресенье президенту надлежит выступить перед нацией и сообщить о своем решении. Кеннеди понял, что пора возвращаться...

Пока шли споры, главнокомандующий Атлантическим флотом реализовывал полученную от министра обороны команду подготовиться к морской блокаде Кубы. Начались перемещения боевых кораблей, они стягивались к острову. Отец забеспокоился, не запоздали ли мы. Вдруг это преддверие так давно ожидаемого вторжения? С ракетами он активность на море не связывал. При чем здесь флот? Реакция в этом случае была бы совсем иной, публичной и резкой.

А вот на повторение усиленного варианта высадки на Плайя Хирон все походило чрезвычайно. Только под американским руководством и с участием морской пехоты США. Предпринять что-либо в ответ отец не мог. Оставалось ожидать развития событий и выражать свое отношение — пользуюсь его словами — «протестами через печать».

Великобританию продолжала волновать судьба торговых судов в Карибском регионе. Соединенным Штатам сделали предупреждение: в случае, если они не в состоянии обеспечить безопасность судоходства, отряд кораблей королевских ВМФ, базирующихся в этой акватории, будет усилен до размеров, позволяющих обезопасить корабли от нападения «пиратов».

В субботу 20 октября группа советников, не выспавшаяся и не отдохнувшая, снова собралась в государственном департаменте. И снова не удавалось прийти к согласованному решению.

Роберт Кеннеди, Макнамара, помощники президента упрочились на позиции блокады. Здесь, по их мнению, хотя бы удастся просчитать возможное развитие событий на пару шагов вперед.

Джон Кеннеди пообещал выехать немедленно. Пьер Селинджер объявил, что из-за «легкой простуды» Кеннеди прерывает свою поездку и возвращается в Вашингтон.

Пока президент находился в дороге, началась подготовка обеих акций. Макнамара позвонил в Министерство обороны и приказал привести в готовность к нанесению удара 4 эскадрильи тактической авиации. Одновременно Роберт Кеннеди, Макнамара и Дин Раск попытались составить текст правительственного заявления об установлении карантина, препятствующего поступлению наступательного вооружения на Кубу.

Джон Кеннеди вернулся в Белый дом 20 октября без двадцати два. Пока он приводил себя в порядок, Роберт ввел его в курс дела. В 2.30 началось совещание. Там присутствовали все члены Совета национальной безопасности и много привлеченных лиц. Круг посвященных неодолимо расширялся. В соблюдении строгой секретности виделось все меньше и меньше смысла. Принятому сегодня решению завтра предстояло стать достоянием всего мира.

Рассматривались обе точки зрения. О блокаде говорил Макнамара, об атаке — военные. Страсти разгорелись с новой силой, кое-кто из Комитета начальников штабов стал настаивать на использовании при подавлении ракетных установок ядерного оружия.

Эдлай Стивенсон, не принимавший участия в предыдущих дебатах, предложил дипломатическое решение вопроса — США убирают свои «Юпитеры» из Италии и Турции, а также эвакуируют базу в Гуантанамо; Советский Союз вывозит ракеты с Кубы. Со стороны военных последовал взрыв негодования, они сочли его идею не отвечающей духу нации. Кеннеди тоже посчитал такой шаг преждевременным, хотя он сам уже не раз высказывался ранее о целесообразности ликвидации мозолящих глаза ракетных баз в Европе.

Совещание продолжалось два с половиной часа. В 5.10 президент, выслушав взаимоисключающие предложения, прервал его, сказав, что он должен подумать и вечером сообщит о своем решении. Они остались вдвоем с братом.

* * *

В тот день в Кремле жизнь шла по заранее намеченному на неделю плану. 20 октября отец принял поэта и главного редактора журнала «Новый мир» Александра Трифоновича Твардовского. Он давно просил о встрече: и цензура, и идеологи из ЦК давили все сильнее, стремясь прикрыть единственную в те годы отдушину вольной мысли. Отец любил Твардовского-поэта. Его стихи, особенно «Теркин», своей крестьянской напевностью будили воспоминания детства, уводили далеко-далеко на Курщину, в родную Калиновку.

С Твардовским-редактором отношения складывались неровно: то отец всецело поддерживал его, то под давлением Суслова и Ильичева обрушивал на журнал громы и молнии идеологических обвинений.

На сей раз встреча прошла на дружеской ноте. «Меня встретили с такой благосклонностью, как никогда раньше», — рассказывал впоследствии поэт.

Говорили о разном, о Сталине, об аресте Берии. Отец с похвалой отозвался о гражданском звучании

стихотворения Евтушенко «Наследники Сталина» и посетовал, что не все члены Президиума ЦК с одобрением отнеслись к «Ивану Денисовичу» Александра Солженицына.

Твардовский уговаривал отца отменить цензуру: ведь «то или иное мнение руководящего лица о произведениях искусства зависит часто от причин случайных, дурного пищеварения даже... Если я, скажем, не гожусь как редактор, если мне не доверяют, то пусть меня освободят». Александр Трифонович заверил отца: «Знайте, Никита Сергеевич, что все лучшее в нашей интеллигенции поддержит вас всецело в борьбе с культом личности». Отец поддался, аргументы поэта убеждали. Он, как бы размышляя вслух, произнес: «Это надо обдумать. Может быть, вы и правы. В самом деле, год назад отменили цензуру на сообщения из Москвы иностранных корреспондентов, и что Вы думаете? Стали меньше лгать и клеветать».

Разговор состоялся до печально известных встреч с интеллигенцией. На защиту цензуры поднялся весь идеологический отдел ЦК, убеждая отца, что именно она защищает Советскую власть на последнем бастионе. Отец заколебался, сдал назад, а через год вовсю развернулась борьба с преодолением проникновения буржуазной культуры в наш социалистический стерильный заповедник. Тут уж без цензуры никак не обойтись.

Но я вспомнил о встрече поэта с отцом по иной причине. В самом конце разговора Твардовский вдруг неожиданно попросил: «Нельзя ли отложить мою поездку в Америку? Я хочу кончить поэму, так сказать, на своем приусадебном участке поработать».

Его пригласил в США Кеннеди, планировалась встреча поэта с президентом, и освободить от высокой миссии Твардовского мог только отец.

Он не возражал: «Конечно. Конечно... Сейчас отношения с Америкой плохие. А вот весной поезжайте, они вас отлично примут»*.

*В. Лакшин. «Новый мир» во времена Хрущева. «Знамя», № 6, 1990 г.

Отец имел в виду грядущие бури в ноябре и не подозревал, что шторм уже начался. Его фраза интересна и тем, что он не прогнозировал серьезную и длительную размолвку, к весне все должно успокоиться.

* * *

На другой стороне земного шара оптимизма и уверенности было куда меньше. Братья Кеннеди никак не могли решить: вторжение или блокада, блокада или вторжение. Наконец Джон Кеннеди высказался за блокаду. Но полной уверенности президент не ощущал. Он надумал еще раз проверить себя, в воскресное утро возобновилось обсуждение. В половине двенадцатого собрались в узком кругу. Кроме Джона и Роберта Кеннеди присутствовали Роберт Макнамара и Максуэл Тэйлор. Командующий тактической авиацией генерал Уолтер С. Суиней доложил свой план. Как и следовало ожидать, полной гарантии уничтожения ракетных стартов он не давал. А по данным ЦРУ, четыре старта следовало считать способными к запуску ракет. Конечно, не на сто процентов, но в таком деле в Лэнгли предпочли перестраховаться. Неожиданно ожившая установка могла выплюнуть мегатонный заряд по Нью-Йорку или Вашингтону*. Президент утвердился в правильности занятой им позиции.

Выступление перед страной перенесли на понедельник на 7 часов вечера. Требовался резерв времени не только на подготовку текста, но и на введение в курс дела хотя бы самых влиятельных союзников: премьер-министра Великобритании Макмиллана и президента Франции де Голля, требовалось поставить в известность лидеров конгресса.

Новость уже становилось почти невозможно удержать в запечатанном кувшине. Она рвалась наружу. Джон Кеннеди попросил Орвела Дрейфуса, обозревателя газеты «Нью-Йорк таймс», который пользовался его личным доверием, помочь отвлечь внимание публики от признаков надвигающегося кризиса. Информация не должна была выскользнуть до выступления

---

*Мишель Бешлосс. Годы кризисов. Кеннеди и Хрущев. 1960—1963. Эдвард Вулингайм букс, Нью-Йорк, 1991, стр. 461.

президента. Мог начаться хаос. Первые признаки утечки появились утром в понедельник. «Вашингтон пост» опубликовала статью о необычной активности в Белом доме. По мнению автора, речь шла о Кубе, но он не исключал и Берлин.

* * *

Это сообщение не осталось незамеченным, на него сослались советские газеты. Получив доклад Громыко о беседе с президентом и описание драматического разговора с Дином Раском, отец еще больше обеспокоился.

Особенно сильные опасения отцу внушали передвижения военных кораблей в Карибском море. Там сосредоточились огромные силы. В Белом доме продолжались непрерывные совещания. Явно что-то произошло. Но что? Отца мучил вопрос: готовится ли новая высадка десанта или происходит что-то иное?

На таком расстоянии отец не мог вмешаться, события развивались, подчиняясь своей внутренней логике. Ему оставалось только наблюдать, где можно — подправлять, ожидая решительного момента, когда придется скомандовать: «Вперед!» — или: «Стоп!».

На все мои вопросы он отвечал кратко:

— Надо ждать.

Особо беспокоило отца, как суда с ядерными боеголовками проберутся среди наводнивших все подступы к Кубе американских боевых кораблей. Он опасался провокаций. Ведь не зря американцы предупредили о возможности пиратских акций со стороны кубинских эмигрантов. И тут оставалось только ждать и надеяться на везение, уповать на неприкосновенность Государственного флага великой державы.

* * *

В понедельник пресс-службе Белого дома лишь с большим трудом удавалось держать газеты в узде. В некоторых случаях потребовалось личное вмешательство президента. Утренние газеты сообщили лишь о надвигающемся на страну кризисе, не указав адреса.

Вечернее выступление должно было поставить все точки над «i».

Утром президент подписал директиву № 196, учреждающую при нем и под его председательством Исполнительный комитет Совета Национальной безопасности по оперативному руководству страной в кризисной ситуации. Членами комитета стали участники группы, заседавшей со вторника. Теперь она обрела официальный статус.

Ровно в полдень в понедельник пресс-секретарь Белого дома Пьер Селинджер официально объявил, что в 7 часов вечера президент Кеннеди выступит с важным заявлением, которое будет транслироваться всеми радио- и телевизионными станциями страны.

* * *

В тот момент в Москве уже было 8 часов вечера. О столь тревожном событии отцу сообщили домой около девяти. Мы как раз гуляли после ужина, когда отца позвали к телефону. Не раздеваясь, он зашел в гостиную, я ожидал его в прихожей. Разговор состоялся короткий, из его отрывочных вопросов и ответов ничего не понять. Только по тону ощущалось, что произошла неприятность.

Положив трубку, отец снова вышел во двор. Я ждал, захочет он сказать, в чем дело, или новость не для моих ушей. Отцу, казалось, не до меня, он переваривал полученную информацию. Наконец, как бы вернувшись издалека, он рассеянно произнес: «В Вашингтоне объявили о важном выступлении президента сегодня вечером. Наверное, они обнаружили наши ракеты. Предположить больше нечего. В Берлине тихо. Если бы собрались высаживать десант на Кубе, то молчали бы».

Я встрепенулся вопросом: «Что же будет?»

Отец усмехнулся: «Если бы я знал. Ракеты еще не задействованы. Они беззащитны, все можно разгромить с воздуха одним махом».

Я застыл от ужаса.

Отец, обращаясь скорее к самому себе, чем ко мне,

произнес, что воздушное нападение маловероятно, о нем тоже не стали бы оповещать заранее.

Он несколько повеселел — видимо, Кеннеди хочет уладить дело дипломатическим путем.

— Завтра утром узнаешь, — как бы подвел он итог. И добавил: — Обидно будет, если они перехватят боеголовки. Будем надеяться на лучшее.

Он замолчал и, предвидя готовые сорваться у меня с языка новые вопросы, попросил:

— Ты не мешай. Мне нужно подумать.

Гуляли мы долго, каждый погруженный в свои мысли. Отец, видимо, пытался поставить себя на место американского президента, вычислить его вероятные шаги. Наконец отец прервал кружение по двору и направился к дому. Не задерживаясь в прихожей и не раздеваясь, он прошел в комнату, где стояли телефоны, снял трубку вертушки и набрал номер.

— Обзвоните членов правительства и попросите через час собраться в Кремле, — коротко проговорил отец.

Стало ясно: он звонил в секретариат. Выслушав ответ, он добавил: — О чем пойдет речь? Я сообщу на месте. И еще... — Отец запнулся. — Пригласите Малиновского и Кузнецова из МИДа, заместителя Громыко.

Разговор закончился. Отец снял трубку соседнего аппарата и коротко приказал: «Вызовите машину».

Затем он обернулся и, заметив меня, пояснил: «Надо посоветоваться. Ты меня не жди, вернусь поздно».

Мы снова вышли во двор. До прихода машины отец больше не проронил ни слова.

Утром, уходя на работу, я отметил: на вешалке пальто отца отсутствовало. Видимо, домой он так и не возвращался. Или уехал пораньше. И то и другое означало, что события поворачиваются круто.

* * *

В Москве наступала ночь, а в Вашингтоне приближался назначенный час, заканчивались последние приготовления. В обращении президента дошлифовыва-

лись до нужного звучания фразы, завершались консультации с послами стран НАТО и членами конгресса. Последние пришли в ярость, они жаждали крови. Блокада им представлялась крайне слабой мерой, на их устах было одно слово: «вторжение».

Даже такой осторожный и умный, по оценке отца, политик, как Уильям Фулбрайт, советовал развязать военные действия. На президента давили со всех сторон, но он твердо стоял на своем.

Одновременно с дипломатической активностью в США начались и военные приготовления. На юго-восток из глубинных штатов перебрасывались войска. Из Техаса в штат Джорджия двинулась бронетанковая дивизия. Пять других дивизий, поднятых по тревоге, готовились к переброске во Флориду.

Межконтинентальные ракеты привели в боевую готовность, бомбардировщики получили приказ барражировать в воздухе с полной боевой нагрузкой. Как только один из них приземлялся для заправки, в воздух поднимался следующий, завертелась ядерная карусель.

Боевые корабли выходили на исходные позиции для установления блокады. Зону перехвата следующих на Кубу судов установили на расстоянии восьмисот миль от острова, вне зоны досягаемости МИГ-21.

* * *

Новый американский посол в Москве получил указание за час до начала выступления вручить переданное ему шифром из Вашингтона письмо президента Кеннеди отцу и текст предстоящего выступления. Этим положили начало ежедневному обмену письмами в период кризиса.

Фой Колер попытался выполнить инструкцию, но, как пишет Роберт Кеннеди, «не смог встретиться ни с одним сколько-нибудь высокопоставленным официальным лицом». Это и не удивительно: в Вашингтоне упустили из виду, что шесть часов вечера у них соответствуют двум часам ночи в Москве. Дежурный по Министерству иностранных дел вежливо посоветовал послу дождаться утра. Посол поручил советнику посольства Дэвису продолжать настаивать. Содержание

послания не располагало к благодушию, к утру могло оказаться уже поздно. В конце концов Дэвису удалось добиться результата. Письмо у него приняли.

Такие накладки в те дни случались не раз. Мне рассказывали, что в целях соблюдения секретности наши подводные лодки, расположившиеся в районе Кубы, получили команду выходить на связь с Москвой глубокой ночью, от двенадцати до двух часов. В это время больше шансов, что сонные вахтенные проглядят вынужденную подвсплыть к самой поверхности субмарину. Однако упустили, что время указали московское, а там, у берегов Кубы, разгар дня. Исправились только на следующий день, получив донесение, что передачу пришлось вести на виду у всей американской эскадры.

Одновременно с предполагаемым визитом Фоя Колера в МИД СССР к государственному секретарю США Дину Раску пригласили посла Советского Союза Анатолия Добрынина. Ему вручили текст предстоящего выступления президента и изложили позицию американского руководства.

Многолетняя практика показывала, что утечка информации, вольно или невольно, чаще всего происходит через посольства. Поэтому о размещении ракет Громыко, посоветовавшись с отцом, посла не информировал. Для Добрынина новость прозвучала как гром с ясного неба. По свидетельству дежуривших у дверей государственного департамента репортеров, из кабинета государственного секретаря он вышел с посеревшим лицом.

* * *

В 7 часов вечера в понедельник 23 октября вся Америка прильнула к телевизорам и радиоприемникам.

Можно по-разному относиться к оценкам, данным президентом. Можно поверить или усомниться в том, что Куба, даже с помощью могущественного Советского Союза, угрожала жизни Западного полушария. Все зависит от точки зрения. В своих заметках не хочу вступать в полемику задним числом. Сказанные Кеннеди слова принадлежат истории.

Для меня более интересно отношение слушателей. Реакцию американцев можно сравнить разве что с реакцией на нападение японцев на Перл-Харбор: шок, сменившийся требованиями немедленного отмщения. Точка зрения Комитета начальников штатов получила мощную поддержку. Американцы, казалось, готовы были все погибнуть, но выдворить непрошеных гостей с соседнего подворья. О том, что речь идет о ином, суверенном государстве, никто и не поминал. Америка объединилась в едином антикубинском и антисоветском порыве.

Президент объявил «строжайший карантин с целью помешать доставке на Кубу всякого рода наступательного оружия. Всем судам, какой бы «национальности» они ни были и откуда бы они ни плыли, на борту которых будет обнаружено наступательное оружие, будет предписано остановиться и повернуть обратно. В случае необходимости блокада будет распространена на другие грузы и корабли. Однако в настоящий момент, — продолжал Джон Кеннеди, — мы не намерены лишать кубинцев предметов первой необходимости, как это пытались сделать Советы во время блокады Берлина в 1948 году.

... Я приказал нашим вооруженным силам быть готовыми ко всякой случайности, и я надеюсь, что и кубинцы, и советские специалисты на строительных площадках ясно отдадут себе отчет, чем они рискуют, если будут продолжать свои наступательные приготовления.

... Я распорядился укрепить нашу базу в Гуантанамо, эвакуировать с нее сегодня же семьи нашего персонала и привести в боевую готовность дополнительные воинские части.

... Мы требуем сегодня срочного созыва Совета Безопасности с тем, чтобы были приняты меры против угрозы миру со стороны Советского Союза».

Немедленно после выступления президента вооруженные силы США перешли из боевой готовности № 5 в боевую готовность № 3, обеспечивающую возможность начать боевые операции немедленно. Обычно строго секретный приказ главнокомандующего на сей раз передали в заморские гарнизоны по радио открытым текстом. Президент его адресовал не столь-

ко командирам военных баз и авиакрыльев, сколько отцу, Кремлю.

Ночью на базу в Гуантанамо самолетами началась переброска трех дополнительных батальонов морской пехоты. Обратными рейсами оттуда вывозили семьи военнослужащих. Все это передавалось по телевидению, американскому народу демонстрировалась решительность намерений президента.

Однако не обо всем сообщали по телевидению. Дотошный Макнамара подсчитал, во что обойдется вторжение. Для этого потребуется четверть миллиона солдат, не считая дополнительных 90 тысяч морских пехотинцев и десантников первого броска. Потери оценивались примерно в десять процентов от задействованного личного состава, то есть от 25 до 35 тысяч человек.

Чтобы подавить сопротивление кубинцев и обеспечить нормальную высадку, необходимо было произвести две тысячи самолето-вылетов.

Комитет начальников штабов считал обязательным придать десанту средства усиления — тактические ядерные ракеты «Онест Джон». Президент дал согласие, оговорив, что на оснащение их атомными боеголовками нужно испросить у него специальное разрешение.

В 11 вечера в Пентагоне получили известие, что первые пятнадцать «Юпитеров» на базе в Турции приведены в готовность к запуску.

* * *

По странному стечению обстоятельств в тот день арестовали Олега Пеньковского. Со времени его последнего донесения в Вашингтон прошло два месяца. Стиснутый плотным кольцом контрразведки, он физически не мог передать новую заготовленную информацию. Он ничего не узнал о кризисе. Ему в те дни было ни до Кубы, ни до ракет, ни до Хрущева или Кеннеди. Стало ясно, что Винн не успевает, контрразведчики дышали буквально в затылок. Пеньковский запаниковал. Он набрал условленный номер телефона, оставалось послать последнее прости своим новым друзьям? Хозяевам? Работодателям? Сигнал обгово-

рили заранее, в самом начале сотрудничества. Подобную инструкцию имеет каждый агент, и каждый надеется, что ею не придется воспользоваться. Пришлось...

Но произнес Пеньковский не условную фразу, свидетельствующую о собственном провале, а совсем иную, тоже обговоренную заранее. Она означала, что Советский Союз наносит немедленный ядерный удар по Соединенным Штатам. Что это — ошибка? Или отчаянная попытка покончить с собой и со всей мировой цивилизацией?

На наше счастье, запал не сработал, принявшие сигнал Пеньковского разведчики из ЦРУ отнесли его к разряду ошибок, сбоев, искажений, неизбежно появляющихся в каналах связи. Президенту о паническом предупреждении даже не докладывали.

* * *

Порог своего кремлевского кабинета отец переступил около одиннадцати часов вечера. Возможно, впервые после смерти Сталина ему пришлось приехать на работу в столь поздний час. Зал заседаний еще не наполнился, плотные двойные двери то и дело приоткрывались, один за другим входили приглашенные. Лица у всех выражали недоумение, смешанное с тревогой. Причину необычного, как по времени, так и по срочности, совещания знали. Но что конкретно произошло? Собравшихся давила, вжимала в стулья повисшая в комнате зловещая неопределенность.

Когда все собрались, отец повторил уже ставшее известным присутствующим сообщение о предстоящем выступлении американского президента.

— Речь, видимо, пойдет о наших ракетах на Кубе, — продолжал он.

Отец оглядел присутствующих, его взгляд остановился на Малиновском.

— Проморгали, — с досадой произнес он.

Грузный маршал начал подниматься из-за стола, готовя слова оправдания, но отец только махнул рукой: «Что уж говорить. Сидите».

Советоваться оказалось не о чем, разговор не кле-

ился. Оставалось ждать новостей. Время тянулось нестерпимо медленно.

Около половины второго ночи, за полчаса до назначенного срока, сидевшего в углу зала за маленьким четырехугольным полированным столиком Олега Александровича Трояновского, помощника отца по международным делам, вызвали к телефону. Из Вашингтона звонил Добрынин. Отсутствовал Трояновский долго, казалось, целую вечность. Наконец он вернулся, держа в руках кипу торопливо исписанных листов.

— Что там? Читайте, — натянуто улыбнулся отец.

Трояновский, запинаясь, то и дело останавливаясь, чтобы свериться со своими записями, зачитал ныне известное всем заявление президента Кеннеди. Как ни странно, у присутствующих в зале оно вызвало чувство облегчения — не война. За эти часы томительного ожидания, когда в голову лезли самые мрачные предположения, блокада представлялась чем-то вроде избавления. Конечно, только в первые минуты. По словам Трояновского, отец воспринял сообщение спокойно, предложил обсудить его, подготовить подобающий ответ. Некоторое недоумение у присутствующих вызвал термин «карантин». Ни Кузнецов ни Малиновский не смогли объяснить, что же он означает на деле. Не вызывало сомнения одно — нам угрожают.

Отец предложил безотлагательно опубликовать наше ответное заявление, продемонстрировал решимость на силу ответить силой, предупредить, что у нас ядерный кулак не слабее американского.

Здесь снова приходится вспомнить о Пеньковском. По его информации, переданной в США, наш кулак оказывался много слабее. Правда, тут действует иная математика: двух десятков ракет, имеющихся у нас в наличии, хватило бы, чтобы разрушить десяток американских городов. Посчитает ли американский президент такую плату за устранение ракет с Кубы приемлемой?

Отец сам продиктовал текст ответного письма и заявления. Помощники отправились, что называется, приводить его в «божеский вид». Договорились вернуться к обсуждению утром в 10 часов. Настала

пора расходиться, но отец медлил, что-то его еще беспокоило.

— Давайте задержимся здесь до утра, — наконец проговорил он, — иностранные корреспонденты и разведчики наверняка крутятся поблизости от Кремля. Не стоит демонстрировать свою нервозность, пусть думают, что мы спокойно спим в своих постелях.

Возражений не последовало. Отец ушел в свой кабинет, там ему уже готовили постель в комнате отдыха, на диване. Заместители Председателя Совета Министров оказались в привилегированном положении, их кабинеты располагались по соседству. Обитателям Старой площади пришлось коротать ночь на стульях в зале заседаний.

Утром все выглядели помятыми, невыспавшимися. Помощники зачитали отредактированные тексты ответа Кеннеди и постановления Совета Министров. Текст постановления остался практически неизменным. А вот письмо Кеннеди, внося поправку за поправкой, отец фактически начал передиктовывать заново. То и дело вставляли замечания и другие участники совещания. Решил внести свою лепту и Василий Васильевич Кузнецов. Смысл его предложений сводился к тому, что, в ответ на американский нажим на Кубе, нам следует ответить тем же в Берлине. Кузнецов почти не сомневался в одобрении отца, но тот отреагировал неожиданно резко.

— Попридержите подобные советы при себе, — грубо отрезал он.

Отец явно не желал нагнетать напряженность.

Наконец с письмом покончили. Время уже подходило к обеду. Ответ президенту США договорились переслать по конфиденциальным каналам через посольство. Заявление же правительства и командования войск Варшавского Договора отправили на радио. В 4 часа дня его зачитал Юрий Левитан.

«В Совете Министров Союза Советских Социалистических Республик. В связи с провокационными действиями правительства США и агрессивными намерениями американских вооруженных сил 23 октября 1962 года в Кремле Советское правительство заслушало министра обороны СССР Маршала Советского Союза

товарища Малиновского Р. Я. о проведенных мероприятиях по повышению боевой готовности в Вооруженных Силах и дало министру обороны необходимые указания, в том числе до особого распоряжения:

1. Задержать увольнение в запас из Советской Армии военнослужащих старших возрастов в Ракетных войсках стратегического назначения, в войсках противовоздушной обороны и на подводном флоте.

2. Прекратить отпуска всему личному составу.

3. Повысить боеготовность и бдительность во всех войсках».

Следом передавалась аналогичная информация, касающаяся войск Варшавского Договора:

«В Штабе Объединенных вооруженных сил стран Варшавского Договора. Главнокомандующий Объединенными вооруженными силами стран Варшавского Договора Маршал Советского Союза Гречко А. А. 23 октября 1962 года созвал представителей армий-участниц и дал указание по проведению ряда мер по повышению боевой готовности войск, входящих в состав Объединенных вооруженных сил».

* * *

Первым откликнулся на возникший вокруг Кубы кризис английский философ Бертран Рассел. В тот же вечер, а вернее ночь, он послал обоим руководителям призыв не совершать никаких действий, способных подтолкнуть мир к ядерной катастрофе. Следом за ним отреагировал Фидель Кастро. Поздно ночью Куба потребовала немедленного созыва Совета Безопасности для обсуждения возникшего кризиса.

* * *

Обо всем этом я услышал по радио на работе. Из сообщения не удалось понять, что же на самом деле произошло. Я со страхом и нетерпением ждал вечера.

С приездом отца все должно было проясниться, встать на свои места. Он заскочил домой ненадолго. С порога сообщил, что собирается в театр. Я про себя

ахнул: какой театр? Но вслух произнес обычное: «Мы с тобой?»

Отец любил театр: больше — оперу, меньше — балет. Жаловал он и драму, особенно классику: Островского, Толстого, к современным пьесам относился прохладнее, хотя почему-то восторгался ходульными сочинениями Корнейчука. С удовольствием посещал он и концерты. Как правило, ходили мы в театр всей семьей. Исключение составляли официальные посещения с иностранными гостями. Тут появление в правительственной ложе чад и домочадцев, конечно, исключалось. На сей раз дело обстояло именно так: в Москве гостила румынская делегация во главе с Георге-Георгиу-Дежем. В соответствии с рутиной официальных визитов предусматривалось посещение Большого театра. Остановились на «Борисе Годунове» в необычной для нас американской постановке. Тогда ни отец, ни тем более чиновники Министерства иностранных дел не подозревали, что во вторник будет не до театра...

Однако отец решил не менять своих планов. Он считал свое появление в театре даже полезным — весь мир увидит, что угрозы американского президента не поколебали спокойствия в Кремле. Да и обидчивость румын давно стала притчей во языцех.

И то, что спектакль американский, он считал, тоже пришлось кстати: мы не хотим ни с кем ссориться. И этот знак не останется без внимания. Чтобы усилить впечатление, отец предложил «проветриться» и некоторым другим членам Президиума ЦК.

До отъезда оставалось минут сорок, и мы пошли пройтись вокруг дома. Выглядел отец усталым, но, тем не менее, едва мы вышли во двор, я набросился на него с вопросами. На самом деле он мог рассказать не слишком много: американцы проведали о наших ракетах, но что они знают и насколько их сведения точны, судить пока трудно.

В первый день у отца еще теплилась надежда, что информация, полученная Белым домом, не точна, основана на слухах. К вечеру он отбросил сомнения: не стали бы они действовать столь решительно, не имей неопровержимых доказательств. Приходилось на ходу подстраиваться под новую обстановку.

Меня удивило: оказывается, не существовало заранее продуманного плана действий на случай преждевременного обнаружения наших ракет. Теперь приходилось импровизировать.

Несмотря ни на что, отец считал, что строительство следует продолжать. Ускоренными темпами приводить ракеты в готовность. Тем самым американцы через несколько дней окажутся в положении, предусмотренном нашим первоначальным планом. Им поневоле придется задуматься.

Соответствующая директива ушла на Кубу. Там оставалось не так много работы. Буквально днями первые старты должны были принять Р-12. В затылок за ними выстраивались Р-14.

Одновременно Плиеву приказали доложить, как американцы смогли углядеть, что делается на острове. Ответ пришел нескоро. Там, на месте, собирались с мыслями, примеривались, как поаккуратнее объяснить очередной недогляд. Задним числом стали проверять маскировку, упрятывать технику, которая до этого вопреки всем инструкциям день и ночь стояла под открытым небом.

Прогулка наша подошла к концу. Так и не удалось мне добиться успокоительной ясности...

Посещение театра нашло свое отражение в очередном донесении американского посла в госдепартамент. Тем более что после окончания спектакля артистов, советских и американских пригласили в бывшую царскую ложу, ныне отведенную для официальных посещений главами иностранных государств. Отец поблагодарил за доставленное удовольствие. Всем разлили шампанское, выпили за мир во всем мире, за чистые голоса и чистое небо над головой.

С отцом в ложе сидели Козлов, Косыгин, Микоян, Брежнев. Подбор «театралов» оказался не случаен. Отец демонстрировал: в Кремле не осталось никого, все тут.

* * *

Когда отец собирался в театр, в Вашингтоне начинал разгораться хлопотливый день. В 10 часов утра 23 октября собралось первое официальное заседание

вновь учрежденного при президенте США Исполнительного комитета. Председательствовал Джон Кеннеди.

Американцы теперь наблюдали за стартовыми позициями ежедневно. Директор ЦРУ Джон Маккоун в своем докладе об изменениях, происшедших на Кубе за истекшие сутки, отметил, что на острове сохраняется спокойствие, на ракетные базы не допускается никто, только советский персонал. Удивление присутствующих вызвало его сообщение о спешном камуфляже ракетных установок. Почему только сейчас?

Американцы не нашли удовлетворительного объяснения. Отец тоже не получил от Плиева вразумительного ответа. Я больше не слышал от него восторженных отзывов о генерале Плиеве. О присвоении ему звания маршала он и не заикался.

Когда Маккоун показывал фотографии кубинских военных объектов, снятые накануне, Джон Кеннеди с удивлением отметил, что боевые самолеты на аэродромах вытянулись в ровные цепочки, как бы специально облегчая задачу на случай возможной атаки.

Он пошутил, что это проявление склонности военных к порядку, к строю, и предположил, что на аэродромах Флориды, по всей вероятности, можно наблюдать аналогичную картину. Генерал Тэйлор срочно послал самолет проверить американские аэродромы с воздуха. Президент оказался прав: и там самолеты, крыло к крылу, выстраивались в четкие геометрические узоры.

Вечером того же дня, после консультации с представителями членов Организации американских государств, приняли решение о введении с 10 часов утра 24 октября морской блокады.

* * *

Неопределенность с блокадой беспокоила отца более всего. В заявлении Кеннеди провозглашалось лишь установление карантина. Когда же они решатся на практические действия, оставалось загадкой. Для отца это оказалось чрезвычайно важным, к Кубе подходили последние суда. Самое главное, сквозь строй амери-

канских боевых кораблей, занимавших предписанные им позиции, пробирались два скромных грузовых теплохода, чье задержание делало всю затею бессмысленной. У них на борту находились ядерные боеголовки.

Отец считал, что мы, как великая держава, не можем подчиняться диктату США, они не имеют права досматривать наши суда в открытом океане. Всем капитанам пошли указания следовать своим курсом, командам, подаваемым с американских кораблей, не подчиняться, ход не стопорить. Начиналось противостояние. Малейшая ошибка теперь могла привести к непоправимому.

Все переговоры наших судовых радистов с материком американцы скрупулезно регистрировали, и открытые, и закрытые. Вечером 23-го они отметили необычайное число шифрованных посланий. Роберт Кеннеди пишет, что в ЦРУ так и не смогли расшифровать их, не узнали тогда, не знают и сейчас, какие команды получили капитаны из центра. Исполком лишь фиксировал, что корабли курса не изменили. Пока их не задерживали. Американские эсминцы лишь разворачивали молчаливые орудия, отслеживая проходящие мимо под советским флагом сухогрузы, танкеры, реже пассажирские теплоходы. На них все, от капитана до матроса, находились в страшном напряжении. Только когда заградительная цепочка оставалась за кормой, следовал вздох облегчения. Пронесло.

Суда с боеголовками без происшествий, буквально в последний момент, проскользнули через зону карантина. В эфир передали шифрованный сигнал, безобидное послание на берег, содержащее с таким напряжением ожидаемое в Москве условное слово. Как бы оно ни звучало, смысл был один: «Проскочили».

Немедленно доложили отцу. Он немного успокоился. Появилась даже некоторая надежда, что американцы только угрожают, а задержать суда в открытом море не посмеют. Решение американцев о возможном досмотре советских кораблей все больше занимало мысли отца. Именно в нем он видел наибольшую опасность столкновения. Отец просто начинал кипеть, когда представлял себе, как чужие матросы обшаривают наши суда, снуют по палубам, открывают двери кают, суют свой нос в судовые документы.

Он рассматривал подобные действия как пиратство и еще днем продиктовал возмущенное письмо президенту Кеннеди. Свое первое письмо после начала кризиса. Там он отмечал: «Я хочу по-дружески предупредить, что меры, объявленные в Вашем заявлении, представляют серьезную угрозу миру и безопасности народов. Соединенные Штаты открыто и грубо нарушают международные нормы свободы судоходства в открытом море, совершают агрессию как в отношении Кубы, так и Советского Союза».

Дальше отец, не уточняя, что конкретно размещается на Кубе, снова заверял: «Мы подтверждаем, что вооружение, находящееся ныне на Кубе... предназначено исключительно для оборонительных целей, служит защите Кубинской Республики от возможного нападения агрессора».

Терминологическая игра продолжалась...

В тот же день и Советский Союз потребовал созыва Совета Безопасности «в связи с нарушением Устава ООН и угрозой миру, вызванными действиями Соединенных Штатов». Теперь у У Тана лежали требования трех сторон о созыве Совета Безопасности для обсуждения одного и того же вопроса с очень похожими взаимными обвинениями.

* * *

Когда вечером 23 октября я спросил отца о главном: «А вдруг война?» — он ответил: «Одно дело угрожать ядерным оружием, совсем другое — пустить его в ход». По его словам, объявление повышенной боевой готовности в Советской Армии — лишь политический ответ на действия американцев.

Тем не менее заправленные межконтинентальные ракеты, как их мало ни было, стояли в готовности к немедленному пуску. На аэродромах летчики сменялись в самолетах, им предписывалось взлететь немедленно по получении команды. В сухопутных войсках вскрывались склады, частям выдавались боеприпасы.

Стоило только поднести спичку.

И отец, и Кеннеди отдавали себе отчет не только в своей личной ответственности, но и в том, насколько важно сейчас сохранить управление событиями в своих руках, не выпустить вожжи.

* * *

Вечером 23 октября в шесть часов в Белом доме снова собрался Исполком, чтобы обсудить практическую сторону введения блокады.

В Москве уже наступила ночь. Отец давно спал.

Президент предостерег от необдуманных действий, способных привести к гибели судов и экипажей. Он допускал, что капитаны советских судов, подчиняясь приказу Москвы, могут проигнорировать предупреждения американцев и тогда встанет вопрос: кто кого? Если корабли не подчинятся приказу, придется или пропустить их, или... открыть огонь. В последнем случае Кеннеди настаивал: «Стрелять только по винтам, и только по его личной команде. Никакой самодеятельности».

Джон Кеннеди попытался разъяснить свою позицию отцу. В ответе на полученное утром послание он писал, что США не намерены открывать огонь по советским кораблям, но все может произойти, если они проигнорируют правила установленной блокады.

Свое содействие в улаживании конфликта предложил У Тан. Обе стороны на словах приняли его предложение о посредничестве, но каждая со своими оговорками. Джон Кеннеди согласился вступить в контакты с целью выяснения возможностей для ведения переговоров. Отец согласился с идеей У Тана приостановить развитие событий и в ответ на снятие блокады обещал прекратить военные поставки на Кубу. Здесь пока не намечалось возможностей достижения соглашений, но всякий диалог лучше столкновения.

Заседание Исполкома закончилось поздно. К окончательному решению, как, по какому признаку задерживать или пропускать советские суда, так и не пришли.

Положение еще больше осложнилось: в Карибском море занимали боевые позиции советские подводные лодки.

В последний момент отец решил, что их присутствие послужит неким, пусть почти условным, противовесом армаде, устанавливающей блокаду. Одно дело — задержание торгового судна, другое — нападение на военный корабль. Он рассчитал правильно: присутствие подводных лодок заставило президента стать еще осторожнее.

* * *

Когда все разошлись, президент попросил брата встретиться с Добрыниным.

Роберт поспешил к телефону. Свидание состоялось в посольстве в половине десятого вечера. Разговор получился не легким. Со времени их последней беседы изменилось так много, казалось, мир перевернулся. В прошлый раз посол убеждал брата президента в невозможности даже представить себе наличие наших ракет на Кубе.

Теперь переполненный обидой Кеннеди кипел от возмущения, перечисляя успокоительные заявления ТАСС, письма отца, заверения Громыко.

«Президент Вам поверил и оказался обманутым», — звучало главной темой обращения к Добрынину.

Все это снова напоминало мне историю с У-2, только стороны как бы поменялись местами, и с одним существенным отличием: в мае 1961 года отец ограничился громогласными заявлениями, сейчас американский президент изготовился к решительным действиям.

Добрынин не успел получить новых инструкций из Москвы и продолжал отрицать очевидное. По его словам, никаких ракет на Кубе не существовало.

Наконец эмоции исчерпались, и Кеннеди задал вопрос, ради которого он пришел: «Будут ли советские суда продолжать рейсы на Кубу, несмотря на объявление блокады?»

Добрынин подтвердил: «Никаких изменений в инструкциях не имеется».

Следовательно, избежать перехвата не удастся. Разговор исчерпал себя.

Попрощавшись, Роберт поспешил в Белый дом. Посол начал срочно готовить шифровку в Москву.

* * *

В Белом доме президент с нетерпением ждал вестей. Блокада, точнее, ее практическая реализация на сегодня стала для Джона Кеннеди главным. Комитету начальников штабов, главнокомандующему Атланти-

ческим флотом, единодушно поддержанным прессой, все казалось ясным: останавливать каждого пересекающего линию дозора для обыска, строптивых расстреливать в упор. К счастью, не им, а президенту предстояло принять окончательные решения...

В Вашингтоне к завершению катился вечер 23-го, а в Москве уже просыпалось утро 24-го. И у отца не было вопроса важнее и сложнее. Над ним так же, как над президентом, нависло грозное слово: «блокада». Вчера вечером, после обсуждения на Президиуме ЦК, он отдал распоряжение двигаться вперед, невзирая ни на что. Флаг великой державы не должен склониться перед произволом янки в открытом океане. Они опираются на силу, но и мы не из слабых. Решение приняли, но спокойствие не приходило. Перед отцом стояла та же дилемма: как, не поступившись достоинством великой державы, удержаться от рокового шага, не совершить рокового просчета, не перейти грани.

Грань эта весьма призрачна, почти невидима.

* * *

Визит Роберта Кеннеди к послу Добрынину не принес облегчения. Когда он вернулся в Белый дом, то застал брата в компании английского посла Дэвида Ормсби-Гора. Они тихо беседовали у камина. Речь шла, конечно, о Кубе, о блокаде, о Хрущеве. Ормсби-Гор был старым другом президента, одним из немногих, кому он безоговорочно доверял. Президент позвал его, чтобы выслушать мнение «со стороны». Его советники за эти дни попритерлись, острота восприятия притупилась.

Роберт, не стесняясь посла, подробно рассказал о беседе с Добрыниным. Ситуация прояснилась, но не облегчилась. Чтобы не ошибиться, необходимо узнать, что думают в Москве. Без этого игра пойдет вслепую, каждую минуту можно сделать неверный шаг.

Джон Кеннеди предложил устроить немедленную встречу с отцом. Разговор один на один должен снять недоговоренности.

Такая же мысль пришла в голову и отцу. В своем ответе Бертрану Расселу он писал, что выход из создавшегося кризиса можно отыскать в безотлагатель-

ной встрече на высшем уровне. Отец немного хитрил. Организация встречи требовала времени, в самом лучшем случае — нескольких дней. За этот срок ракеты приведутся в боевую готовность и разговор пойдет на равных. Этих нескольких дней так не хватало отцу. Пока Куба, по существу, оставалась безоружной, находилась на положении заложницы у Соединенных Штатов.

Возможно, Кеннеди подумал о том же. А быть может, по другим причинам, но идею о встрече с отцом, пришедшую ему в голову, после недолгого раздумья он сам и отбросил.

Решение о блокаде вступало в силу в 10 часов утра 24 октября. В Москве в этот момент пробьет 6 часов вечера. На оценку обстановки и принятие решения отводилось очень мало времени, наступал жесткий цейтнот. Советские суда находились в непосредственной близости от выстроившихся в заградительный заслон американских боевых кораблей. В условиях спешки вероятность ошибочного, недостаточно взвешенного решения возрастала.

Рассудительный Ормсби-Гор посоветовал Кеннеди дать Москве больше времени на раздумья. Сделать это можно, передвинув линию блокады ближе к Кубе. То, что корабли США станут достижимыми для МИГов, не вызвало у Джона Кеннеди особых опасений — самолетов в распоряжении Кастро немного, и реальной угрозы они не представляли.

Президент принял совет и тут же, позвонив Макнамаре, приказал сократить к утру рубеж перехвата на 300 миль. Теперь он располагался в пятистах милях от острова. На том в Вашингтоне бурный вторник закончился.

На самом деле новое решение мало что изменило по существу. Советские суда шли сплошным потоком, и некоторые из них только недавно миновали восьмисотмильный рубеж и теперь находились на подходе к пятисотмильному. Об этом в Белом доме не подумали. Запас времени, предоставленный Москве, не увеличился.

Не изменилась и ситуация с ядерными боеголовками. Суда, проскочившие накануне восьмисотмильный рубеж, к утру успели миновать пятисотмильный

радиус. Теперь они приближались к месту выгрузки. Отставшие же так и не смогли их нагнать. Они в любом случае натыкались на карантин.

Я не задавал отцу прямых вопросов о количестве кораблей, перевозящих ядерные боезаряды. Эти сведения представляли слишком большую тайну. Однако из разговоров, свидетелем которых мне довелось стать, я сделал вывод, что всего их отправили три. Еще несколько служили для маскировки.

На каком из кораблей размещался опасный груз, не знали даже капитаны. Сейчас свидетелей остается все меньше. Мне удалось связаться с Иваном Федоровичем Сепелевым, в 1962 году командовавшим теплоходом «Волголес». Вооружение на Кубу он возил дважды. Первый рейс состоялся в первых числах сентября. «Волголес», как и подобает судну с таким названием, разгружал пиломатериалы, доставленные в английский порт Гулль из Архангельска. Там его настигла шифровка из Москвы, предписывающая побыстрее разделаться с досками и полным ходом следовать в Калининград. Капитана насторожила необычная приписка: «Семьи экипажа в порт захода судна не вызывать».

В Калининграде в трюмы «Волголеса» загрузили массивные бетонные плиты. Сепелев недоумевал: «Стоило ли из-за этих «чушек» пороть горячку?» Только позже выяснилось, что плитам предстояло послужить опорными площадками на стартовых позициях баллистических ракет.

Из Калининграда судно переместилось в соседний Балтийск, базу Военно-морского флота. «Купцов» туда, как правило, не пускали. На сей раз сделали исключение, на «Волголес» предстояло погрузить совершенно секретные МИГ-21. Истребительный полк прибыл своим ходом прямо из Москвы, где он участвовал в воздушном параде в Тушино. В те дни он оказался единственным подразделением советских Военно-воздушных сил, освоившим новые самолеты. Громоздкие ящики заполонили все трюмы. Часть из них пришлось распределить на палубе.

Потеснив экипаж, в кубриках расместились три десятка военных пилотов, переодетых в гражданские одежды. Ни летчики, ни моряки, включая капитана, не

имели представления, куда им предстоит направиться. Секретный пакет Сепелеву надлежало вскрыть лишь на выходе из Балтики, на траверзе Скагена. Там он узнал, что следовать им предстоит в кубинский порт Изабелль. Плавание прошло спокойно. Выгрузка — тоже. 11 сентября «Волголес» лег на обратный курс, его уже ожидали в Балтийске.

Второй поход на Кубу оказался более нервным. В трюмы погрузили огромные ящики, на палубу закатили военные грузовики с тщательно зачехленными кузовами. Что скрыто внутри, на сей раз капитану не сказали. Только на подходе к острову, когда «Волголес» окружили американские эсминцы, сопровождавший груз немногословный, мрачного вида человек сквозь зубы предупредил, что следует изготовиться ко всему, груз — необычный. Сепелев так и не понял, что же он вез: то ли ядерные заряды, то ли ракеты. Зато не вызывало сомнений, что означает «быть готовым ко всему». Инструкция, полученная из Москвы, предписывала: в случае захвата судна иностранными пиратами, так именовались военные корабли США, «Волголес» вместе с грузом затопить.

К счастью, до крайности не дошло. В воскресенье 22 октября команда вздохнула с облегчением, корабль встал на рейд гаванского порта. А там о нем, казалось, забыли. Никто не торопился с разгрузкой. Моряки томились неизвестностью. С внешним миром их связывало только радио, а принимаемые передачи не вселяли оптимизма: сначала Кеннеди объявил о блокаде, затем прозвучал призыв Кастро: «Родина или смерть!». Москва молчала.

Так тянулось почти две недели. Только 3 ноября ящики и грузовики поспешно переправили на берег, а Сепелев получил команду идти в порт Мариэль и становиться под погрузку ракет. Теперь их предстояло везти в обратном направлении.

Имелись ли на «Волголесе» ядерные заряды или нет, остается только гадать. Как и о многом ином.

Достоверно только одно: на Кубу пришли 20 одномегатонных боеголовок для Р-12*, остальные не смог-

*На проходившем в Гаване в январе 1992 года заключительном заседании историков трех стран — Кубы, России и США, — посвяти-

ли преодолеть линии карантина. Одновременно с ядерными зарядами баллистических ракет прибыли и специальные боевые части, предназначенные для «Лун», бомбы для МИГ-21, а возможно, и что-то еще. Огромные контейнеры выгружались с соблюдением всех мер предосторожности. Органы безопасности допускали к работам только самых надежных, самых проверенных. Возможно, что именно эти особые меры и породили новые разговоры: на остров доставлено «нéчто». К счастью или к несчастью, до Вашингтона слухи не добрались, ЦРУ осталось в неведении. Я говорю «к несчастью»: будь в Белом доме уверены, что боевые заряды на острове, члены Исполкома наверняка повели бы себя еще более осмотрительно.

Наиболее драматически сложилась судьба у «Индигирки», еще одного транспорта, проскочившего через кордон буквально в последнюю секунду. Она доставила на Кубу теперь уже никому не нужные боезаряды для Р-14. Ведь ракеты остались по ту сторону карантина. Корабль решили не разгружать, и он простоял все эти дни в гаванском порту. По завершении кризиса не привлекшая ничьего внимания «Индигирка» со своим грузом вернулась домой в Архангельск.

* * *

Утром в Москве из сообщений американского радио стало известно, что карантин вступает в силу сегодня, 24 октября, в 18 часов. Следом пришло сообщение от Добрынина. Он подчеркивал, что брат президента чрезвычайно обеспокоен возможными последствиями контакта наших судов с карантинным барьером. Последствия могут стать непредсказуемыми.

В целесообразности принятого вечером решения

вших себя изучению всех перипетий, связанных с Карибским кризисом, генерал армии Анатолий Иванович Грибков, в 1962 году специальный представитель министра обороны Р. Я. Малиновского на острове, заявил, что на Кубе на удалении двухсот пятидесяти километров от стартовых позиций находились все тридцать шесть ядерных боеголовок для Р-12.

Посыпались вопросы: «Где?» Ведь специальные хранилища для них так и не удалось достроить. Генерал от ответа уклонился. Я позволю себе усомниться и остаться при своем мнении — зарядов для Р-12 доставили только двадцать. — *С.Х.*

идти напролом отец засомневался еще ночью. Оно родилось сгоряча, диктовалось не разумом, а сердцем. Утреннее известие поколебало его еще больше. Риск столкновения с американскими кораблями представлялся абсолютно неоправданным. Сейчас он аргументировал изменение решения тем, что все необходимое на Кубу завезено. Об Р-14 он не обмолвился ни словом.

На утреннем заседании Президиума ЦК отец предложил дать новую команду судам, везущим оружие: остановиться. Кому предстояло дожидаться снятия блокады, болтаясь в море, а кому целесообразнее вернуться домой или отстояться в ближайших портах, предстояло решить министрам обороны и морского флота.

Поскольку в заявлении президента США речь шла только о наступательном вооружении, судам с мирными грузами предписали продолжать движение, отвечать на запросы американцев, но на борт их не допускать ни под каким видом. Там наша суверенная территория, освященная нашим флагом.

Военные особенно беспокоились о танкерах. Без лишнего бронетранспортера или танка можно обойтись, их уже навезли достаточно, а без горючего не поднимутся в воздух самолеты, не сдвинутся с места боевые машины. Ракеты тоже требовали заправки.

Отец колебался: с одной стороны, груз танкеров предназначен для снабжения войск, а с другой — это не очевидно. Толкование могло быть любым, в зависимости от настроения американской стороны. Выбора отцу не предоставлялось — без горючего вся операция обрекалась на провал. Наконец решили: танкерам следовать своим курсом. Условия те же: американцам не противодействовать, их любопытство удовлетворять, но на борт не пускать.

Пока обсуждали, готовили шифровку, день стал клониться к концу. Отец нервничал: в 6 часов может произойти первое столкновение. Во исполнение вчерашней директивы, требовавшей прорываться любыми средствами, вместе с головными судами двигались подводные лодки. В случае применения американцами оружия они имели распоряжение действовать по обстановке.

Наконец, в начале шестого вечера доложили, что шифровка отправлена. В запасе оставалось около часа, вполне достаточно. Отец с облегчением вздохнул. Решение далось нелегко, кто-то обязательно обвинит его в уступке империалистам, в недостатке твердости, но это «перемелется». Страшнее, если начнется стрельба, тогда ситуацию в руках не удержишь, события выйдут из-под контроля. Отец с нетерпением ожидал сообщений из Атлантики. Как себя поведут американцы?

* * *

Американцы нервничали не меньше его. Утром президент Кеннеди прежде всего справился о поведении советских судов. В океане ничего не изменилось, как будто не было его обращения к народу, решения Организации американских государств, прокламации об установлении блокады. Корабли, как ни в чем не бывало, следовали своим курсом, с каждым часом приближаясь к линии, отделяющей сегодняшний мир от завтрашнего.

Ничего не оставалось, как принять высказанные во вчерашнем письме из Москвы слова отца о непризнании им законными пиратские акты, нарушающие общепринятые правила свободы судоходства в открытом море. Подходило время решения: или осуществить перехват, или... пропустить, признать свое собственное заявление несостоятельным.

Отступление к пятисотмильному рубежу ничего не дало. Соприкосновению сторон суждено было произойти не позднее полудня. Потом уточнили — первое советское судно пересечет линию блокады между половиной одиннадцатого и одиннадцатью.

* * *

Через четверть века Роберт Макнамара вспоминал, как президент поручил ему еще раз связаться с командующим флотом. Джон Кеннеди засомневался, правильно ли адмирал понял его последнее распоряжение: «Огонь открывать только с санкции президента». Ошибка могла обойтись чрезвычайно дорого.

Макнамара немедленно позвонил в штаб Атлантического флота. Адмирал Джорж Андерсон находился там последние дни неотлучно. Вопрос министра обороны о том, что он предпримет в случае неподчинения советских судов, его, казалось, несколько удивил. Он четко и твердо ответил, что намерен действовать по уставу: сначала предупредительный выстрел впереди по курсу, а если это не подействует, то придется перейти к стрельбе на поражение и потопить строптивца.

Макнамара просто ахнул. Подозрения президента оказались пророческими. Адмирал только что объяснил ему, как он собирается развязать третью мировую войну!

— Огонь открывать только после получения подтверждения из Белого дома, — взяв себя в руки, приказал Макнамара.

— Вы что же, решили отменить военно-морской устав? — с некоторой долей издевки переспросил Андерсон.

— Таков приказ президента, — отрезал Макнамара.

Ссылка на главнокомандующего возымела свое действие, командующий флотом недовольно отреагировал кратким: «Есть, сэр».

А если бы Кеннеди не пришло в голову перепроверить, как его решения интерпретировали в штабах?

* * *

Между тем советские суда продолжали невозмутимое движение вперед, к четко обозначенной застывшими в ряд военными кораблями США линии, пересечение которой заставит принять решения в Белом доме и Кремле. Какие? Этого пока не знал Кеннеди, не знал и отец.

В смертельной гонке определились два лидера — «Гагарин» и «Комилес». Судну, названному в честь человека, впервые прорвавшегося в космос, теперь предстояло первому преодолеть совсем иной рубеж. Или не преодолеть...

«Наступил тот момент, к которому мы готовились, хотя и надеялись, что он никогда не наступит. Созна-

ние опасности и беспокойства тучей нависли над всеми нами. Особенно это чувствовал президент» — так охарактеризовал состояние, царившее в то утро в Белом доме, Роберт Кеннеди.

Вскоре положение еще более усугубилось. С крейсера, которому поручили первый перехват, передали, что оба советских судна сошлись и следуют скула в скулу, а между ними прослушиваются винты подводной лодки.

Макнамара доложил президенту, что на подмогу крейсеру срочно вышел авианосец «Эссекс», вылетели противолодочные вертолеты. Согласно действующей инструкции, с «Эссекса» гидролокаторами потребуют от лодки всплыть, а если она не подчинится, начнут ее бомбить глубинными бомбами со слабыми зарядами, не способными причинить вред ее корпусу, но создающими невыносимый грохот.

В иных условиях это средство всегда приносило успех. Преследуемая лодка всплывала, и ее капитан, поднявшись в рубку, получал возможность выразить свое мнение о происшедшем. Но тогда обе стороны знали, что идет игра. А сейчас? Какие инструкции у командира лодки? Вряд ли ему приказано подчиняться командам, подаваемым с американского авианосца.

Только слова очевидца могут позволить хотя бы приблизительно обрисовать, что творилось тогда в Белом доме. Снова Роберт Кеннеди.

«Кругом стоял гул голосов, но я ничего не различал, пока не раздался голос президента: «Нельзя ли как-нибудь избежать столкновения с подводной лодкой?»

— Нет! — ответил Макнамара. — Это слишком опасно для наших кораблей. Другого выхода нет...

Решительный момент наступил».

И дальше.

«Я думаю, эти несколько минут были самым большим испытанием для президента. Стоит ли мир на грани уничтожения? По нашей ли вине? Из-за оплошности? Может быть, мы что-то упустили, чего-то не доделали? Или сделали не так? Ладонью одной руки он прикрывал рот, пальцы другой сжимались и разжимались. Лицо его вытянулось, и взгляд словно посеревших глаз был грустно-напряженным. В течение не-

скольких мгновений казалось, что никого другого здесь нет и что он больше не президент...

Президент Кеннеди развязал ход событий, но он больше не властен над ними. Ему остается только ждать!»

Можно себе представить ощущения капитанов двух небольших сухогрузов и командира обреченной в глубине подводной лодки, над которыми нависала 180-корабельная громада Атлантического флота США.

До линии блокады оставались считанные мили, когда корабельные радисты «Гагарина» и «Комилеса» сообщили капитанам о приеме срочного шифрованного сообщения из Москвы. Побежали за шифровальщиком, он тут был человеком новым, пришел только на один рейс. Ни до, ни после, ни «Гагарин», ни «Комилес» не связывали свою судьбу с государственными секретами. Время тянулось медленно, казалось, он возится со своими кодами целую вечность. Американские корабли приближались со стремительной быстротой, донельзя захотелось замедлить ход, но команда, полученная из Москвы, предписывала игнорировать все это скопище силы. Наконец, гремя по стальному трапу подкованными башмаками, на мостик влетел шифровальщик. Лицо его было бледно, в руке белела бумажка расшифрованного приказа.

— Вот, — только и смог выдохнуть он. Шифрограмма содержала всего несколько строк. Капитан, вернее, капитаны всех советских судов, приближающихся к линии карантина, не прочитав, а только уловив суть сообщения, схватились за ручки машинного телеграфа. Звонок известил, что команда «стоп» в машинном отделении принята.

Замерли корабли, замерла и подводная лодка. Она не имела связи с берегом. Инструкция, полученная накануне, вменяла ей неотступно следовать за грузовиками и, принимая решения по обстоятельствам, оказать им помощь, если потребуется, и оружием. Командир лодки пребывал в недоумении, охраняемые им суда застопорили ход. Американский авианосец, крейсер и сопровождающие их эсминцы прослушивались в удалении и, судя по шуму винтов, явно не собирались атаковать.

Капитан «Комилеса» Эдуард Александрович За-

гальный, мне случайно удалось узнать его фамилию, теперь уже внимательно прочитал директиву. Ему предписывалось, не вступая в контакт с американским заграждением и не пересекая линию карантина, перейти на безопасное расстояние, лечь в дрейф и ожидать дальнейших распоряжений.

Последовали новые короткие команды, и оба корабля — «Гагарин» и «Комилес», — как привязанные друг к другу, описав плавный полукруг, направились в противоположную сторону. Подводная лодка последовала за ними.

С «Эссекса» полетело донесение в штаб: «Русские отступили!»

Решение, принятое в Москве, достигло своих адресатов в самый последний момент. Сколько оставалось до столкновения: час? тридцать минут? или меньше? К счастью, сегодня нам остается только гадать. Почему «к счастью»? Потому что мы остались живы и можем гадать.

Когда это произошло? Есть одна точная отметка времени, она сделана в Белом доме Робертом Кеннеди.

«...10 часов 25 минут. Курьер принес записку от директора ЦРУ Маккоуна: «Господин президент, мы получили предварительное сообщение о том, что некоторые советские корабли остановились в открытом море...»

...10.32... «Донесение точное, господин президент. Шесть кораблей, держащих курс на Кубу, почти достигнув блокадного рубежа, внезапно остановились или повернули назад. Уполномоченный военно-морской разведки находится на пути сюда с подробным донесением».

— Итак, не будет ни задержания, ни досмотра, — произнес президент».

В первом раунде одержало верх благоразумие, обе стороны получили передышку.

Командованию Атлантическим флотом полетело срочное распоряжение: ничего не предпринимать, дать советским судам спокойно развернуться и уйти.

Волнение в Белом доме несколько улеглось, но вскоре оказалось, что повернули назад всего шестнадцать кораблей. Остальные, главным образом танкеры, продолжали свой путь.

Исполкому вновь предстояло решать... Первым к концу дня достигал заветного рубежа танкер «Бухарест», следовавший под советским флагом. Решительно настроенные члены Исполкома, воодушевленные, как им казалось, только что одержанной победой, требовали продемонстрировать твердость и задержать судно, несмотря на то, что в перечне грузов, объявленных во вчерашней декларации, никакие виды горючего не значились. Успех начал кружить нетвердые головы. Их более трезвые коллеги считали, что не следует нагнетать напряженность.

Президент занял промежуточную позицию. Этот танкер, как и все последующие, после ритуала опознания беспрепятственно пропустили сквозь строй, но за ним неотступно до самой гавани следовал американский эсминец.

В своих воспоминаниях отец с уважением отметил, что, несмотря на резкую, агрессивную кампанию в печати, развязанную против нашей страны, руководство США проявило трезвость в оценке ситуации, не нарушило неприкосновенности нашего флага.

* * *

Из всех судов, следовавших на Кубу, одно привлекало особое внимание американцев — сухогруз «Полтава», вышедший из Одессы.

ЦРУ имело информацию от своей агентуры, что на «Полтаве» находятся боеголовки для ракет. Так это или нет, я не знаю. Тогда, в те бурные дни, мне и в голову не приходило поинтересоваться названиями кораблей, перевозящих ядерные заряды. Да и не у кого было. Отец наверняка этого не знал и сам.

Однако похоже. Американская разведка проследила каждый шаг подозрительного судна, она даже знала, что в судовых документах пунктом назначения первоначально значился Алжир. Агент, видимо, имел отношение к порту, а не к кораблю, иначе им бы не приходилось гадать, что на самом деле скрывается в трюмах.

За «Полтавой» американцы следили не отрываясь. Скрупулезно зафиксировали, что она вместо Алжира направилась к Гибралтарскому проливу и вышла в Ат-

лантический океан. После не прошедшей незамеченной встречи в океане с тремя советскими подводными лодками, по сведениям ЦРУ, принадлежавшими Северному флоту, подозрения усилились, превратились почти в уверенность.

Дальше путь лежал к берегам Кубы. «Полтава» оказалась среди тех судов, которые получили 24 октября команду повернуть домой.

Действительно, запаздывающий корабль с боеголовками на борту, не успевший пересечь заветную линию до наступления срока установления блокады, повернул назад. Он мог называться и «Полтавой». Разведчиков, неотступно следивших за подозрительным кораблем, постигло разочарование — «Полтаву» они бы с удовольствием досмотрели в первую очередь. Они не учитывали, что капитан имел строжайшее указание не допускать на борт посторонних, вплоть до применения силы и уничтожения судна.

* * *

Строительство на Кубе продвигалось споро. Донесения от Плиева дышали оптимизмом. Отец продолжал держаться твердой позиции — главное, выиграть время, закончить работы по установке ракет. Поэтому очень кстати пришлось полученное 24 октября послание исполняющего обязанности генерального секретаря ООН У Тана, предложившего, прекратив на несколько недель перевозку вооружения на Кубу и сняв на этот срок блокаду, попытаться найти взаимоприемлемое решение. Отец ухватился за эту идею и снова предложил совещание в верхах.

Кеннеди с порога отверг всякую возможность диалога. Пока ракеты находятся на Кубе.

Так же он ответил и Бертрану Расселу. Старый философ считал принятые США меры излишне жесткими, а их бескомпромиссную позицию опасной. Он призывал к поиску путей примирения. Кеннеди написал в своем послании: «Мне кажется, Вы бы лучше обратили Ваше внимание на взломщика, а не на тех, кто поймал его с поличным».

Тут президент перегнул палку, речь шла всего лишь о неугодном ему госте, заглянувшем к соседу.

Отец использовал любые возможности донести свое понимание событий до оппонента. В ту беспокойную среду он принял американского бизнесмена Вильяма Нокса. Отца интересовали не его деловые предложения, он хотел через него еще раз разъяснить президенту Кеннеди свою позицию.

Отец обращал особое внимание на то, что и баллистические и зенитные ракеты находятся под строгим контролем Москвы. На ракетных базах нет ни одного кубинца. Отец сказал Носку, что времена изменились, исключительное положение США ушло в прошлое и теперь им придется привыкать к соседству советских ракет на Кубе, как мы научились жить, имея под боком, в Турции, американские «Юпитеры».

В отношении блокады он продемонстрировал жесткую позицию: никаких унижающих достоинство великой державы компромиссов. Если совершат нападение на советские торговые суда — именно так он квалифицировал их остановку и досмотр, — то мы примем ответные меры и, если не останется другого выхода, потопим агрессора.

Слова отца в Вашингтоне учли. Ни одно советское судно пока не подверглось задержанию. Государственный департамент запросил посла США в Анкаре Раймонда Хейра о возможной реакции турецкого правительства на демонтаж «Юпитеров». Аналогичное послание ушло в штаб-квартиру НАТО.

* * *

Благодаря сдержанности обоих лидеров критическая среда закончилась благополучно. Несмотря на воинственные заявления, де-факто выработались взаимоприемлемые на ближайшие день-два условия соблюдения блокады: мы не совались с запретными грузами, они пропускали остальные наши суда беспрепятственно. Равновесие установилось очень шаткое. Его мог нарушить любой очередной кубометр бетона, закладываемый в фундамент стартовых площадок.

Разведывательные самолеты над Кубой летали теперь ежедневно. Не только У-2, но и дважды в день, утром и вечером, восемь низколетящих. Фиксирова-

лись мельчайшие детали. Экспонированная фотопленка исчислялась десятками тысяч метров. Например, 24 октября она составила двадцать пять миль в длину. Конечно, обработать ее всю не представлялось возможным, но основные объекты выявились, в первую очередь изучались фотографии знакомых районов.

В среду данные разведки засвидетельствовали значительное продвижение работ. Плиев сдержал свое обещание отцу. Строящиеся объекты проявлялись один за другим. Там, где вчера еще только намечались неясные контуры, сегодня отчетливо просматривались почти готовые сооружения: стартовые площадки, хранилища для ракет, бункеры. Специалисты дали заключение, что до полной боевой готовности ждать осталось недолго — несколько дней, не более недели.

Тревога в Белом доме нарастала. Президент отдал приказ о повышении степени готовности стратегической авиации до второй. Следующая ступень — начало боевых действий. Решение Кеннеди не свидетельствовало о его намерении сделать еще один шаг, приближающий к ядерной атаке, он сделал предупреждающий жест, который должны были оценить в Москве. Как и в предыдущем случае, приняли все меры, чтобы команда стала известна в Советском Союзе чуть ли не раньше, чем она дошла до собственных авиационных подразделений. Расчет оказался верным. Кеннеди, что называется, попал в десятку. Но об этом чуть позже.

* * *

После бурной среды, 25-го в четверг, казалось, наступила разрядка. По обе стороны океана как бы сказали: «Уф-ф-ф». Конечно, это только казалось. Дело пока с места не сдвинулось. Но уж и то благо, что четверг не стал для американцев днем действий. Становилось все более очевидным, что в лоб задачу не решить, нужно искать обходные пути, не обойтись без компромиссов. Как только страсти вокруг установления блокады, перехвата или неперехвата «Бухареста» поутихли, Джон Кеннеди решил ответить на последнее письмо отца. Это была его первая акция в четверг. Письмо ушло без четверти два ночи.

В своем послании президент перечислил все собы-

тия последнего времени, напомнил о сентябрьском заявлении и неприемлемости для США установки наступательного оружия на Кубе. Он выражал искреннюю обиду на то, что его обманули. Он поверил заверениям посланцев отца и «стал обуздывать тех, кто настаивал тогда на принятии срочных мер». В результате теперь они оказались правы. Между строк звучало, что это подорвало престиж президента. Кеннеди призывал приложить усилия к поиску взаимоприемлемого выхода из тупика. Дух послания не был воинственным, но из него становилось ясным, что без удаления ракет соглашения не достигнуть.

Отец получил письмо еще до полудня. Искренность интонаций его тронула. Краткость и жесткость формулировок не позволила усомниться в твердости и решимости президента. От отца теперь зависело очень многое, вернее, все: именно ему предстояло найти единственно верное решение. Старое уже не годилось, риск оказывался слишком велик. Именно в четверг в его сознании начался поворот к поиску решения проблемы защиты Кубы не грубой силой, а в результате компромисса. Пока отец пытался нащупать для этого почву. Просто вывод ракет под раскаты мирового скандала неизбежно воспримется как поражение, отступление. Такого отец не допускал. Но и упорствовать мог только безумец.

На собравшемся после обеда заседании Президиума ЦК отец впервые заговорил о возможности вывода ракет. Конечно, при условии, если американский президент обязуется гарантировать неприкосновенность Кубы не только со стороны США, но поручится за своих латиноамериканских союзников, не говоря уже о кубинских эмигрантах. В Кремле никто не сомневался, что без команды Вашингтона они не то что пальцем не двинут — рта не осмелятся раскрыть.

Но это отцу казалось недостаточным. Наши недоброжелатели постараются позлословить: еще бы, США цыкнули на СССР — и он забрал свои ракеты. А уж гарантии — дело десятое.

Отец предложил в ответное письмо президенту США включить еще одно условие — баш на баш, кубинские ракеты ставились против «Юпитеров», расположенных в Европе. О «Торах», размещенных в Великобритании, решили не поминать, не пережимать.

Члены Президиума согласились с новым ходом отца так же единодушно, как и пять месяцев назад с отправкой наших ракет на Кубу.

Громыко поехал в МИД выполнять поручение. Ответ решили рассмотреть не откладывая, на следующий день с утра. В этом случае послание попадало в Вашингтон тем же утром, разница в восемь часов позволяла выиграть целый рабочий день. Работа велась в обеих столицах как бы по скользящему графику. Заставлял поспешить и доклад КГБ о перехвате команды о приведении в готовность «два», переданной штабом стратегической авиации. На указание о том, что она не кодировалась, отец отреагировал однозначно: «Пугают». Но пугать пугают, а отмахнуться от недвусмысленного предупреждения представлялось крайне легкомысленным.

Теперь отцу предстояло вычислить, что это такое? Блеф? Или честное предупреждение? Иду на вы?

Он сам не чурался блефа и поэтому особенно ясно ощущал, что в нечеловеческом напряжении, когда такие силы пришли в движение, даже простая угроза порой помимо воли автора может неожиданно превратиться в неотвратимую реальность. Ведь команда ушла не в воздух! Она задействовала тысячи людей, сотни самолетов. Еще одно кодированное слово — и вся эта армада устремится на нас. Сдержать ее не удастся.

Решение, которое ему предстояло принять, давило своей ответственностью, но отец не поддался панике. Он решил выждать. Пока Громыко занимается письмом, обстановка прояснится. Вот только в какую сторону? Но утро вечера мудренее.

* * *

Вот с такими невеселыми думами отец вернулся из Кремля домой.

Дома его поджидал я. Конечно, он мне не стал пересказывать все свои сомнения, но, как бы то ни было, в тот вечер я впервые услышал от отца, что ракеты, по всей вероятности, придется вывести. Конеч-

но, при условии соответствующих обещаний США и международных гарантий о ненападении на Кубу не только самих Соединенных Штатов, но и их союзников, а также расположившихся в соседних странах эмигрантов.

Я был шокирован, еле сдержал возмущение. Отступление в моем сознании увязывалось с национальным унижением. Отец в ответ на мои слова терпеливо разъяснял, что на президента оказывается давление со всех сторон: военные, пресса, конгрессмены. Все требуют начала военных действий. Такого нажима Кеннеди может не выдержать. А что тогда делать? Они нападут на нас на Кубе, а мы на них в Берлине? Глупо и ничего не даст. Стоит только начать стрелять, потом не остановишься.

Он убеждал не меня. Отец уговаривал себя, мучительно пересматривая принципы, которым он следовал последние годы. Вот-вот предстояло родиться чему-то новому. Он уже почти согласился. Но хотел, чтобы его попросили: пусть предложения исходят не от нас, а от американцев. Такую идею им следовало подбросить.

Отец ощущал себя в западне. В случае нападения на наши ракеты на Кубе у него не имелось в запасе варианта ответных действий, а потому такую атаку требовалось во что бы то ни стало предотвратить. О ядерном ударе по США он не задумывался ни на минуту, атомная бомба хороша для газетных публикаций. Акцию в Берлине отец считал неоправданно опасной, она могла неумышленно привести к большой войне. Войну же как способ решения споров он исключал. Больше отвечать оказалось нечем и негде. А раз на применение силы невозможно ответить тем же, то такую возможность нужно во что бы то ни стало предотвратить.

Вернувшись в дом, отец выпил свой чай с лимоном, лениво перелистал газету, клеймившую позором американских морских пиратов, и тяжело поднялся по лестнице на второй этаж в спальню. Я тоже пошел к себе. На душе скребли кошки, но страха неизбежности столкновения не ощущалось. Я не сомневался, что отец найдет выход из положения.

* * *

Поутру 26 октября в пятницу в кремлевском кабинете отца ожидала неприятная новость. Информация пришла еще вчера, поздно вечером, но пока ее принимали, носили по многочисленным кабинетам на Лубянской площади, до утра осталось совсем немного. Будить отца никто не решился, и донесение «источника» положили в привычную серо-голубую папку с другими донесениями того же ведомства.

Прочитав первые строки, отец понял: вот оно, подтверждение, что вчерашнее объявление боевой готовности в стратегической авиации не блеф. Или, вернее, скорее всего, не блеф.

Произошло следующее. Один из сотрудников нашего посольства, профессиональный разведчик, накануне, в четверг, как обычно, направился в вашингтонский международный пресс-клуб потолкаться, попытаться выудить новости. В тот день в клубе толпились журналисты, во всех углах обсуждали одну тему — советские ракеты на Кубе. Строились предположения: что предпримет Белый дом? Ударит или не ударит? А если ударит, то когда?

Нашему сотруднику «повезло». Он сразу напал на след. Корреспондент «Нью-Йорк геральд трибюн» Роджерс шумно прощался с друзьями, сегодня он вылетает во Флориду освещать высадку американской морской пехоты на Кубе. Военные действия начнутся на следующий день. Хорошо знакомый с Роджерсом наш сотрудник, улучив момент, оттащил его от компании за отдельный столик. Тот повторил: «Да, дело на мази, завтра начинаем». Говорил он убедительно, да и получаемая раньше от него информация всегда подтверждалась. А тут он приводил подробности, что-то рассказывал о десантных баржах, самолетах с подвешенными под фюзеляж бомбами. Все они только ожидали завтрашней команды: «Вперед!»

Покрутившись еще немного по пресс-клубу, наш разведчик поспешил к себе — следовало, не мешкая, передать тревожную информацию в центр, в Москву.

Сейчас трудно гадать, что это: не очень качественная информация или тщательно взвешенная в подкреп-

ление вчерашней команде стратегической авиации дезинформация? Второе более вероятно: Белый дом, Лэнгли предпринимали все, чтобы размягчить позицию Кремля, сделать ее поуступчивее.

Не склонный верить донесениям агентурной разведки, отец сей раз заколебался. Сбросить такое со счетов... Отец решил отнестись к донесению разведки из Вашингтона со всей серьезностью.

Перелистал остальные бумаги, в них ничего важного не обнаружилось. Важного по меркам той, «черной» пятницы, когда предстояло или отвернуть от пропасти, или свалиться в нее всем вместе, правым и виноватым, ведавшим и неведавшим.

* * *

Как и уговаривались, к десяти в его кабинет стали заходить члены Президиума ЦК, пришли и два неизменных участника бдений этой недели: Малиновский и Громыко. Все рассаживались вдоль длинного покрытого зеленым «кремлевским» тонким сукном стола заседаний. В папке у министра иностранных дел лежал отпечатанный на специальной бумаге проект ответа Председателя Совета Министров СССР президенту США. Андрей Андреевич подошел к стоявшему чуть поодаль письменному столу, за которым сидел отец. Хотел показать ему заготовку, но хозяин кабинета жестом остановил его. «Сейчас все вместе послушаем», — проговорил отец.

Через несколько минут Громыко начал зачитывать послание. Обычно отец не давал оратору покоя, вмешивался, вносил поправки, дополнения, тут же записывавшиеся сидящей у стены немолодой, черноволосой, похожей на цыганку стенографисткой Президиума ЦК. На этот раз он не вмешивался, только когда Громыко заговорил о ракетных базах США в Турции и Италии, поднял голову, глянул на выступавшего. Громыко закончил, откашлялся, в нерешительности подождал несколько секунд и сел.

Присутствующие молчали, необычная реакция отца, вернее ее отсутствие, их озадачила.

Отец покопался в бумажных папках, рассыпанных по столешнице, наконец нашел нужную серо-голубую и вытащил из нее сцепленные скрепкой тощую пару страниц.

— Нас предупреждают, что война может начаться уже сегодня, — начал отец. Голос у него звучал непривычно глухо. — Конечно, возможно, информацию подбросили, но риск слишком велик. В Америке происходит настоящий шабаш, военные рвутся в бой. Поэтому я предлагаю не ввязываться сейчас в спор об американских ракетах в Европе, никому они не мешают. Надо сосредоточиться на главном: если США, их президент обяжутся не нападать на Кубу, мы, как это ни неприятно, заберем свои ракеты. Иначе становится слишком опасно.

Участники совещания не возражали. Громыко загудел: «Правильно».

Отец предложил сочинить новый ответ немедленно, тут же всем вместе, время не ждет. И так после получения послания из Вашингтона прошло более суток.

Отец встал, начал диктовать. Он говорил об ответственности за судьбы мира, жизнь людей, лежащей на плечах президента США и его, Председателя Совета Министров СССР. Дальше он перешел к обсуждению того, какое оружие можно считать наступательным, а какое оборонительным, призвал к благоразумию и спокойствию. В конце он предлагал соглашение: мы выводим ракеты, а вы гарантируете безопасность Кубы.

Письмо получилось, в отличие от послания президента Кеннеди, длинным, как и многие выступления отца, не везде последовательным и отчасти путаным. Однако главное не вызывало сомнений: автор ищет способ выхода из кризиса, искренне стремится к миру.

Собственно, никаких иных вопросов, кроме письма, в повестке дня не предусматривалось. Отец предложил послушать военных, Малиновского — его волновало, какие разрушения могут нанести американцы нашей стране и что мы можем им противопоставить. Конечно, все это уже не раз обговаривалось; но сейчас война из призрака превратилась в реальную угрозу. Мали-

новский угрюмо оглядел всех присутствующих и ответил, что материалы, карты, схему можно подготовить к завтрашнему утру. В остальном же вооруженные силы приведены в боевую готовность, противник их врасплох не застанет. Отец согласился: завтра так завтра. Все равно за оставшиеся часы ничего радикально изменить не удастся. Главное сейчас — думать не о войне, а о том, как ее предотвратить.

На этом утреннее совещание Президиума ЦК закончилось. Отец задержал направлявшегося к дверям Громыко. Ему пришла мысль задублировать свое письмо, упредить его. Пока расшифруют, пригладят, уберут шероховатости, передадут, примут, доложат — пройдет уйма времени. А никому не известно, сколько еще вообще отмерено миру. Вот отец и хотел прибегнуть к уже испытанному методу, передать через доверенное лицо не послание — намек.

Громыко поддержал идею отца. Тот тут же снял трубку и набрал номер телефона председателя КГБ. Трубку поднял Шелепин, этот телефон на секретарей никогда не переключался. Отец вкратце объяснил задачу. Шелепин ответил, что такой человек, конечно, найдется, он без промедления отдаст все необходимые распоряжения. В Вашингтон ушло указание прозондировать американцев.

В Вашингтоне уже упоминавшийся Фомин получил по своим каналам указание встретиться с кем-нибудь известным своими связями в верхах и выяснить его мнение по некоторым вопросам. Выбор Фомина пал на журналиста Джона Скэйли, вхожего в верха государственного департамента.

* * *

Инициатива отца не означала приостановки работ на Кубе, там все шло своим чередом. Отец считал: если американцы заподозрят, что мы даем слабину, проявляем нерешительность, то с ними не совладать. Плиев в своих донесениях был краток: монтаж стартов производится в соответствии с планом. Американские аэрофотосъемки подтверждали его слова: сооружение ракетных стартов продвигалось в чрезвычайно быстром темпе.

* * *

С первого дня отец информировал Кастро о всех предпринимаемых им шагах, сообщал о реакции Вашингтона. Казалось, было от чего занервничать, но, по словам Алексеева, Фидель сохранял завидное хладнокровие. Он занимал жесткую позицию, считал, что если проявить твердость, то американцы не отважатся на осуществление своих угроз. Посол соглашался с ним, считал, что Кастро прекрасно изучил психологию американцев.

Отец придерживался иной точки зрения. Он относил решительность Кастро за счет переоценки им «веса» устанавливаемых ракет. Наконец-то Куба в глазах своего лидера, казалось, если и не сравняется по силе с ненавистным северным соседом, то хотя бы сможет поме́риться с ним.

В те дни остров выглядел как осажденная крепость. Побережье, сплошь изрытое окопами и ходами сообщения, ощетинилось стволами орудий. Ждали десанта, не сегодня, так завтра. Кастро объезжал позиции, подбадривал бойцов. Призыв «Родина или смерть» стал лейтмотивом его выступлений.

* * *

Если в среду 24 октября в Белом доме впервые прозвучали слова о возможном обмене кубинских ракет на турецкие, то в четверг подобные предложения посыпались как из рога изобилия. Аналогия напрашивалась сама собой. Известный политический обозреватель Уолт Липпман посвятил этому вопросу большую статью. Австрийский министр иностранных дел Бруно Крайский со своей стороны выдвинул ту же идею.

На вечернем заседании Исполкома в Белом доме предложение возникло снова. Однако его обсуждение решили отложить до получения ответа из Европы.

Он не заставил себя ждать. Первым откликнулся посол США при штаб-квартире НАТО Томас Финклеттер. Позицию Турции он охарактеризовал предельно

четко: «Юпитеры» рассматриваются «как символ решимости союзников использовать атомное оружие в случае нападения русских как с использованием обычного, так и ядерного вооружения, поэтому турки крайне заинтересованы в присутствии ракет на их территории».

Ну прямо один в один аргументация отца в пользу постановки ракет на Кубе.

* * *

Пятница 26 октября принесла новые волнения не только отцу. Краткая передышка, если только можно употребить подобное слово, закончилась. Утром Исполком особо озаботился проблемой блокады. Она действовала уже третий день, шеренга кораблей Атлантического флота перегородила океан, а никого еще не задержали. Редкие корабли, явно следующие на Кубу, пересекали запретную линию беспрепятственно.

Президент продолжал противиться досмотру судов под советским флагом. «Если нет абсолютной уверенности в наличии у них на борту ракет или другого оружия, могущего быть отнесенным к наступательному, то лучше не дразнить гусей», — считал он. Через кордон же все шли танкеры, а на перевозку горючего запрета не было.

В четверг к вечеру, казалось, появилась возможность продемонстрировать решимость. К рубежу подходил пассажирский теплоход «Фолкер Фрейнштафт» под флагом ГДР. И тут президент не захотел связываться. Если дело примет дурной оборот, то стрельбу по безоружному пассажирскому судну будет невозможно оправдать.

Наконец отыскали компромиссное решение. Командованию Атлантическим флотом пошло указание перехватить первое же непассажирское судно, следующее не под советским флагом. Ранним утром 26 октября под эту категорию подпал зафрахтованный Советским Союзом шведский грузовоз «Коллангатта». И его решили пропустить, не хотелось Белому дому вызывать неудовольствие правительства традиционно

нейтрального европейского королевства. Решили выбрать кого-либо попроще, побезответнее.

Кандидат наметился еще накануне. Жребий пал на грузовоз «Марукла» типа «Либерти», принадлежащий Панамской компании, зарегистрированный в Ливане и зафрахтованный Советским Союзом для доставки груза из Риги в Гавану. Ни у кого не вызывало сомнения, что на нем нет оружия и конфликта не возникнет. Всю ночь «Маруклу» преследовали два эсминца, «Джон Пирс» и «Джозеф П. Кеннеди». Последний командование флотом выбрало, видимо, чтобы доставить удовольствие президенту.

Как только в пятницу в 6.50 утра судно пересекло запретную линию, ему приказали застопорить машины. С эсминцев спустили вооруженные катера с абордажной командой. Обошлось без инцидентов, оружия на борту не обнаружили, и «Марукла» последовала дальше своим курсом.

В Белом доме считали, что перехват «наглядно покажет Хрущеву, что мы переходим к усилению блокады». При этом как бы демонстрировалась сдержанность, советские суда пока оставались неприкосновенными.

Послание отца упреждало события. К тому моменту, как весть о задержании «Маруклы» достигла Москвы, письмо президенту США уже находилось в пути в Вашингтон.

* * *

Донесение ЦРУ в пятницу 26-го свидетельствовало, что на советских ракетных базах сделан еще один шаг к завершению работ. Невзирая на блокаду, давление, переписку, угрозы и приглашения к компромиссу, строители продолжали укладывать бетон, монтажники собирали конструкции, электрики прокладывали кабели. Час за часом, день за днем.

Президент приказал увеличить число разведывательных полетов с двух в день до двенадцати. Фактически теперь изменение обстановки фиксировалось каждый час. Началась подготовка к ночному фотографированию. Однако все это позволяло только фиксировать, но не влиять на ситуацию. Военные усилили

давление, печать обвинила президента в нерешительности. Кеннеди постепенно сдавал позиции. Все громче на Исполкоме звучали голоса, ратующие за военное решение проблемы.

Утром в пятницу президент Кеннеди дал указание государственному департаменту приступить к разработке первоочередных мер по созданию новых органов власти на Кубе после ее оккупации американской армией. Комитет начальников штабов начал практическую подготовку вторжения. Войска подтягивались к местам погрузки, там же сосредоточивались десантные средства. Разворачивались госпитали, гражданским судам было предписано покинуть опасный район. Ракетные установки «Онест Джон» полностью подготовили к действию. Оставалось только подстыковать ядерные боевые части.

На Кубе к встрече десанта изготовились советские «Луны». Там тоже осталась не выполненной последняя операция по установке атомных боеголовок. Сделать это было можно только с согласия Москвы.

* * *

Приготовления к высадке не остались незамеченными. Поступающие в течение пятницы в Москву донесения разведки сводились к одному — вторжение неминуемо.

В воздухе все ощутимее пахло порохом. МИД и КГБ обратились с просьбой дать разрешение на предупреждение зарубежных представительств, в первую очередь в США, о чрезвычайной ситуации. Это означало подготовку на случай возникновения войны. Согласно инструкции секретные документы надлежало подготовить к уничтожению немедленно, а шифры — по специальному приказу. Отец санкционировал тревожное послание. Он считал, что от этого вреда не будет. Возможно даже, что подобная суета пойдет на пользу. Ее зафиксирует американская контрразведка. Хотя, если решение об атаке принято, это уже ни на что не повлияет.

После обеда, как и договаривались, Президиум ЦК собрался снова. Ожидали текст письма к Кеннеди. Как всегда, не хватало последней минуты, допечатывали,

вносили поправки. Наконец, все готово. Послание получилось сумбурным, это почувствовал и отец, он внес некоторые изменения своей рукой. Времени ни на коренную переделку, ни даже на повторную перепечатку, он считал, не оставалось.

Взявшись за авторучку, отец еще раз поднял голову: «Все согласны?» Члены коллективного руководства дружно закивали головами. Отец размашисто подписал и, протягивая письмо помощнику, полуприказал, полупопросил Громыко: «Пожалуйста, отправьте без задержки».

— Конечно, Никита Сергеевич, — громыхнул Громыко. Да его слов и не требовалось — какие тут задержки?

Но на деле все получилось иначе. Опасения отца оказались ненапрасными. В соответствии с педантичными записями американских дипломатов, письмо Председателя Совета Министров СССР в посольстве США в Москве получили в 16.43. Его туда доставили не по рутинной цепочке, а, минуя многочисленные кабинеты МИДа, фельдсвязью прямо из Кремля. На все процедуры, предшествующие отправке, включая перевод, ушло еще чуть более двух часов, и в семь вечера послание, как и все иные правительственные и дипломатические документы, шифровки и депеши, отправились на Московский международный телеграф. В Вашингтоне наступило 11 часов утра, заседание Исполкома только разгоралось.

Что произошло на телеграфе, я не знаю. Но сообщение не прошло. Просто хоть плачь. О задержке даже доложили отцу. Но что он мог сделать? Только посоветовал не дергать людей, а то от обилия начальства они вообще растеряются. Длинное сообщение проталкивалось частями...

* * *

В пятницу в Вашингтоне решение об атаке так и не приняли. На утреннем заседании Исполкома Макнамара представил заключение экспертов: нужно приготовиться к серьезным потерям. Маккоун предупредил, что вторжение окажется много опаснее, чем присутствующие могут себе представить. Генерал Тэйлор не

видел иного выхода. Его поддерживали начальники штабов. Президент сомневался: «Не нужно закрывать глаза на то, что если вторжение состоится, то, прежде чем ценой кровавых боев мы доберемся до стартовых установок, ракеты будут нацелены против нас. Более того, мы должны быть готовы к тому, что, как только начнутся военные действия, ракеты будут пущены в ход».

Возникал парадокс: ради обеспечения безопасности своего народа президент обрекал его на гибель.

В 2 часа того же 26 октября произошла еще одна трагедия, правда, в накале страстей тех дней она рассматривалась как рядовая неприятность: направляясь к Кубе для очередного разведывательного полета над Мексиканским заливом, разбился высотный самолет У-2. Его пилот Джо Найд погиб. Никто не подозревал ни кубинцев, ни русских в злом умысле, просто очередная катастрофа. В Карибском кризисе не эта авария открыла счет смертям — тремя днями раньше, во вторник, в спешке перемещений, свойственной подготовке любой крупномасштабной военной операции, на американской базе Гуантанамо при посадке разбился транспортный самолет КС-135. Семь человек погибли. Неизвестно, докладывали ли об этих смертях президенту или сочли инциденты слишком незначительными.

* * *

Пятница. 26 октября. В Москве наступил вечер. На душе у отца скребли кошки. Вроде он сделал все, что в человеческих силах, чтобы предотвратить взрыв, но беспокойство не проходило. Напрасно в тот вечер я поджидал его с очередной порцией вопросов. Позвонил секретарь и передал, что Никита Сергеевич останется ночевать в Кремле.

Неужели все так серьезно, мелькнуло у меня в голове. До этого звонка внутренняя убежденность — все обойдется, отец найдет решение — подавляла страх. Сейчас он выплеснулся наружу. Но я не стал ни с кем из домашних делиться своими переживаниями. Что они могли изменить? Зачем зря волновать мать, сестер?

Мама позвонила отцу. Он ответил, что могут прийти ночью срочные сообщения, все равно придется

подниматься, ехать на работу, вот он и решил остаться там. Ответ успокоил маму, но не меня.

В своих воспоминаниях отец пишет, что он не допускал возможности возникновения войны из-за Кубы, только одна ночь выдалась поистине тревожной, заставила его остаться в совминовском кабинете. Он не говорит, какая именно ночь. Это произошло с пятницы на субботу.

* * *

Когда в тот вечер отец мерил свой кабинет, готовый к самым неприятным известиям, Джон Скэйли встретился за ланчем со своим давним знакомым Александром Фоминым.

За столом Фомин поинтересовался, не может ли Скэйли узнать, как бы отнеслись «шишки» в госдепе к возможности разрешения кризиса на следующих условиях: СССР демонтирует и вывезет с Кубы домой так называемое наступательное вооружение; США смогут удостовериться в этих действиях; Соединенные Штаты и их союзники примут на себя торжественное обязательство никогда и ни под каким видом не вторгаться на Кубу; Советский Союз обяжется не поставлять Кубе в будущем никаких наступательных вооружений.

По мнению Фомина, лучше, если бы с такими предложениями выступил представитель США в ООН Эдлай Стивенсон, а советский посол Зорин его поддержит.

Скэйли ничего не записывал. У профессионалов такое не принято. Своего мнения он тоже не выразил. Они уговорились встретиться вечером, в половине восьмого. К тому времени Скэйли узнает, что думают по поводу инициативы мистера Фомина в государственном департаменте.

Неподалеку проходил еще один ланч. Как рассказывал через 27 лет Георгий Маркович Корниенко, известный советский дипломат, заместитель министра иностранных дел, а в те годы один из сотрудников посольства СССР в США, им в Вашингтоне переданная Роджерсом информация о высадке десанта на Кубе 26 октября показалась то ли подозрительной, то ли

просто по инструкции требовалось перепроверять такие серьезные предупреждения. Так ли, иначе ли, но Корниенко поручили попытаться пригласить Роджерса на ланч. Он позвонил ему утром, корреспондент оказался на месте и охотно откликнулся на приглашение. Значит, он никуда не улетел и — или вторжение состоится без представителя «Нью-Йорк геральд трибюн», или, что более вероятно, оно отложено — за сегодня-завтра можно еще попытаться что-то сделать.

Роджерс не делал секрета из своей миссии, пока она откладывалась на неопределенный, но весьма короткий срок, возможно, на несколько дней. Он не употреблял слово «вторжение», но подчеркивал, что президент хочет убедиться в отсутствии иного решения. Белому дому требовался даже не предлог, а внутренняя уверенность в своей правоте. Одновременно у мира не должно возникнуть сомнения, что мирного выхода из кризиса просто не было.

Корниенко вздохнул с облегчением — значит, еще не война. Он поспешил закончить разговор, следовало, не мешкая, передать информацию в Москву. На прощание Роджерс подчеркнул, что, по его личному мнению, существует возможность решить вопрос мирно, только не следует затягивать переговоры.

Когда Корниенко вернулся в посольство, в Москве уже наступила ночь.

* * *

Послание отца президенту США все еще прорывалось через ненадежные контакты московского телеграфа, а сам отец ворочался на диване в кремлевском кабинете, сквозь полудрему прислушиваясь к телефонам: не разорвут ли они тишину вестью о беде. Телефон не звонил, и секретарь, привычно бодрствовавший в приемной, не беспокоил сон премьера. Взрывной информации за ночь не поступило.

Утро отец начал по-обычному, без суеты и спешки. Принял душ, побрился. Позавтракав, принялся за бумаги. Рабочий день еще не наступил, телефоны молчали. Отец буквально впился в сообщения, полученные за ночь, о турецких ракетах. Казалось, ими вчера занимались все, и в Америке, и в Европе. Тут и статья Липпмана, и предложения Крайского, и донесения раз-

ведки об обсуждении этого вопроса на высшем уровне в Вашингтоне, о консультациях с турками и НАТО. Отец позже говорил мне, что некто из лиц, близких к американским верхам, впрямую намекнул, что, в случае поступления из Москвы подобного предложения, его встретят благосклонно.

Внимательно прочитав почту, отец немного даже расстроился. Видимо, вчера сдали нервы, и он поторопился отправить президенту письмо, исключив из него всяческое упоминание о турецких и итальянских ракетах. Вести из Вашингтона он воспринял как добрый знак, предложение эквивалентного обмена.

По прошествии десятилетий невозможно получить подтверждение: рассматривался ли альтернативный обмен, проводился ли на самом деле такой зондаж с американской стороны. Сегодня все американские участники событий занимают общую позицию — подобные предложения не обсуждались. Я позволю себе усомниться. Уж больно много велось в эти дни разговоров вокруг пресловутых «Юпитеров» и на Исполкоме, и помимо его. Недавно рассекречены магнитофонные записи обсуждений на Исполкоме. Там можно найти свидетельства в пользу обмена. К примеру, тогдашний вице-президент Линдон Джонсон в одном из разговоров, поддерживая предложение отца о выводе ракет с Кубы, посчитал это выгодной сделкой и напомнил, что они «боялись, что он (Хрущев) никогда не предложит этого (обмен кубинских ракет на турецкие), а захочет поторговаться по Берлину». Заместитель госсекретаря Джордж Болл вторил ему: «Мы думали, что если нам удастся выторговать это (вывод ракет) в обмен на Турцию, то мы совершили бы нетрудную и очень выгодную сделку»*.

Однако при желании в тех же стенограммах можно отыскать и прямо противоположные высказывания. Но... прямых доказательств подготовки американцами таких предложений нет и, по-видимому, не будет.

* * *

Однако я немного забежал вперед. В Вашингтоне еще только наступал вечер. Фомин готовился к реши-

*October 27, 1962: Transcript of the Meetings of the Excomm. — International Security, Winter 1987/1988, v. 12, N 3, p. 76.

тельной встрече со Скэйли, если тому удастся добиться чего-либо в государственном департаменте. Он с нетерпением ожидал звонка «с той стороны».

После шести часов вечера в Белом доме начали получать так называемое первое письмо отца. Приносили по частям, по мере того как телеграфный аппарат выдавал очередную порцию. Ожидать, когда наконец поступит весь текст, не хватало терпения. Возбуждавшее длительное время жгучий интерес историков, это справедливо названное ключевым письмо сейчас опубликовано. Я уже говорил, что оно получилось длинным, перегруженным эмоциями и отступлениями. Я решил его не приводить полностью. Но не могу удержаться от воспроизведения отрывков, помещенных в книге Роберта Кеннеди «13 дней». Они свидетельствуют не только о ходе рассуждений отца, но и что посчитали заслуживающим особого внимания в Вашингтоне. «Мы не должны, — писал отец, — поддаваться искушению «мелких страстей» или «вещей» преходящих. Мы должны помнить, что если вправду разразится война, то остановить ее будет не в нашей власти. Такова логика войны. Я участвовал в двух войнах и знаю, что война кончается только после того, как прокатится по городам и селам, сея всюду смерть и разрушения.

Соединенным Штатам нечего опасаться ракет. Они никогда не будут использованы для нападения на них и находятся на Кубе только в целях обороны. В этом отношении Вы можете быть спокойны. Мы находимся в здравом уме и прекрасно понимаем, что если нападем на Вас, то Вы ответите тем же. Но тогда это обернется и против Вас и, я думаю, Вы тоже это понимаете. Из этого следует, что мы люди нормальные и правильно понимаем и оцениваем положение. Как же мы можем допустить те несуразные действия, которые Вы нам приписываете? Только сумасшедшие могут так поступить или самоубийцы, желающие и сами погибнуть, и весь мир перед тем уничтожить.

...Мы хотим совсем другого... не разрушить Вашу страну... а, несмотря на различие идеологий, соревноваться мирно, не военными средствами... Нет смыс-

ла перехватывать советские суда на пути на Кубу, потому что они оружия не перевозят, оружие уже на Кубе...

...Если президент Соединенных Штатов обещает не принимать участие в нападении на Кубу и снять блокаду, вопрос об удалении ракет и разрушении установок встанет в совершенно новом виде. Вооружение ведет только к катастрофам. Если оно накопляется, то вредит экономике, если же им пользоваться, то оно уничтожает людей с обеих сторон. Следовательно, только сумасшедший может полагать, что вооружение — главная основа существования общества. Нет, оно есть только растрата человеческой энергии и — более того — ведет к уничтожению самого человека. Если народы не проявят мудрости, они в конечном итоге столкнутся, как слепые кроты, и начнется взаимное уничтожение.

Вот мое предложение: никакого больше, как Вы называете, наступательного оружия на Кубе, а то, которое уже там, мы заберем и уничтожим. Вы же в ответ обязуетесь снять блокаду и не вторгаться на Кубу. Не предпринимайте пиратских действий против советских кораблей.

Если Вы не потеряли самообладания и имеете разумное представление о том, к чему это может привести, тогда, господин президент, мы с Вами не должны тянуть за концы каната, на котором Вы завязали узел войны, потому что чем крепче мы оба будем тянуть, тем сильнее стянется узел, и придет время, когда узел придется разрубить, а что это означает, не мне Вам объяснять, потому что Вы сами прекрасно понимаете, какими страшными средствами обладают наши страны. Следовательно, если не в наших намерениях стягивать узел и тем самым обрекать мир на катастрофу ядерной войны, то давайте не только перестанем тянуть за концы каната, но и примем меры к тому, чтобы узел развязать. Мы к этому готовы».

Вот такая большая цитата. Она отражает не только логику, но и эмоциональный настрой отца в день, когда он почувствовал, что война выползает из бумажных ворохов угроз и становится реальностью.

В Белом доме раз за разом перечитывали письмо. Пытались отыскать скрытый смысл, разгадать истин-

ные намерения отца. Обсуждение затянулось до утра. У президента вновь появилась надежда, что военного вмешательства, возможно, удастся избежать. Однако начальники штабов считали иначе и с каждым часом становились все решительнее.

О том, что Скэйли настойчиво просит принять его для передачи не терпящей отлагательства информации из Москвы, Дину Раску передали в начале седьмого, когда только приступили к чтению письма отца. Такая активность Кремля свидетельствовала, что там обеспокоились не на шутку. Покидая заседание Исполкома, он смог перекинуться лишь несколькими словами с президентом и получил от него четкие инструкции. То, что Скэйли передаст Фомину, по сути дела, являлось предварительным ответом на полученное письмо.

Скэйли поразился спокойной реакции государственного секретаря на его сенсационное сообщение. Тем не менее Раск не решился взять на себя ответственность окончательного решения. Посадив его в свой лимузин, он повез журналиста к заднему крыльцу Белого дома. На подходе к дверям Овального кабинета их, как назло, засек Пьер Селинджер. Он чуть не с кулаками набросился на Скэйли — только журналистов сегодня не хватало на заседании Исполкома. Но Раск успокоил разбушевавшегося пресс-секретаря президента, что-то тихо шепнул ему на ухо и, раскрыв дверь, произнес, обращаясь к Скэйли: «Нам сюда».

Скэйли уже не удивлялся, обнаружив, что за дверью его ожидает президент Соединенных Штатов Америки. Он повторил Кеннеди свой рассказ. Президент поручил Скэйли передать советскому представителю, что «на высшем уровне правительства Соединенных Штатов» усматривают в его предложениях реальную основу для переговоров и что представители США и СССР в ООН «могут начать обсуждение изложенных проблем как с У Таном, так и между собой»*.

На прощание Кеннеди предупредил: ни в коем случае не упоминать его имени, говорить только о «правительстве». Ему очень не хотелось, чтобы в Кремле

*Мишель Бешлосс. Годы кризисов. Стр. 521.

почувствовали, насколько напряглась обстановка в Белом доме.

Фомин и Скэйли встретились, как и условливались, вечером, в 7.35. Скэйли передал ответ слово в слово. Внимательно выслушав, Фомин пообещал немедленно проинформировать Кремль.

* * *

Поздно вечером, вернее, в ночь с 26-го на 27-е октября, произошла еще одна, наверное, самая важная встреча. В обширной официальной историографии Карибского кризиса, накопившейся в США, упоминания о ней практически отсутствуют. Оно и понятно, свидетелей с американской стороны не осталось, оба брата Кеннеди погибли, а советский участник ночных переговоров посол Анатолий Добрынин лишь совсем недавно, в январе 1989 года, позволил себе нарушить обет молчания.

По его словам, не только Дин Раск таинственно покидал заседание Исполкома той ночью. Президент боялся ошибиться, и Роберт Кеннеди решил съездить в советское посольство поговорить с послом.

О теме разговора можно не упоминать, все в те дни и ночи вертелось вокруг ракет. Посол знал содержание последнего письма отца и, как дисциплинированный дипломат, придерживался тех же рамок. Но одно дело — бескомпромиссные заявления, а совсем другое — зондаж: может, и удастся еще что-нибудь выторговать? Добрынин, конечно, читал многочисленные сообщения в прессе о турецких ракетах, не таким уж секретом остались и переговоры Вашингтона с союзниками. Он в разговоре о возможных условиях вывода наших ракет только намекнул, сослался на «одно сопредельное Советскому Союзу государство».

Роберт Кеннеди отреагировал неожиданно. Он не стал отвечать, только попросил разрешения позвонить из соседней комнаты, без свидетелей, по телефону. Посол привык к подобным звонкам. В иной обстановке подобная процедура занимала дни, в нынешней ситуации о подобной роскоши не приходилось и мечтать. Разговор не занял много времени. Вернувшись, Роберт Кеннеди передал слова своего собеседника:

«Президент сказал, что мы готовы рассмотреть вопрос о Турции. Положительно».

О подобном ответе посол и не мечтал...

* * *

А пока, утром 27 октября в Кремле, отец снова и снова перечитывал последние сообщения.

— Если американцы так настойчиво предлагают торг, то почему бы не воспользоваться, — все навязчивей стучало у него в голове. Но опыт подсказывал — сделанного не воротить. А если воротить?

Отец позвонил в МИД. Несмотря на раннее утро, Громыко взял трубку, сам он приезжал на работу загодя.

Отец осведомился: вручили ли адресату вчерашнее письмо и когда? Андрей Андреевич замялся: «В посольство США оно попало без задержек, а вот потом... — он подыскивал нужное слово, опасаясь вызвать гнев патрона, — технические неполадки на телеграфе не позволили, возникли непредвиденные трудности, на передачу ушло много часов».

Громыко замолчал. Но премьер не рассердился, казалось, эта неприятная информация пришлась ему по душе. Отец никак не отреагировал, завел разговор о турецких ракетах. Мнение министра иностранных дел, как всегда, совпадало с точкой зрения Председателя Совета Министров.

На вопрос, пойдут ли американцы на вывод своих ракет, Громыко ответил уклончиво: если бы не вчерашнее письмо, то весьма вероятно, а так — сомнительно, но, с другой стороны...

Разговор закончился.

Отец решил попробовать сменить коней на переправе, вернуться к старому варианту письма, тому, которое готовили еще в четверг. Конечно, его потребуется переписать, ведь 2 дня прошло. Когда счет ведется на минуты, это огромный срок. Свои претензии отец решил умерить наполовину, исключив вслед за британскими и итальянские ракеты. Теперь получалось совсем логично: база в Турции шла за базу на Кубе. Казалось, на такие предложения Белый дом согласится, не зря же они делали столько намеков.

Снова позвонив Громыко, он попросил подготовить новое письмо, вернее, подновить старое. В ответ Андрей Андреевич выразил недоумение: как быть с доставкой. Пока послание закончит свое путешествие по проводам, там, в Белом доме, успеют ответить на вчерашнее послание.

Отцу пришла в голову, как тогда казалось, спасительная идея: новое письмо следует опубликовать немедленно, не дожидаясь, пока оно дойдет до президента Кеннеди. Отец все больше воодушевлялся своей придумкой. Ему казалось, что публично протянутую руку там, за океаном, примут с готовностью, а сделанное на весь мир заявление облегчит разговор и с турками, и с НАТО.

Громыко не предостерег отца, более того, полностью его поддержал. Проект нового послания он обещал подготовить часам к двум-трем. Примерно на то же время намечался и доклад военных, отец считал: одно другому не помешает.

Заседание Президиума ЦК решили начать сразу после обеда.

Тем временем пришли сообщения от Фомина и Добрынина. Они еще больше укрепили отца в его правоте. О чем еще можно спорить, если президент впрямую дал добро. Приписка в телеграмме Добрынина о беседе Корниенко с Роджерсом успокаивала. Вчерашнее сообщение оказалось ложным. Но Пентагон не обязан информировать журналистов о своих планах. Так что отсутствие Роджерса во Флориде еще ни о чем не говорило.

* * *

До обеда отец занимался с помощниками, читал почту. Телеграммы, поступавшие со всех концов Земли, превалировали на одну тему: Куба.

Плиев сообщил, что до окончания работ на ракетных базах остались буквально считанные часы. Сообщение не доставило отцу того удовлетворения, которое он испытал бы еще 2 недели тому назад. Сейчас оно не имело особого значения. Он позвонил Малиновскому и попросил еще раз повторить указание:

ракетным подразделениям на Кубе не подчиняться ничьим приказам, кроме его личных распоряжений. Ничьим... Отец нервничал и старался перестраховаться. Особо это касалось ядерных боевых частей, их хранение и перемещение отец приказал держать под особым контролем.

Сообщения разведки из США тревожили: продолжается сосредоточение войск и кораблей десанта. Солдатам раздали боевые патроны. Ходят упорные слухи, что высадка начнется в ближайшие дни или... часы.

Слишком многое оставалось неопределенным.

В отличие от шифрограмм из США, сообщения Алексеева с Кубы звучали оптимистично: Кастро полон энергии и уверен в победе.

Наступило тягостное ожидание. Отец из угла в угол мерил шагами свой кремлевский кабинет. Порой останавливался у окна, но вряд ли он видел, что происходит за ним.

Отец прервал хождение и уже третий раз за утро позвонил Громыко, попросил связаться с нашим послом в Турции — пусть прощупает мнение правительства о возможном выводе американских «Юпитеров»... В обмен на гарантии безопасности, представленные Советским Союзом.

Громыко пообещал связаться с Анкарой немедленно.

Перед заседанием отец распорядился вызвать, как он говорил, гонцов, чтобы, как только письмо окончательно отшлифуется, его без промедления доставить на радио и в нашу единственную вечернюю всесоюзную газету «Известия».

За обедом в кремлевской столовой собрались практически все участники предстоящего разговора. На сей раз ели молча, без обычных для совместной трапезы шуток и даже без обсуждения неотложных дел. Куба отодвинула все на второй план. А заговорить о кризисе язык не поворачивался. Пока нового ничего нет, а старое ворошить — только рану теребить.

Сегодняшнее совещание перенесли из кабинета в зал заседаний, чтобы хватило мест приглашенным. В зале собрались и слушатели и докладчики. Громыко с письмом запаздывал. Отец зашел последним. Не-

слышно отворилась и, пропустив его грузную фигуру, так же беззвучно захлопнулась массивная дубовая дверь. Этот проход, позволяющий, минуя приемную, пройти из кабинета Председателя Совета Министров в зал заседаний, проделал еще Сталин. Заседание началось докладом военных.

Гонцы — Харламов и Стуруа — изнывали в приемной, время тянулось страшно медленно. Что происходит там, за плотно закрытыми двойными дверями? Какая судьба ожидает всех нас? Несколько раз в приемную выскакивали озабоченные помощники то с бумагами, то позвонить по телефону, чтобы передать неотложные поручения.

В короткие мгновения, пока двери вновь не захлопывались, долетали леденящие душу обрывки слов. Малиновский докладывал о возможных целях американской авиации и ракет на нашей территории, радиусах поражения, предполагаемом количестве жертв и, конечно, чем мы им ответим. Наш ответ выглядел не очень убедительно, размазывался далеко отстоящими друг от друга кружочками по висевшей на стене карте США. В Европе заштрихованные окружности теснились плотнее, кое-где сливались в сплошное поле. Но решалось дело не в Европе.

Отец слушал Малиновского вполуха. Решение следовало искать не в военных планах, а в дипломатии. Поэтому, когда появился Громыко, он предложил прервать доклад маршала и послушать, что скажет министр иностранных дел.

Через сорок минут гонцы получили копии так называемого второго письма Хрущева Кеннеди, с пылу, с жару с внесенными от руки поправками. На перепечатку решили не тратить времени. Отбелят, выверят только сам оригинал — текст, скрепленный подписью отца и предназначенный для глаз президента США. Но он-то уже не представлял особого интереса, разве что для истории.

В 5 часов вечера московское радио, прервав запланированную трансляцию, начало передавать послание. В «Известиях» срочно переверстывали первую полосу, к приему правительственного материала приготовились заранее, но никто не знал объема письма. Вот и приходилось подгонять, резать по живому.

Одновременно с посланием президенту США отец отправил умиротворяющий ответ на обращение У Тана. В нем он соглашался с предложением генерального секретаря приостановить поставки вооружения на Кубу, не нагнетать напряженность. В письме отмечалось, что Советское правительство осуждает отказ США внять голосу разума и снять блокаду. Тем не менее советским судам приказано: во избежание провокаций покинуть район, в котором присутствуют американские военные корабли.

Кеннеди оказался более оперативным. Его послание в ООН ушло еще накануне. Он соглашался с генеральным секретарем и заверял, что «наше правительство примет и уважит ваше предложение, наши корабли в Карибском море сделают все возможное, чтобы избежать непосредственного столкновения с советскими судами в ближайшие дни для уменьшения до минимума риска какого-нибудь нежелательного инцидента».

В пятницу Исполком так и не пришел ни к какому решению. Обсуждение письма отца (первого) решили продолжить утром в субботу 27 октября.

* * *

Однако с утра все пошло наперекосяк. На Белый дом обрушилась лавина информации о непредвиденных происшествиях. В других условиях каждого из них могло хватить для своего небольшого кризиса.

Рано утром директор ФБР Эдгар Гувер позвонил Роберту Кеннеди и сообщил, что, по его сведениям, советские дипломаты в Нью-Йорке всю ночь не спали, судя по всему, они готовили к уничтожению секретные документы. Подобные действия не допускали двойного толкования — противная сторона считает: война на пороге.

На последней встрече, посвященной проблемам Карибского кризиса, Георгий Корниенко сказал следующее: «Слухи о том, что в посольстве жгли документы, неверны. Ничего подобного не происходило, но, естественно, мы приготовились ко всяким неожиданностям».

12—965

Роберт Кеннеди пишет, что по дороге в Белый дом он недоумевал: как сопоставить эти действия с письмом отца, в котором предлагается путь урегулирования конфликта. Или послание — просто камуфляж?

Обе стороны подозревали друг друга, не верили друг другу и одновременно, рассчитывая друг на друга, надеялись на благополучный исход, на чудо в последний момент.

Утреннее заседание Исполкома началось в Белом доме, как обычно, в 10 часов. Первым выступил Макнамара. Его сообщение не оставляло особых надежд: русские, занятые постройкой баз, работают днем и ночью. Он мог прохронометрировать работу по часам, с интервалом, с которым низколетящие разведчики с ревом проносились над строящимися объектами.

Их бесцеремонность просто выводила из себя Фиделя Кастро. «В конце концов, Куба — суверенное государство и не позволит янки унижать свое достоинство», — эмоционально реагировал он на призывы выполнявшего директиву Москвы Алексеева сохранять выдержку и спокойствие.

Пока полеты совершались 2 раза в день, Кастро еще терпел. Но со вчерашнего дня стало твориться что-то невообразимое. Самолеты янки чувствовали себя как дома, как во времена Батисты. Уязвленное самолюбие Кастро требовало отмщения. Он твердил одно: аргументы разума на северного соседа не подействуют, там признают только силу.

Поздно вечером 26 октября главнокомандующий майор Фидель Кастро Рус отдал приказ кубинской зенитной артиллерии открывать огонь и сбивать нарушителей. Распоряжение довели и до советского генерала Воронкова, командовавшего зенитными ракетами. Он находился в подчинении у Плиева. Оба они не имели права действовать без санкции Москвы.

Зенитные ракеты, так же как и Р-12, еще не заступили на дежурство: на стартовых позициях заканчивался монтаж, проверка электроники, настраивались локаторы. Оставался последний шаг, полшага — и американцы не останутся безнаказанными. Приказ Кастро генерал воспринял с энтузиазмом. Он дал команду удвоить усилия. К ракетам подсоединили боевые части, поста-

вили их на пусковые установки. Теперь дело оставалось за прибористами и, конечно, за командой.

Обо всех этих действиях не знали ни в Кремле, ни в Белом доме...

Макнамара продолжил доклад. Он сообщил, что в дополнение к ракетам советские специалисты в авральном порядке собирают и приводят в боевую готовность бомбардировщики ИЛ-28.

Каждая сторона истолковывала действия и оценивала намерения противника по-своему. Выводы порой делались взаимоисключающие. Неверная оценка намерений противостоящей стороны приводила к новой ступени эскалации и к новым ошибкам.

Доклад Макнамары в 11 часов прервало срочное сообщение: по радио передают новое письмо из Москвы. Эти два письма, именуемые историографами конфликта первым и вторым посланиями Хрущева, вызывают огромное количество толков и спекуляций. Я попытался рассказать об истории их появления, а теперь хочу, несмотря на значительный объем, привести полный текст второго послания.

«Уважаемый господин президент,

Я с большим удовлетворением ознакомился с Вашим ответом господину У Тану о том, чтобы принять меры с тем, чтобы исключить соприкосновение наших судов и тем самым избежать непоправимых роковых последствий. Этот разумный шаг с Вашей стороны укрепляет меня в том, что Вы проявляете заботу о сохранении мира, что я отмечаю с удовлетворением.

Я уже говорил, что наш народ, наше правительство и я лично, как Председатель Совета Министров, только и заботимся о том, чтобы развивалась наша страна и занимала бы достойное место среди всех народов мира в экономическом соревновании, в развитии культуры, искусства, повышении благосостояния народов. Это самое благородное и необходимое поприще для соревнования, и как победитель, так и побежденный в этом случае получат только благо, потому что это — мир и увеличение средств, которыми живет и наслаждается человек.

Вы в своем заявлении высказались за то, что главная цель не только в том, чтобы договориться и при-

нять меры для предотвращения соприкосновения наших судов и, следовательно, углубления кризиса, который может от такого соприкосновения высечь огонь военного конфликта, после чего уже всякие переговоры будут излишни, так как другие силы, другие законы начнут действовать — законы войны. Я согласен с Вами, что это только первый шаг. Главное — это надо нормализовать и стабилизировать положение мира между государствами, между народами.

Ваша озабоченность о безопасности Соединенных Штатов мне понятна, господин президент, потому что это первая обязанность президента. Но эти же вопросы и нас волнуют, эти же обязанности лежат и на мне, как Председателе Совета Министров СССР. Вас обеспокоило то, что мы помогли Кубе оружием с целью укрепить ее обороноспособность, потому что не может Куба, какое бы оружие она ни имела, равняться с Вами, так как величины эти разные, тем более при современных средствах истребления.

Наша цель была и есть — помочь Кубе, и никто не может оспаривать гуманности наших побуждений, направленных на то, чтобы Куба могла мирно жить и развиваться так, как хочет ее народ. Вы хотите обезопасить свою страну, и это понятно. Но этого же хочет и Куба. Все страны хотят себя обезопасить. Но как же нам, Советскому Союзу, нашему правительству, оценивать ваши действия, которые выражаются в том, что вы окружили военными базами Советский Союз, окружили военными базами наших союзников, расположили военные базы буквально вокруг нашей страны, разместили там свое ракетное вооружение. Это не является секретом. Американские ответственные деятели демонстративно об этом заявляют. Ваши ракеты расположены в Англии, расположены в Италии и нацелены против нас. Ваши ракеты расположены в Турции.

Вас беспокоит Куба. Вы говорите, что беспокоит она потому, что находится на расстоянии от берегов Соединенных Штатов 90 миль по морю. Но ведь Турция рядом с нами, наши часовые прохаживаются и поглядывают один на другого. Вы что же, считаете, что вы имеете право требовать безопасности для своей страны и удаления того оружия, которое вы называете

наступательным, а за нами этого права не признаете? Вы ведь расположили ракетное разрушительное оружие, которое вы называете наступательным, буквально под боком у нас. Как же согласуется тогда признание наших равных в военном отношении возможностей с подобными неравными отношениями между нашими великими государствами? Это никак невозможно согласовать.

Это хорошо, господин президент, что Вы согласились с тем, чтобы наши представители встретились и начали переговоры, видимо, при посредстве и.о. генерального секретаря ООН господина У Тана. Следовательно, он в какой-то степени берет на себя роль посредника, и мы считаем, что он может справиться с этой ответственной миссией, если, конечно, каждая сторона, которая втянута в конфликт, проявит добрую волю.

Я думаю, что можно было бы быстро завершить конфликт и нормализовать положение, и тогда люди вздохнули бы полной грудью, считая, что государственные деятели, которые облечены ответственностью, обладают трезвым умом и сознанием своей ответственности, умением решать сложные вопросы и не доводить дело до военной катастрофы.

Поэтому я вношу предложение: мы согласны вывезти те средства с Кубы, которые Вы считаете наступательными средствами. Согласны это осуществить и заявить в ООН об этом обязательстве. Ваши представители сделают заявление о том, что Соединенные Штаты, со своей стороны, учитывая беспокойство и озабоченность Советского государства, вывезут аналогичные средства из Турции. Давайте договоримся, какой нужен срок для вас и для нас, чтобы это осуществить.

И после этого доверенные лица Совета Безопасности ООН могли бы проконтролировать на месте выполнение взятых обязательств. Разумеется, от правительства Кубы и от правительства Турции необходимо разрешение этим уполномоченным приехать в их страны и проверить выполнение этого обязательства, которое каждый берет на себя. Видимо, было бы лучше, если бы эти уполномоченные пользовались доверием и Совета Безопасности, и нашим, и вашим —

Соединенных Штатов и Советского Союза, а также Турции и Кубы. Я думаю, что, видимо, не встретит трудностей подобрать таких людей, пользующихся доверием и уважением всех заинтересованных сторон.

Мы, взяв на себя это обязательство, с тем чтобы дать удовлетворение и надежду народам Кубы и Турции и усилить их уверенность в своей безопасности, сделаем в рамках Совета Безопасности заявление о том, что Советское правительство дает торжественное обещание уважать неприкосновенность границ и суверенитет Турции, не вмешиваться в ее внутренние дела, не вторгаться в Турцию, не предоставлять свою территорию в качестве плацдарма для такого вторжения, а также будет удерживать тех, кто задумал бы совершить агрессию против Турции как с территории Советского Союза, так и с территории соседних с Турцией государств.

Такое же заявление в рамках Совета Безопасности дает правительство США в отношении Кубы. Оно заявит, что Соединенные Штаты будут уважать неприкосновенность границ Кубы, ее суверенитет, обязуются не вмешиваться в ее внутренние дела, не вторгаться сами и не предоставлять свою территорию в качестве плацдарма для вторжения на Кубу, а также будут удерживать тех, кто задумал бы осуществить агрессию против Кубы, как с территории США, так и с территории других соседних с Кубой государств.

Конечно, для этого нам надо было бы договориться с вами и дать какой-то срок. Давайте договоримся дать какое-то время, но не затягивать — недели 2-3, не больше месяца.

Находящиеся на Кубе средства, о которых Вы говорите и которые, как Вы заявляете, Вас беспокоят, находятся в руках советских офицеров. Поэтому какое-либо случайное использование их во вред Соединенным Штатам исключено. Эти средства расположены на Кубе по просьбе кубинского правительства, и только в целях обороны. Поэтому, если не будет вторжения на Кубу или же нападения на Советский Союз или других наших союзников, то, конечно, эти средства никому не угрожают и не будут угрожать. Ведь они не преследуют цели нападения.

Если Вы согласны, господин президент, с моим предложением, тогда мы послали бы наших представителей в Нью-Йорк в ООН и дали им исчерпывающие инструкции с тем, чтобы быстрее договориться. Если Вы тоже выделите своих людей и дадите им соответствующие инструкции, тогда этот вопрос можно будет быстро решить.

Почему я хотел бы этого? Потому что весь мир сейчас волнуется и ждет от нас разумных действий. Самой большой радостью для всех народов было бы объявление о нашем соглашении, о ликвидации в корне возникшего конфликта. Я придаю этому соглашению большое значение, поскольку оно могло бы послужить хорошим началом и, в частности, облегчить достижение соглашения о запрещении испытаний ядерного оружия.

Вопрос об испытаниях можно было бы решить параллельно, не связывая одно с другим, потому что это разные вопросы. Но важно договориться по обоим вопросам, с тем чтобы сделать людям хороший подарок, обрадовать их вестью также и о том, что достигнуто соглашение о прекращении испытаний ядерного оружия и, таким образом, больше не будет заражаться атмосфера. А наши и Ваши позиции в этом вопросе очень близки.

Все это, возможно, послужило бы хорошим толчком к отысканию взаимоприемлемых соглашений и по другим спорным вопросам, по которым у нас с Вами идет обмен мнениями. Эти вопросы пока не решены, но они ждут своего неотложного решения, которое расчистило бы международную атмосферу. Мы готовы к этому.

Вот мои предложения, господин президент.

С уважением к Вам

Н. Хрущев»

* * *

Если вчера подобное письмо, возможно, было бы воспринято с энтузиазмом, то сегодня оно вызвало разочарование и недоумение.

Второе послание на ту же тему, с теми же, но более жесткими предложениями повергли Исполком в замешательство. Они и раньше так и не смогли отыскать согласованный ответ, а сейчас добавились турецкие ракеты. К тому же никто из присутствующих, кроме президента, не знал о вчерашнем походе Роберта Кеннеди к советскому послу. Братья понимали, что в изменении позиции отца решающую роль, видимо, сыграл вчерашний звонок из кабинета Добрынина в Белый дом. Но они не предполагали, что отец вот так бухнет во все колокола. Одно дело — конфиденциальная переписка, тут можно себе позволить откровенность, назвать вещи своими именами, и совсем другое — обращение ко всему свету. Теперь в игру вступало общественное мнение, пресса, невозможно было сбросить со счетов и ответ из штаб-квартиры НАТО, телеграмму из Турции. Каша заваривалась круто.

К тому же после публичного требования со стороны Советского Союза согласие президента многие расценили бы как проявление слабости, как капитуляцию, а это не могло не повлиять на исход выборов.

Джон Кеннеди не захотел упоминать на Исполкоме о своих вчерашних контактах с советским послом. Он предпочел выждать, послушать других, а уж затем принять решение. Сегодня он начинал как бы с чистого листа.

Отец совершил ошибку. Но в Кремле, привыкшем к послушной домашней прессе, дающей лишь те оценки событиям, которые уже сформулированы здесь или на Старой площади, поддерживающей то, что надо поддерживать, просто не могли представить себе иной мир, где президент не волен без оглядки принимать решения, не может не учитывать колеблющихся симпатий избирателей. Наша страна только вступала на путь демократии, и это слово еще не наполнялось реальным смыслом, содержанием, а лишь служило ритуальным атрибутом в пропагандистских заклинаниях.

Отец поторопился, и теперь игра перешла в новую фазу. Тайные переговоры двух правительств становились достоянием всех, секретные послания превращались в развороты на газетных полосах.

И дело теперь не сводилось к реальной военной

значимости турецких ракет, их весу в общем балансе стратегических сил. Начинали действовать правила политической игры.

Кеннеди не дорожил «Юпитерами», стоявшими в Турции. «Минитмены», первые 9 штук которых заступали на дежурство с 30 октября, и «Поларисы» решали практически все задачи поражения целей на территории Советского Союза. Однако убирать «Юпитеры» из Европы под нажимом Кеннеди не хотел. Он считал это унижением достоинства великой державы.

В последних письмах, как и в предыдущих документах, мы продолжали как бы стыдиться короткого слова «ракета», вместо него употреблялась витиеватая фраза «оружие, которое вы считаете наступательным». Это не было ни капризом, ни ошибкой — тем самым отец подчеркивал: ракеты на Кубе служат исключительно оборонительным целям. Однако подобное словоблудие мало-помалу загоняло нас в угол. Стремление не называть вещи своими именами, привычка к двусмысленным выражениям в данном случае развязывала руки американцам. Мы сами перестали понимать, что, кроме ракет, обсуждается. Наши противники могли в любой момент отнести к разряду наступательного любое вооружение, поставленное на Кубу.

* * *

Если Кеннеди понимал причины, побудившие отца отправить новое письмо, то остальные члены Исполкома недоумевали: что за эти часы произошло в Кремле? Кто-то обратил внимание на разницу стиля первого и второго послания. Тут же оформилась точка зрения: последнее письмо написано не отцом; обороты речи, построение фраз, сам дух — все отдавало казенщиной. По крайней мере, такое заключение сделали в Белом доме. Домыслов возникло не счесть: наиболее прямолинейно мыслящие отстаивали версию о расколе в советском руководстве, победе жесткой линии, вызвавшей появление еще одного письма, дезавуирующего предыдущее.

Исполком растерялся. Собравшиеся не знали, что предпринять, как отвечать. Одно было ясно: тянуть

невозможно, необходимо найти выход немедленно. Ни о каких двух-трех неделях, упоминаемых в письме, в Белом доме не хотели и слышать. Столько времени для решения кубинской проблемы президенту просто не отводилось.

Появилась новая болевая точка — Турция. Высадка на Кубе, следовало из духа письма, автоматически означала нападение на Турцию со стороны Советского Союза и его союзников. А это неизбежно вело к войне в Европе.

На самом деле отец не намеревался ни при каких условиях открывать военные действия против Турции. Единственная война, которую отец был готов вести, это была война нервов.

* * *

В самый разгар обсуждения Макнамару позвали к телефону. Из штаба стратегического авиационного командования докладывали, что поднявшийся с аэродрома на Аляске У-2 заблудился и с десяти часов пятнадцати минут до одиннадцати часов находился над советской территорией на Чукотке. Пилот запросил о помощи, его навигационная система практически вышла из строя. На выручку полетел истребитель Ф-102. Теперь над территорией Советского Союза летало уже два нарушителя.

Американские радары засекли взлет советских МИГов, они пошли на перехват. Все решали секунды: или Ф-102 успеет вывести тихоходный разведчик за пределы территориальных вод, или придется садиться на советский аэродром. Такое решение не сулило особых неприятностей, всякий может заблудиться. Если бы не скандальная слава У-2...

К тому же всеми инструкциями ему с его сверхсекретной начинкой попадаться в чужие руки, садиться на чужие аэродромы категорически запрещалось. Значит, воздушный бой! На грех, дежурившие в тот день Ф-102 несли под своими крыльями ракеты «воздух—воздух» с ядерными зарядами. Какое решение примет пилот в горячке схватки?

К счастью, беда прошла стороной — советские перехватчики замешкались. Американские пилоты уви-

дели, как истребители резко развернулись и с переворотом ушли назад, к Чукотке.

То, что все закончилось благополучно, в Москве и Вашингтоне осознали лишь позже. В то мгновение, как свидетельствуют очевидцы, Макнамара побледнел и, обращаясь к президенту, истерически выкрикнул: «Это война с Советским Союзом!» Кеннеди сохранил выдержку, он только хмыкнул и произнес свою, ставшую широко известной, фразу: «Всегда найдется сукин сын, способный испортить все дело».

К счастью, пронесло. Но ненадолго. Примерно через час пришло новое, теперь уже воистину трагическое известие: над Кубой сбит У-2, его пилот майор Рудольф Андерсон погиб. Сообщение повергло участников совещания в шок. У многих мелькнула мысль: «Началось?!»

Ни у кого в Белом доме не возникло сомнений: это продуманный шаг, в только что переданном по радио письме недвусмысленно утверждалось, что все ракетные средства на Кубе находятся в руках советских офицеров, подчиняющихся только Москве. И время атаки выбрано не случайно: в момент, когда президент Кеннеди получил послание Кремля.

Наиболее горячие и решительные члены Исполкома снова потребовали разбомбить расположенные на Кубе зенитные ракетные батареи. Теперь, после гибели американского пилота, их поддержало большинство. Даже умеренные сторонники блокады высказались за атаку. На короткое время заколебался и Кеннеди. Однако государственная мудрость взяла верх над чувствами. «Меня беспокоит не первый шаг, — удерживал наиболее ретивых президент, — а эскалация с каждой стороны, ведущая к четвертому шагу и к пятому, а до шестого она не доведет, потому что некому будет сделать его. Мы должны помнить, что пускаемся в рискованное мероприятие».

Всплеск агрессивности испугал президента. Возникала опасность выхода ситуации из-под контроля. Кеннеди не отдал немедленного распоряжения уничтожить советские зенитные ракеты. Он предложил вопрос обсудить позже, когда накопится побольше информации.

Беспокойство главнокомандующего отразилось в строгом приказе, направленном в Турцию: «Снять с ракет взрыватели». Они могли быть возвращены на место только по личному указанию президента США. Кеннеди не намеревался выпускать вожжи из рук.

* * *

Полет У-2 майора Андерсона в тот день ничем не выделялся из предыдущих: фотографирование советских ракетных установок превратилось в рутинное занятие, не сулящее особо интересных новостей и не вызывающее опасений. Еще один полет, еще несколько миль фотопленки, расчерченной аккуратными кадрами снимков.

Однако на земле сегодня все происходило совсем иначе, чем вчера. Фидель Кастро энергично и однозначно приказал своим зенитчикам: «Сбивать нарушителей без предупреждения». Советский командующий ПВО одобрял такой решительный подход к делу. Последние работы на базах закончились, командиры зенитных ракетных батарей доложили о боевой готовности. Как и Кастро, советские генералы воспринимали безнаказанные полеты американцев над Кубой как личный вызов. К тому же уничтожение первого воздушного пирата над островом не останется незамеченным в Москве. Это, конечно, не история с Пауэрсом, но и не рядовое событие.

Когда полковнику Воронкову доложили об американском разведчике, время приближалось к полудню. Радиолокационная станция дальнего предупреждения и наведения только вступила в строй, ее еще обкатывали, одновременно обучая кубинцев. Раньше или позже зенитные ракеты перейдут под их управление. Как только уляжется шум, поднятый вокруг баллистических ракет.

Когда на экране появилась отметка от У-2 майора Андерсона, операторы сначала засомневались, думали ошибка или помеха. Надо же?! Практически первое включение — и сразу цель. Замешательство длилось недолго, светлое пятнышко держалось устойчиво, запрыгали на табло цифры: азимут, высота, дальность, скорость. Сомнений больше не оставалось — обнаружен высотный разведчик.

Доложили по команде и получили приказ: «Сопровождать цель, подготовить ракеты к запуску. Без команды не стрелять».

Пока У-2 облетал заданные программой районы, полковник Воронков, а именно он получил донесение с ракетной батареи, искал начальство. В штабе Плиева не оказалось, о нарушителе он доложил его заместителю генералу Степану Гречко. Тяжесть решения легла на его плечи. Генерал бросился искать Плиева, тот как в воду канул. Хорошо еще в штабе оказался еще один заместитель командующего, правда, по политической части, член военного совета генерал Леонид Гарбуз. Гарбуз тоже не знал, где Плиев. Сказал, что поехал в войска, а вот куда?

Снова позвонил Воронков: нарушитель пролетел над строящимися позициями баллистических ракет и направляется в район дислокации войск прикрытия.

Гречко приказал продолжать наблюдение.

— Что делать? — обратился он к Гарбузу.

Тот только пожал плечами. Оба генерала понимали: с Москвой не связаться, еще несколько минут — и уйдет разведчик.

— Будем сбивать? — переиначил свой вопрос Гречко.

Гарбуз медлил с ответом. С одной стороны, нельзя упускать американца с ценнейшей информацией, к тому же приказ Кастро... С другой стороны, они подчиняются только Москве. Гарбуз знал, что за последние дни Плиев не раз обращался к Малиновскому с просьбой разрешить сбивать американских разведчиков, но ответа так и не дождался.

— Будем сбивать! — уже не спрашивал, утверждал Гречко. В глазах его засветилась решимость. Гарбуз кивнул: «Семь бед — один ответ».

В этот момент снова позвонил Воронков: «Цель уходит. Остается две минуты».

— Огонь! — скомандовал Гречко.

— Пуск! — отозвался Воронков в прижатую к другому уху трубку телефона, связывавшего его с батареей.

— Пуск! — прокричал командир расчета.

...Две «75-х» сорвались с направляющих и, отбросив стартовики, устремились в ясное голубое небо.

Через несколько десятков секунд над головой вспух небольшой белый комочек...

Оператор отозвался уставным: «Цель поражена». На его экране погасла отметка самолета.

О победе тут же доложили Воронкову, он передал радостное сообщение дальше в штаб, Гречко.

Царившее в штабе советских войск настроение только с большой натяжкой можно было назвать праздничным, скорее, там была растерянность. Предстоял доклад в Москву. А как «наверху» отнесутся к «самодеятельности»?

Появившийся наконец Плиев только буркнул Гречко: «Вы командовали, вы и докладывайте». И теперь генерал мучительно сочинял донесение.

О случившемся первыми доложили Кастро кубинские зенитчики. Они наблюдали разворачивающуюся драму от начала до конца. Он пришел в неописуемый восторг. Попросив связать его по телефону с Плиевым, Фидель поздравил советского командующего с умелыми и решительными действиями его подчиненных. Плиев пробормотал слова благодарности. Старый, опытный Плиев нервничал, все произошло без санкции центра. В таком деле никогда не знаешь, похвалят или выругают. В глубине души он рассчитывал на похвалу.

* * *

Получив шифровку, министр обороны маршал Малиновский немедленно позвонил отцу, испросив разрешение на прием. Именно ему надлежало доложить о случившемся. Малиновский понимал, что похвалы не будет...

Где-то в глубине души отцу доставило удовлетворение то, что еще один принесший столько унижений нашей стране У-2 рухнул, натолкнувшись на советскую ракету. Но это чувство мгновенно прошло, сменившись глубоким беспокойством. Как истолкуют в Белом доме этот шаг? Они вот-вот должны получить письмо, где утверждается, что подобное невозможно без его личной санкции.

В этот момент — такого не было ни до, ни после — отец ощутил, что ситуация выходит из-под его контроля. Сегодня один генерал решил запустить зенитную

ракету, потому что ему показалась это целесообразным, а завтра другой так же, не испросив санкции Москвы, нажмет кнопку баллистической?

Как впоследствии говорил отец, именно в тот момент он нутром ощутил, что ракеты надо выводить, до беды недалеко. Настоящей беды.

Отец хмуро спросил у Малиновского: «Советовался ли с кем-нибудь генерал, спрашивал ли разрешение на пуск?» Малиновский ответил, что у него не оставалось времени и он решил действовать в соответствии с приказом Фиделя Кастро, отданным противовоздушным силам Кубы.

Отец взорвался: «В чьей армии служит генерал — советской или кубинской? Если в советской, то почему он позволяет себе подчиняться чужому главнокомандующему?»

Бушевал он недолго. Дело было не в генералах Гречко или Плиеве. Требовалось устранить саму возможность возникновения смертельно опасных столкновений. На расстоянии в одиннадцать тысяч километров задача представлялась непростой. Одной команды, даже самой строгой, может оказаться недостаточно. Какие решения примет Плиев в случае высадки американского десанта и удара с воздуха по ракетным базам?

В случае вторжения связь с Москвой станет проблематичной. Судьба человечества сосредоточится в руках генералов. Не дай Бог, они проявят решительность. А что еще от них можно ожидать? Их дело воевать. Этому их учили.

Такие или примерно такие мысли промелькнули в голове у отца. Малиновский ожидал, переминаясь с ноги на ногу. «Еще что?» — поднял голову отец.

Малиновский продолжал: «В 18 часов 15 минут зафиксировано еще одно нарушение воздушного пространства, на сей раз нашего. У-2 пересек границу Советского Союза. Почему-то это произошло на Чукотке. Что он там искал? Над нашей территорией он летал почти сорок пять минут. Подняли перехватчики, но они его не догнали, сеть аэродромов очень редкая».

Отец, казалось, даже обрадовался. В другое время министру обороны пришлось бы выслушать не один упрек.

«Самолет, нарушивший нашу границу, — сказал отец, — скорее всего, заблудился. Нечего ему делать на Чукотке».

Правда, он допускал, что это могла быть и провокация со стороны американских генералов.

«Возможно, — продолжал сомневаться он, — они хотят проверить, не концентрируем ли мы там свои войска против них? Ведь Чукотка — самое близкое место к Америке, но не такие в Вашингтоне дураки, чтобы считать Берингов пролив лучшим местом для переправы».

Отец склонялся, что это ошибка. Хорошо, что не сбили.

Отец приказал Малиновскому дать указание ПВО страны впредь, до особого указания, не перехватывать разведывательные самолеты-нарушители без специальной санкции главнокомандующего. «Особенно, — он подчеркнул, — это касается наших войск на Кубе. Здесь они вряд ли сунутся. Передайте вашему генералу, что он подчиняется только нам, только Москве. Даже если Кастро лично приедет к нему, он должен проявить вежливость, но не более».

— Только Москве, — повторил отец на прощание, — никакой самодеятельности. И так все висит на волоске.

Малиновский не стал отчитывать генералов. На их месте он поступил бы так же. В решительный момент командир обязан проявлять самостоятельность, на то он и командир.

Шифровка на Кубу содержала чуть больше десятка слов: «Вы поторопились, сбив американский самолет, намечается соглашение, предотвращающее вторжение на Кубу». И все. Только подпись.

Плиев, получив ответ, пожевал губами и, соединившись с Воронковым, кратко приказал: «Никакой самодеятельности. Пусть американцы летают сколько им вздумается. Следить, но огня не открывать».

Затем он вызвал Гречко и Гарбуза и молча показал им телеграмму. Комментарии не требовались.

* * *

Когда за Малиновским закрылась дверь, отец посмотрел на часы — время приближалось к 10 часам

вечера. Заканчивалась суббота. Эту ночь он намеревался провести дома. Отец немного стыдился, что вчера он запаниковал, остался ночевать в Кремле. Сам потерял выдержку и других взбудоражил.

Сейчас, считал он, нет оснований для неожиданностей. В Вашингтоне уже получили его новое послание. Теперь их черед думать, просчитывать варианты, готовить ответ. Да и день там в самом разгаре. Ему же завтра потребуется свежая голова, нужно выспаться, а какой сон на диване.

Отец позвонил Козлову и попросил предупредить членов Президиума, что завтра он предлагает собраться не в Кремле, а в Ново-Огареве. Совещание назначили на десять утра — все-таки выходной.

Но отец не торопился уезжать из Кремля. Он попросил вызвать стенографистку. Инцидент с У-2 беспокоил его все больше, нельзя, чтобы такое повторилось. Кто знает, как себя поведут американцы? Да и негоже, если Кастро получит отказ от Плиева. Нужно объясниться. Отец решил сделать заготовку письма в Гавану. Завтра с утра они смогут его обсудить. Так удастся сэкономить время.

«...Мы хотели Вам порекомендовать сейчас, в такой кризисный переломный момент, не поддаваться чувству, проявить выдержку, — диктовал отец. — Нужно сказать, мы понимаем Ваше чувство возмущения агрессивными действиями США и нарушениями элементарных норм международного права».

Отец все больше распалялся. Как бы спохватившись, он сделал паузу. «Но сейчас действует не столько право, сколько безрассудство милитаристов из Пентагона, — продолжал он совсем другим тоном. — Сейчас, когда намечается соглашение, Пентагон ищет случая, чтобы сорвать это соглашение. Вот он и организует провокационные полеты самолетов. Вчера Вы сбили один из них...» Отец запнулся, замолчал: «Вчера Вы сбили один из них, — повторил он и продолжил: — В то время как Вы их не сбивали раньше, когда они летали над Вашей территорией. Такой шаг будет использован агрессорами в своих целях.

Поэтому мы хотели бы по-дружески посоветовать Вам: проявите терпение, выдержку и еще раз выдержку».

Продиктовав еще несколько фраз, отец отпустил стенографистку. Сегодня он был необычно краток.

Выходя из кабинета, он предупредил секретаря: «Если что, звоните на квартиру в любое время».

Дома отец появился около 11-ти. От ужина он отказался, попросил только чаю с лимоном. Пока пил, сказал, что с утра будет занят. «Соберемся за городом, — уточнил отец, — так что поезжайте на дачу, а я, если ничего не случится, потом тоже приеду туда».

На дачу так на дачу. С отцом мы не спорили. Утром, после завтрака, он отправился на совещание, а мы все поехали за город. На душе скребли кошки, какая тут дача, но ничего не поделаешь.

* * *

Вернемся теперь в Вашингтон, к прерванному сообщением об инциденте над Кубой заседанию Исполкома. Кеннеди предложил поручить государственному департаменту подготовить к вечерней встрече проект ответа на послание отца. Затем от имени Объединенного комитета начальников штабов выступил генерал Тэйлор. Из его слов следовало, что события прошедших дней свидетельствуют о правоте военных — если бы сразу применили силу, то и вопроса бы уже не существовало. Комитет начальников штабов единодушно считал, что еще не поздно исправить ошибку, разбомбить стартовые позиции, пока они не задействованы. Войска в боевой готовности, ждут приказа. По его предложению воздушную атаку следовало провести в понедельник и сразу начать высадку десанта. В случае необходимости предусмотреть применение тактического ядерного оружия.

Президент сопротивлялся, но сдерживать военных ему становилось все труднее. Газеты, телевидение переполнились призывами к решительным действиям, толпа жаждала проучить «красных». Давление нарастало, и члены Исполкома все больше колебались. Тем не менее на утреннем заседании решения опять не приняли. Подготовка к боевым действиям продолжалась. В районе Ньюфаундленда устанавливался еще один заслон из кораблей. На сей раз против подводных

лодок. В район сосредоточения десанта на Западном побережье перебрасывалась пятая бригада морской пехоты.

Очередное заседание Исполкома назначили на 4 часа дня.

* * *

Пока же президент не находил ответа на стержневой вопрос: почему сбит У-2? Если это эскалация, то должны последовать новые шаги. Однако после единственного выстрела наступила тишина.

А если недоразумение? Тогда необходимо искать мирное решение. Все сводилось к одному: что думают в Москве?

Однако впрямую спросить о причинах уничтожения У-2, нарушившего воздушное пространство суверенного государства, было некого. Не посла же вызывать в государственный департамент? Оставалось только гадать.

* * *

Между тем полеты американских самолетов над Кубой Исполком не отменил. В соответствии с графиком на разведку в 3 часа дня вылетела шестерка F 8U-IP. Пилоты уже знали о печальном происшествии — такие новости в авиации всех стран распространяются быстро. Сомнений не оставалось: их, как и У-2, встретят огнем. Поэтому летчики жались к земле, пытались прикрыться любым бугорком. Спасти их могли только внезапность и скорость — пронесся с ревом над головами защитников, и был таков. Маршрут обычный, над Сан-Кристобалем и Сагуа-ла-Гранде, задача та же — фотографирование строящихся ракетных позиций.

Двум пилотам повезло, их самолеты забарахлили еще на подходе к острову, пришлось возвращаться. Четверых оставшихся кубинцы встретили огнем зенитных пушек. Сбить никого не удалось, но по возвращении на аэродром техники насчитали в крыльях не одну пробоину от тридцатисемимиллиметровых снарядов.

Доложили Кеннеди. По всему выходило, что сбили У-2 не случайно. Конфликт разгорался. Сторонники немедленной атаки позиций средств ПВО получили еще один аргумент в свою пользу. Решение должен

был принять Исполком. До заседания оставалось около получаса.

* * *

Дин Раск никак не мог понять, почему во второе письмо отца вклинились турецкие ракеты, и решил докопаться до истины. Он попросил Скэйли встретиться с Фоминым и попытаться прояснить обстановку. Ни Раск, ни Фомин, ни Скэйли не знали о состоявшемся накануне разговоре в советском посольстве. Встреча произошла в 4.15. Скэйли давил на Фомина, кричал, обвинял его в двойной игре. В конце концов он пригрозил: «Теперь вторжение на Кубу — дело нескольких часов». Фомин оправдывался, ссылался на плохую связь, заверял, что недоразумение вот-вот рассеется, посол с минуты на минуту ожидает сообщение из Москвы. Правда, какое, он не сказал, и говорить ему было нечего. Последнее послание только что передали по радио и по дипломатическим каналам, теперь в Вашингтон добирался подписанный отцом уже известный всему миру текст.

На том и расстались. Скэйли, не мешкая, отпечатал краткий отчет и передал его Дину Раску. Встретиться им не удалось, началось заседание Исполкома.

Фомин тоже не терял времени. В своей шифровке в Москву он предупреждал: обстановка вновь раскалилась. Высадка десанта может начаться в ближайшее время, возможно завтра. Далее он транслировал вопрос Скэйли о «Юпитерах» в Турции.

В Москве время перевалило за полночь, наступило воскресенье.

* * *

Позволю себе немного отвлечься. В истории встреч Фомина и Скэйли много неясного, существует немало разночтений. Сами участники событий считают, что именно они спасли мир от гибели. В вашингтонском ресторане «Оксидентал» над одним из столиков висит мемориальная табличка с многозначительной надписью: «В напряженный период Кубинского кризиса, октябрь 1962 года, за этим столом состоялась беседа таинственного русского «мистера Х» с корреспондентом телевизионной компании Эй-би-си Джоном Скэй-

ли. На основе этой встречи угроза ядерной войны была предотвращена». Неплохая реклама и ресторану, и участникам «переговоров».

А вот Георгий Корниенко считает, что Фомин не сделал ничего, они с послом даже не стали передавать его отсебятину в Москву. От отца я, естественно, этой фамилии не слышал, серо-голубые папочки на этот счет не баловали даже Председателя Совета Министров, — просто «источник сообщает», и все. Да и не мог отец упомнить никому не известного Фомина, и не единственным источником был Фомин.

Ни у кого не возникает сомнений, что надпись в ресторане «Оксидентал» хватила через край. Фомин не играл заметной роли в драме тех 13 дней. На первом плане стояли Роберт Кеннеди, Добрынин и в какой-то степени Большаков.

Фомин же выполнял свою миссию. Его держали на подхвате. В мемуарных записках Феклисова* многое выглядит иначе. К примеру, предложение о гарантиях Кубе в обмен на вывод наших ракет и снятие блокады якобы исходили от Белого дома. Есть и другие разночтения. Я слышал в 1989 году, как он выступал на встрече, посвященной Карибскому кризису, тогда еще под фамилией Фомин. У меня сложилось ощущение, что память его сильно подводит. Поэтому я оставляю описание событий такими, как они видятся мне, реконструируются на основе собственных впечатлений и рассказов отца.

Не могу согласиться и с Корниенко. Резидент КГБ не нуждался в санкции посла на отправку донесений. Действительно, Феклисов пишет, что Добрынин «три часа изучал проект телеграммы» и отказался ее подписать. И что же? «Удивившись нерешительности посла, я подписал телеграмму и передал шифровальщику для отправки своему руководству»**. Естественно. Никогда КГБ не находился в зависимости от МИДа. Так что телеграммы Фомина дошли до адресата.

*Феклисов Александр Семенович, полковник КГБ в отставке. Именно он действовал в США под именем Александр Фомин. — *Ред.*

**«Неизвестное о развязке Карибского кризиса». Военно-исторический журнал № 10, 1990 г.

* * *

Когда в 4 часа в Белом доме вновь собрался Исполком, президент открыл заседание словами: «Завтра, в воскресенье, атаки не будет». Он хотел еще раз попытаться нащупать почву для мирного исхода. Государственный департамент доложил проект ответа Москве. В нем приводились возражения против требований отца о выводе американских ракет из Турции. Мотивы звучали в Вашингтоне вполне убедительно, но вряд ли произвели бы в Москве такое же впечатление. Кубинские ракеты стояли под боком у США, а турецкие — у СССР.

Ответ в лоб не сулил быстрого прогресса. Он мог послужить первым шагом в переговорах, рассчитанных на много месяцев. Сейчас же счет шел на часы.

Мнения разделились. Президент внутренне склонялся принять второе письмо отца. Ведь он сам санкционировал обмен Р-12 на «Юпитеры». Однако его поддержал только Роберт. Остальные члены Исполкома, ничего не знавшие о достигнутой накануне договоренности с Добрыниным, хором возражали. Для такого решения требовалось получить согласие НАТО, уговорить Турцию. Пока в Европе отреагировали отрицательно. Джон Кеннеди попал в ловушку: с одной стороны, он дал согласие Москве, с другой — он не хотел ссориться с НАТО. Аргументы оппонентов звучали более чем убедительно.

Когда, казалось, выход отыскать не удается, с сумасшедшей идеей выступил Роберт Кеннеди. По его мнению, в ответе президента не следует спорить с оппонентом, надо добиваться положительного решения. Пусть даже без учета каких-то важных деталей. Зачем спорить о ракетах в Турции? В первом письме о них не говорится ни слова. Поэтому лучше ответить на него, а там видно будет. Его поддержал Тед Соренсен и еще кое-кто из присутствующих.

Но президент считал такую постановку вопроса нереалистичной: как это советский премьер согласится вот так отбросить свое собственное послание, к тому же транслированное московским радио по всему свету? Но тут вмешался бывший посол в Москве Томпсон. Он считал опасения, связанные с несговорчивостью

Хрущева, неосновательными. Томпсон достаточно хорошо изучил отца: по его мнению, такое резкое изменение позиции от первого письма ко второму свидетельствовало о наносном, поверхностном характере вновь возникшего требования обмена ракет. Оно навеяно конъюнктурой, и прагматичный политик, а именно так характеризовал бывший посол отца, цепляться за него не станет. Если, конечно, сочтет сложившуюся обстановку достаточно серьезной.

Томпсон считал, что отец принял решение в момент написания первого письма, а затем что-то толкнуло его на ужесточение позиции. Посол не понимал что, но вычислил все верно. Только Кеннеди знали, что подтолкнуло отца.

Президент поверил Томпсону и предложил брату вместе с Соренсеном написать новый вариант ответа. Будет что сравнивать и из чего выбирать.

* * *

Пока же Исполком занялся обсуждением планов на завтрашний день. Основной вопрос: как поступить с разведывательными полетами. О том, чтобы прекратить или приостановить их, никто не заикался, но и подвергать летчиков угрозе гибели присутствующие не считали возможным. Снова зашла речь об уничтожении одним ударом зенитных ракетных установок. Тем самым расчищалось небо не только для разведывательных полетов, но и для будущего вторжения.

Мнения разделились... Решающее слово осталось за президентом. Он хотел использовать последний шанс. Атаку на батареи отложили. Одновременно отменили и утренний полет У-2. Опыт свидетельствовал, что высота перестала служить защитой и он превратился в идеальную мишень для ракет.

Юркие низколетящие разведчики имели больше шансов выжить, проскочить мимо артиллерийских позиций. Ракеты на малых высотах становились неэффективными.

Исполком знал, что зенитные ракеты находятся под советским командованием, а пушки принадлежат кубинской армии, но не делал между ними различия. В Вашингтоне не сомневались, что Кастро слепо повинуется командам из Москвы.

В случае повторной атаки самолетов, не оставляющей сомнений в намерениях советского командования, должно было последовать немедленное уничтожение зенитных установок.

Совершилась роковая ошибка. После строгого указания отца полеты У-2 стали безопасными, чего нельзя сказать о низколетящих самолетах. У кубинских зенитчиков продолжал действовать приказ: уничтожать любой чужой самолет, появившийся над островом.

Первый вылет в воскресенье 28 октября назначили на десять утра.

* * *

Тем временем родился второй вариант ответа отцу. Он звучал куда солиднее первого: никаких вопросов, никаких споров. По всем пунктам президент соглашался. Правда, с некоторыми оговорками. Президент сам окончательно отредактировал письмо. Оно получилось недлинным. Через полчаса принесли набело отпечатанный экземпляр. Джон Кеннеди подписал его и передал Дину Раску: можно отправлять. В 8.05 вечера по вашингтонскому времени, в 4 утра по московскому, послание получили в посольстве США в Москве. Посол Колер даже не пытался дозвониться до МИДа. Тут имелись свои причины. По примеру отца, Кеннеди, не мешкая, передал письмо прессе. Так что остаться не замеченным в Москве оно не могло.

Официально текст послания получили в Министерстве иностранных дел только в половине одиннадцатого утра в воскресенье.

Президент писал:

«Дорогой господин Председатель!

Я с большим вниманием прочел Ваше письмо от 26 октября и приветствую Ваше желание искать пути быстрого разрешения кризиса. Однако первое, что для этого требуется, — прекращение работ по сооружению на Кубе ракетных баз и демонтаж всех установок с наступательным вооружением, в рамках договоренности в ООН. Предполагая, что эти меры будут проведены безотлагательно, я дал инструкции моим представителям в Нью-Йорке, которые позволят им выра-

ботать к концу текущей недели — совместно с и.о. генерального секретаря и с Вашими представителями — соглашение об окончательном урегулировании кубинского вопроса соответственно предложениям, в общих чертах выраженным в Вашем письме от 26 октября. Эти предложения, если я их правильно понял, кажутся вполне приемлемыми и сводятся к следующему:

1. Вы согласны удалить с Кубы наступательное вооружение под соответствующим наблюдением и контролем ООН и обязуетесь с должной гарантией не доставлять этих наступательных средств на Кубу впредь.

2. Как только этот вопрос будет улажен — через посредство ООН, для обеспечения проведения обязательств в жизнь, — мы, со своей стороны, согласны: а) немедленно снять установленную в настоящее время блокаду; б) обязаться не совершать вторжения на Кубу. Я уверен, что к этому примкнут и другие страны Западного полушария.

Если Вы дадите сходные инструкции Вашему представителю, не будет оснований не заключить такое соглашение и не огласить его в ближайшие дни. Разрядка напряженности во всем мире, которая последует за ним, позволит нам приложить все усилия к достижению договоренности более общего порядка, о «других вооружениях», согласно предложению, выраженному в Вашем втором опубликованном письме.

Я хочу повторить еще раз, что Соединенные Штаты весьма заинтересованы в разрядке напряженности и прекращении гонки вооружений. И если Ваше письмо означает, что Вы готовы приступить к переговорам об ослаблении напряженности между странами НАТО и странами Варшавского Договора, то мы вполне готовы рассмотреть, совместно с нашими союзниками, всякое полезное предложение.

Но первое условие — разрешите мне подчеркнуть — это прекращение работ по сооружению на Кубе ракетных баз и принятие мер к демонтажу их при условии эффективной международной гарантии. Продление этой угрозы или продление дискуссии относительно Кубы с тем, чтобы связать ее с общими вопросами европейской или мировой безопасности, несом-

ненно, вызовет только обострение Кубинского кризиса и угрозу миру во всем мире. Поэтому я надеюсь, что мы сможем быстро прийти к соглашению, основываясь на предпосылках, изложенных в настоящем письме и в Вашем письме от 26 октября.

Джон Ф. Кеннеди»

После отправки письма Джон Кеннеди объявил перерыв до 9 вечера. Они остались вдвоем с братом. В связи с новым поворотом событий интерес к встрече Скэйли с Фоминым угас, турецкие ракеты перестали определять злобу дня. К тому же не было уверенности, придадут ли субботнему контакту в Вашингтоне должное значение в Москве. Ощущают ли там в полной мере, насколько здесь горячо?

Президент нервничал. Если не последует положительной реакции из Москвы, сторонники вторжения могут взять верх. К тому же необходимо, чтобы в Кремле узнали решительную позицию Белого дома на уничтожение У-2. Молчание по этому поводу может быть расценено как слабость. Ошибка в оценке намерений противной стороны могла обойтись очень дорого. Еще одного шанса выжить могло просто не представиться.

Президент попросил брата срочно встретиться с советским послом и откровенно рассказать ему об обстановке в Белом доме. Пришло время сообща искать выход из тупика.

* * *

Трудно сказать, о чем еще думал тогда президент. Какие политические шаги он держал в запасе? И держал ли?

Большинство свидетелей и историков сходятся на том, что субботний шанс действительно был последним. В случае отказа Москвы удалить ракеты в понедельник, самое позднее во вторник, должно было последовать вторжение. И тогда отцу оставалось или проглотить эту пилюлю, или... Я не знаю, какое могло быть это «или».

Судя по свидетельствам ближайших помощников президента Кеннеди, его нельзя обвинить в безрассуд-

ности. И в субботу высадка десанта на Кубе не представлялась ему единственным решением. Он говорил о необходимости попробовать предпринять дипломатические шаги в понедельник и даже во вторник.

Об этом говорили на московской встрече в 1989 году Тед Соренсен, Роберт Макнамара и Макджордж Банди. Какие это могли быть инициативы, сейчас остается только гадать.

* * *

В те дни пресса США переполнялась сообщениями о советских ракетах на Кубе, пестрела фотографиями строящихся стартовых площадок. Американцы были объяты страхом. Казалось, пришел конец света.

Советские газеты слово «ракеты» вообще не упоминали. В Кремле считали, что не следует волновать народ. Мало кто догадывался, что на самом деле скрывается за заголовками политических статей в «Правде» и «Известиях»: «Народы мира отвергают агрессивную политику США», «Советская позиция — оплот мира», «Куба на страже!», «Милитаристы не унимаются, Бразилия негодует». Конечно, ползли глухие слухи, но реальной опасности не представлял никто, за исключением нескольких человек за высокими стенами Кремля.

О происходившем большинство советских людей узнало много позже, когда Кубинский кризис стал историей, а об опасности взаимного уничтожения говорили, как об угрозе, которую удалось избежать.

* * *

Вернемся в Вашингтон. Четверть восьмого вечера Роберт Кеннеди позвонил Анатолию Добрынину и пригласил его к себе в Министерство юстиции. Послу не требовалось ничего объяснять. Он ответил, что будет через полчаса.

Встреча произошла в 19.45.

О ней есть два свидетельства: отца, со слов Добрынина, и Роберта Кеннеди. Оба сделаны по свежим следам. Описание происходивших событий не отличаются по существу, но сильно разнятся в эмоциональной окраске.

Мне хочется привести их оба. Начну с отца. В своих рассказах он не всегда скрупулезен в описании конкретных деталей, но красочно воспроизводит свои ощущения.

«Кульминация наступила, когда посол в США Добрынин сообщил нам, что к нему пришел с неофициальным визитом брат президента — Роберт Кеннеди. Он описывал его внешний вид: Роберт Кеннеди выглядел очень уставшим, по его глазам было видно, что он не спал ночью. Он сам потом сказал об этом. Роберт Кеннеди сказал Добрынину, что он 6 дней не был дома, не видел своих детей и жену — он сидит с президентом в Белом доме, и они бьются над вопросом с нашими ракетами.

Он сказал:

— У нас напряжение очень сильное. Опасность войны велика. Я прошу передать вашему правительству и Хрущеву, чтобы они это учли. Президент готовит обращение через закрытые каналы, и он очень просит, чтобы Хрущев принял его предложения.

Он прямо говорил, что положение очень угрожающее. Поэтому президент сам писал это послание. Роберт Кеннеди сказал, что президент сам не знает, как выйти из положения. Военные оказывают на него сильное давление, настаивают на военной акции в отношении Кубы, и у президента складывается очень тяжелое положение.

Он сказал:

— Вы должны учесть особенности нашей государственной системы. Президенту очень трудно. Даже если он не хочет, не желает войны, то помимо его воли может свершиться непоправимое. Поэтому президент просит: помогите решить эту задачу.

Я сейчас не имею документов, а описываю все исключительно по памяти, хотя в памяти суть выступает рельефно. Я это пережил и все хорошо помню. Потому что за эту акцию от начала и до конца в первую голову отвечаю я. Я был ее инициатором, и я формулировал всю переписку, которую мы вели с президентом».

Дальше отец упоминает о турецких ракетах: Кеннеди просил передать, что в силу престижных соображений и из-за союзнических обязательств в НАТО

он не может односторонне объявить об их демонтаже, но сделает это в ближайшее время.

Роберт Кеннеди рассказывает о встрече несколько более подробно, с большими фактологическими деталями и с оглядкой на своих будущих избирателей.

«Мы встретились у меня в кабинете в 19.45.

Прежде всего я сказал ему (Добрынину): нам известно, что постройка баз продолжается и что в последние дни она идет в ускоренном темпе. Несколько часов назад по нашим разведывательным самолетам над Кубой был открыт огонь. Один из них сбит. Пилот этого самолета убит. Для нас все это означает коренной поворот в событиях.

Президент Кеннеди не хочет военного столкновения. Он сделал все, чтобы избежать конфликта с Кубой и Советским Союзом, но теперь они сами принуждают нас к действию. Двуличие Советского Союза заставляет нас производить разведывательные полеты над Кубой, и если кубинцы или Советы станут обстреливать наши самолеты, то самолетам придется отстреливаться. Это неизбежно поведет к дальнейшим инцидентам и к эскалации конфликта, что весьма и весьма опасно.

Добрынин ответил, что кубинцы возмущены тем, что мы нарушаем их воздушное пространство. Я возразил, что, не будь этого, мы бы до сих пор верили заверениям Хрущева о том, что на Кубе не расположено ракет. Как бы то ни было, дело гораздо серьезнее, чем нарушение воздушного пространства Кубы. Оно касается народов обеих наших стран, в сущности — народов всего мира.

Советский Союз тайно соорудил на Кубе ракетные базы, провозглашая в то же время — и публично, и частным образом, — что этого никогда не будет. Нам необходимо получить обещание, не позже завтрашнего дня, что базы эти будут ликвидированы. Я не предъявляю ультиматума, я просто констатирую факт. Советы должны понять, что если эти базы не снесут, то снесем их мы. Президент Кеннеди питает глубокое уважение к родине посла и к мужеству русского народа. Возможно, что Советский Союз сочтет необходимым прибегнуть к ответным мерам, но, пока суд да дело, будут убитые — не только американцы, но и русские.

Добрынин спросил, что предлагают Соединенные Штаты, и я сообщил ему о письме. Он поднял вопрос об удалении наших ракет из Турции. Я заявил, что мы не пойдем ни на уступки, ни на компромисс под угрозой или давлением, да и решение, в конечном счете, принадлежит НАТО. Впрочем, прибавил я, президент Кеннеди давно уже хотел забрать наши ракеты из Турции и Италии. Он отдал соответствующие распоряжения несколько месяцев назад, и мы считаем, что вскоре после окончания кризиса эти ракеты будут удалены.

Президент Кеннеди, сказал я, желает установить миролюбивые отношения между нашими странами. Он желает разрешить все проблемы, разделяющие нас в Европе и Юго-Восточной Азии. Он также желает продвинуть вопрос о контроле ядерных вооружений. Но все это станет возможным только после окончания кризиса. Время истекает. Остается всего лишь несколько часов. Мы должны получить ответ от Советского Союза безотлагательно. Мы должны получить его, сказал я, на следующий же день.

Я вернулся в Белый дом. Президент смотрел на положение без всякого оптимизма, как, впрочем, и я сам. Он отдал распоряжение о призыве 24 эскадрилий военно-транспортных самолетов из резервного состава военно-воздушного флота. Они были нужны для вторжения. Он все еще не терял надежды, но она сводилась теперь к тому, что в ближайшие часы Хрущев, возможно, пересмотрит свои намерения. Это было только надеждой — не верой, не ожиданием. Ожидалось же вооруженное столкновение в ближайшие дни — во вторник, может быть, завтра...»

Наверное, в каждом из воспоминаний есть некоторая доля приукрашивания задним числом. Когда уже ничто не угрожает, хочется поимпозантнее предстать перед историей. Но факты совпадают. Когда делалась история, им всем четверым, Джону Кеннеди, отцу и их представителям, было не до внешних эффектов.

В разговоре Роберта Кеннеди с Анатолием Добрыниным необходимо выделить еще один существенный момент, он почему-то не попал в записи ни с одной стороны, но отец в своих рассказах о событиях тех дней возвращался к нему не раз.

Американцы предупредили, что всякое нападение на разведывательные самолеты они будут рассматривать как начало Советским Союзом боевых действий. Я уже упоминал, что первый вылет свой они назначили на 10 утра в воскресенье.

На даче в Ново-Огареве участники воскресного совещания собрались загодя. Ждали отца. Он прибыл ровно в 10.

Такие заседания в выходной отец устраивал не первый раз. Правда, он и не злоупотреблял. Обычно они посвящались обсуждению какой-нибудь крупной реформы, подготовке к съезду или подобному по значимости мероприятию, когда требовалось все обговорить не торопясь, не отрываясь на сиюминутные доклады и звонки. Перед началом работы обычно шутили, иногда шли прогуляться.

Сейчас все происходило по-иному. Отец сухо, без привычной улыбки поздоровался с присутствующими и бросил стоявшему чуть поодаль помощнику: «Что нового?»

— Пришло письмо от Кеннеди, его еще ночью передали по американскому радио, — ответил тот. — Есть информация от посла в Вашингтоне и кое-что еще. — Помощник замялся, конечно, вокруг все свои, но докладывать здесь на ходу о сообщениях разведки он поостерегся.

— Пошли, там разберемся, — отец широким жестом указал на дверь в двухэтажный особняк, где сегодня предстояло работать. Он прошел первым, за ним потянулись остальные.

Заседание проходило в обширном обеденном зале, предназначенном для приема высокопоставленных гостей. Сейчас белая скатерть длинного стола покрылась пятнами разноцветных папок: красных, розовых, зеленых, серо-голубых. Каждый из участников совещания захватил с собой доставленную рано утром фельдъегерем почту.

Когда все расселись, отец предложил начать с письма президента США.

Читать его решили вслух, хотя перед каждым лежала аккуратно отпечатанная и растиражированная в ТАССе копия. Помощник отца по международным делам Олег Александрович Трояновский приступил

к чтению, в зале установилась гробовая тишина, только монотонный, без интонаций голос долбил в одну точку.

Не прошло и пяти минут, как в бесшумно раскрывающуюся дверь прошмыгнул дежурный и что-то на ухо зашептал Громыко. Андрей Андреевич почтительно кашлянул. Помощник замолчал, споткнувшись на середине фразы, головы всех присутствующих повернулись к министру иностранных дел.

Громыко кашлянул еще раз и вполголоса произнес: «Звонили из МИДа, американский посол просится на прием».

Он вопросительно смотрел на отца.

— Вам не надо зря терять время, — отозвался на немой вопрос отец, — наверняка он принес послание, которое мы читаем. Пусть примет Ваш заместитель и, если что-нибудь важное, позвонит.

Громыко заспешил к телефону, а помощник, вернувшись к началу фразы, продолжил чтение. Оно заняло около получаса. Наконец помощник произнес: «Подпись: Джон Кеннеди, — и с некоторым недоумением добавил: — На сей раз никаких «искренне» или «искренне Ваш», как он подписывался раньше».

Наступила пауза, отец сосредоточенно молчал, вдумываясь в только что услышанный текст, казалось, он старается представить, восстановить ход мыслей американского президента, вжиться в его роль. Никто не смел ему помешать, участники совещания уткнулись в лежащие перед ними бумаги.

Наконец отец очнулся, обвел взглядом присутствующих и осведомился, какие есть мнения. Однако никто не спешил высказаться первым. Молчание становилось тягостным, его прервал Трояновский: «Есть еще донесение посла Добрынина о беседе с Робертом Кеннеди. Очень любопытно».

— Читайте, — распорядился отец.

Трояновский достал тоненькие, прозрачные, похожие на папиросные листочки с надпечатанными вверху красной краской предостережениями от снятия копий и продолжил свою декламацию.

О содержании разговора, состоявшегося в Министерстве юстиции, я уже рассказывал, а сама шифровка пока остается недоступной.

Когда отец впоследствии пересказывал, в каком виде Роберт Кеннеди предстал перед Добрыниным, он с усмешкой добавлял: «И мы выглядели не лучше».

Президент взывает о помощи — так воспринял отец беседу Роберта Кеннеди с нашим послом. Тон разговора свидетельствовал о том, что промедление смерти подобно. Видимо, температура в вашингтонском котле дошла до опасной точки, грозил взрыв.

— Что еще? — теперь уже отец обращался к Трояновскому.

Олег Александрович раскрыл серо-голубую папочку. Первый листок содержал донесение из Вашингтона: «источник» сообщал, что его собеседники крайне обеспокоены неожиданным возникновением вопроса о турецких ракетах. При этом корреспондент ссылался, что запрос пришел непосредственно от Дина Раска.

Отец удивленно поднял голову:

— Правая рука не знает, что делает левая, — недовольно произнес он.

— Что еще? — он снова смотрел на Трояновского.

Донесения агентуры из разных частей земного шара свидетельствовали о росте напряженности, с Американского континента шла наиболее тревожная информация: подразделения морской пехоты, авиация, сухопутные войска приведены в боевую готовность, ждут только команды на начало штурма.

Собственно, особого секрета уже и не существовало, о предстоящем не сегодня-завтра десанте трубили все американские газеты.

— Все, — закрыл папку помощник.

— Так какие же есть мнения? — повторил свой вопрос отец.

Снова никто не отозвался. Да отец уже и не очень нуждался в советах. Картина складывалась ясная. Нужно, пока не началась война, принимать предложение Кеннеди, удовлетвориться его гарантиями о ненападении на Кубу и убирать ракеты. Иначе он может не удержаться, а если прорвет плотину, тут костей не соберешь. Судя по вопросам, переданным Раском через нашего разведчика, государственный секретарь ничего не знал о состоявшемся накануне разговоре Роберта Кеннеди с Добрыниным. Видимо, президент не рискнул, просто не смог рассказать своему окружению

о данном им обещании. А это уже дурной знак. Все свидетельствовало о том, что он держится из последних сил. Тут уже не до торговли. И нечего цепляться за турецкие ракеты. Они погоды не делают. От торга придется отказаться. Жаль... Но жизнь дороже престижа.

Конечно, отцу хотелось бы получить более торжественно оформленные заверения американского президента о неприкосновенности границ Кубы. Например, в виде письменного соглашения или решения в рамках ООН. Именно на подобную процедуру он отводил две-три недели, о которых упоминал в своем последнем письме в Белый дом. Но, видно, там крепко припекло.

Примерно так считал отец. Говорил он, наверное, около часа. Постоянно возвращался к тезису, что слову Кеннеди следует верить, а просидит он в Белом доме долго, еще не менее шести лет. За это время такое можно сделать — горы своротить. Куба станет неприступной, богатой, счастливой.

А турецкие ракеты? Бог с ними. Да и уберет их Кеннеди рано или поздно. В последней беседе Роберт подтвердил это нашему послу, только просил не давить.

Отец прервался, оглядел присутствующих. Члены Президиума ЦК поддержали своего Первого секретаря. Он продолжил свой монолог.

Пока отец убеждал присутствующих, а главным образом себя, Трояновский выскользнул из комнаты. Через приоткрывшуюся неширокой щелью дверь его жестами вызвал дежурный. Звонил из МИДа помощник Громыко Суслов, пришла новая информация. Прижав плечом телефонную трубку к уху, Олег Александрович торопливо записывал новости. О них следовало доложить немедленно, не ожидая, пока фельдсвязь доставит документы.

Когда Трояновский вернулся в зал, все головы, как по команде, обернулись к нему: что там еще стряслось? Кто рискнет вызывать помощника Председателя Совета Министров с такого совещания по пустякам? Закончив мысль, отец прервал свое выступление и как бы подтолкнул Трояновского: «Говорите».

Помощник стал докладывать: «Американский по-

сол вручил послание президента Кеннеди, то самое, ничего нового». Это сообщение вызвало некоторое движение облегчения, в тот день добрых вестей не ждали.

Однако следующее сообщение вселяло беспокойство: из Вашингтона передавали, что по городу ползут слухи, будто бы в 5 часов дня ожидается новое важное выступление президента. О чем? Ничего не известно. Но не требовалось особой догадливости: в черный понедельник 22 октября он объявил о блокаде, теперь, в воскресенье 28-го, на очереди следующий шаг — вторжение. Тут и гадать нечего. Сбывались вчерашние предостережения Роберта Кеннéди. Президента сломали, он не выдержал.

— В 5 часов по какому времени? — переспросил отец. В ответ Трояновский только пожал плечами. На помощь ему пришел постоянный участник совещаний последних дней секретарь Совета обороны генерал Семен Павлович Иванов. Его почти одновременно с Трояновским вызывали к телефону, и сейчас он дожидался своей очереди, чтобы доложить об информации, добытой военной разведкой. Донесения ее агентуры подтверждали сообщение о предстоящем выступлении Кеннеди в 5 часов.

— Время московское, — отчеканил генерал.

Никто не знает, действительно ли в донесении существовало подобное уточнение или Иванов принял грех на душу, посчитав, что лучше поторопиться, чем опоздать. Слова генерала развеяли последние сомнения — до катастрофы оставались считанные часы.

Иванов сел на место в углу комнаты.

Снова заговорил отец. По его мнению, наше согласие на вывод ракет необходимо передать немедленно, как и предыдущее, сразу по радио, чтобы оно не опоздало. После публичного выступления Кеннеди перед нацией назад не повернуть.

Отец собрался тут же, не мешкая, начать диктовать письмо. Стенографистки, сидевшие за маленьким столиком у стены, приготовились.

Однако Трояновский еще не покончил с новостями.

— Никита Сергеевич, пришло еще очень тревожное послание от Кастро, — как всегда, Олег Александрович говорил тихим размеренным голосом, не позволяя себе понестись вскачь за стремительно убегающи-

ми событиями. — Сам текст письма еще в МИДе, но я записал основные идеи.

— Говорите, — проявил нетерпение отец.

— Кастро считает, а, по его мнению, источник информации у него надежный, что война начнется в ближайшие часы, — поглядывая в блокнот, докладывал Трояновский. — Точное время они назвать затрудняются, возможно, через 24 часа, но не более чем через 72. По мнению кубинского руководства, народ готов к отражению атаки империалистической агрессии, они скорее умрут, чем сдадутся.

Олег Александрович перевел дух и продолжал:

По мнению Кастро, перед лицом неизбежного столкновения с США нельзя допустить, чтобы империалисты нанесли удар.

Он снова глянул в блокнот и повторил:

— Первыми нанесли ядерный удар...

— Что?! — отец даже привстал.

— Так мне передали, — внешне невозмутимо отозвался Трояновский.

— Что же, он предлагает нам начать атомную войну? Запустить ракеты с Кубы? — чуть спокойнее проговорил отец.

— Видимо, так, — подтвердил помощник. — Скоро привезут текст, тогда легче будет разобраться, что на самом деле имеет в виду Кастро.

— Это безумие, — не успокаивался отец. — Мы же поставили там ракеты, чтобы предотвратить нападение на остров, сохранить Кубу, защитить социализм, а он не только сам собирается погибнуть, но и нас тащит за собой.

— Ракеты на Кубе еще не привели в боевую готовность. Могут стартовать всего несколько штук, к тому же ядерные головные части отстыкованы и содержатся отдельно, под надежной охраной, — попытался внести свою лепту хранивший все это время молчание Малиновский.

— Это я и сам знаю, — отмахнулся отец. — Дело не в реализуемости его предложения, а в том, как вообще такая мысль могла прийти в голову?

Если до этого момента какие-то сомнения в своевременности, правильности решения о выводе ракет еще могли закрасться в голову отца, то сейчас они

полностью отпали: «Выводить, и как можно быстрее. Пока не поздно. Пока не случилось беды».

Участники совещания недоуменно поглядывали друг на друга: вот так, без особых затей, предлагалось развязать третью мировую войну. Становилось очевидным, что события выходят из-под контроля. Вчера без разрешения сбили самолет, а сегодня готовится ядерная атака.

С общего одобрения отец приказал по военным каналам связи срочно передать приказ Плиеву: «К ракетам никого не подпускать, ничьих приказов о запуске не исполнять, боеголовки ни в коем случае не подстыковывать». На душе у него стало немного спокойнее. Плиев — человек надежный и дисциплинированный, самоуправства не допустит. Но это — пока не начались бои...

Малиновский вышел в соседний кабинет отдать необходимые распоряжения.

Годы стирают остроту восприятия. События многолетней давности начинают видеться по-иному, тем более что ответ нам теперь известен. Но и через четверть века, рассказывая о происходивших в тот день событиях, Олег Александрович не мог говорить спокойно. По его словам, послание Кастро произвело на него шоковое впечатление апокалипсичностью своего содержания.

Что же происходило на Кубе? Обстановка с каждым днем становилась напряженнее. Кастро не лукавил, говоря о готовности умереть вместе с большинством своих сограждан. Его не оставляла мысль: «Что будет? Когда начнется?»

Думал он не только о маленькой Кубе — у них с янки свои счеты, — но на карту поставлена и судьба пришедшего на помощь Советского Союза, а вместе с ним и всего социалистического лагеря. Из-за Кубы может рухнуть все! Эта мысль не давала Кастро покоя.

Если американцы начнут, а они начнут, в этом он не сомневался, то удары обрушатся не только на подготовившихся к обороне кубинцев, но и на советские полки, батареи, эскадрильи. В том, что они не уступят кубинцам в решимости стоять до последнего, Кастро убедился во время посещения подразделений Советской Армии.

Но удар здесь неизбежно отзовется там, за океаном. В Берлине ли, Турции — большого значения не имеет. Разгорится большая война, а в ней не обойтись без ядерного оружия. Вот тогда все решат часы, минуты, секунды — кто ударит первым, тот и победит. О бухгалтерии Макнамары, соотношении ядерных зарядов восемнадцать к одному не в нашу пользу, Кастро и не догадывался. И вообще он, никогда не видевший, что такое взрыв атомной бомбы, не очень конкретно представлял себе, о чем идет речь. Не отдавал себе отчета о последствиях не только для проигравших, но и для победителей.

Кастро казалось, если Советский Союз ударит первым, то империалистам придет конец, придет конец высокомерным северным соседям, унижавшим все эти десятилетия своих латиноамериканских собратьев, а вместе с ними и всем угнетателям. Наступит эра свободы, процветания, благоденствия.

Ради светлого будущего Кастро без колебаний решался на жертву — Куба погибнет, но социализм победит. Возможно, ради этого, ради этой минуты он без колебаний согласился на размещение на острове чужих ракет, иностранных военных формирований. «Родина или смерть! Мы победим!» — стало смыслом его существования. Именно поэтому Кастро сохранял невозмутимое спокойствие перед лицом нависающей опасности. Алексеев догадывался о его жертвенной решимости, но не отдавал себе отчета, как далеко она простиралась.

Именно поэтому Кастро с крайним неодобрением и даже подозрительностью относился к появившимся в последние дни и часы идеям обменять американские ракеты в Турции на советские на Кубе. Опять, как и в начале века, янки устраивают торг за спиной кубинцев, пытаются разменять святую идею на какие-то ракеты!

О намерениях принести Кубу в жертву требовалось поскорее сообщить в Москву. Пусть они там в своих планах учтут, что Куба готова погибнуть ради торжества...

Все последние дни мысли Кастро кружились вокруг этой идеи великой жертвы. Но сообщение в Москву не складывалось, он никак не мог отыскать нужные сло-

ва, скромные, не выпячивающиеся героизмом, а веские и доходчивые. А время поджимало. Не только из окружения Мирры Кордоны доходила тревожащая информация о приближающейся высадке десанта. 26 октября Кастро получил доверительную информацию от президента Бразилии Гуларта, что вторжение произойдет в течение 48 часов. Тут сомневаться не приходилось. США не могли не проинформировать о высадке десанта членов Организации американских государств, организации, в которую совсем недавно входила и Куба. Решительный час настал!

* * *

Так что же конкретно происходило в Гаване? Сохранились документы тех дней. Начальник архивного управления МИД СССР Ковалев в январе 1991-го кое-что рассказал о содержании еще недавно секретных донесений посла Алексеева.

Кастро, как и Сталин, часто путал день с ночью, выбиваясь сам из установленного природой ритма сна и бодрствования и ломая привычные стереотипы у всех, кто с ним соприкасался. Это в обычные дни, а тогда, в октябрьской круговерти, он вообще перестал отличать свет от тьмы.

«27 октября в два часа ночи (время, естественно, кубинское) мне позвонил Дортикос, — докладывал в одной из своих шифровок в Москву советский посол, — и сообщил, что ко мне в посольство выехал Фидель Кастро. Он хочет обсудить последние события».

Спал ли Алексеев, в шифровке не сообщается, но встретил он своего друга Фиделя с обычным радушием. Кастро выглядел крайне взволнованным. Он сказал, что время решений пришло, он должен продиктовать письмо Хрущеву. До высадки американского десанта остаются считанные часы.

Нервничая, Кастро начал диктовать приехавшему с ним секретарю. Алексеев знал испанский язык, не раз переводил ответственные беседы, но не в совершенстве. Сегодня он едва улавливал смысл. Кастро путался, сердился, бросал фразу на середине и начинал все сначала.

Улучив момент, Алексеев покинул Кастро и передал в Москву короткую шифровку. В ней он сообщал,

что Фидель находится в советском посольстве и готовит личное письмо Н. С. Хрущеву. В МИДе это сообщение получили в 14.40 в субботу и стали ждать сам текст послания. Наступил вечер, ночь, Гавана на связь не выходила.

Тем временем Фидель мучился над письмом. Нужные слова никак не находились, получалось коряво, плоско, без души, без сердца.

Алексеев давно уже понял, что силится и не может выразить Фидель. Но это понимание оказалось столь ужасным, не укладывалось в нормальное человеческое восприятие. Наконец посол пересилил себя. «Вы хотите сказать, что мы должны первыми нанести атомный удар?» — спросил он своего друга и замер, в глубине души надеясь на бурю протестов, на худой конец, просто на отрицательный кивок головой. Кастро замер, потом, как бы взвешивая каждое слово, непривычно медленно проговорил: «Нет... Я не хочу сказать это впрямую. Нет. Но обстановка складывается так — они или мы, чтобы не испытать самим первый удар, надо, в случае неизбежности нападения, стереть их с лица земли».

Алексеев подавленно молчал. О подобной возможности не хотелось и думать. Казалось, наступал конец света.

Так и не дождавшись ответа, Кастро вернулся к попыткам выразить свои чувства на бумаге. Только к 7 утра, он, как ему казалось, добился успеха или... отчаявшись, решил больше не испытывать судьбу. Письмо получилось, на мой взгляд, чем-то похожим на завещание, на прощание.

Об этом письме так много говорят, что я не могу не привести его полностью.

«Дорогой товарищ Хрущев!

Анализируя создавшуюся обстановку и имеющуюся в нашем распоряжении информацию, представляется, что почти неминуема агрессия в ближайшие 24—72 часа.

Возможны 2 варианта этой агрессии:

1. Наиболее вероятным является атака с воздуха по определенным объектам, имея целью только их разрушение.

2. Менее вероятным, хотя и возможным, является прямое вторжение в страну. Думаю, что осуществление этого варианта потребует большого количества сил, и это может сдержать агрессора, и, кроме того, такая агрессия была бы встречена мировым общественным мнением с негодованием.

Можете быть уверены в том, что мы твердо и решительно будем сопротивляться, какой бы ни была агрессия.

Моральный дух кубинского народа исключительно высокий, и он героически встретит агрессора.

Теперь я хотел бы в нескольких словах выразить мое сугубо личное мнение по поводу происходящих событий.

Если произойдет агрессия по второму варианту и империалисты нападут на Кубу с целью ее оккупации, то опасность, таящаяся в такой агрессивной политике, будет настолько велика для всего человечества, что Советский Союз после этого ни при каких обстоятельствах не должен будет допустить создания таких условий, чтобы империалисты первыми нанесли по СССР атомный удар.

Я говорю это, так как думаю, что агрессивность империалистов приобретает крайнюю опасность.

Если они осуществят нападение на Кубу — этот варварский, незаконный и аморальный акт, — то в этих условиях момент был бы подходящим, чтобы, используя законное право на самооборону, подумать о ликвидации навсегда подобной опасности. Как бы ни было тяжело и ужасно это решение, но другого выхода, по моему мнению, нет. Это мое мнение вызвано развитием той агрессивной политики, когда империалисты, невзирая ни на общественное мнение, ни на какие принципы и право, блокируют моря, нарушают воздушное пространство и готовят нападение, и, с другой стороны, срывают всякую возможность переговоров, несмотря на то, что им известна серьезность последствий.

Вы были и остаетесь неутомимым защитником мира, и я понимаю, насколько горьки эти часы, когда плоды Ваших сверхчеловеческих усилий в борьбе за мир подвергаются серьезной угрозе.

Однако до последней минуты мы будем надеяться

на то, что мир будет сохранен, и мы сделаем для этого все возможное, что будет в наших силах, но в то же время мы реально оцениваем обстановку и полны решимости встретить любое испытание.

Выражаю еще раз бесконечную благодарность и признательность всего нашего народа советскому народу, который был так по-братски щедр по отношению к нам. Выражаем также восхищение и глубокую благодарность лично Вам и желаем успехов в Вашем огромном и ответственном деле.

С братским приветом.

Фидель Кастро»

* * *

Сейчас удел историков оценить, правильно ли истолковал отец смысл письма или чего-то недопонял. К тому же следует иметь в виду, что в памяти отца намертво засели произнесенные Трояновским еще до получения текста послания слова о ядерном ударе. Именно они звучали в ушах отца и в тот день, и 30 октября, когда он писал подробное ответное письмо Кастро, и через полгода в мае, когда они встретились в Москве, и через пятилетие, когда он приступил к работе над своими мемуарами. Запомнилось главное — упреждающий удар.

Большинство участников и свидетелей этих драматических событий ушли в историю. Остались только самые молодые, и среди них Фидель Кастро. Возможно, он не согласится с моими реконструкциями. Кто знает, как ему сейчас, после стольких лет борьбы и несбывшихся надежд, видится октябрь 1962 года. История столь же капризна, как и люди, ее творящие. Мы уже видели, как в эпизоде с турецкими ракетами действовавшие лица уже на следующий день начали настойчиво подгонять задачку под иной ответ.

* * *

Шифровки из Гаваны добирались до Москвы еще неспешнее, чем из Вашингтона. Сообщение Алексеева о том, что Кастро пришел в посольство, попало в руки дежурного по МИДу, когда тот уже собирался домой. Оно и понятно: сначала текст шифровали по старинке,

как в прошлом веке, вручную, потом муки с телеграфом и, наконец, такая же расшифровка. Еще счастье, если автор предпочитал краткость, а если он, как отец, страдал многословием... Так что ничего необычного не было в том, что попавший в руки посольского шифровальщика текст в 7 утра местного гаванского времени вышел из шифровальной комнаты в МИДе в Москве только в 1.10 в ночь на воскресенье. А к отцу попал и того позже.

* * *

— Выводить, и как можно скорее, — повторил отец, обращаясь одновременно ко всем присутствующим и как бы ни к кому, и дальше буднично: — Давайте начинать, Надежда Петровна, — это уже к стенографистке.

Отец начал диктовать. Листки складывались в пачку, она росла на глазах, отец увлекся, письмо становилось длинноватым. Он, видимо, почувствовал это, стал комкать в поисках завершающих фраз: «Мы сейчас должны быть очень осторожны и не делать таких шагов, которые не принесут пользы обороне государств, вовлеченных в конфликт, а лишь могут вызвать раздражение и даже явиться провокацией для рокового шага. Поэтому мы должны проявить трезвость, разумность и воздержаться от таких шагов».

Переход показался удачным, еще два абзаца, и отец, обведя глазами своих коллег, молча сидевших за длинным столом, проговорил: «Кажется, все». Как и Кеннеди в своем послании, о турецких ракетах отец даже не упомянул. Как будто их и вообще не существовало. Пока...

Помощник приготовился прочесть то, что получилось. В руках он держал только первые страницы, конец послания спешно допечатывался в соседней комнате. Отец поинтересовался, как дела на радио. Там уже ожидали, диктора вызвали, осталось только получить текст.

— Ну, а гонцы? Вчерашние? Небось заждались? — улыбнулся отец. К нему возвращалась обычная манера шутить.

— Стуруа из «Известий» здесь, — доложил Тро-

яновский, — а Харламов не приехал, его не нашли. Выходной. Отправим с фельдсвязью.

Тут, как гласит молва, проявил инициативу присутствовавший на обсуждении и промолчавший весь день идеолог, с путешествия которого я начал свою книгу. Он вызвался сам доставить пакет в радиостудию. Отец кивнул. Его, собственно, не очень волновало, кто повезет послание, главное, чтобы доставили вовремя.

У отца возникло сомнение: не проворонят ли американцы сообщение. У них только начинал брезжить рассвет. Громыко пообещал послать уведомление через посольство в Вашингтоне.

Окончательная шлифовка текста послания прошла быстро. Помощник читал вслух. Отец то и дело перебивал его, заменял слова, вставлял целые фразы. Изредка вмешивались и другие члены Президиума ЦК. Все поправки фиксировала стенографистка. Еще одна перепечатка, последние, уже совсем небольшие исправления — и окончательный вариант готов.

Отец кивнул: можно отправлять, и тут же осекся. Он вспомнил о Кастро. Колебался он не более минуты. «Отправлять, и немедленно», — повторил отец.

* * *

Потом, через полгода, отец объяснял еще не остывшему Кастро, что сообщение с Кубы о предстоящей высадке десанта через несколько часов он, по сути, рассматривал как согласование, времени на формальности не оставалось.

Все это так. Обстановка требовала принятия решения немедленно. И не совсем так. Предложение Кастро нанести превентивный удар по США поразило отца. Только в этот момент он по-настоящему оценил, насколько они по-разному смотрят на мир, оценивают судьбы и жизни людей. Если Кастро упрется, а такая возможность представлялась реальной, то переговоры с Вашингтоном застопорятся. Время может быть упущено безвозвратно.

Отец решил поставить Гавану перед свершившимся фактом. Если мир не погибнет, то отношения с Кастро раньше или позже наладятся.

На мой взгляд, время подтвердило его правоту.

И по сей день кубинские представители, участвующие в совещаниях, разбирающиеся в делах минувших лет, продолжая обижаться за то, что их не вовлекли в переговоры, считают вот такую мгновенную реакцию отца ошибкой. По их мнению, следовало настаивать на переговорах. Или... погибнуть.

Сейчас, зная ответ, имея возможность задать Вашингтону вопросы о намерениях Исполкома в тот день, конечно, легче проявлять твердость, а тогда, когда от неверного шага зависело так много, если не все... Отец решил перестраховаться.

ЦКовская «Чайка» и известинская «Волга» везли гонцов с доброй вестью. Вестью о торжестве разума и жизни.

Отец окончательно повеселел. Он предложил перекусить всем вместе в ожидании начала радиопередачи.

— Обед есть? — приоткрывая дверь, крикнул он в коридор.

Как из-под земли вырос начальник охраны: «Есть, Никита Сергеевич. Вот только на стол не накрыто». Он провел взглядом по столу, вокруг которого продолжали сидеть участники совещания. Присутствующие зашевелились, загалдели, атмосфера как-то разом поменялась. Так бывает после грозы с ветром, когда вдруг выглядывает солнце.

Отец предложил, пока хозяйничают официанты, пройтись. Все гурьбой потянулись в парк.

* * *

В то утро мы, домашние, ничего этого не знали. Приехали на дачу. От места, где заседал Президиум ЦК, нас отделяли 10 минут езды на машине, но в тот день они растягивались в вечность.

Что там делается? Почему так долго? А вдруг?

Звонить не разрешалось. Да что мог ответить дежурный?

Я бесцельно слонялся по дому. Мама сидела у телевизора. Вот только что она видела на его экране?

Я все-таки не выдержал, позвонил в приемную отцовского кабинета в ЦК. Ответ секретаря не принес ясности: «Заседают. Не здесь. Когда закончат, неизвестно».

Вот и все. И снова томительное ожидание.

Подошло время обеда. Ждать или не ждать? По выходным отец всегда обедал дома. Мама забеспокоилась, я вызвался позвонить туда, где шло совещание. Появился повод, вдруг что-нибудь прояснится. Ничего успокаивающего я не услышал. Литовченко, начальник охраны, сообщил, что конца пока не видно, по всей вероятности, они поедят здесь, в перерыве.

Я не удержался, спросил: «Что нового?» Хотя знал заранее ответ. «Ничего», — услышал я в трубке. Разговор окончился.

Обедали мы без отца.

Еще до обеда я включил радио. Не передавали ничего тревожного, ничего важного. Но я не выключал его, старался все время оставаться в пределах слышимости. Другого источника информации у нас не было. Так продолжалось до середины дня. Где-то около 5 часов вечера раздались позывные Москвы. Еще с войны они предваряли важнейшие сообщения правительства. Секунды растягивались донельзя. Наконец, прозвучало привычное: «Говорит Москва», и Левитан начал читать письмо отца президенту Соединенных Штатов Америки Джону Фицджеральду Кеннеди.

«Уважаемый господин президент,

Получил Ваше послание от 27 октября сего года. Выражаю свое удовлетворение и признательность за проявленное Вами чувство меры и понимание ответственности, которая сейчас лежит на Вас за сохранение мира во всем мире».

Чуть заметно дрожавший в первых словах голос знаменитого диктора набрал свою привычную густоту.

Я слушал не отрываясь. Судя по первым фразам, это не вторжение, не война.

«Я отношусь с большим пониманием к Вашей тревоге и тревоге народов Соединенных Штатов Америки в связи с тем, что оружие, которое Вы называете наступательным, действительно является грозным оружием. И Вы и мы понимаем, что это за оружие».

Стальная левитановская интонация подчеркнула словечко «что», и оно вдруг разрослось и стало воистину грозным.

«Чтобы скорее завершить ликвидацию опасного для дела мира конфликта, чтобы дать уверенность всем народам, жаждущим мира, чтобы успокоить народ Америки, который, как я уверен, так же хочет мира, как этого хотят народы Советского Союза, Советское правительство в дополнение к уже ранее данным указаниям о прекращении дальнейших работ на строительных площадках для размещения оружия отдало новое распоряжение о демонтаже оружия, которое Вы называете наступательным, упаковке его и возвращении его в Советский Союз».

— Ну вот и все, — мелькнуло в голове, — отступили!

Я понимал, что дело могло кончиться войной, но война выглядела для меня тогда далекой, абстрактно вычерченной картой со стрелами ударов и кругами радиусов поражений. Вывод же ракет представлялся конкретным позорным отступлением, сдачей позиций.

Дальше я слушал не очень внимательно, главное уже сказано. Речь шла о миролюбии наших намерений, попустительстве со стороны США, нападениях кубинских иммигрантов на Гавану, постоянной угрозе агрессии.

Вот снова, кажется, что-то важное. Я прислушался:

«...Мы поставили туда средства обороны, которые Вы называете средствами наступления. Поставили их для того, чтобы не было совершено нападение против Кубы, чтобы не было допущено необдуманных акций.

Я с уважением и доверием отношусь к Вашему заявлению, изложенному в Вашем послании 27 октября 1962 года, что не будет вторжения, причем не только со стороны Соединенных Штатов, но и со стороны других стран Западного полушария, как сказано в том же Вашем послании. Тогда и мотивы, побудившие нас к оказанию помощи такого характера Кубе, отпадают».

Последние слова подчеркивали, что отец добился поставленной перед собой цели. Если американцы не обманут, то высадки на Кубе не будет никогда. Эта часть сообщения разумом воспринималась как победа, но обида в глубине души не проходила.

В те годы не один я мыслил прямолинейными понятиями победы или поражения: мы или они. Толь-

ко сегодня по-настоящему можно оценить мужество и мудрость Джона Кеннеди и отца, вставших над расхожими понятиями своего времени.

Роберт Кеннеди вспоминал, как один из начальников штабов в то воскресенье, не отдавая себе отчета о последствиях, в сердцах предложил, несмотря на согласие Советского Союза вывести ракеты, все-таки осуществить вторжение. У него уже все приготовлено, и так хотелось проучить и русских и кубинцев.

Дальше речь пошла о необходимости уменьшения напряженности в наш перегруженный оружием и противоречиями век, о нарушениях нашего воздушного пространства У-2 на Сахалине и на Чукотке, об участии ООН в окончательном урегулировании конфликта.

Наконец звучит последняя фраза:

«...Советское правительство направило в Нью-Йорк первого заместителя министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецова для оказания содействия господину У Тану в его благородных усилиях, направленных к ликвидации сложившегося опасного положения.

С уважением к Вам

Н. Хрущев»

Закончив читать, диктор, казалось, с облегчением сделал вздох и уже иным тоном произнес:

— Мы передавали послание Председателя Совета Министров СССР Никиты Сергеевича Хрущева президенту Соединенных Штатов Америки Джону Кеннеди.

Заиграла официально-торжественная музыка.

Недавние переживания в связи с необходимостью вывода ракет сменились облегчением. Только сейчас я стал по-настоящему осознавать, какое великое дело свершилось: практически в последний момент удалось избежать катастрофы.

* * *

О событиях, происходивших там, на гостевой даче, в тихое осеннее утро и сменивший его день, я узнал на следующей неделе. Не сразу. Отец рассказывал то об одном эпизоде, то о другом.

Обед завершился быстро, по-деловому. Отец попросил убрать посуду, заседание продолжалось. Гонцы еще не добрались до мест назначения, отец предупредил начальника охраны: «Когда начнут, включите радио».

Литовченко не требовалось разъяснений, он прекрасно знал, о чем идет речь. Кивнув: «Есть», он поспешил в дежурную комнату к приемнику, наигрывавшему популярные эстрадные мелодии на ухо сидящему за переполненным телефонами столом офицеру.

После обеда на передний план выплыл отложенный в хлопотах ответ Вашингтону, вопрос о стрельбе по американским воздушным разведчикам, летающим над Кубой. Именно тут, считал отец, могут возникнуть новые непредсказуемые неприятности. Кто знает, что произойдет в Соединенных Штатах, с их неуправляемой прессой, имеющей такое влияние на правительство, если собьют еще один самолет.

Он кратко рассказал своим коллегам о своих вчерашних наметках письма Фиделю Кастро. Теперь их оставалось развить, дополнить сообщением о принятом сегодня решении и, не мешкая, отправлять в Гавану. Итак, на Кубе обо всем узнают не от нашего посла, не из послания Председателя Совета Министров, а нежданно, по радио.

На обстоятельное письмо ни сил ни времени не оставалось, его отложили на потом, когда обстановка хоть немного разрядится.

Отец попросил прочитать надиктованные им вчера заметки. Что ж, звучали они убедительно, по крайней мере для присутствующих. Добавили несколько фраз в начало: о послании Кеннеди, о том, что президент обязался не вторгаться на Кубу своими вооруженными силами и удержит от подобных действий своих союзников, призвали Кастро к выдержке. В завершение заверили в неизменной поддержке со стороны нашей страны, нашего народа.

Этим решили ограничиться. Послание отправилось на перепечатку, а тут и время подошло. Осторожно постучав в дверь, вошел Литовченко и молча включил стоявший в углу радиоприемник минского производства.

Через несколько мгновений просторная комната как бы вся заполнилась голосом Левитана:

«Внимание! Говорит Москва! Передаем важное сообщение...»

* * *

На Кубе в это время было 9 часов утра.

На послание-предупреждение Кастро о грядущей высадке Алексеев в тот день и ночь не дождался ответа. Заснул он под утро. Казалось, прошло всего несколько минут, когда его разбудил телефонный звонок. Президент Освальдо Дортикос просил, точнее, де требовал разъяснений: московское радио передает, что Советский Союз согласился на вывод своих ракет с Кубы. То, что звонил не сам Фидель, а Дортикос, уже само по себе говорило о многом. Посол не смог ничего ответить президенту. По его словам, он «почувствовал себя самым несчастным человеком на земле, представив к тому же и реакцию Фиделя».

Реакция действительно оказалась вулканической. Разъяренный Фидель уехал в войска: что бы ни думала и ни решала Москва, вооруженные силы Кубы способны и без посторонней помощи отразить агрессию. Четыре дня он уклонялся от встречи с советским послом. Алексеев просто не мог отыскать Фиделя Кастро, тот общался с ним исключительно через Освальдо Дортикоса. «Как с прокаженным...» — почему-то подумалось Алексееву.

Шифровка из Москвы пришла в посольство только в середине дня. Она ничего не разъясняла. По своей сути только констатировала факт отправки письма Кеннеди. Основное место отводилось призывам, уговорам оставить в покое американские самолеты. Алексеев считал, что Кастро отвергнет призыв Москвы, сочтет подобное предложение оскорбительным.

Но он ошибался. В то же день вечером ему доставили ответ Фиделя на послание отца. То, что ни Фидель, ни кто-либо еще из его близкого окружения даже не позвонили, не требовало разъяснений, но письмо выдерживалось в спокойных тонах.

Кастро писал: «Раньше нарушения воздушного

пространства осуществлялись тайно, без юридических оснований. Вчера же правительство США попыталось по-прежнему юридически обосновать право на нарушение нашего воздушного пространства в любой час дня и ночи. Принять это мы не можем, так как это означало бы отказаться от наших суверенных прерогатив. Однако мы согласны избегать инцидентов именно сейчас, поскольку они могут нанести большой ущерб переговорам, и в связи с этим мы дадим кубинским батареям инструкцию не открывать огня, но только на время, пока ведутся переговоры, и без изменения нашего решения, опубликованного вчера в прессе, защищать наше воздушное пространство.

В то же время следует учитывать опасность того, что в существующей напряженной обстановке инциденты могут возникнуть случайно».

Кастро, в принципе, с порога, отверг любые разговоры о возможности проведения инспекции на территории Кубы. Здесь хозяин — кубинский народ, и оп не позволит распоряжаться ни Вашингтону ни Москве.

Что же касается главного, то Фидель решил последовать примеру отца. Письмо начиналось ссылкой на сделанное им в тот день обширное заявление. В противовес советскому посланию президенту США Кастро выдвинул свои пять принципов:

1. Прекращение экономической блокады и всех мер экономического давления, которые США проводят против Кубы в разных частях света;
2. Прекращение всех видов подрывной деятельности, в том числе заброски на остров шпионов и диверсантов с оружием;
3. Прекращение пиратских полетов над Кубой с военных баз США;
4. Прекращение нарушений воздушного и морского пространства республики кораблями и самолетами США;
5. Уход американцев с военной базы Гуантанамо и возвращение оккупированной ими территории Кубы.

Отец был бы рад пристегнуть эти, с его точки зрения, справедливые требования к повестке дня назначенных в ООН переговоров, но изменить что-либо после воскресного послания оказалось не в его силах.

Что и говорить, Алексеев попал в тяжелейшее положение. А главное, никаких инструкций. Разъяснения поступили из Москвы только во вторник 30 октября.

* * *

Отец слушал только что продиктованное послание очень внимательно, как будто это не он продиктовал его всего несколько часов тому назад. В некоторых местах он, как бы соглашаясь, кивал головой. Он проверял себя, хотел удостовериться, не ошибся ли. Нет, другого выхода в такой обстановке просто не существовало.

В комнате стояла гробовая тишина. Присутствующие, казалось, перестали даже дышать.

Наконец чтение закончилось. Отец встал со стула, зашевелились и все остальные.

— А не пойти ли нам в театр? — вдруг предложил отец. — Покажем всему миру, что опасаться больше нечего.

Неожиданные предложения отца давно уже никого не удивляли. Не вызвала его идея возражений и на сей раз. Принесли газету. Трояновский прочитал программу вечерних спектаклей, особо выделив, что сегодня заключительный день гастролей болгарских артистов.

— Вот и хорошо, — непонятно чему обрадовался отец, — пойдем на болгар.

На том и порешили. Время приближалось к шести, отец едва успевал заехать на дачу переодеть рубашку.

Литовченко позвонил, передал просьбу отца приготовиться, отец заберет нас в город, завезет в резиденцию, а сами они пойдут в театр. Всем Президиумом ЦК.

На следующий день в газетах появилось сообщение о посещении отцом и другими товарищами в Кремлевском театре спектакля «У подножия Витоши», которым завершались гастроли в Советском Союзе Софийского национального театра имени Ивана Вазова.

* * *

Президент Кеннеди решил не собирать Исполком в воскресное утро 28 октября. Он хотел дождаться

реакции Москвы. В зависимости от этого предстояло принять окончательное решение. Время тянулось исключительно медленно. Старший брат оставался в Белом доме, а министр юстиции с утра повез своих малолетних дочерей в манеж смотреть лошадей. Он им давно обещал. В то утро ему казалось, что больше такой возможности может не представиться.

Американцы не прозевали передачи московского радио. Часы в Вашингтоне показывали 9 часов утра.

Как рассказал на московской встрече 1989 года Роберт Макнамара, его первой реакцией, еще до консультации с президентом, стала отмена утреннего разведывательного полета над Кубой. О приказе Кастро сбивать самолеты он, естественно, не знал, но его предусмотрительность уберегла нас от беды, по крайней мере от неприятностей.

Дин Раск разыскал Роберта Кеннеди в манеже в 10 часов. Он поспешил в Белый дом. С порога его позвали к телефону, звонил Добрынин. На сей раз голос советского посла звенел. Он просил о встрече. Решили не откладывать, место то же — Министерство юстиции. В свой кабинет Кеннеди поспел первым, Добрынин открыл дверь в 11 часов.

Я не могу сказать, о чем они говорили. Это, наверное, и не так важно, главное — мир выжил, начиналось выздоровление.

Самое подходящее слово, характеризующее настроение в Белом доме в воскресный день, — облегчение. Так же ощущали себя и в Кремле. Точнее, в Ново-Огареве.

* * *

Опасения отца оказались напрасными. Никакого выступления президента на этот день на 3 часа пополудни не планировалось. Отец оказался прав в своем извечном недоверии к донесениям агентурной разведки, но складываются обстоятельства, когда лучше перестраховаться. А вот вышла ли ошибка или в Лэнгли решили, что необходимо подтолкнуть отца к последнему шагу, мы теперь уже не узнаем.

Джон Кеннеди решил пренебречь дипломатической процедурой: ответное письмо отцу ушло раньше, чем

он получил само послание из Москвы. И тоже по радио. В обеих столицах, казалось, хотели поскорее подвести черту, избавиться от смертельного ужаса последних двух недель.

Позволю себе привести полный текст ответа:

«Уважаемый господин Председатель!

Я сразу же отвечаю на Ваше послание от 28 октября, переданное по радио, хотя еще не получил официального текста, так как придаю огромное значение тому, чтобы действовать быстро в целях разрешения Кубинского кризиса.

Я думаю, что Вы и я при той огромной ответственности, которую мы несем за поддержание мира, сознавали, что события приближались к такому положению, когда они могли выйти из-под контроля. Поэтому я приветствую Ваше послание и считаю его важным вкладом в дело обеспечения мира.

Похвальные усилия и.о. генерального секретаря У Тана значительно облегчили Вашу и мою задачу. Я рассматриваю свое письмо Вам от 27 октября и Ваш сегодняшний ответ как твердые обязательства обоих наших правительств, которые следует быстро осуществить. Я надеюсь, что можно будет через Организацию Объединенных Наций немедленно принять необходимые меры, как говорится в Вашем послании, с тем, чтобы Соединенные Штаты в свою очередь были в состоянии отменить осуществляемые сейчас меры карантина. Я уже отдал распоряжение о том, чтобы доложить о всех этих вопросах Организации американских государств, члены которой глубоко заинтересованы в подлинном мире в районе Карибского моря.

В своем письме Вы упоминаете о нарушении Ваших границ американским самолетом в районе Чукотского полуострова. Мне стало известно, что этот самолет, не имевший ни вооружения, ни аппаратуры для фотографирования, брал пробы воздуха в связи с Вашими ядерными испытаниями. Его курс пролегал прямо с военно-воздушной базы Эйлсон на Аляску. При повороте на юг летчик допустил серьезную навигационную ошибку, в результате которой он оказался над советской территорией. Он немедленно запросил по

открытому радио срочную навигационную помощь, и его кратчайшим путем направили на его исходную базу. Я сожалею об этом инциденте и позабочусь о том, чтобы были приняты все меры предосторожности для предотвращения его повторения.

Господин Председатель! Перед обеими нашими странами стоят важные задачи, которые предстоит завершить, и я знаю, что как Ваш народ, так и народ Соединенных Штатов не желают ничего лучшего, как продолжать выполнение этих задач, не опасаясь войны. Современная наука и техника дали нам возможность сделать труд таким плодотворным, что всего лишь несколько десятилетий назад об этом нельзя было даже мечтать.

Я согласен с Вами, что мы должны срочно заняться проблемой разоружения в ее всемирном аспекте, а также критических районов. Может быть, теперь, когда мы отходим от опасности, мы сможем сообща добиться реального прогресса в этой жизненно важной области. Я думаю, что нам следует предоставить приоритет вопросам, связанным с распространением ядерного оружия на земле и в космическом пространстве, а также энергичным попыткам добиться запрещения ядерных испытаний. Но нам следует также приложить большие усилия, чтобы попытаться выяснить возможность достижения договоренности о более широких мерах по разоружению и их быстрому осуществлению. Правительство Соединенных Штатов будет готово — в конструктивном духе — обсудить эти вопросы в Женеве или где-либо в другом месте.

Дж. Ф. Кеннеди»

Этим письмом завершился период «гласности» в переписке отца с президентом Соединенных Штатов Америки. Постепенно отношения возвращались в нормальное русло, письма опять пошли по дипломатическим и не совсем дипломатическим каналам, шифрованные или упрятанные в чемоданы эмиссаров, путешествующих с паспортами, позволяющими избежать любопытных глаз при пересечении границ.

* * *

Вечером в воскресенье Фомин вновь встретился со Скэйли. Об этом существует запись в официальных американских документах. Им нет оснований не доверять.

— У меня есть поручение поблагодарить вас, — сказал Фомин, — информация, которую вы передали Председателю Хрущеву оказала большое влияние и заставила его действовать быстро. В том числе и ваш «взрыв» в субботу.

Тогда обрушившийся на Фомина с угрозами Скэйли пригрозил, что вторжение — дело нескольких часов. Возможно, почувствовав слабину у резидента КГБ, он ввернул ему и информацию о якобы готовящемся выступлении президента. Я думаю, что здесь Фомин несколько превысил свои полномочия. Трудно себе представить, чтобы отец в столь выспренных выражениях адресовался далеко не к самому важному источнику информации в Вашингтоне. Правда, фраза составлена так, что при желании ее можно толковать как и исходящую от самого Фомина или его непосредственного начальства.

* * *

Ночью, после театра, мысли отца вновь возвратились к турецким ракетам. Если Кеннеди стремился откреститься от данного в запале кризиса обещания, то отец очень хотел получить на сей счет письменные гарантии. Нет, он не то чтобы не верил президенту. Наоборот, отец проникся к нему расположением, доверием в значительно большей степени, чем позволяли позиции наших стран, расположившихся по разные стороны линии фронта. Отец теперь сам стремился к тем, «особым» отношениям между двумя лидерами, которые рассчитывал построить Кеннеди, отправляясь два года назад на встречу в Вене. К тому же обязательства Белого дома о выводе ракет очень пригодились бы для внешнего употребления, для того, чтобы утереть нос тем, кто неизбежно начнет вопить об отступлении под нажимом империалистических «тигров».

Отец решил написать Кеннеди личное конфиденциальное письмо. В понедельник, в первый день после

пика кризиса, посол Добрынин передал послание Роберту Кеннеди. Тот проглядел врученные ему бумаги, пожал плечами, воздерживаясь от комментариев. Послание резко отличалось от предыдущих, отец нажимал на взаимное доверие и, что уж совсем необычно, многократно возвращался к теме возникновения отныне особых отношений между ним и президентом США.

Из сообщений Фомина, Добрынина, Большакова и других неизвестных нам источников отец сделал правильный вывод: в вопросе о турецких ракетах братья Кеннеди в разговорах с ним пошли значительно дальше, чем позволяли себе обсуждать в Исполкоме в Белом доме. Теперь отец стремился закрепить возникшее было доверие, развить успех.

Основное место в письме посвящалось проблеме вывода ракет из Турции. У Добрынина сложилось впечатление, что отец перебарщивает, идет напролом, но он смолчал. Опасения посла вскоре оправдались. На следующий день у него состоялась новая встреча с Робертом Кеннеди. Тот вернул письмо. По словам Роберта, президент уже начал действовать, он выполнит свои обещания, но об официальных соглашениях лучше не заводить разговора. Это только осложнит дело.

Отец не обиделся. Он все понял: президент Кеннеди не хочет оставлять в истории следов, боится, что его могут обвинить в потворстве коммунизму. С этим ничего не поделаешь. Тем не менее именно в те дни в сознании отца произошел переворот. Возврат письма — тактический шаг, главное — они, президент и отец, понимают устремления друг друга, могут доверять друг другу. Появились первые реальные ростки доверия. Но впереди еще лежал нелегкий и тернистый путь.

Белый дом сдержал слово, Макнамара еще 29 октября отдал распоряжение о ликвидации турецких баз до 1 апреля 1963 года.

* * *

Основным источником беспокойства отца теперь становилась Куба. Парадокс: все затевалось, чтобы защитить кубинцев от американской агрессии, и вот,

когда кризис начал разрешаться, дело сдвинулось, Кастро, казалось, обиделся. На что? На то, что ему не удалось сразиться с американцами. Он настроился погибнуть героем, и такой финал... Теперь в Москве ломали голову, как уладить отношения со строптивым Кастро. Фидель не желал воспринимать аргументов отца. Вывод ракет он оценивал однозначно: отступление, малодушие, капитуляция. В своем мнении он не оказался одинок: китайцы проклинали отца за сдачу позиций «бумажному тигру», пресса в США шумно праздновала победу над «красными». На этом фоне аргументы отца казались Фиделю неубедительными.

Алексеев стремился лично переговорить с Кастро, убедить его в правоте Москвы. К каким только ухищрениям в эти послекризисные дни ни прибегал посол. Он по многу раз в день названивал Освальдо Дортикосу, приезжал без предупреждения, надеясь застать у него Кастро. Но все тщетно.

Донесения Алексеева из Гаваны становились все нервознее. Казалось, от былой дружбы Фиделя с советским послом не осталось и следа. Особой заботой отца стало наметившееся сближение Кубы с Китаем. Отец чувствовал себя уязвленным до глубины души.

После объявления о выводе ракет «революционность» Кастро, его экстремизм усиленно подогревали из Пекина. Мы понесли немалый моральный ущерб. Наши акции на Кубе не только не поднялись, но резко упали. Кастро считал отца предателем.

В Москве во весь рост «кубинская проблема» встала в понедельник 29-го. Алексеев в своем донесении в красках описывал бурную реакцию Фиделя, сетовал на изоляцию, в которой он оказался. Требовалось что-то срочно предпринять. Отец предложил послать на Кубу Микояна: он уже побывал там, наладил неплохие отношения с Кастро. Главное, отец считал, что «нет для такого случая у нас лучшего дипломата, чем Микоян».

Члены Президиума ЦК поддержали отца, окончательное решение оставалось за самим Анастасом Ивановичем. В те дни ему было совсем не до Кубы. Его жена, Ашхен Лазаревна Туманян, с которой они прожили более сорока лет, воспитали пятерых сыновей, лежала при смерти в кремлевской больнице. Врачи

признали положение безнадежным, печальный исход мог наступить в ближайшие дни.

Анастас Иванович заколебался. Не только понятные человеческие чувства, привязанность, но и чисто армянский культ семьи требовали в этот скорбный момент его присутствия дома. С другой стороны, для революционера, а он оставался им всю свою жизнь, не существовало ничего выше Дела, служения партии, народу, отечеству. Сегодня ради этого требовалось лететь на Кубу.

В зале заседаний Президиума ЦК в Кремле повисла тишина. Микоян молчал. Затянувшаяся пауза давила, собравшиеся сидели, уткнувшись глазами в лежащие перед ними бумаги.

Первым не выдержал отец. Он подтолкнул Микояна, сказав, что Ашхен Лазаревне уже не поможешь, а на Кубе без него придется очень тяжко.

Повидавший за свою долгую жизнь немало смертей родных и близких, друзей и просто хороших людей, отец относился к этапу завершения земного бытия без сентиментальностей, как к естественному и неизбежному. Жизнь есть жизнь, и смерть — ее атрибут, тут нет трагедии, одно вытекает из другого. В те годы я никак не мог согласиться с ним, мне смерть представлялась гигантской катастрофой, сравнимой разве что с гибелью мира. Эту тему мы с отцом никогда не обсуждали. Только в последние годы жизни отец порой задевал тему, связанную с недалекой кончиной. Я с суеверным отчаянием уговаривал его и не думать о подобном, мне казалось, что разговор о смерти может накликать беду. Отец усмехался, не спорил, без сопротивления позволял мне сменить тему. Не изменился он и в свои последние дни. Уходя из жизни, отец оставался спокоен, думал об остающихся тут, на земле, не цеплялся за лекарства, не стремился во что бы то ни стало продлить свои дни.

— Анастас, — продолжал отец, — в случае худшего исхода мы обо всем позаботимся. Можешь не беспокоиться.

Микоян сдался. Отлет назначили на следующий день, 31 октября. Путь пролегал через Нью-Йорк. Там намечалась первая остановка для встреч с представи-

телями США при ООН Эдлаем Стивенсоном и Джоном Макклоем. Им президент Кеннеди поручил ведение с нашей страной переговоров, связанных с выработкой процедуры демонтажа и вывоза ракет. Пока они имели дело с Кузнецовым, но его веса явно не доставало.

С собой Микоян взял младшего сына Серго, историка по профессии. Сын помогал ему с бумагами, исполнял при отце роль секретаря. От Серго мне и стали известны некоторые перипетии этого непростого путешествия.

* * *

Накануне отъезда Микояна отец послал Кастро большое письмо, первое после памятного воскресенья. В нем он попытался убедить своего далекого и несговорчивого собеседника в единственности сделанного выбора, в его благотворности для всего мира и для Кубы.

Письмо опубликовано, я приведу из него небольшие цитаты. «Мы считали, — писал отец, — что надо использовать все возможности, чтобы отстоять Кубу, закрепить независимость, суверенитет Кубы, сорвать военную агрессию и исключить мировую термоядерную войну на данном этапе.

И мы этого достигли.

Здесь мы, конечно, пошли на уступки, на компромисс, действовали по принципу уступка за уступку. США тоже сделали уступку, дали перед всем миром обязательство не нападать на Кубу.

... У Вас и после демонтажа ракетных установок будет могучее оружие для отражения врага как на земле, в воздухе, так и на море, на подступах к острову».

Как бы почувствовав, что Кастро не убедят его аргументы, отец на следующий день пишет уже не письмо, а многостраничное послание, где разбирает, анализирует подходы, позиции сторон, истоки решений, делает заключения и рекомендации.

«...Цель... заключалась в том, чтобы революционная Куба имела на своей территории средства, которые удерживали бы агрессора от вторжения... и этого мы добились, — повторял отец. — Наши ракеты, которые были расположены на Кубе, конечно, играли бы роль в общей стратегии. Но только подсобную роль, потому что такое количество ракет, которое мы поставили на Кубу, не имело решающего значения, да

и не могло иметь такого значения. Нельзя главные силы располагать под боком у противника, и к тому же в таких географических условиях, которые делают трудным сохранение в тайне мест расположения самых современных видов оружия, а следовательно, и вообще использование этого оружия...»

Отца беспокоило и то, что на Кубе под ружьем находится практически все взрослое население: «Враг сейчас поставил задачу — и уже прямо говорит о ней — удушить голодом Кубу и сделать так, чтобы помощь Кубе истощала Советский Союз. Вот их задача. Поэтому важно, видимо, чтобы люди не сейчас, а через какое-то время, не затягивая, приступили к работе на фабриках и заводах, на плантациях. Ведь людей надо кормить.

...И советский народ напрягает сейчас все силы, чтобы поднять экономический потенциал, сделать его выше всех капиталистических стран, обеспечить самый высокий жизненный уровень в мире. Это и будет наглядным доказательством правоты учения марксизма-ленинизма. Другого мерила нет».*

И так строчка за строчкой, страница за страницей. Но Кастро письма не убеждали. К тому же американцы опровергали призывы отца к спокойствию, над островом по нескольку раз в день на бреющем полете пролетали их самолеты. По ним не стреляли, и воздушные разведчики вели себя все развязнее. Кастро едва сдерживался, но команды сбивать пока не давал.

* * *

Американские военные вели себя все агрессивнее, я бы сказал, нахальнее, не только по отношению к кубинцам.

Буквально через день после умиротворяющего обмена письмами, в воскресенье, командование Атлантическим флотом США решило разделаться с советскими подводными лодками, который день не дававшими ему покоя. Благо президент перестал следить за каждым шагом адмиралов.

Начиная с 30 октября, эсминцы США не отставали от наших лодок ни на шаг. Они стремились заставить

*Вестник МИД СССР, 1990. № 24.

подводные лодки всплыть в их присутствии, продемонстрировав как бы свое поражение. С эсминцев методично сбрасывали маленькие глубинные бомбочки. Взрываясь, они не причиняли вреда кораблю, но нестерпимыми ударами били по ушам подводников. И так час за часом, сутки, двое. Дизельные лодки, а такие в то время превалировали на флоте, конечно, не могли выиграть состязания, рано или поздно нужно было всплывать или дать бой... На поверхность они появлялись под улюлюканье столпившихся на палубе преследователя матросов. Один из участников событий тех дней, сам попавший в такую передрягу, рассказывал мне, как, увидев беснующихся на эсминце янки, ему нестерпимо захотелось всадить им торпеду под ватерлинию. Возненавидел он американцев на всю жизнь. Но действовала строгая команда из Москвы: на провокации не поддаваться. И не поддавались... Сжав зубы.

Обо всем этом ни отец, ни Кеннеди не знали. «Всегда найдется сукин сын...» — лучше не скажешь.

Самолеты, подводные лодки — это еще полбеды. Но американцы рвались на остров, требовали, чтобы их допустили на Кубу. Как победителей! Переговоры грозили забуксовать, не начавшись. Камнем преткновения стала инспекция, проверка на месте выполнения нами принятых на себя обязательств. С самого начала отец подчеркивал, что доступ представителей иностранных государств на территорию Кубы возможен по согласовании с ее правительством.

Американцы подчеркнуто отказывались вести диалог с Фиделем Кастро. Они его демонстративно игнорировали. Кастро в свою очередь категорически отказывался допустить чужих инспекторов на свою территорию. «Мы не нарушили никакого права, не совершили никакой агрессии против кого бы то ни было. Поэтому инспекция является еще одной попыткой унизить нашу страну. Мы ее не принимаем» — так кубинский лидер объяснил свою позицию в выступлении по гаванскому телевидению.

Не шел он на передачу функций контроля и представителям ООН. С таким трудом достигнутое соглашение грозило рассыпаться в прах.

Нелегкую миссию переговоров с Кастро взял на

себя У Тан. Он приземлился в гаванском аэропорту в день прибытия Микояна в Нью-Йорк. С советскими представителями все проблемы уладились без волокиты. Правда, и тут не обошлось без курьезов. В Министерстве обороны решили соблюсти тайну, почему-то не показывать У Тану Плиева. Вместо него задействовали Стеценко, тоже генерала. Он командовал на Кубе дивизией баллистических ракет. Стеценко заверил генерального секретаря, что все 42 ракеты в ближайшие несколько дней будут демонтированы и отправлены в морские порты для погрузки на советские суда. А вот кубинцы уперлись. У Тан понял, что инспекторов на остров не допустят ни под каким видом. Приходилось искать обходные пути.

По словам отца, в Москве полгода спустя Кастро признался ему, что погорячился, теперь он соглашался, что присутствие ООНовских чиновников не унизило бы национального достоинства Кубы. Но это теперь. А тогда в ответ на все увещевания следовало твердое: «Нет!»

Договариваться было нужно не мешкая. Правда, война уже не стояла у порога, но растянувшиеся цепочки американских кораблей блокадного и противолодочного дозора с места не сдвинулись. Восточное побережье США было по-прежнему забито войсками десанта. В Советском Союзе, так же как и в США, на стартовых позициях дымились окутанные кислородными облаками, готовые к пуску межконтинентальные ракеты.

* * *

Нью-Йорк встретил Микояна неприветливо. Так принимают представителя враждебной державы. Переговоры с первого часа пошли непросто. Американцы вели себя все настырнее, в их требованиях все явственнее звучал металл бескомпромиссности.

До консультации с Кастро, согласования точек зрения и подходов, что-либо решать и даже предлагать Микоян считал преждевременным. Анастас Иванович преследовал цель выяснить точку зрения оппонента, напитаться информацией. Американцы же настойчиво требовали почти ультимативного согласия на свои день ото дня ужесточающиеся претензии.

Переговоры в Нью-Йорке, естественно, сосредоточивались вокруг того, как удостовериться, что все советские ракеты отправлены домой, а старты раз-

рушены. Ответ на этот вопрос Анастасу Ивановичу предстояло искать на Кубе.

В день его отъезда на остров Стивенсон и Макклой приехали в гостиницу попрощаться. Встретились внизу в холле.

Вдруг, когда, казалось, все обговорено, хозяева выступили с новыми требованиями, Макклой зачитал целый список. В него входили бомбардировщики ИЛ-28, ракетные катера, ракеты «воздух—земля», бомбы «корабль—земля», «земля—земля», а также механическое и электронное оборудование, обеспечивающее их применение, боеголовки, топливо.

В тот день нам приходилось расплачиваться за двоемыслие, нежелание называть вещи своими именами. Ведь в своих письмах отец ни разу не назвал ракеты ракетами, а только оружием, которое противная сторона считает наступательным. Теперь игра в терминологические увертки оборачивалась против нас, американцы заявляли, что и это вооружение они всегда классифицировали как наступательное... А уж что вы, то есть мы, имели в виду, то это ваше дело: советское правительство согласилось вывести с Кубы наступательное оружие.

Когда и почему в высших эшелонах власти в США стали менять позицию, сейчас уже сказать трудно. Мне кажется, почувствовав слабину, решили урвать побольше.

Прощупывание началось даже несколько раньше. Накануне, во время переговоров, Макклой первый раз закинул удочку, завел речь о выводе с Кубы зенитных ракетных комплексов. Микоян удивился: «Какое же это наступательное оружие?» Ответа на его вопрос не нашли, и вопрос о «75-х» больше не поднимался.

Я интересовался, почему такая серьезная проблема всплыла столь скоропалительно, в последний момент. Американцы объяснили, что Стивенсону и Макклою поручили обсудить и выдвинуть эти требования накануне, а они заболтались с Микояном и позабыли. Вот и пришлось догонять. Конечно, всякое случается в жизни, но... не будем спорить. В конце концов, им виднее.

А откуда вообще возник этот перечень? О бомбардировщиках ИЛ-28 упоминалось еще в выступлении президента в «черный» понедельник, и Роберт Кеннеди в своей книге приводит разговоры о них на Исполкоме. Об остальном до приезда Микояна не произносилось

ни слова. В январе 1991 года я спросил Раймонда Гартоффа, человека, в те годы причастного к составлению перечня, чем они руководствовались?

Ответ оказался на редкость незамысловатым: в документ включили все известные виды вооружения, которые можно формально отнести к наступательным. Именно поэтому устаревшие бомбардировщики, а не новейшие МИГ-21 стали предметом торга.

По моим догадкам, составили список в последнюю ночь, вот и пришлось совать его Микояну в холле гостиницы. Анастас Иванович наотрез отказался обсуждать новорожденную идею, сказав, что уполномочен рассматривать отраженные в документах предложения, там же речь шла только о баллистических ракетах.

Сухо попрощавшись с Макклоем и Стивенсоном, Микоян отправился на аэродром. Но события только набирали обороты. Американцы спешили хоть как-то легализовать свои требования. В здании аэропорта Анастаса Ивановича отыскал запыхавшийся представитель государственного департамента и попытался вручить ему пакет с неким посланием, видимо, содержащим только что отвергнутые претензии. Микоян поразился: вручать серьезные документы вот так, на ходу, в последний момент... Это противоречит дипломатическим нормам. Протянутый ему пакет он отстранил рукой и, не оборачиваясь, направился к трапу самолета.

Правда, от его жеста мало что изменилось. В тот же день послание вручили Кузнецову. Вокруг ИЛ-28 и катеров развернулись не меньшие дебаты, чем вокруг инспекции.

Остальные пункты нового документа по сути не вызвали разногласий: «Луны» и так отправлялись домой, других ракет типа «земля—земля» или «воздух—земля» на Кубу не привозили. Ну а бомбы? Кубинские военные впоследствии говорили о якобы появлении на острове шести ядерных бомб, то ли для ИЛ-28, то ли для МИГ-21. Их никто не видел. Бомбы без шума как привезли, так и увезли.

А вот ИЛ-28 и ракетные катера видели многие.

В своих заметках Алексеев пишет, что, возражая против допуска американцев в места демонтажа ракет, Фидель говорил о «неизбежности возникновения все новых требований об уступках и уже в первых беседах

предсказал, с чем выступят американцы: 1. Вывод бомбардировщиков ИЛ-28, хотя эти устаревшие самолеты не угрожают безопасности США; 2. Вывод быстроходных торпедных* катеров типа «Комар»; 3. Вывод нашего воинского контингента; 4. Включение в состав кубинского правительства изгнанных революцией и окопавшихся в Майами буржуазных политиков.

Нам казалось, что Фидель слишком преувеличивает опасность».

Известие о новых претензиях Вашингтона пришло в Москву на следующий день. Доложили отцу. На него поползновения американцев не произвели особого впечатления. Он ощущал себя обманутым, но не особенно пострадавшим. Как человек, у которого потребовали бумажник, но без денег. Деньги пришлось отдать раньше.

Позиция отца звучала незамысловато: главным средством защиты Кубы от высадки десанта служили ракеты. Мы достигли договоренности и теперь убираем их. Основной гарантией от агрессии становится слово президента Кеннеди.

ИЛ-28 и катера в операции играли вспомогательную роль. Все, что они могли: задержать высадку. Затем их и привезли. Раз высадки десанта не будет, то останутся они или нет, существенной роли не играет. Он не считал устаревшие самолеты и катера наступательным оружием, тем более способным угрожать США. Но что ему оставалось? Только многозначительно похлопать себя по карману, подтверждая его пустоту.

Тем не менее спор возник немалый. В переписке между Москвой и Вашингтоном вновь возникли угрожающие нотки. Американцы даже намекали на возможность атаки аэродромов, где собирали ИЛ-28. Отец попал между двух огней, ему очень не хотелось еще больше обижать Кастро, а с другой стороны, ради устаревших бомбардировщиков не стоило дразнить американцев, расшатывать восстанавливающиеся контакты, доверие.

Президент Кеннеди усиливал давление. Отец не считал, что он действительно готов реализовать свои угрозы, нарушить слово и напасть на Кубу. Нет. Отец сохранял спокойствие, но снова именно ему требовалось искать выход.

---

*Тут проскальзывает ошибка: «ракетных». — *С. Х.*

Я спросил того же Раймонда Гартоффа: «Почему разгорелся такой сыр-бор вокруг ИЛ-28? С военной точки зрения самолеты не представляли реальной силы».

Мой собеседник согласился, угрозу бомбардировки никто в Пентагоне всерьез не рассматривал. Двигали соображения престижа.

Отец попытался поторговаться, предложил обмен бомбардировщиков на вывод американских войск из Гуантанамо. По его мнению, военное значение этой военно-морской базы в современных условиях стало не большим, чем ИЛ-28. Трудно сказать, насколько всерьез он рассчитывал добиться успеха. Когда я его спросил об этом, он только усмехнулся: «Конечно, база американцам не нужна, но она очень удобна для давления на кубинцев». Где-то в глубине души отец, возможно, рассчитывал на новые отношения с Кеннеди, но просчитался.

Главной его целью при постановке вопроса о Гуантанамо являлась демонстративная поддержка пяти пунктов Кастро. Даже если ничего не получится...

Белый дом не собирался идти на уступки. Гуантанамо действительно потеряла свою роль, но не в глазах общественности, которая расценила бы ее эвакуацию как серьезную уступку президента. Отцу пришлось отказаться от своей идеи. Переговоры тянулись весь ноябрь.

В результате многодневной нервотрепки вопрос о ракетных катерах отпал.

* * *

После шока, вызванного известием о выводе ракет, Фидель впервые встретился с советским послом 1 ноября. На следующий день предстоял прилет Микояна. В тот же день Кастро в телевизионном выступлении публично выразил благодарность нашей стране за поддержку в тяжелый час. «Нужно особенно напомнить о том, что во все трудные моменты, — говорил Фидель, — когда мы встречались с американской агрессией... мы всегда опирались на дружескую руку Советского Союза. За это мы благодарны ему и об этом должны всегда говорить во весь голос. Советские люди, которых мы видим здесь... сделали для нас очень много. Кроме того, советские военные специалисты,

которые были готовы умереть вместе с нами, очень много сделали в обучении и подготовке наших вооруженных сил».

Выдержки из выступления Кастро опубликовали в советских газетах. Отец расценил это как добрый знак, кубинский лидер начал осознавать, кто его истинные друзья, рисковавшие из-за народа, населяющего далекий остров, не только своим благополучием, но и жизнями.

Тем не менее 2 ноября Микояна в Гаване ожидал более чем прохладный прием. Выдерживался обусловленный протоколом ритуал встречи, говорились правильные и хорошие слова, но между хозяевами и гостем как бы выросла холодная прозрачная стена. Микоян расстроился. Во имя неприкосновенности Кубы мы пошли на конфликт с США, подвели мир к грани ядерного уничтожения. Теперь нам демонстрируют свою неприязнь с обеих сторон: и американцы, и Фидель.

На первой встрече, состоявшейся в особняке кубинского правительства, где поселили Анастаса Ивановича, ощущение дискомфорта только усилилось. Казалось, Фидель Кастро с трудом сдерживает себя, чтобы не наговорить резкостей. Микоян даже как-то сник.

Вечером Анастас Иванович пригласил к себе Плиева и других генералов. Начался демонтаж стартовых позиций, предстояла эвакуация, и, хотя всем этим руководили из Москвы, из Министерства обороны, Микоян хотел узнать подробности. Иначе как вести переговоры?

Следующий день начался столь же хмуро. На квартире Фиделя, где предстояло вести переговоры, собрались к 9 утра. Состав более чем узкий: с советской стороны кроме Микояна переводчик и Алексеев. Фидель вообще появился в одиночестве. Так, он считал, легче высказаться начистоту. Микоян понимал, как складывается обстановка, и приготовился, отстаивая точку зрения Москвы, не дать «кораблю» напороться на рифы.

Разговор пошел туго. Потом Кастро разговорился, но легче от этого не стало. «Кубинский народ не понимает, как можно совершать сделки, решать судьбу нации за ее спиной, даже не посоветовавшись с ним», — твердил Фидель.

Анастас Иванович повторял изложенные в письме доводы: на консультации времени не оставалось, и, главное, цель достигнута, Куба спасена. Но Кастро его

не слушал и не хотел слушать: с Кубой не посчитались, никто не имеет права распоряжаться ее судьбой! Кастро просто разъярился. Микоян стоял на своем. Он не позволял вывести себя из равновесия, монотонно повторял свои доводы.

Настаивая на командировании именно Анастаса Ивановича, отец на заседании Президиума ЦК подчеркивал, выделял именно это его достоинство — способность противопоставить буре эмоций свое непробиваемое спокойствие. Но чего это стоило Микояну, человеку остро переживающему, да еще с южным темпераментом. Но верх брала сила воли, выдержка.

Разговор продолжался более часа, когда Алексеева позвали к телефону. Звонили из посольства. Шифровальщик принял телеграмму отца, адресованную Микояну. В ней сообщалось о смерти Ашхен Лазаревны*.

О факте получения срочного послания посол на ухо сказал Микояну. О содержании он умолчал, шифрограммы запрещается пересказывать по телефону. Анастас Иванович обо всем догадался, этой горькой вести он ждал еще вчера, и позавчера, и в день отлета из Москвы... Он попросил посла съездить в посольство и привезти телеграмму. Оба здания находились неподалеку, на машине можно обернуться за пять минут. Алексееву не хотелось в такой момент оставлять Микояна один на один с Кастро. Но и не ехать невозможно. Никому другому он не решался довериться.

Выход сам собой нашелся. Из соседней комнаты через секретаря Фиделя Кастро Алексеев передал ему записку, где, сообщив о случившемся несчастье, просил повременить с началом деловой беседы.

Через полчаса посол вручил телеграмму Микояну. Отец посылал свои соболезнования, а принятие решения о возвращении в Москву на похороны оставлял на усмотрение Анастаса Ивановича. Переговоры прервались. Запал у Фиделя прошел. Гости, извинившись, уехали. В особняке Анастас Иванович попросил оставить его одного...

Неопределенность продолжалась около часа. Дверь

*В воспоминаниях А. И. Алексеева допущена неточность: он говорит, что переговоры еще не начались. Однако запись беседы А. И. Микояна и Кастро, хранящаяся в архиве МИД СССР, позволяет уточнить хронологию. — *С. Х.*

в комнату Микояна оставалась плотно закрытой. Алексеев с переводчиками и немногочисленными сопровождающими лицами вполголоса переговаривались в зале.

Наконец появился Микоян. Лицо у него посерело, осунулось. И без того некрупная фигура как бы еще больше усохла.

— Я остаюсь, — хрипловато проговорил Анастас Иванович, — там я уже ничем не смогу помочь, а здесь...

Он на минуту замолчал.

— Серго полетит в Москву. Отправьте его ближайшим самолетом, — попросил он посла и повторил: — Здесь я нужнее.

О смерти Ашхен Лазаревны сообщили в газете «Правда». Отец поручил помощнику проследить за подготовкой печальной церемонии, хотя в этом не было особой необходимости. В хозяйственном управлении Совета Министров знали, что надо делать.

Ни в зал прощания, ни на кладбище сам отец не поехал. Микоян ни словом, ни намеком не упрекнул своего друга, но не простил ему этого до конца своих дней.

Переговоры на Кубе возобновились на следующий день. Случившееся несчастье, жертвенное решение Микояна остаться смягчили напряженность, заготовленные Фиделем упреки так и остались невысказанными.

Тем не менее договоренность достигалась с огромным трудом. Американские представители проявляли жесткость, вызывавшую острую реакцию кубинцев. Все усугублялось тем, что о прямых переговорах не было и речи, все предложения, аргументы и, в конце концов, пункты соглашения путешествовали по сложному маршруту: из Нью-Йорка, где Кузнецов состоял в контакте с Макклоем и Стивенсом, в Москву, оттуда в Гавану к Микояну для обсуждения с Фиделем и таким же кружным путем назад.

В Москве о каждом шаге обязательно докладывалось отцу. Куба отнимала у отца массу времени, требовала к себе неослабного внимания, но постепенно ее проблемы теснились новыми, не менее важными вопросами.

* * *

В ноябре на первое место выходила подготовка к Пленуму ЦК. Отец возлагал на него особые надеж-

ды. Намечалось провести реорганизацию структуры партийной иерархии, ввести разделение обкомов и райкомов по производственному принципу — на промышленные и сельскохозяйственные. По мысли отца, нововведение обещало сделать руководство народным хозяйством более квалифицированным. В Москве предполагалось учредить специальные бюро ЦК КПСС, координирующие действия народнохозяйственных комплексов. В первую очередь промышленность и сельское хозяйство.

Эта мысль пришла в голову отцу еще летом. Впервые он высказал ее в Крыму в августе. У него тогда собрались Подгорный, Брежнев, Полянский, Кириленко. Беседа велась неспешно на пляже, в перерыве между купаниями.

Забылись, затерлись слова, но энтузиазм, с которым соратники встретили предложение отца, запал мне в голову. Наверное, потому, что мне самому эта затея не казалась столь привлекательной. Но, видя восторг старших товарищей, я промолчал. «Видимо, чего-то мне не дано понять», — решил я.

Теперь задумка превращалась в реальность.

* * *

К 10 ноября напряженность вокруг Кубы существенно спала. Камнем преткновения оставалась инспекция. Проблема все больше из технической превращалась в чисто политическую. Ведь любое изменение на уже бывших ракетных позициях скрупулезно фиксировалось У-2. Их полетам над Кубой никто не препятствовал. Они отснимали пленки милю за милей. Фотоснимки свидетельствовали, что демонтаж стартов идет полным ходом: что разбирают, что режут сваркой, а бетонные фундаменты просто взрывают. Таить мы ничего не собирались. Отец строго приказал: никаких хитростей, уходим навсегда.

Конечно, жалко было разрушать новенькие сооружения и конструкции, на успешное возведение которых еще три недели назад возлагались такие надежды. Но... ничего не поделаешь. Политика...

Наконец, сразу после Октябрьских праздников, Министерство обороны США официально объявило, что

«все находившиеся на Кубе баллистические ракеты средней и промежуточной дальности действия, о которых было известно, демонтированы».

На окончательную эвакуацию ракет понадобилось всего 4 дня и 8 судов. Операция началась 5 ноября. Первыми загрузились «Братск», «Дивногорск», «Иван Ползунов», «Лабинск», «Михаил Аносов» и «Волголес». А замыкали «Игорь Курчатов» и «Ленинский Комсомол», отплывшие из порта Касилда 9-го.

Американцам оставалось убедиться, что все ракеты покинули остров. У-2 здесь оказывались бессильными, требовалось иное решение.

Кубинцы продолжали упорствовать. Они так и не допустили на свою территорию не только американцев, но и кого бы то ни было еще, даже под эгидой ООН, даже в порты, на борт советских судов. Кастро твердо изложил Микояну свою позицию: «Вы можете соглашаться с США, идти им на уступки, вам, великой державе, — легче. Мы — страна маленькая и не позволим унижать себя, тем более что с нашей стороны никакие международные нормы не нарушались».

В конце концов договорились с американцами пересчитать ракеты во время их транспортировки на судах. И здесь Фидель остался непреклонен: «Делайте что угодно, но за пределами территориальных вод Кубы. В наших границах — никаких инспекций».

Решили организовать встречи транспортов с досматривающими американскими боевыми кораблями в открытом океане. На борт наших судов, суверенную территорию Советского Союза, отец допускать чужих контролеров отказался. Нашли компромисс.

Ракеты закрепили на палубе открыто. Американцы, подойдя борт к борту, могли их рассматривать, фотографировать, только руками не трогать. 11 ноября заместитель министра обороны Росуэлл Гилпатрик заявил, что они таким образом насчитали 42 ракеты, столько, сколько, по предположениям ЦРУ, находилось на Кубе. Но тень сомнения осталась: Соединенные Штаты не могут без проведения инспекции на месте «быть уверены, что сорок два — это число всех ракет, завезенных на Кубу». Опять инспекция.

На самом деле ракет было сорок три. Одну американцы в своих подсчетах где-то потеряли. Но это не

имело никакого значения, их вывезли все, к тому же семь из них служили учебным целям и вообще не могли взлететь.

Ядерные боеголовки возвращались так же, как и прибыли: без шума, без инспекций. Американская разведка так и не выведала, находились ли они на острове или им это только померещилось. Разубеждать ЦРУ никто не стал. Тщательно запакованные, запрятанные в трюмы, они вернулись в арсеналы, которые в обстановке глубокой секретности покинули два месяца назад.

Вслед за ракетами потянулись домой суда с наземным оборудованием. Солдаты на корабли грузились налегке. Все, с чем они прибыли на Кубу: танки, орудия, бронетранспортеры, не говоря уже об автоматах и пулеметах и даже сшитых в нашей стране десятках тысяч комплектов кубинской военной формы, в которую в целях конспирации облачались все наши военнослужащие, — оставалось на острове.

Однако на Кубе осталась не только амуниция. Одной из советских моторизованных бригад предстояло на долгие годы задержаться на острове. В случае высадки вражеских сил ей вменялось, «показав флаг», в первые же часы вступить в бой. Конечно, три тысячи человек, даже хорошо обученных и отлично вооруженных, погоды не делали, но одно присутствие советского регулярного воинского формирования сразу превращало семейное выяснение внутриамериканских отношений, к чему в мире давно привыкли, в конфликт мирового значения.

В Белом доме не возражали, но, как и в случае с турецкими ракетами, категорически отказались от любых публичных заявлений, даже самых осторожных. Просто закрыли глаза. Американской разведке предписали не замечать, чего не следует...

После вывода ракет свет клином сошелся на ИЛ-28. Кеннеди давил, настаивал, угрожал. Горячие головы на Исполкоме вновь предлагали атаковать аэродромы. А уж печать, та просто неистовствовала.

Корабли Атлантического флота США, выстроившись в цепь, продолжали держать блокаду. Американские самолеты все так же утюжили остров на малой высоте. По нескольку раз в день. Их самонадеянная наглость особенно действовала на нервы Кастро. Под аккомпанемент рева моторов он становился все упор-

нее, о выводе ИЛ-28 не хотел даже слышать. И вообще отношения натягивались все больше. Даже Анастас Иванович сдерживался с трудом. Однако внешне он сохранил невозмутимость и приветливость.

Тем не менее дело чуть не дошло до открытого разрыва. В самом разгаре спора об ИЛ-28 Кастро как бы мельком проинформировал своих собеседников, что завтра встреча не состоится, он уезжает на несколько дней по неотложным делам: надо посетить сельскохозяйственные районы. Фидель посоветовал и гостям посетить животноводческие хозяйства. Его слова звучали неприкрытым издевательством. Микоян пытался возразить, но тщетно. На следующий день Анастас Иванович сжав зубы поехал осматривать молочное стадо. Еще через день в канцелярии премьер-министра вежливо ответили, что Кастро пока не возвращался. Не вернулся он и на третий день.

Микоян нервничал. О том, чтобы вспылить, прервать переговоры, он не думал, привык доводить начатое дело до конца. Но как? Собеседник исчез.

И четвертый день прошел в вынужденном безделье. Тогда Анастас Иванович решился на крайнюю меру. Вечером он гостил у своего старого знакомого, руководителя аграрной реформы Хименеса. Поговорили об урожае, о животноводстве. На прощание Анастас Иванович сказал, что скоро, может быть через пару дней, уезжает. Миссия его, по всей видимости, заканчивается.

Хозяин удивился и забеспокоился. Он слышал, что переговоры еще далеки от завершения.

Анастас Иванович посетовал, что вот уже который день ему не удается встретиться с Кастро. Этому существует единственное объяснение: он не тот человек, с которым кубинское руководство считает возможным вести переговоры. Жаль, но ничего не поделаешь. Вот он и надумал возвращаться в Москву, а на его место пришлют другого, более подходящего.

На следующий день «неожиданно» появился Кастро. Он, оказывается, уже закончил инспекцию сельского хозяйства. Начавшийся с обсуждения урожайности бобов и молочности коров разговор быстро скатился на привычную тему.

Кастро огорошил Микояна, сказав, что он послал У Тану письмо по вопросу инспекции. Вернее, о том, что

об инспекции на территории Кубы не следует и мечтать. Бесполезно. Микоян слушал: ничего нового. Все это уже давно навязло в зубах. Он только посетовал, что следовало бы показать ему послание перед отправкой, лучше, если обе страны станут действовать согласованно.

Кастро отпарировал: ничего нового он не предложил, правда, предупредил ООН и США, что его мораторий на действия ПВО против американской авиации прекращается. Отныне любой нарушитель воздушного пространства Кубы понесет заслуженное наказание. В боевую готовность приведена зенитная артиллерия, истребители барражируют на малой высоте на излюбленных трассах американских разведчиков.

Микоян чуть не подпрыгнул: «Это вызовет новый виток эскалации напряженности». Кастро отреагировал кратко: «Куба не позволит нарушать свой суверенитет. Хватит. Надоело».

Приказ вступал в силу с 11 часов утра 18 ноября. Об этом объявило гаванское радио.

Кеннеди проявил благоразумие. Низколетящие разведчики над Кубой больше не появлялись, теперь вся тяжесть легла на крылья У-2.

И все-таки Микояну удалось убедить Фиделя Кастро согласиться на возвращение ИЛ-28 в Советский Союз. 19 ноября Кастро сообщил У Тану: он не возражает, СССР может забрать свои ИЛ-28, если пожелает. Но тут же вновь предупредил: никакой инспекции и никаких полетов над территорией Кубы он не потерпит.

* * *

Последние препятствия снялись, и 20 ноября 1962 года президент США Джон Кеннеди объявил о прекращении блокады: «Председатель Совета Министров Хрущев сообщил мне сегодня, что все бомбардировщики ИЛ-28, находящиеся на Кубе, будут вывезены оттуда в тридцатидневный срок. Он также выразил согласие на то, чтобы отгрузка этих самолетов происходила под нашим наблюдением и чтобы численность их проверялась. Принимая во внимание, что эта мера сильно способствует ослаблению опасности, угрожа-

вшей нашему континенту четыре недели назад, я сегодня проинструктировал министра обороны снять установленный нами морской карантин.

...Данные, которыми мы располагаем на сегодняшний день, указывают на то, что демонтаж всех ракетных сооружений, о существовании которых нам известно, закончен. Ракеты и дополнительное оборудование погружены на советские корабли. Инспекция этих отплывающих кораблей, произведенная нами в море, подтвердила, что все ракеты, число которых было указано Советским правительством и которое точно соответствовало нашим собственным сведениям, с Кубы теперь удалены. Кроме того, Советское правительство сообщило, что с Кубы удалено также все термоядерное оружие и что больше оно на Кубу доставляться не будет.

Итог последних недель, несомненно, положительный, и можно надеяться, что положение будет продолжать улучшаться...»

22 ноября в советских газетах появилось краткое правительственное сообщение: «В связи с распоряжением президента США Джона Кеннеди об отмене карантина (блокады) в отношении Республики Кубы... отменить состояние полной боевой готовности в частях и соединениях Советской Армии».

Аналогичный приказ отдал маршал Гречко подчиненным ему войскам стран Варшавского Договора.

До сих пор помню состояние чисто физического облегчения, которое довелось испытать тогда. Я мысленно представлял себе, как сливают компоненты и увозят в хранилища ракеты, летчики покидают самолеты, танки уползают в укрытия, боевые снаряды сдаются на склады.

* * *

Карибский кризис закончился одновременно с началом работы Пленума ЦК, открывшегося 19 ноября. В тот день отец сделал большой доклад о неотложных мерах по совершенствованию структуры управления экономикой.

По странному стечению обстоятельств именно в день отмены боевой готовности, 22 ноября, Пленум ЦК принял уже упоминавшиеся решения о реорганиза-

ции структуры партийного аппарата — разделение партийных комитетов по производственному принципу. До сих пор функционеры поминают его недобрым словом. Тогда же партийные комитеты усмотрели в нем покушение на свою власть. В аппарате повсеместно нарастал глухой ропот...

Решения Пленума не только во многом способствовали отстранению отца от власти, но, по моему мнению, они прокладывали путь к тому, что мы сегодня зовем «застоем». Влияние аппарата еще больше возрастало. Внешний кризис сменялся внутренним, не столь заметным, но еще более опасным.

* * *

Карибский кризис завершился. О чем можно было договориться, стороны договорились. Противостояния, разрешить которые время не пришло, остались в наследство будущим поколениям.

Не возьмусь судить о президенте Кеннеди. Но для отца эти 30 дней в октябре значили очень много. Завершалась эпоха. Эпоха, в которой все решала сила или угроза ее применения. Подойдя к самому краю ядерной пропасти, отец осознал, что реальная возможность взаимного уничтожения уравняла шансы сторон. Силе противостояла сила. Любой кризис мог теперь привести к взаимной гибели.

Кубинскому апогею конфронтации должно было прийти на смену мирное противостояние сторон, сохранение статус-кво. Еще не признаваясь самому себе, отец внутренне сделал шаг навстречу предложению Джона Кеннеди, высказанному в Вене.

После кубинского кризиса несколько успокоилось и в Берлине. Оба руководителя повели себя осмотрительнее, мудрее.

В столкновении они познали друг друга, прониклись взаимным уважением. Вот какими словами вспоминал отец о президенте Кеннеди: «...конечно, с оговоркой, насколько можно ручаться за человека других политических взглядов, я верю Кеннеди и как человеку, и как президенту... Из всех президентов, которых я знал, Кеннеди — человек с наиболее высоким интел-

лектом. Он — умница и резко выделяется на фоне своих предшественников. Я никогда не встречал Рузвельта. Может быть, Рузвельт его превосходил.

В моей памяти сохраняются лучшие воспоминания о... президенте. Он проявил трезвость ума, не дал запугать себя, но не дал и опьянить себя мощью США. Он не пошел ва-банк. Не требовалось большого ума, чтобы развязать войну, он проявил мудрость, государственную мудрость, не побоялся осуждения правых и выиграл мир».

А вот какими словами рассказывает Роберт Кеннеди о впечатлениях американского президента об отце: «С самого начала президент Кеннеди считал советского премьера человеком рассудительным и умным... Он уважал Хрущева за то, что тот правильно оценил интересы собственной страны и интересы всего человечества».

Несмотря на разницу стилей, слова подобрались очень схожие.

* * *

Проведя на Кубе без малого месяц, сделав все, что было в его силах, Микоян собрался домой. Переговоры завершились компромиссом. Именно ради него и направляли «мастера». Хотя он и не убедил Фиделя Кастро по всем пунктам, но пламя, грозившее пожаром, удалось сбить. Остались чадящие дымом угли. Одни загаснут сами, а над иными придется еще потрудиться.

Выступив 25 ноября на прощание по гаванскому телевидению, Микоян отправился в Нью-Йорк. Его прибытие в США совпало с заявлением министра обороны Роберта Макнамары о том, что все вооруженные силы возвратились в места своего базирования.

29 ноября Анастас Иванович в Вашингтоне встретился с Джоном Кеннеди. Это была первая встреча члена Советского правительства с американским президентом после кризиса. К сожалению, я не знаю подробностей состоявшейся беседы.

1 декабря Микоян возвратился в заснеженную Москву.

* * *

В послеоктябрьские дни, недели, месяцы слева и справа твердили о поражении, отступлении отца,

капитуляции его перед империализмом. Наиболее сильны такие настроения оказались в Китае и в США. Правда, сам президент думал иначе. Роберт Кеннеди свидетельствует: «Он не сделал ни одного заявления с целью приписать себе или своей администрации заслугу в этом деле. Он предписал членам Исполнительного комитета и правительства не давать никаких интервью, не делать никаких заявлений, провозглашающих победу... Если исход кризиса и был чьим-то триумфом, то не триумфом того или иного правительства или народа, а триумфом грядущих поколений».

Отец считал, что, получив обещание не вторгаться на Кубу, он добился поставленной цели: «Правительства капиталистических стран все оценивают в долларах. Так, если рассмотреть в долларах, то это очень выгодная операция. Мы понесли затраты только на транспортировку военной техники и нескольких тысяч наших солдат. Вот стоимость гарантий независимости Кубы. Мы не пролили крови ни своей, ни чужой. Мы не допустили войны. Мы не допустили разрушений, отравления атмосферы. Я горжусь этим».

* * *

На мой взгляд, история Карибского кризиса осталась бы неполной без рассказа о первом визите в нашу страну Фиделя Кастро, его встречах с отцом. За Кастро продолжалась настоящая борьба. Кастро колебался. Отец переживал. Он вложил душу в этого бородача и теперь относился к нему почти как к сыну.

О возможности приезда Кастро в СССР впервые я услышал зимой 1963 года. Слухи то разрастались, становились почти реальными, то сходили на нет. Наконец, в начале весны отец сообщил, что окончательно договорились о визите, обстановка вокруг Кубы успокаивается, Кастро может безбоязненно покинуть остров. Решено, что прилетит он на нашем ТУ-114 к Первомаю. Отцу хотелось показать гостю праздник, да и погода потеплеет.

В последних числах апреля под покровом секретности ТУ-114 вылетел из Москвы в Гавану за Кастро. И «профессионалы», и отец придерживались мнения, что нельзя исключить возможность «случайной» атаки

самолета с Фиделем над океаном. Как известно, в ходе проведения операции «Мангуста» не раз ставилась задача его физического устранения. Поэтому о визите Фиделя Кастро решили объявить, когда он окажется вне опасности, приземлится в Мурманске.

В Москве готовили торжественную встречу с митингом на Красной площади. Как космонавту. Людей туда загонять не пришлось. Отгремел митинг, отмаршировал Первомайский парад, отшагала демонстрация. Кастро, казалось, был покорен искренностью дружеских чувств. 2 мая отец привез его к нам на дачу. С порога на Фиделе повисли внуки. Мой сын, ему тогда еще не исполнилось трех лет, завладев гостем, потащил его на поляну слушать, как жужжат шмели.

В тот день отец не вел разговоров о делах. Серьезным переговорам предстояло начаться на следующий день. Отец запланировал увезти Кастро из Москвы и там, в узком кругу, постараться убедить его. Удалось это ему не сразу, пришлось потрудиться.

Отец доказывал Кастро: президент США сдержит свое слово, Кубе гарантировано 6 лет мирного развития, столько, по убеждению отца, отводилось Кеннеди сидеть в Белом доме. 6 лет! Почти вечность! За эти годы Куба с ее благодатным климатом в сочетании с преимуществами социалистической экономики достигнет небывалых успехов, превратится в богатое, процветающее государство. За ней потянется вся Латинская Америка. Пришедшие на смену Кеннеди новые президенты США не решатся на агрессию, Куба им станет не по зубам. Чтобы добиться этого, требуется только одно — приложить руки.

Отец не оставался бы самим собой, если бы тут же не стал бы конструировать, что необходимо предпринять немедленно. С первого дня он убеждал Кастро в необходимости механизировать сбор сахарного тростника. Отец просто мечтал о выпуске сельскохозяйственных машин для уборки сахарного тростника. Проект комбайна по его заданию в одном из наших институтов уже разработали. Появится комбайн — не придется гнуть спину, рубить стебли мачете, труд превратится в радость. Кастро согласно кивал головой.

Другим коньком отца стало рыболовство. Он не мог понять, почему на Кубе нет своего рыболовного

флота. Океан-то рядом, а они всю жизнь возили рыбу из Соединенных Штатов. На Кубе уже строился для этого порт. Тот, который американцы упорно именовали военно-морским. На его базе, считал отец, можно создать целую отрасль хозяйства, способную кормить не только себя, но и соседей. Отец рисовал своему гостю тучные стада коров, пасущихся на вечнозеленых лугах, заливающих кубинцев молоком, заваливающих их котлетами.

Фидель провел в Советском Союзе 35 дней, и не менее половины этого срока с отцом. Он объехал почти всю страну, побывал в Волгограде и Ташкенте, Братске и Киеве, Тбилиси и Сухуми. У отца с Фиделем установились отношения учителя и ученика.

Лишь раз Фидель вспылил. В тот день вместе с отцом и маршалом Малиновским они поехали из Сухуми на озеро Рица. Отец хотел порадовать гостя красотами Кавказских гор. Сам он очень любил этот край. Впервые попав на Кавказ в двадцатые годы, он прошел весь путь до озера пешком по тропе. Тогда шоссе не существовало и в помине. Никогда ранее не виданные горы покорили его на всю жизнь. Сейчас в комфортабельном ЗИЛе дорога не заняла и часа. Погуляли по берегу озера, съели шашлыки, сфотографировались. Трудно сказать, кому поездка доставила большее удовольствие: любующемуся красотами гостю или дарящему ему очарование окружающей природы хозяину.

Природа природой, пейзажи пейзажами, а разговор, как и в предыдущие дни, скатился к войне, десанту, американцам, кризису.

Вот тут-то отец и обидел Фиделя, сказав, что при вторжении на остров регулярных войск США они не выстояли бы и достигнутая с Кеннеди договоренность как бы спасала жизнь кубинской революции.

Кастро взорвался:

— Им нас не сломить никогда.

Отец настаивал, призвал на помощь Малиновского, спросил, сколько, по его мнению, могла бы удержаться организованная оборона острова.

Малиновский задумался, что-то про себя прикидывая, просчитывая.

— Двое суток, — произнес он твердо.

Кастро, горячась, стал доказывать, что в горах они

непобедимы. Кстати, здесь с ним оказался солидарен директор ЦРУ Джон Маккоун. На одном из заседаний Исполкома он пессимистически заметил: «...чертовски трудно будет вытравить их из гор, это доказал с очевидностью опыт войны в Корее».

Отец поначалу возражал. Убеждал Кастро, что партизанская война — это подполье, а он говорил о контроле над островом. Потом решил прекратить спор, не обижать гостя. Каждый остался при своем мнении.

На обратном пути произошел забавный случай. На дороге дорогих гостей поджидало местное абхазское начальство. Остановились. Оказалось: рядом село долгожителей, столы накрыты, хозяева обидятся, если столь почтенные люди не заедут к ним, пусть ненадолго.

Отец всегда с опаской относился к подобным «случайным» мероприятиям, особенно здесь, на Кавказе. Местное гостеприимство более здорового и молодого человека могло в два счета уложить на обе лопатки. Но тут ему хотелось доставить удовольствие Кастро, удивить его превосходящим любую фантазию хлебосольством. Особенно после недавней размолвки.

Описывать стол я не берусь, это не всегда удавалось и профессионалам. Фидель пришел в восторг, пробовал блюда одно за другим. Отец воздерживался. Последние годы, садясь за стол, он первым делом вспоминал о своих камнях в почках и только потом примеривался к блюдам.

К столу подали молодое вино. Гостям поднесли по здоровенному рогу. Кастро заулыбался, воспринимая все как шутку: разве можно столько выпить за один раз. Ему объяснили, что можно и нужно. Он бросился за защитой к отцу, но тот, смеясь, выставил перед собой руки — здесь я не властен, тут царство тамады.

Пришлось подчиниться. Под гул одобрения Фидель осушил рог. За «подвиг» он тут же получил сосуд в подарок.

Подошла очередь отца. Он-то надеялся, что его пощадят, попробовал отговориться возрастом. Не тут-то было. К нему подвели старика, как отец потом рассказывал, годящегося ему в отцы. Решительным движением тот отобрал у отца рог и, не отрываясь, выпил.

Через минуту сосуд снова полным вернулся к отцу. Отступать было некуда...

Окружающие довольно загалдели, а отец тихо шепнул Кастро: «Теперь быстро в машину и домой».

Весь следующий день гость вспоминал о забавном приключении. От размолвки не осталось и следа. Так что отец посчитал свою жертву оправданной.

Когда вернулись в Москву, отец предложил Кастро посмотреть боевую межконтинентальную ракету Р-16, познакомиться с ее расчетом. Этим ему оказывали высочайшее доверие. Не то что иностранцев — и наших-то на боевые позиции не пускали. Только особо доверенных.

Фидель пришел в восторг. Поехали они на машинах. От Москвы расстояние было не очень велико. На месте гостей ожидали Малиновский и Бирюзов.

Командир ракетной дивизии показал стартовую позицию, хранилища, командный пункт. Кастро все это уже знал по Кубе. Неудивительно: главный конструктор и тех и этих ракет один, инженерный почерк остается неизменным.

В заключение провели учение. Выбрали самый зрелищно-выигрышный этап подготовки ракеты к старту — установку ее на стартовый стол. Расчет действовал слаженно, ракета выкатилась из ангара на установщике, он развернулся на пристартовом пятачке, сдал назад, стал задирать нос к небу. В считанные минуты операция закончилась — ракета встала вертикально, крепко удерживаемая захватами многоэтажной башни обслуживания.

Кастро поблагодарил командира. Потом обернулся к отцу и, хитро улыбаясь, спросил: настоящая ли ракета или это только макет.

Стоявший рядом Малиновский заверил, что она самая что ни на есть боевая. В прошлом октябре стояла в полной готовности к пуску. Вот только куда она нацелена, он сказать не может, этого секрета Генеральный штаб не доверяет никому. Известно только одно — цель расположена на территории США.

Кастро вдруг спросил, не повредит ли ракете, если он оставит на ее корпусе свой автограф. Если, не дай Бог, придется ее применить, пусть американские империалисты знают, что это привет от Кубы.

Отец кивнул, Кастро подали мелок, и он размашисто расписался на корпусе.

В последующие годы эту подпись хранили как реликвию. Что с ней стало сейчас, я не знаю. Ракета давно снята с вооружения и, как это принято у нас, уничтожена. Погиб ли вместе с ней автограф Кастро или кто-то сохранил его на память?

Затем сфотографировались, но так, чтобы ни ракеты, ни старта не было видно. Взоры гостей и хозяев внимательно устремлены в никуда. На груди Фиделя Кастро Золотая Звезда Героя Советского Союза и орден Ленина.

Отец и Кастро расставались друзьями.

Кастро приезжал в нашу страну еще не раз. В январе 1964 года его принимал отец, в последующие годы его преемники. Но такой встречи не могло повториться.

В тот год страна приветствовала не просто лидера дружественной державы, а Героя.



7

Странно порой выстраиваются события. Только что миновал Карибский кризис, а Москву уже будоражили иные проблемы. В ноябре 1962 года в одиннадцатой книге журнала «Новый мир» появилась повесть никому тогда не известного автора Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

На меня она произвела ошеломляющее, поворотное впечатление: одно дело знать, другое — почувствовать. Доклад отца на XX съезде объявил о преступлениях Сталина. Цифры и фамилии погибших звучали сухо, абстрактно, за ними не проглядывали конкретные судьбы. Что такое цифры? Подставишь нолик — станет в десять раз больше. Чего больше? Пудов урожая? Или людей, вповалку закопанных во рвах?

«Иван Денисович» высветил весь ужас нечеловеческой жизни, нечеловеческой судьбы. Он предвещал кризис, очистительный кризис. Началась борьба не с отдельными проявлениями, недостатками и извращениями, а с системой, порождающей все эти ужасы.

По крайней мере для меня.

Повесть, без сомнения, не имела ни малейших шансов пробиться. Даже такая безобидная вещь, как «Синяя тетрадь» Казакевича, о хрестоматийном периоде пребывания Ленина в Разливе, не смогла сдвинуться с места из-за одного имени Зиновьева. Уже много лет не упоминалось нигде, что в шалаше Ильич жил не один, а с напарником.

Суслов встал насмерть. Только вмешательство отца не позволило рукописи остаться на полке. Он посмеивался, вспоминая, как Суслов протестовал против

публикации, он не мог позволить автору устами Ленина назвать Зиновьева «товарищем».

— А как же ему было его звать? Ведь они скрывались вместе, — прекратил бесплодные пререкания отец. «Синяя тетрадь», минуя цензуру, пошла в печать.

Сейчас дело обстояло посложнее. Автор замахивался на большее. Александр Трифонович Твардовский, главный редактор «Нового мира», еще летом передал рукопись помощнику отца Владимиру Семеновичу Лебедеву. В число многих его обязанностей входило и надзирание за литературой. На счастье, он оказался человеком совестливым, чувствующим, тонким.

«Иван Денисович» стал не первым, но одним из самых сложных его протеже. Лебедев пообещал Твардовскому улучить момент, доложить отцу. В положительной реакции он не сомневался, нужно только все правильно рассчитать. Помощники по возможности избегают докладывать «провальные» вещи. Каждая неудача — это удар и по их репутации.

Подходящий момент выдался только в сентябре, когда отец отправился в Пицунду догуливать прерванный полетом космонавтов Николаева и Поповича отпуск.

Эти две недели на берегу моря выдались относительно спокойными. Корабли на Кубу шли по графику, на острове разворачивались работы по монтажу стартов, ничто не предвещало бури.

В один из вечеров на вопрос: «Ну что там у Вас еще?» — Лебедев ответил, что Твардовский принес повесть молодого автора, прошедшего сталинские лагеря, просит совета. Лебедев объяснил, что Александр Трифонович в превосходной степени характеризует литературные достоинства произведения, но тема очень сложная, тут необходима политическая оценка.

— Ну что ж, давайте почитаем, — благодушно отозвался отец.

Лебедев начал читать вслух. Отец любил такие слушания, они позволяли расслабиться, дать отдых натруженным на сотнях и тысячах машинописных страниц глазам. В случае чего, если повествование оказывалось нудным, он позволял себе и вздремнуть. На этот раз отец слушал со все возрастающим вниманием.

Владимир Семенович рассказывал, что у отца не возникло ни малейших сомнений. Он считал, что нуж-

но рассказать правду о лагерях, печатать повесть необходимо. Возможно, и он впервые ощутил, что же происходило в те страшные годы на самом деле.

После XXII съезда партии, выноса тела Сталина из Мавзолея отец настроился решительно. Тем не менее давать окончательное заключение в одиночку он не хотел. Свое отношение следовало высказать коллективному руководству.

Повесть срочно размножили по количеству членов и кандидатов в члены Президиума ЦК. Пришлепнули на первую страницу красные печати, запрещающие все — снимать копии, выносить, передавать, но обязывающие вернуть материал по истечении надобности в общий отдел ЦК.

Коллеги уже знали, что отец прочитал рукопись и она ему понравилась. Поэтому даже если у кого и возникали сомнения, их держали при себе, ведь спорить предстояло не с никому не известным Солженицыным и не с Твардовским, а с Первым секретарем ЦК. Через несколько дней книга получила единодушное одобрение, ее признали полезной.

Повесть вышла в свет, опережая естественные сроки: в сентябре дали «добро», в ноябре ее уже читали подписчики. Главный редактор торопился...

* * *

С началом работ над тяжелыми носителями и космическими системами Королеву и Челомею становилось все теснее в своих конструкторских бюро. Требовались новые силы, вливание свежей крови.

В военной области отец окончательно сделал ставку на ракеты. И не только он. Заказы на новые самолеты и пушки сокращались. Создававшиеся десятилетиями коллективы оставались без работы.

В подмосковном Калининграде раскинулось конструкторское бюро Василия Гавриловича Грабина. Там делали пушки. Королева после войны приютили по соседству на артиллерийском заводике. Серьезную организацию под ракеты жертвовать пожалели. Теперь на месте бывшего заводишка вырос промышленный гигант, поглотивший все прилегающие пространства. Дальше расти стало некуда: с одной стороны цеха

вклинивались в городские кварталы, с другой — вплотную прижались к железной дороге.

Там, за железкой, и размещался Грабин. О нем ходили легенды, правда, только в своих засекреченных кругах. Широкая публика, особенно молодые, его практически не знали. Грабин вытащил на себе здоровенный кусок войны: из ста сорока тысяч полевых орудий, прошедших с нашей стороны через фронт, сто двадцать тысяч были изготовлены по проектам Грабина. Теперь он «устарел». Настал час сходить со сцены.

На грабинское наследство нацелились сразу два претендента — Королев и Челомей. Челомей сделал заявку первым, но Королева безоговорочно поддерживал Устинов.

Тяжба длилась около полугода. Челомей не отступал. Его сторону принял заведующий оборонным отделом ЦК Сербин. Дело грозило вылезти на Президиум ЦК. Устинов не хотел рисковать. Оставалось нейтрализовать Челомея. Он нашел решение за счет авиации. Вызвав к себе Владимира Николаевича, Устинов предложил ему «проглотить» фирму Лавочкина. За два года без главного конструктора она все больше хирела, постепенно теряла тематику. Челомей с радостью согласился. О подобном подарке можно было только мечтать: организация с огромной авиационной, а теперь уже и ракетной культурой. Разве могут с ней сравниться, пусть лучшие в стране, пушкари.

Сделка состоялась.

Василия Гавриловича Грабина, генерал-полковника, Героя Социалистического Труда и четырежды лауреата Сталинских премий, отправили доживать заведующим кафедрой в Московское высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана. А у Королева и у Челомея появлялась необходимая дополнительная техническая и научная база для рывка вперед. Оба они теперь грезили Луной. Чтобы обойти Королева, забросить первым космонавтов на соседнюю планету, Челомею недоставало «малого»: следовало придумать ракету, превосходящую Н-1 по всем параметрам.

Оставался, правда, еще третий соперник — американцы. За работами Вернера фон Брауна внимательно следили в обоих конструкторских бюро. Королев — с определенной долей скепсиса. По его мнению, немец-

кий конструктор ошибался, выбрал тупиковое направление. У «Сатурна» он не видел будущего. Даже если лунная программа успешно реализуется, то на пути увеличения грузоподъемности этой конструктивной схемы встанут непреодолимые трудности. В том, что Луна лишь этап, ступенька, Королев не сомневался. За ней последует Марс. Дальше планы становились более расплывчатыми.

У Челомея к Вернеру фон Брауну было иное отношение. По его мнению, американцы выбрали единственно правильный путь, и в соревновании с ними придется попотеть.

В «Сатурне» объединились две школы — немецкая и американская. Челомей ожидал от взаимного оплодотворения немалого результата.

Как бы ни относились Королев и Челомей к «Сатурну», в тот год они сходились в одном: существуют реальные предпосылки выиграть лунную гонку. К сожалению, каждый играл за себя.

* * *

После противостояния вокруг Кубы мир постепенно приходил в себя. Проблемы, казалось, вчера утерявшие актуальность, вновь выходили на передний план. Все как и прежде. Так и не так. Обе стороны как бы повзрослели и помудрели.

Выступая 12 декабря 1962 года на очередной сессии Верховного Совета СССР с докладом о современном международном положении и внешней политике Советского Союза, отец снова вернулся к проблеме Германии.

Он, как и прежде, заявлял, что, если Запад откажется, мы подпишем сепаратный мирный договор с ГДР. Однако тональность его речи изменилась. Не отказываясь от мирного договора, отец сказал, что спешить с ним не следует, мы можем подождать, пока созреют условия.

Свою мысль отец развил через месяц, выступая 16 января 1963 года на VI съезде СЕПГ в Берлине. Пригрозив противникам стомегатонной бомбой, которую, по его словам, и бросать-то в Европе не на кого — она накроет и чужих и своих, отец стал объяснять, почему не имеет смысла форсировать подписание мирного договора.

Он сослался на истинный или придуманный им

самим, уж больно он подходил к теме, разговор двух журналистов, советского и американского:

«...американский журналист спросил советского: «Ну, вы 13 августа как будто получили все, что хотели получить при заключении германского мирного договора?» Советский журналист возразил: «Нет, мирный договор не подписан и, следовательно, дело обстоит не совсем так».

Тогда американец сказал: «Верно, мирный договор еще не подписан, но цель, которую вы преследовали, настаивая на его заключении, почти полностью вами достигнута. Вы закрыли границу, закрыли доступ Западу в Германскую Демократическую Республику. Таким образом, еще не подписав мирного договора, вы получили то, к чему стремились и что хотели получить при заключении этого договора.

И добившись того, чего хотели, — продолжал американский журналист, — вы к тому же получили возможность давить на больную мозоль Запада, которой являются пути доступа в Западный Берлин, пролегающие через территорию Германской Демократической Республики. Пока нет сколько-нибудь твердых международных обязательств, регулирующих доступ, он в общем зависит от правительства ГДР, и они всегда могут, если захотят, усилить или ослабить нажим».

Здесь не все точно, однако американский журналист в какой-то степени подходит к истине. Наш союзник и друг — Германская Демократическая Республика получила то, что необходимо для каждого суверенного государства, — право контролировать свои границы и принимать меры против тех, кто попытался бы ослабить социалистический строй Германской Демократической Республики. Это большое завоевание всех стран социализма — участников Варшавского Договора. И теперь если брать вопрос под углом зрения самых непосредственных интересов социалистических стран, то проблема заключения германского мирного договора действительно стоит не так, как до принятия защитных мер на границе Германской Демократической Республики с Западным Берлином.

... Германский мирный договор не принесет прибылей одним и убытки другим».

Так наметился компромисс. Джон Кеннеди обещал

не вторгаться на Кубу, отец ослабил нажим в Берлине. Установление контроля на границах ГДР, стена, по его мнению, стабилизировали положение. С заключением мирного договора следовало повременить. Собирался ли отец давить на больную мозоль Запада? Думаю, что это время ушло в прошлое.

* * *

На начало февраля отец назначил очередное, посвященное целиком ракетам новое заседание Совета обороны. Он хотел проверить, как мы продвинулись после прошлогоднего сбора в Пицунде. Вопросов накопилось немало.

В отличие от предыдущего совещания, где значительную часть времени посвятили тяжелым носителям, на сей раз упор делался на боевые ракеты.

Что же беспокоило отца? Р-36 значительно превосходила по своим возможностям не только старшую сестру, Р-16, но и все, что у нас создавалось ранее. Однако становилось все очевиднее: проблему создания ядерного щита она не решает. Ракета, как и ожидали, получалась большая, тяжелая. Вслед за ней распухала шахта, вспомогательные помещения. Таких стартов можно было построить единицы, от силы десятки, а Генеральный штаб требовал обеспечения поражения сотен целей. Иначе безопасность страны не гарантировалась.

За последние два года техника заметно продвинулась вперед. Прогресс в ядерных испытаниях позволил резко уменьшить вес боевых частей. Создание новых гироскопов обещало существенно повысить точность попадания. Это в свою очередь позволяло отказаться от многомегатонных термоядерных зарядов. Все вместе создавало новые возможности для конструкторов.

По предложению отца заседание Совета обороны решили устроить в бывшем мясищевском конструкторском бюро в Филях, преобразованном теперь в одну из площадок Челомея. Его позже так и окрестили: «совет в Филях».

Отец хотел не только выслушать доклады, но и своими глазами взглянуть на производство.

Работать намеревались целый день: сначала доклады, потом осмотр выставки. После обеда — принятие решения.

Остановлюсь на главном: решении о создании массовой межконтинентальной ракеты, не уступающей по своим параметрам американскому «Минитмену».

Докладывали Янгель и Челомей. Только что оба закончили эскизные проработки. На суд представили расчеты, компоновки и макеты. Требовалось выбрать лучший вариант. Задача не из простых, ракеты чрезвычайно походили одна на другую. Так не раз случалось в технике. Один и тот же уровень знаний, общая технология. Поневоле конструкторам приходят схожие мысли. Внешне изделия получаются почти близнецами, разнятся заключенными внутри оболочки «изюминками».

У каждого из проектов имелись сторонники, свои болельщики, как среди военных, так и среди чиновников различного ранга, вплоть до самого верха, Совета Министров и Центрального Комитета.

Первым докладывал Янгель. Он начал с подготовки Р-36 к испытаниям, подчеркнул, что предложения по новой ракете основываются на опыте, накопленном в конструкторском бюро за прошедшие годы. Янгель подошел к плакатам и начал не торопясь, подробно излагать суть своего предложения.

Ракета выглядела изящной. Она могла поражать точечные цели и значительно более длительное время находиться на стартовой позиции в заправленном состоянии. Как и во всех предыдущих разработках, здесь использовались высокотемпературные компоненты топлива и окислителя, основанные на соединениях азота. Но сейчас Янгель, казалось, нашел решение, как укротить все разъедающую кислоту. Сообщение прозвучало убедительно.

Ответив на многочисленные вопросы, Янгель сел. За столом президиума отец о чем-то переговаривался с Малиновским. Следующим выступал Челомей. В мою задачу входило помочь ему поскорее повесить плакаты. Смена декорации произошла в считанные минуты. Я снова занял свое место в заднем ряду, в углу у большого окна, зашторенного белой шелковой занавеской.

Челомей подошел к первому плакату, обвел его взглядом, задержался на заголовке и начал: «Управляемая межконтинентальная баллистическая ракета УР-100». Затем, глубоко вздохнув, без предисловий

приступил к главному. Он сказал, что ключевыми задачами в современном боевом ракетостроении являются точность поражения цели, позволяющая резко уменьшить эквивалент и вес головной части и способность ракеты длительно пребывать в боевой готовности.

Нужно сказать, что положение второго докладчика осложнялось тем, что для обеих представляемых ракет входящие в них компоненты делались одними и теми же организациями. Системой управления занимались Пилюгин и Кузнецов, двигателями — Глушко, стартовыми комплексами — Бармин. Они, естественно, унифицировали свои разработки. Иначе и быть не могло. Новая ракета являлась средоточием последних достижений науки и технологии. Иных технических решений не существовало.

Челомей продолжал. Главная задача, которую он стремился решить в новой разработке: долговременная автономность ракеты и полная автоматизация ее запуска. Пока не решены эти проблемы, массовая постановка межконтинентальных ракет на дежурство останется утопией. Если сохранить принятые на сегодня технические решения, то для обслуживания ракет потребуются все технические и людские ресурсы страны. Он привел пример: при предстартовой подготовке оператор должен произвести множество измерений. Подсчитано, что для соединения планируемого Генеральным штабом количества стартов с их командными пунктами не хватит годовой кабельной продукции Советского Союза. Даже если забрать все, до последнего проводочка.

Отец с удивлением посмотрел на Челомея. Однако, вопреки своей привычке перебивать докладчиков репликами, он на этот раз промолчал.

— Еще сложнее дело обстоит с несением боевой службы, — продолжал Владимир Николаевич. — Дело не только в обеспечении практически мгновенного запуска. Это очевидно. Каждый лишний год ресурса ракеты сэкономит государству огромные средства. Пока ракета стоит, она, как говорится, есть не просит. Как только истечет отведенный ей срок — начнутся огромные траты: регламентные работы, ремонт и, наконец, замена. Расходы выливаются во многие миллиарды.

Отец слушал внимательно, такой хозяйский, госу-

дарственный подход ему явно пришелся по душе. Он то и дело кивал головой, как бы подбадривая выступающего.

— Что определяет предельный срок службы ракеты? — спрашивал Челомей и тут же отвечал: — В первую очередь агрессивность компонентов.

Он не стал углубляться в проблему, лишь отметил, что за океаном постоянную готовность и длительность хранения обеспечивают за счет применения твердотопливных ракет. У нас попытки создания твердотопливных межконтинентальных ракет в ближайшие годы обречены на неудачу. Это нужно признать, и с этим нельзя не считаться. По его мнению, следует сосредоточить усилия там, где мы сильны, а не там, где слабы.

— За последние годы накопился большой опыт работы с азотными соединениями, — перешел Челомей к главному. — Несмотря на все отрицательные стороны, мы научились с ними работать и, проявив некоторую инженерную смекалку, сможем их себе подчинить. Пусть американцы занимаются порохами, мы сделаем ставку на кислоту.

Подойдя к плакату, Владимир Николаевич, стал указкой водить по красиво раскрашенному чертежу ракеты. Почти весь ее объем занимали баки, соединенные кишками трубопроводов с четырехсопельным ракетным двигателем. Именно здесь скрывалась «изюминка». Специальная обработка внутренности баков, система особо стойких трубопроводов, хитрые мембраны — все это, собранное в многоступенчатую схему, обеспечивало ракете многие годы безопасного хранения и мгновенную инициацию в заданный момент.

Челомей привел результаты проведенных экспериментов: принятые меры герметизации не позволили обнаружить рядом с установкой даже следов вредных примесей.

— Наша ракета, — продолжал Челомей, — чем-то похожа на запаянную ампулу, до срока ее содержимое полностью изолировано от внешнего мира, а в самый последний момент, по команде «старт», прорвутся мембраны, компоненты устремятся в двигатели, и — запуск. В результате принятых мер, несмотря на столь грозное содержимое, в период дежурства она столь же безопасна, как и твердотопливная.

Владимир Николаевич подошел к следующему плакату. На нем демонстрировались стадии подготовки ракеты к боевому старту. Счет шел на секунды. Ракета успевала стартовать до того, как запущенные из-за океана боеголовки поразят старты. «Сотка», так прозвали УР-100, успевала.

Челомей замолчал. Он закончил свое сообщение. Затаившие дыхание слушатели зашевелились, зал загудел.

Судя по реакции, Челомей выигрывал. По крайней мере,отец ему явно симпатизировал. Дементьев победно улыбался, Устинов мрачно уставился перед собой. За докладом последовали нескончаемые вопросы. Челомей отвечал уверенно, четко. Чувствовалось, что ракету он выстрадал.

Первая часть заседания закончилась. Присутствующие разбились на группки и под руководством специально выделенных экскурсоводов отправились осматривать экспозицию. Я прибился к первой, где собралось высокое начальство во главе с отцом. Ее, на правах хозяина, вел Челомей.

Начали с цехов. Программу показа построили, следуя этапам производства «двухсотки». В опорных точках стояли стенды, демонстрирующие конструктивные находки, новые технологические приемы. Челомей, давая пояснения, горячился, доказывал, насколько благотворно сказывалось перенесение высокой авиационной культуры на производстве ракет. «Двухсотка» получалась легче, проще в производстве, чем ее сестры.

Отец, не перебивая, слушал Генерального конструктора, когда ему протягивали особо выдающуюся деталь, щупал ее, разглядывал. Но я видел, что делает он это из вежливости, чтобы не обидеть хозяина. На самом деле его мысли были заняты чем-то иным, здесь же все ясно: ракету они сделают, а все эти ухищрения — удел специалистов. Отец не любил забивать голову ненужной информацией. В сборочном цехе он оживился, — на ложементах серебрилась готовая ракета. Правда, это пока макет, головные летные образцы находились чуть поодаль, на линии сборки. По случаю визита высокого начальства работы приостановились, но все свидетельствовало — как только уйдут экскурсанты, длинные сигары облепят механики, электрики, гидравлики.

15—965

Отец поздравил Челомея с первыми успехами на новом поприще, шутливо пожелал ни пуха ни пера. И, не услышав традиционного пожелания отправляться «к черту», ехидно заметил: «Удачи не будет». Челомей только неопределенно повел плечами. Как и все авиационники, в душе он оставался немного суеверным.

Дальше путь лежал в конструкторское бюро, на выставку.

Уже на пороге цеха отец вдруг вспомнил, как несколько лет тому назад здесь, может быть, именно в этом цехе, он осматривал мясищевский М-4 и силился получить положительный ответ на вопрос о возможности дотянуться до Америки. Тогда его ему не удалось добиться. Западное полушарие, прикрытое просторами океанов, оставалось недостижимым.

Отец заговорил о том, как быстро и далеко за последние годы продвинулась техника. Он не мог остановиться, ракеты стали его коньком. Присутствующие внимательно слушали, многие уже в который раз.

Наконец отец остановился, мгновение помолчал и, обращаясь к хозяину, проговорил:

— Пошли дальше.

В залах КБ выстроилось множество экспонатов. В память запали только некоторые эпизоды.

У начала военно-морского раздела выставки инициативу перехватил адмирал Горшков. По сравнению с прошлогодней демонстрацией на Северном флоте новинок почти не прибавилось. Внимание отца привлек раздел морской космической разведки. Моряки заказали целую гамму специализированных спутников, способных поставлять разнообразную информацию. Внимательно выслушав рассказ, отец сказал какие-то одобрительные слова Горшкову и завертел головой, отыскивая кого-то в толпе. Не нашел и обратился к попавшемуся на глаза работнику конструкторского бюро:

— Разыщите вон там, — отец показал рукой в соседний зал, где хозяйничали сухопутные войска, — длинного маршала и ведите его сюда.

Через несколько минут в зал вошел широко улыбающийся Гречко. Отец не был настроен шутить. Он ткнул пальцем в макет спутника-разведчика, потом в живот Гречко.

— У тебя ничего нет, — грозно насупился он на

Гречко и, обернувшись к Горшкову, закончил фразу улыбкой: — А у него все есть. Почему?

Гречко молчал. Он уже не улыбался, стоял, склонив голову, с видом провинившегося школьника. По выражению его глаз было видно, что выговор он всерьез не принимает.

— Потому что не работаете, ленитесь, — так и не дождался ответа отец, — берите пример с моряков.

Гречко охотно закивал головой. Всем своим видом демонстрируя готовность брать пример с кого угодно.

— Ну, пошли, посмотрим, что у тебя выставлено, — теперь отец уже обращался к Гречко.

В соседнем зале громоздились образцы ядерного и обычного оружия поля боя. Гречко подвел отца к макету усовершенствованной «Луны», тактической ракетной установки. Рядом на стене висел плакат, изображавший длинножерлую пушку. Присутствующие догадывались, о чем пойдет речь. Гречко давно «пробивал» ядерное вооружение армейских соединений на корпусном и даже дивизионном уровне.

Сейчас он привел последние американские данные: кроме «Онест Джона» они обильно оснащали свои сухопутные войска дальнобойными пушками, способными стрелять ядерными снарядами. Подразделения пехоты получали в свое распоряжение атомные мины и фугасы. Поговаривали чуть ли не о переносном ядерном снаряде, пускаемом с плеча, как фаустпатрон.

У нас же, по словам Гречко, дела обстояли катастрофически. Кроме «Луны», практически не на что и рассчитывать. Правда, недавно приняли на вооружение Р-13, но она по своим параметрам уже претендовала на следующий оперативный уровень. Гречко стал горячиться, убеждать отца, что без тактического ядерного оружия армия не сможет противостоять вероятному противнику. Без применения на поле боя тактических атомных зарядов, совсем маленьких — он сближал ладони своих длинных рук, демонстрируя их миниатюрность, — с эквивалентом одна — две килотонны, выиграть современное сражение невозможно.

На сей раз глаза его не смеялись, речь шла о серьезном деле, а не о всяких там космических штучках. В них Гречко не особенно верил — игрушки. Набычившись, он напирал на отца, нависая над ним с высоты

своего почти двухметрового роста. Отец отступал назад, он не любил обращаться к собеседнику, высоко задирая голову.

— Да отойди ты на два шага, — отцу надоело пятиться.

Обстановка несколько разрядилась.

— И не уговаривай меня, нет у меня денег, — продолжал отец, — на все не напасешься.

Он явно не хотел вступать в пререкания, все давно было говорено-переговорено. Отец не жаловал тактическое ядерное оружие. Ядерное оружие ему служило не инструментом войны, а аргументом в политических битвах, средством давления, устрашения, пусть даже шантажа. Но применять его?!

Целям отца отвечали стомегатонные заряды, для которых Европа тесна. Мегатонные боеголовки ракет различной дальности, нацеленные на столицы вероятных противников, эффективно остужали горячие головы.

Вся эта «мелочь» казалась отцу очень опасной своей приземленностью, снижающей порог страха. К тому же стоило подобное «удовольствие» чрезвычайно дорого. Славский докладывал, что заряд для атомной пушки с эквивалентом в полторы килотонны обходится не дешевле мегатонной боеголовки межконтинентальной ракеты. Если всерьез заняться оснащением сухопутных войск атомным оружием, то счет пойдет даже не на тысячи, а на десятки тысяч.

Отец держался твердо: «Нет!»

Правда, сделали две опытные дальнобойные пушки, способные забрасывать ядерный боеприпас километров на тридцать. Их возили регулярно два раза в год на парады на Красной площади. На показах они стреляли с ужасающим грохотом. Но дальше дело не пошло. Предложения о серийном производстве отец отвергал с порога. Поколебать его не удалось ни маршалам, ни Устинову. Так эти два монстра и существовали парой.

С «Луной» обстояло полегче. Ее выпускали серийно, в основном с обычным зарядом. Атомных боеголовок производилось немного.

О минах и фугасах отец и слушать не хотел. Ссылки на американцев на отца не действовали. Он давно привык к угрозам: в случае невыделения средств оказаться в хвосте. Он придерживался своей точки зрения:

если протратишься на все эти «игрушки», то уж точно проиграешь. Американцы, если им нравится, пусть пускают деньги на ветер. По мнению отца, если начнется ядерная война, то будет не до «поля боя».

В тот день приняли окончательное решение Совета обороны о нецелесообразности развития этого направления ядерного вооружения. Гречко пришлось смириться. Оставшиеся полтора года он безуспешно пытался склонить отца на свою сторону.

Когда отца отправили в отставку, с Брежневым Гречко договорился без труда. Леонид Ильич вошел в положение. С тех пор счет ядерных боезарядов пошел на тысячи, потом перевалил четырехнулевую отметку и покатился дальше...

После обеда снова собрались в конференц-зале. Предстояло обсуждение и принятие решений.

Начали с ракет. Кому отдать предпочтение? За обедом отец перемолвился на эту тему с Козловым и Брежневым. Ему приглянулись предложения Челомея, но он хотел подтверждения. К тому же отец не забывал: там работаю я, и мое присутствие создавало для него определенные осложнения. Всегда могут кивнуть: «Знаем, чем вызвана такая благосклонность». В те дни на эту тему ходило немало сплетен, а в последующие годы языки и вовсе развязались. Нашлись ретивые чиновники, с удовольствием списавшие свои просчеты на «понятное пристрастие» отца к «одной известной фирме». Мне ни оправдывать отца, ни оправдываться самому некорректно, да и бессмысленно.

Козлов и Брежнев поддержали отца. Трудно сказать, что перевесило: нежелание спорить или искреннее согласие. Впрочем, Козлов в последнее время проявлял все большую независимость суждений.

На заседании отец высказался за Челомея. Перечить ему никто не стал. Янгель выглядел просто убитым. Устинов расстроился. Желая поддержать Михаила Кузьмича, отец стал говорить добрые слова о его больших заслугах, о важности работы над «тридцать шестой» ракетой. Они не утешали, а только бередили рану. Второе поражение подряд — так оценивал Янгель сегодняшнее решение. В Пицунде не приняли тяжелый носитель, там победил Королев, сегодня предпочли Челомея.

С этого заседания Совета обороны началась история создания советской ракетной мощи. Вышедшее через месяц постановление правительства задало сроки и оговорило конкретные параметры первой советской массовой межконтинентальной ракеты...

Дальше зашла речь о кадровых перемещениях. Отец задумал продвинуть вверх Устинова, поручив ему координацию деятельности совнархозов в масштабах страны. Предполагалось создать новый орган — Высший Совет народного хозяйства, и председателем его в ранге первого заместителя Председателя Совета Министров СССР сделать Устинова. На его место отец предложил назначить директора янгелевского завода Леонида Васильевича Смирнова. Во время своего посещения два года назад отец отметил ухоженность предприятия и деловитость его директора. Да и в ракетах он специалист.

В последние годы отец предпочитал выдвигать на самый верх людей производства, не обюрократившихся в министерских креслах, не поднаторевших в кабинетных играх.

Казалось, заседание подходило к концу. Основной вопрос о новой ракете разрешился, оставались мелочи. Однако бывает, когда, казалось бы, пустяк взбухает, увлекает собравшихся в дискуссию, разрастается в проблему.

Разговор начал Малиновский. До этого он насупленно молчал. В течение всего заседания едва ли произнес несколько слов.

По его мнению, дела в армии обстояли неладно. Особенно с личным составом. В половине шестидесятых годов приходят служить дети, рожденные в годы войны. А какая тогда была рождаемость?! Мужики все на фронте. Сейчас призывать некого, подразделения не добирают численности личного состава. Особенно вредными министр считал различные льготы, позволявшие получить отсрочку, а то и вовсе уклониться от призыва.

К Малиновскому присоединился Гречко. Основное зло ему виделось в освобождении студентов от военной службы. Он доказывал: студент, пройдя армию, станет настоящим мужчиной, служба пойдет только на пользу. Гречко выступил также и против военных кафедр, выпускающих из высшего военно-учебного заведения офицеров запаса. Не нравились они ему своей

штатскостью, неумением командовать, незнанием воинской службы. Кафедры надлежало закрыть, и за этот счет увеличить набор в военные училища.

Гречко спешил высказать наболевшее, срывался порой на скороговорку. Другая ошибка, за которую по его мнению, сейчас приходится расплачиваться, это сокращение сроков службы в армии с трех лет до двух, а на флоте — с четырех до трех. Это было непростительное решение: техника все усложняется, обучение занимает все больше времени. Солдат и послужить не успевает, как подходит пора демобилизации. Получается не армия, а двухгодичные курсы. Он предлагал восстановить старый порядок и, более того, в родах войск, оснащаемых особо сложной техникой, продлить службу до четырех лет, а возможно, и больше.

Гречко закончил. В зале установилось напряженное молчание. Сидевшие за столом маршалы так и вцепились взглядами в отца. Чувствовалось, что вопрос не нов и в нем они едины. Только никак не удается убедить главнокомандующего. Отец молчал. Лицо его, еще совсем недавно такое улыбающееся, помрачнело. Маленькие карие глазки так и буравили то Гречко, то Малиновского. Гречко поежился, попытался пошутить, но отец не принял игривого тона, и тот сник.

Мы, представители промышленности, чувствовали себя не в своей тарелке, как будто случайно зашли в не очень знакомый дом и неожиданно вклинились в выяснение отношений. И уйти неудобно, и оставаться невозможно.

Отец собрался с мыслями, встал. Говорил он сначала медленно, выдерживая между словами длинные паузы, как бы примериваясь.

Он начал с риторического вопроса: кто кому служит — армия народу или народ армии? Сроки службы, по его словам, сократили не случайно, а после долгих сомнений. Народному хозяйству требуются рабочие руки, их не хватает везде, куда ни глянь, а тем временем молодые люди только потребляют и ничего не производят.

— Вы когда-нибудь задумывались, сколько полезных вещей производят за год вернувшиеся из армии военнослужащие? — он вонзил взгляд в Гречко. Тот заерзал, не зная, что ответить, но отец и не ждал ответа.

Отец сказал, что, конечно, за 3 года можно изучить военное дело лучше, чем за 2, а за 5 еще лучше. Тут он припомнил, что при Николае I служили 25 лет — вот это, наверное, и есть тот идеал, к которому стремится маршал?

Гречко, с притворным ужасом, отрицательно замотал головой.

Отец заговорил о том, что надо думать в первую очередь об укреплении экономики страны. Если она будет здоровой, то никакие империалисты нам не страшны. Конечно, пока без армии не обойтись, но нужно подходить ко всему разумно, отыскать то соотношение, когда и хозяйству причиняется меньший ущерб, и оборона не страдает.

Отец не возражал, со сложной техникой могут управиться только хорошо обученные специалисты, но тут и 5 лет может не хватить. По его мнению, нужно искать новые пути, а не ломиться в давно закрытую дверь.

— Думать надо, примериваться по-новому, — впервые улыбнулся он. Гречко заулыбался в ответ. Малиновский продолжал мрачно глядеть в пол. Остальные военачальники ерзали на своих стульях, явно неудовлетворенные.

— Что же касается студентов, — продолжал отец, — то вы просто не понимаете. Иначе и не поднимали бы столь глупый вопрос. Это же надо придумать, мы тратим миллиарды на подготовку необходимейших специалистов, а вы их хвать — и ать, два!

Отец даже вспотел от возмущения. Он сказал, что нужно принять решение о военных кафедрах, если они неудовлетворительно работают, выпускают брак, но призывать студентов — это вредительство. Мы живем интересами народа, интересами государства, ему нужны грамотные инженеры, агрономы и другие специалисты, делающие нашу жизнь краше. Их труд и обязана охранять армия. Гречко же, по словам отца, старается все перевернуть с ног на голову: если всех призвать в армию, то защищать будет некого и армия окажется не нужна.

— Нам необходимы специалисты, и мы их будем готовить в институтах. Армейские же проблемы следует решать не за счет народа, — закончил отец и затем

добавил: — Тут есть о чем подумать. Но студентов призывать — это, в государственном раскладе, недопустимое расточительство, просто транжирство. Как вы не понимаете?

Вопрос со студентами отпал. Правда, на время ни Малиновский, ни Гречко не считали себя побежденными. Они еще и еще раз поднимали его перед отцом. Каждый раз безуспешно. Только после его отставки Гречко удалось убедить правительство.

Отец продолжал как бы размышлять вслух. Последнее время его все больше занимала проблема: какой должна стать армия в будущем. О разоружении пока приходилось только мечтать. Как сделать так, чтобы она, обеспечивая нашу безопасность, не висела бы гирей на шее у народа. Он считал, что пришло время подойти к проблеме обеспечения обороноспособности по-новому. Мы сейчас мыслим категориями второй мировой войны: танками, самолетами, бронетранспортерами, количеством орудий на километр фронта. Все это напоминает предвоенную ситуацию, когда во главу угла ставились прославленные, но безнадежно устаревшие кавалеристы с шашкой и пулемет на тачанке. Слишком поздно мы поняли, что эти времена безвозвратно ушли. За науку пришлось заплатить большой кровью. Сейчас ракеты, атомные заряды сделали весь наш предыдущий военный опыт устаревшим.

Современная война никак не походит на то, что мы видели, она становится страшнее, изощреннее, из войны моторов превращается в войну умов. Настало время, когда выигрывает не тот, кто рассчитывает победить в войне, а тот, кому удастся ее предотвратить. Дальше отец стал говорить совершенно непривычные вещи, мне они показались не только крамольными, но и невероятными. Отец считал, что структура армии безнадежно устарела. Ракеты, изменив коренным образом соотношение сил, резко сдвинули все понятия.

— Возьмем, к примеру, танки, — развивал он свою мысль, — во время прошлой войны они служили ядром наступления и стержнем в обороне. Они были неуязвимы для стрелкового оружия и поддавались только пушке, а из нее еще попробуй попасть. Неизвестно, кто первый изловчится: артиллеристы накроют танк или танкисты подавят батареи? Борьба шла на равных. В конце войны все поменялось, немцы своими

фаустпатронами жгли танки, оставаясь практически неуязвимыми. Просто наше преимущество в те месяцы было настолько велико, что мы не ощутили этих изменений. А ведь с фаустпатронами требовалось подобраться вплотную. Сегодня противотанковая ракета уничтожает бронированные машины на пределе дальности их собственного огня, за несколько километров. Танки, самоходные орудия, бронетранспортеры становятся просто ловушками для экипажей. А мы бездумно даем новые и новые заказы? Тратим миллиарды.

Самолеты тоже практически потеряли былое значение. Зенитные ракеты резко сокращают их боевые возможности. Если раньше стрельба с земли в воздух не приносила результатов, то теперь достаточно одной, ну двух ракет. И тут следует пересматривать устоявшиеся взгляды.

Отдельно отец остановился на боевых вертолетах. В то время шло много споров об их потенциальных боевых возможностях: внедрятся ли они в качестве боевых машин в армию или их удел — транспорт, перевозка раненых?

Отец принадлежал к скептикам. По его мнению, соревнование с зенитными ракетами вертолеты проиграют. При их неповоротливости им уготована гибель.

Пройдясь по частностям, отец перешел к главному.

— Основой обороны сегодня являются стратегические ракеты — межконтинентальные, промежуточной и средней дальности. Они держат под ударом, под страхом смерти всю территорию противника, как бы далеко он ни находился, как бы ни защищался. Даже если когда-то научатся сбивать ракеты, все равно какая-то их часть прорвется, а нескольких боеголовок вполне достаточно, чтобы отвадить любого агрессора.

Отец глянул в направлении маршала Захарова, начальника Генерального штаба, и с ехидцей заметил: «Вы планируете сотни целей, а и десятка ракет с термоядерными зарядами достаточно, чтобы сделать саму мысль о войне бессмысленной».

По его мнению, ни один политик и не помыслит о войне под угрозой неотвратимого возмездия.

Сегодня это тривиальные истины, а тогда подобная точка зрения звучала непривычно. В генеральных штабах и у нас, и за океаном всерьез занимались стратегией и тактикой ведения боевых действий после массированной ядерной атаки, всерьез надеялись на после-

ядерную победу. Планировались запасы, транспортные средства, простейшее вооружение — ведь промышленность погибнет и воевать придется «палками». Вот и победит тот, у кого «палки» будут подлиннее и их будет побольше. И все это вполне серьезно.

Отец принадлежал к тем, кто не верил в возможность существования послеядерного века: или войну удастся остановить, или... только могильный мрак.

Если же ракеты с ядерными зарядами делают войну между великими державами бессмысленной, то, как рачительный хозяин, он не видел смысла тратиться на гигантскую армию. Мы, держава социалистическая, не колонизаторы, завоевывать никого не собираемся — на этом он стоял твердо.

Отец увлекся, он уже не спорил, а как бы вглядывался в будущее.

— Если ракеты способны нас защитить, то зачем нам держать такую армию? — повторил он.

Присутствующие молчали, вопрос маршалам явно не понравился.

— Мы можем использовать средства, которые сегодня тратим на оборону, — продолжал отец, — с большей пользой.

По его мнению, необходимо пересмотреть всю структуру вооруженных сил — оставить очень небольшую, но очень квалифицированную армию. Слово «профессинальная» тогда не произносилось, его как бы и не знали. И я не стану им пользоваться, чтобы ненароком не перепрыгнуть из 60-х годов в 90-е. Ядро этой армии — Ракетные войска стратегического назначения, они сдержат возможных агрессоров. Вокруг них расположится небольшая, очень мобильная группировка. Ее цель — защитить пусковые установки, обезопасить их от неожиданностей.

Остальная армия, по мысли отца, должна строиться на региональной милиционной основе. Ее бойцы могли бы жить по домам, заниматься полезным трудом, но какое-то время тратить на военную подготовку. Под ружье они становились бы только при возникновении реальной опасности для государства.

Отец замолчал, поглядывая на собеседников, как бы оценивая впечатление, произведенное его словами. В такой постановке я услышал о его планах впервые.

В зале установилось напряженное молчание, поддержки у отца не было, возразить никто не решался.

— В таком случае и проблемы со студентами не будет, — улыбнулся отец, — и увеличивать срок службы не придется. Если человек живет дома, работает, то военной подготовкой можно его занимать столько лет, сколько понадобится.

И как бы спохватившись, добавил:

— Конечно, не в ущерб работе.

Отец сказал, что все это пока мысли вслух, надо как следует подумать, а главное, осуществить задуманное удастся только после того, как у нас появится достаточное количество ракет.

Военные оживились.

— Кстати о ракетах, — отец повернулся к Устинову, — надо задуматься о будущем. Не бесконечное же количество их нам требуется. Несколько сотен, ну тысяча. А дальше? Заводы встанут? Это не по-хозяйски. Прикиньте, товарищ Устинов, чем полезным для людей их можно загрузить.

Устинов кивал головой, записывал в блокнот. Теперь ему предстояло глядеть на дела с иной колокольни.

— Вот у товарища Янгеля, — продолжил свою мысль отец, — огромный завод. Там производят кроме ракет еще и тракторы. Но нам так много тракторов не нужно, а завтра и с ракетами может произойти затоваривание. Может быть, им освоить еще и судостроение? В хороших речных судах у нас большая потребность.

Это заявление прозвучало как гром с ясного неба. Янгель с удивлением и некоторым испугом посмотрел на отца, попытался что-то сказать, по всей вероятности, возразить, но передумал и остался сидеть неподвижно.

Вмешался Козлов, сказав, что все следует очень внимательно взвесить.

Отец не возражал, кивнул: «Это дело будущего, пока давайте делать хорошие ракеты».

Время, отведенное отцу, истекало. Ракеты сделали. Долгие двадцать лет никто не вспоминал ни о реорганизации армии, ни о переводе ракетных заводов на выпуск мирной продукции. Сейчас это называется конверсией.

Выступление отца завершило заседание. Попрощавшись с присутствующими, он поехал в ЦК, там еще

оставались на сегодня какие-то дела. С ним уехал и Козлов.

Брежнев долго и прочувственно тряс руку Челомею, поздравляя его с заслуженным успехом.

Устинов, сухим кивком попрощавшись с присутствующими, отбыл к себе в Кремль.

Остальные участники заседания, кто заворачивая попрощаться с Челомеем, кто прямиком, потянулись к выходу.

Наконец все разошлись. Владимир Николаевич собрал своих сотрудников в кабинете. Никто ведь еще не знал, что решили. Доступ в зал был строго ограничен. Челомей коротко рассказал о том, что касалось «сотки». Присутствующие бросились поздравлять друг друга.

Челомей сидел у окна, задумавшись, общее оживление как бы обтекало его. Через несколько минут он очнулся и проговорил:

— Эта такая ответственность... — и снова замолк, потом добавил: — «Сотка» — главная задача, главное дело моей жизни.

Мое ухо резанула некоторая высокопарность этих слов, но последующие годы подтвердили, что дело обстояло именно так.

* * *

Козлов все больше набирал силу. Сменив Кириченко на посту второго секретаря ЦК в мае 1960 года, он постепенно пускал корни, подбирал под себя отделы ЦК, обкомы.

Замена второго секретаря не таила под собой политической подоплеки. Я уже писал об этом. Да и Кириченко и Игнатова никто не решится поставить «левее» Козлова. Как показала история, все собранные отцом новые члены Президиума ЦК занимали примерно одинаковую позицию. Да иначе и быть не могло. Все они вышли из шинели Сталина. Все они выросли в сталинских стойлах, каждый из них прошел сталинскую школу власти, ни один из них не мог утверждать, что за ним не числится «грехов», которые после XXII съезда не хотелось вспоминать.

С большим или меньшим рвением они «разоблачали преступления» Сталина, поминали невинные жертвы не в силу внутренней потребности, а отдавая дань

обстоятельствам, необходимости идти след в след за Первым. Шаг вправо или шаг влево, конвоиры стреляют без предупреждения. Лагерным духом было пронизано все наше общество. Чем выше место в иерархии занимал человек, чем больше он мог терять, тем жестче придерживался он неписаных, а от того еще более жестоких правил. Свежие ростки пробивались не в центре, а на периферии пирамиды. Там, где в свое время прополка велась менее тщательно. То такой «свой» Эренбург вдруг, чуть послабело, проявил себя в «Оттепели», то лезли недовыполотые Евтушенки с Вознесенскими. Они вызывали у «правоверных» ненависть, замешенную на страхе, но затоптать их сил уже недоставало.

В самом же аппарате за эти годы мало что изменилось. Да и не могло измениться. Люди пересаживались из кресла в кресло, иногда низвергались в пропасть, и на их место возносились такие же выученики эпохи. Справиться с ними одному человеку было не под силу. Отцу то казалось, что с очередной реорганизацией все встало на свои места, наконец кресла заняли достойные люди, то он жаловался своему старому другу Алексею Владимировичу Снегову*, что, «идя по коридору, чувствует спиной, как его расстреливают взглядами». Однако и он поделать ничего не мог. Централизованная система, будь она основана на министерствах или чуть разбавлена совнархозами, требовала аппарата, не могла существовать без него. Отцу оставалось только уповать на честность аппарата, его приверженность социалистической идее, преданность общему делу.

Смена 4 мая 1960 года ключевых лиц в секретариате ЦК произошла не в результате «борьбы под одеялом», как саркастически называл аппаратные игры сэр Уинстон Черчилль, а явилась очередной попыткой отца подобрать помощников поквалифицированнее. Сделать это оказалось нелегко. В условиях жесткой централизации на микроскопической площадке вершины пирамиды власти умещается мизерное число претен-

*А. В. Снегов, в 20—30-е годы активный функционер коммунистической партии. В течение ряда лет работал на Украине вместе с отцом. В 30-е годы был арестован и вышел из тюрьмы после смерти И. В. Сталина. Принимал активное участие в реабилитации жертв сталинских репрессий. — *С. Х.*

дентов. Выбирать, собственно, оказывалось не из кого: пять, десять, от силы двадцать человек.

Неотесанный Кириченко ушел в тень. Козлов в те годы представлялся более, нет, не интеллигентным, а умелым, лучше приспосабливающимся к обстановке. Он не только приспосабливался, но и намеревался управиться с ней. Если Кириченко во всем слепо следовал отцу, то у Козлова постепенно стал вырабатываться свой курс, он шел, чуть отступив от отца вправо. Но это никак не относится к 60-му году. И даже к 62-му. В период Карибского кризиса он не занимал особой позиции, вместе со всеми твердо стоял «за».

В начале 63-го что-то начало меняться, почти неуловимо. Фрол Романович стал держаться по отношению к отцу чуть-чуть независимее. С точки зрения взаимоотношений в любом нормальном руководстве тут нет ничего особенного. Но в Москве тех лет все пристально следили за нюансами. Возможно, для других симптомы стали заметны несколько раньше, ведь перемены в отношениях в окружении лидера распространяются сначала вниз.

Только с дистанции в десятилетия становится возможным оценить, как медленно мы вылезали из сталинских сапог единовластия. Покончив с деспотией, делали первые, робкие шаги к демократии. Тогда «коллективное руководство», дружно голосовавшее за все предложения «Первого», воспринималось как значительное достижение. Вероятно, так оно и было. Издалека он представляется робким и таким незначительным, но он «первый».

Зрела какая-нибудь оппозиция отцу в 1962—1963 годах? Мне трудно сказать. Недовольство отцом существовало всегда. Но одно дело недовольство и сопровождающие его анекдоты, а совсем другое, когда в аморфной среде начинает выкристаллизовываться ядро. Лично я сомневаюсь.

Отцу Козлов нравился. Решение многих конкретных вопросов он брал на себя, контролировал их исполнение, был собран и четок, не нуждался в мелочной опеке. То, что он порой возражал, спорил, скорее вызывало уважение у отца, чем раздражало. Аргументы его, как правило, оказывались обоснованными,

а без спора, без борьбы мнений работать становится не только скучнее, но и труднее. Особенно для такого характера, которым обладал отец. Бесконечные согласные кивки, смиренно опущенные вниз или восторженно пожирающие тебя глаза надоедают и настораживают.

В прошедшие годы в Президиуме ЦК один Микоян не во всем соглашался с отцом. Теперь к нему прибавился Козлов. Отцу возникновение «оппозиции» в глубине души даже нравилось. Тем более что «оппозиционеры» чаще придерживались несовпадающих точек зрения. Микоян слыл опытным, осторожным политиком. Козлов — администратор, практик, пусть грубоватый, но хорошо знающий жизнь, умеющий, где надо, нажать, прикрикнуть. В области политики Козлов отражал взгляды правых. Сегодня я бы сказал — сталинистов, но до поры до времени открыто не высказывался. Предпочитал аппаратные стереотипы — «есть мнение», «не надо забегать вперед» или построже — «не искривлять линию».

В тот год в Москве снова много спорили о Югославии. Краткое потепление, как ушат холодной воды, остудили танки на улицах Будапешта. Окончательный разлад вызвала казнь Имре Надя. Время постепенно залечивало раны. К 1963 году отношения вновь становились все более дружественными. Московским ортодоксам это не нравилось. В душе сталинисты, они любые отступления от догмы почитали за непростительную ересь.

Приближалось 1 Мая. В 1963 году, так же как и в предшествующие годы, праздники за пару недель предварились призывами ЦК КПСС. Первые страницы центральных газет заполнялись набранными крупным шрифтом обращениями к рабочим и работницам, военнослужащим и интеллигентам, странам, народам и континентам. В них тщательно выверялось каждое слово.

Следил за содержанием призывов идеологический отдел ЦК. Он их и составлял. Вернее, переписывал, переносил из прошлого в будущее, слегка подновляя на потребу дня. Отца эти пустопорожние начетнические игры не увлекали, и он с облегчением поручил контроль над публикацией призывов Козлову. Постепенно подобные рутинные дела все больше переходили в его руки. Вместе с ними и реальная власть.

Но это не означало, что отец не следил за тем, что напечатано. Сам он газетную страницу, забитую при-

евшимися лозунгами, не осиливал, но всегда находились доброхоты, докладывавшие о малейшем отклонении.

На сей раз призывы опубликовали 8 апреля. Вслед за внутренним следовал международный раздел. Скрупулезно приветствовались одна за другой все союзные нам страны: «Братский привет народам... строящим социализм!». Страны третьего мира призывались к дружбе, а их народы к «борьбе за социализм». Тут имелась принципиальная разница — «раз народ борется за социализм», значит, есть, с кем бороться: власть имущие не допускают своих рабочих до счастливой жизни.

Югославия попала в промежуток. Газета «Правда» призывала: «Братский привет трудящимся Федеративной Народной Республики Югославии! Пусть развивается и крепнет дружба и сотрудничество советских и югославских народов в интересах борьбы за мир и социализм!».

В апреле отец отдыхал в Пицунде. Я поехал с ним. Дополнительный двухнедельный отдых зимой или весной стал для него регулярным. Годы брали свое. На этом настаивали врачи. Их рекомендации закрепили в специальном решении Президиума ЦК. Там говорилось еще и об укороченном рабочем дне, но этой привилегией отец так и не воспользовался, а к дополнительному отпуску привык. Вдали от московской суеты лучше думалось. Последнее время его мысли все больше занимала конституция. В обновленной редакции он мечтал закрепить принципы, исключающие возможность появления нового Сталина.

С позиций тех дней казалось достаточным провозгласить обязательную сменность руководителей, установив всем, от министров и выше, по два пятилетних срока пребывания на высоком посту, и учредить выборы не из одного, а из нескольких кандидатов. Отцу наивно представлялось, что стоит проголосовать — и все пойдет как по маслу. Мысль о том, что в наших условиях нововведения значительно легче отменить, чем принять, как-то не приходила в голову. В тот апрель отец начал делать лишь первые наметки. Я же наслаждался недельным отдыхом: солнцем и морем, сидел рядом с ним на пляже и не очень вслушивался в разговоры.

Вот тогда-то я и стал невольным свидетелем стычки отца с Козловым. Только что принесли газеты. До Пицунды они добирались к исходу дня. Отец мельком

скользнул взглядом по первой странице и собрался, развернув листы, углубиться в них, когда помощник привлек его внимание к злосчастному лозунгу. Он уже успел просмотреть газеты, пока разбирал сегодняшнюю почту.

Отец вчитался в указанную строчку и взъярился — опять вытаскивали из небытия: строит Югославия социализм или нет. Он потребовал немедленно соединить его с Козловым. Аппарат ВЧ стоял тут же на тумбочке под тентом.

Я насторожился. Соединившись с ЦК и едва поздоровавшись, отец начал упрекать Козлова за недогляд. Но тот, видимо, не принял упрека и возразил по существу. С его точки зрения, написанное объективно отвечало югославским реалиям. Отец накричал на Козлова, обвинил его в самоуправстве: ведь есть официальное решение ЦК, подтверждающее факт социалистических основ в народном хозяйстве Югославии. Никто не имеет права его единолично пересматривать. Дальше отец позволил себе усомниться в компетентности Козлова в теории: он тянется в хвосте за самыми отсталыми догматиками, прикрывает их своим авторитетом.

В заключение отец потребовал дать поправку, и чем скорее, тем лучше, пока неверная оценка не разошлась по миру.

Изменение формулировки уже опубликованного призыва ЦК — по тем временам беспрецедентный факт. В ЦК быстро распространился слух об объяснении Козлова с отцом. Скорее всего, он сам поделился обидой с единомышленниками. В кулуарах судачили о том, как несправедливо резко отец говорил с Козловым, сочувственно перешептывались, что у него после выговора случился сердечный приступ.

На сочинение нового лозунга ушло 3 дня, 11 апреля в газете «Правда» появилась поправка, разъяснявшая, что призыв нужно читать в новой редакции: «Братский привет трудящимся Социалистической Федеративной Республики Югославии, строящим социализм! Да здравствует вечная, нерушимая дружба и сотрудничество между советским и югославским народами!».

Запомнился мне и еще один разговор отца с Козловым.

11 мая вынесли смертный приговор полковнику Олегу Пеньковскому. Судебный процесс над ним и Гревиллом Винном по обвинению в шпионаже проходил в Москве в течение нескольких дней. Как явствовало из официальных сообщений, вечером 16 мая его расстреляли. Винн получил 8 лет.

В скандал оказались втянутыми два крупных военачальника, оба так или иначе связанные с отцом: Главнокомандующий Ракетными войсками и артиллерией Главный маршал артиллерии Сергей Сергеевич Варенцов и начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба генерал армии Иван Александрович Серов, в недавнем прошлом председатель КГБ.

Варенцов рекомендовал Пеньковского на службу в ГРУ. Он же периодически делился с ним некоторыми служебными новостями. Естественно, секретными. В иной ситуации ничего особо предосудительного в этом не было, оба они служили в армии на высоких должностях.

Серову вменяли в вину не только то, что он не разглядел в Пеньковском потенциального предателя, но и особое расположение к нему. Больше всего поминали то, что жена и дочь Серова вместе с Пеньковским незадолго до его ареста оказались в Великобритании. Правда, женщины поехали туристами, тогда впервые чуть-чуть приоткрылись двери на Запад. Начались первые круизные рейсы теплоходов вокруг Европы, стало возможным посетить некоторые заморские страны. Претендентов на поездку отбирали строже, чем в разведку. У семьи генерала проблем не возникло, но посещение капиталистической страны вызывало определенную робость. Серов, вспомнив, что его подчиненный собирается в командировку в Лондон, попросил Пеньковского приглядеть за женой и дочерью, помочь им в случае надобности. Полковник с радостью исполнил поручение, показал достопримечательности, сводил своих подопечных в магазин. Теперь же все рисовалось в ином свете, генерала и полковника кто-то пытался выставить почти соучастниками.

Отец не был склонен применять к провинившимся маршалу и генералу серьезные меры. Он считал, что они и так наказаны происшедшим, а у Пеньковского на лбу не написано, что он завербовался к англичанам и американцам. Он предполагал ограничиться административными взысканиями.

Козлов считал иначе, он настроился чрезвычайно решительно. Истинные истоки его поведения остаются загадкой. Он не мог смириться с тем, что Серов и Варенцов не разглядели предателя, или стремился одним ударом выбить из игры преданных отцу военачальников? Зачем? Можно, конечно, дать волю фантазии. Но никакими фактами я не располагаю.

В конце февраля — начале марта Козлов по своей инициативе позвонил отцу на дачу и попросил о встрече. Отец с охотой согласился. Через четверть часа Фрол Романович приехал к нам, его дача располагалась неподалеку. Отец встретил Козлова приветливо, предложил прогуляться. До появления гостя мы гуляли вдвоем, и я остался в компании.

Козлов то и дело искоса поглядывая на меня, стал убеждать отца в том, что Пеньковский скомпрометировал и Варенцова, и Серова. Он не просто служил в их ведомствах, но втерся в дом. Ходил в гости к Варенцову, оказывал услуги семье Серова. Тогда я и услышал о злосчастных лондонских встречах. Козлов возводил все это чуть ли не в ранг государственного преступления. Отец угрюмо молчал. Так не похоже на него. Не очень уверенно пытался возразить, но Козлов настойчиво гнул свое.

При окончании разговора я не присутствовал, отец попросил оставить их наедине. Примерно через час Козлов уехал к себе. Обедать его отец не пригласил. Мы продолжили прерванную неожиданным визитом прогулку. Отец хмурился, даже по сторонам не глядел, шел, уставившись себе под ноги. Молчали мы минут десять. Наконец отец заговорил. Он сказал, что, по словам Козлова, все, он не назвал фамилий, настаивают на строгой ответственности Варенцова и Серова.

— Возможно, они и правы, — проговорил отец с сомнением, — жаль, особенно Варенцова.

— И что же? — спросил я.

— Разжалуем в генерал-майоры и отправим в отставку, — с досадой закончил отец.

Все свидетельствовало, что отец против воли поддался Козлову.

12 марта Президиум Верховного Совета СССР «за потерю бдительности и недостойное поведение» ли-

шил Варенцова звания Героя Советского Союза и понизил в звании на четыре ступени.

Можно ли и это происшествие квалифицировать как начало формирования оппозиции отцу? Сейчас уже не определишь. Следов не осталось. Свидетелей почти не осталось. А кто есть, не заинтересованы в правде.

Отец продолжал относиться к Козлову с полным доверием. Более того, он видел в нем своего преемника и не скрывал этого. Когда Козлова совершенно неожиданно, в расцвете сил, разбил инсульт, отец искренне переживал. Сразу после его выписки из больницы поехал навестить больного на даче. Я увязался за ним. Козлов выглядел плохо. От уверенного в себе здоровяка осталась одна тень. Он беспомощно лежал на кровати-каталке, бормотал что-то малосвязное, размахивал руками. Картина выглядела жалкой. Отец задержался не надолго. Сказав слова одобрения и пожелав скорейшего выздоровления, он вышел из комнаты.

На его вопрос о прогнозе на будущее врачи ответили однозначно: «К работе не вернется никогда. Любое волнение, скорее всего, приведет к трагическому исходу».

На ближайшем заседании Президиума ЦК отец проинформировал товарищей о заключении врачей. Ссылаясь на мнение медиков, он предложил, несмотря на неспособность Козлова в будущем заниматься политической деятельностью, сохранить за ним из гуманных соображений место в Президиуме ЦК. Все поддержали.

Пост второго секретаря ЦК оказался вакантным. После долгих раздумий и колебаний отец поздней осенью 1963 года остановился на Брежневе. Когда год спустя Брежнев избавился от своего 70-летнего патрона, одним из первых его шагов стало удаление Козлова из Президиума ЦК. Врачи не ошиблись. Козлов не выдержал стресса...

* * *

Решение о разработке «сотки», по мнению отца, наконец-то ставило точки над «i». Страна получала надежный щит. Легкие, постоянно готовые к запуску УР-100 и мощные, с многотонными боевыми голов-

ками Р-36 уравнивали нас в силе ответного удара с США. Мечта сбывалась. Отныне страна могла чувствовать себя спокойно.

А вот в космосе дела обстояли не блестяще. Отца беспокоила лунная программа. А тут еще и разгоревшаяся свара между Королевым и Глушко. Не помогали ни душещипательные разговоры в ЦК, ни призывы к государственной и партийной совести. Отец решил вмешаться сам.

В первой половине июня он сказал, что позвал на выходной на дачу Сергея Павловича и Валентина Петровича. Событие не совсем обычное, подобные посетители появлялись у нас не часто.

В ответ на мое недоумение отец пояснил, что отношения у двух Главных конструкторов день ото дня ухудшаются. Фрол Романович докладывал ему (дело происходило до заболевания Козлова), что не раз беседовал с обоими, но добиться ничего не смог. Они просто не переносили друг друга. По его мнению, оставалось последнее средство — использовать авторитет отца. Фрол Романович просил обязательно принять ученых вместе.

Отец согласился. Ссору во вред общему делу он почитал недопустимой роскошью. Тогда-то и пришла ему в голову мысль пригласить Королева и Глушко на дачу. По мнению отца, к подобному разговору лучше располагала домашняя обстановка: когда не поджимают другие дела, можно не спеша подобраться к главной теме, дать каждому выговориться. Отец надеялся, что он найдет путь если не к их сердцам, то к разуму. Как же может быть иначе? Перед грандиозной общей задачей покорения Луны не могут не отступить любые дрязги и неприязнь.

— Они имеют все, — возмущался отец. — Народ, правительство в ущерб своему благосостоянию удовлетворяют любые их капризы. Только бы работали. А они надумали сводить личные счеты. Какое мальчишество!

Отец никак не мог себе представить, как личные взаимоотношения можно поставить выше общего дела. Он главную вину возлагал на Королева, расценил ссору как каприз Сергея Павловича, проявление его ревности и амбициозности. В Глушко он видел жертву.

В тот период Глушко и Королева разделяли не былые обиды: они разошлись в главном, в технике. В оценке технических возможностей, как своих, так и, особенно, соседа. Королев настаивал на оснащении своей Н-1 кислородно-керосинными двигателями с единой камерой сгорания и тягой в шестьсот тонн каждый. Глушко считал такую задачу неподъемной, сомневался в возможности ее технической реализации вообще, а уж в ближайшие годы тем более. Для создания подобных гигантов требовалось разработать новые технологии, построить новые стенды, и все это без уверенности в конечном успехе. Мало ли за что взялись американцы? К тому же его конструкторское бюро давно специализировалось на кислотных двигателях, накопило опыт, завязало кооперацию, обеспечивало практически все военные программы.

По мнению Глушко, ставку надо делать на развитие именно таких работающих на кислоте двигателей. Над повышением их тяги конструкторское бюро работало последние годы. Последним достижением стало создание стопятидесятитонника для челомеевской «пятисотки».

Гости приехали с утра. Отец сразу увлек их на луг показывать посевы. Серьезный разговор предполагался после прогулки. Королев привез с собой планшеты, он собирался подробно поговорить с отцом об Н-1. После прошлогодней февральской встречи в Пицунде дела продвинулись, машина практически завязалась.

Сергей Павлович пребывал в хорошем настроении. Пока спускались по дорожке, ведущей от дома к лугу, где тянулись огороды, они о чем-то шутили с отцом. Глушко же мрачно и, мне показалось, както подавленно молчал.

Королев неожиданно вспомнил о своей молодости, стал рассказывать, как их вместе с Глушко арестовали и они сидели в Бутырской тюрьме.

— В башне, где в свое время держали Пугачева, — запомнились мне слова Сергея Павловича.

Глушко молчал. Только кивал головой, как бы в подтверждение истинности слов Королева.

Оказывается, и Королев затеял рассказ о своем заключении не случайно. Он вдруг замолчал и как-то всем телом повернулся к отцу:

— А Вы, Никита Сергеевич, верите, что нас обвинили понапрасну?

Отец внимательно, без улыбки посмотрел ему в глаза и столь же серьезно ответил:

— У меня нет никаких сомнений.

— Спасибо, — с облегчением вырвалось у Сергея Павловича.

Даже для таких сильных людей сталинская «школа» не прошла без следа.

Сделав ритуальный круг по лугу от опушки леса к берегу Москвы-реки, мы вернулись к дому. Пришло время приступать к делу. Расположились в столовой. Королев сел рядом с отцом — так удобнее показывать картинки, Глушко устроился напротив, а я, стараясь не мешать, пристроился чуть поодаль, сбоку.

Первым делом Королев доложил, а вернее, просто поведал о своих ближайших планах: очередном сдвоенном запуске в космос, на сей раз мужчины и женщины. Отец, естественно, знал о намерениях Сергея Павловича, не были они секретом и для меня. Этими пусками Королев решил закончить серию «Восходов». Из них ничего больше выжать не представлялось возможным. Гагарин доказал принципиальную возможность полета по орбите, способность человека не погибнуть в невесомости, в условиях космического облучения и других, возможно, нам пока неизвестных факторов. Титов с трудом, несмотря на болезненную реакцию, подтвердил, что ничего не произойдет, если полет будет многочасовым.

Теперь — женщина.

На вопрос отца, что это даст нового космонавтике, Королев ответил уклончиво, сослался на особенности женского организма, заговорил о будущих городах в космосе, где предстоит создавать семьи в непривычных условиях. Начинать готовиться пора уже сейчас.

Отец выслушал его скептически, но не возразил. К полетам человека по орбите он относился с детским восторгом и не хотел портить вопросами настроение ни себе, ни Главному конструктору.

Королев перешел к новой теме, кратко рассказал, что у него уже готовится новый корабль, трехместный. Дальнейшая программа полетов ориентируется на него. Тем самым он снова уходит в отрыв от американцев, те пока летали на одноместных. Наше преимущество получало весомое подтверждение.

Отец удовлетворенно хмыкнул.

Королев перешел к лунной программе. Он не сомневался в своей победе.

Впервые рассказ об Н-1 я услышал почти полтора года тому назад на заседании Совета обороны в Пицунде. С тех пор до меня доходили противоречивые слухи о фантастических размерах ракеты, но подробностей пока не знал никто из посторонних.

* * *

Не так давно Челомей ездил к Королеву, что называется, с дружеским визитом и немного на поклон. Прихватил он с собой на разговор и сотрудников разных служб. Я представлял системы управления.

Дело в том, что работы по «двухсотке» затягивались. Заставить полететь изгибающуюся по всем направлениям, залитую под завязку булькающей жидкостью сигару оказалось непросто. Планы срывались. Дата первого запуска постоянно откладывалась. Стало ясно, что испытать ракету заранее, до готовности спутников, не удастся. Получалась накладка: готовность носителя и маневрирующего спутника стягивалась к одной дате, концу года. Рисковать спутником было неразумно. Челомей принял не простое для его самолюбия решение: попроситься к Сергею Павловичу на «семерку». Речь шла только о начальном этапе испытаний.

В конструкторском бюро Королева нас приняли по высшему разряду. Первым признаком этого великодушия явился проход без пропусков и предъявления документов. Правда, встреча проходила не на основной территории, а в некоторой промежуточной зоне, где в небольшом зданьице располагался кабинет Королева. С Челомеем они встретились, как друзья после многолетней разлуки, долго и тепло жали руку. Только и сыпалось: «Сережа, Володя».

При все более нарастающем деловом соперничестве личные отношения между ними сохранялись приятельскими. Это не мало, с учетом сложности характеров.

С делами порешили быстро. Королев вызвал кого-то из своих и поручил посадить «Володиного» седока на свою лошадку.

Немного поговорили об Н-1. Вдаваться в подробности хозяин не захотел, многое в проекте еще оставалось неясным, да и сидел перед ним потенциальный

конкурент. Королев не сомневался: раз Челомей взялся за тяжелые носители, то на «пятисотке» он не задержится. Не тот характер. Королев ограничился общими словами. Челомей не проявил ни малейшего любопытства, задавать вопросы конструктору о его замыслах считалось проявлением бестактности.

После той встречи между нашими, до тех пор не пересекающимися организациями завязалось не то чтобы сотрудничество — тут более подходит слово «взаимоотношения». Раньше Королев и Челомей встречались только на правительственных приемах, совещаниях, полигонах, дружески похлопывали друг друга по плечу, осведомлялись об успехах.

Знакомство высветило, насколько разнились подходы двух конструкторов, двух школ. К созданию, казалось бы, таких похожих изделий Челомей двигался вперед осторожно, с каждым шагом, каждым этапом усложняя программу. Сначала отработка на стенде, затем простейшие подлеты и, только когда накопится опыт, полномасштабные пуски. Так всегда работали в авиации.

Королев действовал по-иному. Вот как рассказывал о своей первой встрече с Сергеем Павловичем один из наших ведущих конструкторов, возглавлявший работы по разведывательному спутнику:

«После достижения принципиальной договоренности Владимир Николаевич послал меня к Сергею Павловичу подписать тщательно подготовленное и завизированное всеми службами с нашей и их стороны решение о запуске нашего первенца на «семерке». Королев не заставил ожидать в приемной, принял очень быстро. Вел он себя благожелательно, но в каждом его слове звучал оттенок «покровительства».

Попросив меня сесть у стола, Королев и сам уселся напротив. Он стал подробно расспрашивать, что за спутник, кто заказчик, какова цель испытаний.

Его поразило, что планируется всего пара запусков на «семерке», а сам спутник пока представляет собой далеко не то, что должно получиться по завершении программы. Мы планировали испытать только работу системы стабилизации и ориентации.

Откинувшись в кресле, Королев с любопытством спросил:

— А ты сам откуда? Из авиации?

Получив утвердительный ответ, как бы успокоился и поучающе произнес:

— Оно и видно! Что это вы с Володей за этапы затеяли. Дождись, когда тебя смежники закомплектуют, сделай целиком пяток объектов и пускай по полной программе. В нашем деле иначе нельзя.

— Ты думаешь, я бы согласился повторить фотографирование обратной стороны Луны? — почему-то спросил Королев.

Наш представитель молчал. Он был уже человеком немолодым, за плечами имел опыт сдачи не одной машины, прошел школу у Лавочкина, поднабрался опыта у Челомея. Согласиться с Главным конструктором он не мог и мучительно придумывал, что бы сказать в ответ. Но Сергей Павлович не ждал ответа, он назидательно произнес: «Ракетная техника — не авиация и, вспомнив, что его ждут дела, потребовал: Где твои бумажки?».

Решение он подписал без замечаний».

Разговор этот нашему посланцу запомнился на всю жизнь. С подобным подходом к испытаниям он не мог согласиться, как и с тем, что ракетная техника — не авиация. На простых объектах еще такое проходит, а когда придется столкнуться с чем-то посложнее, греха не оберешься.

Естественно, по возвращении «домой» весь разговор подробно донесли до Челомея. Владимир Николаевич не удивился, только посетовал: «С Н-1 они еще хлебнут горя».

* * *

Возвращаюсь к прерванной неожиданно вклинившимся в повествование отступлением беседе Королева с отцом. Сергей Павлович как раз переходил к главному, к Н-1.

Для отца Королев приготовил так называемый генеральский набор: не чертежи, а картинки, понятные и неспециалисту, без особых деталей, отражающие только замысел и поражающие воображение дилетанта.

Тут и в самом деле было от чего прийти в восторг. На первом планшете, который выложил на стол Сергей Павлович, тянулась к небу почти стометровая, с изящно расклешенной юбкой первой ступени, чем-то

смахивающая на ферзя из строгого кабинетного шахматного набора новая ракета. Ей готовилась завидная судьба — первой в мире донести человека до Луны.

Королев стал рассказывать. Отец внимательно слушал, его глаза впились в картинку. «Стартовый вес ракеты более трех тысяч тонн, точнее, три тысячи сто, высота почти сто метров, ступеней — три. Первая работает на кислороде и керосине, последующие — на кислороде и водороде».

При этих словах Глушко недовольно скривился, но не произнес ни слова.

Летные испытания планировалось начать во второй половине 60-х годов. Назвать точный срок Королев пока затруднялся, множество проблем приходилось решать впервые. Подобных ракет в мире еще не существовало.

Пока сохранялось доложенное в Пицунде техническое решение об установке двадцати четырех, Королев на мгновение запнулся и добавил: «А возможно, и тридцати стопятидесятитонников конструкции Кузнецова».

Он, не отрываясь от планшета, исподлобья зыркнул на Глушко. Отец сделал вид, что не заметил.

— При первой возможности, — Королев об этом докладывал и раньше — стопятидесятитонники предполагается заменить на двигатели с тягой в шестьсот тонн. Сразу этого сделать нельзя, сроки не выдерживаются, получение сверхмощной тяги требует длительной конструкторской и стендовой отработки. К тому же подобных циклопических стендов в Союзе не существует, их строительство — отдельная проблема.

По словам Сергея Павловича, в множестве двигателей первой ступени была и своя привлекательность, выход из строя одного из них не приведет к катастрофе, специальная система отключит симметричный ему на противоположной стороне, чтобы не случилось перекоса, а оставшиеся сделают свое дело. На такой случай закладывается определенный избыток тяги.

Отец поинтересовался: зачем вообще заниматься шестисоттонниками, если есть более простое решение. Королев, не вдаваясь в подробности, ответил, что он не останавливается на всех технических проблемах, их немало. Работа над мощными двигателями необходима. Отец не стал углубляться, раз надо так надо.

Королев припас еще один аргумент в пользу шеститоннника. Он достал из планшета очередной плакат — с колоссальной, иного слова не подберешь, ракетой.

— Это наше будущее, дальняя перспектива, — пояснил Сергей Павлович, — с ее помощью можно послать человека на Марс. Тут без двигателей повышенной тяги не обойтись, ведь стартовый вес по сравнению с Н-1 возрастет во много раз.

Королев предлагал стопятидесятитонники делать у Кузнецова, но с привлечением Глушко, а мощные двигатели целиком поручить конструкторскому бюро Глушко.

Валентин Петрович сделал рукой какой-то неопределенный жест, как бы протестуя.

— Что вы скажете, товарищ Глушко? — обратился к нему отец.

Валентин Петрович попытался уйти от прямого ответа. Он сказал, что задача сама по себе интересна, но он сейчас перегружен, на нем висят и Янгель и Челомей. Затем Глушко повторил уже не раз высказывавшуюся им точку зрения, что способность «тяжелых» компонентов самовозгораться при взаимном соприкосновении создает более устойчивый процесс горения, а с кислородом и керосином дело обстоит значительно сложнее. Успешной работы однокамерного двигателя большой тяги он гарантировать не берется. Он выразил свое удивление той легкости, с какой Королев подходит к столь сложной технической проблеме. Что же касается водорода, то тут вообще темный лес, надо осваивать такие низкие температуры... Непонятно, как и подступиться. Всем своим видом Глушко демонстрировал, насколько ему не хочется участвовать в этом проекте.

Отец не отреагировал на тираду Глушко, лишь кивнул головой Королеву: можно продолжать. Сергей Павлович достал следующий лист. Речь пошла об этапах полета к Луне. Предполагалось, что в выведенном на орбиту Земли межпланетном космическом корабле разместятся два человека. На троих, как это предусматривалось в американском проекте, Н-1 просто не тянула.

Дальнейший полет строился так же, как и в проекте «Аполлон». Другое решение трудно себе представить, законы механики едины для всех. С земной орбиты

межпланетный корабль стартовал к Луне. Через несколько десятков часов он, приблизившись к ней, совершал маневр и выходил на лунную орбиту. Теперь предстояло самое главное: посадка маневрирующего блока на планету.

С орбиты Луны на ее поверхность советскому космонавту предстояло опуститься в одиночестве, его напарник оставался сторожить в орбитальном модуле. Если на Луне с космонавтом что-нибудь случалось, на помощь ему рассчитывать не приходилось. Королев аргументировал решение просто: если там пыли с пятиэтажный дом, то, провалившись в нее, ни вдвоем, ни впятером не выкарабкаться, а если поверхность твердая и лунный блок прилунится без аварии, то и в одиночку не страшно. Его слова звучали убедительно, но становилось очень неуютно, стоило представить себя в одиночестве в чужом мире за сотни тысяч километров от Земли. А вдруг космонавт упадет? В громоздком скафандре можно и не подняться. Так и останешься лежать на спине, суча руками и ногами, как неуклюжий жук, перевернутый прутиком шалуна.

Как и в случае с автоматическими лунными станциями, предусматривался сначала облет Луны, а уж следом посадка.

Отец пришел в хорошее настроение, нынешний доклад звучал несравненно конкретнее предыдущих, прослеживались этапы, задачи каждого из них четко очерчивались. Проглядывалась реальная возможность снова оставить позади американцев. Идеи Королева все больше увлекали отца. Но земные заботы не отпускали. Он поинтересовался, сколько будет стоить весь проект. На сей раз у Королева на отдельном листе приводились все расчеты. По его прикидкам, осуществление проекта потребует примерно десять—двенадцать миллиардов в год. Отец поежился.

Американский полет на Луну с высадкой и благополучным возвращением обошелся налогоплательщикам в двадцать один миллиард долларов. Такую цифру обнародовали по завершении работ. По моему разумению, за десятилетие, а не пятилетку, как обещалось, мы затратили не меньше. С одной лишь разницей: на Луну советским космонавтам слетать не довелось.

Королев продолжал. На стол лег следующий лист из, казалось, бездонного планшета. На нем демонстри-

ровалась компоновка ракеты. В разрезе она напоминала детскую пирамиду — убывающие по диаметру шарики нанизывались на стержень трубопроводов.

Я поразился: Сергей Павлович отказался от классической схемы, когда внешняя оболочка ракеты служит одновременно и баком для горючего или окислителя. Тем самым экономятся драгоценные килограммы, которых всегда так не хватает. Здесь же шары баков повторно одевались в конус внешней обшивки. Королев стал пояснять: необычное решение принято не случайно — это результат глубокой проработки. Модульно-шаровая компоновка позволяет по желанию наращивать ракету, подставляя под нее еще одну ступень, или урезать ее, каждый следующий снизу вверх блок ракеты без переделок можно использовать самостоятельно. Он прикрыл нижнюю ступень Н-1 и сказал, что так легко получается ракета, по своим параметрам лишь немного превосходящая УР-500. Это был прямой удар по Челомею, но я сдержался.

Отец наклонился к планшету. Он вглядывался в основание ракеты, там четко обозначался размер — 17000 мм. «Семнадцать метров, — перевел он вслух, — по каким же дорогам ее возможно провезти? Она не пройдет ни под одним мостом».

Огромные диаметры ступеней — больное место всех мощных носителей. Хочешь не хочешь, а размеры ракеты во многом зависели от тесных рамок транспортных ограничений. Приходилось идти на жертвы. В представленном проекте, казалось, об этом просто забыли.

Королев не сомневался, что такой вопрос последует. Проблему транспортировки не раз обсуждали в конструкторском бюро. Он придерживался мнения, что подобную новую, устремленную в будущее разработку нельзя ограничивать нормами, придуманными при царе Горохе. Когда определялись максимально возможные для транспортировки габариты, исходили из уровня развития промышленности тех лет. Техника выросла, и ее преступно загонять в прокрустово ложе стандартов и инструкций. Необходимо искать новые, революционные, нетрадиционные решения, переделывать транспорт под ракету, а не ракету под транспорт.

Королев считал, что не исключено даже создание нового специального полигона для больших космичес-

ких систем. Расположить его следует в районе, позволяющем доставлять ракету водным путем. По Волге возят грузы и погабаритнее. Другое экзотическое предложение предусматривало сооружение специально предназначенного для доставки ракет канала от Каспийского моря до Аральского.

Отец отшутился: у него денег нет; если Королев готов строить на свои, другое дело.

Он не хотел даже обсуждать подобные прожекты. Сергей Павлович ответил, что они и не рассчитывали на одобрение, просто требовалось рассмотреть все возможности. Отец заулыбался и приготовился слушать дальше.

— Можно доставлять ракету по воздуху, — продолжал Королев, — например на специальном огромном самолете или подвесив под дирижабль.

Сергей Павлович сказал, что он уже разговаривал с Туполевым и Ильюшиным, но поддержки пока не встретил.

Отец промолчал: видно, и эта затея показалась ему не очень продуктивной. Тут он ошибся. Американцы пошли именно таким путем: ступени своего «Сатурна» они грузили на загривок «Геркулеса». Королев не очень рассчитывал, что ему удастся поладить с авиаторами. Разработка подобного самолета сама по себе требовала решения технических задач не менее сложных, чем сооружение Н-1. Мысль о том, что можно погрузить ракету на спину, поверх фюзеляжа, просто никому не пришла в голову.

Сергей Павлович предпочел сборку ракеты на месте. На стартовой позиции он намеревался построить сборочный цех, вернее, завод. Там на стапелях предполагалось варить мегалитровые шаровые баки различных диаметров, собирать носитель воедино. Как ни вертись, получалось настоящее производство, требующее не только тысяч и тысяч квадратных метров, но и тысяч людей, рабочих и инженеров высокой квалификации. Всех их предстояло разместить в приаральской пустыне. Значит, придется строить жилье, оборудовать быт.

Отец бросил неопределенное:

— Подумайте, готовьте предложения. На Президиуме ЦК мы еще посоветуемся и решим.

* * *

Челомей считал затею создания завода-старта по меньшей мере несерьезной, а инженерное решение, влекущее за собой подобные технологические трудности, вежливо говоря, неизящным. Это было любимое словечко.

— А если ракета взорвется на старте? — патетически восклицал он. — Все разлетится. Как можно до такого додуматься?

Он как накликал беду: при втором пуске Н-1 , едва оторвавшись от земли, грузно осела и вдребезги разнесла все окружающие сооружения. Несчастье произошло через 8 лет после того памятного разговора на даче.

Отец остался доволен рассказом Королева. Многое еще предстояло решить, но прогресс был налицо.

Подошло время обедать, на противоположном конце стола уже расставляли столовые приборы.

Разговор, ради которого отец пригласил ученых, так и не начался. В воздухе висело напряжение: гости гадали, когда он приступит, а отцу очень не хотелось омрачать встречу. Отведенная ему роль наставника, отчитывающего нерадивых воспитанников, резко контрастировала в его душе с глубоким уважением и симпатией, испытываемыми к обоим конструкторам.

Обед давал повод оттянуть неизбежное объяснение, и отец ухватился за эту возможность. Он с улыбкой позвал гостей к столу, сопроводив свое приглашение словами: «Дела от нас не уйдут, не будем портить аппетита».

Королев и Глушко восприняли отсрочку с явным облегчением.

Обед прошел по-деловому, без тостов. Выпили по маленькой, граммов на пятнадцать, рюмочке коньяка, и отец сказал:

— Нам еще работать.

Когда вышли из-за стола, отец, проговорив: «Нам тут надо пошептаться», отозвал Королева и Глушко в соседнюю комнату и плотно закрыл дверь. Я прошел в гостиную.

Отсутствовали они минут сорок. О чем там шла речь, я узнал только после отъезда гостей.

Первым из комнаты вышел отец и, направляясь через гостиную к лестнице на второй этаж, не очень

16—965

любезно полуизвинился: он покинет собравшихся, необходимо посмотреть срочные документы.

Королев и Глушко следовали за отцом, отстав на два или три шага. Выглядели оба понуро. Королев что-то втолковывал Глушко. Когда они поравнялись со мной, я услышал свистящий шепот:

— Змея ты подколодная...

Глушко ничего не ответил и отвернулся. Они прошли мимо меня и остановились в противоположном углу комнаты. Ни начала, ни продолжения разговора я не слышал. Слова врезались в память из-за их несоответствия сложившемуся к тому времени во мне образу Главного конструктора. Они не поколебали моего уважения к Королеву, но воспринимать его я стал как-то иначе.

За закрытыми дверями отец попытался исполнить просьбу Козлова — помирить двух конструкторов. Однако все его увещевания тонули в насупленном молчании собеседников. Поняв, что ничего не получится, отец стал сердиться, упрекать их. Он даже допустил бестактность, бросив в лицо: «Что ж вам еще надо? Вы получили от государства все — звания, награды, дачи, машины, а теперь ссоритесь, как маленькие дети!» Ответа не последовало, и этот аргумент не возымел действия. Примирения не произошло.

Более того, неприятное объяснение только углубило щель в отношениях бывших соратников, она постепенно превращалась в пропасть. Пути их расходились все более. Совместных работ у них больше не сложилось. И по сей день в аргументах и спорах о путях развития нашей космонавтики, оценке, ошибках и победах проскальзывают отзвуки былой вражды.

Отец поднялся на второй этаж. Обычно он не позволял себе такого невнимания к гостям. Никаких сверхсрочных пакетов не поступало. О них бы доложил начальник охраны, а он в доме не появлялся. Просто отцу хотелось остыть от неприятного разговора. Вот он и придумал неотложное дело.

Королева и Глушко не особенно радовало общество друг друга. Проводив отца взглядом, они, не зная, чем заняться, топтались по середине гостиной. Я сидел в уголке на диване и честно пытался вчитаться в газетную страницу. Я чувствовал себя в происходящей драме ненужным зрителем, но вставать и поки-

дать комнату было уже поздно. Я притворился отсутствующим.

Обстановку разрядил Валентин Петрович. Он произнес в пространство, не обращаясь ни к кому конкретно, что ему хочется подышать воздухом и он пройдется по лесу. Глушко вышел на веранду.

Королев постоял еще несколько мгновений и направился ко мне. Я отложил газету, можно было позволить себе вернуться... Сев рядом на диван, Сергей Павлович долго молчал. Его молчание давило на меня, я заерзал, снова ощутил себя не в своей тарелке. Королев разрядил напряженность. Он вдруг произнес:

— Володя совершает большую ошибку. Из этого цирка в космосе ничего не получится.

Он говорил о Челомее. Что такое «цирк в космосе», я не понял. Молчал, ожидая разъяснений.

— Все эти погони незнамо за кем, фазированные системы, сборка кораблей на орбите хороши для фантастических романов, в жизни же надо оставаться реалистами. Разве мыслимо там, — он ткнул пальцем куда-то вверх, — найти двум пылинкам друг друга? В далеком будущем возможно, а сейчас это пустая фантазия и зряшное расходование народных денег.

Я продолжал молчать — согласиться мне не позволяла совесть, а противоречить мэтру я не решался. По всем нашим расчетам получалось иначе: управление спутниками, их взаимные маневры, вплоть до стыковки, выглядели абсолютно реально. За последние годы мы сжились, пока, правда, на бумаге, с орбитальными переходами, и они нам казались не сложнее, чем наведение на цель крылатой ракеты, выпущенной с подводной лодки.

Молчать дальше становилось неловко, и справившись с мыслями, я попытался возразить, стал приводить какие-то технические аргументы. Королев не стал слушать моих объяснений, он в них просто не нуждался. И спорить со мной он не собирался.

— Выброшенные деньги, — произнес он снова. — Никогда они там не найдут друг друга. Для этого нужны другие системы управления, другие приборы. Пока же межпланетные корабли придется собирать на Земле.

Он на мгновение задумался и повторил:

— На Земле...

Тут нужно кое-что пояснить. В те годы романтического стремления к дальним мирам и у нас, и у американцев вполне серьезно обсуждались технические возможности полета пилотируемого корабля к Марсу. Сооружение получалось тяжелым, громоздким, и большинство специалистов сходились, что собирать его придется из частей, доставляемых ракетами прямо на орбиту Земли. Челомей слыл первым приверженцем космической сборки.

Сергей Павлович, как выяснилось, придерживался противоположной точки зрения.

— Володя ошибается, — продолжил прерванную мысль Сергей Павлович, — встреча на орбите — удел следующих поколений. Что бы там ни обещали наши управленцы... А поэтому ваша «пятисотка», брауновский «Сатурн», все эти ракеты с навесными боковыми баками — тупик. Деньги улетучатся, а вы уткнетесь в стену... «Сатурн» приблизился к ней вплотную. Он подошел к пределу по прочности. Три тысячи тонн! Ну еще тысяча, две, от силы — три и... конец! Оболочка не выдержит, ракета сложится в гармошку.

Сергей Павлович постепенно увлекся, глаза его загорелись. Он считал, что знает, где следует свернуть, чтобы миновать тупик, выбраться на торную дорогу.

— Все будем собирать на Земле, — вернулся он к исходной мысли, — и, не мудрствуя лукаво, забрасывать в космос. Тогда не придется заниматься бесконечными поисками запропастившихся блоков, сборкой их в совершенно непригодных для работы условиях. Я уже не говорю об испытаниях. А если что откажет?

Наступила пауза.

— Нам придется в ближайшие годы... — начал было Королев и снова замолчал, казалось, он что-то прикидывает, — не нам, а вам, — поправился он, — решать проблемы вывода на орбиту сотен и даже тысяч тонн. Тут потребуются совсем иные ракеты. От старой схемы придется отказываться, она себя исчерпала. Поэтому в Н-1 мы предложили совсем иной, новый принцип — корабельный.

В разговоре с отцом Королев настолько не углублялся. Почему он решил вдруг выговориться передо мной, человеком молодым и не годящимся в судьи? Скорее всего, ему хотелось отвлечься от недавнего неприятного разговора.

— Конструкция становится модульной, — повторил он, — тут мы немного проигрываем на шаровых баках. Зато предложенная форма позволяет преодолеть ограничения по прочности и строить космические ракеты практически неограниченных размеров. Браун остановится, а мы пойдем дальше.

— Единственно правильное: собирать ракеты на месте, как морские корабли. Остальные варианты не имеют будущего. Особенно традиционные. Для сегодняшней Н-1 они еще проходят, а в будущем носители вообще станет невозможным транспортировать, не поможет никакой корабль, баржа, а тем более самолет. Ведь речь пойдет о десятках тысяч тонн и диаметрах в многие десятки метров.

Я слушал как зачарованный. Сергей Павлович заразил меня своим энтузиазмом, грандиозностью замысла. С таким полетом фантазии я не сталкивался даже при разговорах с Челомеем, а он любил и умел мечтать.

Точнее, это была не фантазия, а план действий. В тоне Королева не было ни тени сомнения. Его слова, казалось, опирались на прочный фундамент.

— Да, корабли... — интонация голоса Сергея Павловича приобрела незнакомый, почти сентиментальный оттенок, — их строят на стапелях и отправляют в плавание. Так будем поступать и мы: варить баки, собирать ракету прямо на старте, там же испытывать и запускать. Иначе не получится. Сегодняшнюю Н-1 еще можно с трудом передвинуть с места на место, следующая будет в семь тысяч тонн. А там двенадцать, за ней восемнадцать тысяч тонн.

Королев называл точные цифры, видно было, что это не причудливые пируэты разыгравшейся фантазии, а плод долгих размышлений.

— Представляешь, ракета размером с крейсер, восемнадцать тысяч тонн, — Сергей Павлович, казалось, ее ощущал, видел возвышающуюся на стапеле-старте громаду, — а вы собираетесь играть в жмурки в космосе.

Что и говорить, проект захватывал, но я не мог согласиться с Сергеем Павловичем, что встреча на орбите — это химера. Тут он ошибался. Я попытался объясниться, рассказать о полученных нами результатах. Мне стало обидно за столь пренебрежительный отзыв об управленцах.

Королев не хотел слушать. Он выговорился и потерял ко мне интерес. Только кивнул: «Будущее покажет». Сергей Павлович обернулся к двери, ведущей в прихожую. Откуда-то сверху явственно доносился звук неспешных шагов. Отец спускался по лестнице. Он заглянул в комнату.

— Вот вы где, — проговорил отец так, будто разыскивал нас по всему дому.

На лице его светилась улыбка, он явно не намеревался продолжать неприятные объяснения.

— Пошли, попросим чаю, — обратился отец к Королеву и, спохватившись, добавил: — А где Глушко?

— Вышел погулять, — поспешил я внести ясность.

— Найди его и приведи на веранду пить чай. И сам приходи, — распорядился отец, увлекая Королева к двери.

Валентина Петровича я нашел в лесу. Он сидел на лавочке и наслаждался тишиной. Я окликнул его, и мы поспешили к столу.

Чаепитие прошло мирно. Ничто не нарушало благолепия тихого, теплого летнего вечера. Вскоре гости отправились в Москву. Больше отец их мирить не пытался.

* * *

Я поведал Челомею о сомнениях, высказанных Королевым. Вдруг он прав, мы что-то недоучитываем. Челомей считал, что именно мы на правильном пути.

Что же до стапельной идеи Королева, то он просто пришел в ужас. Собирать эдаких монстров в полигонных условиях, по его мнению, чистое безумие. Сегодня, благодаря возможности отработки на стендах отдельных модулей, сделанных в заводских условиях, еще удается как-то уложиться в приемлемые сроки испытаний. Ухватиться же за нужную ниточку, когда все завяжется в единый клубок, станет несравненно сложнее, отработка из-за все новых, не повторяющихся в своем разнообразии отказов безнадежно затянется. Все это станет несравненно сложнее, чем стыковка в космосе, где не две пылинки, бесцельно тычась, ищут друг друга, а космические аппараты ведет точнейший наземный комплекс.

Челомей соглашался с Королевым: традиционная конструкция с одним центральным и несколькими навесными баками приближается к пределу прочности. Но это — полторы сотни тонн на орбите. Из таких «кирпичиков» можно построить любой дом, только каждому модулю необходимо придать свою функцию и снабдить его разумным минимумом стыковочных узлов.

Наращивая стартовый вес, Королев, по мнению Челомея, попадал в замкнутый круг. Конструкцию ракеты неизбежно придется делать все прочнее, отнимая все больше веса у полезной нагрузки. В результате ракета полнеет, а космический корабль худеет. Нетрудно подсчитать, когда увеличение стартового веса не только не приведет к увеличению полезной нагрузки, а, наоборот, вызовет ее уменьшение.

Я остановился на этих технических деталях, потому что вокруг именно этого противоречия завязался тугой узел.

Наверху, в первую очередь Устинов и Брежнев, поддержат Королева. Н-1 победит...

* * *

Переговоры о запрещении испытаний ядерного оружия вступили в заключительную фазу. Казалось, обе стороны наиспытывались вдоволь, убедились в пагубности этого дела, решили остановиться. После завершения двух наших серий взрывов в атмосфере и американских экспериментов с ядерным оружием в космосе все амбиции были удовлетворены, военные обеспечены «всем необходимым» на годы вперед. Но в последний момент каждый раз что-то мешало, уже согласованная договоренность готова была рассыпаться.

К новому, 1963 году пришли с оптимизмом: подписания соглашения ожидали со дня на день.

В своем интервью газете «Дейли экспресс», опубликованном 1 января, отец продемонстрировал готовность прекратить испытания.

Последний шаг давался с трудом. Уже занесена нога... и снова возникли непредвиденные осложнения.

Камней преткновения оказалось больше, чем пред-

полагали. Выделялись своими размерами два. Отец снова попытался вернуться к своей старой идее о полном запрещении испытаний. Он убеждал Кеннеди, что у противостоящих сторон оружия вполне достаточно, пора остановиться. И тут же спотыкался о инспекции, контроль. Взрыв в атмосфере спрятать, по общему мнению, невозможно, а вокруг подземных возникали споры.

Наши ученые, проведя эксперименты, утверждали, что, не выходя за государственные границы, можно зафиксировать подземный атомный взрыв, а ученые США боялись ошибиться, настаивали на выезде на места. Известно, насколько болезненно в те годы воспринималась у нас подобная инициатива.

Отцу до боли не хотелось лезть под землю. Я уже говорил, он считал подземные испытания слишком дорогим, разорительным для страны удовольствием. Поэтому он решил еще раз попробовать отыскать компромисс. Американцы настаивали на инспекциях. Отец скрепя сердце выдавил из себя согласие: 9 января 1963 года в своем письме к Кеннеди предлагал остановиться на двух-трех инспекциях в год. ЦРУ доложило президенту, что Хрущева можно додавить до четырех, дальше его сдвинуть не удастся. Но Пентагон и ядерное ведомство, Министерство энергетики, оперировали десятками посещений, да еще в любых точках, выбранных ими на карте Советского Союза. Президент принял их сторону, возражать он не решился. Тем не менее он сохранял надежду на договоренность. Одновременно со своим ответом отцу Кеннеди громогласно объявил о моратории на проведение подземных взрывов на время переговоров. Отец посчитал американскую позицию неприемлемой, посетовал: «Протяни им палец — они всю руку отхватят».

Мораторий не продержался и двух недель. Президент заявил, что в связи с несговорчивостью Москвы он вынужден возобновить взрывы. Вынужден...

Отец с горечью жаловался на позицию США в апреле в интервью итальянской газете «Джорно». В конце концов он смирился. Подземным испытаниям суждено сохраниться на долгие годы. Так же как и проблеме их контроля, включая инспекции.

Другое осложнение возникло из-за вновь появив-

шихся ядерных держав — Великобритании и Франции. Отец опасался, что его обманут, американцы начнут взрывать свои заряды, перекрасив их в английские или французские цвета. Мы начнем отставать, и, как в прошлые годы, встанет проблема возобновления собственных испытаний. Наконец и здесь договорились. Великобритания приняла условия договора, а на Францию махнули рукой. У де Голля давно не ладилось с Вашингтоном и Лондоном, и отец надеялся, что на французские полигоны американцы не получат доступа.

Дальше дело пошло живей. С апреля возобновились интенсивные переговоры. Утрясали детали, закругляли острые углы. Наконец обе стороны потянули воз в одном направлении.

23 апреля отец принял вместе американского и английского послов Ф. Колара и сэра Х. Тревельяна. Втроем они обсудили основные положения договора. Следом в Москву прилетел Аверелл Гарриман. Хотя главной темой переговоров было подтверждение венских договоренностей по Лаосу, но не миновали они в разговоре и запрещения испытаний.

Отец соглашался идти вперед. Президент Кеннеди шел навстречу. 12 июня «Правда» опубликовала отчет о выступлении президента США в американском университете в Вашингтоне.

Кеннеди заявил:

— Нас разделяет пропасть... Нам надо сосуществовать... — И дальше он обнадежил мир, подтвердив отказ США от дальнейших взрывов в атмосфере, проинформировал собравшихся, что Хрущев и Макмиллан наконец договорились о встрече своих представителей в Москве для достижения соглашения об испытаниях. Так устами американского президента важнейшую новость донесли до советских людей.

Отец любил иногда воспользоваться таким приемом. С одной стороны, все понимали, что публикация неспроста, с другой — он ничего не говорил, пока оставлял себе руки развязанными.

Наступил решительный момент. 13 июля в Москву прибыли Аверелл Гарриман и представитель правительства Великобритании лорд Хейлшем. Им предстояло окончательно утрясти с Громыко последние дета-

ли. Договорились, что подписание договора состоится в Москве.

Отец был чрезвычайно доволен. Я бы даже позволил себе сказать: счастлив. У меня где-то внутри гнездились сомнения: не обманули ли нас? Не оторвутся ли американцы вперед, воспользовавшись богатым опытом подземных испытаний? Отец отшучивался. Он повторял слова, сказанные в Вене: если мы уже сейчас можем уничтожить США, то стоит ли тратить силы, чтобы иметь возможность сделать это многократно.

Наконец 4 августа в Москве министр иностранных дел Громыко, министр иностранных дел лорд Хьюм и государственный секретарь Раск подписали соглашение между СССР, Великобританией и США об отказе от испытаний ядерного оружия в трех средах: в атмосфере, под водой и в космическом пространстве.

Отец присутствовал при подписании соглашения вместе с генеральным секретарем ООН У Таном. На следующий день он улетел в отпуск в Пицунду. Я остался в Москве.

* * *

Одновременно договорились об установлении прямой связи между Москвой и Вашингтоном, горячей линии, на случай возникновения непредвиденных ситуаций. Теперь появлялась возможность выяснить истинные намерения сторон, не прибегая к посредникам, будь то послы, разведчики или журналисты.

Отец пригласил Дина Раска отобедать с ним там, на побережье Черного моря, а заодно немного отдохнуть. Встреча прошла непринужденно, почти по-дружески. Впервые со времени прощания с послом Ллевелином Томпсоном отец так тепло принимал американского гостя. Он как бы предлагал поставить крест на старом, открыть новую страницу в наших отношениях.

Я убежден, что заключение соглашения об ограничении испытаний — это один из уроков, вынесенных высшими руководителями из Карибского кризиса. Никогда и нигде так не проявляется чувство ответственности, как на грани, вынуждающей принимать окончательные решения, а не только говорить о них. После

кризиса многое представилось в ином свете, верх взяло опасение: как бы не опоздать!

Проникнувшись определенным доверием к словам американского президента, отец прилаживался к длительному сотрудничеству с Джоном Кеннеди. Он считал, что раз им удалось договориться, не пострадав и не уронив достоинства своих стран, выйти из столь серьезного испытания, как Карибский кризис, то окажутся по плечу и другие проблемы, требующие совместного решения.

Отец не идеализировал президента США, не рассчитывал, что он, представитель иной идеологии, может стать его искренним другом. Нет, речь шла о поисках путей выживания на этой планете, раз уж судьба определила нам жить по соседству, о том, что он называл мирным сосуществованием. Он все чаще возвращался к своим нехитрым подсчетам, основанным на убежденности, что Кеннеди переизберут на второй срок. Следовательно, впереди еще шесть лет. Для динамичного мира срок немалый.

* * *

В последние недели лета 1963 года отец несколько раз вспоминал о своем разговоре с Кеннеди в Вене о возможности объединения наших усилий в лунном проекте. Тогда он отверг предложение президента об установлении сотрудничества, опасаясь за военные секреты, и ограничился соглашением о совместной деятельности в области мирного космоса. Это была скорее декларация об обмене информацией, чем серьезная программа работ.

Постепенно взгляды отца трансформировались. Возможность раскрытия перед американскими учеными некоторых наших секретов переставала казаться ужасной. Раньше отца особенно беспокоило, что за океаном узнают, что межконтинентальных ракет у нас раз-два и обчелся. К тому же уровень их боеготовности не шел ни в какое сравнение с возможностями противной стороны. Такая информация, по мнению отца, могла толкнуть горячие головы на превентивные действия. Пока не поздно...

С 1963 года положение начало изменяться. Ракет-

ная программа приобрела законченный вид. Если там узнают, что Советский Союз обладает массовыми межконтинентальными ядерными носителями, вреда не будет. То, что ракеты только начали проектировать, отца не смущало: пройдет не так уж много времени — и они появятся на боевых стартах. Первый шаг сделали той же осенью. В сентябре успешно начались летные испытания янгелевской Р-36.

Встреча с Королевым и Глушко заставила отца еще раз задуматься о лунной программе. Уж больно дорого Сергей Павлович запросил за свою Н-1. Впервые слова отца, точнее, мысли вслух о возможности заключения соглашения с США в осуществлении лунной программы я услышал где-то во второй половине сентября. Он еще ни с кем не делился своими идеями, но я знал по опыту: раз они возникли, то пробьют себе дорогу. Постепенно отец созреет и тогда пойдет напролом.

Не могу сказать, чтобы его идея меня вдохновила. Мне казалось, наше разоблачение перед противником чрезвычайно опасно. Сегодня они к нам подходят со своими мерками и преувеличивают наши возможности, а тут они легко поймут, кому кого следует догонять. Сегодня их гнетет миф о нашем превосходстве: мощные носители, таинственное горючее, фантастически точные приборы и кто знает, что еще. Но мы-то знаем, что ничего этого нет, наши ракеты, возможно, не хуже, но уж никак не лучше стартующих с мыса Канаверал. В 1957 году, до какой-то степени в 1961-м еще можно было говорить об исключительной грузоподъемности «семерки». Сегодня это все ушло в прошлое, а УР-500 и Н-1 здорово уступают «Сатурну». Я не мог не высказать свои опасения отцу. Он согласился с моими доводами, но выводы у него оказались противоположными. Отец повернул их в подтверждение своей точки зрения: если мы не в состоянии сохранить первенство, то тем более имеет смысл объединить усилия.

Мои страхи насчет военных секретов он не отбрасывал, но считал их преувеличенными. Отец снова повторил признание Кеннеди о нашей способности уничтожить Соединенные Штаты. Он только чуть перефразировал свой ответ: «Используем ли мы более или менее совершенные ракеты, не имеет никакого

значения». Если там убедятся, что подобное в принципе возможно, все остальные соображения отойдут на второй план. Кеннеди умный политик, война так же не входит в его планы, как и в наши. Будем договариваться, решать дело миром. Через 6 лет, когда ему придется уступить свое кресло в Белом доме, мы насытимся «сотками». Так что, даже если политика претерпит коренные изменения, наша страна все равно окажется американцам не по зубам». Надо сказать, что в резкий поворот к войне отец не верил, по его мнению, вероятность военного конфликта с годами станет неотвратимо ослабевать.

Отец замолчал, разговор иссяк. Я никому о нем не рассказывал. Отец к этой теме тоже не возвращался, он дозревал.

* * *

Пока же завязывался новый узел. Американцы все глубже втягивались в войну во Вьетнаме. Президент Кеннеди держал свое слово, здесь он намеревался дать бой. Карибский урок не распространялся на Юго-Восточную Азию: семнадцатая параллель располагалась достаточно далеко и от США, и от СССР. Вряд ли столкновения в этом регионе могли повлечь за собой ядерное продолжение, а, по словам Кеннеди, потеря Вьетнама означала для США потерю всей Юго-Восточной Азии. С этим он примириться не хотел.

Отец внимательно следил за развитим событий, но не спешил вмешаться. Он опасался, что китайцы приложат все усилия, чтобы столкнуть нас там лоб в лоб с американцами. Уж не знаю, переоценивал ли он влияние Китая на Вьетнам, но в данном случае лучше переоценить, чем недооценить.

Отец не торопился и с военной помощью. Начиная наступление на юг, вьетнамцы не спрашивали нашего совета, действовали на свой страх и риск. Так что он предпочитал и здесь пока выждать.

Как и во время Карибского кризиса, американская администрация разделилась на сторонников решительных действий, борьбы до полной победы, и умеренных, склонных к компромиссу. Сильнее оказывались ястребы. Об уходе из Вьетнама президент и не помышлял.

К осени 1963 года обстановка оставляла желать лучшего. Причем обеим сторонам — и нам, и США. Президент Нго Дин Дьем начал гонения на буддийских монахов, ответивших актами самосожжения, взбудоражившими всю страну и на Севере, и на Юге. С другой стороны, брат президента Ну, возглавлявший тайную полицию, по влиянию второй человек в государстве, все время предлагал замириться с Хо Ши Мином. Это совершенно не устраивало американских ястребов — тогда американским советникам не оставалось дела в этой стране. Недовольные местные генералы в открытую готовили военный переворот. При молчаливой поддержке американцев он произошел 1 ноября. 19 ноября в Гонолулу на Гавайских островах собралось представительное совещание. Специальный уполномоченный президента в Южном Вьетнаме посол Генри Лодж и командующий американскими советниками генерал Пол Харрис знакомили с обстановкой Дина Раска, Роберта Макнамару и Максуэлла Тэйлора. Требовалось наметить первоочередные шаги, способные выправить положение. О своих предложениях им предстояло доложить президенту Кеннеди...

* * *

О покушении на Джона Кеннеди отец узнал вечером 22 ноября. Трудно сейчас припомнить час, но уже совсем стемнело, что неудивительно в конце ноября. Мы поужинали, отец дочитывал вечернюю почту и собирался к себе, на второй этаж, когда в гостиной раздался звонок телефона правительственной связи.

Вечерние звонки в резиденцию давно стали редкостью. Отец считал, что делами нужно заниматься на работе, а дома отдыхать. Конечно, если можно назвать отдыхом ежевечернее корпение над грудами бумаг, захваченных из Кремля. Тревожили отца лишь в исключительных случаях. Каждый звонок вызывал чувство тревоги. Пока шел разговор, приходилось гадать: кто звонил и зачем. Да и когда отец клал трубку, ясности не добавлялось, о содержании беседы он нам не докладывал.

На сей раз кто звонит, стало ясно сразу.

— Добрый вечер, товарищ Громыко, — проговорил отец в ответ на первую фразу невидимого собеседника. — В чем дело? Что случилось?

Отец долго слушал, лицо его стало сосредоточенным, потом расстроенным.

— Вы позвоните послу, уточните. Возможно, это какая-то ошибка, — сдавленным голосом проговорил он, — потом немедленно перезвоните мне.

Отец положил трубку и, отойдя на середину комнаты, остановился как бы в нерешительности: возвращаться к столу или подождать здесь. Он переминался с ноги на ногу, на лице его застыло горькое выражение.

Я не выдержал, уж очень необычным показалось поведение отца, и спросил: в чем дело? Впрочем, не очень рассчитывая на ответ. В таких случаях спрашивать не полагалось.

Неожиданно отец с охотой откликнулся. Вопрос перебил чреду невеселых дум. Он сказал, что американцы передали по радио: кто-то стрелял в Джона Кеннеди. Он сейчас в поездке по стране. Дальше — не ясно: то ли ранили, то ли убили... Сообщения противоречивые. Да если и вправду совершено покушение, то журналисты вряд ли имеют исчерпывающую информацию.

— Я попросил Громыко уточнить у посла, — повторил отец уже слышанную мною фразу, — конечно, и у него вряд ли есть точная информация...

После паузы отец как-то отрешенно произнес:

— Если президент жив...

И не закончив, запнулся. Что он хотел сказать?

Услышав слова отца, мама и моя сестра Лена, читавшие в столовой, бросили свои дела и присоединились к нам. Повисло тягостное молчание. Посередине комнаты стоял небольшой полированный круглый столик и три кресла. Отец кружил вокруг них. Я сел на стул у телефона. Мама с Леной разместились на диванчике у стены.

Телефон молчал. Отец не выдержал. Разыскал по справочнику телефон Громыко и набрал номер. Секретарь ответил, что Андрей Андреевич дома. Отец, назвавшись, попросил, чтобы Громыко перезвонил ему на квартиру. Через минуту раздался звонок.

Отец с легким неудовольствием осведомился:

— Почему так долго нет известий?

— Заказали Вашингтон, никак не соединяют, — стал оправдываться Андрей Андреевич.

— Какой Вашингтон? — удивился отец.

— Посла, как вы велели, — ответил Громыко.

— Я говорил об американском после, о Колере, — начал раздражаться отец, — если случилось несчастье, его проинформируют в первую очередь. Позвоните ему и сразу, сразу соединитесь со мной.

Отец положил трубку и как-то полуулыбнулся.

— Вот непонятливый. Стал звонить в Вашингтон, в наше посольство, а не к американцам, — пояснил он, — сейчас перезвонит.

Отец возобновил свое кружение. На сей раз ожидание не затянулось. Андрей Андреевич сообщил, что в президента Кеннеди стреляли в Далласе — столице Техаса. Президент скончался...

Не вешая трубку, отец выдержал паузу, что-то обдумывая, потом заговорил о соболезновании, о нашем участии в траурной церемонии. Громыко ответил, что представлять государство может посол, но мог бы в Вашингтон полететь и он. Он сказал, что, с одной стороны, Кеннеди — глава империалистического государства и нам особо скорбеть о нем не пристало, но, с другой стороны, появление советского министра расценят положительно. Громыко сослался на прецедент, свою поездку на похороны Джона Фостера Даллеса.

Отец все уже успел обдумать. Он считал, что ранг министра в данном случае недостаточен. Президента должен хоронить президент, но так как Брежнев в Америке фигура малоизвестная, то, по его мнению, лучше всего поручить печальную миссию Микояну. Громыко тут же согласился.

В заключение договорились, что Андрей Андреевич узнает, когда отец сможет нанести визит соболезнования в посольство США. Отец сказал, что кроме официальной протокольной телеграммы новому президенту Джонсону он хочет послать соболезнование вдове Кеннеди Жаклин.

Немного подумав, добавил:

— И от Нины Петровны отдельно. Они встречались в Вене.

Такое произошло впервые. Мама сопровождала отца в поездках, к этому постепенно привыкли, но на том ее участие в государственных делах ограничивалось. Своим жестом отец хотел как мог, подчеркнуть неформальность, искренность своего сопереживания.

На следующий день в сопровождении Громыко отец посетил посла США Колера, расписался в книге. На имя Джонсона ушло послание, в котором он отмечал: «Я сохраню память о личных встречах с президентом Джоном Ф. Кеннеди, как деятелем широких взглядов, реально оценивавшим обстановку и стремившимся найти пути решения международных проблем, ныне разделяющих мир, посредством переговоров».

Жаклин Кеннеди отец написал: «У всех, знавших его, он вызывал большое уважение, и встречи с ним навсегда останутся в моей памяти».

24 ноября Микоян прибыл в Вашингтон.

Еще через день президент США Джонсон сделал заявление, подтверждающее жесткую позицию его страны в отношении Вьетнама.

А еще через несколько дней во время вечерней прогулки отец вдруг вспомнил о своих лунных идеях. С горечью он произнес, что вопрос отпал сам по себе. Он доверял Кеннеди, рассчитывал на взаимопонимание. Был готов к рискованным по тем временам контактам не с администрацией США, а с личностью. Теперь личности не стало...

Немного подумав, он добавил, что с Джонсоном все пойдет иначе.

Шести лет, на которые рассчитывал отец, у президента Кеннеди в запасе не оказалось. Не было их и у отца.

* * *

Меня в те дни одолевали свои заботы. На конец октября — начало ноября наметили запуск первого нашего, челомеевского спутника. Он представлялся его создателям невиданным достижением. В отличие от всех предыдущих подобных аппаратов, и королёвских, и янгелевских, как я уже рассказывал, спутнику предстояло научиться менять орбиту, перемещаться вверх, вниз, влево, вправо, искать себе подобных, создавать ассоциации, прообраз будущих космических поселений.

Первый пуск произвели на «семерке» 1 ноября 1963 года. Штатный носитель УР-200, как мы и ожидали, запаздывал. Его дебют состоялся через два дня, 3 ноября.

Новый спутник получил наименование «Полет», тем самым Владимир Николаевич провозглашал свою

собственную линию космических аппаратов. Однако название не привилось, вскоре все челомеевские пуски пошли под безликой маркой «Космосов» с многозначными номерами.

Челомею же предстояло в будущем все больше энергии тратить не на дело, а на борьбу с амбициозными бюрократами.

Американцы, внимательно следившие за каждым нашим космическим экспериментом, в отношении полета сделали заключение, что его назначение скорее военное, чем мирное. Невиданная до сего времени маневренность «Полета» позволяла ему разыскать и сблизиться с любым орбитальным аппаратом, своим или чужим. Поэтому в США сделали вывод, что он может быть использован в качестве космического перехватчика.

С советской стороны опровержения не последовало. С заключением договора по ПРО охоту за чужими спутниками признали браконьерством.

Немалыми успехами мог похвастаться и Янгель. Наконец-то завершились испытания ракетных шахт. Теперь не только Р-16, опередившая сестер на полгода, но с декабря 1963 года Р-12 и Р-14 получили прописку под землей. Со следующего года планировалось строительство только защищенных стартов.

* * *

Новый, 1964 год, последний год своей активной политической деятельности, отец начал с мирной инициативы. Он призвал главы государств и правительств к решению всех спорных территориальных вопросов мирными средствами. Такие призывы появлялись и раньше, но сейчас речь шла о конкретных, грозящих вспыхнуть войной точках: Германии, Вьетнаме, Корее и Тайване. Этот призыв я отношу еще к одному из уроков Карибского кризиса: время угроз миновало.

Казалось, все просчитали с Кубой: договор двух суверенных государств, не отличающийся от многих подобных, заключенных с другими державами, а чем обернулось...

Наступал новый период мировой истории. Период, когда война переставала служить инструментом политики. Происходившую метаморфозу не все восприняли

одновременно, одним дано было это осознать раньше, другим — позже. Отец оказался среди первых, решительно засунувших меч в ножны.

Между тем где-то в первые месяцы 1964 года завязался узелок кризиса, который отцу, оказалось, не суждено пережить. На сей раз события разворачивались не где-то вдали, а здесь, дома, в Москве. От отца решили избавиться.

Прошедшее десятилетие он посвятил попыткам наладить, запустить механизм централизованной экономики. Отыскать и реально продемонстрировать его преимущества перед стихией, рынком. Решению именно этой задачи посвящались многочисленные, переходящие одна в другую реорганизации, пересадки, упразднения одних ведомств и возникновение на их руинах других, борьба за сокращение разбухшего бюрократического аппарата, лишение его реальных и мнимых привилегий. Вначале, казалось, что дело сдвинулось с места, но вскоре все снова стало тормозиться, реформы то и дело застревали, натыкаясь на непреодолимые преграды. Окрики, поездки по стране, стремление вникнуть в тонкости не улучшали ситуации, наоборот, решения, принимаемые с наскока, вмешательство во все и вся еще больше запутывали.

Отец не понимал, в чем дело. Он нервничал, горячился, ссорился, искал виновных... и не находил. Глубинно, неосознанно он начинал понимать, что дело не в частностях — не работает сама система, но преодолеть себя не мог. Отец обращался к югославской практике и не находил ответа. Искал рецепты у профессора Либермана. Он, прагматик, вплотную подходил к пониманию необходимости введения рынка, называя его материальной заинтересованностью, но как человек, выросший в условиях непримиримой борьбы с любыми проявлениями свободы в экономике, не мог решиться произнести крамольное слово.

Пришла пора переворачивать страницу.

XX съезд, разоблачив преступления Сталина, осудив репрессии, обрек на гибель централизованную систему руководства. Не стало страха, на котором она держалась все эти годы. Но ничто не пришло ему взамен. Это осознавалось постепенно, не вдруг, но по мере осознания верха все ощутимее теряли возмож-

ность диктовать свою волю. Еще вчера послушный, аппарат переставал выполнять, просто игнорировал неугодные ему указания отца. Страх смерти исчез, а все иные рычаги власти находились в руках самого аппарата.

Происходили бесконечные перемещения из кресла в кресло, временные падения компенсировались новыми взлетами. Случались, конечно, и трагические исходы. Секретарь Рязанского обкома Ларионов в порыве желания выслужиться, досрочно выполнить призыв обогнать Америку по надоям молока и производству мяса, решил не связываться с выращиванием скота в своей области, скупил мясо у соседей. Его победный рапорт прогремел на всю страну, но... фальсификация выплыла наружу. Едва успев прикрепить к груди Звезду Героя Социалистического Труда, ему пришлось, убегая от позора, пустить себе пулю в лоб. Другие мирно, без шума уходили на пенсию, в отставку. Сталинские времена закончились... Чтобы избежать неприятностей, следовало только не переходить границы...

«Старик» своей непоседливостью надоел всем.

Ближайшие соратники, а большинство из них были лет на десять моложе отца, нетерпеливо ожидали, когда они сами доберутся до рычагов власти, избавятся от опеки, поучений, выговоров. Становилось невтерпеж, так и подмывало поторопить события.

Аппарат жаждал спокойствия и стабильности. Все эти пересадки, перетряски сидели в печенках. Хотелось пожить в свое удовольствие, забыв страхи сталинской поры, расслабиться от постоянного напряженного ожидания реорганизаций. Наверху требовался свой, надежный человек. И чем скорее, тем лучше.

Армия роптала на проведенные сокращения, в результате которых не столько вернулись домой солдаты, сколько остались без работы офицеры. Теперь им приходилось срочно менять профессию, начинать в зрелом возрасте жизнь сначала.

А тут пошли разговоры о полной реорганизации, не сокращении, а коренном изменении структуры вооруженных сил. Генералитет жаждал нового главнокомандующего, понимающего их чаяния, защищающего их интересы. Чем скорее, тем лучше.

Интеллигенция тоже потеряла веру в отца. Он ухитрился поссориться со многими еще вчерашними своими сторонниками. Учил художников рисовать, поэтов писать стихи, режиссеров ставить спектакли и снимать кинофильмы. Даже музыкантов не миновала чаша сия. Сегодня мы можем попытаться определить меру ответственности, отыскать истинных вдохновителей этого шабаша, но тогда на виду оставался он один. Казалось, уйдет отец, и можно будет вздохнуть спокойно. Избавления всегда ждут с нетерпением.

Убежденный в экономических преимуществах крупных, механизированных крестьянских производств (нескладное слово наиболее полно отвечает сути), отец, не дожидаясь результатов, энергично принялся за сокращения «малоэффективных» подворий и приусадебных участков. Они, казалось ему, связывают руки крестьянам, становятся обузой на фоне грядущего изобилия. Крестьяне считали иначе и проклинали еще совсем недавно столь популярного преобразователя. От грядущих наверху перемен они ждали только облегчения.

Всем стало жить труднее. При действующей системе приростов производства ждать не приходилось. Требовались коренные преобразования, но до этого предстояло еще додуматься.

В переполненной портретами отца стране каждый шаг связывался с его именем, назойливые славословия навязли в зубах. А раз все исходит от него, то ответ напрашивался сам собой — надо убрать источник неприятностей, и немедля.

Отец исчерпал себя. Его время истекло. Эксперимент построения общества, основанного на централизованной экономике, подошел к своему завершению. Ученые говорят, что отрицательный результат, — это тоже результат. Подопытному кролику от этого не легче.

Анализ причин, истоков ошибок и поражений — удел истории. Обществу же предстояло сделать следующий шаг. Только куда? Вперед? В неизведанное? Зачем?

Те, кто принимал решения, крепко держали вожжи в своих руках, так же, как и аппарат, жаждали не бури — покоя. Не процветания — достатка. Конечно, для народа, но если пока не получается, то для лучшей, избранной его части. Пора преобразований прошла,

наступала эпоха тяжеловесной стабильности. Выбор сделали. Шагнули назад. Так проявляла себя историческая закономерность. Эксперимент продолжался.

* * *

Наверху столковались довольно быстро. Оказалось, две группы противников отца двигались навстречу друг другу. С одной стороны, копали московские украинцы, пришедшие в столицу вслед за отцом, его «сторонники» с периферии. Естественным лидером у них стал Брежнев: в руках у второго секретаря ЦК сосредоточены все нити связи с обкомами, республиками, армией, КГБ. Примыкали к нему Подгорный и Полянский. Они не так давно угнездились в ЦК и Совмине, но чувствовали себя уверенно.

Другую группу вел Шелепин, лидер молодых. Комсомольцев, как их называли. Его люди внедрились повсюду: в аппарат, КГБ, армию. Пополнение аппарата шло из комсомола, точнее, из его Центрального Комитета.

Встретившись, объединились. Молодым пришлось потесниться, уступить лидерство Брежневу. Без него шансы на успех резко понижались.

Подошло 70-летие отца. 17 апреля 1964 года славословие изливалось паточными потоками, сосед стремился перещеголять соседа. Отец, выслушав все заверения в преданности, призывы к многолетней и плодотворной работе, на одном из очередных заседаний Президиума ЦК заговорил об уходе на покой, на пенсию. Все единодушно возражали: без него жизнь просто остановится. Отец настаивал, упомянул уже в публичном выступлении о своем желании уступить место молодым. Намерение у него было серьезным, но даты своей отставки он так и не назвал. В разговоре со мной как-то раз упомянул о желании дотянуть до XXIII съезда КПСС, а там уже решить окончательно. Неопределенность не устраивала ни Брежнева, ни Шелепина. Трудно решиться на первый шаг, теперь останавливаться на полдороге не видели смысла.

Сразу после пышных юбилейных торжеств развернулась невидимая и опасная подготовка к смене власти. Доверенные люди разъезжали по ближним и даль-

ним регионам, как бы ненароком заводили с первыми секретарями обкомов разговор о «старике», осторожно прощупывали, каждую минуту готовые отступить в тень, превратить все в шутку. Необходимости в этом практически не возникало, раньше или позже общий язык находился. И вот уже в списке членов Центрального Комитета, хранящемся в сейфе у Брежнева, против очередной фамилии возникал крестик. Минусов он почти не ставил, с заведомо ненадежными предпочитали не говорить. В решительный момент их собирались блокировать, а если понадобится, изолировать.

В отличие от Козлова, Брежнев с отцом не спорил. Наоборот, он стал беспредельно предупредительным. Его публичные восхваления переходили всякие границы. Остальные члены Президиума ЦК вторили, стараясь перещеголять друг друга. Отец кисло морщился, но не останавливал славословий. Как их остановить, если любое возражение вызывает новый словесный поток, теперь уже по поводу скромности.

После приторных восхвалений Брежнев вызывал к себе председателя КГБ Семичастного и вел с ним долгие доверительные беседы. Он все никак не решался назначить дату. Страх парализовал его волю. Ему мечталось, чтобы все свершилось само собой, сделалось чужими руками. Самым простым выходом Брежневу представлялось физическое устранение отца. Естественно, с помощью КГБ. Какие только варианты не обсуждались в этих беседах. Брежнев хватался то за одно, то за другое.

Сначала он предложил отравить отца. Такая смерть казалась ему наиболее естественной. Однако председатель КГБ проявил осторожность. Семичастному чисто по-человечески претило убийство. Кроме того, он принадлежал к другой группировке. Брежнев представлялся «комсомольцам» только лишь переходной фигурой, ступенькой. Зачем давать ему такой козырь в руки?

Семичастный отказался, сославшись на невыполнимость предложения. Женщина, которая обслуживает отца, убеждал он Брежнева, предана ему, работает с ним еще со Сталинграда, с войны. Подкупить ее, как советовал Леонид Ильич, невозможно. К тому же логика преступления требовала устранения убийцы, а затем убийцы убийцы. И так без конца.

— Так очередь дойдет и до меня, — улыбнулся Семичастный, — а потом и до вас, — кивнул он Брежневу.

Леонид Ильич снял свое предложение. Только затем, чтобы выдвинуть новое. Преступление его притягивало магнитом. Следующая идея: устроить авиационную катастрофу в момент возвращения отца после государственного визита в Египет. В том самолете летел и я. И здесь Семичастному удалось отговориться. От участия в массовом убийстве пассажиров и экипажа самолета он отказался наотрез.

Фантазия у Брежнева оказалась богатой, он заменил авиационную катастрофу на автомобильную. По его мнению, наиболее удобным местом мог оказаться Ленинград, куда отец собирался в начале июня на краткую встречу с Тито. И тут ничего не вышло, Семичастный проявил твердость.

Последняя идея родилась уже просто от отчаяния. Леонид Ильич вознамерился арестовать отца в окрестностях Москвы, когда он в первых числах июля поездом возвращался домой после поездки по Скандинавским странам. Снова поражение, он не смог ответить на вопрос: «А что дальше? Что последует за арестом?»

Отец благополучно вернулся в Москву. Кто знает, не припомнил ли Брежнев свои неудачи, когда впоследствии решался на замену Семичастного на Андропова?

Предпринимались ли попытки предупредить отца? По прошествии стольких лет ответить на этот вопрос все труднее. Свидетелей становится все меньше. Иные же не заинтересованы в истине. Одно ясно: желающих отыскалось немного. Отец оказался в изоляции.

Что мне удалось узнать? Летом 1964 года моей сестре Раде позвонила какая-то женщина. Фамилии ее она не запомнила. Эта женщина настойчиво добивалась встречи с сестрой, заявляя, что обладает важными сведениями. Рада от встречи всячески уклонялась, и тогда, отчаявшись, женщина сказала по телефону, что ей известна квартира, где собираются заговорщики и обсуждают планы устранения Хрущева.

— А почему вы обращаетесь ко мне? Такими делами занимается КГБ. Вот туда и звоните, — ответила Рада.

— Как я могу туда звонить, если председатель

КГБ Семичастный сам участвует в этих собраниях! Именно об этом я и хотела с вами поговорить. Это настоящий заговор.

Семичастный, так же как и Шелепин, в те времена дружил с Алексеем Ивановичем Аджубеем, не раз бывал у него в гостях.

Информация показалась Раде несерьезной. Она не захотела тратить время на неприятную встречу и ответила, что, к сожалению, ничего сделать не может, она — лицо частное, а это дело государственных органов. Она попросила больше ей не звонить.

Новых звонков не последовало.

С аналогичными предупреждениями обращался к ней и Валентин Васильевич Пивоваров, бывший управляющий делами ЦК. По поводу его звонка Рада даже советовалась со старым другом нашей семьи профессором Александром Михайловичем Марковым, в то время возглавлявшим четвертое главное управление Минздрава. Он порекомендовал не придавать этой информации значения, сочтя ее за плод повышенной мнительности Пивоварова. Рада воспользовалась авторитетным мнением и выбросила этот случай из головы.

Еще любопытное сообщение. Вот что я узнал совсем недавно от старого известинца Мэлора Стуруа. У каждого поколения есть своя главная тема. Нас, «шестидесятников», влекут годы первой «оттепели». И на сей раз, слово за слово, разговор сполз к Хрущеву.

В 1964 году брат Мэлора, Дэви, работал секретарем ЦК Компартии Грузии. Летом, видимо, в преддверии июльской сессии Верховного Совета, он приехал в Москву. Прямо с аэродрома он поспешил на квартиру к брату. Мэлор давно не видел его таким обеспокоенным.

— Произошла неприятная и непонятная история, — едва поздоровавшись, начал Дэви, — затевается какая-то возня вокруг Никиты Сергеевича...

Он рассказал, что перед отъездом из Тбилиси имел встречу с Мжеванадзе, первым секретарем ЦК КП Грузии, и тот намекнул ему: с Хрущевым пора кончать. Конечно, не в открытую, но тренированное ухо безошибочно улавливает нюансы.

Теперь Дэви просил у брата совета: предупредить Никиту Сергеевича? Или промолчать? Ситуация складывалась непростой — грузину одинаково противны

и предательство и донос. А тут еще кто знает, какие следует ожидать последствия.

Мэлор предложил немедленно свести Дэви с Аджубеем. Его кабинет в «Известиях» доступен Стуруа в любой момент. Но... решение брат пусть примет сам. В этой семье хорошо знали, что может произойти, если Мжеванадзе, а особенно тем, кто стоит над ним, станет известно, кто разоблачил заговорщиков. Дэви колебался не более нескольких секунд и коротко бросил: «Пошли». Через полчаса они входили в кабинет главного редактора второй по значимости газеты в стране.

Дэви коротко рассказал о своем подозрительном разговоре с Мжеванадзе. Аджубей кисло заметил, что грузины вообще не любят Хрущева.

По отношению к Мжеванадзе подобное замечание звучало по меньшей мере странно. (Василий Павлович до последних лет грузином числился лишь по фамилии. В 1956 году, после бурной реакции в Тбилиси на разоблачения XX съезда, отец оказался перед дилеммой: кого послать в беспокойную республику. Требовался человек надежный, проверенный. Вот тут он и вспомнил о служившем на Украине генерале Мжеванадзе. Он хорошо знал Василия Павловича по войне. Так генерал превратился в секретаря ЦК. Теперь Мжеванадзе превратился в одного из активных противников отца. Видимо, сработали старые украинские связи.) Дэви Стуруа возразил: он говорит не о Грузии, все нити ведут в Москву. Дело затевается серьезное.

Но Алексей Иванович не стал слушать, только бросил непонятную фразу: им с Шелепиным обо всем давно известно.

Братья Стуруа покинули кабинет обескураженными. Что известно? Кому известно? При чем тут Шелепин, если речь идет о Хрущеве?

Обсуждать столь опасную тему они больше ни с кем не решились. Алексей Иванович не обмолвился отцу о происшедшем разговоре ни словом.

* * *

Возникали ли у самого отца какие-нибудь подозрения? До последнего момента я считал, что нет. Однако теперь я стал сомневаться. Приведу один эпизод. Ле-

том отец посетил конструкторское бюро Челомея. Приурочили визит к вручению организации ордена за достижения в области ракетного вооружения флота.

Как водится, к приезду гостя собрали выставку. Владимиру Николаевичу было чем похвастаться. Об основных новинках КБ я уже рассказывал, поэтому не стану повторяться.

Челомей славился пристрастием к инженерным новинкам — когда полезным для нашего дела, а порой просто любопытным изобретениям, свидетельствующим о возможностях человеческого разума. На сей раз его очаровала волоконная оптика. Интересовала она Владимира Николаевича и чисто утилитарно. Начиналась работа над космическими станциями. Стекловолокно позволяло траспортировать изображение не по прямой, ломая компоновку, а «обтекая» острые углы. Новой инженерной идее посвятили отдельный стенд. Стеклокабель причудливо извивался, а на экране застыла отчетливая картинка, принимаемая его противоположным концом, прилаженным к детскому эпидиоскопу. Изображение выбрали приличествующее случаю — фотографию Спасской башни Московского Кремля.

Отец, сам любитель технических новинок, остановился завороженный. И так и эдак он прилаживался к экрану. Перемещал передатчик, изображение послушно сдвигалось. Наконец, он насытился. Прощаясь с инженером, демонстрировавшим ему все эти чудеса, отец вдруг, усмехаясь, проговорил:

— Закажу и себе такую штуку. Мне кое за кем надо бы подглядеть из-за угла.

Он пошел дальше, оставив присутствующих в недоумении. Стоящий рядом с отцом и ловивший каждое слово Брежнев побледнел.

Тогда слова отца воспринимались как шутка. Сейчас в них невольно ищется скрытый смысл.

В своей книге «Пенсионер союзного значения» я написал, что тревожная информация доходила и до помощника отца Григория Трофимовича Шуйского, «боярина», как порой называл его отец. Но дальше она не шла, оседала в его объемистом портфеле. Об этом мне рассказал бывший начальник охраны отца Никифор

Трофимович Литовченко. Мы говорили много позже описываемых событий, когда отец уже умер. Сообщение о предательстве потрясло меня, обидело донельзя. Ведь Шуйский проработал с отцом не один десяток лет. Случалось всякое. В начале 50-х годов отцу с огромным трудом удалось отвести нависшую над ним смертельную угрозу. Сталину пришла в голову сумасбродная мысль: будто кто-то нелегально переправляет куда-то информацию о содержании еще не опубликованной рукописи «гениальных» «Экономических проблем социализма». Трудно понять ход мыслей вождя, но в число подозреваемых попал и Шуйский. Отец долго уговаривал Сталина, убеждал, что подобное невозможно, немыслимо. Подействовал последний аргумент — Григорий Трофимович не имел ни малейшего доступа к сталинским бумагам. По обвинению в «измене» в тюрьму сел бессменный сталинский секретарь Поскребышев.

Все мое естество отказывалось верить Литовченко. Шуйский и предательство?! Но Литовченко стоял на своем. Я сдался...

Недавно при встрече с Олегом Александровичем Трояновским мы затронули больную и для него тему. Ведь он проработал бок о бок с Шуйским не один год. Трояновский рассказал мне, что в конце 60-х они как-то разговорились с Шуйским о последних месяцах работы с отцом. Григорий Трофимович сетовал, что не придал значения доходившим до него неясным слухам. Его соседи по шестому этажу в здании ЦК на Старой площади, помощники Брежнева и Подгорного, порой затевали разговоры на тему, что их патроны устали от отца, но не более. Шуйский сказал Трояновскому, что о происходящих приготовлениях он не имел ни малейшего понятия. Не знал. Не скрою, версия Трояновского мне больше по сердцу. А там, кто знает?!

* * *

Посещением конструкторского бюро отец остался доволен. Особенно докладом о состоянии дел по «сотке». Правда, пуски намечались только через год, но макет, у которого давал пояснения Челомей, выглядел

как настоящая ракета. А инженерные ухищрения, демонстрируемые Владимиром Николаевичем, подтверждали, что он в прошлом году на Совете обороны не хвастал: ракета сможет долгие годы нести службу в заправленном состоянии. Отец расплылся в улыбке. Тогда он принял выбор на себя. Теперь все видели: он не ошибся.

«Пятисотку» из-за громадных размеров на эту территорию привезти не смогли. Ограничились красочными плакатами и с ювелирной точностью выполненным масштабным макетом. Ее первый полет тоже намечался на следующий год.

Владимиру Николаевичу стало жалко тратить экспериментальные запуски впустую, забрасывать в космос болванку, и не одну. Для испытаний выделялось 4 ракеты. Если, конечно, обойдется без аварий. С другой стороны, представлялось нецелесообразным рисковать сложным, дорогостоящим спутником.

Челомей нашел нетривиальное решение. Он совместно с физиками Московского университета придумал взгромоздить на УР-500 многотонный спутник — слоеный пирог из приемников и свинцовых экранов, регистрирующих космическое излучение.

Такой спутник представлялся несложным в изготовлении, да и стоил недорого. Конечно, по сравнению со ставшими для нас привычными космическими ценами. Спутник предназначался для поиска кварков, полумифических в те годы фундаментальных частиц, из которых, по мнению теоретиков, состоит вещество. Вот только на Земле их не удалось отыскать. Теперь все надежды возлагались на космос, предполагали, что там кварки могли сохраниться с момента рождения нашей Вселенной, большого взрыва.

Владимир Николаевич свалился на теоретиков-ядерщиков, как подарок с неба. Только «пятисотка» могла вывести на орбиту такой огромный груз. Челомей с гордостью продемонстрировал свою придумку отцу: первые запуски совмещались с попыткой решить фундаментальную задачу современной физики. Для проведения работ оставалось получить разрешение Совета Министров. Отец охотно согласился, идея не расходовать ракеты впустую ему понравилась.

В августе вышло постановление правительства

о создании под УР-500 двенадцатитонного физического спутника, получившего название «Протон». Все первые четыре пуска прошли удачно. Со спутников получили такое количество полезной информации, что на ее расшифровку ушли годы и годы. Ядерщики остались чрезвычайно довольными, хотя никаких кварков в космосе они не обнаружили. Полученный результат совпал с усовершенствованной теорией: их следовало искать совсем в ином месте.

От этого спутника и пошло нынешнее название мощного носителя — «Протон», уже четверть века исправно доставляющего на орбиту обитаемые станции, транспортные корабли и всевозможные спутники как гражданского, так и военного назначения. За эти годы ракета повзрослела, подросла, из двухступенчатой превратилась в трехступенчатую. Поднимать она стала не двенадцать тонн, а в два раза болше, но основа осталась прежней, и название сохранилось неизменным.

Еще один экспонат заинтересовал отца: макет универсальной крылатой ракеты повышенной дальности, предназначенной для вооружения как подводных лодок, так и надводных кораблей различных рангов, от крейсеров до катеров. Называлась она скромно: П-120. В 1962 году на Северном флоте Челомей рассказывал отцу о своем замысле. Сегодня он представил зрелую разработку. Ракета летала на твердом топливе, что для нас стало немалым шагом вперед. Стартовала она как из-под воды, так и с поверхности океана и поражала заданный корабль противника в любую погоду, при любых помехах.

Отцу машина понравилась. Он спросил, когда намечаются испытания. Челомей ответил, что примерно через год-полтора: машина сложная, все в ней новое...

Кто мог предположить в тот день, что в судьбе новой ракеты как в зеркале отразятся наступающие политические перемены.

* * *

Обстановка для тайной деятельности Брежнева создалась на редкость благоприятной. Отец отсутствовал почти непрерывно, посещал Москву лишь наездами.

За первую половину года он побывал в Венгрии, съездил в Египет, совершил многократно откладывав-

шуюся поездку по Скандинавским странам. Окружающие в один голос твердили, что он просто не имеет права отказаться от приглашений, каждый визит представлялся чрезвычайно важным. Одни были искренни, другие стремились отправить отца подальше из Москвы, все равно куда: в Каир, Целиноград или Прагу.

* * *

12 июня 1964 года наша страна и ГДР заключили договор о взаимной помощи и сотрудничестве. В самом факте подписания соглашения ничего необычного не было. Подобные договоренности уже давно существовали между дружественными нам странами и Советским Союзом. Они служили как бы гарантией их неприкосновенности, декларировали, что нападение на наших друзей в Москве воспримут как войну против Советского Союза.

Тем не менее договор с ГДР уникален, он подводил итог многолетней тяжбе из-за Западного Берлина. Его нельзя рассматривать иначе как один из уроков, проистекавших из Карибского кризиса, как результат отказа отца от политики «давления», ставшего смертельно опасным.

12 июня подвели черту под Берлинским кризисом, текст соглашения четко фиксировал статус-кво. К примеру, в статье шесть говорилось, что «Высокие Договаривающиеся Стороны рассматривают Западный Берлин как самостоятельную политическую единицу».

Снималась и главная угроза: передача контроля над коммуникациями под юрисдикцию ГДР. В договоре фиксировалось: «До заключения Мирного договора США, Великобритания и Франция продолжают нести ответственность за осуществление на территории ФРГ требований и обязательств, оговоренных Правительствами четырех держав в Потсдамском и других международных соглашениях». Статья девятая снимала возможность любых зацепок, утверждая: «Договор не затрагивает Потсдамские соглашения».

Берлинская эпопея на этом не закончилась, но ее продолжение относится совсем к другой истории. В 1964 году никто не был в состоянии заглянуть в год 1989-й.

* * *

Вернувшийся в середине мая из поездки в Сайгон Роберт Макнамара заметил, что туда «может оказаться необходимым послать дополнительный персонал из США». У берегов Вьетнама патрулировали боевые корабли Тихоокеанского флота США, на близлежащих аэродромах теснились американские самолеты. Преобладали бомбардировщики. Оружия скапливалось все больше, недоставало последнего толчка, чтобы пустить его в дело.

Неизбежное произошло 2 августа. Американский эсминец «Мэрдок», патрулировавший в Тонкинском заливе, подвергся нападению со стороны трех вьетнамских катеров. Или не подвергся, а они только привиделись ночью, в шторм, когда нервы напряжены до предела. Сейчас эту загадку не разгадать. Мнения экспертов расходятся, надежные свидетельства отсутствуют.

Да это и не имеет особого значения. Главное, что эсминец открыл огонь, отбиваясь от реальных или мнимых врагов. Как раз тот случай, о котором говорят, что если бы его не было, то стоило его выдумать. Всё и все изготовились к атаке Северного Вьетнама. Оставалось только скомандовать. Президент Джонсон 5 августа обратился с посланием к конгрессу и почти одновременно отдал приказ к действиям. Первыми ринулись в бой тяжелые бомбардировщики. Началась война.

То, чего почти чудом удалось избежать два года тому назад в Карибском бассейне, прорвалось в Юго-Восточной Азии. В Белом доме полагали, что победа не за горами, но оправдалось мрачное пророчество Джона Маккоуна о том, что «их будет чертовски трудно выкурить». Действительно, обороняющего свой дом победить нелегко. Будь то на Кубе, во Вьетнаме или в Афганистане. Или где бы то ни было.

Отец в те дни объезжал целинные земли. После прошлогодней засухи хороший урожай был необходим как воздух. Он своими глазами хотел удостовериться, чего можно ожидать. Докладам отец не особенно доверял: оптимистически сулящие вначале горы зерна, к итогу они полнились то обложными дождями, то ранними снегами. Выступая в Целинограде, отец откликнулся на происшедшее гневной отповедью.

Едва он вернулся в Москву, я бросился к нему. Мне казалось, Советский Союз немедленно, всеми своими силами должен прийти на помощь Вьетнаму. Сильный обижает слабого! Отец охладил мой пыл, он совсем не был уверен в необходимости ввязываться в драку, опасался, что мы можем, сами того не желая, втянуться в войну с Америкой. Стоит только начать. Эту мысль, на разные лады, он повторял постоянно.

По его мнению, вьетнамское руководство в ту пору находилось под сильным китайским влиянием, и он не исключал возможности совершения намеренных действий, направленных к тому, чтобы столкнуть нас с США. Отец сказал, что оставить Хо Ши Мина без поддержки нельзя. Мы поможем Вьетнаму, пошлем им и вооружение, и другие грузы. Но... путь далек, никто не знает, как поведут себя китайцы, дорога во Вьетнам проходит через их территорию. О возможности широкого использования транспортных судов он не помышлял. В условиях господства на море американцы в силах установить морскую блокаду, как они попробовали в Карибском море. Осторожность и еще раз осторожность — такую позицию занял отец.

После отставки отца позиция Советского Союза изменилась. Новое руководство повело себя решительно. Ханою обещали всестороннюю поддержку. В первую очередь в борьбе с американской авиацией.

Одна за другой в Северном Вьетнаме устанавливались батареи зенитных ракет. Знаменитые «семьдесят пятые», сбивавшие У-2 под Свердловском, в Китае, на Кубе. Гарантии звучали недвумысленно: американские самолеты исчезнут из вьетнамского неба...

Однако закрыть небо Вьетнама не удалось. Оказалось, что ракеты совсем не такое абсолютное оружие, как утверждали их апологеты. К тому же в столкновении с реальным, а не с условным, соблюдающим правила игры противником один за другим стали выявляться недоработки, дефекты, которые в свое время сочли незначительными или просто закрыли глаза. Американцы снисхождения не оказывали.

Разгорелся большой скандал. Как водится, понадобились козлы отпущения. Их нашли. Освободили от командования противовоздушной обороной страны маршала авиации Судца, отставили от должности пер-

17—965

вого заместителя министра радиопромышленности Владимирского.

Война продолжалась...

* * *

На осень 1964 года Министерство обороны намечало два крупных мероприятия: очередные учения-демонстрации руководству достижений в области современных вооружений. На сей раз пришла очередь сухопутных войск. Сначала на одном из танкодромов вблизи Москвы предполагалось показать средства ведения боя — танки, артиллерию, вертолеты. Затем намеревались отправиться в Тюра-Там, осмотреть в действии межконтинентальные ракеты и космические средства. Отец еще ни разу не посещал космодром.

Как и раньше, приноравливались к расписанию отца. Оно оказалось невероятно плотным. Даже в отпуск летом ему уйти не удалось, пришлось отложить отдых на осень.

Вскоре после возвращения отца из Скандинавии открылась сессия Верховного Совета. На ней отец делал доклад «О мерах по выполнению Программы КПСС в области повышения благосостояния народа». Речь шла, в частности, об установлении пенсий колхозникам. Тем самым они переставали числиться людьми второго сорта. Государство впервые за все годы Советской власти признавало их равноправие.

Предлагалось также повысить заработную плату учителям, врачам и другим работникам непромышленной сферы. Все эти крохи отец выискивал, экономя на всем в течение всего последнего полугодия. С трудом удалось свести концы с концами. Средства отыскали, и он с законной гордостью докладывал о результатах.

Сразу после сессии отец отправлялся в Варшаву на празднование Дня возрождения Польши. Затем, после краткого пребывания в Москве, длительная поездка по целине. 27 августа он уже в Праге на праздновании 20-летия Словацкого восстания.

Показ новых вооружений с трудом удалось втиснуть в середину сентября. 14-го — в Подмосковье и следом вылет на два дня в Тюра-Там.

Наше конструкторское бюро демонстрировало две новые машины: здесь — крылатую ракету С-5, отслеживающую в полете рельеф местности, там — межкон-

тинентальную ракету УР-200. Обе разработки подошли к завершению, оставались заключительные пуски и дальше решение о приеме на вооружение или...

Подготовка к показу, как обычно, началась задолго до срока. Я занимался подмосковным вариантом. Тренировки следовали за тренировками, бесконечные поездки на танкодром мне изрядно наскучили: от нас требовалось немного — привезти пусковую установку и продемонстрировать плакаты. Здесь, в густонаселенной местности, выстреливать ракету оказалось просто некуда. Челомея такая пассивная роль не устраивала. Он убедил Гречко все-таки стрельнуть. Владимир Николаевич гарантировал, что ракета далеко не улетит, систему управления настроят так, что, не успев подняться, она спикирует в землю. Гречко немного поупрямился: если такая махина вылетит за пределы территории — греха не оберешься, но потом согласился. Ему тоже хотелось произвести впечатление на зрителей, в первую очередь — на отца.

Для демонстрации боевых возможностей крылатой ракеты Челомей придумал простейший прибор. На катушку намотали длинную бумажную ленту с нанесенными на ней возвышенностями, впадинами, пиками гор, ущельями. Начнешь вертеть ручку — в специальном окошке начинают проплывать горы и долины, а над ними висит птичка-ракета то поднимающаяся повыше, то опускающаяся к самой земле. Челомеевский прибор прозвали «шарманкой».

Наступил долгожданный день. Погода стояла прохладная. Вдали на опушке леса золотились осенней листвой березки. Неяркое солнце то и дело закрывалось бродившими по небу тучами. Маршал Гречко, отвечавший за операцию, больше всего беспокоился, как бы не пошел дождь. Но туча отступала, опять выглядывало солнышко, и маршал расплывался в улыбке.

Наконец появился отец. Машины остановились у штаба, и сразу набежала толпа. Она перекатывалась, пульсировала; только в центре, вокруг отца, как в оке циклона, сохранялось свободное пространство, небольшой кружок, удерживаемый охраной. В нем кроме отца стояли Брежнев, Кириленко, Устинов, Малиновский и еще кто-то. Передвигаясь от экспоната к экспонату, толпа постепенно приближалась к нашему стенду.

Брежнев сопровождал отца неотступно, не отходил от него ни на шаг, ловил каждое слово, жест. Готов был предупредить любое желание раньше, чем оно возникнет. Его преданность выглядела столь бесхитростно, что где-то трогала душу.

Челомей намеревался сам доложить о новой ракете, но не повезло, его где-то затолкали. Спас положение ведущий по машине, фактически хозяин ракеты от самого ее рождения. Он накануне прилетел с испытаний, худой, загорелый. Поискав последний раз глазами Генерального конструктора, он решительно завертел ручку «шарманки», поясняя по ходу дела, как за складками местности ракета, прижавшаяся к земле, остается не обнаруженной и не уязвимой для средств противодействия противника. Ведущий увлекся, властно отстранил рукой чем-то мешавшего его рассказу Малиновского. Тот покорно отодвинулся.

Тут сквозь толпу пробился раскрасневшийся Челомей, за ним поспешал председатель Государственного комитета по авиационной технике Дементьев, наш министр. Владимир Николаевич перехватил инициативу и вознамерился начать рассказ с начала. Отец остановил его, сказав, что товарищ все очень толково объяснил, ракета интересная и он желает ее создателям дальнейших успехов. Он пожал руку ведущему инженеру, Челомею и зачем-то Дементьеву. Вся свита двинулась дальше.

Владимир Николаевич остался с нами, он все выспрашивал, чем интересовался отец, как он реагировал, что говорили окружающие. Вокруг крылатой ракеты продолжалась возня. Артиллеристы никак не хотели принимать в свою семью «самолет». Так они презрительно окрестили новое оружие.

Тем временем основная группа подходила к зенитным средствам. Челомей прекратил расспросы и снова бросился вдогонку. Противосамолетная ракета, стреляющая сплеча, на манер базуки, отцу чрезвычайно понравилась. А вот зенитный автомат «Шилка» не вызвал положительной реакции. Я с ним не мог согласиться. Установка выглядела чрезвычайно изящной: из башенки крепко сбитого гусеничного танка упирались в небо счетверенные стволики орудий. Одним нажатием кнопки с легким жужжанием разворачивались две радиолокационные антенны. Считанные се-

кунды, и установка готова к делу. Она притягивала взгляд инженерной завершенностью конструкции. Ничего лишнего. Все на месте.

И отец не мог сказать против ничего конкретного. Он похвалил конструкторов, но тут же добавил, что время ствольной артиллерии ушло в прошлое. С ракетами ей тягаться не по силам. Обернувшись к Малиновскому, он не приказал — посоветовал еще раз как следует подумать, где найдется, если вообще найдется, место для «Шилки».

— Деньги нужно экономить, — строго закончил отец.

Малиновский угрюмо кивнул: «Будет выполнено».

Следующим объектом, привлекшим внимание, была система «Град» — преемница «Катюш». Особенно эффектной она показалась в действии, когда один за другим с надсадным завыванием вылетали из стальных сот реактивные снаряды и, прочертив огненной стрелкой небо, исчезали с глаз. И так без конца. Труб было много, несколько десятков, плотно упакованных в прямоугольный короб, установленный на шасси грузовика.

Через несколько секунд где-то вдали начали также нескончаемо рваться снаряды.

— Не дай Бог попасть под такой огонь, — заметил отец, пожимая руки конструкторам. Они сдержанно улыбались, косясь на свою установку. Среди рядов черных пустых отверстий предательски желтели хвосты несработавших снарядов, осечки. Отец сделал вид, что не заметил.

Через пару лет «Град» выжжет о. Даманский, продемонстрировав соседям за Амуром решительность руководства, пришедшего на смену отцу.

Дальше рядами стояли пушки, минометы и другие нарезные и гладкоствольные «чудеса». К каждому прилагался разнообразный набор снарядов и мин, бронебойных, бетонобойных, фугасных, осколочных, шрапнельных и «специального назначения», то есть химических. За ними вытянулись стенды с пулеметами, автоматами, гранатометами и разными другими приспособлениями для уничтожения людей. Отец выслушивал пояснения молча, не перебивая и не задавая вопросов. Он уже начал уставать.

Затем подошла очередь вертолетов. Я уже упоминал, что в те годы возможность их боевого применения вызывала горячие споры. Непривычно смотрелись вы-

совывающиеся из брюха, торчащие на консолях пулеметы, круглые, усеянные отверстиями пусковые установки неуправляемых ракет. По мнению докладывавших офицеров, за этим нарождающимся видом оружия — будущее, вертолет становится незаменимым средством поддержки пехоты и в наступлении, и в обороне. Отец не согласился с профессионалами, он повторил свою точку зрения — уж очень эти неповоротливые машины уязвимы для ракет. Особенно теперь, когда ракеты с прицепов автомобилей перекочевывают в руки пехотинцев. Военные нестройным хором возражали. Отец не стал спорить, он предложил еще раз все как следует взвесить, подумать и вернуться к вопросу о военных вертолетах отдельно. Несколько раздраженно он выговорил Гречко, который особенно рьяно отстаивал вертолетную позицию: ему-де хочется и то, и это, а о том, кому за все придется платить, маршал не задумывается. У него, то есть у отца, лишних денег нет, всего он закупить не может, от чего-то поневоле придется отказываться. Поэтому задача состоит не в том, чтобы указать, что нравится, а выбрать то, без чего уж никак нельзя обойтись.

Так в разговорах, осмотрах, стрельбе, вспыхивающих и быстро загасающих спорах день перевалил на вторую половину. Малиновский пригласил перекусить. Обедали тут же, на поле, столы накрыли в больших брезентовых палатках. Отец задал деловой тон, предложив не рассиживаться и никакого алкоголя — впереди еще много работы.

Вторая половина рабочего дня началась у, казалось, нескончаемого ряда танков и самоходных орудий. У меня просто разбежались глаза. Раньше я с танками близко не сталкивался. Жил понятиями Т-34, КВ и ИС-3. А чего тут только не было! Башни, которые специальной системой удерживались неподвижными при езде по любым ухабам. Пушки: одни нарезные с длиннющими дулами, другие гладкоствольные, но зато снаряды с миниатюрными, элегантными крылышками оперения. У меня шевельнулось ревнивое чувство — не только у нас крылья раскрываются в полете. Приборы ночного видения, прицелы стали уже обычны. На каждом танке обязательно несколько противотанковых ракет.

Отец рассматривал представленные машины вни-

мательно. Я бы сказал, придирчиво. Из вопросов сразу стало ясно главное: его беспокоит уязвимость танка. Выдержит ли он огонь противника? Не превратится ли в неуклюжую мишень?

Конструкторы демонстрировали броню двухслойную, трехслойную, пассивную защиту, активную защиту. Отец внимательно слушал, потом задавал один и тот же вопрос: «А если попадет противотанковый реактивный снаряд, выдержит?»

Конструкторы начинали переминаться с ноги на ногу, ежиться и многословно пояснять со всевозможными «если». Если попадет в лоб под определенным углом, то да. Если сработает активная защита. Если... Если... Если... Отец морщился...

Потом танки стреляли, поражая цель с предельных дистанций. Они выглядели просто великолепно. Но особый восторг у отца вызвали противотанковые управляемые снаряды. Он их увидел в деле впервые. Создавалось впечатление, что у танков нет защиты от них.

Демонстрация окончилась. Обменяться впечатлениями по свежим следам собрались в штабном домике. Подробный разбор предстоял после возвращения из Тюра-Тама.

Отец начал с танков. Первым делом выразил свое восхищение достижениями.

— Разве можно сравнить эти танки с теми, которые были в войну, даже самыми лучшими. Вот бы нам их тогда... — вырвалось у отца.

Собравшиеся одобрительно загудели, но отец резко сменил тональность. Он повторил свои слова, сказанные на Совете обороны весной 1963 года: мы следуем опыту второй мировой войны, критически не анализируем его... Отец сделал паузу, оглядел присутствующих. В зале висело напряженное молчание. Он продолжил, заговорил о том, что мы вообще по-другому должны взглянуть на армию, на ее задачи, на цели, которые ставим перед собой.

— Мы кого-нибудь собираемся завоевывать? — отец просто пробуравил взглядом сидевшего рядом с ним Малиновского и сам себе ответил: — Нет! Тогда для чего нам нужно это оружие, которое мы сегодня увидели?

Отец отдал должное конструкторам, сказав, что их труды, безусловно, заслуживают похвалы, но они делают то, что им «заказывают».

— А заказывают вот они, — отец ткнул пальцем в толпящихся маршалов. — Они определяют, что нам нужно, а что нет. Создается впечатление, что им нужно все.

Отец перешел к характеристике современной войны. Он давно раздумывал на эту тему, выступал в прошлом году на Совете обороны в Филях. То, что тогда выглядело наметками, переросло в убежденность: война между нашими двумя странами, СССР и США, невозможна. Ядерное оружие делает ее бессмысленной, победителя не будет. А без применения атомных боезарядов, отец считал, в войне не обойтись. Даже если в начале схватки против этого настроятся обе стороны. Все равно к концу у терпящего поражение возникнет непреодолимое желание изменить неблагоприятное течение событий в свою пользу, в конце концов просто отомстить, и он схватится за водородную бомбу.

В своем утверждении отец смыкался с недавно опубликованной на Западе и привлекшей пристальное внимание в профессиональных кругах нашей страны доктриной министра обороны США Роберта Макнамары. Он тоже исключал ядерное столкновение великих держав как средство завоевания мирового господства. На смену приходило ядерное сдерживание.

Отец продолжил. По его мнению, если мы исключаем возможность обычной войны между СССР и США, Варшавским Договором и НАТО, то зачем нам вся эта прорва вооружения? Все очень хорошо, очень современно, но стоит огромных денег. Лишних денег в стране нет. Поэтому нужно очень серьезно подумать, какая же нам требуется армия, а затем решать, чем ее вооружать.

— А то вы всех без штанов оставите, — отец шуткой попробовал разрядить обстановку, он дружески толкнул Малиновского кулаком в бок.

Шутка не имела успеха. Малиновский кисло, вымученно улыбнулся. Собравшиеся молчали. Многие помнили выступление отца на Совете обороны. Его возвращение к этой теме сулило новую реорганизацию, сокращение армии. Генералы такого не одобряли — сильное государство славно своей армией.

Они не ошиблись. Отец стал говорить о компактной высокопрофессиональной армии, территориаль-

ной милиции, высвобождении рабочих рук, столь необходимых в народном хозяйстве.

Отец подчеркнул: речь идет не только о том, какое оружие покупать, но и сколько. Ведь вооружение быстро устаревает, в первую очередь морально. Зачем нам тысячи танков, тысячи самолетов, если под дверью не топчется война? Это отнятые у людей, у народа и выброшенные деньги.

Нет, он не считал, что надо разоружиться — это заманчивая, но пока неосуществимая мечта. Армия должна обладать самым современным вооружением, но в разумных количествах. Не более того. Так же рачительно необходимо подходить и к типажу. Разные конструкции танков, пушек, близкие по своим боевым качествам при серийном производстве на заводах обернутся многомиллионными затратами, которые можно избежать, выбрав один, лучший танк, одну, лучшую пушку.

— А вы за народный счет хотите прослыть добренькими, не желаете портить отношения с разработчиками, принимаете все, что они дают, — бросил отец упрек в зал.

В ответ раздался глухой ропот. Отец еще немного поговорил о бережливости, о том, что армия существует для защиты народа, а не народ для армии. Наконец, он замолк. Других выступающих не предполагалось.

Отец поблагодарил присутствующих за проделанную работу.

Гремя стульями, все стали подниматься с мест, но не двигались к дверям. Сначала пропустили отца, за ним следовали маршалы. Я поспешил следом. У меня сильно болела нога. Я хотел попроситься у отца поехать с ним в Москву. Здесь сегодня делать было нечего. Когда я подошел к отцу, они с Малиновским о чем-то тихо разговаривали. Маршал выглядел удрученно, он как-то обреченно выслушивал то, что говорил отец. Я спросил разрешения. Отец в знак согласия кивнул и снова обернулся к министру обороны. Немного помявшись, я отошел к охране.

С точки зрения военных, показ не удался, вернее, имел обратный эффект. Малиновский хотел, похваставшись достижениями, получить «добро» на закупку нового вооружения. Вышло все наоборот. Предстояли

новые обсуждения с совершенно неизвестным исходом. Точнее, о результате нетрудно догадаться: главнокомандующий настроился «развалить» армию. Только так маршал воспринимал переход к какой-то мифической территориальной милиции. Предстояла борьба.

В тот момент ни отец, ни Малиновский не знали, что от главнокомандующего уже ничего не зависит, его предложения никого не интересуют, его команды никто не собирается исполнять. До «конца» оставался ровно месяц.

Домой ехали молча. Отец сел впереди. Сзади кроме меня и неизменного начальника охраны разместились Брежнев и Кириленко.

* * *

Через пару дней отец улетел в Тюра-Там. Я остался в Москве. Нога моя разболелась не на шутку. Пришлось взять бюллетень.

О происходивших на космодроме событиях я знаю не очень много. Рассказ отца растворился в последовавших вслед за его возвращением бурных событиях. Однако на некоторых подчас мелких эпизодах я бы хотел остановиться. О них я узнал от присутствовавших там сотрудников нашего конструкторского бюро.

Брежнев и в Тюра-Таме не отходил от отца ни на шаг. Старался предупредить малейшие его желания. Ему, наверное, казалось, что тем самым он как бы предохраняет себя, отводит в сторону подозрения. Как грустный анекдот выглядит рассказ о шляпе отца. В приаральской степи постоянно, во все времена года, дуют пронзительные ветры; различаются они только направлением и тем, какую беду приносят: стужу либо изнуряющую жару. В сентябре, в виде редкого исключения, они несли приятную прохладу.

Выставку расположили частично в ангарах, частично на открытом воздухе, раздел от раздела отгораживали условные стенки плакатов. Когда подошли к разведывательным спутникам, предательский порыв ветра сорвал с головы отца шляпу и покатил ее по дорожке в степь. Отец только дернулся, протянул вслед убегающей шляпе руку, но куда там...

Первым прытью, которой никто не предполагал у 60-летнего секретаря ЦК, за шляпой бросился Брежнев. Он обогнал многочисленных, куда более молодых охранников, догнал шляпу. Она уворачивалась, не давалась в руки, но он схватил ее, внимательно осмотрел, стряхнул рукавом налипшую пыль и с восторженной преданностью возвратил отцу.

Именно это выражение преданности врезалось в память, заставило выделить незначительный эпизод из массы других житейских происшествий.

* * *

С приближением решительного момента Брежнев чувствовал себя все неувереннее. Больше всего он боялся, что отец узнает...

И самое страшное произошло: отец узнал. Неприятную новость Брежневу сообщили в Берлине, он там возглавлял советскую делегацию, прибывшую на празднование 15-летия ГДР. Оно приходилось на 7 октября. Брежнев запаниковал. От страха он чуть не потерял рассудок. Как вспоминает Николай Григорьевич Егорычев, в то время человек осведомленный, в какой-то момент Брежнев вдруг отказался возвращаться в Москву, страх перед отцом парализовал его волю. Пришлось потрудиться, чтобы его уговорить. Свой испуг он компенсировал в речи, произнесенной по случаю торжественной даты. Такого панегирика в адрес отца мне еще не приходилось читать.

* * *

Было нечто символичное в том, что последнюю свою поездку в качестве Председателя Совета Министров отец совершил на космодром. Под занавес он смог полюбоваться трудами рук своих. Там его познакомили с экипажем нового космического корабля — трехместного, как и обещал Королев: Комаровым, Феоктистовым и Егоровым. Они собрались вскоре стартовать. Отец пожелал успешного полета и мягкой посадки. Он еще успеет провести с ними традиционный телефонный разговор, но встречать их на Красной площади будут другие.

Отцу показали легендарный старт, откуда отправился в космическое путешествие Гагарин, строящийся старт «сотки». Ей предстояло начать учиться летать сразу из шахты. Наблюдал он запуски Р-36 и «двухсотки».

О них состоялся большой разговор. Требовалось выбрать одну из двух, кому-то открыть дорогу в серию. До конца испытаний еще предстояло пройти нелегкий путь, но уже не оставалось сомнений, что обе ракеты залетают.

Предпочли Р-36. Я не знаю почему, ракеты казались практически одинаковыми. Я думаю, что отец испытывал некоторое неудобство перед Янгелем — в Пицунде «зарубили» его тяжелый носитель, в Филях отдали предпочтение челомеевской «сотке». По возвращении отца домой я пытался выяснить мотивы неблагоприятного для нас решения. Он не захотел обсуждать, ограничился кратким: «Мы решение приняли, у Янгеля ракета получилась лучше».

В последующие дни мне стало не до «двухсотки».

Вместе с Р-36 и «двухсоткой» обсуждалась и судьба королёвской Р-9А. Безнадежно отстав от своей соперницы Р-16, она только сейчас, в феврале этого года, закончила испытания. Никто не мог решить, что с ней делать. Смирнов с Устиновым стояли за прием Р-9А на вооружение. Брежнев с Малиновским сомневались, ничего нового она не привносила, только новые хлопоты: разнобой в компонентах, здесь кислород и керосин, там азотистые соединения, новая конструкция, новые тренажеры. Но... им очень не хотелось обижать Королева.

Решать предоставили отцу. Он высказался против. Запрет просуществовал недолго. После его отставки неблагоприятное решение пересмотрели, и в мае 1965 года Р-9А приняли на вооружение. Погоды она не сделала, ее время, не настав, прошло.

* * *

В сентябре 1964 года перед поездкой на полигон Челомей решил предпринять попытку приобщиться к участию в лунной гонке. В конструкторском бюро

подготовили плакаты-заявки с общим видом и параметрами новой ракеты. Вытаскивать их или попридержать, Владимир Николаевич собирался определить по ситуации на месте, в Тюра-Таме.

Мне казалось, что выдвигать еще одну лунную программу — чистое безумие, и одну-то вытянуть не удается. Челомей утверждал, что Н-1 — авантюра, по крайней мере техническая. Даже если ракета залетает, то как можно всерьез надеяться высадиться на Луне, имея на орбите Земли всего девяносто тонн. С такой массой полет становится проблематичным, не говоря уже о необходимых запасах. Ни у одного конструктора никогда еще не получалась машина, точно уложившаяся в заявленный вес. Да и высаживаться в одиночестве на чужой планете, в громоздком скафандре... Свою ракету Челомей назвал УР-70.

Правда, несмотря на то что новая ракета порядком раздалась вширь и изрядно подросла, отдаленное сходство с «пятисоткой» у УР-700 сохранилось. Весила эта «малышка» в полтора раза больше, чем Н-1. «Семисотка» потянула на четыре с половиной тысячи тонн. Казалось бы, много, но зато все опиралось на прочный фундамент накопленного опыта. Неожиданности при летных испытаниях сводились к минимуму.

Космонавтов планировалось двое, но корабль не разделялся на орбите Луны, а целиком садился на планету. Владимир Николаевич предпочел не рисковать. При нашей электронике расстыковаться — расстыкуешься, а потом что-нибудь откажет...

С новым предложением Челомей решил выступить у стенда «пятисотки». Психологическую задачу он рассчитал верно. Ракета впечатляла. Состояние работ на старте вселяло уверенность, что срок первого пуска УР-500 — середина следующего года — вполне реален.

Сначала Владимир Николаевич рассказал об УР-500 и ее возможностях. Затем перешел к планам на ближайшее будущее. Со стоящего на столе макета ракеты он снял головную часть и на ее место водрузил еще одну ступень. Полезная нагрузка, выводимая в космос трехступенчатой ракетой, удваивалась. На вопрос отца: «Почему сразу не сделать ракету трехступенча-

той?» — он ответил, что, усложняя задачу, постепенно, по шагам, получаешь больше шансов ее решить в отведенные сроки. Такая рачительность понравилась отцу и он поинтересовался: «Каким может стать очередной шаг?»

Челомей жестом фокусника развернул приготовленные плакаты с «семисоткой». Они явились сюрпризом для всех, даже для Дементьева, не говоря уже о Смирнове и Устинове. Владимир Николаевич рассчитывал на эффект внезапности. Отец выслушал доклад внимательно, доводы Челомея ему понравились. Но деньги?!

Договорились, что Владимир Николаевич проработает технические предложения, все как следует просчитает, прорисует, а тогда можно будет вернуться к обсуждению. Смирнов получил указание подготовить соответствующее решение Совета Министров. Подписал его уже преемник отца Алексей Николаевич Косыгин.

Челомей праздновал победу. По его мнению, за время подготовки материалов — на это уйдет год-полтора — окончательно выявится инженерная несостоятельность Н-1. На мой вопрос, как он надеется выиграть соревнования у Вернера фон Брауна, работающего над своим «Сатурном» уже третий год, он ответил легкомысленно: «Там видно будет». В тот момент Челомея волновал не Браун, а Королев. Для Королева на ближайшие годы основным соперником стал Челомей.

Я не знаю в подробностях, что происходило у королёвского стенда. Инициатива Челомея с УР-700 никак не поколебала положения Н-1. Работа зашла далеко, авторитет Главного конструктора у отца оставался непререкаемым. За Королева горой стояли Смирнов и Устинов, поддерживал его и Брежнев.

Доклад Королева получил одобрение. Смирнову предстояло подготовить мероприятия, обеспечивающие завершение работ в срок.

Вот, собственно, и все, что мне известно о последней встрече отца с ракетными конструкторами. После его отставки ни упорный Королев, ни обстоятельный Янгель, ни обходительный Челомей ни разу не позвонили ему, не поздравили с праздником. Отец не обижался: у них много других дел, им не до пенсионера. А может,

и обижался, но не подавал виду. В отставке он любил обсуждать многие темы, но были и такие, которые никогда не затрагивались. К запретной области принадлежали и его личные обиды, разочарования в людях.

* * *

С полигона отец возвратился подзагоревшим и, я бы сказал, посвежевшим. Увиденное там пришлось как бальзам на душу. Приятно насладиться результатами своего труда. А отец справедливо считал достижения в ракетной технике и космонавтике своими. Об этом ему не раз повторял и Королев. Отец усмехался, ворчал, что он по службе обязан интересоваться всем, поддерживать, опекать все новое, перспективное, но чувствовалось, что слова Главного конструктора ему приятны.

* * *

В Москве я встретил отца ошеломляющей новостью.

Пока отец находился на полигоне, на квартиру позвонил по «вертушке» Галюков, бывший начальник охраны Николая Григорьевича Игнатова, и сообщил, что его шеф разъезжает по стране, вербует противников отца. Его освобождение от должности — вопрос ближайшего будущего. Галюков намеревался все рассказать отцу, но так как того не оказалось дома, ему пришлось удовлетвориться разговором со мной. Еще неизвестно, попади Галюков на отца, каким оказался бы результат, стал бы он разговаривать с совершенно неизвестным человеком на такую скользкую тему? У меня самого в первый момент возникли серьезные сомнения. Но осторожность взяла верх, я встретился с Галюковым.

За время вечерней прогулки по подмосковному лесу, вдали от посторонних глаз и ушей, он мне рассказал такое, что в моей голове просто мир перевернулся. Брежнев, Подгорный, Полянский, Шелепин, Семичастный уже почти год тайно подготавливали отстранение отца от власти. В отличие от самонадеянных Маленкова, Молотова и Кагановича, рассчитывавших в 1957 году лишь на поддержку членов Президиума ЦК, на сей раз все обставили обстоятельно. Под тем или

иным предлогом переговорили с большинством членов ЦК, добились их согласия. Одни поддержали сразу: перестройки, перестановки им давно надоели. Других понадобилось уговаривать, убеждать, а коекого подталкивать ссылками на сложившееся большинство.

По словам Галюкова, акция намечена на октябрь, до открытия очередного пленума ЦК, где отец намеревался в числе других вопросов обсудить наметки к проекту новой конституции. В нее по настоянию отца внесли немало «крамольных» пунктов. К тому же, он не скрывал своих намерений на пленуме расширить, омолодить Президиум ЦК. Времени оставалось в обрез. Наступила последняя декада сентября.

* * *

1964 год вообще выдался каким-то зловещим. Один за другим уходили из жизни лидеры, к чьим именам мы привыкли с детства. Казалось, завершается целая историческая эпоха.

Летом, как обычно, направлялся на отдых в Крым Морис Торез. На сей раз он предпочел самолету неспешное путешествие по Средиземному и Черному морям. 11 июля Генеральный секретарь Французской коммунистической партии Морис Торез умер на борту теплохода «Литва».

Глава итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти отдыхал в Крыму. На детском празднике в Артеке он, почетный гость, встал, приветствуя собравшихся поднятой рукой, и рухнул на землю. Тяжелейший инсульт. Через несколько дней, 21 августа, он скончался.

Ровно через месяц, 21 сентября, умер Председатель Совета Министров ГДР Отто Гротеволь.

Прямо наваждение какое-то.

Со смертью Тореза и Тольятти переставала действовать их договоренность с отцом о том, что он в своей борьбе со сталинщиной не будет касаться открытых процессов. Они оба присутствовали там, своим именем, своей совестью подтвердили законность совершенных казней. Предстать теперь в об-

личии лжецов, покрывавших убийцу... Они уговорили отца. По мнению Тореза и Тольятти, дезавуирование открытых процессов могло привести к краху коммунистическое движение на Западе. Пусть Бухарин, Рыков, Пятаков, Зиновьев и множество других «во имя торжества правого дела» останутся убийцами, заговорщиками, отравителями. Так надо...

С руководителями двух крупнейших коммунистических партий Европы он не мог не посчитаться. Но оставить все так, без движения, он не считал возможным, отец хотел знать правду.

Назначили специальную комиссию. Она последние два года раскапывала архивы, сличала документы, искала и находила доказательства. Работа шла с неимоверными трудностями. В получении истины, казалось, заинтересован один отец, остальные старались помешать где тайно, где явно. Тем не менее дело двигалось. К середине 1964 года накопилось несколько томов документов. Отец говорил — пять. Собранные факты свидетельствовали однозначно: обвиняемые невиновны, открытые процессы фальсифицированы. Казалось, теперь можно опубликовать материалы, реабилитировать невиновных. Но время ушло. Эпоха кончалась! Уже кончилась! Просто мы этого тогда еще не ощущали.

* * *

Когда я рассказал отцу о полученной от Галюкова разоблачительной информации, он и поверил, и не поверил. Не мне, не Галюкову, а что такое вообще может статься.

— Брежнев, Шелепин, Подгорный — такие разные люди... — Отец на мгновение задумался и закончил: — Невероятно!

Мне самому очень хотелось, чтобы предупреждение оказалось пустышкой. Брежнева я знал 20 лет, с детства, чуть меньше — Подгорного и Шелепина. Теперь былые друзья превращались во врагов. Однако я считал своим долгом все рассказать отцу, ему одному предстояло оценить информацию и предпринять необходимые в таких случаях шаги.

Отец попросил меня сохранить все в тайне. Предуп-

реждение казалось излишним. Кому я мог рассказать о таком?.. Но сам он повел себя странно, нелогично и необъяснимо. Как бы стремясь избавиться от наваждения, он на следующий день после нашего разговора поведал обо всем Подгорному и Микояну.

Ладно Микоян, о нем Галюков не упоминал, но Подгорный... Его имя не однажды фигурировало в рассказах о деятельности Игнатова, который советовался с Подгорным, впрямую получал от него указания.

По словам отца, Микоян промолчал, а Подгорный энергично опроверг подозрения, просто высмеял его. Чего добивался отец? Он хотел услышать признание? Иной раз он совершал наивные поступки, но не в такой ситуации...

Видно, отцу очень не хотелось, чтобы информация подтвердилась. Опровержение из уст Подгорного... Он ему, конечно, не поверил, но, с другой стороны, столько лет он тянул его, сначала на Украине, потом в Москву и в Москве. Предательство друзей всегда ошеломляет.

Отец решил не менять свои планы. В этом году он не отдыхал летом и, разделавшись с неотложными делами, намеревался поехать в Пицунду. В Крыму в октябре холодновато.

С Галюковым он попросил разобраться Микояна. Анастас Иванович поговорит с ним и прилетит в Пицунду, там они все обсудят. Сам отец встретиться и выслушать информатора не пожелал.

Хотя я и немного обиделся на пренебрежение к моему предупреждению, но и успокоился. В минуту опасности так себя не ведут. В этом году мой отпуск тоже оставался неиспользованным. Я попросился с отцом, мне очень не хотелось отпускать его одного. Отец с охотой согласился: сведу я Галюкова с Микояном и могу ехать вслед на ним.

* * *

В последние сентябрьские дни отец отдавался делам, будто не существовало никакого предупреждения. Перед тем как покинуть Москву, 30 сентября, он встре-

тился с президентом Индонезии Сукарно, прибывшим в нашу страну с официальным визитом.

На следующий день он приземлился в Симферополе. Отец выбрал кружной путь, по дороге решил осмотреть новые птицефабрики, закупленные за рубежом. Его очень беспокоило, почему в наших условиях они быстро теряют свою эффективность. Количество кормов, затрачиваемых на килограмм привеса возрастало вдвое, а то и втрое. В чем дело? Поиск ответа на этот вопрос и тогда, в критический момент, представлялся отцу чрезвычайно важным.

В Крыму отца встречал Петр Ефимович Шелест, другие руководители Украины. Шелест все знал, первый разговор с ним Брежнев провел еще в марте. Посетили птицеводческий совхоз «Южный», затем бройлерную фабрику совхоза «Красный». Отец вел себя как обычно, вникал в суть, интересовался, как содержат птиц, как кормят. Шелест ожидал разноса, но его не последовало.

Через много лет в своих воспоминаниях Шелест отмечал, что отец показался ему как бы подавленным, менее уверенным, чем обычно. Возможно, это ему показалось.

В Крыму отец задерживаться не стал. Пожаловался Шелесту, что там угрюмо, холодно, и уехал в Пицунду. Отдых начался приемом 3 октября группы японских парламентариев во главе с господином Айитира Фудзияма. На следующий день отец встретился с парламентариями Пакистана.

* * *

Вскоре приехал Микоян. Что он рассказал отцу о своей беседе с Галюковым? Ни тот ни другой мне об этом не говорили.

Вместе они встретились с секретарем Краснодарского крайкома Воробьевым, он приехал их проведать и зачем-то привез в подарок отцу индюков. Воробьев фигурировал в рассказе Галюкова как одно из главных действующих лиц.

Возможно, его прислали проверить, чем занимается отец. Никто не знает, что доложил в ЦК Подгорному Воробьев. Он провел с отцом и Микояном целый день, вместе обедали. Переговорили обо всем. Отец

подробно интересовался, как идут дела в крае, каковы результаты уборки. Все как обычно. Только в конце встречи отец поинтересовался как бы невзначай, что́ за разговоры с ним, Воробьевым, вел летом Игнатов. И, не дожидаясь ответа, добавил: «Говорят, снять меня собираетесь».

Поведение отца Москве, видимо, представлялось загадочным. Он ничего не предпринимал. На всякий случай оповестили о намечаемых планах Малиновского. Вдруг отец надумает обратиться к нему. Малиновский, выслушав информацию, задал несколько малозначащих вопросов и согласился, что «старику» пора на покой.

В те дни, пока Брежнев находился в Берлине, в ЦК заправлял Подгорный. В кресле Председателя Совета Министров сидел Полянский. Все нити сходились к ним в руки.

* * *

Когда я приехал — это произошло, видимо, 11 октября, — то застал идиллическую, безмятежную обстановку.

На мой осторожный вопрос: «Что происходит?» — отец рассказал о своей беседе с Воробьевым. Отметив, что тот «все отрицал», флегматично заметил, что Галюков, наверное, ошибся или страдает излишней подозрительностью.

Я спросил, что мне делать с записью беседы Микояна с Галюковым. Мне казалось, что отец должен заинтересоваться, хотя бы прочитать ее. Отнюдь нет, он не выразил ни малейшего желания. Только бросил небрежно: «Отдай вечером Анастасу».

Анастас Иванович тоже пребывал в спокойствии. Правда, мои переписанные в целях конспирации от руки печатными буквами листки просмотрел внимательно. На заключительной странице углядел, что я не воспроизвел его замечание о том, что ЦК верит и не сомневается в честности Брежнева, Подгорного, Шелепина и других товарищей. Мне фраза показалась напыщенной, и я ее опустил. Оказывается, эти слова несли в себе важную смысловую нагрузку.

Затем Микоян попросил меня расписаться на по-

следнем листе, запись не должна оставаться анонимной. Спрятал оп мои листки в надежное место, в гардероб под стопкой нижнего белья.

* * *

На следующий день запустили космонавтов. Точно в срок, как и обещал Королев. Если на Байконуре все произошло без сбоев, то здесь, в Пицунде, обычный ритуал нарушился. Как правило, о таком радостном событии отца информировали немедленно. Первым — Устинов, как заместитель Председателя Совета Министров, отвечающий за военно-промышленные вопросы. Следом звонил Королев, а чаще отец соединялся с ним сам, спешил поздравить.

Занявший в прошлом году место Устинова Смирнов 12 октября не торопился. Вернее, он вообще не позвонил отцу. Пришлось его разыскивать. В ответ на вопрос отца о запуске Смирнов сказал, что все прошло нормально, космонавты на орбите. Он просто не успел позвонить. Отец рассердился: кольнуло ли ему в сердце предчувствие или он просто вспылил, но окончание разговора получилось резким. Отец раздраженно поинтересовался, как выполняются поручения, полученные Смирновым в Тюра-Таме? По возвращении пообещал разобраться. Разбираться ему не пришлось. Положив трубку, отец, казалось, забыл о размолвке. По крайней мере, он никак не выразил своего отношения. Я же его не спрашивал. Вопросы потеряли смысл.

После обеда, во время телефонного разговора с космонавтами, отец лучился благодушием. Он позвал Микояна, на связи они вместе желали успешного полета, обещали радушный прием на Земле, торжественную встречу на Красной площади в Москве. Космонавты в свою очередь уставно подтвердили готовность выполнить любое задание правительства.

Торжественная встреча состоялась, но с задержкой, 19 октября, когда с отцом покончили.

Космонавты все эти дни недоумевали: что их держат на полигоне? Было же просто не до них. В Москве командир экипажа полковник Комаров, рапортуя уже

другому премьеру, снова пообещал с честью выполнить любое задание правительства. Тогда и появилась присказка: «Готовы выполнить любое задание любого правительства». Первый анекдот послехрущевской эпохи.

* * *

Но это — потом. В тот же вечер в Пицунде, едва успели телевизионщики собрать свои кабели — они снимали репортаж об историческом разговоре с космическим кораблем, — как раздался звонок из Москвы. Кто звонил? Сегодня существует два мнения. В моих записях, сделанных вскоре после событий, и в памяти твердо держится — Суслов.

Все остальные свидетели утверждают — Брежнев. Можно предположить, что память очевидцев услужливо произвела подмену: первенство Брежнева в последующие годы обязывало его в тот день взять трубку. Я бы не сомневался в своей правоте, но меня настораживают слова Семичастного. В интервью, воспроизведенном в фильме «Переворот (Версия)», он утверждает, что Брежнев струсил и его силой волокли к телефону. Такая деталь запоминается, и ее трудно придумать. Так что, возможно, звонил и Брежнев. На самом деле, кто держал трубку в Москве, не имеет ни малейшего значения.

Москва настойчиво просила отца прервать отпуск и прибыть в столицу, возникли неотложные вопросы в области сельского хозяйства. Отец сопротивлялся: откуда такая спешка, можно во всем разобраться и после отпуска, время терпит. Москва упорно настаивала.

Кто-то должен был уступить. Уступил отец, он согласился вылететь на следующее утро. Положив трубку и выйдя в парк, он сказал присутствовавшему при телефонном разговоре Микояну:

— Никаких проблем с сельским хозяйством у них нет. Видимо, Сергей оказался прав в своих предупреждениях.

Продолжения беседы я не слышал, отец хотел поговорить с Микояном наедине.

* * *

Итак, поверил ли отец сообщению Галюкова с самого начала или прозрение пришло только сейчас?

Я думаю, скорее да, чем нет.

Возможно, не до конца. Сомневался. Хотелось ошибиться. Ведь все они не только соратники, но и старые друзья. С отцом связаны их первые назначения, вместе они работали до войны, прошли войну, вернулись к мирному труду. Он их привел с Украины в Москву, видел в них твердую опору, людей, которым можно довериться.

И тут такое!.. Но это политика...

В фильме «Переворот» Полянский вспоминает свой разговор с отцом по телефону. Отец позвонил исполняющему обязанности Председателя Совета Министров по какому-то сиюминутному делу. В заключение разговора, прощаясь, он задал, казалось бы, нейтральный вопрос, спросил:

— Ну, как вы там без меня?

— Все нормально, — ответил Полянский, — ждем вас.

— Так уж и ждете? — с грустной иронией переспросил отец.

Полянский уловил необычность интонации и немедленно доложил о подозрительном разговоре Брежневу и Подгорному.

Так почему же отец даже не предпринял всесторонней проверки информации Галюкова? Беседу с Микояном нельзя рассматривать как серьезный шаг.

В 1957 году в аналогичной ситуации он оперативно привлек на свою сторону армию и госбезопасность. Галюков сообщил, что Семичастный на стороне противника. Ну а Малиновский?

Отец имел все основания на него рассчитывать. Когда в 1943 году после самоубийства члена Военного совета Ларина Сталин уже занес топор над головой Малиновского, отцу с большим трудом удалось отвести удар. Малиновский об этом знал.

Однако отец даже не позвонил ему...

Он уехал, освобождая поле боя, предоставляя своим противникам свободу действий. Он просто не хотел сопротивляться? Почему?

Отец устал. Он все отчетливее ощущал, что ноша с каждым днем становится все тяжелее, а сил все меньше. Задуманные перемены не давали ожидаемых результатов. Государственная машина буксовала. Аппарат же валил на отца новые и новые проблемы, без него не обходилось ни одно конкретное решение: где и что строить, сколько чего производить, где и как пахать и сеять. Не оставалось времени подумать, не то что отдохнуть.

Я уже упоминал, что отец после своего 70-летия всерьез заговорил об отставке:

— Пусть теперь поработают молодые, — повторял он.

В такой ситуации отцу приходилось выбирать между никому не известным бывшим охранником и своими много раз проверенными сотоварищами.

Допустим, он поверил. Отбросил все сомнения и решил вступить в борьбу. Обстановка в 1964 году коренным образом отличалась от 1957 года. Тогда он сражался с открытыми сталинистами, речь шла о том, по какому пути двигаться дальше: сталинскому или развернуться к общечеловеческому? От исхода битвы зависела судьба страны. Отец принял бой и победил.

Теперь же? В Президиуме ЦК сидят его сторонники, люди, которых он отбирал все эти семь лет. Старался оставить лучших, самых способных, преданных делу. Нет, он не считал этих людей идеальными, но и найти более подходящих не удавалось. Он и они вместе делали одно дело, хуже или лучше, но одно и вместе.

Именно их он намеревался оставить «на хозяйстве», уходя на покой. Им предстояло продолжить начатое Лениным дело. Они...

Сейчас их обвиняли в том, что они в нетерпении решили поторопить естественный ход событий, получить сегодня то, что и так предназначалось им завтра.

И вот теперь необходимо сражаться с ними. Со своими.

А если бы отец смог победить?

Вопрос риторический. В 1964 году это было невозможно. Его не поддерживали ни аппарат, ни армия, ни

КГБ — реальные участники спектакля; ни народ, ему отводилось место в зрительном зале, отгороженном от сцены глубокой оркестровой ямой.

Время отца прошло. Но он-то об этом не знал.

Наверное, отец задумывался о победе, не мог не рассчитывать на нее. Так что же ожидало его в случае победы?

Логика борьбы диктует совершенно определенные шаги. Победив, придется устранить с политической арены побежденных противников. Я не говорю как. Сталин предпочитал убийство. В цивилизованном мире поражение означает отставку, переход в оппозицию. Только не сохранение у власти. Итак, отец должен был отстранить от дел своих ближайших соратников, тех, кого он подбирал последние годы, кому рассчитывал передать власть.

А дальше?

Дальше пришлось бы искать новых, все там же, на вершине пирамиды. Он попытался выдергивать людей с более низких уровней, но положительного результата опыт не дал ни в случае с министром Воловченко, ни со Смирновым*. Итак, оставалось снова искать там, где он уже отобрал, по его мнению, лучших.

Взбудоражить страну и после всего этого уйти в отставку, оставив страну на этих, на новых. Неизбежно возникала мысль: «А будут ли они лучше старых, подобранных тоже им самим? Стоит ли игра свеч?» Видимо, отец посчитал, что лучше предоставить решение судьбе, и не стал вмешиваться в естественное течение событий.

При таком предположении все сходится. Отъезд в Пицунду — единственный логически объяснимый шаг. И оставленный без последствий разговор Микояна с Галюковым... И встреча с Воробьевым... И разговор с Полянским, которому он издали погрозил пальчиком...

*Я уже упоминал обстоятельства назначения, минуя все иерархические ступени, директора янгелевского завода Смирнова прямо зампредом Совета Министров СССР.

Так же и директора белорусского совхоза Воловченко после его удачного выступления на совещании назначили министром сельского хозяйства. Отец надеялся, что он сможет вытянуть отрасль. Воловченко этого сделать не смог. — *С. Х.*

Он не хотел действовать. Если Галюков ошибся — тем лучше, не придется возводить напраслину на друзей. Если нет, то пусть будет, как будет. Он готов уйти в любой момент...

Я никогда не говорил на эту тему с отцом. Слишком болезненными для него оставались воспоминания об этих октябрьских днях. Все 7 последних отведенных ему лет. Но сам я много думал о событиях тех дней и недель, сопоставлял. Снова и снова возвращался к разговорам в Москве и в Пицунде. Другого объяснения я не нахожу. Возможно, кто-то думает иначе. Его право. Нам остаются только домыслы, догадки, логические построения. Правда ушла вместе с отцом.

* * *

Перед отлетом в Москву, утром 13 октября, отец принял французского министра Гастона Палевского. Они обсудили вопросы, связанные с развитием ядерных и космических исследований, перспективы контроля и сотрудничества в этой области. Прием длился недолго, отец выглядел рассеянным. Он догадывался, что весь этот разговор — пустая трата времени, ни ему, ни министру встреча уже ничего не дает.

Палевский этого не знал.

До аэродрома отца и Микояна сопроводил командующий Закавказским военным округом. На всякий случай. На Внуковском аэродроме в Москве его принял председатель КГБ Семичастный. Он сообщил отцу: «Все собрались в Кремле, ждут вас».

* * *

Два дня заседал Президиум ЦК. Отцу довелось выслушать немало горьких слов, резких и порой несправедливых обвинений. Он решил не сопротивляться. После первого бурного дня поздно вечером, вернее ночью, он позвонил Микояну и сказал, что решил подать в отставку со всех постов, подчиниться требованиям большинства. Телефон, без сомнения, прослушивался, и уже через несколько минут Семичастный сообщил радостную весть Брежневу.

Так что второй день прошел без волнений, один за другим вставали члены Президиума, кандидаты, секретари ЦК клеймили прошлое и присягали в верности будущему. Отец сидел, понуро опустив голову. О чем он думал? Еще вчера все они возносили его до небес...

В кратком перерыве между заседанием Президиума ЦК и пленумом он зашел в свой кремлевский кабинет в последний раз. Попросил секретаря пригласить Трояновского, единственного своего помощника, проходившего по штатам Совета Министров. Остальные сидели в ЦК, именно там сосредоточивались реальная власть, управление идеологией, сельским хозяйством, промышленностью.

Вот только международным делам делалось исключение, отец считал, что иностранцам привычнее общаться с Председателем Совета Министров, чем с партийным секретарем.

Отец прохаживался вдоль длинного стола для заседаний, остановился на мгновение у окна, оглядел кремлевскую площадь и снова возобновил свое хождение.

Дверь бесшумно приотворилась, в нее просунулась голова Трояновского.

— Можно, Никита Сергеевич? — вполголоса спросил он.

Олег Александрович понимал, что позвали его для прощания, но в глубине души шевелилась надежда: «А вдруг шеф припас очередную неожиданность, и на пленуме...»

Со словами «заходите» отец направился навстречу. Встретились они на половине пути, посередине большого кабинета, — так обычно отец встречал именитых иностранных гостей. Он оглядел Трояновского с ног до головы, как будто они не виделись очень давно, и глубоко вздохнул. Трояновский молчал, первым начинать разговор он считал неудобным, да и как к нему приступиться? Какие выбрать слова?

— Вот так, — наконец глухо проговорил отец. — Вы уже все знаете?

Трояновский кивнул головой и уже было открыл рот, чтобы произнести слова сочувствия, но отец опередил его.

— Моя политическая карьера окончена. Жаль, что так получилось, но ничего не поделаешь. — Голос его приобрел знакомое уверенное звучание. — Теперь главное — с достоинством пройти через все это...

Отец замолк, как бы прислушиваясь к своим словам, взвешивая их.

— Может быть, на пленуме настроение поменяется. — Трояновский не верил тому, что говорил, но ему очень хотелось поддержать отца в эту трудную минуту. — В пятьдесят седьмом...

Отец не дал ему окончить, как бы протестуя, поднял руку. Олег Александрович замолчал.

— Нет. Все кончено, — как бы раздумывая, тихо проговорил отец и после паузы добавил: — Учил меня когда-то Каганович, что с секретарями обкомов нужно встречаться почаще, не реже чем пару раз в неделю. А я пренебрег, перепоручил...

Трояновский понял, что утешения бессмысленны, отец все уже решил, смирился с судьбой. Отставка шефа могла круто повернуть и его судьбу, особенно если они «крепко» поговорили.

— А разошлись вы по-доброму? — решился задать он «свой» вопрос.

Отец задумался, как бы прикидывая.

— Да, можно сказать, что по-доброму, — грустно усмехнувшись, проговорил он и уже совсем другим, деловым тоном добавил: — Вам, наверное, следует вернуться в МИД.

Казалось, в нем проснулся былой Хрущев, он решал, приказывал. Но только на мгновение.

— Да что это я?.. — оборвал он сам себя. — Теперь от меня уже ничего не зависит. Спасибо вам за все, Олег Александрович, наверное, больше нам увидеться не доведется. Жаль, что нет остальных, передайте... — отец запнулся, — и слова не подберешь, — немного растерянно произнес он, — столько лет вместе...

— Все передам, — Трояновский пришел на помощь отцу.

— Спасибо, — облегченно отозвался отец, помощник очередной раз принял груз на свои плечи. — Что ж, давайте прощаться.

Они обнялись, но не поцеловались. Отец не любил сантиментов. Как он и предполагал, ему не довелось

свидеться со своими помощниками, а мне об этой сцене Олег Александрович рассказал более чем четверть века спустя.

* * *

Пленум ЦК заседал недолго. Без прений и обсуждений по докладу Суслова он вынес решение: «Удовлетворить просьбу т. Хрущева Н. С. об освобождении его от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья.

Пленум ЦК КПСС избрал Первым секретарем ЦК КПСС т. Брежнева Л. И.»

В те дни я наивно полагал, что последуют протесты, по крайней мере, люди проявят сочувствие отцу. Насколько мы бываем слепы в своих заблуждениях, особенно наверху... Никто об отце не горевал. Известие о его отставке встретили с облегчением, с надеждой на перемены...

Они вскоре наступили, но не те, которых ждали. Общество двинулось вспять...


ЭПИЛОГ
ЗАСТОЙ


8

Итак, в 1964-м те, кто ставил на реформы, на перемены, потерпели поражение. Я его не связываю с отставкой отца, он должен был уйти, все упиралось в тех, кто пришел ему на смену.

Я не собираюсь анализировать наступивший период. Он интересен и сложен в своем развитии. Слово «застой», которое мы с легкостью ввели в свой обиход, ничего не объясняет. Общество не стояло, оно развивалось. Сменилась цель, и социальная эволюция пошла в ином направлении, в тупиковом. Но не достигнув конца, не наткнувшись на стену, нелегко представить себе, что такое тупик.

На этом я остановлюсь.

Я же хочу завершить рассказ о некоторых проектах, которые октябрь 1964 года перерубил по живому.

* * *

В каких бы грехах ни обвиняли отца, начатую им работу над межконтинентальными баллистическими ракетами продолжали реализовывать без изменений. Принятые в предшествующие годы постановления никто не пересматривал. Правда, несколько изменилось отношение: восторженность отца сменилась бюрократической строгостью его преемников.

«Двухсотку» закрыли. Оставалось несколько подготовленных к старту ракет, их разрешили дострелять. Первый «утешительный» старт пришелся на конец октября. Ракета преодолела дистанцию успешно, попала, как говорится, точно в «кол». В таких случаях раньше всегда следовал звонок по ВЧ в Москву, победная реляция отцу и порция поздравлений от него.

Челомей нервничал: как-то у него сложатся дела с новыми руководителями, не припомнят ли ему симпатии Хрущева. О возможном повороте в его судьбе тогда судачили в открытую, одни с опасливым сочувствием, другие с нескрываемым злорадством.

Владимир Николаевич Брежневу звонить не решился. Они были приятелями с Устиновым, и Челомей опасался «дурного влияния». Он решил доложить Косыгину. Челомей рассуждал просто: Председателю Совета Министров в первую голову интересно знать, как обстоят дела с обороноспособностью страны. Владимир Николаевич в душе лелеял надежду, если, конечно, разговор сложится, попросить премьера заступиться за «двухсотку».

Соединили быстро, секретарь только осведомился: кто спрашивает? В ответ на приветствие Косыгин сухо осведомился: «В чем дело?» Владимир Николаевич стал докладывать: «Произведен пуск межконтинентальной ракеты УР-200, отклонения от точки прицеливания минимальные». Он назвал цифры, которые я, конечно, не помню, они сохранились только в служебном формуляре машины, хранящемся вечно.

Косыгин слушал, не перебивая, но и никак не реагируя: ни вопроса, ни поздравлений.

Наконец, Челомей замолк. Повисла пауза. Убедившись, что продолжения не будет, Косыгин переспросил:

— Чего же вы хотите?

Владимир Николаевич растерялся.

— Доложить хотел, — начал он неуверенно.

Продолжить ему не удалось.

— У вас что, министра нет? — добил его Косыгин.

— Есть... Дементьев, — совсем смутившись, ответил Челомей.

— В следующий раз звоните ему и докладывайте. Это его, а не моя обязанность заниматься ракетными запусками. Если возникнет необходимость, он меня проинформирует. Всего хорошего, — Косыгин положил трубку.

Челомей еще какое-то время вслушивался в потрескивающую далекими разрядами тишину... Когда московский телефонист-оператор осведомился, что еще требуется абоненту, Владимир Николаевич опомнился

и, пробормотав слова благодарности, опустил трубку на рычаг. Поначалу он пребывал в страшно расстроенном состоянии, тем более что в конструкторское бюро зачастили всевозможные инспекции и ревизии. Проверяли все: хранение материальных ценностей, бухгалтерию, выполнение планов, соблюдение секретности. Постепенно волны улеглись. Дела у Челомея наладились. Он установил контакт с Брежневым, его поддержал Гречко. Косыгину Челомей больше не звонил. О «двухсотке» не заикался.

Все силы конструкторского бюро поглотила «сотка». На ее разработку, изготовление старта ушло два года. Первый запуск состоялся 19 апреля 1965 года, чуть-чуть не совпал с днем рождения отца. Ракета получилась удачной, летала не то чтобы без срывов, но и не особенно капризничала. Испытания уложились в полтора года. Еще девять месяцев понадобилось на то, чтобы родить бумаги о приеме на вооружение. Ни Устинову, ни аппарату военно-промышленной комиссии не хотелось допускать чужака в свой дом. Но ничего не поделаешь, альтернативы не существовало.

В июле 1967 года на самом верху подписали постановление о массовой установке УР-100 в шахты. Именно с этого момента начался отсчет времени в достижении паритета. Его цена поднялась. Во времена отца Генеральный штаб оценивал потребности необходимой обороны в сотни боезарядов, теперь меньше чем о тысяче никто не хотел и разговаривать. И это только на первое время. Аппетит возрастал. Сегодня, когда цифры преданы гласности, мы оперируем уже десятью тысячами боезарядов. С этих вершин просто смешными представляются те два десятка Р-16 времен Карибского кризиса, которых оказалось достаточно, чтобы разумный человек посчитал возможный ущерб неприемлемым для цивилизованного государства. Одновременно с «соткой» приняли на вооружение Р-36. Дальше они так и шли дуэтом. И у американцев прослеживалось подобное сочетание: «Минитмен» и «Титан».

«Сотка» только заканчивала испытания, а Челомей уже увлекся новой идеей. На ее базе он собрался сделать непробиваемый щит, прикрывающий нашу страну от баллистических ракет. Что-то подобное

стратегической оборонной инициативе. По тем временам картина рисовалась совершенно фантастическая: спутники засекали ракеты противника, стоило им только оторваться от Земли, затем в дело вступали радары дальнего обнаружения, установленные на нашей территории. По их команде в небо взмывали на перехват тысячи специально оборудованных «соток». Они встречали чужие ракеты в далеком космосе, на пересекающихся курсах перехват длился доли секунды. За яркой вспышкой ядерного взрыва следовала струя жесткого излучения, сдирающая с боеголовки ее тепловую защиту, разрушающая все встречающееся на пути. С теми, кому посчастливилось прорваться, у границы атмосферы разделывались маневренные ракеты-перехватчики.

Своей идеей Челомей увлек Кисунько и Забабахина. Они втроем вышли в правительство с предложением создать абсолютное противооружие, которое почему-то окрестили «Тараном». Получили «добро». Работа закипела. Считали, рисовали, чертили, отбрасывали вариант за вариантом. Наконец, схема вчерне определилась. Настала пора принимать решение о следующем шаге. И тут Челомей вспомнил об экономике. Прикинули, сколько придется заплатить за безопасность. Оказалось, едва хватит государственного бюджета. Идею пришлось похоронить.

В те годы, годы рождения лазера, Челомею очень хотелось использовать и его потенциальные возможности. Именно лазер разрешит проблемы современной противоракетной обороны, утверждал Владимир Николаевич под снисходительные ухмылки коллег.

Теперь Челомей бредил орбитальной станцией. Он ей даже придумал название: «Алмаз». Но это иная, печальная история. Трагедия «Алмаза» разворачивалась, когда наши пути с Челомеем разошлись.

Сейчас «сотка» отслужила свое. Несколько лет тому назад я был на военных сборах. Известно, что офицеров запаса обычно знакомят с «бородатой» техникой. Мы изучали «сотку». Мне стало чрезвычайно приятно, когда офицер, наш лектор, назвал ее лучшей советской ракетой. Значит, тогда, на совете в Филях, отец не ошибся. На «сотке» жизнь не остановилась. О намечаемом переводе ракетных заводов на выпуск

речных судов вспоминали только тогда, когда хотели посмеяться над недальновидностью и субъективизмом предыдущего премьера.

Вскоре навалилась новая проблема: американцы придумали разделяющие головки. Мы не могли позволить себе отстать. Объявили конкурс. Главными претендентами снова выступили Янгель и Челомей. Обе новые ракеты удались. Янгель и Челомей постарались на славу. Гречко, ставший к тому моменту министром обороны, никак не мог выбрать. Да и за спиной каждого из претендентов снова маячили «покровители». Янгеля тянул Устинов, а сам Гречко болел за Челомея. Он пошел советоваться к Брежневу. Тот принял соломоново решение: на вооружение приняли обе ракеты.

Правда, пришлось заплатить в два раза дороже: все пришлось делать в двух вариантах, не только ракеты, но и старты-шахты, обслуживающие системы, запасные части. Когда я об этом рассказал отцу, он только крякнул и попросил переменить тему — о таком безобразии он просто не хотел слушать.

* * *

Шестнадцатого июля 1965 года пускали «пятисотку». Все прошло удачно. Челомей научился делать ракеты не хуже, а то и лучше «пушкарей». «Протон», лениво кувыркаясь, кружил вокруг Земли, ловил кварки. Мыслями же Владимира Николаевича в тот год завладела «семисотка».

Указание отца о проработке еще одного лунного проекта никто не отменил. 1965 год знаменовал собой начало лунной гонки в самом Советском Союзе. Правда, конкуренты, Королев и Челомей, вступили в борьбу не на равных. Челомею разрешалось просмотреть вариант тяжелого носителя и представить свои соображения на суд специалистов и начальства. Королев ушел далеко вперед. Работа над лунной ракетой велась уже четыре года. По крайней мере два с половиной, если отбросить первый сорокатонный вариант.

Неожиданно возникший конкурент, Челомей, с первых шагов очень беспокоил Сергея Павловича. При-

хлопнуть его оказалось нелегко. Ведь они находились в разных ведомствах: Королев — в Государственном комитете по оборонной технике, а Челомей — в авиационном, под защитой своего министра Дементьева. Правда, «разнобой» сохранялся недолго. В 1965 году восстановили в правах министерства. К старым добавились новые, в том числе и ракетное: министерство общего машиностроения. Министром назначили Афанасьева, опытного хозяйственника, правда, ничего не смыслившего в ракетах.

Как вспоминает бывший заместитель Смирнова Г. Н. Пашков, «специалисты» королевского ОКБ написали докладную записку министру С. А. Афанасьеву, в которой, с целью консолидации усилий и недопущения распыления сил и средств, предлагали закрыть, задушить в зародыше пока еще не оформившуюся челомеевскую идею. Пашков безбожно путает факты, смещает даты на годы, но это в нашем случае не так важно. Главное, такая записка была. Ее помнят и другие участники лунной эпопеи. Челомей очень нервничал, он ничего не мог противопоставить, кроме своего замысла, убежденности, что только его вариант единственно реализуем в наших условиях. Но как доказать свою правоту новому министру? Как убедить его? За спиной у Королева стоял не только Устинов, но и первый спутник, и Гагарин. Ясно, что веры ему будет больше. А время шло. Завершался 1965 год.

Владимир Николаевич за год скомпоновал «семисотку», в общих чертах «сбил» кооперацию. Последнее давалось особенно трудно, многие из смежников тянули с согласием, оглядываясь на начальство. После смещения отца Челомей не всем теперь представлялся желанным партнером. На счастье, крепко держался Глушко. Он твердо обещал сделать новые двигатели и, не дожидаясь официального решения, приступил к эскизным проработкам.

Челомей уповал на максимальное использование в УР-700 апробированных решений, готовых узлов и приборов. Новое допускалось только там, где испытанные решения просто не проходили. Иначе, по его мнению, ракету, способную достичь Луны раньше американцев, не отработать.

После жалобы министру его отношения с Королевым испортились напрочь. Докладную Челомей посчитал ударом ниже пояса. Вся эта история напоминала ему пятьдесят третий год, когда он также оказался неугодным конкурентом и его конструкторское бюро, чтобы не мешал, отдали Артему Ивановичу Микояну. Тогда его «делом» занимался Берия, теперь Устинов.

Афанасьев назначил экспертную комиссию. Кроме чиновников, представителей Академии наук в нее входили и работники обоих конструкторских бюро. Возглавил комиссию президент Академии наук Мстислав Всеволодович Келдыш, «теоретик космонавтики» — так тогда многозначительно и анонимно писали о нем в газетах. Все эксперты отлично знали друг друга. Каждый имел свои пристрастия и заранее знал, в чью пользу он выскажется. Большинство симпатизировало Королеву. Челомей совсем запаниковал. Он и Келдыш недолюбливали друг друга. Это тянулось уже давно, а теперь в руках Келдыша оказывалась судьба «семисотки».

Первый визит комиссия нанесла Челомею.

Перед приездом гостей в конструкторском бюро не спали несколько ночей, рисовали, исправляли нарисованное, снова рисовали. Владимир Николаевич, его характер никогда не был легким, окончательно издергался. Требовалось не только успеть нарисовать, но, главное, и принять единственно верные технические решения. Работа над ракетой едва началась, а судить будут асы, спецы. Несмотря на спешку, успели. Плакаты выставили в огромном кабинете Челомея на шестом этаже главного корпуса.

Наконец комиссия прибыла. У дверей внизу выстроились ведущие специалисты ОКБ, занятые в лунном проекте. Министр пожал каждому руку. Затем гости на лифте поднялись на шестой этаж, «свои» догоняли их по лестнице пешком. Разбирательство началось с утра и продолжалось не один день. Проверяли дотошно. Не на все вопросы гостей удавалось сразу давать удовлетворительный ответ, порой «требовалась дополнительная проработка». Наконец, экспертиза завершилась. Выводов не делали, предстояло посещение ОКБ Королева. Прощаясь, министр вновь обошел выстроившихся, как на плацу, инженеров. Они

вглядывались в его лицо, ловили «знак». Как доброе предзнаменование передавали слова Афанасьева — якобы он произносил при каждом рукопожатии: «Работайте... Работайте... Работайте...»

Значит, закрывать не намерены. Настроение на фирме поднялось.

Королев плакаты не жаловал — для него они были так, бумажки, ими начальство не впечатлишь. Сергей Павлович любил макеты, они доходчивее, их можно пощупать, открыть крышку, взглянуть в хитросплетение проводов и россыпь непонятных деталей.

Комиссию приняли солидно. Показали задел. В отличие от челомеевского конструкторского бюро, тут уже многое пошло в производство.

Министр несколько растерялся. Слушая Челомея, он проникся его аргументами, его правотой. Казалось, ракету нужно делать именно так, как говорит Владимир Николаевич.

Здесь отстаивалась противоположная точка зрения, и не менее убедительно. Афанасьев не знал, куда склониться. Уезжая от Королева, он так же пожал всем руки. Теперь он произносил: «Думайте... Думайте... Думайте...»

Для принятия окончательного решения все материалы надлежало отослать в министерство, в адрес комиссии. В истории лунной программы она получила название «комиссии Келдыша».

В тот вечер, когда Челомей подписывал свои «Технические предложения», я по какому-то делу зашел к нему. Настроение у Владимира Николаевича было смурное. Слово за слово разговор скатился к «семисотке», лунному кораблю. Его называли ЛК-700. Я настраивал Владимира Николаевича на борьбу. Убежденный сторонник «семисотки», а кем я еще мог быть, я считал нобходимым открыть глаза начальству. Иначе не видать нам Луны как своих ушей. Даже если произойдет чудо и Н-1 полетит: девяноста тонн орбитальной массы не хватит для межпланетного полета. Келдыш это обязан понять!

Челомей отложил подписанные им папки на край походившего на крыло самолета дубового письменного стола. Немного помолчал, прикоснулся к папкам рукой, как бы прощаясь.

— Не буду я с ними бороться, — с каким-то надрывом произнес Владимир Николаевич, — нет у меня сил.

Я бросился его разубеждать, его бойцовские качества знали все. На сей раз Челомей был настроен пессимистически. Он лучше меня представлял сложившуюся обстановку, понимал, что победить ему не удастся. Ведь под всеми обещаниями Королева стояла еще одна подпись — Устинова. Даже поход к Брежневу, если захочет он его принять, ничего не даст. Брежнев сделает так, как скажет Устинов.

— Не буду я бороться, — повторил Владимир Николаевич, — задача моей жизни — сделать «сотку». Я скоро умру...

Последние слова прозвучали совершенно неожиданно. Челомею только недавно перевалило за шестьдесят, выглядел он отменно, лишь волосы чуть поредели и стали совсем седыми. На мои возражения он не отреагировал. Я использовал последний аргумент — испытания «сотки» подходят к концу, надо думать о будущем.

Челомей возразил: «Успешное завершение разработки только первый шаг. А постановка в шахты? Работа только начинается».

Технические предложения ушли в министерство. Челомей на заседания комиссии Келдыша почти не ездил, посылал своих заместителей. Возможно, ему не хотелось присутствовать на собственных похоронах, результат уже ни у кого не вызывал сомнений. Пока же заседание собиралось за заседанием. Эксперты обсуждали, спорили и соглашались продолжить работу при следующей встрече.

Королев не допустил бы такой волокиты, но его к тому времени уже не стало. В январе 1966 года он умер во время несложной операции по удалению полипов. Прямо на операционном столе. Известие о его смерти как обухом по голове ударило. О какой конкуренции можно думать, когда так глупо и так рано погиб такой человек!.. На Челомее в те дни просто лица не было.

Новый Главный конструктор Василий Павлович Мишин, бывший главный баллистик фирмы, слыл человеком мягким, не умел в нужном кабинете «по-коро-

лёвски» ударить кулаком по столу. Да и авторитет у него был не тот. К тому же времена менялись. Становились легендами воспоминания о том, как на согласование графиков работ, прилагавшихся к постановлению правительства, Устинов отводил неделю. Теперь согласование документов отнимало многие месяцы, а то растягивалось и на годы. Помнится случай, когда, получив последнюю подпись на проекте графика создания орбитальной станции, ведущий инженер, перебирая замусоленные листки, с грустью сообщил, что первую уже сняли. Ее поставили так давно, что сроки истекли. Приходилось начинать сначала.

Комиссия Келдыша закончила свою работу в ноябре 1966 года. Она одобрила проект Н-1, дала согласие на запуск лунного корабля, обеспечивающего высадку на поверхность планеты одного космонавта. К тому времени, как и предсказывал Челомей, вес лунного блока увеличился. Едва укладывались в 95 тонн. Пришлось поднимать стартовый вес ракеты. Это в свою очередь вызывало добавку еще шести двигателей. По сути дела, переделке подлежала вся первая ступень.

Челомей вновь предрекал, что и девяноста пяти тонн не хватит. Придется снова переделывать. По свидетельству Юрия Александровича Мозжорина, доктора технических наук, директора головного в отрасли института ЦНИИМаш, непосредственного участника всей лунной эпопеи, «понадобилось еще чуть-чуть... И здесь выход был найден: заправка переохлажденным кислородом и керосином позволяла взять на борт больше топлива». Выбирали последние крохи.

На основании заключения экспертов в феврале 1967 года вышло новое постановление правительства. Сроки там ставились невыполнимые — начать летные испытания через полгода, высадку экспедиции на Луну планировали на третий квартал 1968 года. Спешили обогнать американцев. Постановление вызвало всеобщее удивление. Для отработки ракеты планировалось производить не менее четырех запусков в год, иначе за американцами не угнаться. Мощностей куйбышевского завода едва хватало на три ракеты в два года. И визировавшие график, и подписывающие дирек-

тивное указание закрыли глаза на вопиющее несоответствие.

Мы отставали все безнадежнее. Даже при выполнении волевых сроков постановления к моменту первого полета «Аполлона» успевали сделать единственный запуск Н-1. Теоретически...

Тогда шарахнулись снова. Решили совершить облет Луны с помощью «пятисотки». Устинов приказал осуществить рекордный эксперимент к 50-летию Советской власти, 7 ноября 1967 года.

Челомей нервничал: одно дело «Протон» — двенадцать тонн железа, другое — человек. Тут требуется абсолютная надежность, а ракета едва выучилась летать. К тому же ему совсем не улыбалось работать на конкурента.

Облетать Луну предполагалось на «Союзе». На таком же корабле, на котором стартовали Комаров, Феоктистов и Егоров в октябре 1964 года. К лунной программе он никакого отношения не имел, его полет, кроме звона в прессе, ничего для проекта не давал. Конечно, это в случае удачи. А если авария?.. Она представлялась весьма вероятной.

Теперь королёвцы навалились на «Союз». Естественно, в ущерб главному. Вот что вспоминает все тот же Юрий Александрович Мозжорин: «Подготовили семь кораблей типа «Союз». Тогда их называли зондами. Отрабатывали вход в атмосферу с рикошетированием и повторным входом. Для этого использовались носитель «Протон» и блок «Д» корабля Л-3*. Посадка предусматривалась в Казахстане. Два пуска проводились с приводнением в Индийском океане. Получилось. В один из зондов тайно засунули черепаху. Она вернулась живой.

К счастью, американцы облетели Луну первыми, и наш запуск отменили. Решили не позориться. Челомей вздохнул с облегчением.

На пустую работу королёвцы потратили изрядные силы. Безвозвратно потеряли время. Ни во втором, ни

*Л-3 — космический корабль, предназначенный для высадки одного космонавта на Луну; блок «Д» — тормозной блок, обеспечивающий переход на траекторию спутника Луны. — *С. Х.*

в третьем квартале 1967 года о запуске Н-1 больше не приходилось и мечтать. Без Королева будущее представлялось все более туманным. «Смогут ли его преемники справиться с такой грандиозной задачей?» — сомнения одолевали Афанасьева все чаще. Ведь отвечать в конечном итоге придется ему.

Во втором полугодии 1967 года министр решил возобновить работы по «семисотке». Он поручил Челомею подготовить проект постановления, предписывающий в течение года закончить эскизный проект ракеты УР-700 и лунного корабля ЛК-700 для двух космонавтов. Владимир Николаевич взялся за работу без особого энтузиазма. Нет, он не отказывался. Челомей просто не верил, что удастся хоть что-нибудь сделать. Время упущено, до американской высадки на Луну остается чуть больше полутора лет. Из них год — на эскизный проект.

Все надеялись на чудо. Строили свои расчеты на том, что у американцев что-нибудь сорвется, начнутся неудачи, затянется время. А мы — тут как тут. Челомей не разделял этих, как он считал, размагничивающих, несерьезных предположений. Он внимательно следил за каждым шагом американцев, с нескрываемым уважением отзывался о продуманности всех этапов. По его мнению, серьезных сбоев в программе «Аполлон» ожидать не следовало. Конечно, возможны случайности, катастрофы. Но рассчитывать на них несерьезно.

Начиная «двухсотку», «пятисотку», «сотку», Челомей вгрызался в работу с хрустом, со вкусом, не давал покоя ни себе, ни другим. Сидели в конструкторском бюро допоздна, не считали ни выходных, ни праздников. Проектирование УР-700 началось будничпо, порядовому. Нельзя сказать, что Генеральный не интересовался работой, он уделял проекту столько времени, сколько требовалось. Не больше. Работы завершили в срок. Эскизный проект корабля — в октябре, а ракеты УР-700 — за два дня до срока, 15 ноября 1968 года. Челомей рассеянно полистал тома, осведомился у заместителей, все ли в порядке.

Достав свой золотой «Паркер», Челомей привычно полюбовался пером — хорошие авторучки были его слабостью — и подписывал том за томом. На вопрос:

«Как быть с проектом?» — он ответил: «Отсылайте по почте».

Это был верх пренебрежения к работе и к адресату. Мало-мальски важную бумагу он всегда вез сам, заходил к министру, реже к заместителю, растолковывал, показывал, убеждал. Чаще выходил из кабинета победителем, реже, — проиграв сражение. Почта же означала одно — Генеральный не только не рассчитывает на успех, но и не стремится к нему. Ведь, получив тома, заместитель министра отошлет их по инстанции, и начнут они бродить по кабинетам. Неделю полежат на одном столе, две — на другом, пока не осядут навсегда в деле самого младшего клерка. Как и предполагалось, никакой серьезной реакции на эскизный проект не последовало. Конечно, состоялись совещания, обсуждения. Но активность быстро иссякла. «Семисотку» в лунной программе всерьез использовать не намеревались.

К тому времени дела с Н-1, казалось, сдвинулись с мертвой точки. На начало следующего, 1969 года планировался первый запуск. Необходимость в резервном варианте вроде бы отпала. Сколько надежд возлагалось на этот сырой, неотработанный пуск. Пропустив этап стендовых испытаний, решили сразу лететь. Вдруг повезет?! В ракетном деле чаще не везет, чем везет, а «вдруг» — никогда.

Пристыковали лунный корабль и возвращаемый аппарат. Если все же корабль выйдет на орбиту, то удастся провести испытания и следующего этапа. Естественно, в автоматическом режиме.

Пускали 21 февраля 1969 года, за полгода до старта американцев. На семидесятой секунде в хвостовом отсеке возник пожар, что-то случилось с двигателями. Как пишут в отчетах: «Полет прекратился». Ведь ракету собирали на старте. Подготовка следующего пуска требовала, как минимум, год. Год напряженного труда многих тысяч людей. Параллельно предстояло проанализировать телеметрию, понять, что случилось, внести исправления, проверить на стендах. Хотя полноразмерных стендов так и не создали, но кое-что отработать на земле удавалось.

Тем временем настроение у Челомея изменилось. Он решил попытаться реанимировать «семисотку».

Ему удалось уговорить министра санкционировать на ее базе проработку возможности посылки экспедиции на Марс. Тогда и американцы и мы самонадеянно считали, что Луна — это лишь ступень лестницы, ведущей в далекий космос. Пока Мишин возится с Луной, Владимир Николаевич решил забить кол, взять приоритет на полет к красной планете.

Выходить на постановление правительства не решились. Афанасьев 30 июня 1969 года издал свой приказ о разработке проекта УР-700М и марсианского корабля МК-700. Срок устанавливался снова год.

В 60-е годы до Марса, казалось, рукой подать. Уже примерялись, кто окажется первым. Вспоминается одно интервью тех лет. Кого-то из специалистов НАСА спросили о реальности полета человека на Марс. Тот ответил, что не видит никаких принципиальных технических трудностей, все дело только в деньгах и во времени. Если найдется кто-либо, готовый заплатить двести миллиардов долларов, примерно в десять раз больше, чем за проект «Аполлон», то лет через 15 человек сможет отправиться в далекое путешествие. Желающих выложить такие деньги не нашлось ни у них, ни, слава Богу, у нас. Владимир Николаевич торопился напрасно. Досрочно в апреле семидесятого года он сдал аванпроект марсианского космического корабля, а следом, в октябре, и проект доработанной ракеты. На этом эпопея УР-700 закончилась, она стала историей.

Лунная гонка завершилась 20 июля 1969 года: Нейл Армстронг и Эвин Олдрин высадились на поверхность планеты. Джеймс Коллинз ждал их на орбите.

Казалось, вот тут бы и остановиться. Все равно проиграли. Зачем тратить лишние деньги? Но об этом не хотели и слышать. Н-1 продолжала агонизировать. Следующий пуск состоялся почти через полтора года после первого, 3 июля 1970 года. Тридцать двигателей. Для управления их работой создали специальную систему. Она выясняла, какой двигатель отказал, выключая его и одновременно парный, чтобы ракету не переворачивало. Назвали ее КОРД. Я не знаю, что это слово означает, предполагаю: координатор отключения ракетных двигателей.

Во втором пуске Н-1 все свершилось в одно мгнове-

ние. После команды «отрыв пяточного контакта» прошло несколько секунд, ракета едва поднялась, как в одном из двигателей разрушился кислородный насос. Система КОРД замешкалась, запуталась и... отключила разом все тридцать движков. Н-1 тяжело осела и рухнула на старт, вспыхнул пожар. Я не берусь описывать, как горят почти три тысячи тонн керосина и кислорода, соединившись воедино. Не видел! А воображения не хватает. Старт разрушился полностью.

Американцы с завидной регулярностью совершали рейсы на Луну. Мы все пытались оторваться от Земли.

Прошел год. Третий запуск Н-1 назначили на 27 июля 1971 года. На этот раз весь полет уложился в десять секунд. Из-за неучтенного газодинамического момента ракета нештатно завращалась вокруг продольной оси. Сработал ограничитель поворота и... Снова сгорел стартовый комплекс.

Прошло еще полтора года. В четвертый раз вывезли ракету на старт. Еще никто не знал, что в последний.

Испытания назначили на 23 ноября. Мишин болел. Всеми работами руководил его заместитель Борис Евсеевич Черток. Старт прошел нормально, ракета, как говорится, ушла. Это уже считалось достижением, не придется восстанавливать «Землю» в третий раз. Полет длился сто семь секунд, первая ступень не доработала всего десять секунд, когда вся махина начала колебаться и в конце концов разрушилась...

Нетрудно себе представить ощущение космонавта, собирающегося стартовать на Н-1, если он знает, что предыдущие полеты закончились аварией. Да и вообще не было никакой уверенности, что пятый полет пройдет нормально. Оставалась надежда, такая же призрачная, как в первом, втором, третьем и четвертом запусках.

Юрий Александрович Мозжорин пишет: «Почему были закрыты проекты Н-1 и Л-3?.. Во-первых, после четырех аварийных пусков стало ясно: для осуществления безопасности высадки человека на Луне требуется пройти долгий и тщательный путь отработки ракеты-носителя и всех элементов экспедиционного комплекса. Затраты оценивались суммой более десяти миллиардов рублей...»

Я не буду продолжать цитату. Вполне достаточно и «во-первых». Мы знаем, что предварительные прикидки затрат у нас всегда возрастают в несколько раз.

Кандидат технических наук Владимир Васильевич Вахниченко высказывается еще более пессимистично: «После первой аварии... Главный конструктор В. П. Мишин еще надеялся на «чудо»... Аварийные пуски продолжались, а чудо не происходило... Исчерпав «кредит доверия» после четырех аварийных пусков Н-1, наш лунный проект был закрыт».

Наверное, автор не совсем прав, академик Мишин не просто надеялся на чудо, а пытался устранить замеченные недостатки, но совладать со столь сложной машиной не смог.

Иначе объясняет неудачу с Н-1 сотрудник ОКБ имени С. П. Королева доктор технических наук Георгий Степанович Ветров. Он считает, что... одна из причин, помешавших осуществлению столь грандиозного проекта, — распыление сил и средств... интересы дела требовали кооперации трех ОКБ — С. П. Королева, М. К. Янгеля, В. Н. Челомея, чего настойчиво добивался Сергей Павлович.

То есть, другими словами, всю нашу ракетную промышленность следовало подчинить интересам одного проекта. А УР-100? А Р-36? Слава Богу, такого не случилось.

Я думаю, что иного выхода из положения, кроме закрытия Н-1, в то время у Устинова не было. Он вместе с Королевым стоял у истоков этого проекта, каждый неудачный запуск больно бил по его престижу. Как человек опытный, он понимал, что неудачи могут продолжаться долго, а в конце пути не ждет ничего, кроме повторения уже сделанных американскими астронавтами открытий.

Академик Мишин в своем интервью в «Правде» считает прекращение работ по Н-1 большой ошибкой: «Разные блоки нашей унифицированной Н-1 могли служить и «Союзом», и «Протоном», и «Энергией», выводя соответствующую нагрузку — от 7 до 100 тонн».

Концепции такой универсальности, никогда не оправдывавшейся в ракетостроении, где все должно

быть функционально пригнано друг к другу, возражает все тот же Мозжорин: «Что показало время? Отвечая на этот вопрос с современных позиций, можно сказать, что решение о закрытии проекта Н-1 было правильным. В то время — да и сейчас тоже — не было конкретных полезных нагрузок под Н-1, а практика показывает, что нельзя создавать носитель без привязки к целевым задачам. Даже для многоразового орбитального корабля «Буран» нельзя было использовать Н-1 без существенной переделки...»

В этом споре стороны никогда не достигнут согласия, каждая останется при своем мнении. Казалось бы, восторжествовал разум: мы сэкономили деньги. Но вряд ли они были использованы с пользой, ведь за Н-1 последовали многомиллиардные затраты на «Буран» и «Энергию».

Кстати, о затратах. Американцы свою экспедицию на Луну оценили в двадцать пять миллиардов долларов. Нам, считает академик Мишин, разработка Н-1 обошлась почти в десять раз дешевле. Я позволю себе усомниться. Так не бывает. Видимо, он говорит только о расходах своего ОКБ. Но и в этом случае каждая секунда последнего рекордного полета Н-1 нам стоила по двадцать пять миллионов...

Пустить уже изготовленные ракеты не разрешили. Они пошли под копер. Одни считают принятое решение преступлением, другие — экономией средств. Каждый запуск обошелся бы еще в дополнительные миллионы. Не берусь судить.

Сейчас на космодроме Байконур о Н-1 напоминает сделанная из обшивки ракеты крыша над автостоянкой, беседки из половинок циклопических баков в сквере да повисшая над танцплощадкой ажурная переборка с большими круглыми отверстиями.

И еще неизбывное чувство тоски у тысяч и тысяч инженеров всех калибров, отдавших свои жизни машине, которой, оказалось, не суждено взлететь. Тоски, безответно ищущей: кто виноват? Так печально завершилась судьба Н-1.

Так почему мы не слетали на Луну?

Проект изначально был обречен на неудачу. Бесконечные переделки свидетельствуют о нечеткости первоначального замысла. Сам Мишин говорит, что для

старта к Луне на орбиту нужно вывести более ста тонн. А он расчетчик, теоретик. Определять необходимые для перелета массы — его профессия. Другие профессионалы называют еще большие цифры. Но отбросим их мнения, они посторонние.

Не станем учитывать и того, что первоначальный проект предусматривал нагрузку всего в тридцать тонн. Наверное, тогда, в 1960 году, до рождения идеи у Вернера фон Брауна о полете человека на Луну, Королев об этом всерьез не задумывался.

Такое предположение опровергает та же «Красная звезда»: существует стенограмма доклада С. П. Королева в Академии наук СССР, сделанного в апреле 1956 года.

— Реальной задачей, — говорит Сергей Павлович, — является разработка полета ракеты на Луну и обратно от Луны. Эта задача наиболее просто решается при старте со спутника, но она решается и при старте с Земли. Несколько труднее обстоит дело с возвращением на Землю той аппаратуры, которая будет установлена на спутнике или на ракете, пущенной к Луне. Не надо только думать, что высказанные мною предположения являются очень далекими...

В конце 1957 года Королев выскажется более определенно: «Задача достижения Луны технически осуществима в настоящее время...» В начале 1958 года он изложил подробный план исследования Луны с перечнем технических проблем, которые должны быть при этом решены, и возможных вариантов их решения.

Правда, нигде не упоминается о полете человека. Так что тридцать тонн предназначались для чего-то другого. Пусть так...

Но в 1962 году речь шла о лунной экспедиции, а назывались девяносто тонн на орбите. Главный конструктор ошибся изначально, и эта ошибка повлекла за собой бесконечные переделки и в результате привела к катастрофе. Можно оправдать Королева — не доглядел. С кем не бывает? Это справедливо в отношении простого смертного. Главный конструктор же отличается от простого смертного тем, что обязан видеть на многие годы вперед, предвидеть развитие техники, устранять, обходить еще не возникшие преграды. К сожалению, Королев проглядел...

Как это принято у нас, было объявлено, что наша концепция освоения космоса не предусматривала высадки человека на Луну. Мы туда просто не собирались.

* * *

С переменой власти в 1964 году судьба крылатых ракет сложилась драматично. В армии это направление никто всерьез не поддерживал, его считали отцовской блажью. Постоянно оглядывающийся за океан Генеральный штаб считал их не заслуживающими внимания. В США тогда о подобных работах вслух подробно не распространялись.

Первым делом закрыли как неперспективную ракету, отслеживающую в полете рельеф местности. Напрасно на танкодроме в сентябре 1964 года Челомей крутил свою «шарманку». Ни на Брежнева, ни на Устинова, ни на Малиновского и Гречко она не произвела впечатления.

На флоте дело обстояло несколько иначе. Там и командование сложилось пограмотнее, да и не удавалось изобрести иного способа борьбы с надводными кораблями противника. Не на торпеды же одни уповать?

К тому же в иноземных флотах крылатые ракеты, не такие мощные, как наши, активно совершенствовались. Поэтому флотские крылатые ракеты не запретили, но и они попали в опалу. Верх взяли сторонники баллистики.

«Стодвадцатка», о которой я уже упоминал, к октябрю 1964-го подходила в хорошем темпе. В ближайшее время предполагалось начать летные испытания. После октября — как отрезало. Корпус, все остальное, что было подвластно нашим собственным рукам, продолжали штамповаться, вариться, клепаться, фрезероваться, но еще вчера столь любезные смежники нас просто перестали замечать. Если и удавалось пробиться к местному начальству, оно отделывалось общими словами, обещало разобраться и с облегчением выпроваживало назойливых просителей за дверь.

Срабатывали только личные связи. У меня за истекшее десятилетие сложились хорошие отношения с директором организации — разработчика системы управления Михаилом Павловичем Петелиным. Он

считал неловким отказать мне во встрече, в такой момент захлопнуть перед носом дверь. Я вываливал на его стол кучи проблем, он терпеливо выслушивал мои сетования, звонил в отделы, раздавал приказы. И все затихало до новой встречи. Так продолжалось несколько месяцев. В очередной мой приезд Михаил Павлович не стал вызывать исполнителей, поплотнее прикрыл дверь и объяснился начистоту.

— В нашем централизованном плановом хозяйстве каждой организации спускается заданий значительно больше, чем она может выполнить, — объяснял Петелин. — Главное — поручить! Это пошло от Сталина. Он считал, что завышенный план мобилизует. Не веря в людей, считая их ленивыми бездельниками, вождь заранее предрекал срыв любого задания. По его логике, недовыполнив перенапряженный план, все равно сделают побольше. Всякое плановое начало исчезло. Сам исполнитель решает, какое постановление Совета Министров ему выполнять, а какое отложить до лучших времен.

Сам понимаешь: еще вчера ваш заказ имел высший приоритет, а сегодня за него не то что убивать — бить не будут. Поэтому я его отложил в сторону, придет время — все выполним и без твоих напоминаний. А пока не дави на меня, все равно ничего не выдавишь.

Мне стало обидно до слез, но ничего другого не оставалось, как принять «добрый» совет. Я прекратил свои наезды. Изредка звонил по телефону и в ответ слышал малообнадеживающее: «Жди, время не пришло».

Время уходило безвозвратно. Ракета завтрашнего дня переходила в день вчерашний, не родившись, устаревала. Главный хозяин машины — ведущий конструктор, его назначили сюда после закрытия крылатой ракеты для сухопутных войск, тоже используя личные связи, пытался выколотить двигатель. Пороховых дел мастер Иван Иванович Картуков снабжал пороховиками всех: и самолетчиков, и ракетчиков. Свои стартовики он пек как блины и за каждый удостаивался ордена Ленина, меньше Главному конструктору дать было просто неудобно. Он прославился тем, что у него их накопилось более полутора десятков. Картуков по старой дружбе тепло принимал ведущего. Однако дело

и тут не двигалось. Иван Иванович объяснял задержку иначе: начальство недавно побывало на авиационном празднике во Франции и там наблюдало высший пилотаж. Всех поразил головокружительный каскад фигур, а еще более — шлейф цветных дымов, сохранявший контуры пируэтов.

— Не до тебя, — добродушно ворчал Иван Иванович, — к параду синий дым делаю. Важнейшее задание. Сейчас ваши дела не в моде, подождут.

И наши дела ждали. Ракета родилась, но с большим опозданием. Мы теряли завоеванные с таким трудом позиции, из авангарда мировой техники перемещались в арьергард. Так продолжалось до появления «Томагавка». Тут все спохватились и бросились догонять. Догоняем до сих пор.

* * *

Идеи отца о коренной реорганизации армии в прошедшие годы не поминались ни словом. Их даже не критиковали. Срочно наращивались мощности по выпуску самолетов, восстанавливалась авиация. На верфях возобновили строительство военных надводных кораблей: крейсеров, эсминцев. Подобрались и к авианосцам. Флоту становилось тесно в прибрежных морях, и он, по примеру заокеанских партнеров, устремился к иным берегам. Сначала в Средиземное море, а затем дальше. Во сколько миллиардов нам обошлась демонстрация флага, на который никто ни разу всерьез не обратил внимания? Теперь не скажет никто. В миллиарды? Десятки миллиардов? Сотни?

Танки стали считать десятками тысяч. Самолеты тоже. Ракеты — тысячами. О боеголовках я даже не вспоминаю. Их хватит на всех нас... Один умный человек, которому по долгу службы приходится заниматься планированием вооружений, как-то с горечью заметил: «Мы вооружаем армию так, как будто собираемся завтра воевать». И действительно, какой здравомыслящий человек может вообразить, зачем производится такое огромное количество вооружения, если его не намереваются вскоре пустить в ход. Подобное противоречит всякой логике. В том-то и штука, что не всякой. Искаженная логика ведомства, вышедшего из-под контроля, способна и не на такое.

* * *

Во второй половине восьмидесятых годов замкнулся еще один виток истории, мы снова занялись сокращением армии, задумались, зачем наплодили столько оружия. Начались разговоры о профессиональной армии, совсем как более чем четверть века тому назад.

Правда, тогда, в 1956 году, мы по указанию отца резали на лом новенькие крейсера, скрепя сердце уничтожали еще не родившийся авианосец. Взамен мы делали ракеты.

Сейчас мы, связав по три спина к спине, взрываем современнейшие ракеты и строим авианосцы, или, как их скромно называет адмирал Чернавин, авианесущие тяжелые крейсера.

Если правы те, кто утверждает, что развитие идет по спирали, то впереди нас ожидает новый виток.

Что принесет он?

Август 1989 — июнь 1991
Москва — Кембридж
(Массачусетс) — Москва.

СОДЕРЖАНИЕ

■ международный журнал «Твой стиль»;

■ книги по российской истории («Жизнь императоров и их фаворитов», «Российские государи: их происхождение, интимная жизнь и политика», «Россия XVII—XIX веков глазами иностранцев»);

■ книги по экономике (П. Вейл «Искусство менеджмента», Р. Роудз «Год из жизни американского фермера»);

■ книги М. Булгакова, Л. Толстого, Жана-Поля Сартра, А. и С. Голон, М. Алданова, С. Черного, В. Гавела, Ж. Желева, А. Яковлева, Ю. Власова, А. Караулова, В. Костикова, В. Новодворской, А. Ваксберга;

■ а также другие книги по истории, экономике, политике, философии, альбомы, путеводители, календари, справочные издания и детские книжки на русском и иностранных языках.

Серия
«МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР»

В этой серии ВПЕРВЫЕ на русском языке публикуются лучшие и наиболее читаемые сегодня в мире книги. Они изданы многомиллионными тиражами в десятках стран, положены в основу сценариев многих фильмов.

В отличие от абсолютного большинства выходящих у нас в стране книг фантастического, авантюрного и детективного жанров романы серии «Мировой бестселлер» — это «сливки» СОВРЕМЕННОЙ беллетристики. Образ жизни и нравы западного бомонда, крутые интриги, деятельность суперагентов спецслужб, эротика, леденящие кровь ужасы, неизменный динамизм повествования романов серии без сомнения увлекут ищущего острых ощущений читателя.

— Читайте в серии «Мировой бестселлер» —

Джон ГРИШЭМ,

автор четырех блистательных романов, многие месяцы занимающих верхние строчки в списке американских бестселлеров.

Юрист по образованию, Джон Гришэм мастерски строит свои остросюжетные произведения, профессионально проникая в мотивы и показывая ход расследования изощренных преступлений, в том числе и связанных с американским юридическим бизнесом.

В серии «Мировой бестселлер» Вы можете познакомиться со всеми четырьмя книгами этого автора:

«Фирма»
«Дело о пеликанах»
«Пора убивать»
«Клиент»

— *Читайте в серии «Мировой бестселлер»*

Сидни ШЕЛДОН,

один из популярнейших современных писателей Америки, чьи произведения переведены на 56 языков и стали бестселлерами более чем в 100 странах. он лауреат многих престижных национальных и международных премий. Журнал «Нью-йоркер» называет его самым богатым писателем США.

В 1994 году готовится к выходу собрание сочинений Сидни ШЕЛДОНА в одиннадцати томах (переплет, золотое тиснение):

«Если наступит завтра»
«Интриганка»
«Пески времени»
«Полночные воспоминания»
«Узы крови»
«Незнакомец в зеркале»
«Оборотная сторона полуночи»
«Мельницы богов»
«Гнев ангелов»
«Конец света»
«Звезды сияют с небес»

— Читайте в серии «Мировой бестселлер» —

Дин КУНЦ,

автор десятков увлекательнейших романов-триллеров, переведенных на 31 язык, ставших бестселлерами во многих странах и изданных общим тиражом более 100 миллионов экземпляров.

Феномен успеха Кунца в том, что он синтезировал фактически новый жанр, сочетающий классические атрибуты крутого романа ужасов и глубочайший психологизм, тонкое проникновение в нравственные, эмоциональные сферы бытия и сознания. Романы писателя блещут утонченной образностью языка, изящным юмором, масштабной драматургией и жизнеутверждающей силой, что создает странный, неожиданный и парадоксальный эффект эстетики ужасного.

В серию «Мировой бестселлер» вошли следующие произведения Дина КУНЦА:

«Ангелы-хранители»
«Дом грома»
«Логово»
«Маска»
«Молния»
«Нехорошее место»
«Полночь»
«Незнакомцы»
«Фантомы»
«Холодный огонь»
«Слезы дракона»
«Сошествие тьмы»
«Затененные огни»

— Читайте в серии «Мировой бестселлер» —

Джекки КОЛЛИНЗ,

популярнейшая американская писательница, автор двух десятков нашумевших бестселлеров, посвященных жизни актеров, продюсеров, рок-звезд, заправил шоу-бизнеса, чьи судьбы порой оказываются связанными с организованной преступностью, торговлей наркотиками, проституцией.

В серии «Мировой бестселлер» Издательство «Новости» предлагает самые известные книги Джекки КОЛЛИНЗ — трилогию о жизни дочери американской мафии очаровательной и предприимчивой Лаки Санданджело:

«Шансы»
«Лаки»
«Леди-босс»

Хрущев С. Н.
95 Никита Хрущев: кризисы и ракеты. — В двух томах. — М.: Изд-во «Новости», 1994. — 544 с.
ISBN 5—7020—0542—2

В книге раскрываются события мировой политики в период 1953—1964 годов. Это было время, когда слово «кризис» стало привычным в газетных статьях — Карибский, Суэцкий, Берлинский, а слово «ракета» произносилось с ужасом, ибо любой из кризисов мог привести к ядерной войне.

И все же этого не случилось...

Советский Союз в те годы возглавлял Никита Хрущев — личность, безусловно, неординарная, но во многом противоречивая. Его внешнеполитический курс, встречи и беседы с мировыми лидерами и легли в основу книги его сына — Сергея Хрущева.

08020000000 / 067(02)—94 **Без объявл.** **ББК 66.4 (2)**

Сергей Никитович Хрущев

НИКИТА ХРУЩЕВ: КРИЗИСЫ И РАКЕТЫ

В двух томах

Том 2

Заведующий редакцией *Л. Д. Соболев*
Редактор *О. И. Жилина*
Художественный редактор *Г. А. Карасева*
Технический редактор *Н. М. Ладик*
Корректоры *В. К. Павлова, Н. П. Сидорина*
Технолог *В. И. Руденко*

ИБ 10609

ЛР № 020796 от 20 июля 1993 г.

Сдано в набор 21.05 92. Подписано в печать 26.10.92.
Формат издания 84x108/32 Гарнитура Таймс. Печать офсет.
Усл. печ. л. 29,40. Уч.-изд. л. 30,51. Тираж 15 000 экз.
Заказ № 965. Изд № 8912.

Издательство «Новости»
107082, Москва. Б. Почтовая ул., 7.

Типография «Новости»
107005, Москва. ул. Ф Энгельса, 46.



Если в международных делах я был свидетелем лишь некоторых, пусть крайне интересных эпизодов, то в становлении наших ударных ракет я принимал прямое участие. Десять лет мне довелось проработать в одном из конструкторских бюро.
В отличие от политических решений происходившее там представало передо мной в двух ракурсах: сверху, как бы глазами отца, и снизу — собственным взором.
Надеюсь, что мой рассказ окажется полезным историкам, изучающим те неспокойные годы, и просто любознательным читателям, интересующимся, почему мы еще живем на этой Земле.

Сергей ХРУЩЕВ

